

ГЕРГАРТЪ
ГАУПТМАНЪ.

Бернард Хантсман

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908

Артистическое заведение Г-на А. Ф. МАРКСЪ, Никольск. пр., № 29.

Гергартъ Гауптманъ.

Этюдъ.

Всесторонняя и справедливая оцѣнка рѣдко выпадаетъ на долю живого писателя, но еще рѣже бывастъ, когда вокругъ него шумитъ ожесточенный споръ, и одинъ изъ его современниковъ видятъ въ немъ генія первой силы, а другіе стремятся доказать, что онъ явленіе почти-что ординарное.

Такой странный расколъ во мнѣніяхъ указываетъ на то, что писатель сумѣлъ прикоснуться къ самому больному мѣсту современной ему жизни, что онъ задѣлъ въ сердцахъ и умахъ своихъ современниковъ вопросы и настроенія, наиболѣе жгучіе, наболѣвшіе, способные разжечь, раскалить человѣка до крайностей въ спорѣ.

Такіе споры ведутся вотъ уже около двадцати лѣтъ при появленіи каждаго новаго произведенія Гергарта Гауптмана.

Есть вопросы, при рѣшеніи которыхъ хладнокровіе является признакомъ извѣстнаго моральнаго дефекта; въ особенности, если эти вопросы освѣщены не съ общихъ точекъ зрѣнія, а рассмотрѣны подъ угломъ зрѣнія современной минуты. Гауптманъ всегда вращается въ сферѣ этихъ мучительныхъ сложныхъ нравственныхъ проблемъ и почти всегда онъ рѣшаетъ ихъ на нашихъ глазахъ, на примѣрахъ, которые какъ сама жизнь правдивы, выпуклы и близки нашему сердцу. Воплощъ понятно, что цѣлая битва мнѣній закипаетъ вокругъ каждаго его произведенія, но непонятнымъ или во всякомъ случаѣ страннымъ остается колебаніе этихъ мнѣній, по которому видно, что для однихъ судей нашъ драматургъ—соперникъ или наследникъ Шекспира и Гёте, для другихъ—просто талантливый писатель, какихъ немало.

Всякая оцѣнка степени таланта писателя всегда грозитъ быть оченъ субъективной. Воздержимся поэтому отъ всякихъ сравненій Гауптмана съ художниками большей или меньшей силы; воздержимся

отъ возведенія его въ санъ міровыхъ талантовъ или только національныхъ, въ званіе писателей перваго ранга или второго. Остановимся на его исторической роли какъ художника, на связи его творчества съ основными этико-философскими вопросами нашего времени.

Но надо все-таки хоть въ нѣсколькихъ словахъ вспомнить о чловѣкѣ.

I.

Внѣшнія событія жизни поэта складываются въ довольно простой и мало занимательный разсказъ. Гергартъ Гауптманъ родился въ Силезіи, въ 1862 году, въ крестьянской семьѣ, но относительно богатой. Образованіе онъ получилъ разностороннее и одно время мечталъ стать скульпторомъ. Въ юные годы для пополненія своего артистическаго образованія ѣздилъ онъ въ Италію и долго жилъ тамъ; плодомъ этой молодой и вольной жизни художника на родинѣ всѣхъ искусствъ была однако не статуя или картина, а поэма въ довольно старомъ разочарованномъ тонѣ. Построена была эта поэма на философской мысли о жалкой участи всѣхъ людей, которые чувствуютъ въ себѣ великія титаническія силы, сознають себя дѣтьми Прометея, но именно только дѣтьми, безсильными въ борьбѣ съ исполинской задачей. Поэма, очевидно, отражала тягостное чувство неправильно избранной дороги, и Гауптманъ—который помимо артистическаго образованія успѣлъ на университетской скамьѣ собрать хорошія запасы знаній философскихъ и естественно-историческихъ,—отъ мысли стать ваятелемъ и живописцемъ отказался.

Постановка въ 1889 году его первой драмы рѣшила его участь какъ писателя. Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло отдался творческой работѣ драматурга. Почти каждый годъ выступалъ онъ съ новой пьесой: росъ его успѣхъ, но росли также и его враги. Жизнь его стала жизнью писателя, принужденнаго отстаивать занятый постъ. Художникъ сильный, онъ вотъ уже двадцать лѣтъ борется съ перипетическимъ успѣхомъ за тѣ лавры, которые въ такой промежутокъ времени обыкновенно либо навсегда остаются за писателемъ, либо совсѣмъ ему не даются.

II.

Гауптманъ принадлежитъ къ числу писателей разностороннихъ, которые любятъ перемѣну тона и настроенія въ своихъ произведеніяхъ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о широтѣ его таланта, но нѣсколько затрудняетъ общую оцѣнку его какъ писателя.

Если сбросить со счетовъ его юношескую поэму, написанную имъ въ Италіи, и двѣ маленькихъ повѣсти (единственное, что остав-

писалъ въ этомъ родѣ), то Гауптмана можно и должно судить исключительно какъ драматурга. И вотъ, какъ драматургъ онъ выступалъ попеременно въ трехъ разныхъ роляхъ и совсѣмъ не съ одинаковымъ успѣхомъ.

Гауптмана мы знаемъ какъ автора драмъ и комедій. И кромѣ того, въ своихъ драмахъ, онъ попеременно то реалистъ, то символистъ. Это смѣшеніе стилей и точекъ зрѣнія на жизнь тѣмъ страннѣе, что оно очень калпривно. Комедіи и драмы, символическія и бытовые, въ серіи пьесъ Гауптмана слѣдуютъ одна за другой безъ всякаго порядка, безъ всякой хронологической послѣдовательности, и кажется, что авторъ всецѣло отдается налетѣвшимъ на него настроеніямъ. Какъ будто не увѣренный въ своихъ силахъ, онъ, спустя двадцать лѣтъ литературной дѣятельности, все еще задаетъ себѣ вопросъ — какимъ путемъ идти? И идетъ онъ одновременно по разнымъ путямъ.

Въ особенности комедіи Гауптмана дробятъ общее впечатлѣніе. Очень рѣдки случаи, когда комическая и трагическая сторона нашей жизни бываетъ одному и тому же художнику ясна и видна съ одинаковой отчетливостью. Въ исторіи всеобщей литературы нѣтъ примѣровъ такой разносторонней способности художника-драматурга. Со временъ Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана художники-драматурги подѣлили между собой комическія и трагическія полосы нашей жизни, и комедіи Гёте и Шиллера нами основательно забыты. Есть, конечно, исключенія, которые мы найдемъ, напр., въ театрѣ Лопе де-Вега и Шекспира, гдѣ, повидимому, комическое и трагическое такъ искусно и естественно переплетается, но все же никто не рѣшится сказать, что Шекспиръ-трагикъ равенъ по силѣ Шекспиру-коміку. Мы отдаемъ должное великому трагику, говоря, что ему не былъ чуждъ комическій смыслъ нашей жизни, но объ этомъ смыслѣ мы все-таки думаемъ мало, когда произносимъ его имя...

Съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ утвердился особый родъ драматическаго творчества, который носитъ неопредѣленное названіе «драмы» въ отличіе отъ комедіи и трагедіи, родъ, въ которомъ комическое и трагическое, какъ въ самой жизни, смѣшивается и сливается, это рѣзкое противопоставленіе писателя-трагика и комика стало сглаживаться. За послѣднее время (приблизительно со середины XIX вѣка, со времени рѣшительной побѣды реализма въ искусствѣ) у насъ совершенно исчезли съ литературнаго горизонта и чистые комики и чистые трагики, и мѣсто ихъ заступили творцы «драмъ», «пьесъ», «драматическихъ картинъ» — въ которыхъ комическое и трагическое слито воедино.

Гергартъ Гауптманъ, если вѣрить тѣмъ общимъ заглавіямъ,

которые онъ даетъ своимъ пьесамъ, причисляетъ себя именно къ такимъ «драматургамъ».

И все-таки, если бы изъ числа современныхъ драматическихъ писателей пришлось указать такого, который всего ближе подходитъ къ установившемуся нашему представлению о трагикѣ, то назвать нужно именно Гауптмана. Въ немъ чувствуется прирожденный трагикъ, который достигаетъ наибольшей смѣлости и силы въ полетѣ своей фантазій, именно когда приближается къ этому трагическому полюсу жизни. Живи онъ въ иное время, не въ нашъ вѣкъ торжествующаго реализма, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ бы трагикомъ самого чистаго стиля. По крайней мѣрѣ всѣ задатки къ тому въ его творчествѣ имѣются, и эти-то задатки принимаются иногда критиками за прегрѣшеніе противъ реальной правды, за умышленное исканіе драматическихъ «эффектовъ», за перенапряжение чувствъ и наконецъ за совершенно непроницаемый, туманный символизмъ, который свидѣтельствуешь будто бы о слабости таланта...

И вотъ тотъ писатель, который самой природой предрасположенъ къ наиболѣе чуткому воспріятію трагической стороны нашей жизни — неоднократно стремится намекнуть намъ, что и комическая ея сторона находитъ въ немъ цѣнителя и умѣлаго истолкователя.

Нельзя сказать, чтобы эти опыты въ комическомъ родѣ свидѣтельствовали о силѣ Гауптмана какъ художника. Правда, критика встрѣтила двѣ его первыхъ комедіи съ одобреніемъ, но это потому, что она не примѣняла къ нимъ особенно высокой мѣрки. И дѣйствительно, «Крампонтъ» (1892) и «Бобровая шуба» (1893) принадлежатъ къ числу обыденныхъ, «удачныхъ» комедій. Исторія промотавшагося художника, которая разсказана въ «Крампонтѣ», эта веселая и имѣетъ съ тѣмъ трогательная исторія объ его дочери и его любимомъ ученикѣ, которымъ въ концѣ концовъ удастся вырвать сумбуристаго старика изъ обстановки, которая должна неминуемо погубить его талантъ—полна многихъ трогательныхъ и комическихъ положеній. Сама по себѣ тема—а именно борьба талантливой натуры художника съ мелкими страстями человѣка—могла бы дать богатый матеріалъ для настоящей драмы, но Гауптманъ предпочелъ отнестись къ этому драматическому положенію съ насмѣшливой нѣжностью, съ проницательностью и чувствительностью, и создалъ дѣйствительно легкую комедію въ хорошемъ стилѣ. Еще болѣе «легка», но несравненно болѣе ядовита его вторая комедія: «Бобровая шуба» — довольно злая сатира на чиповниковъ и мастерская характеристика проницательной обманщицы. Комедія весела, и въ ней очень много тонкихъ бытовыхъ чертъ изъ прогонародной

жизни, въ средѣ которой вся эта смѣшная исторія разыгрывается. Гауптману, очевидно, понравился такой сюжетъ и такая манера его разработки, потому что, лѣтъ восемь спустя послѣ представленія этой пьесы, онъ почему-то вдругъ вернулся къ сходной темѣ и повторилъ въ своемъ «Красномъ лѣтукѣ» (1901) всѣ эти комические приемы мастерства. Новаго онъ ничего не далъ, и пьеса успѣха не имѣла, какъ всякое повтореніе. «Бобровая шуба» въ техническомъ отношеніи осталась все-таки лучшей комедіей Гауптмана. Попробовалъ онъ свои силы и въ игривой шутовской буффонадѣ. Именно къ этому роду веселыхъ зрѣлищъ должна быть отнесена его пьеса: «Шлукъ и Ю» (1900). Движенія въ ней много, народный жаргонъ какъ всегда живъ и полонъ юмора, но исключительность и необычность комическихъ положеній двухъ пьяныхъ геросовъ, которыхъ мистифицируютъ, лишаютъ эту пьесу того живого интереса, который способенъ возбудить въ насъ настоящая комедія. Настоящей, жизненной комедіей нельзя назвать и послѣднюю пьесу Гауптмана: «Дѣвы изъ Бишофсберга» (1907), которая стоитъ какъ бы посрединѣ между буффонадой и комедіей характеровъ. Она очень растянута, и содержаніе ея не даетъ матеріала для пяти актовъ, да и выведенные характеры новизной не блещутъ.

Упорное возвращеніе Гауптмана къ комедіи и шуткѣ въ драматической формѣ представляетъ собой нѣкоторую загадку. И большой талантъ можетъ, конечно, оступиться, но первая же неудача или средній успѣхъ заставляютъ его взвѣсить свои силы. Творчество Гауптмана, какъ комическаго писателя, не только не обнаруживаетъ какого-нибудь движенія впередъ, усовершенствованія въ описаніи характеровъ и положеній, а, наоборотъ, оно показываетъ, что самая сущность комическаго взгляда на жизнь чужда основамъ его міросозерцанія. Только та комедія имѣетъ глубокий смыслъ, которая въ конечномъ своемъ выводѣ заставляетъ людей задуматься надъ серьезностью задачи жизни и въ-за дѣлаго ряда смѣшныхъ лицъ и положеній покажетъ намъ серьезный ликъ самой жизни, надъ которой мы смѣемся. До такого серьезнаго комизма Гауптманъ никогда не возвышался. По его первой комедіи, по «Крамптонъ», можно было еще думать, что онъ начнетъ углублять свой комизмъ, такъ какъ въ «Крамптонѣ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появлялся естественный пафосъ, указывавшій на то, что можно было и серьезно отнестись къ сюжету, къ которому драматургъ отнесся съ иронической смѣшливостью. Но дальнѣйшія комедіи Гауптмана показываютъ ясно, что онъ сталъ не повышаться въ своемъ комизмѣ, а отъ комедіи пошелъ къ легкой шуткѣ вплоть до фарса. «Бобровая шуба» еще взяла своей техникой, а «Шлукъ» и «Дѣвы» и въ этомъ отношеніи отъ нея отстали.

Не надо быть, конечно, излишне строгимъ; комедія Гауптмана не хуже многихъ комедій, стяжавшихъ даже извѣстность на подмосткахъ. Но для характеристики Гауптмана какъ драматурга и писателя онѣ даютъ очень мало, или, вѣрнѣе, ничего не даютъ. Тотъ, кто желалъ бы сохранить цѣльность представленія о Гауптманѣ, могъ бы совсѣмъ съ ними не знакомиться или, выдѣливъ ихъ въ особую группу, заинтересоваться ими какъ капризомъ большого художника, какъ отдыхомъ, который онъ себѣ позволялъ.

III.

Комедія Гауптмана, дѣйствительно, производятъ впечатлѣніе пьесъ, на которыхъ отдыхала фантазія автора — такъ она уставала и такъ была измучена тѣми темами съ трагическимъ содержаніемъ, надъ обработкой которыхъ она упорно трудилась.

Гауптманъ стоитъ въ первомъ ряду современныхъ писателей, которымъ доступна вся глубина трагического смысла переживаемой нами минуты.

Въ способѣ изображенія трагического въ жизни онъ одинаково силенъ и какъ строгій реалистъ и какъ мыслитель, который стремится символизировать явленія и типы.

Сопоставляя тѣ изъ пьесъ Гауптмана, въ которыхъ онъ касается трагического смысла жизни, мы видимъ, что оба эти пріема, и чисто-реальный и символическій, чередуются очень капризно. Нашъ трагикъ попережку то наблюдаетъ какой-нибудь частный фактъ, то обобщаетъ смыслъ явленій, покрывая ихъ символическимъ покровомъ.

Присмотримся къ тѣмъ пьесамъ, которыя взяты прямо изъ жизни, набросаны художникомъ, можетъ-быть, даже безъ опредѣленнаго плана для всей его творческой работы. Замѣтимъ прежде всего, что мы—читатели—грѣшимъ иногда одной склонностью, которая сильно вліяетъ на наше общее сужденіе о творчествѣ писателя. Мы хотимъ непременно, чтобы всѣ произведенія художника составляли нѣчто цѣлое, чтобы всѣ они были связаны одной общей мыслью, или по крайности имѣли извѣстную идейную связь между собой. А между тѣмъ нерѣдко случается, что художникъ позволяетъ себѣ на время забыть о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые его какъ писателя и поэта по преимуществу волнуютъ, и пишетъ произведеніе, въ полномъ смыслѣ слова свободное.

Несомнѣнно, что есть основныя философскіе, или, вѣрнѣе, этические вопросы современной намъ жизни, которыми Гауптманъ преимущественно интересовался. Но искать ихъ во всѣхъ его драмахъ было бы ошибкой. Есть у него пьесы, вполне самостоятельныя по идее—трагическія положенія, поразившія художника своей без-

попадной суровостью или жестокой красотой. Эти положения Гауптманъ выхватить изъ жизни, обработать, и такой этюдъ удавался ему не хуже, чѣмъ созданіе задуманное, выношенное, которому онъ, очевидно, придавалъ большее значеніе, чѣмъ случайной работѣ.

Такіе свободные этюды цѣнны каждый порознь, и хронологическая послѣдовательность, въ какой они написаны, не играетъ никакой роли въ ихъ оцѣнкѣ. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ раннихъ такихъ пьесъ—«Праздникъ мира» (1890); тѣ критики, которые говорили, что въ этой драмѣ сфотографированъ простой случай, были, пожалуй, правы. Случай, рассказанный въ этой драмѣ, къ счастью, принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ, изъ ряда вонъ выходящихъ, но тѣмъ не менѣе этотъ случай глубоко трагическій. Настоящій трагикъ, изображая его, имѣетъ возможность подчеркнуть одно изъ общихъ, всей нашей жизни присущихъ трагическихъ противопоставленій свободной воли человека съ роковой неизбѣжностью унаслѣдованнаго и воспитаніемъ созданнаго характера. Развалившаяся въ своихъ нравственныхъ основахъ семья, полоумный отецъ, озлобленная до ненависти сестра, братъ-циникъ, и среди нихъ молодой человекъ, который готовъ начать новую жизнь съ любимой имъ дѣвушкой и не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что, какъ членъ этой развалившейся семьи, онъ не дастъ своей невѣстѣ ничего, кромѣ несчастія—развѣ это такой ординарный случай, который для психолога, драматурга и для зрителя можетъ пройти незамѣченнымъ и неощущеннымъ? Трагизмъ положенія усугубляется еще тѣмъ, что пьеса есть, собственно, лишь введеніе къ настоящей трагедіи, которая должна вернуться въ семьѣ молодого человека, вступающаго въ новую жизнь, но безсильнаго побороть тѣ злыя начала своей психической организаціи, которыми надѣлила его и природа и семейная обстановка.

Семейными исторіями можно назвать также и двѣ другія драмы Гауптмана, тоже эпизодическаго характера въ его творчествѣ, а именно «Возчика Геншеля» (1898) и «Розу Берндтъ» (1903). Если про «Праздникъ мира» можно было сказать, что въ этой пьесѣ взятъ случай слишкомъ необычный, то эти двѣ пьесы грѣшатъ обратнымъ: сюжетъ, въ нихъ обработанный, слишкомъ часто попадаетъ намъ на глаза въ жизни разныхъ людей и въ самыхъ различныхъ обстановкахъ. Дѣйствительно, человекъ какъ Геншель, привыкшій къ извѣстному семейному укладу и женившійся послѣ смерти жены уже пожилымъ человекомъ на разбитной дѣвушкѣ и въ концѣ концовъ повѣсившійся — развѣ эта драма не ординарна въ ея безчисленныхъ варіаціяхъ, съ концомъ столь же ужаснымъ

или менѣе печальнымъ? Такъ же обыденна и трагедія молодой Берндтъ, которая кончила дѣтубійствомъ. Положимъ, не всегда такой конецъ слѣдуетъ за разочарованіемъ, которое такъ часто переживаетъ дѣвушка, но аналогичная душевная драма встрѣчается нерѣдко. Однако трагикъ можетъ показать на такихъ темахъ если не оригинальность своего замысла и особенно сложную психологическую мотивировку, то просто свою пластику какъ драматурга. И всякій, кто читалъ эти драмы Гауптмана или видѣлъ ихъ со сцены, долженъ признать, что какъ пьесы, со стороны ихъ технического выполненія, онѣ — шедевры. Рампа въ нихъ маскирована такъ, какъ, пожалуй, ни въ одной изъ пьесъ нашего автора. А большаго, вѣроятно, онъ самъ отъ нихъ не требовалъ.

Къ числу драмъ этого же типа, т.-е. этюдовъ съ натуры, въ которыхъ не заключено широкой, философской обобщающей мысли и которые не претендуютъ на рѣшеніе запутанныхъ проблемъ жизни, можно отнести и столь прославленную пьесу «Ткачи» (1893).

Это была четвертая по счету пьеса Гауптмана и первая, которая создала ему настоящую широкую литературную славу. Можно было предположить, что молодой писатель и въ дальнѣйшей своей работѣ пойдетъ по тому направленію, которое такъ рѣзко было намѣчено въ этомъ столь нашумѣвшемъ произведеніи. Драма была, впрочемъ, выдержана въ строжайшемъ реальномъ стилѣ, безъ какой-либо попытки обобщенія типовъ; во-вторыхъ, она была насыщена социальной тенденціей. Ошибочно было бы предполагать, что именно эта тенденція создала славу пьесы. Несомнѣнно, что острота рабочего вопроса направила общественное вниманіе на эту драму. Но одно дѣло — привлечь вниманіе, а другое — овладѣть имъ, а «Ткачи» овладѣли зрителемъ, какъ ни одна изъ драмъ Гауптмана. Но опять-таки, если мы начнемъ разбираться въ вопросѣ, что именно въ этой драмѣ дало ей такую власть надъ зрителемъ, то мы убѣдимся, что вся сила драмы не въ оригинальной постановкѣ вопроса, не въ его рѣшеніи, конечно (которое себѣ истинный реалистъ и не могъ позволить), а снова и, пожалуй, единственно въ вѣрномъ и точномъ воспроизведеніи жизни и въ упраздненіи рампъ. Иллюзія доведена до высочайшей степени, и достигнуто это тѣмъ, что сцена заполнена не типами, а простыми людьми, самыми простыми и совсѣмъ не яркими, т.-е. такими, какіе обыкновенно дѣйствуютъ въ жизни. Имѣй Гауптманъ въ виду приковать наше вниманіе къ самому рабочему вопросу и заставить насъ задуматься надъ нимъ, онъ, конечно, усложнилъ бы психологию дѣйствующихъ лицъ своей драмы. Въдѣ вся трудность, вся философія рабочего вопроса заключается не въ одной только эксплуатациіи нищущаго имущимъ и не въ отсутствіи жалости и любви у силь-

наго. Если уже брать рабочій вопросъ предметомъ обработки для трагедіи, то надо подчеркнуть то роковое, то фатальное, что заключено въ современныхъ социальныхъ условіяхъ жизни. Обѣ борющіяся силы, и сила господствующая и сила подчиненная, должны быть представлены въ наибольшей полнотѣ и наиполномъ идейномъ и матеріальномъ вооруженіи, которое соответствуетъ тому значенію, какое капиталъ и трудъ имѣютъ въ дѣйствительности. Гауптманъ въ этой философіи вопроса не хотѣлъ разбираться и взялъ очень несложное противопоставленіе голодной, обнищавшей, доведенной до отчаянія массы и ея хозяевъ, въ которыхъ страсть къ наживѣ заглушила всѣ человѣческія чувства. Столкновеніе этихъ двухъ силъ, и притомъ столкновеніе чисто-физическое, наполняетъ собой всѣ акты драмы и разрѣшается въ послѣднемъ актѣ вмѣшательствомъ третьей физической силы, которая ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ, никакого отвѣта на вопросъ не даетъ, а только машинально останавливаетъ дѣйствіе.

Общегуманный этический смыслъ трагической картины былъ Гауптману, новидимому, дороже, чѣмъ та социальная тенденція, которую онъ такъ подчеркнул въ своемъ произведеніи. На это соображеніе наводитъ насъ судьба этой социальной тенденціи въ послѣдующихъ созданіяхъ писателя. Будь эта тенденція сильна въ Гауптманѣ, имѣй онъ въ виду въ своей драмѣ протестъ и оборону извѣстной политико-соціальной идеи, онъ, конечно, не удовольствовался бы ея единичнымъ и однократной защитой въ «Ткачахъ». Писатель съ настоящимъ политическимъ темпераментомъ, будь онъ даже очень крупный художникъ, не могъ бы удовлетвориться однимъ примѣромъ для поясненія своей проповѣди и, конечно, въ другихъ своихъ драмахъ не скрылъ бы своей тенденціи. У Гауптмана «Ткачи» единственная драма съ политической окраской, но и въ ней эта сторона вопроса отодвинута на второй планъ, а на первый выдвинута сторона этическая. Пьеса эта въ сущности — картина нравовъ, и вся сила ея въ художественномъ реализмѣ, доведенномъ до высшей степени художественной правды. Зритель придавленъ зрѣлищемъ и въ полной власти писателя, который сумѣлъ его переселить въ обстановку жизни совершенно для него новую и заставилъ перестрадать (въ самомъ точномъ и прямомъ смыслѣ этого слова) все, что на сценѣ происходитъ. «Ткачей» иногда сравнивали съ «Жерминалемъ» Зола, но между этими произведеніями искусства различія все-таки больше, чѣмъ сходства. «Жерминаль» тенденціозно-скомпонованная грандіозная картина, которая входитъ отдѣльной частью въ цѣлую серію историческихъ картинъ, поясняющихъ основную историко-соціальную мысль автора. Зола — социологъ, защитникъ и иллюстраторъ извѣстной теоріи. Гауптманъ

въ «Ткачахъ» — художникъ-наблюдатель, не скрывающій, конечно, своихъ симпатій къ одной части дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ, но очень мало заботящійся о какихъ бы то ни было теоріяхъ. Во всей всемірной литературѣ «Ткачамъ» трудно найти параллель. Бывали эпическія народныя поэмы, въ которыхъ развертывалось героическое преданіе, бывали трагедіи, въ которыхъ авторъ освящалъ народные идеалы, религіозные и нравственные, бывали героическія поэмы въ лицахъ, какъ, напр., «Вильгельмъ Телль» Шиллера — но до появленія «Ткачей» мы не имѣли настоящаго бытового героическаго жанра на сценѣ — жанра безъ малѣйшей идеализаціи въ сторону добра или зла, красоты или безобразія. Эта пьеса сохранить имя автора въ потомствѣ, хотя она меньше, чѣмъ другія его произведенія, даетъ матеріала для характеристики его собственнаго міросозерцанія.

IV.

Когда переходимъ къ установленію главныхъ основъ міропониманія Гауптмана и къ тѣмъ вопросамъ общаго характера, которые всего чаще тревожатъ его душу, то прежде всего сталкиваемся съ однимъ соображеніемъ, которое грозитъ каждый выводъ обратить въ простое предположеніе. Сказалъ ли Гауптманъ все, что имѣлъ сказать, достигъ ли онъ своего зенита какъ писатель? Хочется вѣрить, что нѣтъ, и, судя по тому смѣшенію стилей, какое царствуетъ въ его пьесахъ, по разнообразію тоновъ и ключей, въ какихъ они писаны, можно думать, что намъ еще долго ждать его послѣдняго слова.

Но и въ томъ, что онъ успѣлъ сказать, намѣчаются нѣкоторые красугольные вопросы нашей жизни, трагически освѣщенные художникомъ.

Особенно рельефно отмѣчена художникомъ вѣчно трагичная идея о неизбѣжномъ, непримиримомъ столкновеніи личности со средой, которой она предъявляетъ новыя, какъ она убѣждена, законныя требованія. Личность эта можетъ быть очень сильной или просто возвышающейся надъ общимъ ординаромъ, но она осуждена на борьбу, которая почти всегда приводитъ къ трагическому исходу.

Идея далеко не новая. Съ тѣхъ поръ какъ міръ себя помнить, онъ думалъ надъ этой печальной проблемой, и герой въ борьбѣ съ враждебной ему сверхъестественной силой или темной земной силой, его обступившей, былъ издавна любимымъ трагическимъ образомъ, который въ безчисленныхъ варіаціяхъ воспроизводило искусство. Столкновение античнаго героя со слѣпой судьбой, вызовъ, брошенный титанами верховному богу, покорность предопредѣленію, которую обнаруживалъ сильный человѣкъ послѣ безплоднаго ропота

на Бога, наконецъ всевозможные виды страданія героя въ его дружескихъ или недружескихъ столкновеніяхъ съ толпой, во главѣ которой онъ поставленъ или долженъ стать—все это разные моменты единой трагедіи, въ которой дѣйствующими лицами являются сильный умъ, сильная воля, сильное чувство человѣка и всѣ тѣ призраки или живые люди, которые становятся на пути развитія этой силы.

Внесло ли наше время что-нибудь новое въ постановку или въ рѣшеніе этого стараго вопроса?

Вопросъ, конечно, не потерять своей остроты; можно сказать даже съ увѣренностью, что трагизмъ его сталъ глубже. Отъ всякихъ мыслей взыаливать на таинственную слѣпую судьбу наши собственные просчеты и несчастія мы отказались, хотя ощущеніе нашей зависимости отъ какой-то надъ нами поставленной силы отъ этого не стало меньше; успокаиваться въ молчаливомъ признаніи вслѣдствіи предопредѣленія мы также перестали, хотя по-прежнему понятіе о Богѣ возбуждаетъ въ насъ надежду на конечное торжество того, что подсказываетъ намъ наша любовь и чувство справедливости. Противорѣчіе между сѣрой толпой и поставленной среди нея для ея блага сильной личностью осталось все то же и ощущается, пожалуй, еще больнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ представленіи человѣкъ выросъ, и вся отвѣтственность за его помыслы, чувства и дѣянія стала падать на него единолично. Культъ разума, человѣческаго, одержавшаго столько блестящихъ побѣдъ въ послѣднее время, не далъ намъ того утѣшенія, на которое мы могли бы рассчитывать: онъ только заставлялъ насъ болѣзненно относиться ко всѣмъ несовершенствамъ нашей земной жизни. Всяческое оправданіе добра, которое намъ за послѣднее столѣтіе давала и свободная религія, и философія, и наука—при всей своей теоретической глубинѣ тоже не дало утѣшенія. Чѣмъ больше насъ хотѣли увѣрить, что мы по естеству нашему къ добру склонны и даже вопреки нашей злой волѣ идемъ къ осуществленію его завѣтовъ,—тѣмъ трагичнѣе становился нашъ взглядъ на социальные неурядицы, которыя происходили и происходятъ именно отъ недостатка въ насъ естественной склонности къ добру. Наконецъ и наука, во всѣхъ ся развѣтвленіяхъ, отъ науки естественно-исторической до политической и экономической, наука, подарившая насъ истинами или теоріями, претендующими на истинность, которыми многія жестокости нашей жизни были какъ бы оправданы—заставляла насъ задуматься надъ трагической судьбой тѣхъ, кто силенъ и чутокъ, и желалъ бы въ самихъ законахъ природы вычитать нравственную тенденцію и найти въ нихъ оправданіе добра. Какіе бы успѣхи наша цивилизація ни дѣлала, всегда повыше-

ніе тѣхъ требованій, которыя мы предъявляемъ человѣку, будетъ источникомъ великихъ скорбныхъ мыслей о несовершенствѣ условій нашей земной жизни. Въ особенности въ послѣднее время, когда объ этихъ условіяхъ такъ много было говорено, когда наше вниманіе было преимущественно устремлено на ихъ изученіе и улучшеніе, всякая социальная или нравственная аномалія должна очень болѣзненно на насъ отзываться; и потому борьба противъ этихъ аномалій, борьба и въ настоящее время очень трудная и въ большинствѣ случаевъ съ печальнымъ исходомъ—дѣлаетъ трагическій смыслъ жизни еще болѣе ощутительнымъ.

У.

Пьесы, въ которыхъ Гауптманъ касается этой трагической борьбы отдельной личности за свои личныя права или за права общечеловѣческія, дѣлятся по технике выполненія и по замыслу на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличныхъ группы; однѣ выдержаны въ стилѣ строгаго реализма, другія въ большей или меньшей степени символичны.

Драма «Передъ восходомъ солнца» (1889), съ которой Гауптманъ началъ свою дѣятельность, имѣла крупный успѣхъ и заставила нѣмцевъ вспомнить о «Власти тьмы» Толстого. Имъ показалось, что Гауптманъ писалъ свою пьесу подъ впечатлѣніемъ нашей крестьянской трагедіи. Но едва ли между этими двумя произведеніями есть какое-нибудь сходство, кромѣ чисто-внѣшняго простонароднаго колорита. Въ основной своей идеѣ они расходятся: драма Толстого построена на покаяніи и казни преступнаго человѣка, который свою собственную личность посмѣлъ поставить выше закона; драма Гауптмана—исповѣдь души отнюдь не преступной, а наоборотъ, очень чистой, которая, не имѣя силъ бороться противъ затягивающей ее тины, предпочитаетъ умереть, чѣмъ покориться... Главная фигура драмы — несчастная Елена, выросшая въ семьѣ алкоголиковъ и осужденная на гибель, какъ и всѣ другіе члены ея несчастной семьи. Этотъ семейный алкоголизмъ—своего рода фатумъ, который придаетъ чисто-житейской драмѣ оттѣнокъ настоящей трагедіи въ высокомъ смыслѣ. Личная инициатива борющагося человѣка, его добрая воля, его совершенно ясное сознаніе той опасности, какой онъ подвергается—всѣ эти по-своему героическія усилія характера парализованы враждебной силой, которая можетъ ихъ превратить въ ничто и всецѣло подчинить себѣ человѣка. Но изобразить гибель героини подъ непосредственнымъ ударомъ самой судьбы значило вернуться къ старому, давно отжившему представленію и съ современной точки зрѣнія уменьшить силу трагизма. Мы на такую гибель человѣка подъ тяжестью

условій, въ созданіи которыхъ его добрая воля не участвовала, смотримъ какъ на случайность. Трагизмъ положенія Елены надлежало усложнить именно внимательствомъ человѣческой воли, и отъ этой сознательной воли она должна была погибнуть. Такъ и сдѣлалъ авторъ. Онъ въ этотъ домъ алкоголиковъ привелъ убѣжденнаго социаль-демократа—проповѣдника самыхъ новѣйшихъ истинъ, направленныхъ на обновленіе социальнаго строя и искорененіе всѣхъ социальныхъ пороковъ, въ томъ числѣ, конечно, и того порока, какимъ страдаетъ несчастная семья, куда судьба забросила обновителя. Искренность и смѣлость сужденій этого социаль-демократа, конечно, кружатъ голову несчастной дѣвушки, которая въ своей семьѣ кромѣ пошлости ничего не слыхала и кромѣ пьянаго и ияго безобразія ничего не видала. Она влюблена въ проповѣдника и онъ въ нее, и даже рѣшена свадьба, когда наконецъ случайно онъ узнаетъ, въ какую семью онъ попалъ. Такъ какъ онъ поставилъ себя для осуществленія своихъ социальныхъ теорій ближайшей цѣлью имѣть безусловно здоровое потомство, то — прямолинейный въ своемъ поведеніи — онъ покидаетъ гостепріимный домъ и пишетъ несчастной Еленѣ на прощаніе письмо, которое ведетъ ее къ самоубійству. Кто собственно погубилъ эту дѣвушку, несомнѣнно борющуюся противъ среды, которая ее опутала? Если сказать, что ее погубила эта среда, то это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что этой среды испугался ея спаситель. И именно въ этомъ-то и заключается весь повышенный трагизмъ драмы Гауптмана. Виновицомъ гибели героини является уже не слѣпая судьба, не законъ наслѣдственности, а добрая воля сознательнаго человѣка, который къ тому же несомнѣнно желаетъ добра. Принципіальная жестокость, которую онъ обнаруживаетъ, жестокость, требующая для себя жертвы, и притомъ невинной жертвы, ради социальнаго блага—вотъ то истинно-трагическое начало современной жизни, которое такъ рельефно выдѣлялъ Гауптманъ въ простой, повидному, жанровой картинѣ. И на самомъ дѣлѣ, развѣ мало въ нашей жизни случаевъ, при которыхъ на добро направленная воля не останавливается передъ жертвоприношеніемъ личности ради блага общаго—и притомъ блага, нерѣдко очень отдаленнаго? Какъ часто теорія, которая направлена на то, чтобы поднять общій умственный и нравственный уровень среды, въ своемъ поступательномъ ходѣ сметаетъ съ отжившимъ и достойнымъ смерти и полное наемѣдъ и обѣщаній?

Сходная идея, но только въ иной варіаціи, проведена и въ драмѣ Гауптмана «Одинокіе» (1891). Опять передъ нами какъ-будто простая картинка нравовъ—случай; а между тѣмъ въ этомъ случаѣ обнаруженъ общечеловѣческій смыслъ и всѣмъ намъ, современнымъ людямъ, очень понятный.

Завязка драмы очень несложна. Простая семейная история, если судить только по внешнему развитию действия. Таких семейных ссор, которые основаны на неравенстве умственного развития супругов, очень много, и кончаются они обыкновенно каким-нибудь семейным развалом или глухой затяжной войной. В драме Гауптмана она закончена самоубийством мужа. Если начать разбираться в мотивах, которые привели к этому концу, то увидишь, что эта с виду столь ординарная трагедия — лишь предлог для постановки крайне сложного этического вопроса. Что привело Иоганнеса Вокерата к решению с собой покончить? Встреча его с курсисткой, которая первая ответила на его умственные запросы и дала ему почувствовать, что она, и как женщина, к нему равнодушна? Но из пьесы не видно, чтобы эта любовь достигла той степени, которая не допускает разлуки. Вокерат и курсистка расстаются еще до того момента, когда страсть вступает в свои права. Это не самоубийство от любви. Нельзя признать его и самоубийством от скуки, после отъезда единственного человека, который способен откликаться на душевную жизнь другого. Скука была и раньше, и Вокерат, при всей своей нервной развинченности, достаточно силен, чтобы нести этот крест дальше. Наконец, если приглядеться к отношениям, которые установились между Иоганнесом и его женой, то их ни в каком случае нельзя назвать враждебными. Эти отношения даже любовны и пёжны и с той и с другой стороны. Жена отлично понимает, что она ничего кроме своей любви не может дать мужу, что он скучает с ней; муж, со своей стороны, ни на минуту не теряет нёжного чувства к жене и к своей семье, и требует только одного, чтобы рядом с женой около него стало другое лицо, которое удовлетворяло бы совсем иным его чувствам, чѣм тѣ, которые он к жене питает. Разлюбить жену он не может, бросить ее он ни в каком случае не желает, разстаться со своей новой подругой он также не хочет, потому что в отсутствии ее умирать духовно, наконец удержать ее при себе он не может, потому что против этого решения возстает вся современная этика. В требованиях этой современной этики и кроется вся трагическая завязка пьесы: вѣдь в сущности то, чего хочет герой, это — новой формы семьи. Семья вообще он не отрицает, но желает только большей свободы для тѣх, кто рѣшился взять на себя ея обязательства. Он желает признания такой новой семьи со стороны общества, а также и добровольного признания ея со стороны лиц, которые входят в его семью старого типа. Можно спорить, конечно, против такого «расширения» семьи, но нельзя не согласиться, что в мыслях, которые высказывает этот семейный индивидуализм,

нѣтъ ничего антигуманнаго или безнравственнаго. И вотъ возникаетъ татрагедія, при которой человѣкъ, сознающій себя нравственно правымъ и нежелающій никому причинить страданіе, видитъ, что его законная мысль становится источникомъ мученій для всѣхъ близкихъ ему лицъ и грозитъ замкнуть его въ еще болѣе тѣсный кругъ личной, одинокой жизни. Старыя традиціонныя мнѣнія среды противъ него; противъ него любви всѣхъ близкихъ, противъ него наконецъ онъ самъ, который чувствуетъ, что онъ виновникъ несчастья. Добровольная смерть выводитъ его изъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Основная идея трагедіи, какъ видимъ, напоминаетъ идею драмы «Передъ восходомъ солнца». И здѣсь и тамъ—смерть людей невиновныхъ, идущихъ къ добру, борющихся по мѣрѣ силъ съ тѣмъ, что называется коsnостью среды, и смерть эта—что всего трагичнѣе—приходить къ нимъ не отсюда, откуда они могли бы ждать ее, не отъ враговъ ихъ: ее несетъ имъ новизна, тотъ новый взглядъ на отношеніе личности и среды, который обѣщаетъ имъ спасеніе и разрѣшеніе мучившихъ ихъ противорѣчій.

Съ этой же мыслью въ новой варіаціи встрѣчаемся мы у Гауптмана и въ драмѣ «Михаилъ Крамеръ» (1900). Драма несомнѣнно съ философскимъ смысломъ, только этотъ смыслъ слишкомъ широкъ и глубокъ для того случая, изъ котораго онъ выведенъ. Слишкомъ мало дано намъ матеріала для характеристики молодого Крамера, чтобы изъ его трагической судьбы дѣлать тотъ выводъ, какой желателенъ автору. Драма въ сущности есть исторія неполной и непризнанной души молодого художника. Мы знаемъ, что онъ одаренъ большимъ талантомъ, что онъ безобразенъ по внѣшности и съ этими безобразіемъ помириться не можетъ, что наконецъ семейная среда, въ которой онъ растетъ, не только не способствуетъ росту его дарованія, но въ конецъ разрушаетъ его темпераментъ, какъ человѣка и художника. Тонкая и чуткая натура, онъ—въ виду страшно безшабашнаго отношенія къ своему таланту—не можетъ въ немъ найти удовлетворенія и наполнить имъ свою жизнь; одинокій въ семьѣ, онъ не имѣетъ никого, кто помогъ бы ему нести тяготу его нервной и вихрь съ тѣмъ праздною жизнью, наконецъ, влюбленный безнадежно и страстно, но осмѣянный, онъ подъ аффектомъ видитъ въ смерти своего единственнаго друга. Кто виноватъ въ его крушеніи?.. Авторъ не скрываетъ виновника и указываетъ на его отца—на убѣжденнаго художника, на спокойнаго и увѣреннаго жреца искусства, который, зная, какой талантъ въ дуплѣ его сына хранится, былъ слишкомъ суровъ и не сумѣлъ направить эту артистическую натуру. Неделкатно и невнимательно относился онъ къ грѣхамъ и распутству юноши, спасая въ немъ художника и забывая, что въ данномъ случаѣ arguing и безнравственный человѣкъ не-

отдѣлимы другъ отъ друга. Только послѣ смерти сына старикъ начинаетъ понимать, что помимо таланта существуетъ еще и иная цѣнность, съ которой также необходимо обращаться бережно, а именно—жизнь человѣка. Мистическій конецъ драмы можно толковать разнo, но, независимо отъ конца, пьеса сохраняетъ свой трагическій смыслъ,—и вновь передъ нами возникаетъ тотъ же вопросъ, который стоялъ, когда мы смотрѣли на «Одинокихъ» и на трагедію «Передъ восходомъ солнца». Несомнѣнно, среда губить всѣхъ этихъ людей, но характерно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ ударъ нанесенъ людьми или понятіями, которые въ сущности имѣютъ въ виду улучшение и исправленіе той самой среды, которая затягиваетъ человѣка. Какой-то своеобразный фатумъ, на старый непохожій, распоряжается нами и въ новомъ свѣтѣ показываетъ намъ трагическій смыслъ нашей жизни, которая требуетъ жертвъ въ лицѣ наиболѣе чуткихъ ея участниковъ. Источникомъ гибели этихъ чуткихъ людей являются не слѣпо враждебныя имъ силы, а такія, которыя конечной своей цѣлью ставятъ торжество на землѣ болѣе справедливаго и счастливаго порядка.

Надъ этимъ запутаннымъ и труднымъ вопросомъ Гауптманъ много думалъ. Онъ, конечно, не рѣшилъ его, не исчерпалъ его, да онъ и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ самый вопросъ только еще обостряется и становится на очередь. Въ сложной исторіи столкновеній личности со средой поэтъ прежняго времени останавливался преимущественно на самомъ героѣ, погибающемъ или торжествующемъ въ борьбѣ съ враждебной судьбой или враждебными ему людьми. Всегда полагалось, что герой правъ во всемъ. Но пришлось наконецъ натолкнуться на трагическое положеніе, когда спасительная теорія губить людей не меньше, чѣмъ порядокъ, противъ котораго эта теорія направлена, или когда герой въ борьбѣ за идею причиняетъ людямъ, и невиннымъ людямъ, боль не меньшую, чѣмъ та, которую имъ причинила косная традиція.

VI.

Эти новыя осложненія стараго вопроса Гауптманъ не могъ пояснять только на реальныхъ примѣрахъ. Какъ художникъ, онъ понималъ, что вопросъ очень глубокъ, что на частныхъ случаяхъ разъяснить его трудно, и онъ облакъ его въ символическую форму.

Сначала Гауптманъ попробовалъ пойти дорогой средней между реализмомъ и символизмомъ и принялся за разработку исторической темы. Онъ написалъ историческую хронику изъ временъ крестьянской войны въ эпоху Реформации. Драма эта: «Флоріанъ Гейеръ» (1896) не имѣла никакого успѣха. Очень скучная и совершенно не сценичная, она продвигала на авансцену какой-то

неясный облик аристократа-индивидуалиста — борца за демократическую эгалитарную идею. Многим пьеса напомнила драму Гёте «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», и сравненіе было, конечно, не въ пользу Гауптмана. Но кромѣ этого сама концепція сильной личности, которая отстала отъ своей дворянской среды и съ нею враждуетъ, а слиться со средой крестьянской не можетъ и остается ею непонятою, этотъ старый контрастъ, нѣкогда въ литературѣ очень распространенный — теперь не могъ заинтересовать своей уже потертой драматичностью. Большой современный вопросъ, надъ которымъ думалъ Гауптманъ, въ эти узкія историческія рамки никакъ не выѣхался. Пришлось ихъ раздвинуть, и художникъ изъ реалиста и историка превратился въ символиста. Онъ написалъ свою знаменитую драматическую сказку: «Потонувшій колоколъ» (1896).

Пьеса эта имѣла колоссальный успѣхъ на всѣхъ сценахъ и вызвала много толкованій, которыя взялись расшифровать ея таинственный смыслъ. Рѣшеній таинственной загадки, которую хранила въ себѣ эта волшебная сказка, было дано очень много. Комментаторы, конечно, нѣ сошлись въ толкованіи и не могли сойтись, такъ какъ пьеса Гауптмана — не строго-идейная вещь, проводящая опредѣленную, рѣзко выраженную мысль, а продуктъ свободной фантазіи, увлекшей самого художника. Поэтъ отдался своему вдохновенію и не смогъ подчинить его своей мысли. Получилась пострай, удивительно красивая картина, въ которой художественныя детали заслоняли главную мысль, несомнѣнно потонувшую въ цѣломъ морѣ поэзіи, съ ней ничего общаго не имѣющей.

О поэтическихъ красотахъ этой сказки нѣтъ нужды распространяться: ее достаточно прочесть, чтобы почувствовать себя въ мірѣ живыхъ призраковъ и утратить способность отличать видѣніе отъ жизни. И замыселъ, и языкъ, и образы — все производитъ поэтическую иллюзію, которая не имѣетъ себѣ на сценѣ равной, за исключеніемъ развѣ только лучшихъ вещей Метерлинка. Остановливаясь на основной мысли этой сказки, которая несомнѣнно будетъ жить, какъ художественный образецъ современнаго символизма въ искусствѣ, надо отмѣтить прежде всего, что и тѣ части драмы, въ которыхъ высказана эта основная ея идея, осложнены побочными эпизодами, необычайно поэтичными и отвлекающими вниманіе читателя отъ главной темы. Въ числу такихъ эпизодовъ надо отнести, напримѣръ, всю исторію любви латвійскаго Генриха къ Раутенделейнъ — старый мотивъ о любви простыхъ смертныхъ къ феямъ, русалкамъ и разнымъ «дѣвамъ» горъ, аѣсовъ и морей, мотивъ необычайно нѣжный и грустный, использованный нашимъ авторомъ съ большимъ искусствомъ. Иногда кажется, что эта-то несчастная любовь и есть главная тема, что въ ней-то и заклю-

чена главная идея пьесы, но, конечно, въ этомъ необычайно красивомъ драматическомъ положеніи нѣтъ никакой идеи, а есть только настроеніе. Авторъ былъ самъ такъ этимъ настроеніемъ захваченъ, что забывалъ о мысли, которая призвала къ жизни всѣ эти призраки и видѣнія.

Жалко разгонять всѣ эти видѣнія, чтобы вмѣсто нихъ получить строгую и сухую идею. Но она есть, и ее надо отмѣтить въ виду ея связи со всѣми пьесами Гауптмана, о которыхъ говорено выше. Идея эта пояснена такимъ рассказомъ.

Извѣстный своимъ благочестіемъ и своей образцовой семейной жизнью, мастеръ Генрихъ во славу христіанскаго Бога вылилъ колоколъ; этотъ колоколъ, который надлежало повѣсить въ часовнѣ, въ горахъ, злые духи (даже не злые, а просто въ христіанскаго Бога не вѣрующіе) съ горной тропинки скатили въ озеро и потопили. Самъ мастеръ попалъ въ сѣти этихъ духовъ, и совѣтъ новыя мысли зародились въ его головѣ, и совѣтъ новымъ чувствомъ былъ онъ вдругъ охваченъ. Все, чѣмъ онъ жилъ раньше, весь смыслъ его прежней жизни былъ имъ сразу утраченъ; семью свою онъ забылъ и бросилъ, увлеченный горной феей, мысль — воздвигать во славу христіанскаго Бога часовню — показалась ему уже ничтожной сравнительно съ тѣмъ подъемомъ духа, тѣмъ титаническимъ чувствомъ, которое имъ завладѣло. Онъ сталъ помышлять о постройкѣ какого-то колоссальнаго храма на вершинѣ горы, — неизвѣстно какому богу посвященнаго. Онъ хотѣлъ создать нѣчто великое, въ чемъ должна была выразиться его собственная величественная личность; онъ самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ, но онъ заставлялъ всѣхъ горныхъ духовъ служить своему дерзновенному дѣлу. И вотъ въ самый разгаръ работы къ нему пришли его покинутыя дѣти и принесли ему крынку слезъ, которая выплакала его жена, прежде чѣмъ утопиться. Утопленница на днѣ озера стала звонить въ тотъ святой колоколъ, который нѣкогда былъ вылитъ ея мужемъ. Мастеръ услышалъ эти звуки, въ немъ проснулась совѣсть, и со своей горной вершины онъ ринулся внизъ, къ людямъ, на спасеніе своей осиротѣвшей семьи. Но спасать было некого. Возвратъ къ старому былъ невозможенъ, и мастеръ вновь съ трудомъ пришлось на свои горы, чтобы увидать, какъ рушится и горитъ тотъ храмъ, который онъ строилъ, и чтобы навсегда потерять и горную фею, которая его не узнала послѣ его возвращенія. Смерть, конечно, разрѣшила всѣ его страданія.

Если присмотрѣться къ этому сухому остоу поэтической сказки, то идея разсказа становится ясна. Здѣь это хорошо намъ знакомая трагедія сверхчеловѣка, который для достиженія великаго готовъ пренебречь «малыми сими», но у котораго въ рѣшительный

моментъ не хватило духа и силы настоять на великомъ, вопреки низшимъ чувствамъ и угрызениямъ совѣсти. Трагедія несомнѣнно современная, близко граничащая съ тѣми идеями объ автономной личности, которая, въ своемъ стремленіи развернуть всѣ свои силы для достиженія полноты бытія, считаетъ себя въ правѣ стать выше всякихъ обязательствъ общественной и личной этики.

Вѣсть съ несомнѣнной красотой художественнаго замысла и выполнения, эта идейная сторона пьесы создала ея всемірный успѣхъ. Въ драмѣ видѣли трагедію современнаго индивидуалиста, и притомъ не того призрачнаго индивидуалиста, психологія котораго разрабатывалась теоретически, а трагедію живого человѣка, которому надлежало свое сверхчеловѣчество оправдать въ кругу чисто-реальныхъ бытовыхъ отношеній. Противопоставленіе міра призрачнаго, въ горахъ, съ самой будничной бюргерской обстановкой въ деревнѣ, это столкновеніе пастора, учителя и цырюльника съ духами и борьба между ними изъ-за обладанія душой мастера, наконецъ это появленіе въ горахъ дѣтей мастера съ крынкою земныхъ слезъ,—все это смѣлое смѣшеніе реальнаго съ фантастическимъ вытекаетъ изъ строгаго умысла художника поставить сверхчеловѣка, насколько это возможно, ногами на землю и нарисовать его фигуру въ размѣрахъ болѣе реальныхъ и земныхъ, сохраняя однако ея идейность. И надо признать, что изъ всѣхъ повѣстей, романовъ и драмъ, иногда очень сильныхъ, въ которыхъ разные художники пытались сверхчеловѣка низвести съ облаковъ теоріи на землю—«Потонувшій колоколъ» самое смѣлое по замыслу произведеніе, въ которомъ бытовое и фантастическое, реальное и символическое, сверхчеловѣческое и гуманное удивительно гармонично слиты—что и придаетъ этой сказкѣ особую красоту возвышеннаго трагизма.

УІІ.

Трагизма въ жизни человѣческой всегда было много, но бывали вѣка, когда сознаніе трагическаго смысла бытія обострялось и углублялось въ людяхъ, вѣка особенно повышеннаго нравственнаго чувства въ людяхъ и упорной, согрѣтой глубокимъ чувствомъ гуманной работы въ борьбѣ со всѣми нравственными аномаліями земного существованія. Нашъ вѣкъ, несмотря на то, что онъ желѣзный и кровавый,—однѣ изъ самыхъ гуманнѣйшихъ въ томъ смыслѣ, что изысканіе способовъ борьбы съ этимъ желѣзомъ и кровью составляло одну изъ главныхъ заботъ всѣхъ пдсйныхъ его вождей; равно какъ и забота о всѣхъ обездоленныхъ и униженныхъ составляла основной параграфъ его политико-соціальной программы. Нельзя сказать, что видимые результаты окупили ту работу ума и главнымъ образомъ тѣ страданія душевные, которыя сопровождали нашъ вѣкъ въ

его прогрессивномъ движеніи. Нѣкоторая нравственная усталость даетъ себя чувствовать, и выражается она отчасти въ вызывающемъ отношеніи къ тѣмъ самымъ гуманнымъ принципамъ, проведеніе которыхъ въ жизнь причиняло людямъ столько страданія, отчасти эта усталость выражается и въ той любви къ мечтѣ, къ міру нерепальнаго во всѣхъ его видахъ, которое лежитъ въ основѣ и современныхъ религіозныхъ исканій, и всѣхъ новшествъ искусства. Мечта какъ вѣра, какъ успокоеніе, какъ утѣшеніе, мечта какъ бѣлая реальность, чѣмъ сама жизнь, какъ обѣщаніе конечнаго торжества и побѣды идеала надъ жизнью—этотъ религіозно-философскій и эстетическій подъемъ души—онъ въ послѣднее время даетъ себя чувствовать, какъ одна изъ характерныхъ психическихъ чертъ нашего времени. Въ этой мечтѣ трагизмъ переживаемаго момента находитъ свое смягченіе и свое естественное дополненіе.

Неудивительно, что Гауптманъ, къ трагическому въ нашей жизни столь чуткій, отозвался и на эту основную тенденцію своего времени, на это тяготѣніе къ мечтѣ, въ которой людямъ дано было бы не одно только осужденіе и приниженіе жизни, а въ извѣстномъ смыслѣ награда за ея разочарованія и страданія.

Такая мечта улыбалась художнику, когда онъ писалъ «Ганнеле» (1893), «Бѣднаго Генриха» (1902) и «Пиппа пляшетъ» (1906). Драматъ этимъ въ творчествѣ Гауптмана надо отвести совсѣмъ особое мѣсто. Онъ въ конечномъ выводѣ даетъ настроеніе совершенно иное, чѣмъ то, какое выносятся изъ остальныхъ пьесъ нашего драматурга. Всегда его пьеса—за исключеніемъ, конечно, комедій—ссорятъ человѣка съ жизнью, ставя его лицомъ къ лицу съ вопросомъ, на который нѣтъ положительнаго отвѣта, передъ которымъ надо смириться, признавъ его трагическій смыслъ; и только въ этихъ «мечтательныхъ» пьесахъ намъ дано, если не рѣшеніе этихъ вопросовъ, то минутное забвеніе ихъ.

Пьеса «Ганнеле» или, какъ она называлась, «Вознесеніе Ганнеле» обошла всѣ сцены и поистинѣ можетъ назваться самой трогательной пьесой современнаго репертуара. Ее, конечно, можно понимать какъ картину страданій несчастнаго ребенка, оскорбленнаго, забитаго, котораго отецъ своей пьяной жестокостью толкнулъ на неудачное самоубійство, только продлившее агонію. Тогда эта картина нпцеты и страданія и всѣ бытовые детали дома призрѣнія бѣдныхъ, въ которомъ умираетъ Ганнеле—чистый и беспомощный жанръ, назначеніе котораго только усилить ссору человѣка съ жизнью. Но если понять всѣ эти земныя страданія какъ мрачный фонъ, на которомъ должно отчетливо проступить райское видѣніе, то совсѣмъ инымъ свѣтомъ озаряется эта грустная драма. Ей ставили въ упрекъ, что она воскрешаетъ старую сказку о заробномъ

блаженствѣ, т.-е. изображаетъ нѣчто совершенно гадательное. Но, не вступая въ пререканія о возможности или невозможности загробныхъ наградъ, можно признать, что сама мысль о такой наградѣ есть нѣчто реальное, не говоря уже о томъ, что за этими райскими видѣніями остается вѣчная правда идеала и правда надежды на награду за страданіе. Въ этомъ смыслѣ драма Гауитмана не простое повтореніе религіозной мечты, а мистерія, полная настроенія, совсѣмъ не отжившаго. Во всей всемірной литературѣ нѣтъ другой такой драмы, въ которой было бы такъ правдоподобно передано настроеніе экстаза измученной наивной человѣческой души, отказавшейся отъ всякой борьбы въ жизни и сохранившей только одну земную мысль о неизбежности суда надъ зломъ и награды за страданіе. «Ганнеле» не рассчитана на то, чтобы будить въ насъ какія-нибудь мысли, она должна настроить насъ на тотъ душевный тонъ, который далъ полетъ вѣмъ мечтамъ людей о загробномъ мірѣ. Эта мистерія вскрываетъ на нашихъ глазахъ одну изъ самыхъ глубокихъ тайнъ человѣческой психики, — ту затаенную нравственную мысль, или, вѣрнѣе, нравственное чаяніе, которое лежитъ въ основѣ религіознаго представленія о мірѣ. Не все ли равно, возникаетъ ли это чаяніе въ душѣ сильнаго человѣка, или слабаго ребенка?..

Успокаивающей и утѣшающей насъ грезой можно назвать и пьесу Гауитмана: «Бѣдный Гесприхъ». Если «Ганнеле» — мечта о загробномъ воздаяніи, то эта драма — мечта объ искупленіи любовью на землѣ. Исторія любви наивной дѣвочки къ прокаженному рыцарю — своего рода житіе святой, и авторъ необычайно умѣло и художественно сохранилъ этотъ колоритъ старинной религіозной легенды. Но религіозность пьесы совсѣмъ особенная, современная, и она непохожа на старую религіозность, враждующую съ красотой и съ радостью. Несомнѣнно, что Оттегебе, готовая умереть за бѣднаго Гесприха и увѣренная, что только ея кровь исцѣлитъ его отъ проказы — несомнѣнно, что она любитъ рыцаря совсѣмъ не духовной любовью, а настоящей земной любовью; рыцарь, который женится на ней послѣ своего исцѣленія, послѣ того чуда, которое совершилъ этотъ ребенокъ своей любовью — тоже мало походитъ на героя религіозной легенды. Но въ общемъ на пьесѣ лежитъ отпечатокъ святости, и это очень характерно именно для нашего времени, которое любовь понимаетъ не въ старомъ аскетическомъ смыслѣ, а въ жизнерадостномъ и общающемъ счастье здѣсь, на землѣ. При рѣшеніи разныхъ социальныхъ вопросовъ мы привыкли говорить о любви, готовой на жертвы, и любви, которая украшаетъ бы нашу жизнь и сдѣлала бы ее болѣе счастливой. Конечно, это любовь иного порядка, чѣмъ та, которая выведена въ драмѣ Гауитмана, но при символическомъ толкованіи «Бѣднаго Гесприха» — можно эту мисте-

рію наивной, собою жертвующей любви понять именно какъ прославленіе того исключительно-таинственнаго, какъ бы съ небесъ упавшаго чувства, которое одно способно распутать затянувшіеся узлы нашихъ личныхъ и соціальныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ «Бѣдный Генрихъ» въ современномъ репертуарѣ самая нѣжная мистерія любви, въ которой самопожертвованіе и торжество сливаются вмѣстѣ въ нераздѣльное цѣлов. Понимать же эту любовь мы можемъ въ узкомъ или въ самомъ широкомъ смыслѣ.

«Ганнелс» и «Бѣдный Генрихъ», поставленные рядомъ съ бытовыми трагедіями Гауптмана, исполняютъ ту роль примиряющей и утѣшающей насъ мечты, которую въ жизни челоѣчества отъ вѣка выполняла вѣра въ Бога съ ея ученіемъ о конечномъ торжествѣ справедливости на небесахъ и вѣра въ челоѣка, который здѣсь на землѣ установить царство правды и счастья... Но какой бы утѣшительной, какой бы свѣтлой ни являлась такая мечта, она всегда грустна, и, вмѣстѣ съ восторгомъ и самозабвеніемъ, она будитъ въ нашемъ сердцѣ всегда щемящее меланхолическое чувство.

Должно-быть, это, совсѣмъ не поддающееся анализу, чувство хотѣлъ истолковать и пояснить въ образахъ Гауптманъ, когда писалъ свою пьесу: «Пиппа пляшетъ». Мы говоримъ: «должно-быть», потому что проникнуть въ замыселъ автора въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности.

Пьеса произвела на всѣхъ зрителей и читателей впечатлѣніе крайне странно: никто не могъ формулировать, что именно хотѣлъ ей сказать авторъ; и дѣйствительно, если искать мысли въ этомъ произведеніи, т.-е. мысли ясно опредѣленной, то это трудъ напрасный.

Но, помимо права излагать свои мысли, свои сужденія, нельзя же не признать за художникомъ такого же права передавать зрителю исключительно свое настроеніе. Обыкновенно такое настроеніе передается вмѣстѣ съ мыслью, вмѣстѣ съ извѣстной картиной, въ которой есть опредѣленно и закругленное содержаніе. Но отчето не передать такого настроенія въ картинахъ даже безсвязныхъ, въ картинахъ туманныхъ, съ содержаніемъ, расплывающимся въ неясностяхъ, въ намекахъ, въ совершенно фантастическихъ грѣзахъ, которыя самъ авторъ былъ бы, вѣроятно, объяснить не въ состояніи? Вѣдь нерѣдко бываютъ такіа душевныя состоянія, при которыхъ только ощущаешь впечатлѣнія жизни, ощущаешь ихъ смутно, но сильно, и никакъ не можешь выяснить себѣ ихъ смысла. Такое ощущеніе бываетъ иногда очень поэтично, просится быть переданнымъ въ образахъ, и, конечно, эти образы всегда будутъ походить на туманъ, который стелется и мѣняетъ свои очертанія.

Кто собственно эта Пиппа, которая все пляшетъ? Въ ней много сходнаго съ нѣжной Раутенделейнъ изъ «Потонувшаго колокола»,

въ ней очень много родственнаго съ Миньоной Гёте. Игривая, веселая, нѣжная и полная любви мечта—она родилась за горами, въ волшебномъ городѣ, и судьба занесла ее въ снѣга, на сѣверъ, забросила въ общество людей грубыхъ, злыхъ или несчастныхъ, но вездѣ, куда ни закинетъ ее случай, она пляшетъ на радость себѣ и другимъ. Она всѣхъ въ себя влюбляетъ, и холоднаго, расчетливаго фабриканта, и огрубѣвшаго несчастнаго рабочаго, и мыслителя, и ученаго, и беззаботнаго поэта, который, на пути въ свою теплую родину, замерзаетъ въ снѣгахъ. Всюду, въ самую грубую, бѣдную обстановку несетъ она съ собой лучъ свѣта и тепла, чтобы вдругъ незамѣтно и безпричинно угаснуть и заставить любимаго ею человѣка ослѣпнуть, такъ какъ зачѣмъ ему зрѣніе, когда онъ остался одинъ безъ нея, когда онъ созерцать ее и теперь ее никогда больше не увидить?

Кто она?—на этотъ вопросъ едва ли найдется отвѣтъ, но только всякій, кто читаетъ эту драму, не можетъ не ощущать тепла и радости при встрѣчѣ съ этой пляшущей грезой, и грусти и тоски при разставаніи съ ней. А что это за греза, что она людямъ общается, куда зоветъ, зачѣмъ пляшетъ—остается такой же тайной, какъ любая наша веселая и гуманная надежда, свѣтлая идея, полная любви и утѣшенія мечта, которая всюду, во всѣхъ обстановкахъ, во всѣхъ состояніяхъ, у грубыхъ и нѣжныхъ людей, у прозябковъ и поэтовъ, у богатыхъ и бѣдныхъ, вызываетъ то настроеніе, которое одинаково, при страшной бѣдности духовной или страшной бѣдности матеріальной, способно набросать поэтический покрывъ на скуку и тяготу жизни.

Въ «Пиппѣ» Гауптманъ далъ художественный образецъ драмы чистаго «настроенія». Ее можно понять и ее можно судить только по общему впечатлѣнію, не углубляясь въ ея запутанную символику.

УІІІ.

Какъ видимъ, Гауптманъ писатель очень разносторонній, при единствѣ той вишней формы, въ которую онъ облачаетъ свои поэтическіе замыслы.

Современная бытовая комедія ему обязана нѣсколькими игривыми пьесами, въ которыхъ есть и наблюдательность и юморъ, но въ которыхъ нѣтъ души самого писателя.

Это душа трагика, но умягченная большой примѣсью сентиментализма и мечтательности. Этотъ трагикъ иногда просто рисуетъ какую-нибудь страшную деталь нашей жизни съ поразительной художественной правдивостью и точностью, безъ широкихъ выводовъ и обобщеній; иногда же онъ останавливается передъ такими картинами жизни съ цѣлью уловить въ нихъ общій трагическій

смыслъ, подчеркнуть въ нихъ современную трагическую идею въ ея грозномъ и печальномъ проявленіи. Тогда онъ либо остается вѣренъ своей техникѣ строгаго реалиста, либо придаетъ своему замыслу символическую форму; изъ всѣхъ грозныхъ идей современности онъ пока всего чаще останавливался на запутанномъ этическомъ вопросѣ о трагической необходимости въ борьбѣ за лучшую и счастливую будущность жертвовать счастьемъ единицъ, на которыхъ не лежить никакой вины, но которыя фатально должны быть устрелены при побѣдоносномъ шествіи новой идеи. Не съ враждебной людямъ судьбой, не съ людьми, враждебными новой идеѣ, борется герой,—онъ осужденъ на то, чтобы наносить раны тѣмъ людямъ, которые, можетъ-быть, всего больше его любить.

На реальныхъ примѣрахъ, какъ въ «Одинокихъ», «Передъ восходомъ солнца» и въ «Крамерѣ», а также въ символической сказкѣ о «Потонувшемъ колоколѣ» подчеркнул художникъ это трагическое положеніе человѣка, но онъ не оставилъ насъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ мрачной истины. Безпощадный и суровый въ изображеніи трагическихъ сторонъ нашей жизни, Гауптманъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ удивительный даръ будить въ зрителѣ интимнѣйшее чувство вѣры въ конечное разрѣшеніе всѣхъ земныхъ трагедій, чувство мечтательной надежды, религіозное чувство довѣрія и къ Богу и къ людямъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ «романтическихъ настроеній», въ которыхъ человѣкъ всегда находилъ и отдохновеніе и утѣшеніе въ земныхъ скорбяхъ. Рѣдко въ писателѣ встрѣчается такое красивое сочетаніе суроваго трагизма съ романтической цѣлостностью.

И въ этомъ сочетаніи — оригинальность Гауптмана, какъ писателя. За его творчествомъ останется безспорно одно качество, качество въ искусствѣ наибольшей цѣнности:—художника нельзя принять за другого, и забыть его нельзя, и несомнѣнно, что, когда наше время станетъ историческимъ прошлымъ, всѣ созданные имъ трагическіе образы не потускнѣютъ, а, наоборотъ, на фонѣ нашей эпохи выступятъ болѣе выукло и отчетливо.

Несторъ Котляревскій.

ПРЕДЪ ВОСХОДОМЪ СОЛНЦА.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Драма «Предъ восходомъ солнца» (Vor Sonnenaufgang) является по времени написанія первою пьесою Гергарта Гауптмана. Она предстала на судъ публики въ 1889-мъ году. Ей по праву принадлежит первое мѣсто въ собраніи сочиненій Гауптмана. Это мѣсто занимаетъ она и въ лучшемъ нѣмецкомъ изданіи его сочиненій (Фишера, Берлинъ, 1906 г.), которому, какъ прошедшему санкцію самого творца «Ткачей» и «Ганнеле», намѣрено слѣдовать и настоящее, первое *полное* русское изданіе.

Раннѣйшее произведеніе Гауптмана: «Участіе Прометидовъ» самимъ авторомъ исключено изъ его полнаго собранія. Первая поэма знаменитаго нѣмецкаго драматурга буквально раздѣлила судьбу перваго произведенія нашего Гоголя. Какъ русскій великій писатель самъ скупалъ и уничтожалъ своего «Ганса Кюхельгартена», такъ, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ своей поэмы, Гауптманъ изъясилъ изъ обращенія все свое изданіе дѣлюкомъ.

Ту же участь раздѣлила и раннѣйшая пьеса писателя: «Тиверій». Два театра отказали юному Гауптману въ постановкѣ его произведенія. Гауптманъ не включилъ и этой юношеской вещи въ свои сочиненія.

«Предъ восходомъ солнца» открываетъ рядъ «соціальныхъ драмъ» Гауптмана. Первоначально авторъ хотѣлъ назвать драму—«Сѣятель». Нынѣшнее названіе дано ей по совѣту молодого нѣмецкаго писателя Арно Гольца, которому вообще суждено было сыграть значительную роль въ писательской судьбѣ Гауптмана.

Именно Арно Гольцемъ былъ данъ Гауптману и самый толчокъ къ написанію драмы. Двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ Гауптманъ, по разсказу его біографа Шлентера *), познакомился съ нимъ въ Берлинѣ, въ 1889-мъ году, при посредствѣ своего друга І. Шлафа.

Гольцъ прочиталъ ему рядъ своихъ маленькихъ произведеній, между прочимъ разсказы: «Рара Hamlet». Всѣ эти вещи были посвящены реальнѣшему изображенію быта и характеровъ «низовъ»

---

*) Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung, von Paul Schlenker, vierte Auflage, Berlin, 1898.

нѣмецкаго общества. Безпощадный, откровенный и точный, какъ фотографъ, Гольцъ снискался на самое «дно» этой жизни, показывая всё неприглядныя стороны существованія «бѣдноты» и ужасы порока и грязи.

Но менѣе этихъ литературныхъ произведеній повлияли на Гауптмана и самыя рѣчи Гольца, молодого, самобытнаго, заражающаго своими убѣжденіями. Онъ раздѣлялъ теорію такъ-называемаго «послѣдовательнаго натурализма» и являлся страстнымъ сторонникомъ натурализма Зола и врагомъ господствовавшаго тогда въ Германіи псевдо-реализма.

Какъ нельзя болѣе Гауптманъ былъ предрасположенъ къ усвоенію такихъ литературныхъ взглядовъ всѣмъ своимъ прошлымъ, начиная впечатлѣніями дѣтства въ окрестностяхъ Зальцбрунна, гдѣ онъ лицомъ къ лицу наблюдалъ неприкрытую крестьянскую жизнь. Гольцъ не создалъ Гауптмана, — онъ далъ ему только толчокъ къ выходу на настоящую дорогу, которую уже самостоятельно нащупывалъ будущій знаменитый драматургъ.

Гольцъ предложилъ Гауптману работать надъ драмою вмѣстѣ. Гауптманъ отклонилъ это предложеніе и, даже не познакомясь съ замысломъ своего произведенія, уѣхалъ въ Бергедорфъ, гдѣ скоро закончилъ работу. Благодарный своимъ друзьямъ, онъ издалъ драму въ свѣтъ съ посвященіемъ «Бернарду П. Гольмсену». Подъ этимъ псевдонимомъ скрывались Арно Гольцъ и П. Шлафъ.

Первымъ цѣнителемъ настоящей силы начинающаго писателя явился извѣстный нѣмецкій беллетристъ Теодоръ Фонтанъ. Когда издатель пьесы послалъ ему одинъ экземпляръ на прочтеніе, Фонтанъ поздравилъ его съ тѣмъ, что авторъ идетъ по стопамъ Ибсена. Благодарный Фонтану за это первое признаніе, Гауптманъ посвятилъ ему свою вторую пьесу: «Прѣдвѣстникъ мира».

20 октября 1889 года руководитель берлинскаго «Свободнаго театра» Отто Брамъ поставилъ драму на сценѣ. Она прошла съ огромнымъ шумомъ. Счастье повернулось лицомъ къ молодому писателю, еще такъ недавно скупавшему свои книжки и получавшему отказы режиссеровъ. Съ этого момента, можно сказать, началась слава Гауптмана.

Нужно знать, что представляла собою тогдашняя нѣмецкая сцена, чтобы понять громадный эффектъ, произведенный пьесою начинающаго драматурга. Въ нѣмецкомъ театрѣ процвѣтала сентиментальная драма писателей устарѣвшаго шиллеровскаго жанра, подражанія французскимъ салоннымъ пьесамъ съ неизбѣжнымъ прелюбодѣиствомъ и неуклюжий и банальный фарсъ. Гауптманъ далъ превосходную живую драму, перенесъ центръ ея съ дѣйствія и фабулы на характеръ и среду, воспитывающую характеры.

Чистое стремленіе къ правдѣ и естественности, удивительная реальность пьесы, превосходно схваченный языкъ дѣйствующихъ лицъ произвели самое выгодное для автора впечатлѣніе. Постановка «Прѣдвѣстника солнца» начала, какъ принято выражаться, новую эру въ нѣмецкой драматургіи. Бартельсъ *) готовъ сравнить эффектъ появленія этой драмы съ эффектомъ постановки шиллеровскихъ «Разбойниковъ».

Сужденія зрителей и критики о новой пьесѣ, однако, не были единогласными. Въ то время, какъ одни увидѣли настоящіе размѣры дебютирующаго писателя и его удивительный даръ схватыванія цѣлаго

*) Gerhart Hauptmann, von Adolf Bartels, Berlin, 1906.

«скупою жизни», другіе не усмотрѣли здѣсь ничего, кромѣ грязи и низменности.

Русскому читателю этотъ расколъ въ умахъ можетъ напомнить исторію «Ревизора». Какъ Вузгаринъ не хотѣлъ видѣть въ реализмѣ Гоголя ничего, кромѣ сала и «поль-де-коковщины», такъ и некоторые изъ критиковъ Гауптмана съ озлобленіемъ доказывали, что такихъ писателей надо гнать изъ храма искусства, что они вносятъ въ общество и литературу только грязь и цинизмъ.

Нужны были годы, чтобы и слѣпые увидѣли красоту и силу Гауптмана, почувствовали въ его драмахъ голосъ живой жизни, а въ немъ самомъ—чуткое поэтическое сердце. Какою, напримѣръ, благоуханною красотой вѣетъ отъ признанія Елены Лоту въ концѣ третьяго акта драмы и отъ милой бесѣды влюбленныхъ въ началѣ четвертаго, гдѣ Лотъ повторяетъ диктуемое ему прелестной дѣвушкой признаніе! Это чисто тургеневскіе тона.

Мастерство Гауптмана въ изображеніи женскихъ типовъ совершенно исключительно. Въ русской литературѣ, очень бѣдной матеріалами о Гауптманѣ, это отмѣчено К. Д. Бальмонтомъ, подмѣтившимъ и другую черту нѣмецкаго писателя: судьба всѣхъ женщинъ у него одинаково трагична.

Припомнимъ, что всегда то же было и у нашихъ Тургенева и Чехова.

Нѣмецкая драматургія шла позади искусства Франціи и сѣверныхъ странъ. Натурализмъ въ Германію проникъ съ опозданіемъ. Глубокій психологическій романъ русскихъ и столь же углубленное творчество норвежца Ибсена несомнѣнно оказало свое влияние на Гауптмана. Психологическое содержаніе его драмъ, ихъ захватывающій реализмъ и философская мысль, одухотворяющая произведеніе,—все это естественное «выявленіе» души Гауптмана. Но все это случилось подъ вліяніемъ воздѣйствій.

Иностранная критика, оцѣнивая «Предъ восходомъ солнца», очень дружно указываетъ обыкновенно на вліянія нашего Толстого,—въ частности «Власти тьмы», написанной въ 1886 году и тогда много шумѣвшей, Зола,—въ частности, его «Западни» и «Земли», и Ибсена,—въ частности, его «Призраковъ».

Трагизмъ первой драмы Гауптмана въ ужасѣ наслѣдственности. Эта же тема захватила Ибсена, въ пьесѣ котораго сынъ является передъ природой страшною расплатою за грѣхъ отца, и Зола, специально разработавшаго ее въ серіи романовъ. Въ «Западнѣ» — на сценѣ та же трагедія алкоголизма, что и у Гауптмана. Трезвый реализмъ «Земли», такъ же какъ и безпощадная правда «Власти тьмы», могли подсказывать молодому драматургу, какъ надо писать.

Какого-либо ближайшаго сходства драмы Гауптмана съ «Властью тьмы», кромя общности вышшняго, простонароднаго колорита, искать было бы напрасно. Психологическій моментъ обѣихъ драмъ совсѣмъ различенъ. Обща обимъ писателямъ только безпощадность ихъ касанія къ ужасамъ изображаемой ими темной среды. Русская темная деревня воспроизведена Толстымъ тѣмъ же пріемомъ, какимъ нѣмецкій драматургъ рисовалъ свой нѣмецкій «склепъ».

Въ воспроизведеніи чисто-простонароднаго языка Гауптманъ могъ быть болѣе подъ впечатлѣніемъ Зола. Толстого онъ читалъ только въ переводѣ. Во всякомъ случаѣ Гауптманъ вездѣ остался самимъ собою, и все въ пьесѣ—чисто-гауптмановское.

«Предъ восходомъ солнца» — одна изъ превосходныхъ пьесъ новаго

театра вообще, помимо вся исторического значенія. Нужны были огромный талант и вкус, чтобы начать карьеру драматурга пьесою такого технического совершенства. Въ ней столько пропорціональности, вкуса, мастерства формы, не говоря объ удивительной выпуклости фигуръ, представляющихъ идеальныи матеріалъ для вдумчиваго актера.

«Пьеса превосходна,—пишетъ о первой драмѣ Гауптмана знаменитый критикъ Г. Брандесъ:—правдивостью разговоровъ и изображенныхъ въ ней типовъ. Это настоящее мастерское произведеніе».

И это не грубое и случайное фотографированіе или списываніе природы. Надо взять произведеніемъ вѣтъ явственно осязаемое дыханіе писательской совѣсти, осуждающей и благословляющей и прекрасно тоскующей по хорошей женской душѣ, которой еще не выпадаетъ счастье въ грустныхъ условіяхъ нашего грустнаго существованія.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Представленіе этой драмы состоялось 20-го октября въ Лессингъ - театрѣ и было организовано союзомъ «Свободной сцены». Пользуюсь случаемъ появленія новаго изданія, чтобы отъ всего сердца благодарить руководителей этого союза, въ особенности Отто Брама и П. Шленкера. Пусть будущее покажетъ, что они, вызвавъ къ жизни, вопреки мрачнымъ соображеніямъ, произведеніе, вытекшее изъ чистыхъ мотивовъ,—сослужили службу нѣмецкому искусству.

Шарлоттенбургъ, 26 октября 1889 г.

Гергартъ Гаузманаъ.

ПРЕДЪ ВОСХОДОМЪ СОЛНЦА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Краузе, богатый крестьянинъ.

Г-жа Краузе, его вторая жена.

ЕЛЕНА } его дочери отъ перваго брака.
МАРТА }

Гофманъ, пшхперъ, мужъ Марты.

Вильгельмъ Калаль, племянникъ г-жи Краузе.

Г-жа Шпиллеръ, компаньонка г-жи Краузе.

Альфредъ Лотъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ.

Бейвстъ, рабочій въ мыльни Краузе.

ГУСТА }
ЛИЗА } дѣвушки въ мыльни Краузе.
МАРИЯ }

Баэръ, по прозванью Гонслабаэръ.

Эдгардъ, слуга Гофмана.

Мия, горничная г-жи Краузе.

Скотница.

Голяшъ, по прозванью Гошъ, пастухъ.

Посыльный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Пизкая комната, полъ покрытъ хорошимъ ковромъ, вся обстановка деревенская, но съ претензіей на моду; на стѣнѣ, позади обѣденнаго стола, картина, изображающая повозку, запряженную четверкой, съ возницей въ синей блузѣ.

(Милѣ, коренастая крестьянская дѣвушка, съ краснымъ, глуповатымъ лицомъ, отворяетъ среднюю дверь и впускаетъ Альфреда Лота. Лоть средняго роста, широкоплечій, коренастый, съ рѣшителными, немного угловатыми манерами. Русые волосы, голубые глаза, жиденькіе русые усы, лицо костистое. выраженію лица серьезное, одѣтъ прилично, но не по модѣ. На немъ лѣтнее пальто, черезъ плечо сумка, въ рукахъ палка).

Милѣ. Пожалуйте, я сейчасъ позову господина инженера. Присядьте пока.

(Стеклянная дверь въ зимній садъ быстро отворяется. Врывается крестьянка съ сине-багровымъ лицомъ отъ злости. Одѣта не лучшо ирочно. Голыя, красныя руки, синяя юбка и корсажъ. Красный съ крапинками платокъ на груди. Ей лѣтъ сорокъ, лицо грубое, животное, злое. Въ общемъ хорошо сохранилась).

Г-жа Краузе (кричать). Эй, дѣвка... такъ и есть... Вѣда съ этими бабами... Вонъ отсюда... мы не подаемъ... (Обращаясь не то къ Милѣ, не то къ Лоту). Работать надо, руки есть. Вонъ, вонъ. Здѣсь не подають.

Лоть. Позвольте, сударыня... Вѣдь вы... я... моя фамилія Лоть... я желалъ бы... я даже не имѣю намѣ...

Милѣ. Я только хотѣла доложить г-ну инженеру...

Г-жа Краузе. У моего зятя выпрашивать, знаемъ мы это... У него ничего нѣтъ здѣсь своего. (Дверь направо отворяется, Гофманъ просовываетъ голову).

Гофманъ. Мамаша, прошу тебя... (Выходить, обращаясь къ Лоту). Это что? Альфреды! Дружиче! Господи, да неужели же это ты? Вотъ это... это ты умно придумалъ. (Гофманъ, лѣтъ тридцати, стройный, худой, высокаго роста. Одѣтъ по послѣдней модѣ, элегантно причесанъ, на пальцахъ дорогія кольца, брилліантовые запонки въ манишкѣ и брелоки на дѣпочкѣ. Волосы густые, усы пышные и холеные. Лицо птичье. Выраженіе лица неопредѣленное, глаза черные, живые, иногда безпокойные).

Лоть. Я, собственно говоря, совершенно случайно...

Гофманъ (возбужденно). Ахъ, это такъ мило... Ну, это потому. (Онъ пробуетъ снять съ него сумку). Болѣе пріятнаго сюрприза рѣшительно не могло случиться. (Берегъ у него шляпу и палку и кладетъ все на стулъ около двери). Рѣшительно не могло...

Лотъ (саяъ снимая сумку). Я, собственно говоря, къ тебѣ совершенно случайно. (Кладетъ сумку на столъ на авансценѣ).

Гофманъ. Садись. Ты навѣрно усталъ,—садись, пожалуйста. Помнишь? Когда ты прежде ко мнѣ приходилъ, всегда, бывало, бросался на диванъ, такъ что пружина звенѣла и подбрасывала тебя. Ну-ка, вспомни старину. (Г-жа Краузе смотритъ удивленно и уходитъ. Лотъ садится на одно изъ креселъ, стоящихъ на авансценѣ вокругъ стола).

Гофманъ. Ты что пьешь? Пиво? Вино? Коньякъ? Кофе? Чай? Все есть.

(Изъ зимняго сада выходитъ, читая, Елена; ея большая, пожалуй, даже грубая фигура, прическа ея роскошныхъ волосъ, выраженіе лица, модное платье, походка и весь общій видъ—все-таки не могутъ скрыть ея крестьянскаго происхожденія).

Елена. Ты бы могъ, зятекъ... (Замѣчаетъ Лота и быстро скрывается). Простите, ради Бога. (Уходитъ).

Гофманъ. Куда ты, останься!

Лотъ. Твоя жена?

Гофманъ. Нѣтъ, ея сестра. Развѣ ты не слышалъ, какъ она меня величаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Недурна? А?.. Ну, говори же наконецъ, что ты хочешь? Кофе? Чаю? Грогу?

Лотъ. Спасибо, спасибо за все.

Гофманъ (предлагаетъ ему сигару). Ну, можетъ-быть, это? Тоже нѣтъ?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Скромность, достойная удивленія! (Закуриваетъ сигару и въ это время говоритъ) Пе... пепелъ, то-есть табакъ, хотѣлъ я сказать... фу, ты... ну, дымъ... дымъ, конечно, тебѣ не мѣшаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Если бы у меня и этого не было... Но рассказывай все, наконецъ. Вѣдь десять лѣтъ прошло,—хотя ты, впрочемъ, мало измѣнился,—десять лѣтъ времени много. Ну, что подѣлываетъ Ш... Шнурцъ, кажется, такъ? Фипсъ, вся наша веселая компанія? Имѣешь ты о нихъ свѣдѣнія?

Лотъ. Развѣ ты не знаешь?

Гофманъ. Что?

Лотъ. Что онъ застрѣлился.

Гофманъ. Еще застрѣлился? Кто?

Лотъ. Да Фипсъ! Фридрихъ Гильдебрантъ.

Гофманъ. Да что ты?

Лотъ. Да, застрѣлился въ Грюневальдѣ, въ живописномъ мѣстѣ, на берегу Гавельскаго озера. Я былъ тамъ, оттуда видъ на Шпандау.

Гофманъ. Отъ него я этого не ожидалъ. Фипсъ не былъ похожъ на героя.

Лотъ. Потому и застрѣлился. Онъ былъ добросовѣстный, чересчуръ добросовѣстный человѣкъ.

Гофманъ. Добросовѣстный? При чемъ же это тутъ?

Лотъ. Да, именно поэтому... не будь этого, онъ, конечно, не застрѣлился бы.

Гофманъ. Ничего не понимаю.

Лотъ. Ну, ты помнишь его позитивистическія убѣжденія?

Гофманъ. Какъ же. Онъ вѣдь былъ зеленый.

Лотъ. Совершенно вѣрно. Ты вѣдь не будешь отрицать того, что онъ былъ безусловно талантливый юноша. Пять лѣтъ онъ работалъ простымъ штукатуромъ, затѣмъ пять голодалъ и лѣпилъ маленькія статуэтки.

Гофманъ. Ужасное занятіе. Я понимаю искусство, какъ развлеченіе... Нѣтъ, подобнаго рода искусство не по моему вкусу.

Лотъ. Я тоже не любитель, но онъ ужъ пошелъ на это. Проплой весной они кончали памятникъ, какого-то князька увѣковѣчили. Фипсъ принималъ участіе и заработалъ. Вскорѣ послѣ этого онъ застрѣлился.

Гофманъ. Но гдѣ здѣсь добросовѣстность, рѣшительно не понимаю. Это можно назвать только блажью, сплиномъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Лотъ. Да, но это общая участь.

Гофманъ. Очень жаль, но все-таки я съ нимъ не согласенъ.

Лотъ. Ну, для него-то совершенно безразлично, что...

Гофманъ. Да и вообще оставимъ этотъ разговоръ. Я его жалѣю не меньше, чѣмъ ты, но вѣдь онъ уже умеръ. Славный малый былъ... Расскажи лучше что-нибудь про себя, какъ ты жилъ, что подѣлывалъ?

Лотъ. Со мной случилось, что я и ожидалъ. Развѣ ты ничего про меня не слышалъ? То-есть изъ газетъ?

Гофманъ (немного смущенный). Нѣтъ.

Лотъ. Не слыхалъ про мою лейпцигскую исторію?

Гофманъ. Ахъ, про это. Да. Только такъ, случайно.

Лотъ. Дѣло было вотъ какъ...

Гофманъ (беря его за руку). Прежде чѣмъ ты начнешь рассказывать, скажи, ты въ самомъ дѣлѣ ничего не хочешь?

Лотъ. Позднѣй, можетъ-быть.

Гофманъ. Ну, рюмочку коньяку?

Лотъ. О, нѣтъ. Этого во всякомъ случаѣ нѣтъ.

Гофманъ. Ну, а я выпью рюмочку... Ничего нѣтъ лучше для желудка. (Приноситъ бутылку и двѣ рюмки изъ буфета, ставитъ все это на столъ передъ Лотомъ). Grand Champagne, лучшая марка. Можетъ, выпьешь?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ (выпиваетъ). А!.. теперь я весь- вниманіе.

Лотъ. Коротко и ясно: влетѣлъ я сильно.

Гофманъ. На два года, кажется?

Лотъ. Совершенно вѣрно. Однако ты, повидимому, освѣдомленъ. Два года тюрьмы, а потомъ меня исключили изъ университета. Тогда мнѣ былъ двадцать одинъ годъ. Во время этого двухлѣтняго заключенія я написалъ мое первое сочиненіе по политической экономіи. Чтобы было очень пріятно сидѣть въ тюрьмѣ, этого я не скажу.

Гофманъ. И какъ только можно было это устроить? Удивляюсь! Надо же было забить себѣ это въ голову. Просто представить себѣ не могу, чтобы ты выкинулъ такое ребячество. Отправиться въ Америку такимъ молокососамъ, какъ мы! Мы—и основаніе образцоваго государства, удивительное зрѣлище!

Лотъ. Ребячество? Да! Въ извѣстномъ отношеніи это была дѣйствительно ребяческая выходка. Мы не разсчитали всей трудности такого предпріятія.

Гофманъ. И ты дѣйствительно поѣхалъ въ Америку, совершенно серьезно, съ пустыми руками... Ну какъ же назвать это? Безъ всякихъ средствъ мечтать объ устройствѣ образцоваго государства, нѣтъ, это прямо... по меньшей мѣрѣ наивно.

Лотъ. Вотъ, какъ разъ, представь себѣ, результатами-то моей поѣздки въ Америку я совершенно доволенъ.

Гофманъ (громко засмѣявшись). Если ты считаешь прекраснымъ результатомъ холодный дунъ...

Лотъ. Возможно, что я немного и поостылъ, но это еще не значитъ, что со мной случилось что-то особенное. Каждому приходится пройти черезъ разочарованія. Но я далекъ отъ того, чтобы не признавать достоинствъ за тѣмъ, ну, скажемъ, горячимъ временемъ. Оно вовсе ужъ не было такъ наивно, какъ ты думаешь.

Гофманъ. Можетъ-быть... не знаю.

Лотъ. Ты вспомни только всѣ наши мальчишескія развлеченія: вся эта корпораціонная жизнь въ университетѣ,

пьянство, драки. Къ чему вся эта ерунда? Или, какъ Фипсъ говорилъ: что ему Гекуба!.. Вѣдь не на этомъ же все было основано. Нѣтъ, у насъ были самые высшіе человѣческіе идеалы. И все-таки, несмотря на это, то наивное время помогло мнѣ отдѣлаться отъ многихъ предразсудковъ. И мнимая религія и мнимая мораль.

Гофманъ. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобой. Если я стать развитымъ человѣкомъ безъ всякихъ предразсудковъ, то, конечно, — я никогда не лгу, — благодаря днямъ нашей дружбы. Безъ сомнѣнія, меньше, чѣмъ кто-нибудь, я отрицаю это. Я вообще во всѣхъ отношеніяхъ не дикарь, но не могу же я прошибать стѣну лбомъ? Ну къ чему увеличивать еще больше несчастія, которымъ, къ сожалѣнію, подвергается современное поколѣніе. Надо всему давать идти своимъ естественнымъ порядкомъ. Что должно быть, то пусть и будетъ! Практичнымъ, практичнымъ надо быть прежде всего. Припомни, я и прежде такъ рассуждалъ, и это принесло свои плоды. Въ этомъ все дѣло. Вы же всѣ, не исключая и тебя, поступаете поразительно непрактично.

Лотъ. Въ чемъ же именно? Объясни, пожалуйста!

Гофманъ. Очень просто. Вы не умѣете использовать вашихъ способностей. Напримѣръ, ты: человѣкъ ты образованный, свѣдущій, энергичный и такъ далѣе, для тебя все открыто. А вмѣсто этого ты ласешь. Компрометируешь себя съ самыхъ первыхъ шаговъ... Ну сознайся, положи руку на сердце: ты ни разу не раскаивался въ этомъ?

Лотъ. Мнѣ не въ чемъ было раскаиваться, потому что я былъ осужденъ невинно.

Гофманъ. Ну, въ этомъ я не судья.

Лотъ. Изволь, суди самъ, я тебѣ все расскажу: обвинительный актъ утверждалъ, будто бы я основалъ нашъ кружокъ исключительно съ цѣлью партійной агитации, затѣмъ, будто я собиралъ для этого деньги. Но вѣдь ты-то знаешь, что мы занимались исключительно мечтами о колоніяхъ, ну, а что касается денегъ, то ты самъ только-что сказалъ, что у насъ у всѣхъ были пустые карманы. Какъ видишь, въ обвиненіи не было ни слова правды, и тебѣ, какъ члену кружка, слѣдовало бы...

Гофманъ. Ну, членомъ-то я былъ больше по имени, но тебѣ, конечно, я вѣрю. Надо принять во вниманіе, что и судьи-то только люди. Во всякомъ случаѣ гораздо было бы благоразумнѣе тебѣ не показывать и виду. Въ этомъ отно-

шеніи я вообще часто удивлялся тебѣ: редакторъ рабочей газеты, самой темненькой изъ всѣхъ уличныхъ листковъ, кандидатъ въ рейхстагъ отъ милаго простого народа! И зачѣмъ тебѣ все это?—только не придавай моимъ словамъ ложнаго смысла. Ужъ меня-то, кажется, нельзя заподозрѣть въ отсутствіи состраданія къ народу, но если что-нибудь и желательно, то должно это придти отсюда, сверху. Необходимо даже, чтобы это все совершилось сверху. Вѣдь народъ не знаетъ, что ему нужно. Вы думаете, что народъ долженъ самъ добиться этого, вотъ это-то я и называю—пробивать стѣну лбомъ.

Лотъ. Я не совсѣмъ понимаю тебя.

Гофманъ. Ну, посмотри на меня. Руки у меня не связаны: я бы могъ тоже начать осуществлять всѣ эти идеалы. И я могу сказать, что почти уже исполнилъ свою практическую программу. Но вы... безъ средствъ, чего же вы можете достигнуть?

Лотъ. Да, какъ слышно... къ миллионамъ плывешь...

Гофманъ (польщенный). Много чести! Еще рано немного. Кто же говоритъ это? Каждый дѣлаетъ свое дѣло. И соразмѣрно получаетъ вознагражденіе... Кто же говоритъ это?

Лотъ. Я слышалъ въ гостиницѣ; два господина за сосѣднимъ столомъ говорили.

Гофманъ. О, у меня есть враги. Что же они говорили?

Лотъ. Ничего особеннаго. Отъ нихъ я узналъ, что ты какъ разъ въ-время переѣхалъ въ деревню къ своему тестю.

Гофманъ. И чего только ни придумаютъ эти люди! Дорогой другъ, ты просто не повѣришь, какъ тутъ слѣдять шагъ за шагомъ за человѣкомъ въ моемъ положеніи. Это самая невыгодная сторона богатства... А дѣло все въ томъ, что я здѣсь покойнѣе, да и воздухъ здоровѣе, а это необходимо для моей беременной жены.

Лотъ. Но какъ же относительно доктора? Вѣдь въ такихъ случаяхъ близость хорошаго врача важнѣй всего. А здѣсь въ деревнѣ...

Гофманъ. Въ томъ-то все и дѣло, что врачъ здѣсь очень хороший, и, знаешь, я пришелъ къ тому заключенію, что добросовѣстность во врачѣ гораздо важнѣе способностей.

Лотъ. У врачей она, можетъ-быть, идетъ рядомъ со способностями.

Гофманъ. Очень возможно. Добросовѣстность, во всякомъ случаѣ, у нашего врача есть. Онъ немного идеологъ, онъ

пользуется большою любовью среди углекоповъ и крестьянъ, они его прямо боготворятъ... Временами онъ бываетъ невыносимъ смѣсю своей суровости и сентиментальности, но я, ты знаешь, умѣю цѣнить добросовѣстность... Безусловно!.. Да, пока не забылъ... мнѣ очень интересно, да и важно знать, кого слѣдуетъ остерегаться. Послушай!.. Ну, скажи... я по твоему лицу вижу, что эти два господина, твои сосѣди по столу, не совсѣмъ лестно говорили обо мнѣ. Пожалуйста, скажи, что они говорили...

Лотъ. По правдѣ сказать, мнѣ не слѣдовало бы это дѣлать, потому что я хотѣлъ попросить у тебя двѣсти марокъ, именно попросить, такъ какъ я не знаю, буду ли я въ состояніи возвратить тебѣ ихъ когда-нибудь...

Гофманъ (вынимаетъ изъ бокового кармана чекovou книжку, пишетъ чекъ и передаетъ его Лоту). Въ любомъ отдѣленіи государственнаго банка... Я только искренно радъ...

Лотъ. Твоя готовность превзошла всѣ мои ожиданія, — принимаю съ благодарностью. Будь увѣренъ, что деньги эти будутъ истрачены съ пользою.

Гофманъ (съ легкимъ павосомъ). Каждый работникъ заслуживаетъ награды. Ну, а теперь, Лотъ, будь добръ и расскажи, что говорили эти господа...

Лотъ. Говорили они, безъ сомнѣнія, ерунду.

Гофманъ. Все-таки расскажи. Ну, мнѣ это прямо интересно, только интересно и больше ничего.

Лотъ. Рѣчь шла о томъ, что ты вытѣснилъ какого-то подрядчика Мюллера.

Гофманъ. Ну, конечно! Про эту исторію!

Лотъ. Кажется, этотъ господинъ былъ женихомъ твоей теперешней жены?

Гофманъ. Совершенно вѣрно. Ну, а дальше?

Лотъ. Я расскажу тебѣ все, что я слышалъ. Думаю, что тебѣ важно знать всю эту клевету.

Гофманъ. Конечно! Ну?

Лотъ. Насколько я понялъ изъ слышаннаго, Мюллеръ предпринялъ постройку участка здѣшней горной дороги.

Гофманъ. Да. Съ какими-то десятию тысячами талеровъ въ карманѣ. Ну, а когда увидать, что ему этихъ денегъ не хватаетъ, то рѣшилъ выловить себѣ поскорѣ невѣсту изъ вилдорфскихъ дѣвушекъ, и намѣтилъ мою теперешнюю жену.

Лотъ. Они говорили, что онъ дѣйствительно хотѣлъ такъ поступить съ дочерью, а ты поступилъ такъ со старикомъ...

Вѣдь онъ застрѣлился, кажется, потомъ? Затѣмъ, будто бы ты достроилъ его дорогу и при этомъ немало заработалъ.

Гофманъ. Доля правды въ этомъ есть. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты зналъ связь между этими фактами... Не знаютъ ли они еще какихъ-нибудь интересныхъ фактовъ?

Лотъ. И, знаешь, въ особенности они были раздражены однимъ обстоятельствомъ: они подробно рассказывали про твоё огромное предпріятіе съ углемъ и называли тебя... ну, названіе не лестное. Короче говоря, они рассказывали, что ты за бутылкой шампанскаго убѣдилъ здѣшнихъ глупыхъ крестьянъ заключить договоръ, по которому ты одинъ за ничтожную сумму получаешь весь добываемый въ ихъ копяхъ уголь.

Гофманъ (всталъ, видимо затронутый за живое). Вотъ что я скажу тебѣ, Лотъ... Э, да къ чему это затрогивать! Лучше подумаемъ объ ужинѣ, я чертовски голоденъ. Чертовски голоденъ! (Надавливаетъ кнопку электрическаго звонка, проволока котораго, въ видѣ зеленого шнура, свѣшивается надъ столомъ, слышится звонокъ).

Лотъ. Если ты хочешь, чтобы я остался, будь такъ добръ... я хотѣлъ бы немного привести себя въ порядокъ.

Гофманъ. Сію минуту... (Входитъ Эдуардъ, лакей въ ливреѣ). Эдуардъ, отведите барина въ комнату для пріѣзжихъ.

Эдуардъ. Слушаю-съ.

Гофманъ (пожимая руку Лота). Минуть чересъ пятнадцать приходи внизъ кушать.

Лотъ. Хорошо. До свиданія.

Гофманъ. До свиданія. (Эдуардъ открываетъ дверь и пропускаетъ Лота. Оба уходятъ. Гофманъ чешетъ себѣ затылокъ, смотритъ задумчиво въ полъ, идетъ къ двери налѣво, беретъ за ручку; въ это время входитъ Елена въ стеклянную дверь и обращается къ нему).

Елена. Зятъ, это кто такой?

Гофманъ. Одинъ изъ моихъ товарищей по гимназін, даже самый старшій изъ нихъ, Альфредъ Лотъ.

Елена (быстро). Онъ совсѣмъ ушелъ?

Гофманъ. Нѣтъ, онъ будетъ у насъ ужинать. А возможно, очень возможно, что и перепочуетъ.

Елена. Я ни за что не выйду къ ужину.

Гофманъ. Почему?

Елена. Что мнѣ дѣлать съ образованными людьми? Лучше ужъ останусь преспокойно крестьянкой.

Гофманъ. Вѣчно эти фокусы! Нѣтъ, сдѣлай одолженіе, похлопочи объ ужинѣ. Я хочу устроить немного по-праздничному. Я подозреваю, что онъ что-то затѣваетъ.

ЕЛЕНА. Что же онъ можетъ затѣвать, думаешь ты?

ГОФМАНЪ. Ну, тебѣ этого не понять. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, до сихъ поръ мнѣ не приходилось думать объ этомъ. Во всякомъ случаѣ приготовь все какъ слѣдуетъ. Конечно, шампанскаго. Что, изъ Гамбурга прислали омаровъ?

ЕЛЕНА. Кажется, сегодня утромъ прислали.

ГОФМАНЪ. Значитъ, омары будутъ... (Стукъ въ дверь). Войдите.

ПОСЫЛЬНЫЙ (выходитъ съ ящикомъ подъ мышкой, говоритъ нараспѣвъ). Посылка.

ЕЛЕНА. Откуда?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Изъ Берлина.

ГОФМАНЪ. Ну да, это дѣтскія вещи изъ магазина Герцога. (Осматриваетъ посылку и беретъ квитанцію). Да, да, конечно, отъ Герцога.

ЕЛЕНА. Цѣлый ящикъ! Куда же это столько?

ГОФМАНЪ (даетъ на чай посыльному).

ПОСЫЛЬНЫЙ (нараспѣвъ). Добрый вечеръ. (Уходитъ).

ГОФМАНЪ. Какъ куда?

ЕЛЕНА. Да вѣдь здѣсь хватитъ на троихъ дѣтей.

ГОФМАНЪ. Ты не ходила съ женой гулять?

ЕЛЕНА. Что же я подѣлаю, если она сейчасъ же устаетъ?

ГОФМАНЪ. Вѣчно устаетъ. Просто несчастіе! Полтора часа... надо же слушаться доктора! Для чего же звать его, если...

ЕЛЕНА. А ты возмись за это какъ слѣдуетъ и выгони эту Шпиллеръ. Ну что я могу сдѣлать со старой бабой, которая вѣчно ей поддакиваетъ.

ГОФМАНЪ. Ну, а я что могу подѣлать? Что же я сдѣлаю, какъ мужъ?... да и кромѣ того ты знаешь тещу.

ЕЛЕНА (горько). И даже слишкомъ хорошо.

ГОФМАНЪ. Гдѣ она сейчасъ?

ЕЛЕНА. Съ тѣхъ поръ, какъ г-нъ Лотъ здѣсь, эта Шпиллеръ не даетъ ей покою. Къ ужину она, навѣрно, колесомъ заходить.

ГОФМАНЪ (углубившись въ свои мысли, ходитъ по комнатѣ). Клянусь, послѣдній разъ переносу и все это. Честное слово.

ЕЛЕНА. Тебѣ-то хорошо, — ты можешь идти, куда хочешь.

ГОФМАНЪ. Если бы я жилъ адѣсь всегда, при мнѣ не могло бы быть такого безобразія.

ЕЛЕНА. Въ этомъ я не виновата. Я ей водки не давала.

Вотъ ты г-жу Шпиллеръ лучше выгони. Если бы я была мужчиной!..

Гофманъ (со вздохомъ). Поскорѣй бы все это прошло! (Идетъ къ двери направо). Итакъ, Елена, пожалуйста, постарайся для меня, чтобы ужинъ былъ повкуснѣе. А мнѣ надо еще одно дѣльце окончить.

Елена (звонитъ. Входитъ Миля). Миля, накройте столъ. Эдуарду велите заморозить шампанское и открыть четыре дюжины устрицъ.

Миля. Ужъ вы сами ему скажите, онъ меня не слушается, онъ говоритъ, что получаетъ жалованье отъ г-на инженера и...

Елена. Пошлите его ко мнѣ.

(Миля уходитъ. Елена подходит къ зеркалу, прибираетъ на туалетѣ. Въ это время входитъ Эдуардъ).

Елена (продолжаетъ стоять передъ зеркаломъ). Эдуардъ, заморозьте шампанское и откройте устрицы. Г-нъ Гофманъ приказалъ это сдѣлать.

Эдуардъ. Слушаю-съ!

(Эдуардъ уходитъ. Тотчасъ же раздается стукъ въ среднюю дверь).

Елена (испуганно). Боже мой! (Тихо) Войдите. (Громче и храбрѣе) Войдите!

Лотъ (входитъ). Ахъ, простите, ради Бога! я помѣшалъ?.. Мое имя—Лотъ.

Елена (присѣдаетъ, какъ на урокъ танцевъ).

Голосъ Гофмана (за запертой дверью). Безъ церемоній, дѣти... Я сейчасъ выйду. Лотъ! это моя свояченица, Елена Краузе. Елена, а это мой другъ—Альфредъ Лотъ. Будьте знакомы!

Елена. Всегда ты дуришь.

Лотъ. Я на него не обижаюсь. Чтò касается хорошаго тона, то я самъ—настоящій варваръ. Можетъ быть, я помѣшалъ вамъ, такъ я...

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько! (Оба смущены). Это... это очень много съ вашей стороны, что вы разыскали моего зятя, онъ всегда жалуется... жалуется, что всѣ его товарищи забыли его.

Лотъ. Это вышло совершенно случайно. Я все время жилъ въ Берлинѣ и въ его окрестностяхъ и не имѣлъ попятія, гдѣ Гофманъ. Со времени моего студенчества въ Бреславлѣ я не былъ въ Силезіи.

Елена. Значитъ, вы совершенно случайно попали къ нему?

Лотъ. Совершенно случайно разыскалъ его, и какъ разъ тамъ, гдѣ я думалъ работать.

Елена. Вы шутите! Въ Вицдорфѣ—научныя занятія, въ этомъ жалкомъ гнѣздѣ!

Лотъ. Вы называете его жалкимъ? Но вѣдь здѣсь необычайныя богатства.

Елена. Да, правда. Относительно...

Лотъ. Я только и дѣлалъ, что удивлялся. Увѣряю васъ, что такихъ крестьянскихъ усадебъ рѣшительно нигдѣ нѣтъ. Богатство здѣсь видно во всемъ.

Елена. Вы совершенно правы! Въ рѣдкой конюшнѣ лошади и коровы ѣдятъ не изъ мраморныхъ яслей и нейзильберныхъ рѣшестокъ. И все это сдѣлалъ уголь, найденный въ нашихъ поляхъ. Онъ моментально обогатилъ дѣлшнихъ крестьянъ. (Показываетъ на картину на задней стѣнѣ) Посмотрите,—мой дѣдъ былъ извозчикомъ; это имѣньице принадлежало ему, но тогда земля не давала ничего, и ему пришлось заняться извозомъ. Вотъ это онъ самъ—въ синей блузѣ. Мой отецъ въ молодости тоже носилъ такой костюмъ... Нѣтъ, я не въ этомъ смыслѣ сказала: «жалкій», а потому, что здѣсь скука. Для ума здѣсь пищи нѣтъ. Смертельная скука.

(Миля и Эдуардъ то входятъ, то выходятъ, накрывая столъ справа въ задней части сцены).

Лотъ. Бываютъ же здѣсь вечера?

Елена. Вообразите, даже и этого нѣтъ. Крестьяне пьютъ, играютъ въ карты, охотятся. Тутъ никого не видишь. (Подходитъ къ окну и показываетъ рукой) Вотъ развѣ такія картины.

Лотъ. Гм! Углекопы...

Елена. Да, углекопы, которые идутъ изъ дому въ шахты или изъ шахтъ домой, и такъ все время. По крайней мѣрѣ я вижу только углекоповъ. Вы думаете, что мнѣ можно одной выйти изъ дому? Самое большое—это въ поле, черезъ заднія ворота. Вѣдь это такой сбродъ! Вѣчно вытаращатъ на васъ глаза, да и смотреть-то такъ угрюмо, какъ будто вы совершили какое-то преступленіе... Зимой, если ѣдешь въ савяхъ и встрѣтишь въ горахъ, въ темнотѣ, въ мятель толпу этихъ углекоповъ, вы думаете, они посторонятся? Ни за что! Они нарочно пойдутъ передъ лошадьми. Сколько разъ приходилось братья за кнутъ. Иначе не пройдешь. Но зато какъ они ругаются потомъ вслѣдъ! Мнѣ часто страшно становилось.

Лотъ. А знаете, я пріѣхалъ сюда какъ разъ для этихъ людей, которыхъ вы такъ боитесь.

Елена. Ну, что вы говорите?

Лотъ. Совершенно серьезно. Они меня больше всего и всѣхъ интересуютъ.

Елена. Больше всѣхъ, безъ всякихъ исключеній?

Лотъ. Да.

Елена. Даже не исключая моего зятя?

Лотъ. Даже не исключая и его. Интересъ этотъ совершенно другой... болѣе высокій... простите, но вы этого не поймете.

Елена. Почему? Я васъ вполне понимаю. (Ронзаетъ изъ кармана письмо. Лотъ нагибается). Оставьте — это не важно. Самая обыкновенная школьная переписка.

Лотъ. Вы были въ школѣ?

Елена. Да, въ Гернгутъ. Вы не думайте, что я... Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю васъ.

Лотъ. Видите ли, рабочіе меня интересуютъ именно какъ рабочіе.

Елена. Да, да, конечно, интересно... очень... такой углекопъ... Въдь есть мѣста, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Но если каждый день ихъ видѣть...

Лотъ. Даже если ихъ видѣть и каждый день. Ихъ даже необходимо видѣть каждый день, чтобы найти въ нихъ интересное.

Елена. Это такъ трудно найти? Что же это собственно?.. Ну, въ чемъ же заключается это интересное?

Лотъ. Очень интересно, напримѣръ, почему эти люди, по вашимъ словамъ, смотрятъ на васъ всегда съ такой ненавистью и угрюмо.

Елена. Почему же вы думаете, что это такъ ужъ особенно интересно?

Лотъ. Да потому, что это явленіе вовсе не обычное. Мы же всѣ бываемъ такими только временами, а не всегда.

Елена. Да; но почему же они такъ смотрятъ... съ такой ненавистью и такъ угрюмо? Должно же быть для этого какое-нибудь основаніе.

Лотъ. Совершенно справедливо. Вотъ это-то основаніе и интересно узнать.

Елена. Нѣтъ. Вы что-то сочиняете. Ну что вамъ отъ того, если вы даже узнаете?

Лотъ. Можетъ-быть, можно найти причину, почему эти люди выглядятъ такими несчастными и угрюмыми, и устранить. Можно тогда ихъ сдѣлать и счастливыми.

Елена (немного смущенно). По правдѣ сказать... я только

теперь поняла васъ немного... все это для меня такъ ново, такъ ново.

Гофманъ (входитъ изъ двери направо. Держитъ въ рукѣ нѣсколько писемъ). Ну вотъ и я. Эдуардъ! Эти письма отправить на почту, только до восьми часовъ. (Отдастъ письма лакею. Лакей уходитъ). Ну, дѣти, теперь можно поужинать. Здѣсь непозволительная жара. Сентябрь, и такая жара! (Вынимаетъ шампанское изъ вазы со льдомъ). Вдова Кликъ! Эдуардъ знаетъ мою слабость. (Къ Лоту) Вы о чемъ-то такъ горячо спорили. (Подходитъ къ накрытому и уставленному закусками столу. Потираетъ руки). Да! выглядеть аппетитно. (Смотритъ лукаво на Лота) А? ты какъ думаешь?.. Да, Елена! къ намъ придетъ Вильгельмъ Кааль. Онъ былъ сейчасъ на дворѣ.

ЕЛЕНА (дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ).

Гофманъ. Дорогая моя, какъ будто я его... но что же я могу сдѣлать? (Слышны тяжелые шаги за дверью). Вѣдь я же его не звалъ.

(Кааль входитъ, не постучавшись. Ему двадцать четыре года. Неуклюжій деревенскій паренъ. Повидимому, ему страшно хочется изобразить богатаго и ловкаго молодого человѣка. Черты лица грубыя. Выраженіе лица глупое. Одѣтъ въ зеленый жакетъ, пеструю бархатную жилетку, темныя брюки и лаковые башмаки. Жакетъ съ пуговицами изъ оленьяго рога, по часовой цѣпочкѣ оленьи зубы. Занимается).

КААЛЬ. Добрый вечеръ! (Увидаль Лота, смутился. У него очень жалкій видъ).

Гофманъ (подходитъ къ нему и ободряетъ его). Добрый вечеръ, г-нъ Кааль.

ЕЛЕНА (сердито). Добрый вечеръ.

КААЛЬ (идетъ, тяжело ступая, наискось черезъ всю комнату, подходит къ Еленѣ и протягиваетъ ей руку). Добрый вечеръ, Лена.

Гофманъ (къ Лоту). Позволь тебѣ представить: г-нъ Кааль, сынъ нашего сосѣда.

КААЛЬ (вертитъ шляпу въ рукѣ, смущенъ).

Гофманъ. За столъ, дѣти! Кого еще нѣтъ? Да, тещи! Миля! попросите г-жу Краузе къ столу. (Миля уходитъ въ среднюю дверь).

Миля (за сценой въ сѣняхъ, кричитъ) Барыня! Барыня! Идите ѣсть! Идите ѣсть!

ЕЛЕНА и ГОФМАНЪ (смотреть другъ на друга и отъ души смѣются. Затѣмъ оба выѣстъ смотреть на Лота).

Гофманъ (обращаясь къ Лоту). Что городъ, то норовъ,— что деревня, то обычай.

Г-жа КРАУЗЕ (входитъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, въ шелкахъ и въ драгоценностяхъ. Тщеславіе, глупая надменность, бессмысленное чванство въ манерахъ).

Гофманъ. А-а! вотъ и мама! Позволь тебѣ представить моего друга, д-ра Лота.

Г-жа Краузе (дѣлаетъ невѣроятный книксенъ). Очень рада. (Послѣ паузы) Ужъ вы не сердитесь на меня, г-нъ докторъ! Не взыщите ужъ (чѣмъ дальше, тѣмъ говорить быстрѣе) за мое давешнее обращеніе съ вами. Знаете, прямо голова идетъ кругомъ отъ этой массы нищихъ... Ну просто бѣда съ ними! Вы себѣ представить не можете... Да къ тому же они и воры всѣ. Конечно, дѣло не въ пфеннигѣ. Можно и три пфеннига дать, въ крайнемъ случаѣ, и талеръ даже, мы этого не считаемъ. Вотъ Людвигъ Краузе—ну, эта скупа, такъ скупа! Всякой дрянн завидуетъ: мужъ-то у нея, вы знаете, отъ злости умеръ, отъ досады, что проигралъ въ карты двѣ тысячи талеровъ. Нѣтъ, мы не такіе. Вотъ посмотрите на буфетъ—вѣдь стоить онъ двѣсти талеровъ безъ пересылки. Такой буфетъ не стыдно и барону Клинкуву поставить у себя.

(Г-жа Шпиллеръ вошла вскорѣ послѣ г-жи Краузе. Маленькаго роста, кривобока и разодѣта въ старыя платья г-жи Краузе. Все время, пока говоритъ г-жа Краузе, она благоговѣйно смотритъ на нее. Ей на видъ лѣтъ пятьдесятъ лѣтъ; при выдыханіи она издаетъ легкій стонъ, который слышенъ и въ то время, когда она говоритъ, въ видѣ буквы «м»).

Г-жа Шпиллеръ (говоритъ тихо, покорнымъ, грустнымъ тономъ). У барона Клинкава точъ-въ-точъ такой же буфетъ... ммм...

Елена (къ г-жѣ Краузе). Мама, не сѣсть ли намъ раньше закусить, а потомъ...

Г-жа Краузе (моментально поворачивается къ Еленѣ и произноситъ ее уничтожающимъ взглядомъ. Коротко и повелительно). Развѣ это прилично! (Собираясь садиться за столъ, вспоминаетъ, что по прочтеніи предобѣденная молитва. Механически складываетъ руки къ молитвѣ, но сама еще сердится).

Г-жа Шпиллеръ (читаетъ молитву). Сойди съ небесной, Боже, выслы. Благослови, что даровалъ намъ Ты. Аминь.

(Всѣ съ шумомъ садятся. Неловкое положеніе понемногу сглаживается. Нѣкоторое время всѣ другъ друга усиленно угощаютъ).

Гофманъ (Лоту). Не стѣсняйся, пожалуйста. Устрицъ хочешь?

Лотъ. Да, хочу попробовать. Первый разъ въ жизни буду ихъ ѣсть.

Г-жа Краузе (только-что взявъ устрицу, съ полнымъ ртомъ). То-есть въ этомъ году?

Лотъ. Нѣтъ, вообще.

(Г-жа Краузе и г-жа Шпиллеръ обмѣниваются взглядами).

Гофманъ (обращаясь къ Каалю, выжимющему зубами лимонъ). Я васъ цѣлыхъ два дня не видалъ, г-нъ Кааль. Ну что, удачно охотились за мышами это время?

Кааль. Н...н...нѣтъ.

Гофманъ (Лоту). Г-нъ Кааль страстный охотникъ.

Кааль (заклаясь). Эти мыши ужасно глупыя животныя.

Елена (громко засмѣявшись). Нѣтъ, вы знаете, онъ убиваетъ всѣхъ—и дикихъ и домашнихъ животныхъ.

Кааль (заклаясь). Вчера я наконецъ застрѣдилъ старую свинью.

Лотъ. Повидимому, охота—ваше главное занятіе?

Г-жа Краузе. Г-нъ Кааль занимается эгимъ для своего собственнаго удовольствія.

Г-жа Шпиллеръ. Лѣсъ, дичь и женщины—какъ говорилъ его превосходительство министръ фонъ-Шадендорфъ.

Кааль (заклаясь). Послѣзавтра у насъ будутъ садки голубей.

Лотъ. А что это такое, садки голубей?

Елена. Ахъ, я это видѣть не могу равнодушно. Звѣрская забава. Даже уличные мальчишки, которые съ наслажденіемъ окна бьютъ, даже и они этого не позволяютъ себѣ.

Гофманъ. Ну, Елена, ты ужъ слишкомъ строга.

Елена. Не знаю, но, по-моему, ужъ гораздо лучше бить стекла, чѣмъ стрѣлять въ привязанныхъ къ колу голубей.

Гофманъ. Но надо помнить, Елена...

Лотъ (что-то разрывая на тарелкѣ). Возмутительное безобразіе!

Кааль (заклаясь). Пѣсколько штукъ голубей...

Г-жа Шпиллеръ (къ Лоту). Г-нъ Кааль уже убилъ двѣсти штукъ.

Лотъ. Вообще всякая охота безобразіе.

Гофманъ. Да, но неустранимое. Какъ разъ теперь мнѣ поручено достать пятьсотъ лисицъ, и всѣ лѣсники въ округѣ, да и во всей Германіи, сторожатъ лисьи норы.

Лотъ. Кому же понадобилось столько живыхъ лисицъ?

Гофманъ. Ихъ отправляютъ въ Англію, гдѣ онѣ удостоиваются быть убитыми тотчасъ же по выходѣ изъ клітокъ благородными лордами и лэди.

Лотъ. Скотина всегда останется скотиной, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ или магометанинъ.

Елена. Мама, передать тебѣ омаровъ?

Г-жа Краузе. Въ этомъ сезонѣ они замѣчательно хороши.

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, у васъ такой тонкій вкусъ...ммм...

Г-жа Краузе (Лоту). А вы, г-нъ докторъ, и омаровъ никогда не ѣли?

Лотъ. О, нѣтъ, омаровъ мнѣ приходилось часто ѣсть въ Варнемюнде, на моей роднѣ.

Г-жа Краузе (къ Каалу). Правда, Вильгельмъ, иногда сама не знаешь, чего тебѣ хочется съѣсть?

Кааль (занимаясь). Это... Дѣйствительно... это только Богъ знаетъ, тетушка.

Эдуардъ (хочетъ налить Лоту шампанскаго). Шампанскаго. Лотъ (отстраняетъ свой бокалъ). Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Ну, безъ глупостей!

Елена. Вы не пьете?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Ну, послушай, вѣдь это наконецъ скучно.

Лотъ. Если бы я пилъ, я былъ бы еще скучнѣе.

Елена. Это интересно, докторъ.

Лотъ. Что? Что я дѣлаюсь скучнѣе, когда выпью?

Елена (немного въ смущеніи). Нѣтъ, нѣтъ, что... что вы не пьете... то-есть, я хотѣла сказать, интересно, что вы вообще не пьете.

Лотъ. Почему же интересно?

Елена (покраснѣвъ). Это... это необыкновенно. (Окончательно краснѣетъ и смущается).

Лотъ (нехотко). Вы, къ сожалѣнію, правы.

Г-жа Краузе (Лоту). Бутылка стоитъ пятнадцать марокъ. Можете смѣло пить,—прямо изъ Реймса. Дурного вина мы бы не предложили вамъ, потому что сами его не пьемъ.

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, повѣрьте мнѣ, г-нъ докторъ, если бы даже его превосходительство г-нъ министръ фонъ-Шадендорфъ... ммм... сидѣлъ бы за этимъ столомъ...

Кааль. Я не могу жить безъ вина.

Елена (Лоту). Скажите, почему вы собственно не пьете?

Лотъ. Съ удовольствіемъ...

Гофманъ. Э, что тамъ. (Беретъ у лакея бутылку и хочетъ самъ налить ему вина). Вспомнимъ-ка, старый товарищъ, какъ мы раньше весело проводили время.

Лотъ. Нѣтъ, оставь, прошу тебя.

Гофманъ. Ну, сегодня. Одинъ разъ.

Лотъ. Ни за что.

Гофманъ. Ну, для меня! (Гофманъ хочетъ налить, Лотъ отстраняетъ бутылку; небольшая борьба).

Лотъ. Нѣтъ, нѣтъ, я же сказалъ... нѣтъ и нѣтъ!

Гофманъ. Только не сердись.

Кааль (къ г-жѣ Шпиллеръ). Не хочетъ, и не надо...

Г-жа Шпиллеръ (киваетъ утвердительно).

Гофманъ. Ну, воля твоя, только не могу понять: ни стакана вина за ужиномъ...

Лотъ. Стаканъ пива за завтракомъ.

Гофманъ. А то какъ же! Стаканъ пива даже полезно.

Лотъ. Рюмочку-другую коньяку.

Гофманъ. Неужели ужъ этого нользя? Аскетомъ-то меня не сдѣлаешь. Зачѣмъ я самъ себя буду лишать всѣхъ удовольствій въ жизни?

Лотъ. Ну, я съ этимъ не согласенъ. По-моему, и такъ достаточно необходимыхъ раздражающихъ моментовъ для нервной системы.

Гофманъ. Общество, въ которомъ ничего не пьютъ... это такъ пусто и скучно; спасибо за такую компанію!

Г-жа Краузе. Дворяне всегда много пьютъ.

Г-жа Шпиллеръ (подтверждаетъ ея слова шлюбомъ головы). Пить вино—благородно.

Лотъ (къ Гофману). Для меня какъ разъ наоборотъ,—мнѣ скучно въ обществѣ, гдѣ много пьютъ.

Гофманъ. Само собой, все хорошо въ мѣру.

Лотъ. Ну, а что ты называешь въ мѣру?

Гофманъ. Ну... конечно, чтобы не терять разсудка.

Лотъ. А-а-а... Значить, ты все-таки согласенъ, что злоупотребленіе алкоголемъ вредитъ разсудку. Вотъ видишь, потому-то мнѣ и скучно въ пьяной компаніи.

Гофманъ. Развѣ ты боишься такъ скоро лишиться разсудка?

Клааль (закрываясь). Я недавно выпилъ бутылку рюдессгеймера, бутылку шампанскаго, затѣмъ бутылку бордо, и все-таки не былъ пьянъ.

Лотъ (Гофману). Ничуть не боюсь; ты, вѣроятно, помнишь вѣдь, что всегда я развозилъ всѣхъ васъ, пьяныхъ, по домамъ. Натура у меня осталась здоровая, какъ и была, такъ что бояться въ этомъ отношеніи мнѣ не приходится.

Гофманъ. Тогда почему же?

Елена. Въ самомъ дѣлѣ, почему же вы въ концѣ концовъ не пьете?

Лотъ (Гофману). Ну, изволь; успокойся, я потому сегодня ничего не цюю, что далъ слово избѣгать спиртныхъ напитковъ.

Гофманъ. Иначе говоря, ты дошелъ до того, что поступилъ въ общество трезвости?

Лотъ. Да, я полнѣйшій трезвенникъ.

Гофманъ. Долго ли ты будешь заниматься такими, съ позволенія сказать...

Лотъ. Всю жизнь.

Гофманъ (бросаетъ ножъ и визгу и встаетъ со стула). Фу, ты настоящий мѣшокъ съ соломой! (Садится). Прости, но, откровенно говоря, это чересчуръ наивно.

Лотъ. Можешь называть это, какъ тебѣ угодно.

Гофманъ. Но какимъ путемъ ты дошелъ до этого?

Елена. Для этого у васъ была, вѣроятно, вѣская причина.

Лотъ. Да, конечно. И ты, Гофманъ, повидимому, не знаешь, какую громадную роль играетъ алкоголь въ нашей жизни? Если ты хочешь имѣть понятіе объ этомъ, прочти Бунге. Я помню, что сказалъ знаменитый Эвереттъ о значеніи алкоголя для Соединенныхъ Штатовъ. Эти изслѣдованія касаются десятилѣтняго періода. По его мнѣнію, алкоголь поглотилъ сумму въ 3 милліарда и 600 милліоновъ долларовъ. Онъ отправилъ на тотъ свѣтъ 300.000 взрослыхъ; 100.000 дѣтей попали изъ-за него въ нищіе, вѣскольکو тысячъ попало въ тюрьмы и въ работные дома. Онъ былъ причиной по крайней мѣрѣ 2.000 самоубійствъ. Онъ причинялъ убытку, самое меньшее, на 10 милліоновъ долларовъ путемъ пожаровъ и грабежей; изъ-за него 2.000 женщинъ овдовѣли и не менѣе милліона дѣтей осиротѣли. Но что самое ужасное, это то, что влеченіе къ алкоголю простирается до третьяго и четвертаго поколѣнія. Если бы я далъ себѣ слово не жениться, то я могъ бы пить, но такъ какъ я... Всѣ мои предки были люди здоровые и крѣпкіе и, насколько я знаю, воздержные люди. Каждое мое движеніе, каждый трудъ, который я преодолеваю, каждое мое дыханіе, — все мнѣ говоритъ, какъ я долженъ быть имъ благодаренъ. И вотъ во мнѣ окрѣпло безповоротное рѣшеніе передать моему потомству это наслѣдство совершенно неиспорченнымъ.

Г-жа Краузе. А вѣдь правда, зять, налин углекопы чересчуръ пьянствуютъ, это что и говорить!

Кааль. Они пьютъ, какъ свиньи.

Елена. Значить, это наслѣдственное?

Лотъ. Есть цѣлая семья алкоголиковъ, которыя погибаютъ отъ этого.

Кааль (не то г-жѣ Краузе, не то Еленѣ). Вашъ старикъ тоже совсѣмъ съ ума сходитъ.

Елена (блѣдная, какъ полотно, рѣзко). Не говорите глупостей!

Г-жа Краузе. Какія гордые дѣвки пошли! Скажите, принцесса кака! Такъ обращаться съ будущимъ мужемъ!

(Къ Лоту, показывая на Кааля) Вѣдь онъ, надо вамъ сказать, ея будущій мужъ, г-нъ докторъ. Ужъ у насъ все устроено.

Елена (вскакивая). Перестать! Или... перестань, мама, или...

Г-жа Краузе. Богъ, извольте-ка послушать... Ну, скажите, г-нъ докторъ, вотъ и это тоже отъ образованія? Я съ ней, видите Богъ, какъ со своимъ ребенкомъ обращаюсь, а она меня за дуру сумасшедшую считаетъ.

Гофманъ (успокаивая). Ахъ, мама, ради Бога, сдѣлай одолженіе...

Г-жа Краузе. Ну нѣтъ, какова птица? Ну гдѣ же здѣсь справедливость... дрянъ ты такая!

Гофманъ. Мама, прошу тебя наконецъ...

Г-жа Краузе (свирѣпо). Тоже бабы! Присмотрѣть за прислугой въ хозяйствѣ, это изъбави Богъ! А вотъ разные Шиллеры да Гёте и другіе дураки, которые только и умѣютъ, что врать,—вотъ эти ихъ съ ума сводятъ. Просто заболѣешь съ ней отъ злости!

Гофманъ (успокаивая). Ну... она просто... Ну, это, пожалуй, было не совсѣмъ правильно съ ея стороны... (Дѣлаетъ знаки Еленѣ, которая въ возбужденіи отошла въ сторону. Дѣвушка съ трудомъ сдерживаетъ слезы и садится на прежнее мѣсто).

Гофманъ (прерываетъ мучительное молчаніе, къ Лоту). Да... на чемъ мы остановились? Ахъ, правда... на злополучномъ алкогольѣ. (Поднимаетъ стаканъ) Ну, мама, миръ! Давай-ка чокнемся и помиримся. Пусть алкоголь помирить насъ, доставимъ ему эту честь. (Г-жа Краузе но совсѣмъ охотно, но чокается. Гофманъ, обращаясь къ Еленѣ) Елена! Твой бокалъ пустъ? Лотъ, твой урокъ не пропалъ даромъ.

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, я...

Гофманъ. Ты до сихъ поръ не была такой нѣженкой.

Елена (твердо). Я просто сегодня не хочу пить...

Гофманъ. Прости, ради Бога, прости... Да, о чемъ мы говорили?

Лотъ. Мы говорили, что есть цѣлыя семьи алкоголиковъ.

Гофманъ. Совершенно вѣрно, по... (Замѣчаетъ, что г-жа Краузе все болѣе и болѣе раздражается, а Кааль съ трудомъ удерживается, чтобы не разсѣяться надъ чѣмъ-то, что его внутренно сильно забавляетъ. Елена, со своей стороны, наблюдаетъ за нимъ и угрожающимъ взглядомъ уже нѣсколько разъ удержала его высказать то, что ему очень хотѣлось сказать. Лотъ равнодушно занятъ кожей отъ яблока, ничего не замѣчаетъ).

Лотъ. А у васъ, кажется, на недостатокъ пожаловаться нельзя?

Гофманъ. То-есть... недостатокъ чего?

Лотъ. Ну, конечно, пьяницъ.

Гофманъ. Гм... ты думаешь? А, да, конечно, углеконы...

Лотъ. Ну, не одни же углеконы. Напримѣръ, въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, прежде чѣмъ придти къ тебѣ, я видѣлъ, какъ развалился тамъ одинъ. (Онъ облокачивается локтями на столъ, кладетъ голову на руки и смотритъ пристально на столъ).

Гофманъ. Правда? (Его смущеніе дошло до высшей степени. Елена пристально смотритъ на Каалъ, который трясется отъ восторженнаго смѣха, но еще сдерживаетъ себя, чтобы не расхохотаться громко).

Лотъ. Удивительно, что ты не знаешь этого оригинала. Въдѣ гостиница здѣсь рядомъ. Мнѣ сказали, что это здѣшній богатый крестьянинъ, который буквально съ утра до ночи и съ ночи до утра пьетъ въ этой гостиницѣ. Конечно, онъ уже превратился въ какого-то звѣря. Эти заплывшіе пьяные глаза, которыми онъ уставился на меня!.. (Каалъ не выдержалъ, разражается громкимъ смѣхомъ, такъ что Лотъ и Гофманъ удивленно смотрятъ на него).

Каалъ (говоритъ сквозь смѣхъ). Конечно... конечно... это старикъ.

ЕЛЕНА (быстро, порывисто вскакиваетъ, мнетъ въ рукахъ салфетку и бросаетъ на столъ). Вы... вы... (Плюетъ) Тыфу! (Быстро уходитъ).

Каалъ (прерывая смущеніе, возникшее отъ сдѣланной имъ большой глупости). Вотъ еще! Ерунда! Глупо... Я пойду своей дорогой. До свиданія. (Надѣваетъ шляпу и говоритъ, уходя и не оборачиваясь) Доброй ночи!

Г-жа Краузе (вслѣдъ ему). Я тебѣ этого не забуду, Вильгельмъ. (Складываетъ салфетку и кричитъ) Миля! (Миля входитъ). Убирай! (Про себя, но громко) Вотъ дуракъ-то!

Гофманъ. Но, мама, я, сказать по правдѣ...

Г-жа Краузе. Торопись. (Встаетъ, уходитъ).

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, у нея было столько неприятностей сегодня! Благодарю покорно. (Встаетъ, тихо молится, вскидывая глазами, и затѣмъ уходитъ).

(Миля и Эдуардъ убираютъ со стола. Гофманъ всталъ и съ зубочисткой во рту идетъ на авансцену. Лотъ за нимъ).

Гофманъ. Вотъ видишь, каковы онѣ... жсящины.

Лотъ. Я ничего не понимаю.

Гофманъ. Э, да и говорить объ этомъ не стоитъ. Это и въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ бываетъ. Надѣюсь, это не помѣшаетъ тебѣ погостить у насъ нѣсколько дней...

Лотъ. Я бы очень хотѣлъ познакомиться съ твоей женой... Отчего она не показывается?

Гофманъ (обрѣзая новую сигару). Ну, понимаешь, въ ея положеніи... Женщина вѣдь не можетъ не модничать. Пойдемъ, пройдемся по саду. Эдуардъ! Кофе въ бесѣдку!

Эдуардъ. Слушаю.

(Гофманъ и Лотъ уходятъ черезъ зимній садъ. Эдуардъ уходитъ въ среднюю дверь, туда же за нимъ идетъ и Миля съ заставленнымъ посудой подносомъ. Нѣсколько времени комната остается пустой, затѣмъ появляется Елена).

ЕЛЕНА (разстроенная, съ заплаканными глазами, держать платокъ около рта. Отъ средней двери, черезъ которую она вошла, она быстро дѣлаетъ нѣсколько шаговъ влѣво и прислушивается у двери, ведущей въ комнату Гофмана). О, не уходи! (Не услышавъ здѣсь ничего, она прокрадывается къ двери зимняго сада и нѣсколько секундъ прислушивается, затѣмъ дышаніе, умоляющимъ тономъ, съ сложенными соотвѣтственно руками) О, не уходи, не уходи!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Около четырехъ часовъ утра. Окна въ трактирѣ освѣщены. Въ ворота виденъ блѣдно-сѣрый утренній свѣтъ, который въ теченіе дѣйствія окрашивается въ темно-красный, а затѣмъ такъ же постепенно переходитъ въ свѣтлый денной свѣтъ. На землѣ около воротъ сидитъ Бейбстъ (ему около шестидесяти лѣтъ) и отбиваетъ косу. При поднятіи занавѣсы почти ничего не видно, кромѣ его фигуры, которая вырывается на сѣромъ утреннемъ небѣ, но слышны однообразные, непрерывные, правильные удары молотка о наковальню. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышенъ только этотъ шумъ, затѣмъ глубокая тишина нарушается крикомъ гостей, уходящихъ изъ трактира. Трактирная дверь съ грохотомъ запирается на замокъ. Свѣтъ въ окнахъ гаснетъ. Вдали лаетъ собака, громко перекликаются пѣтухи. На дорожкѣ отъ трактира появляется темная фигура, которая зигзагами идетъ къ двору. Это крестьянинъ Краузе, который, какъ всегда, уходитъ изъ трактира послѣдній.

КРЕСТЬЯНИНЪ КРАУЗЕ (натягивается на садовый заборъ, крѣпко хватается за него руками и громко бормочетъ нѣсколько въ носъ пьянымъ голосомъ, назадъ, по направленію къ трактиру). Садъ мой... трактиръ мой... (Пробормотавъ и проворчавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, онъ выпускаетъ заборъ и врывается во дворъ, гдѣ ухватывается за рукоятку плуга). Садикъ мой... (Полунапѣвая) Пей... братецъ... ей... пей... Пей... братецъ... водка сибѣлость даетъ. (Ворчать громче) Ну, развѣ я не красивъ? А? А дочери развѣ у меня не красивыя?

ЕЛЕНА (быстро выходитъ изъ дому. Видно, что она наспѣхъ напнула кое-какъ платье). Папа... милый папа... иди же. (Под-

хватывают его под руку, стараются его поддержать и ввести в дом). Ну, иди же... скорѣе домой. Иди скорѣе! Ахъ!

Крестыяннинъ Краузе (выпрямился, старается стоять прямо, вынимаетъ съ трудомъ и съ помощью обѣихъ рукъ изъ кармана штановъ кожаный кошелёкъ, полный денегъ. На дворѣ посвѣтлѣло, и видно, что онъ, 50-ти-лѣтній мужчина, одѣтый въ поношенное платье, ничѣмъ не лучше, чѣмъ самый бѣдный сельскій работникъ. Онъ безъ шапки, его сѣдые, жидкіе волосы растрепаны и не причесаны. Грязная рубашка широко распахнута до самаго живота; на единственной застегнутой помочи еле держатся когда-то жёлтые, теперь же досыхающіеся отъ грязи, кожаные штаны, привязанные къ щиколкамъ; босые ноги всунуты въ вышитыя ночные туфли, вышивки которыхъ кажутся еще совсѣмъ новой. На немъ нѣтъ ни жилета ни куртки, рукава рубашки не застегнуты. Доставъ кошелёкъ, онъ нѣсколько разъ постукиваетъ имъ правой рукой по ладони лѣвой руки, такъ что деньги звенятъ. При этомъ смотреть на дочь сзадострастнымъ взглядомъ). Видишь деньги? И все мои! Хочешь, подарю тебѣ нѣсколько талеровъ?

Елена. Ахъ, Божо мой! (Напрасно нѣсколько разъ припадаетъ тащить его. При одной изъ этихъ попытокъ онъ обнимаетъ ее съ неуязвимостью гориллы и дѣлаетъ нѣсколько развратныхъ жестовъ. Елена испускаетъ подавленный крикъ о помощи). Сейчасъ же пусти! Пусти! Слышишь, папа, ахъ! (Плачетъ, затѣмъ, охваченная вдругъ въ одно и то же время страхомъ, отвращеніемъ и бѣшенствомъ, кричитъ) Животное, свинья! (Толкаетъ его отъ себя. Крестыяннинъ падаетъ во весь ростъ на землю. Бейбстъ подходитъ, прихрамывая, со своего мѣста изъ-подъ воротъ. Елена и Бейбстъ вѣдѣтъ стараются поднять крестыянина).

Крестыяннинъ Краузе (заклаясь). Хочешь, пивомъ угощу?.. Хочешь?.. (Крестыяннина поднимаютъ, и онъ бросается въ домъ, увлекая ихъ за собой. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой. Въ домѣ слышенъ шумъ, хлопанье дверей. Въ одномъ изъ оконъ появляется свѣтъ. Затѣмъ Бейбстъ снова выходитъ изъ дому. Онъ чиркаетъ о свои кожаные штаны сѣрную спичку, чтобы зажечь короткую трубочку, которую онъ почти никогда не вынимаетъ изъ рта. Пока онъ этимъ занятъ, Кааля проскальзываетъ изъ двери дома. Онъ въ чулкахъ, куртка виситъ у него черезъ лѣвую руку, въ лѣвой рукѣ — ночные туфли. Въ правой онъ держитъ шляпу, въ зубахъ воротничокъ отъ рубашки. Добравшись почти до середины двора, онъ оборачивается и видитъ смотрящаго на него Бейбста. Нѣсколько секундъ онъ стоитъ въ нерѣшительности, потомъ беретъ шляпу и воротничокъ отъ рубашки въ лѣвую руку, достаетъ что-то изъ кармана штановъ, подходитъ къ Бейбсту и даетъ ему что-то въ руку).

Кааля. Вотъ вамъ талеръ, и не болтаетъ! (Идетъ быстро черезъ дворъ и прыгаетъ черезъ заборъ праваго сада. Уходитъ).

Бейбстъ (зажигъ новой спичкой трубку, идетъ, прихрамывая, къ воротамъ, опускается на землю и принимается за отбивку ясы. Снова нѣкоторое время слышимъ только удары молотка и оханье старика, прерываемое короткими проклятіями, когда у него что-нибудь не ладится въ работѣ. Стало значительно свѣтлѣе).

Лотъ (выходитъ изъ двери дома, стоитъ тихо, потягивается, нѣсколько разъ глубоко вдыхаетъ). А... А... Утро-то какое! (Медленно идетъ на задній планъ до воротъ. Къ Бейбсту) Добраго утра. Раненько встали!

Бейбстъ (недовѣрчиво косится на него; недружелюбно). Доброе утро! (Маленькая пауза, потомъ Бейбстъ, не обращая вниманія на присутствіе Лота, разговариваетъ какъ будто съ косою, которой онъ нѣсколько разъ сердито взмахиваетъ) У! Скотина этакая! Будешь теперь ровной? Эхъ! Чтобъ тебя чортъ побралъ! (Точитъ дальше).

Лотъ (съиль между рукоятками экстирпатора). Сегодня, должно-быть, сѣнокосъ?

Бейбстъ (грубо). У кого сѣнокосъ, у кого нѣтъ.

Лотъ. Но вѣдь вы точите косу?

Бейбстъ (къ косѣ). Эхъ, дура! (Маленькая пауза).

Лотъ. Зачѣмъ же вы тогда точите косу, если сегодня не будетъ сѣнокоса?

Бейбстъ. Ну, а если скоту кормъ нуженъ, такъ по-вашему косы не нужно?

Лотъ. Ахъ, такъ вы это только для корма на одинъ день?

Бейбстъ. А то что же еще?

Лотъ. И такъ каждое утро будутъ косить?

Бейбстъ. А то что-жь? Голодать, что ли, скоту?

Лотъ. Вы должны быть ко мнѣ снисходительны. Я городской житель. Я въ сельскомъ хозяйствѣ толку не знаю.

Бейбстъ. Городской жители! Да они лучше сельскихъ хозяйство-то знаютъ.

Лотъ. Ну, ко мнѣ это не относится. Не можете ли вы мнѣ объяснить, что это за машина? Ужъ нѣсколько разъ я ее видалъ, а названія...

Бейбстъ. Это на которой вы сидите-то? Это, говорятъ, экстракторъ.

Лотъ. Ну, конечно, экстирпаторъ. Его здѣсь тоже употребляютъ?

Бейбстъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ!.. Онъ все губитъ... онъ какъ есть все поле губитъ... Бѣдному человѣку тоже хочется имѣть клочокъ земли, да на такой землѣ никакой хлѣбъ не растетъ... да нѣтъ, онъ скорѣе всему дастъ погибнуть. Ничего не растетъ, кромѣ сорныхъ травъ, да...

Лотъ. Да, съ этимъ ничего не выручишь. Я знаю, икаріи тоже употребляли такіе экстирпаторы, чтобы совершенно очистить обрабатываемыя земли.

Бейвстъ. А гдѣ эти и... Вы сейчасъ сказали, и...

Лотъ. Икарійцы? Въ Америкѣ.

Бейвстъ. Тамъ тоже есть такія вещи?

Лотъ. Да, конечно.

Бейвстъ. А что это за народъ?

Лотъ. Икарійцы? Это не отдѣльный народъ. Это люди всѣхъ націй, соединившіеся вмѣстѣ. Они владѣютъ въ Америкѣ прекраснымъ кускомъ земли, на которомъ они сообща хозяйничаютъ. Всю работу и весь заработокъ они дѣлятъ поровну. У нихъ нѣтъ ни одного бѣдняка.

Бейвстъ (лицо его приняло было нѣсколько болѣе дружественное выраженіе, но при послѣднихъ словахъ Лота онъ опять сталъ смотрѣть неодобрчиво и недружелюбно. Не обращая вниманія на Лота, онъ снова весь погружается въ работу). Ну ужъ и коса!..

Лотъ (все еще сидитъ, смотритъ сначала на старика со спокойной улыбкой, затѣмъ выглядываетъ за ворота. Черезъ ворота видны далеко тянущіяся клеверныя поля и дуга; между ними извивается ручей, течение котораго мелькаетъ между ольхами и ивами. На горизонтѣ одна конусообразная гора. Повсюду разсыпныя каворонки, непрерывное пѣніе которыхъ слышится и вдали и вблизи. Лотъ поднимается со словами). Пойти прогуляться, что ли? Хорошее утро! (Уходитъ въ ворота. Слышно хлопанье деревянныхъ башмаковъ. Кто-то быстро идетъ по лѣстницѣ съ чердака конюшни: это Густа).

Густа (довольно полная дѣвушка, безъ корсета; голыя руки и икры, на голыхъ ногахъ деревянныя башманы. Несетъ зажженный фонарь). Доброе утро, дядя Бейбстъ.

Бейвстъ (что-то бормочетъ).

Густа (смотреть, закрывъ глаза рукой, за ворота вслѣдъ Лоту). Это еще кто?

Бейвстъ (раздраженно). Бѣдныхъ людей за дураковъ считаетъ, а самъ, поди, свѣтитъ, какъ огонь... (Встаетъ). Приготовь-ка телѣгу, дѣвка.

Густа (занималась мытьемъ икры у колодца, теперь кончила и говоритъ, прежде чѣмъ уйти въ коровникъ). Сейчасъ, сейчасъ, дядя Бейбстъ.

Лотъ (возвращается и даетъ Бейбсту денегъ). Вотъ тутъ... пуськи. Деньги всегда могутъ пригодиться.

Бейвстъ (растаявъ, какъ бы превращенный, съ искреннимъ расположеніемъ). Да, да, вы правы... я тоже это думаю много разъ. Вы, должно-быть, въ гостяхъ у зятя? (Вдругъ разговорившійся) Знаете что... если вы захотите прогуляться, то идите вонъ туда... на гору. Только все лѣвѣй держите, а то направо тамъ обвалъ. Сынъ мой говоритъ, что это оттого, что плохо подпорки поставили... углекопы-то... имъ платили мало... это онъ, сынъ-то, говорить... совсѣмъ какъ

могила. Понимаете! Такъ вы полѣвѣй берите, все полѣвѣй. Направо яма. А то вотъ въ прошломъ году шла тутъ торговка масломъ да и провалилась... а какъ тамъ глубоко, одинъ Богъ знаетъ... Такъ и не нашли... Такъ, слышите, все лѣвѣй держите. Какъ разъ и выйдете. (Раздается выстрѣлъ).

Лотъ. Кто это такъ рано стрѣляетъ?

Бейвствъ. Кому же еще? Извѣстно, этотъ поганый...

Лотъ. Кто такой?

Бейвствъ. Каалъ Вильгельмъ, сынъ сосѣда Нуинера... Ну погоди-жъ. Я видѣлъ, онъ въ моемъ саду жаворонковъ стрѣлялъ.

Лотъ. Да вы хромаете?

Бейвствъ. Да, не приведи Богъ какъ... (Грозить кулакомъ по направленію полей) Ну погоди-жъ ты! Погоди... ты!..

Лотъ. Что у васъ съ ногой?

Бейвствъ. У меня-то?

Лотъ. Да.

Бейвствъ. Напустили на меня.

Лотъ. И больно вамъ?

Бейвствъ (схватившись за ногу). Страшно болить.

Лотъ. У васъ нѣтъ доктора?

Бейвствъ. Какъ вамъ сказать? Всѣ доктора ничего не понимаютъ. Всѣ. Ну, а нашъ докторъ—дѣльный человѣкъ!

Лотъ. Онъ вамъ помогъ?

Бейвствъ. Немного, можетъ, и помогъ. Онъ мянѣ и бинтовалъ ее и мазалъ... ну, а мянѣ все не легче. Но онъ... ну, однимъ словомъ, онъ жалѣетъ бѣдныхъ людей, и лѣкарства покупаетъ, и не беретъ ничего, и приходитъ во всякое время...

Лотъ. Но вѣдь вы гдѣ-нибудь ее да повредили? Вы всегда такъ хромали?

Бейвствъ. Вовсе нѣтъ.

Лотъ. Въ такомъ случаѣ я не понимаю, должна же быть причина...

Бейвствъ. Почему я знаю? (Снова грозить кулакомъ) Подожди ты! погоди съ своей стрѣлбой.

Каалъ (появляется въ своемъ саду. Въ правой рукѣ держитъ ружье, лѣвая рука зажата Кричитъ). Здравствуйте, г-нѣ докторъ! (Лотъ идетъ черезъ дворъ къ нему. Между тѣмъ Густа и другая дѣвушка, Лиза, запрягли телѣгу, на которой лежатъ грабли и навозные вилы. Онѣ выезжаютъ черезъ ворота въ поле мимо Бейвста, который, послѣ нѣсколькихъ гнѣвныхъ взглядовъ и гнѣвныхъ жестовъ исподтишка по адресу Каала, скидываетъ носу на плечо и, прихрамывая, идетъ за ними. Бейвствъ и дѣвушки уходятъ).

Лотъ (Каалу). Доброе утро!

Каалъ. Показать вамъ штучку? (Протягиваетъ черезъ заборъ зажатую руку).

Лотъ. Что это у васъ тамъ?

Каалъ. Отгадайте! (Открываетъ сейчасъ же руку).

Лотъ. Что?! такъ это правда... вы стрѣляете жаворонковъ! Да васъ за это за уши слѣдуетъ отодрать, безобразникъ этакій, понимаете? (Поворачивается къ нему спиной и идетъ прямо черезъ дворъ назадъ за Бейбстомъ и дѣвушками. Уходитъ).

Каалъ (смотреть пристально съ глупымъ изумленіемъ нѣсколько секундъ вслѣдъ Лоту, затѣмъ сжимаетъ исподташка кулакъ, говорить). Подлецъ! (Оборачивается и исчезаетъ направо. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой).

ЕЛЕНА (выходитъ изъ дома въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и большой садовой шляпѣ. Оглядывается кругомъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направлению къ воротамъ, останавливается и заглядываетъ въ ворота. Затѣмъ медленно идетъ направо черезъ дворъ и поворачивается на дорогу къ трактиру. Большія связки всевозможныхъ чаевъ висятъ для просушки черезъ заборъ; она нюхаетъ ихъ, проходя мимо. Наклоняется вѣтви плодовыхъ деревьевъ и разсматриваетъ низко висящія красныя яблоки. Когда она замѣчаетъ, что Лотъ отъ трактира идетъ къ ней навстрѣчу, ее охватываетъ еще большее безпокойство, такъ что она поворачиваетъ и идетъ отъ Лота назадъ во дворъ. Здѣсь она замѣчаетъ, что голубятня еще заперта, идетъ къ ней черезъ маленькую калитку плодового сада и старается стащить книзу веревку, которую оплело вѣтромъ и она гдѣ-то зацѣпилась; въ это же время до нея дошелъ Лотъ и заговорилъ).

Лотъ. Здравствуйте.

Елена. Здравствуйте... Вѣтеръ занесъ веревку.

Лотъ. Позвольте, я вамъ помогу. (Входитъ также черезъ калитку, стаскиваетъ внизъ веревку и открываетъ голубятню. Голубы вылетаютъ).

Елена. Благодарю васъ.

Лотъ (снова идетъ черезъ калитку, но останавливается за заборомъ и стоитъ, опершись на него. Елена передъ заборомъ. Послѣ маленькой паузы). Вы всегда такъ рано встаете?

Елена. А я какъ разъ вамъ хотѣла задать тотъ же вопросъ.

Лотъ. Я? Нѣтъ. Со мной это всегда бываетъ, когда я ночью въ чужомъ домѣ.

Елена. Отчего же это?

Лотъ. Объ этомъ я, по правдѣ сказать, никогда еще не думалъ, да и не вижу цѣли думать?

Елена. Почему же нѣтъ?

Лотъ. По крайней мѣрѣ никакой видимой, практической цѣли.

Елена. А по-вашему все, что вы думаете или дѣлаете, должно имѣть практическую цѣль?

Лотъ. Не иначе, въ противномъ случаѣ...

Елена. Вотъ этого отъ васъ я не ожидала услышать.

Лотъ. Чего?

Елена. То же самое, вѣроятно, думала и мате́ха, когда третьяго-дня отняла у меня «Вертера».

Лотъ. Дѣйствительно, книга глупая.

Елена. Не говорите этого!

Лотъ. Я еще разъ повторяю, это книга для саабыхъ людей.

Елена. Это очень можетъ быть.

Лотъ. Почему вы стали читать именно эту книгу? Развѣ она вамъ понятна?

Елена. Я надѣюсь... отчасти, конечно. Ея чтеніе такъ успокаиваетъ. (Послѣ паузы) Но если это, по-вашему, глупая книга, то, можетъ-быть, вы укажете мнѣ что-нибудь лучшее?

Лотъ. Прочтите... ну... знаете вы «Борьбу за Римъ», Дана?

Елена. Нѣтъ; но я куплю эту книгу. А она служить какой-нибудь практической цѣли?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ разумной цѣли. Она описываетъ людей не такими, какіе они есть, а какими они должны быть. Она имѣетъ символическое значеніе.

Елена (съ увѣренностью). Это хорошо. (Маленькая пауза). Можетъ-быть, вы можете мнѣ сказать... въ газетахъ такъ много говорятъ о Зола и Ибсенѣ. Чтò это, большіе поэты?

Лотъ. Это вовсе не поэты, а необходимое зло, фрейлейнъ. Я здоровый человѣкъ и требую отъ поэзіи свѣтлаго, освѣжающаго напитка. Я не больной. А Зола и Ибсенъ предлагаютъ лѣкарства.

Елена (какъ бы невольно). Значить, мнѣ они, можетъ-быть, будутъ полезны.

Лотъ (до сихъ поръ отчасти, теперь же совершенно погружается въ созерцаніе покрытаго росой фруктоваго сада). Камъ здѣсь хорошо! Посмотрите, какъ солнце поднимается надъ вершиной этой горы. У васъ въ саду много яблокъ... Прекрасный урожай.

Елена. И въ этомъ году три четверти всего опять раскрадутъ. Кругомъ ужъ очень много бѣдныхъ!

Лотъ. Вы не повѣрите, какъ я люблю деревню. Къ сожалѣнію, большая часть моей пшеницы, которую я долженъ воздѣлывать, расти́ть въ городѣ. Но теперь я хочу вполне насладиться деревенскою жизнью. Мы больше, чѣмъ кто-либо, нуждаемся въ солнцѣ и свѣжестъ воздуха.

Елена (вздыхая). Больше нуждаетесь, чѣмъ... Почему?

Лотъ. Потому что мы ведемъ ожесточенную борьбу, до конца которой и не доживешь.

Елена. Развѣ мы, другіе, не ведемъ такой же борьбы? Лотъ. Нѣтъ.

Елена. Но вѣдь мы тоже боремся?

Лотъ. Конечно. Но эта борьба можетъ кончиться.

Елена. Можеть—въ этомъ вы правы. А почему же та борьба, которую вы ведете, г-нъ Лотъ, не можетъ кончиться?

Лотъ. Ваша борьба—борьба за личное благосостояніе. И каждый, насколько это въ силахъ человѣка можетъ его достигнуть. Моя же борьба—борьба за всеобщее счастье. Чтобы мнѣ стать счастливымъ, необходимо, чтобы сначала всѣ люди были счастливы. Мнѣ для счастья необходимо не видѣть кругомъ ни болѣзней, ни бѣдности, ни рабства, ни подлости. Я могъ бы сѣсть за столъ только послѣднимъ.

Елена (съ убѣжденіемъ). Тогда вы очень, очень хороший человѣкъ.

Лотъ (немного смущенный). О, въ этомъ нѣтъ заслуги. Я такъ ужъ созданъ. Да и самая борьба въ надеждѣ на успѣхъ доставляетъ мнѣ громадное удовлетвореніе. И это счастье, по-моему, гораздо выше обыкновеннаго эгоистичнаго.

Елена. Да, но такихъ людей немного. Какое счастье родиться такимъ!

Лотъ. Такимъ никто не родится. Мнѣ кажется, такимъ дѣлаешься, благодаря несообразности всѣхъ нашихъ отношеній. Необходимо разъ навсегда сознать эту несообразность. А разъ ты это созналъ и страдаешь среди этихъ несообразностей, то по необходимости самъ собой сдѣлаешься такимъ, какимъ сталъ и я.

Елена. Мнѣ хочется вполне васъ понять... Чтѣ вы собственно называете несообразнымъ?

Лотъ. Несообразно, напримѣръ, если работающій въ потѣ лица голодаетъ, а лѣнивый живетъ въ избыткѣ. Несообразно наказывать убійство въ мирное время и прославлять его въ военное. Несообразно презирать палача, а самимъ, какъ это дѣлаютъ всѣ солдаты, гордо разгумивать съ привязаннымъ сбоку человѣкоубійственнымъ инструментомъ—саблей или шпагой. Если бы палачъ вздумалъ прогуляться со своимъ топоромъ, то его, безъ сомнѣнія, побили бы камнями. Несообразно имѣть государственной религіей религію Христа, эту религію терпѣнія, самопо-

жертвованія и любви, и воспитывать вмѣстѣ съ тѣмъ народъ въ духѣ кровопролитій, воспитывать для убійства такихъ же людей. И вѣдь это только единицы среди миллионовъ другихъ несообразностей. И пойти наперекоръ этимъ несообразностямъ нелегко. Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше.

Елена. Какъ вы пришли къ этому? Все это такъ просто, а никому это и въ голову не приходитъ.

Лотъ. Мнѣ было нетрудно додуматься до этого благодаря ходу моего развитія, разговорамъ съ друзьями, чтенію и собственнымъ мыслямъ. Первую несообразность я понялъ еще маленькимъ мальчикомъ. Я какъ-то совралъ, и отецъ за это меня выдралъ. Вскорѣ послѣ этого я поѣхалъ съ нимъ по желѣзной дорогѣ и замѣтилъ, что отецъ мой тоже совралъ и считалъ это вполне справедливымъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, а мой отецъ сказалъ кондуктору, что мнѣ еще не было четырехъ, такъ какъ дѣти моложе четырехъ лѣтъ пользовались даровымъ проѣздомъ. Затѣмъ, однажды мой учитель мнѣ сказалъ: «будь прилеженъ, дѣлай свое дѣло, и тогда все пойдетъ хорошо въ твоей жизни». И онъ былъ неправъ, это я понялъ очень скоро. Мой отецъ былъ добросовѣстный, честный, вполне благородный человѣкъ, а одинъ подлецъ, который и сейчасъ богатъ, обманомъ лишилъ его нѣсколькихъ тысячъ талеровъ. Къ этому же негодяю, у котораго былъ большой мыловаренный заводъ, мой отецъ, впадъ въ бѣдность, долженъ былъ поступить на мѣсто.

Елена. У насъ никто не осмѣлится—вслухъ никто не осмѣлится сказать это за несправедливость. Много, если почувствуютъ въ глубинѣ души. Это чувствуютъ нѣкоторые, пожалуй, и часто,—и тогда такого человѣка считают трусомъ.

Лотъ. Я помню одну несообразность, которая рѣзко бросилась мнѣ въ глаза. До тѣхъ поръ я думалъ, что убійство во всѣхъ случаяхъ наказывається, какъ преступленіе. Но съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что незаконными считаются только самыя мягкія формы убійства.

Елена. Какимъ же это образомъ?.

Лотъ. Мой отецъ былъ рафиновальщикъ; мы жили рядомъ съ заводомъ, и наши окна выходили на заводскій дворъ. Да, многому тамъ я научился... Такъ былъ вотъ тамъ одинъ рабочій,—прослужилъ на заводѣ пять лѣтъ и началъ сильно кашлять и худѣть... Я помню, какъ отецъ рассказывалъ намъ за столомъ: Бурмейстеръ—такъ звали

рабочаго—наживетъ себя чахотку, если будетъ еще работать при выдѣлкѣ мыла. Докторъ ему это прямо сказалъ. У рабочаго было восемь человѣкъ дѣтей, и онъ былъ такъ изнуренъ, что найти себя другой работы не могъ и долженъ былъ поневолѣ остаться на мыловаренномъ заводѣ. И принципаль считалъ себя, конечно, благотворителемъ за то, что оставилъ его. Въ одинъ странно жаркій августовскій день онъ съ трудомъ везъ тачку извести черезъ дворъ. Я какъ разъ смотрѣлъ изъ окна и замѣтилъ, что онъ остановился, закачался и наконецъ упалъ во весь ростъ на камни. Я побѣжалъ туда, пришелъ отецъ, пришли другіе рабочіе, а онъ только хрипитъ, и ротъ его былъ полонъ крови. Я сталъ помогать перенести его въ домъ. Онъ представлялъ собою груды лохмотьевъ, пропитанныхъ известью и другими жидкими химическими продуктами. Мы не успѣли его донести до дому, онъ умеръ на дорогѣ.

Елена. Господи, какъ ужасно!

Лотъ. Да, а недѣлю спустя мы вытащили тѣло его жены изъ рѣки, въ которую стекалъ съ завода негодный щелокъ. Когда вотъ знаешь все это, какъ я теперь знаю, то, повѣрьте, жить спокойно нельзя. Да, простой кусочекъ мыла, о которомъ никто на свѣтѣ ничего не думаетъ, и чисто вымытыя, выхоленные руки приводятъ меня въ самое мрачное настроеніе духа.

Елена. Я тоже видѣла разъ нѣчто подобное. Это было ужасно, ужасно!

Лотъ. Что такое?

Елена. Сына одного рабочаго принесли сюда полумертвымъ... года три тому назадъ.

Лотъ. Несчастный случай?

Елена. Да, на той сторонѣ, въ Медвѣжьей цтольнѣ.

Лотъ. Рудокопъ?

Елена. Да, большинство здѣшней молодежи работаетъ въ рудникахъ. И второй сынъ этого отца тоже былъ шлеперомъ и кончилъ такъ же.

Лотъ. Оба умерли?

Елена. Оба умерли... одинъ разъ оборвалось что-то въ подъемной машинѣ, а другой разъ тамъ газомъ задушило... У старика Бейбста есть еще третій сынъ. И онъ съ Пасхи началъ тамъ работать.

Лотъ. Тамъ же! Да что вы говорите! И отецъ согласился?

Елена. Конечно! Только еще ворчливѣе прежняго сталъ. Развѣ вы его еще не видали?

Лотъ. Я? Почему?

Елена. Да онъ съ ранняго утра сидѣлъ здѣсь въ воротахъ.

Лотъ. Ахъ, онъ работаетъ здѣсь на дворѣ?

Елена. Ужъ много лѣтъ.

Лотъ. Хромаетъ?

Елена. Даже очень сильно.

Лотъ. Такъ, такъ. Чтò это у него съ ногой?

Елена. Ахъ, это дикая исторія. Вы вѣдь знаете г-на Кааля?.. Простите, но я подойду къ вамъ поближе. Его отецъ, видите ли, былъ такой же сумасшедшій охотникъ, какъ и сынъ. Онъ стрѣлялъ вслѣдъ ученикамъ ремесленниковъ, когда они проходили черезъ дворъ, конечно, только на воздухъ, только чтобы попугать ихъ. Къ тому же онъ былъ страшно вспыльчивъ, особенно когда выпьетъ. Ну, Бейбстъ какъ-то и разворчался, — онъ очень любитъ ворчать, — тогда крестьянинъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ него... Бейбстъ, знаете, былъ раньше кучеромъ у соседа Кааля.

Лотъ. Преступленіе за преступленіемъ, куда ни помотри!

Елена (все безсвязнѣе и возбужденнѣе). Я много разъ такъ думала про себя... они всѣ возбуждаютъ во мнѣ иногда такую страшную жалость — старый Бейбстъ и... Крестьяне такъ глупы и грубы, какъ... какъ, напримѣръ, Шгрекманъ, который заставляетъ своихъ работниковъ голодать, а собакъ кормитъ чуть не кондитерскимъ печеньемъ. Я просто растерялась здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ вернулась изъ пансіона. Я болтаю глупости, — вамъ это совсѣмъ неинтересно. Вы, можетъ-быть, смѣетесь надо мной.

Лотъ. Чтò вы говорите?.. Почему бы я сталъ надъ вами...

Елена. Ну какъ же цѣтъ? Навѣрно, вы думаете: она не лучше другихъ здѣшнихъ!

Лотъ. Я ни о комъ не думаю дурно.

Елена. Цѣтъ, все равно, я не повѣрю... цѣтъ, цѣтъ!

Лотъ. Чѣмъ же я далъ вамъ поводъ...

Елена (готовая заплакать). Ахъ, будетъ вамъ! Вы презираете насъ, сознайтесь — вѣдь вы должны насъ презирать (плаксиво) — и зятя и меня! Меня прежде всего, и на это, на это у васъ, вѣроятно, есть также основаніе. (Быстро поворачивается къ Лоту спиной и идетъ, не владѣя больше своими движеніями, черезъ фруктовый садъ къ заднему плану. Лотъ входитъ въ калитку и медленно идетъ за ней).

Г-жа Краузе (въ утреннемъ туалетѣ, съ краснымъ, какъ у пидюка, лицомъ, въ дверяхъ, кричить). Бѣда съ этими дѣвками! Въ моемъ домѣ. Вонъ всѣхъ этихъ дѣвокъ! (Бѣжить черезъ дворъ и исчезаетъ въ конюшни. Г-жа Шпиллеръ появляется съ вѣзашкомъ въ дверяхъ дома. Въ конюшнѣ слышны брань и вой).

Г-жа Краузе (толкаетъ передъ собой изъ конюшни веющую дѣвчушку). Дѣвка уличная! (Дѣвушка востъ громче). Вонъ отсюда! Собирай свои пожитки и убирайся! (Елена, съ красными глазами, входитъ въ ворота, замѣчаетъ сцену и тихо стоитъ, выжидал).

Дѣвушка (видитъ г-жу Шпиллеръ, бросаетъ спамейку и ведро для молока, и яростно подходитъ къ ней). Это вы все! Я вамъ за это отплачу! (Бѣжить, всхлиывая, по чердачной лѣстницѣ наверхъ. Скрывается).

ЕЛЕНА (подходя къ г-жѣ Краузе). Чтѣ она такое сдѣлала?

Г-жа Краузе (грубо). А тебѣ чтѣ за дѣло, дура?

ЕЛЕНА (горячо, почти плача). Да, это мое дѣло.

Г-жа Шпиллеръ (быстро подходя). Это совсѣмъ не дѣло для молоденькой барышни...

Г-жа Краузе. Почему это, Шпиллеръ? Не сахарная. Съ конюхою она на одной постели лежала... Вотъ знай!..

ЕЛЕНА (повелительнымъ голосомъ). Но дѣвушка все-таки останется у насъ.

Г-жа Краузе. Дѣвка!

ЕЛЕНА. Хорошо! Тогда я расскажу отцу, что у тебя ночуетъ Вильгельмъ Кааль.

Г-жа Краузе (дать ей пощечину). Вотъ тебѣ!

ЕЛЕНА (блѣдная какъ смерть, но еще тверже). Дѣвушка останется, или... или я вездѣ расскажу. Ты и Кааль Вильгельмъ... Твой двоюродный братъ... мой женихъ... Я вездѣ расскажу.

Г-жа Краузе (въ нерешительномъ смущеніи). Кто это смѣетъ сказать?

ЕЛЕНА. Я! Потому что я видѣла, какъ онъ сегодня утромъ изъ твоей спальни... (Быстро уходитъ въ домъ).

(Г-жа Краузе шатается, близка къ обмороку. Г-жа Шпиллеръ подходитъ къ ней съ флакончикомъ).

Г-жа Шпиллеръ. Сударыня! Сударыня!

Г-жа Краузе. Шпиллеръ, скажите этой дѣвкѣ, пусть остается!

(Запахъ быстро падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ ссоры Елены съ маточкой на дворѣ. Обстановка та же, что въ первомъ дѣйствіи.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ сидитъ за столомъ палѣо на переднемъ планѣ и пишетъ рецептъ. Шляпа съ большими полями, палка и нитяныя перчатки на столѣ передъ нимъ. Плотный, низкаго роста, съ черными волосами и довольно густыми усами. Черный сюртукъ по образцу обыкновенныхъ охотничьихъ сюртуковъ. Одѣтъ солидно, но не излишно. У него привычка почти безостановочно крутить и поглаживать усы, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ самъ возбужденнѣе. Выраженіе его лица въ разговорѣ съ Гофманомъ принужденно-спокойно, въ углахъ рта саркастическая складка. Его движенія живы, опредѣленны, угловаты, но вполне естественны.

Гофманъ въ шелковомъ халатѣ и туфляхъ ходитъ по комнатѣ. На столѣ на заднемъ планѣ накрытъ завтракъ. Дорогой фарфоръ, печенье, графинчикъ съ ромомъ и т. п.

Гофманъ. Что же, вы довольны, докторъ, моею женой?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Почему же нѣтъ? Она выглядитъ совсѣмъ хорошо.

Гофманъ. И, вы думаете, все обойдется хорошо?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Надѣюсь.

Гофманъ (послѣ паузы, перѣшatelyно). Я уже нѣсколько недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда, все собираюсь спросить у васъ совѣта въ одномъ, очень важномъ вопросѣ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (который былъ до сихъ поръ занятъ писаньемъ, откладываетъ перо, встаетъ и передаетъ Гофману написанный рецептъ). Такъ... Закажите это поскорѣе. (Беретъ шляпу, перчатки и палку). Ваша жена жалуется на головную боль. (Глядя въ шляпу, дѣловитымъ тономъ). Да, чтобы не забыть... Постарайтесь объяснить вашей женѣ, что она нѣкоторымъ образомъ ответственна за будущаго ребенка. Я самъ ей только-что поразсказалъ о послѣдствіяхъ затигиванія.

Гофманъ. Конечно, докторъ... я сдѣлаю все отъ меня зависящее...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (кланяясь нѣсколько неловко). Будьте здоровы. (Идетъ, потомъ останавливается). Ахъ, да!.. Вы хотѣли спросить у меня что-то. (Холодно взглядываетъ на Гофмана).

Гофманъ. Да, если у васъ есть нѣсколько свободныхъ минутъ... (Но безъ аффектаціи) Вы знаете ужасную смерть моего перваго мальчика. Вы были вѣдь свидѣтелемъ ея. Вы знаете, конечно, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ я въ то время... Но время все смягчаетъ... Наконецъ я вознагражденъ, мое страстное желаніе, повидимому, испол-

иется. Вы понимаете, что я готовъ все сдѣлать... Я ночей не сплю и все-таки не знаю, все-таки еще не знаю, что я долженъ сдѣлать, чтобы избавить еще не родившееся созданіе отъ участи его братишки. Объ этомъ-то я и хотѣлъ съ вами...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (сухо и дѣловито). Разлучите его съ матерью: это главное условіе успѣшнаго развитія.

Гофманъ. То-есть? Вы хотите сказать: совѣмъ разлучить? Ему нельзя даже быть въ одномъ домѣ съ ней?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да, если вы серьезно хотите сохранить своего ребенка, то нельзя. Вѣдь ваши средства позволяютъ вамъ свободно распорядиться въ этомъ отношеніи?

Гофманъ. Да, слава Богу! Я уже купилъ близъ Гиршберга виллу съ очень большимъ паркомъ. Но я хотѣлъ и жену...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (крутитъ усь и пристально смотритъ въ землю. Послѣ нѣкотораго раздумья). Для жены купите виллу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Гофманъ (пожимаетъ плечами).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (какъ прежде). Не можете ли вы заинтересовать въ воспитаніи ребенка вашу невѣстку?

Гофманъ. Если бы вы знали, г-нъ докторъ, какія тутъ затрудненія... Кромѣ того, вѣдь она совершенно неопытная молодая дѣвушка... Мать—все-таки мать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вы знаете мое мнѣніе. Чесло имѣю кланяться.

Гофманъ (плакаясь ему съ преувеличенною любезностью). До свиданія! Очень, очень вамъ благодаренъ... (Оба уходятъ въ среднюю дверь).

ЕЛЕНА (входятъ, вѣтъ себя, всхлипываетъ, держитъ платокъ у рта, падаетъ на диванъ налѣво. Черезъ нѣсколько секундъ снова входитъ Гофманъ, держа въ рукахъ газеты).

Гофманъ. Что это ты? И долго это будетъ продолжаться? Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, дня не проходитъ, чтобы ты не плакала.

ЕЛЕНА. Ахъ! Ну что ты понимаешь? Если бы ты имѣлъ хоть маленькое представленіе обо всемъ, ты бы удивлялся, что я иногда не плачу.

Гофманъ. Ну, это мнѣ не нравится!

ЕЛЕНА. А мнѣ тѣмъ болѣе!

Гофманъ. Послушай, значитъ, опять что-нибудь вышло?

ЕЛЕНА (всплываетъ, топаетъ ногой). Я не могу больше тер-

лѣтъ. Довольно! Я этого больше не позволю! Я не понимаю, почему... я...

Гофманъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло, чтобы...

Елена (спова горячо прорываясь). Мнѣ все равно! Худо быть не можетъ. Отецъ — пьяница, животное, отъ котораго не защищена даже собственная дочь. Прелюбодѣйка-мачеха, которая желаетъ сосватать меня за своего любовника... Вообще вся эта жизнь... Нѣтъ!.. Я не понимаю, кто смѣетъ меня заставить сдѣлаться совѣтъ дурной! Я ухожу! Я уѣзжаю! И если вы меня не пустите... веревка... ножъ... револьверъ... мнѣ все равно, — я не могу братья за водку, какъ моя сестра.

Гофманъ (испуганно, хватая ее за руку). Лена!.. Молчи!.. Не говори объ этомъ!

Елена. Все равно!.. Мнѣ совершенно все равно!.. Надо стыдиться всего этого въ глубинѣ души. Хочется знать что-нибудь, чѣмъ-нибудь быть, быть въ состояніи чѣмъ-нибудь сдѣлаться, — а чѣмъ же сдѣлаешься?

Гофманъ (не выпуская до сихъ поръ ея руки, начинаетъ постепенно подводить дѣвушку къ дивану. Въ тонѣ его голоса слышится теперь вдругъ мягкая, проувеличенная, какъ бы вибрирующая нѣжность). Леночка! Я знаю, много тебѣ приходится здѣсь выносить. Успокойся!.. Не рассказывай мнѣ ничего... Я знаю... (Кладетъ, лаская, правую руку ея на плечо, приближается къ ней лицомъ). Я не могу видѣть твоихъ слезъ. Слышишь, мнѣ самому это больно. Не гляди на обстоятельства мрачнѣе, чѣмъ они есть, а потомъ, развѣ ты забыла, что мы оба находимся въ одинаковомъ положеніи? Я вступилъ въ эту деревенскую атмосферу... а развѣ я подхожу къ ней? Вѣроятно, такъ же мало, какъ и ты.

Елена (все еще плача). Подозрѣвала ли это мама, когда она захотѣла, чтобы я воспитывалась въ Гернгутѣ. Лучше бы она меня... лучше бы она меня оставила дома, — тогда я, по крайней мѣрѣ, ничего бы другого не знала, выросла бы здѣсь, въ болотѣ. Но такъ...

Гофманъ (довелъ нѣжно Елену до дивана и садится рядомъ съ ней, тѣсно прижавшись къ ней. Въ его утѣшеніяхъ все замѣтнѣе проскальзываетъ чувственный элементъ). Леночка! Ну посмотри на меня! Ну утѣшься! О сестрѣ твоей мнѣ тебѣ нечего говорить. (Горячо и съ задушевностью, обнимая ее крѣпче) Если бы она была похожа на тебя!.. Ну сама посуди, чѣмъ она можетъ быть для меня? Что за жизнь, Леночка, образован-

наго человѣка, (тише) жена котораго страдает такой несчастной страстью? Вѣдь вслухъ сказать-то страшно: женщина и водка... Ну, скажи, развѣ я счастливъ?.. Подумай о моемъ Фрицѣ. Ну?.. (Все страстно) Но судьба все-таки позаботилась, она заставила встрѣтиться насъ съ тобой. Мы созданы другъ для друга! Намъ съ нашимъ общимъ горемъ суждены и общія радости. Правда, Леночка? (Она совсѣмъ обнимаетъ ее. Она переноситъ это, но съ выраженіемъ лица, которое говоритъ, что она принуждаетъ себя къ терпѣнію. Она затихла и ждетъ, повидимому, съ трепетнымъ ожиданіемъ, что что-то должно непременно произойти).

Гофманъ (нѣжно). Послушайся меня, уходи отсюда и поселись съ нами. Будущій ребенокъ нуждается въ матери. Лена, замѣни ему мать! (Страстно тронутый, сентиментально) Вѣдь у него нѣтъ матери! А потомъ еще: внеси немного, ну хоть капельку свѣта и въ мою жизнь! Сдѣлай, сдѣлай это! (Хочетъ положить голову къ ней на грудь. Она вскакиваетъ, возмущенная. На ея лицѣ отражается презрѣніе, изумленіе, отвращеніе, ненависть).

Елена. О, теперь я тебя насквозь вижу! До сихъ поръ я это смутно подозрѣвала, но теперь я знаю.

Гофманъ (изумленно, не понимая). Что?.. Елена...

Елена. Теперь я знаю, что ты ни на волосъ не лучше... Пѣть, ты хуже, ты всѣхъ гаже здѣсь!

Гофманъ (встаетъ, холодно). Очень странно ты ведешь себя сегодня!

Елена (подходить къ нему ближе). Ты прямо идешь къ цѣли. (Вполголоса ему на ухо) Но у тебя другое оружіе, чѣмъ у отца и мачехи или у почтеннаго господина жениха. О, совсѣмъ другое! Они всѣ, взятые вмѣстѣ, въ сравненіи съ тобой жалкіе ягнята. Но теперь... теперь мнѣ это сразу стало ясно, какъ день.

Гофманъ (съ притворнымъ негодованіемъ). Лена! Ты... ты съ ума сошла, вѣдь это чистое безуміе... (Прерываетъ себя, ударяетъ себя по головѣ). Господи, какъ это я сразу не догадался! Ну, конечно... Ты... хоть сейчасъ еще очень рано, но я держу пари, ты... Елена, ты сегодня утромъ ужъ разговаривала съ Альфредомъ Лотомъ.

Елена. А почему бы мнѣ съ нимъ и не разговаривать? Это человѣкъ, отъ котораго всѣмъ бы намъ слѣдовало прятаться отъ стыда...

Гофманъ. Такъ, значитъ, правда?.. Да?.. Въ такомъ случаѣ нечего удивляться. Да, да, да, воспользовался, зна-

чтѣ, случаемъ унизить своего благодѣтеля. Чтѣ же? Этого всегда надо ожидать.

Елена. Зятѣ, вѣдь это же подло.

Гофманъ. Я тоже такъ думаю!

Елена. Онъ не сказалъ о тебѣ ни слова, ни одного слова! Гофманъ (не соглашаясь съ этимъ). Ну, и если дѣло обстоитъ такъ, то моя прямая обязанность... да, да, моя обязанность, какъ родственника, оградить такую неопытную дѣвушку, какъ ты...

Елена. Неопытную дѣвушку? Чтѣ же ты думаешь обо мнѣ?

Гофманъ (раздраженно). Лотъ вошелъ въ домъ подѣ моей ответственностью. Ну, такъ знай: это, выражаясь осторожно, въ высшей степени опасный мечтатель, этотъ г-нъ Лотъ!

Елена. То, чтѣ ты говоришь о г-нѣ Лотѣ, несообразно, до смѣшного несообразно.

Гофманъ. Мечтатель, задача котораго кружить головы не только женщинамъ, но и благоразумнымъ мужчинамъ.

Елена. Видишь, вотъ и опять несообразности! Послѣ немногихъ словъ, которыми мы обмѣнялись съ г-номъ Лотомъ, у меня стало такъ отрадно-ясно въ головѣ...

Гофманъ. Въ томъ, чтѣ я говорю, нѣтъ ничего несообразнаго.

Елена. Чтобы почувствовать несообразность, надо имѣть чутъ; а его-то у тебя и нѣтъ.

Гофманъ (какъ выше). Мы теперь говоримъ не объ этомъ. Еще разъ тебѣ объявляю, что я не говорю тебѣ ничего несообразнаго, напротивъ, все это совершенно вѣрно. Я знаю это по себѣ: онъ отуманиваетъ голову, и тогда невольно начинаешь мечтать о братствѣ съ народамъ, о свободѣ и равенствѣ, забывая и объ обычаяхъ и о нравственности... Ради этой химеры тогда мы, видѣть Богъ, перешагнули бы черезъ трупы родителей, чтобы достигнуть цѣли. И, повторяю, онъ въ случаѣ надобности сдѣлаетъ это и теперь.

Елена. А сколько родителей перешагиваютъ ежегодно черезъ трупы своихъ дѣтей, при чемъ никто...

Гофманъ (прерываетъ ее). Это безуміе! Тогда всему, значить, конецъ! Говорю тебѣ, берегись его во всѣхъ... да, да, я говорю совершенно ясно — во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ нѣтъ и слѣда заботъ о нравственности.

Елена. И какъ это опять несправедливо! Повѣрь мнѣ, зятѣ, разъ только начнешь обращать на это вниманіе... Это ужасно интересно...

Гофманъ. Говори, что тебѣ угодно. Теперь ты предупреждена. Я могу тебѣ сказать еще одно... только это между нами: тогда я чуть-чуть не попалъ изъ-за него и вмѣстѣ съ нимъ въ самую ужасную исторію.

Елена. Но если это такой опасный человѣкъ, почему же ты такъ искренно обрадовался вчера, когда...

Гофманъ. Ахъ, Боже мой, но вѣдь мы еще дѣтьми росли вмѣстѣ. Да ты и не знаешь, можетъ-быть, у меня были опредѣленные причины...

Елена. Причины? Какія?

Гофманъ. Вотъ именно эти... Если бы онъ пріѣхалъ сегодня и если бы я зналъ то, что знаю теперь...

Елена. Да что ты наконецъ знаешь? Я уже тебѣ сказала, что о тебѣ онъ не говорилъ ни слова.

Гофманъ. Понадѣйся на него! Сознаюсь, я долго колебался, приглашать его остаться или нѣтъ. Лотъ—человѣкъ, знакомство съ которымъ компрометируетъ. За нимъ слѣдить.

Елена. Развѣ онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Гофманъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Но новѣрь одному: человѣкъ со взглядами, какихъ держится онъ, въ настоящее время считается гораздо опаснѣе любого вора.

Елена. Это я себѣ замѣчу... Но только, слышишь? послѣ твоей характеристики г-на Лота, не спрашивай меня, что я думаю о тебѣ. Слышишь?

Гофманъ (цинично-холодно). Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ интересно это знать? (Нажимаетъ пугонку звонка). Кажется, это онъ идетъ. (Входитъ Лотъ).

Гофманъ. Ну, хорошо поспать, дружище?

Лотъ. Хорошо, но недолго. Послушай, я сейчасъ видѣлъ, изъ дому вышелъ какой-то господинъ...

Гофманъ. Вѣроятно, докторъ... онъ только-что здѣсь былъ. Вѣдь я тебѣ рассказывалъ... странная смѣсь жестокости и сентиментальности.

(Елена говоритъ съ Эдуардомъ, который только-что вошелъ. Онъ уходитъ и вскорѣ затѣмъ подаетъ чай и кофе).

Лотъ. Эта смѣсь, какъ ты выражаешься, напомнила мнѣ одного моего стараго университетскаго товарища,—я просто головой могъ бы поручиться, что это онъ—Шиммельпфеннигъ.

Гофманъ (сидя съ столомъ съ накрытымъ завтракомъ). Совершенно вѣрно: это и есть Шиммельпфеннигъ.

Лотъ. Что? Онъ?

Гофманъ. Его въ самомъ дѣлѣ зовутъ Шиммельпфен-
ингъ.

Лотъ. Здѣшняго доктора?

Гофманъ. Ну да, ты самъ только-что сказалъ.

Лотъ. Значить... Господи, какъ это странно! Такъ это
безусловно онъ.

Гофманъ. Прекрасныя души встрѣчаются и на морѣ и
на сушѣ. Ты не разсердишься, если я начну. Мы только-
что хотѣли завтракать. Садись. Ты, вѣроятно, еще не за-
втракалъ?

Лотъ. Нѣтъ!

Гофманъ. Ну такъ вотъ. (Онъ пододвигаетъ, продолжая си-
дѣть, Лоту стулъ. Затѣмъ къ Эдуарду, который входитъ съ чашею и
кофе) Развѣ старая барыня не придетъ?

Эдуардъ. Барыня и г-жа Шпиллеръ будутъ завтра-
кать у себя въ комнатѣ.

Гофманъ. Но вѣдь этого еще никогда...

Елена (поправляя сервировку). Оставь! У нихъ на это есть
свои причины.

Гофманъ. Да?.. Лотъ, кушай... Яйцо? чай?

Лотъ. Я бы попросилъ лучше стаканъ молока.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ.

Елена. Эдуардъ, скажите Милѣ, чтобы подошла свѣжаго.

Гофманъ (чистить яйцо). Молоко — брр! даже передерги-
ваетъ. (Беретъ соль и перецъ). Послушай, Лотъ, что тебя соб-
ственно привело въ наши страны? Я совершенно забылъ
спросить тебя объ этомъ.

Лотъ (намазываетъ розанчикъ масломъ). Я хотѣлъ бы из-
учить кое-какія мѣстныя условія.

Гофманъ (взглядывая на него). То-есть?.. Какія же условія?

Лотъ. Тѣмъ же говоря, я хочу изучить положеніе здѣш-
нихъ рудокоповъ.

Гофманъ. Ну, оно въ общемъ очень хорошо.

Лотъ. Ты думаешь? Это было бы превосходно... Да,
чтобы не забыть: ты долженъ мнѣ помочь. Ты окажешь
большую услугу народному хозяйству, если...

Гофманъ. Я? Какимъ образомъ?

Лотъ. Вѣдь ты откупилъ здѣшніе рудники?

Гофманъ. Ну такъ что же изъ этого?

Лотъ. Слѣдовательно тебѣ легко достать мнѣ разрѣше-
ніе посѣщать рудники. Т.-е. я хочу по крайней мѣрѣ въ
продолженіе мѣсяца спускаться въ рудники, чтобы хоть
нѣсколько изучить производство...

Гофманъ (вскользъ). И что увидишь тамъ внизу, потому все опишешь?

Лотъ. Да. Моя работа будетъ сдѣлана преимущественно на основаніи видѣннаго.

Гофманъ. Мнѣ, право, очень жаль, но я ничего не могу сдѣлать. Ты хочешь писать только о рудоплодахъ?

Лотъ. Изъ этого вопроса видно, что ты совсѣмъ не... политико-экономъ.

Гофманъ (оскорбленный въ своемъ самолюбіи). Извини, пожалуйста! Кажется, ты не можешь сомнѣваться?.. Я не понимаю, почему нельзя было задать этотъ вопросъ? И наконецъ ничего бы не было удивительнаго... Нельзя вѣдь всего знать.

Лотъ. Успокойся, дѣло очень просто: если я буду изучать положеніе здѣшнихъ углекоповъ, то, конечно, долженъ буду коснуться и тѣхъ условій, которыя обуславливаютъ это положеніе.

Гофманъ. Въ такихъ сочиненіяхъ иногда странно преувеличиваютъ.

Лотъ. Надѣюсь, я этого избѣгну.

Гофманъ. Это будетъ очень похвально. (Онъ уже нѣсколько разъ и теперь снова взглядываетъ короткимъ, пытливымъ взглядомъ на Елену, которая съ наивнымъ благоговѣніемъ слушаетъ Лота). Какъ это до дигности смѣшно. Иногда неожиданно придетъ въ голову... И почему вдругъ придетъ — неизвестно!

Лотъ. Какая же это мысль такъ неожиданно пришла тебѣ въ голову?

Гофманъ. Насчетъ тебя. Я вспомнилъ о твоей... нѣтъ, это даже безтактно... въ присутствіи молодой особы говорить о твоихъ сердечныхъ тайнахъ.

Елена. Въ такомъ случаѣ я лучше...

Лотъ. О, нѣтъ!.. Пожалуйста, останься. Я уже давно замѣчаю, къ чему онъ ведетъ. Въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего опаснаго. (Къ Гофману) Ты говоришь о моей помолвкѣ, не правда ли?

Гофманъ. Если ты самъ догадался, то да. Я дѣйствительно вспомнилъ о твоей помолвкѣ съ Анной Фаберъ...

Лотъ. Дѣло разошлось, конечно, когда я попалъ тогда въ тюрьму.

Гофманъ. Ну, это не особенно красиво съ ея стороны.

Лотъ. Во всякомъ случаѣ это было честно. Въ ея письмѣ съ отказомъ сказалась ея истинная фізіономія, и если бы

она раньше меня познакомила съ ней, то, конечно, много бы не было.

Гофманъ. А съ тѣхъ поръ твое сердце оставалось свободнымъ?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Ну, разумеется, далъ клятву не жениться, такъ же, какъ и не лить! А? Впрочемъ, *chacun a son goât*.

Лотъ. Это не вкусъ мой, а, можетъ-быть, моя судьба. Насколько я помню, я тебѣ уже говорилъ, что насчетъ женитьбы я клятвъ себѣ никакихъ не давалъ. Я боюсь только, что я просто не найду женщины, которая подходила бы ко мнѣ.

Гофманъ. Громкія слова, Лотъ!

Лотъ. Совершенно серьезно! Можетъ-быть, съ годами ударишься слишкомъ въ критику, а здоровый инстинктъ становится слабѣе. А я считаю инстинктъ лучшей гарантіей подходящаго выбора.

Гофманъ (съ отѣнкомъ скабрзности). Ну, онъ опять явится, (смѣясь) именно инстинктъ.

Лотъ. Да, въ концѣ концовъ, что я могу предложить женщинѣ? Я всегда буду сомнѣваться, могу ли я требовать отъ женщины, чтобы она довольствовалась той маленькой частіею моею личности, которая остается отъ цѣли моеи жизни. А потомъ я боюсь заботъ о семействѣ.

Гофманъ. Чтѣ?.. Заботъ о семействѣ? Да развѣ у тебя нѣтъ головы и рукъ, что ли?

Лотъ. Какъ видишь, есть. Но,—какъ я уже тебѣ сказалъ, — моя рабочая сила большею своею частью принадлежитъ дѣлу и всегда будетъ принадлежать ему своею большею частью: такимъ образомъ она уже не моя. Кромѣ того, я только съ громадными затрудненіями..

Гофманъ. Тсс! Вотъ звонитъ.

Лотъ. Ты считаешь все это пустыми фразами?

Гофманъ. Откровенно говоря, похоже на то. Вѣдь мы въ концѣ концовъ тоже не бушмены, а однако женимся. Есть люди, которые увѣрены, что имъ дана какая-то привилегія на совершеніе всѣхъ благодѣяній на свѣтѣ.

Лотъ (горячо). Совсѣмъ нѣтъ! Я объ этомъ и не думаю. Если бы ты не отрекся отъ своей жизненной задачи, то твое счастливое матеріальное положеніе было бы только на руку.

Гофманъ (иронически). Это одно изъ твоихъ требованій?

Лотъ. Требованій? Какихъ?

Гофманъ. Я хочу сказать, что ты бы обратился, и олично, вниманіе на состояніе твоей жены.

Лотъ. Непремѣнно.

Гофманъ. А затѣмъ бы послѣдовалъ еще длинный рядъ другихъ требованій.

Лотъ. Конечно! Тѣлесное и душевное здоровье невѣсты, напримѣръ, для меня *conditio sine qua non*.

Гофманъ (смѣясь). Великолѣпно! Въ такомъ случаѣ необходимо предварительное врачебное изслѣдованіе невѣсты.

Лотъ (серьезно). Да, но помни, что я и къ себѣ предъявляю требованія.

Гофманъ (все горячѣе). Знаю, знаю!.. Отлично помню, какъ ты изучалъ литературу о любви, чтобы убѣдиться самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что то чувство, которое ты тогда испытывалъ къ какой-то дамѣ, было дѣйствительно любовью. Ну-съ, такъ какія же у тебя еще требованія?

Лотъ. Я бы хотѣлъ, чтобы моя жена была способна къ самоотреченію.

Клена. Если... если... Нѣтъ, лучше я не буду говорить... я хотѣла только сказать: женщина вѣдь вообще привыкла къ самоотреченію.

Лотъ. Ради Бога! Вы совершенно меня не поняли. Я не то подразумеваю подъ самоотреченіемъ. Ну, она должна была бы добровольно и съ радостью отречься отъ той части моего существа, которая принадлежитъ моей жизненной задачѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Въ остальномъ моя жена можетъ требовать всего, чего лишили женщинъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Гофманъ. О-о!.. Женская эмансипація,—дѣйствительно твой поворотъ достоинъ удивленія. И теперь ты въ вѣрномъ фарватерѣ. Фрицъ Лотъ, или агитаторъ въ жилетномъ карманѣ... Какъ же ты формулируешь свои требованія, или, вѣрнѣе: насколько должна быть эмансипирована твоя жена? Мнѣ очень интересно тебя послушать. Должна она курить сигары? Носить брюки?

Лотъ. Это мнѣ всего, но, во всякомъ случаѣ, она должна была бы не обращать вниманія на нѣкоторые общественные предразсудки. Она должна была бы, напримѣръ, безбоязненно, если она меня дѣйствительно любитъ, отказаться отъ извѣстныхъ вѣрованій.

Гофманъ (бормоча завтракать. Всклываетъ въ полусерьезномъ, полукomicескомъ ужасѣ). Знаешь? Это... это... прямо бессо-

нѣстное требованіе! И я тебѣ предсказываю, тебѣ такъ и придется промататься до конца жизни, если ты не предпочтешь сдѣлать уступку.

Елена (съ трудомъ продолжая внутреннее волненіе). Я должна извиниться—хозяйство... мама въ своей комнатѣ и...

Гофманъ. Не стѣсняйся!

(Елена кланяется, уходитъ).

Гофманъ (съ коробкой сигаръ подходит къ сигарному ящику, который стоитъ на буфетѣ). Да, такъ и должно было быть... Ты раззадориваешь... и довольно страшно! (Беретъ сигару изъ ящика и садится на диванъ лѣво спереди. Опъ обрѣзаетъ кончикъ сигары и держитъ, въ продолженіе послѣдующихъ словъ, сигару въ лѣвой рукѣ, а отрѣзанный кусочекъ между пальцами правой руки). И вмѣстѣ съ тѣмъ это же забавляетъ. А потомъ — ты не повѣришь, какъ благотворно дѣйствуютъ нѣсколько дней въ деревнѣ вдали отъ дѣла. Если бы только не этотъ сегодняшний... Который теперь часъ? Къ сожалѣнію, я какъ разъ сегодня долженъ обѣдать въ городѣ. Необходимо было дать этотъ обѣдъ. Приходится! Дѣловой человѣкъ! Рука руку моетъ. Горные инженеры ужъ привыкли къ этому. Ну, одну-то сигару еще можно выкурить. (Бросаетъ кусочекъ сигары въ плевательницу, садится снова на диванъ и закуриваетъ сигару).

Лотъ (у стола; перелистываетъ, стоя, роскошное изданіе). «Приключенія графа Зандора».

Гофманъ. Эту глупость ты встрѣтишь здѣсь у большинства крестьянъ.

Лотъ (скрывъ лицо между лѣстами). Сколько лѣтъ твоей невѣсткѣ?

Гофманъ. Въ августѣ исполнится двадцать одинъ.

Лотъ. Она несчастна?

Гофманъ. Не знаю. Думаю, впрочемъ, нѣтъ. Она производитъ на тебя такое впечатлѣніе?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ, она выглядитъ скорѣе... скорѣе тоскующей, чѣмъ больной.

Гофманъ. Непріятности съ мачехой...

Лотъ. Кажется, она немного раздражительна?

Гофманъ. При такихъ условіяхъ... желать бы я зналъ, кто бы не сдѣлался раздражительнымъ при такихъ условіяхъ...

Лотъ. Съ большой энергіей, кажется?

Гофманъ. Упрямство!

Лотъ. И сердца въ ней много тоже, правда?

Гофманъ. Иногда даже слишкомъ.

Лотъ. Почему же она не живетъ въ твоемъ домѣ, если условія здѣсь для нея такія тяжелыя?

Гофманъ. Спроси ее, почему! Я ей много разъ предлагалъ. У женщинъ свои капризы. (Гофманъ, съ сигарой во рту, вынимаетъ записную книжку и подсчитываетъ). Ты вѣдь не разсердишься на меня, если я... если я тебя оставляю?

Лотъ. Конечно, нѣтъ.

Гофманъ. Сколько времени ты еще думаешь...

Лотъ. Да вотъ подыщу себѣ квартиру. Гдѣ живетъ Шиммельпфеннигъ? Всего лучше я пойду къ нему. Онъ, конечно, мнѣ поможетъ. Вѣроятно, я сейчасъ же найду что-нибудь подходящее, ну, а сегодня я переночую въ гостиницѣ.

Гофманъ. Это почему же? Нѣтъ, до завтрашняго утра ты, конечно, остаешься у насъ. Я самъ въ этомъ домѣ гость, а то бы, разумѣется, предложилъ тебѣ... понимаешь...

Лотъ. Конечно.

Гофманъ. Послушай, неужели ты въ самомъ дѣлѣ серьезно?..

Лотъ. Буду почевать въ гостиницѣ?

Гофманъ. Это вздоръ!.. Нѣтъ, я вспомнилъ о томъ, что ты говорилъ о твоей работѣ?

Лотъ. А почему же нѣтъ?

Гофманъ. По правдѣ сказать, я принялъ это за шутку. (Поднимается, доверчиво, полушута). Какъ? И ты дѣйствительно былъ бы способенъ здѣсь... какъ разъ здѣсь, гдѣ твой другъ такъ счастливо твердо сталъ на ноги, подкапывать почву?

Лотъ. Даю тебѣ честное слово, Гофманъ! Я не имѣлъ никакого понятія о томъ, что ты живешь здѣсь. Если бы я это зналъ...

Гофманъ (вскрикиваетъ, въ высшей степени довольный). Хорошо! Хорошо! Если дѣло обстоитъ такъ... меня искренно радуетъ, что я въ тебѣ не обманулъ... Итакъ, теперь ты это знаешь и, само собой разумѣется, возмешь у меня дорожные расходы,—пу и остальное. Ради Бога, не стѣсняйся! Это просто моя обязанность, какъ друга... Я узнаю въ этомъ моего стараго, благороднаго Лота! А я сознаюсь: я нѣкогда тебѣ сказать, я совѣтъ не такъ дурачю, какъ себя иногдаставляю. Я всегда высоко цѣнилъ тебя и твое честное, упорное стремленіе. Я всей душой понимаю и признаю правильными требованія ограбленныхъ и удрученныхъ массъ. Да, улыбайся, но я иду даже дальше и думаю, что въ рейхстагѣ существуетъ только одна партія,

у которой есть идеалы, и это та, къ которой принадлежишь ты... Только —по-моему—не торопиться и ничего не разрушать. Все, все придетъ въ свое время. Только терпѣніе и терпѣніе!

Лотъ. Терпѣніе, конечно, нужно имѣть. Но это еще не даетъ права сидѣть сложа руки.

Гофманъ. И я думаю то же самое. Я вообще мысленно гораздо чаще соглашался съ тобой, чѣмъ на словахъ. Со-знаюсь, хорошаго въ этомъ мало. Но я привыкъ... я не люблю показывать своихъ картъ... Также и въ женскомъ вопросѣ... во многомъ ты совершенно правъ... (Между тѣмъ подошелъ къ телефону, звонить и говорить то въ телефонъ, то къ Лоту). А какъ внимательна была невѣстка... (Въ телефонъ) Францъ, черезъ десять минутъ чтобы лошади были готовы... (Къ Лоту) Это произвело на нее впечатлѣніе... (Въ телефонъ) Чтѣ? Ахъ, глупости! Ну, да слушайте же, запрягите тогда вороныхъ... (Къ Лоту) Почему бы это и не могло произве-сти на нее впечатлѣніе?... (Въ телефонъ) Плетенка, вы гово-рите, въ починѣ? Барыня... да... ну да! И поскорѣй, да. Хорошо! (Послѣ того, какъ онъ надавилъ пуговку домашняго звонка, къ Лоту) Подожди, дай мнѣ только вывести приличную гору изъ монетъ, тогда случится нѣчто... (Входитъ Эдуардъ). Мои гамашы и сюртукъ! (Эдуардъ уходитъ). Тогда случится нѣчто, во что вы не вѣрите. Когда ты черезъ два-три дня — до тѣхъ поръ ты безусловно живешь у насъ, иначе я сочту это за личное оскорбленіе... (Снимаетъ халатъ). Итакъ, черезъ два-три дня, когда ты отсюда уйдешь, я отвезу тебя на вокзалъ въ своей каретѣ.

(Эдуардъ входитъ съ сюртукомъ и гамашами).

Гофманъ (пока на него надѣваютъ сюртукъ). Такъ! (Садится на стулъ). Теперь башмаки. (Надѣваетъ одинъ). Одинъ готовъ!

Лотъ. Ты меня, вѣроятно, не совсѣмъ понялъ.

Гофманъ. Да? Весьма возможно!.. Эдуардъ, почта еще не пришла? Постойте! Подите въ мою комнату. Налѣво на бюро лежитъ рукопись въ голубой обложкѣ, отнесито ее въ карету, въ карманъ. (Эдуардъ уходитъ въ правую дверь, затѣмъ выходитъ и уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ. Я говорю только: ты не понялъ меня въ одномъ отношеніи.

Гофманъ (все еще возясь со вторымъ башмакомъ). Уфъ! Такъ... (Встаетъ и притопываетъ башмаками). Вотъ мы и го-товы. Нѣтъ ничего непріятнѣе узкихъ башмаковъ... Чтѣ ты говорилъ?

Лотъ. Ты говорил о моемъ отъѣздѣ...

Гофманъ. Ну?..

Лотъ. Вѣдь я тебѣ ужъ сказалъ, что я долженъ здѣсь остаться съ совершенно опредѣленной цѣлью.

Гофманъ (въ высшей степени смущенъ и въ то же время раздраженъ). Послушай... Вѣдь это же недостойно... Обязанъ ж ты, какъ другъ...

Лотъ. Извинить моему дѣлу?..

Гофманъ (внѣ себя). Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ и я не имѣю ни малѣйшей причины обращаться съ тобой, какъ съ другомъ. И я считаю твой поступокъ, выражаясь деликатно, поразительно безстыднымъ.

Лотъ (очень спокойно). Можетъ-быть, ты мнѣ объяснишь, что собственно тебѣ дало право награждать меня такими эпитетами...

Гофманъ. Я еще долженъ тебѣ это объяснить? Чтобы не чувствовать этого, надо имѣть кожу носорога. Ты приѣзжаешь сюда, пользуешься моимъ гостепріимствомъ, выбалтываешь мнѣ нѣсколько дюжины своихъ дешевыхъ фразъ, вертишь голову моей невѣсткѣ, болтаешь о прежней дружбѣ и тому подобномъ, а потомъ совершенно наивно рассказываешь, что хочешь писать работу о здѣшнихъ условіяхъ. Да за кого же ты меня, собственно, принимаешь? Можетъ-быть, ты думаешь, я не знаю, что эти такъ-называемыя работы—не что иное, какъ безстыдные памфлеты?! Такой же пасквиль хочешь написать и ты, и какъ разъ о нашемъ утѣльномъ округѣ. Неужели же ты дѣйствительно не понимаешь, на комъ прежде всего отзовется самымъ роковымъ образомъ подобный пасквиль? Вѣдь только на мнѣ! Слѣдовало бы еще основательнѣе положить конецъ всѣмъ вашимъ продѣлкамъ, развратители народа! А вы именно такіе! Что вы дѣлаете? Вы поселяете въ рудокопахъ недовольство, взыскательность, раздражаете ихъ, озлобляете, дѣлаете ихъ строптивыми, непослушными, несчастными, рисуете передъ ними золотыя горы, а сами вырываете изъ ихъ кармановъ послѣдніе жалкіе гроши.

Лотъ. Извольте снять маску?

Гофманъ (грубо). Ахъ, что! Ты смѣшной, напыщенный арендаторъ добродѣтели. Ну такъ что-жъ, что я стою передъ тобой безъ маски! Работай-ка ты лучше! И оставь свою нелѣпую чепуху! Дѣлай что-нибудь! Достигни какихъ-нибудь результатовъ! Я ни у кого не кланчу по двѣсти марокъ. (Быстро уходитъ въ среднюю дверь).

(Лотъ нѣсколько минутъ смотритъ спокойно ему въ лѣдъ, потомъ не менѣе спокойно беретъ за боковой карманъ, вынимаетъ портфель и достаетъ изъ него пусокъ бумаги—чекъ Гофмана, рветъ его на мелкіе куски и медленно бросаетъ ихъ въ лѣдникъ съ утѣмъ. Потомъ онъ беретъ палку и пляну и поворачивается, чтобы идти. Тѣперь появляется Елена на порогѣ зимняго сада).

ЕЛЕНА (тихо). Г-нъ Лотъ!

Лотъ (вздрагиваетъ, оборачивается). А! это вы! По крайней мѣрѣ я могу съ вами проститься.

ЕЛЕНА (невозможно). А вамъ это необходимо?

Лотъ. Да! необходимо! Вѣроятно,—вы были тамъ,— вы слышали сцену, и, значитъ...

ЕЛЕНА. Я все слышала.

Лотъ. Ну, тогда вы не удивитесь, если я потихоньку оставлю этотъ домъ.

ЕЛЕНА. Нѣтъ, я понимаю... Можетъ-быть, вы могли помягче отнестись къ нему... Мой зять очень быстро расканвадается. Я это часто...

Лотъ. Очень мѣжетъ быть! Вотъ именно поэтому я и думаю, что его слова и составляютъ его настоящее мнѣніе обо мнѣ. Несомнѣнно, это его искреннее мнѣніе.

ЕЛЕНА. Вы это серьезно думаете?

Лотъ. Да! Серьезно! Итакъ... (Идетъ къ ней и протягиваетъ руку). Живите счастливо! (Онъ поворачивается и снова останавливается). Я не знаю... или, вѣрнѣе... (Смотритъ ясно и спокойно въ лицо Елены) Я знаю, знаю только съ этой минуты, что мнѣ не совсѣмъ легко уходить отсюда... и...

ЕЛЕНА. Если бы я васъ очень попросила... очень сильно... остаться здѣсь еще?

Лотъ. Вы, значитъ, не раздѣляете мнѣнія вашего зятя?

ЕЛЕНА. Нѣтъ! И я хотѣла непременно... непременно вамъ это сказать, прежде... прежде, чѣмъ вы уйдете.

Лотъ (опять схватываетъ ея руку). Меня это страшно радуетъ.

ЕЛЕНА (борясь съ собой. Возбужденіе ея быстро переходитъ въ безсознательность. Дыханіе съ трудомъ). И еще хотѣла я вамъ... сказать вамъ именно... именно, что я васъ очень высоко цѣню и уважаю, какъ никого до сихъ поръ... до сихъ поръ... что я вамъ довѣряю, что я готова это... это доказать, что я чувствую къ тебѣ, къ вамъ... (Падастъ безъ чувствъ къ нему на руки).

Лотъ. Елена!

(Занавѣсъ быстро опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дворъ, какъ и во второмъ дѣйствіи. Дѣйствіе происходитъ черезъ четверть часа послѣ объясненія Елены въ любви.

Марія и скотникъ Голишъ стаскиваютъ по лѣстницѣ деревянный сундукъ. Изъ дома выходитъ Лотъ и медленно, съ задумчивымъ видомъ, идетъ прямо черезъ дворъ. Не дойдя до поворота къ трактиру, онъ наталкивается на Гофмана, который поспѣшно идетъ ему навстрѣчу.

Гофманъ (въ цилиндрѣ и лайковыхъ перчаткахъ). Не сердись на меня (загораживаетъ дорогу Лоту и протягиваетъ ему обѣ руки). Я беру все назадъ... Ну, требуй отъ меня удовлетворенія... Я готовъ чѣмъ угодно удовлетворить тебя... Я раскаиваюсь... раскаиваюсь буквально во всемъ.

Лотъ. Толку въ этомъ для насъ обоихъ немного.

Гофманъ. Ахъ, Господи, но если бы только... Ну погоди. Что же я могу еще сдѣлать? Говорю же тебѣ—сопѣсть не дастъ мнѣ покоя... я весь измучился... Ужъ по этому можешь понять, что это для меня страшно серьезный вопросъ. Куда ты хотѣлъ?..

Лотъ. Въ трактиръ... пока...

Гофманъ. Нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь! Не дѣлай этого. Я вѣрю, тебя это должно было глубоко оскорбить... Можеть-быть, и не такъ... легко исправить все это нѣсколькими словами... Ну, дай же мнѣ случай... доказать тебѣ... Слышишь? Обернись! Ну, останься хоть... до завтра. Или до тѣхъ поръ, пока я вернусь. Я долженъ на досугѣ высказаться передъ тобой еще разъ... Не можешь же ты мнѣ и въ этомъ отказать...

Лотъ. Если это такъ тебѣ важно...

Гофманъ. Страшно важно, клянусь тебѣ честию! Отъ этого все зависить. Ну, пойдемъ... пойдемъ. Не уѣзжай такъ. Пойдемъ. (Онъ увлекаетъ въ домъ Лота, который больше не сопротивляется. Оба уходятъ).

(Отпущенная служанка и скотникъ между тѣмъ поставили сундукъ на тележку, Голишъ беретъ за лямку).

Марія (суетъ что-то въ руку Голишу). Вотъ тебѣ, Гошля.

Скотникъ (не принимая). Бери свои гроши!

Марія. Э, глупый!

Скотникъ. Ну, какъ хочешь. (Беретъ деньги и кладетъ ихъ въ кожаный кошелекъ).

Г-жа Шпиллеръ (въ одномъ изъ оконъ). Марія!

Марія. Ну, чего вы еще хотите?

Г-жа Шпиллеръ (выходитъ черезъ минуту изъ двери). Барыня оставитъ тебя, если ты пообѣщавшь...

МАРІЯ. Дрянь какая! Если я пообщаюсь! Ну, поѣзжай, Гошѣ!

Г-жа Шпиллеръ (подходить ближе). Барыня и жалованья прибавить, если ты... (Неожиданно шепотомъ). Плюнь ты на это. Она иногда любитъ поворчать.

МАРІЯ (въ бѣшенствѣ). Не надо мнѣ ся грошей! (Плаксиво, идетъ за Гошею, который проѣзжаетъ съ тачкой. Уходитъ. Г-жа Шпиллеръ уходитъ за ней).

(Въ главный входъ входитъ Баэръ, по прозванію Гопслабаэръ. Длинный человекъ съ зобомъ. Онъ босой и безъ шапки, панталоны внизу сильно потрепанные, спускаются немного ниже коленъ. У него лысина. Сохранившіеся волосы темные, грязные, спутанные, висятъ до плечъ. Походка его напоминаетъ страуса. Онъ везетъ за бечовку дѣтскую тележку съ пескомъ. Онъ безъ бороды и усовъ. Видъ заброшеннаго безъ призора крестьянскаго парня лѣтъ двадцата).

БАЭРЪ (удивительно мычащимъ голосомъ). Песо-окъ! Песо-окъ! (Идетъ черезъ дворъ и исчезаетъ между домомъ и конюшней. Гофманъ и Елена выходятъ изъ дому. Елена блѣдна, держитъ въ рукѣ пустой стаканъ).

ГОФМАНЪ (Еленѣ). Займи его немного, понимаешь?.. Не дай ему уѣхать... Это мнѣ очень важно. Онъ такъ обидчивъ, честолюбивъ... Прощай! Ахъ, неужели же мнѣ изъ-за этого совсѣмъ не ѣхать?.. Какъ себя чувствуетъ Марта? У меня какое-то странное предчувствіе, какъ будто все скоро... Пустяки... Прощай!.. Надо спѣшить! (Кричитъ) Францъ, ѣхать во весь духъ! (Быстро уходитъ въ главный входъ).

ЕЛЕНА (подходить къ вазосу, наливаетъ полный стаканъ и выпиваетъ его залпомъ. Второй стаканъ воды выпиваетъ до половины. Ставитъ стаканъ на трубу насоса и медленно идетъ, отходя назадъ по временамъ назадъ, черезъ ворота. Баэръ выходитъ между домомъ и конюшней и останавливается съ тележкой передъ домомъ. Мила беретъ у него песокъ. Между тѣмъ Кааль появляется справа за заборомъ и разговариваетъ съ г-жою Шпиллеръ, стоящей снаружи, то-есть при входѣ во дворъ. Оба во время разговора медленно ходятъ вдоль забора).

Г-жа Шпиллеръ (сочувственно). Ахъ, да, г-нъ Кааль! Я столько разъ вспоминала васъ, когда... когда... фрейлейнъ... Вѣдь она... такъ сказать... помолвлена съ вами и вотъ... ахъ!.. въ мое время!..

КААЛЬ (вѣзаетъ на скамью подъ дубомъ и угрюмляется западно для синицъ на нижней вѣткѣ). Когда же уѣзжаетъ этотъ мерзавецъ-докторъ?

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, г-нъ Кааль, кажется, еще не скоро. Ахъ, г-нъ Кааль, хотя я, такъ сказать, низкаго происхожденія, но я знаю, такъ сказать, что такое воспитаніе. Въ этомъ отношеніи, г-нъ Кааль... она... ммм... она...

поступать относительно васъ не очень хорошо. Нѣтъ! Въ этомъ, такъ сказать, я никогда не была грѣшна — моя совѣсть, уважаемый г-нъ Кааль, чиста... такъ сказать, какъ самый чистый снѣгъ.

(Баэръ покончилъ съ пескомъ и въ ту же минуту уходитъ со двора, проходя мимо Кааля).

КААЛЬ (замѣчаетъ Баэра и кричитъ). Гопслабаэръ, прыгни-ка!

(Баэръ дѣлаетъ нѣсколько гигантскихъ прыжковъ).

КААЛЬ (ржетъ отъ смѣха, кричитъ во второй разъ). Гопслабаэръ, ну-ка, прыгни!

Г-жа Шпиллеръ. Да, да, г-нъ Кааль... Я желаю вамъ только добра... Вы должны наблюдать... съ ней что-то творится, и...

КААЛЬ, Мерзавецъ-докторъ!.. Голытьба паршивая!

Г-жа Шпиллеръ (тайно). И вѣдь какой человѣкъ! Ахъ, мнѣ такъ жалко барышню! Жена полицейскаго мнѣ сказала, что это очень опасный человѣкъ. Ея мужъ... такъ сказать... представьте себѣ... долженъ слѣдить за нимъ.

(Лотъ выходитъ изъ дому, оглядывается кругомъ).

Г-жа Шпиллеръ. Видите, онъ ищетъ барышню... А-ахъ, смотрѣть жалко!

КААЛЬ. Ну, подожди! (Уходитъ).

Г-жа Шпиллеръ идетъ къ дому, Проходя мимо Лота, дѣлаетъ ему низкій реверансъ. Уходитъ въ домъ).

(Лотъ медленно уходитъ въ ворота. Скотница, худая, изможденная, изголодавшаяся женщина, появляется между конюшней и домомъ. Подъ фартукомъ она несетъ большой горшокъ и проскальзываетъ съ нимъ. боязливо оглядываясь, въ коровникъ. Обѣ дѣвушки входятъ въ ворота, каждая везетъ передъ собой тачку, полную клевера. За ними идетъ Бойбестъ съ короткой трубкой въ зубахъ и косой на плечѣ. Лиза подкатываетъ свою тачку къ лѣвой двери конюшни, а Августа къ правой, и обѣ дѣвушки переносятъ въ стойла траву большими охапками).

Лиза (выходитъ съ пустыми руками изъ конюшни). Эй, Густа, Марія ушла.

Августа. А то что же?..

Лиза. Поди-ка, спроси скотницу. Она донтъ себѣ горшокъ молока.

Бѣйвѣстъ (вѣшаетъ косу на стѣну). Ну, попадется она Шпиллеръ... Эта не похвалить.

Августа. Избави, Боже!

Лиза. У бѣдной женщины восемь человѣкъ дѣтей.

Августа. Восемь маленькихъ дѣтей... Всѣхъ накормить надо!

Лиза. Она ей никогда и горшка молока не дастъ... экая!

Августа. Гдѣ она донтъ?

Лиза. Вонъ тамъ.

БЕЙВЕСТЪ (набавляетъ трубку, крѣпко держитъ зубами мѣшочекъ съ табакомъ). Марія ушла?

Лиза. И это правда, правда! Конюхъ съ ней спалъ.

БЕЙВЕСТЪ (прячетъ мѣшокъ съ табакомъ въ карманъ). Чтѣ же тутъ такого? На то она и женщина. Тожѣ вѣдь иногда... (Закуриваетъ трубку, затѣмъ уходитъ въ главный входъ. Уходя) Я пойду закушу...

Скотница (осторожно неся подъ фартукомъ горшокъ, полный молока, высказывается изъ конюшни). Никто меня не видалъ?

Лиза. Иди, иди, никто не видитъ. Проходи скорѣе!

Скотница (проходя, дѣвushкамъ). Только для грудного малыша!

Лиза (кричитъ ей вслѣдъ). Скорѣе! Кто-го идсты!

Августа. Ничего. Это наша барышня.

(Дѣвushки продолжаютъ носить траву и, копчивъ, толкаютъ пустыя тачки подъ ворота и уходятъ обѣ въ коровникъ. Лотъ и Елена входятъ черезъ ворота).

Лотъ. Этотъ Кааль просто невыносимъ—шпіонъ какой-то!

Елена. Пройдемте въ бесѣдку... (Входятъ черезъ калиточку въ садикъ и проходятъ къ бесѣдкѣ). Это мое любимое мѣсто. Здѣсь я могу спокойно читать.

Лотъ. Красивое мѣсто. Правда. (Садятся въ бесѣдкѣ въ вѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Молчаніе. Затѣмъ Лотъ) Какіе у васъ красивые и густыя волосы.

Елена. Да, зять это тожѣ говорить. Онъ говорить, что не видалъ такихъ, даже и въ городѣ... Коса у меня толщиной въ руку... Когда я ихъ распушу, такъ они до самыхъ коленъ. Троньте,—мягкіе, какъ шелкъ. Правда?

Лотъ. Совсѣмъ шелковые. (По немъ пробѣгаетъ дрожь. Онъ поклоняется и цѣлуетъ волосы).

Елена (испуганно). Нѣтъ, не надо! А если...

Лотъ. Елена, развѣ то было не серьезно?

Елена. Ахъ, мнѣ такъ стыдно... Чтѣ я надѣлала? Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею... За кого вы должны меня считать...

Лотъ (подвигается къ ней, беретъ ее руку въ свою). Ну, обѣ этомъ вамъ нечего беспокоиться!

Елена (вздыхая). Ахъ, чтѣ бы сказала сестра Шмиттгенъ... Не могу даже и представить себѣ...

Лотъ. Кто это сестра Шмиттгенъ?

Елена. Учительница изъ пансіона.

Лотъ. Какъ можете вы поступать только по мыслямъ сестры Шмиттгент!

Елена. Она была очень добрая. (Вдругъ сильно смѣется).

Лотъ. Чего ты вдругъ разсмѣялась?

Елена (полугрустно, полувесело). Ахъ!.. Когда она стояла на хорахъ и пѣла... у нея остался только одинъ длинный зубъ... она должна была пѣть: «Утѣшь, утѣшь мой народъ», а у нея выходило: «О, ѣшь, о, ѣшь мой народъ!» Такъ смѣшно было... мы всегда такъ смѣдились, когда по всей залѣ раздается: «О, ѣшь, о, ѣшь...» (Не можетъ удержаться отъ смѣха, Лотъ заражается ея веселостью. Она кажется ему такой милой, что онъ хочетъ воспользоваться минутой и обнять ее. Елена отклоняется). Ахъ, пѣтъ!.. Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею.

Лотъ. Не говорите такъ.

Елена. Я не виновата, вы сами въ этомъ виноваты. Зачѣмъ вы погребовали...

(Лотъ еще разъ обвиняетъ ее, крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ. Сначала она немного противится, затѣмъ уступаетъ и съ спокойнымъ блаженствомъ смотритъ въ сіяющее счастьемъ лицо Лота, которое склоняется къ ней. Вдругъ, сдѣлавшись смѣлой, она первая цѣлуетъ его въ губы. Оба краснѣютъ, затѣмъ Лотъ возвращаетъ ей поцѣлуй, прижавъ къ ея губамъ своимъ, крѣпкимъ, горячимъ поцѣлуемъ. Нѣкоторое время обмѣнъ поцѣлуями является единственнымъ, явнымъ и выистѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ разговоромъ обоихъ. Лотъ заговариваетъ первый).

Лотъ. Ена. Нѣтъ!.. Тебя здѣсь зовутъ Леной?

Елена (цѣлуетъ его). Зови меня по-другому... Зови, какъ тебѣ хочется.

Лотъ. Дорогая!.. (Повторяется игра поцѣлуевъ и любованія другъ другомъ).

Елена (се крѣпко обнявъ Лотъ, она положила голову къ нему на грудь, съ затуманенными, счастливыми глазами, шепчетъ въ ушесніи). Ахъ, какъ хорошо! Какъ хорошо!

Лотъ. Такъ умереть съ тобой!

Елена (страстно). Жить... (Освобождается изъ его объятій). Зачѣмъ же умирать теперь?... теперь...

Лотъ. Не пойми этого можно. Ужъ съ давнихъ поръ я опьяняю себя... особенно въ счастливыя минуты, опьяняю себя мыслью стать лицомъ къ лицу со смертью.

Елена. Лицомъ къ лицу со смертью?

Лотъ (безъ всякой сентиментальности). Да, и тогда она не представляется мнѣ ужасной, а, напротивъ, въ ней есть что-то дружеское. Зовешь ее и навѣрное знаешь, что она придетъ. Смертью отъ всего можно освободиться, отъ прошед-

шаго—и будущего... (Смотря на руку Елены) У тебя замѣчательно красивая рука (гладитъ ей руку).

Елена (снова бросается въ это объятіе).

Лотъ. Нѣтъ, знаешь. Я не жилъ... до сихъ поръ.

Елена. А ты думаешь, я жила?.. У меня просто голова кружится отъ счастья. Господи! И какъ это такъ вдругъ...

Лотъ. Да, такъ вдругъ...

Елена. Послушай, мнѣ кажется, что вся моя жизнь—это одинъ день, а вчера и сегодня—это цѣлый годъ. Правда?

Лотъ. Я пріѣхалъ только вчера?

Елена. Ну, разумѣется. Въ томъ-то и дѣло... А ты этого и не зналъ?

Лотъ. Право, мнѣ тоже кажется...

Елена. Да? Что прошелъ цѣлый годъ? Правда? (Полупривставъ) Постой... кажется, кто-то идетъ... (Отодвигаются другъ отъ друга). Ахъ, мнѣ все равно. Я теперь такая храбрая. (Она остается сидѣть и взглядомъ подзываетъ Лота сѣсть ближе, что онъ сейчасъ же и исполняетъ).

Елена (въ объятіяхъ Лота). Ну... что же мы прежде всего сдѣлаемъ?

Лотъ. Твоя мачеха, вѣроятно, мнѣ откажетъ.

Елена. Ахъ, моя мачеха... это ей совсѣмъ не касается. Я дѣлаю, что хочу... Я имѣю часть въ наслѣдствѣ матери.

Лотъ. Поэтому ты думаешь...

Елена. Я совершеннолѣтняя, отецъ долженъ мнѣ ее выплатить.

Лотъ. Ты, вѣроятно, но въ ладахъ здѣсь со всѣми?.. А куда уѣхалъ твой отецъ?

Елена. Уѣ... ты... Такъ ты еще не видалъ отца?

Лотъ. Нѣтъ. Гофманъ мнѣ сказалъ...

Елена. Ты... навѣрное... его ужъ видѣлъ.

Лотъ. Я не зналъ!.. Гдѣ же, дорогая?

Елена. Я... (Разражается слезами). Нѣтъ, я не могу... не могу тебѣ этого сказать... это такъ ужасно!

Лотъ. Ужасно? Но, Елена, развѣ твой отецъ чѣмъ-нибудь...

Елена. Ахъ, не спрашивай! Не тебѣ! Потому...

Лотъ. Если ты сама не хочешь мнѣ чего-нибудь сказать, то я тебя объ этомъ, конечно, не буду спрашивать... Послушай, относительно денегъ... въ худшемъ случаѣ... я зарабатываю статьями не очень много, но, я думаю, въ концѣ концовъ этого намъ обоемъ хватитъ.

Елена. Я тоже не буду бездѣльничать. Но тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Наслѣдства вполне хватитъ. А ты отъ своей задачи ни въ какомъ случаѣ не долженъ отказываться, и именно теперь... теперь-то именно у тебя должны быть развязаны руки.

Лотъ (задушевно цѣлуетъ ее). Милая, благородная душа!..

Елена. Ты, правда, меня любишь?.. Правда?.. Правда?..

Лотъ. Правда.

Елена. Скажи сто разъ правда?

Лотъ. Правда, правда и истинная правда!

Елена. Знаешь, ты сочиняешь.

Лотъ. Истинная правда стоитъ ста простыхъ правдъ.

Елена. Да? Конечно, въ Берлинъ?

Лотъ. Нѣтъ, именно въ Випдорфъ.

Елена. Ахъ, ты... Посмотри на мой мизинецъ и не смѣйся.

Лотъ. Хорошо.

Елена. Ты кромѣ твоей первой невѣсты еще другихъ лю... Ты, ты смѣешься!

Лотъ. Я тебѣ хочу серьезно сказать, дорогая... я считаю это своимъ долгомъ... Я со многими женщинами...

Елена (быстро вскакиваетъ, зажимаетъ ему ротъ). Ради Бога... скажи мнѣ объ этомъ потомъ, когда мы состаримся... черезъ много лѣтъ, когда я тебѣ скажу: говори... Слышишь, — не раньше!

Лотъ. Хорошо. Какъ хочешь.

Елена. А теперь лучше что-нибудь хорошее... Слушай: скажи мнѣ еще разъ...

Лотъ. Что?

Елена. «Я тебя...»

Лотъ. «Я тебя...»

Елена. «И всегда только тебя...»

Лотъ. «И всегда только тебя...»

Елена. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Лотъ. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Елена. «И всю жизнь буду любить только тебя...»

Лотъ. «И всю жизнь буду любить только тебя», и это такъ же вѣрно, какъ то, что я честный человѣкъ.

Елена (радостно). Этого я не говорила.

Лотъ. А я говорю. (Цѣлуются).

Елена (напѣваетъ совсѣмъ тихо). Ты живешь въ моемъ сердцѣ...

Лотъ. Теперь ты должна признаться.

Елена. Во всемъ, въ чемъ хочешь.

Лотъ. Признайся. Я первый?

Елена. Нѣтъ.

Лотъ. Кто?

Елена (задорно смѣется). Кааль Вильгельмъ!

Лотъ (смѣется). Кто еще?

Елена. Нѣтъ, больше, право, никого нѣтъ. Ты долженъ мнѣ вѣрить... Право, нѣтъ. Зачѣмъ бы я стала тебѣ лгать?

Лотъ. Итакъ, значитъ, еще кто-то?

Елена (горячо). Прошу, прошу, ну, умоляю тебя, не спрашивай меня объ этомъ. (Закрываетъ лицо руками и плачетъ, повидному, невольно).

Лотъ. Но, но, Леночка, я вѣдь не принуждаю тебя.

Елена. Потомъ, все, все потомъ.

Лотъ. Какъ хочешь, дорогая...

Елена. Ну да, былъ одинъ, видишь ли, котораго я... потому что... потому что онъ показался мнѣ дурнымъ изъ всѣхъ дурныхъ. Но теперь это совсѣмъ другое. (Плачетъ на груди у Лота, порывисто) Ахъ, если бы я могла больше не разставаться съ тобой! Я бы больше всего желала сейчасъ же уйти съ тобой.

Лотъ. Тебѣ, должно-быть, очень плохо въ этомъ домѣ?

Елена. Ахъ, здѣсь все идетъ такъ ужасно. Живутъ, какъ скоты,—я бы погибла здѣсь безъ тебя... Меня ужасъ беретъ...

Лотъ. Мнѣ кажется, ты успокоилась бы, дорогая, если бы все откровенно рассказала мнѣ.

Елена. Да, конечно, но... я не могу рѣшиться на это. Не теперь... еще не теперь. Я, право, боюсь.

Лотъ. Ты была въ пансіонѣ?

Елена. Моя мать захотѣла — еще на смертномъ одрѣ.

Лотъ. И твоя сестра тоже?..

Елена. Нѣтъ. Она всегда жила дома... И когда я пять лѣтъ тому назадъ вернулась домой, я нашла отца, который... мачеху, которая... сестру... отгадай, что я хочу сказать!

Лотъ. Твоя мачеха сварливая. Нѣтъ?.. Можетъ-быть, ревнивая?.. Злая?

Елена. Отецъ?..

Лотъ. Ну, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, илѣнствуетъ подъ ея лудку. Можетъ-быть, она его тиранитъ?

Елена. Если бы больше ничего не было... Нѣтъ! Это слишкомъ ужасно! Ты не можешь и представить себѣ, что... что мой отецъ... что это былъ мой отецъ, котораго ты..

Лотъ. Только не плачь, Леночка... Видишь ли, теперь я почти серьезно готовъ заставить тебя, чтобы ты мнѣ...

Елена. Нѣтъ, этого не нужно. У меня еще нѣтъ силы... это тебѣ...

Лотъ. Ты такъ мучишь себя.

Елена. Мнѣ безконечно стыдно! Ты... ты оттолкнешь, прогонишь меня... этого и вообразить себѣ нельзя... Это отвратительно!

Лотъ. Леночка, ты не знаешь меня, иначе ты не подумала бы этого обо мнѣ. Оттолкнуть. прогнать! Развѣ я кажусь тебѣ такимъ грубымъ?

Елена. Зять Гофманъ сказалъ, что ты разсудительный... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты вѣдь не сдѣлаешь этого. Правда? Ты вѣдь не пройдеши по мнѣ? Не дѣлай этого. Я не знаю, что тогда будетъ со мной.

Лотъ. Да вѣдь это же безуміе! У меня нѣтъ никакихъ причинъ...

Елена. Такъ, значить, ты все-таки считаешь это возможнымъ?

Лотъ. Нѣтъ... Конечно, нѣтъ!

Елена. Но разъ ты можешь себѣ представить такія причины...

Лотъ. Есть, конечно, причины, но онѣ сюда не относятся.

Елена. И эти причины?

Лотъ. Ну, если бы кто-нибудь хотѣлъ меня заставить измѣнить самому себѣ, съ тѣмъ бы я разстался.

Елена. Этого я, конечно, не хочу... Но, навѣрно, я не освобожусь отъ одного чувства.

Лотъ. Какого чувства?

Елена. Можетъ-быть, это оттого, что я такая глупая. У меня въ головѣ ничего нѣтъ. Я не знаю, что такое убѣжденія... Правда? Вѣдь это ужасно. Я люблю тебя просто, но ты такъ добръ, такъ великъ,—у тебя въ головѣ такъ много... Я такъ боюсь, что ты можешь замѣтить... я говорю что-нибудь глупое или дѣлаю, а это не годится... что я слишкомъ проста для тебя... Я, право, страсть какая дурная и глупая.

Лотъ. Что я могу отвѣтить на это? Ты для меня все во всемъ. Все во всемъ ты для меня. Больше я ничего не знаю.

Елена. И здоровье мое тоже...

Лотъ. Послушай, твои родители здоровы?

Елена. Да, конечно, то-есть мать умерла отъ родовой

горячки. Отецъ тоже еще здоровъ. У него, должно-быть очень крѣпкое здоровье. Но...

Лотъ. Ну вотъ видишь, значить...

ЕЛЕНА. А если бы родители не были здоровые?

Лотъ (цѣлуетъ Елену). Да вѣдь они же здоровые, Лосючка.

ЕЛЕНА. А если бы нѣтъ?..

(Г-жа Краузе открываетъ окно въ домъ и кричитъ во дворъ)..

Г-жа Краузе. Эй, дѣвки! Эй, дѣ-ѣвки!

Лиза (изъ коровника). Г-жа Краузе?

Г-жа Краузе. Бѣги за Мюллеръ! Началось!

Лиза. Къ акушеркѣ Мюллеръ?

Г-жа Краузе. А то къ кому же еще? (Захлопываетъ окно).

(Лиза бѣжитъ въ конюшню и затѣмъ съ платкомъ на головѣ выбѣгаетъ на дворъ. Г-жа Шпиллеръ появляется въ дверяхъ дома).

Г-жа Шпиллеръ (зоветъ). Фрейлейнъ Елена!.. Фрейлейнъ Елена!

ЕЛЕНА. Что такое могло случится?

Г-жа Шпиллеръ (идетъ къ бесѣдкѣ). Фрейлейнъ Елена!

ЕЛЕНА. Ахъ, вотъ что,—сестра! Иди, тамъ кругомъ! (Лотъ быстро уходитъ навѣро спереди. Елена выходитъ изъ бесѣдки).

Г-жа Шпиллеръ. Фрейлейнъ!.. Ахъ, вотъ вы гдѣ!

ЕЛЕНА. Что случилось?

Г-жа Шпиллеръ. А-ахъ... у вашей сестры... (Шепчетъ ей что-то на ухо).

ЕЛЕНА. Зятъ велѣлъ сейчасъ же послать за докторомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но, фрейлейнъ, она вѣдь не хочетъ... она не хочетъ никакого доктора... Доктора... а-ахъ, доктора! Съ Божьей помощью...

(Миля выходитъ изъ дому).

ЕЛЕНА. Миля, идите сейчасъ же за докторомъ Шиммельпфеннитомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но...

Г-жа Краузе (изъ окна повелительно). Миля! Ступай наверхъ!

ЕЛЕНА (такъ же). Миля, вы пойдете къ доктору! (Миля бросается назадъ въ домъ). Ну, въ такомъ случаѣ я сама... (Уходитъ въ домъ и сейчасъ же возвращается съ соломенной шляпой въ рукахъ).

Г-жа Шпиллеръ. Тогда... м... дѣло будетъ плохо! Если вы приведете доктора, барышня, тогда дѣло будетъ, конечно, плохо.

(Елена проходитъ мимо нея. Г-жа Шпиллеръ возвращается, качая головой, въ домъ. Когда Елена поворачиваетъ къ выходу со двора, Кааъ появляется за заборомъ).

КААЛЬ (кричитъ Еленѣ). Чтò такое началось у васъ?
(Елена не останавливается и не удостоиваетъ Кааля ни взглядомъ ни словомъ).

КААЛЬ (смѣется). У васъ, должно-быть, свиней бьютъ? А?
(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната, чтò и въ первомъ дѣйствіи. Около двухъ часовъ ночи. Въ комнатѣ темно. Черезъ открытую среднюю дверь проходитъ свѣтъ изъ освѣщенныхъ сѣней. Ярко освѣщена также деревянная лѣстница въ первомъ этажѣ. Все это дѣйствіе, за немногими исключениями, ведется въ пониженномъ тонѣ.

(Эдуардъ со свѣчой входитъ въ среднюю дверь. Зажигаетъ висячую лампу надъ угловымъ столомъ. Газовое освѣщеніе. Пока онъ этимъ занятъ, входитъ Лотъ также въ среднюю дверь).

ЭДУАРДЪ. Нельзя же такъ ни на минуту глазъ не сомкнуть!

ЛОТЪ. Мнѣ не хотѣлось спать. Я писалъ.

ЭДУАРДЪ. Ахъ, такъ! (Зажигаетъ). Такъ... Конечно. А тяжело это, должно-быть... Можетъ-быть, г-нъ докторъ желаетъ чернила и перо?

ЛОТЪ. Если вы будете такъ любезны.

ЭДУАРДЪ (ставя на столъ чернила и перья). Я всегда такъ думаю: кто честный человѣкъ, тому приходится собственной кровью каждый грошъ зарабатывать. Ему даже и ночью нѣтъ покоя. (Все доврчивѣе) А они тутъ всё равно ничего не дѣлаютъ, гнилые, бесполезные люди... Вотъ и вамъ, г-нъ докторъ, какъ и всѣмъ честнымъ людямъ, приходится, конечно, много работать, чтобы прожить какъ-нибудь.

ЛОТЪ. Да, я бы не прочь, чтобы не приходилось такъ работать.

ЭДУАРДЪ. А я, вы думаете, прочь?

ЛОТЪ. Барышня, должно-быть, у сестры?

ЭДУАРДЪ. Конечно. Она хорошая дѣвушка. Не оставляйте ее.

ЛОТЪ (смотря на часы). Роды начались въ одиннадцать часовъ утра. Значитъ, они продолжаются... они уже продолжаются пятнадцать часовъ. Пятнадцать долгихъ часовъ!

ЭДУАРДЪ. Ай-ай-ай! А ихъ еще называютъ слабымъ поломъ.

ЛОТЪ. Гофманъ тоже наверху?

Эдуардъ. Я вамъ говорю: женщины здоровый народъ. Лотъ. Да, и все-таки, если даже это и такъ, это не пустяки.

Эдуардъ. Ну да! И я это говорю! Сейчас докторъ Шиммельпфеннигъ прѣхалъ. Вотъ это человѣкъ, скажу я вамъ: твердъ, какъ камень, а вмѣстѣ съ тѣмъ просто сахаръ, а не человѣкъ. Скажите, и вы тоже изъ Берлина? (Гофманъ и докторъ сходятъ внизъ по лѣстницѣ). Ахъ, ты, Господи!

(Гофманъ и д-ръ Шиммельпфеннигъ входятъ).

Гофманъ. Ну, теперь-то вы, конечно, ужъ останетесь у насъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Теперь я могу.

Гофманъ. Если бы вы знали, насколько спокойнѣе при васъ. Можно вамъ предложить стаканъ вина, г-нъ докторъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Если вы такъ хотите, то ведите ужъ лучше сварить мнѣ чашку кофе.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ. Эдуардъ! Кофе для г-на доктора! (Эдуардъ уходитъ). Вы?.. Вы довольны теченіемъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пока у вашей жены есть еще силы, прямой опасности нѣтъ. Почему же вы все-таки не пригласили молодую акушерку? Вѣдь я, насколько помню, рекомендовалъ вамъ одну.

Гофманъ. Теща... что же тутъ подѣлаешь? Да, по правдѣ сказать, и жена не особенно довѣряла молодой.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А такимъ ископаемымъ ваши дамы довѣряютъ? На здоровье! Вамъ очень хочется опять наверхъ?

Гофманъ. Откровенно говоря, я здѣсь внизу не очень спокоенъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вамъ бы лучше всего уйти куда-нибудь изъ дому.

Гофманъ. Это при всемъ желаніи... Ахъ, Лотъ! Ты еще здѣсь. (Лотъ поднимается съ дивана на темномъ переднемъ планѣ и подходитъ къ обоимъ).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (въ высшей степени изумленъ). Что такое?

Лотъ. Я уже слышалъ, что ты здѣсь. Завтра я непременно отыскалъ бы тебя. (Крѣпко жмутъ другъ другу руки. Гофманъ, пользуясь минутой, быстро паливаетъ у буфета рюмку коньяку и затѣмъ пробирается наверхъ по деревянной лѣстницѣ. Вначалѣ разговоръ двухъ друзей ясно носить на себѣ легкій отпечатокъ сдержанности).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ ты, значить... ха-ха-ха... забылъ старую глупую исторію? (Кладетъ въ сторону шляпу и палку).

Лотъ. Давно забылъ, Шиммель!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, и я тоже! (Пожимаютъ еще разъ руки). У меня въ этой дырѣ было такъ мало радостныхъ минутъ, что эта исторія мнѣ представляется просто смѣшной. Странно! И мы встречаемся какъ разъ здѣсь. Странно!

Лотъ. Ты пропалъ безъ вѣсти, Шиммель. А то тебя бы давно извели.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. нырнулъ подъ воду, какъ тюлень, и дѣлалъ изслѣдованія на глубинѣ. Года черезъ полтора надѣюсь опять вынырнуть. Видите ли... видишь ли, если хочешь сдѣлать что-нибудь порядочное, прежде всего надо быть матеріально независимымъ.

Лотъ. Такъ, значить, ты здѣсь и капиталы собираешь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разумѣется, и какъ можно больше. Чтò же другое здѣсь можно дѣлать?

Лотъ. А все-таки ты могъ бы дать о себѣ вѣсточку.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Позвольте... позволь, если бы я о себѣ сообщилъ, мнѣ бы въ свою очередь пришлось услышать и о васъ, а я рѣшительно ничего не хотѣлъ слышать... Ничего, ровно ничего, это могло бы мнѣ помѣшать въ моей золотопромышленной дѣятельности. (Оба медленно ходятъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

Лотъ. Такъ... Въ такомъ случаѣ тебѣ нечего удивляться, что они... да, они всѣ безъ разбора отказались отъ тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Этого можно было ожидать отъ нихъ. Шайка! Ну, я еще заставляю ихъ заговорить обо мнѣ.

Лотъ. Шиммель, прозванный Грубіяномъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пожилъ бы ты шесть лѣтъ среди этихъ крестьянъ. Такія собаки всѣ...

Лотъ. Это я могу себѣ представить. Но какъ ты попалъ именно въ Виддорфъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Какъ это всегда бываетъ. Я долженъ былъ тогда удрать изъ Иены.

Лотъ. Это было еще до моей исторіи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конечно. Вскорѣ послѣ того, какъ мы бросили нашу совместную жизнь. Въ Цюрихѣ я началъ тогда заниматься медициной, главнымъ образомъ, чтобы имѣть что-нибудь въ случаѣ нужды. Затѣмъ дѣло

начало меня интересовать, и теперь я тѣломъ и душой медикъ.

Лотъ. А сюда?.. Какъ ты попалъ сюда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Очень просто. Когда я пончилъ, то сказалъ себѣ: теперь прежде всего необходима достаточная сумма денегъ. Думалъ я и объ Америкѣ, Южной и Сѣверной Америкѣ, объ Африкѣ, Австраліи, южныхъ островахъ... Въ концѣ концовъ мнѣ пришло въ голову, что моей мальчишеской глупости наступила между тѣмъ давность, и рѣшилъ влѣзть назадъ въ мышеловку.

Лотъ. Но вѣдь ты экзамены свои сдавалъ въ Швейцаріи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пришлось претерпѣть все это еще разъ здѣсь.

Лотъ. Такъ ты, значитъ, держалъ два раза государственнѣй экзаменъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да! Въ концѣ концовъ я счастливымъ образомъ попалъ на здѣшній тучный лугъ.

Лотъ. Упорству твоему можно позавидовать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Только не все сразу такъ сыпалось. Ну, въ концѣ концовъ это тоже не несчастъе.

Лотъ. У тебя большая практика?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Иногда я только въ пять часовъ утра ложусь въ постель. А въ семь часовъ ужъ опять начинается мой пріемный часъ.

(Входитъ Эдуардъ и приноситъ кофе).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (садясь къ столу, Эдуарду). Благодарю, Эдуардъ! (Къ Лоту) Вотъ кофе зато я пью... въ неприличныхъ размѣрахъ.

Лотъ. Ну, этого не слѣдовало бы.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Что же дѣлать? (Пьетъ маленькими глотками). Какъ уже сказалъ—еще годикъ, и тогда конецъ... по крайней мѣрѣ надѣюсь.

Лотъ. И тогда совсѣмъ прекратишь практику?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Думаю—нѣтъ. Нѣтъ... болѣе не буду. (Отодвигаетъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ, вытираетъ себѣ ротъ). Впрочемъ, покажи-ка твою руку. (Лотъ протягиваетъ ему обѣ руки). Нѣтъ? Не женился? Не нашелъ подходящей? А?.. Ты, значитъ, все еще въ жены себѣ ищешь женщину ради здоровой крови. Ты, впрочемъ, правъ... Или ты въ этомъ отношеніи не требуешь уже такъ много?

Лотъ. Ну, это смотря какъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, если бы и у здѣшнихъ крестьянъ были такіе же взгляды. Вырожденіе, говорю

тебѣ, полнѣйшее и на каждомъ шагѣ... (Наполовину вынулъ портсигаръ изъ бокового кармана, опускаетъ его опять назадъ и встаетъ, когда доносится какой-то крикъ черезъ едва притворенную сѣвную дверь). Постой — ка. (Идетъ на цыпочкахъ къ сѣвной двери и слушаетъ. Одну дверь открываютъ за сценою; нѣсколько секундъ ясно слышны вопли родильницы. Докторъ, обращаясь къ Лоту, такъ говоритъ). Прости! (Уходитъ).

(Лотъ нѣсколько секундъ ходитъ по комнатѣ, въ это время за сценой хлопаютъ двери, люди бѣгаютъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ. Затѣмъ онъ садится на кресло направо спореди. Елена пропыхтываетъ въ комнату и обнимаетъ сзади Лота, который не замѣтилъ ея прихода).

Лотъ (обращивается, такъ же обнимаетъ ее). Леночка! (Притягиваетъ ее, несмотря на слабое сопротивленіе, къ себѣ на колѣни. Елена плачетъ, онъ ее цѣлуетъ). Ахъ, не плачь же, Леночка! Ну, отчего ты такъ плачешь?

Елена. Отчего? Развѣ я знаю?.. Я все думала, что тебя больше не встрѣчу. Я только-что такъ испугалась...

Лотъ. Почему же?

Елена. Потому что я слышала, какъ ты вышелъ изъ своей комнаты. А!.. И сестра... бѣдные мы, бѣдныя женщины! Она страшно мучится.

Лотъ. Боль скоро забывается, а умирать отъ этого не умираютъ.

Елена. Ахъ, ты! Она сама хочетъ умереть... она все время стонетъ: дайте мнѣ умереть... Докторъ! (Она вскакиваетъ и проспальзывается въ зимній садъ).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (при входѣ). Да, ужъ лучше бы барынька тамъ наверху немного поторопилась! (Садится около стола, снова вынимаетъ сигару и кладетъ ее около себя). Ты пойдешь со мной ко мнѣ, а? У меня тамъ есть парный экипажъ. Вмѣстѣ въ немъ и дойдемъ. (Ударяя сигарой о край стола). Сладкое супружество — неизбежное зло, да, да! (Зажигаетъ спичку). Итакъ, еще свѣжъ, свободенъ, невинентъ, веселъ?

Лотъ. Это меня черезъ нѣсколько дней спроси.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (уже съ зажженной сигарой). Какъ?.. Ахъ, ахъ, да! (Смѣясь) По моимъ слѣдамъ пошелъ?

Лотъ. А ты все еще такъ же пессимистически относишься къ женщинамъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ужа-сно! (Слѣдя за дымомъ сигары). Раньше я былъ пессимистъ, такъ сказать, по предчувствію.

Лотъ. А теперь развѣ убѣдился на опытѣ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разумѣется. На моей выгнѣскѣ изображено: «спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ».

Медицинская практика дѣлаетъ странно умнымъ... до ужаса здоровымъ... она специфическое средство противъ... всякихъ заразы.

Лотъ (смѣется). Ну, мы можемъ сейчасъ опять начать въ прежнемъ тонѣ. Я вовсе не пошелъ по твоимъ слѣдамъ. Теперь еще меньше, чѣмъ прежде... Такимъ образомъ ты, вѣроятно, также перемѣнилъ своего конька?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конька?

Лотъ. Вѣдь женскій вопросъ въ прежнія времена былъ лѣкаторымъ образомъ твоимъ конькомъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, да! Почему я долженъ былъ его перемѣнить?

Лотъ. Потому что ты о женщинахъ думаешь еще хуже, чѣмъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (немного раздраженный, встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ, при этомъ говоритъ). О женщинахъ!.. Нисколько!.. Я только дурно думаю о женитбѣ... о бракѣ... о бракѣ, и при этомъ еще гораздо хуже я думаю о мужчинахъ... Женскій вопросъ, ты думаешь, меня больше не интересуешь? Да? А зачѣмъ бы я работалъ здѣсь шесть долгихъ лѣтъ, какъ выючная лошадь? Только для этого вопроса. Развѣ ты этого не зналъ съ самаго начала?

Лотъ. Гдѣ же я могъ здѣсь это узнать?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, какъ сказано... я уже собралъ довольно значительный матеріалъ, который мнѣ можетъ оказать большія услуги... Те!.. Я уже такъ привыкъ къ крику. (Замолкаетъ, слушаетъ, идетъ къ двери и возвращается). А что собственно привело тебя сюда, къ золотопромышленникамъ?

Лотъ. Я хотѣлъ бы изучить здѣшній бытъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (пониженнымъ тономъ). Идея! (Еще тише) Ты можешь получить у меня и этотъ матеріалъ.

Лотъ. Ты, конечно, хорошо освѣдомленъ о здѣшнемъ положеніи. Каковы здѣсь семейныя условія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ужасныя!.. Всюду... уф!.. пьянство, кровосмѣшеніе, вслѣдствіе этого вырожденіе по всей линіи.

Лотъ. Есть же исключенія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Едва ли.

Лотъ (безпокойно). Ты никогда не впадалъ въ искупленіе... жениться на дочери какого-нибудь вицдорфскаго богача?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Фу, чортъ возьми! Да за

кого же ты меня считаешь? Съ тѣмъ же правомъ ты могъ бы меня спросить...

Лотъ (очень блѣдный). Какъ?.. почему?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Потому что... Да что съ тобой? (Пристально смотритъ на него нѣсколько секундъ).

Лотъ. Что со мной можетъ быть? Ровно ничего.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (внезапно задумывается, идетъ и вдругъ останавливается съ легкимъ свистомъ, снова взглядываетъ благо на Лота и говоритъ потомъ вполголоса самъ себѣ). Плохо!

Лотъ. Ужъ очень ты быстръ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тихе! (Прислушивается и затѣмъ быстро уходитъ въ среднюю дверь).

ЕЛЕНА (входитъ черезъ нѣсколько секундъ въ среднюю дверь, она зоветъ). Альфредъ!.. Альфредъ!.. Ахъ, ты здѣсь, слава Богу!

Лотъ. А ты думала, я уже сбѣжала? (Обнимаетъ).

ЕЛЕНА (откидывается съ несомнѣннымъ испугомъ въ выраженіи). Альфредъ!

Лотъ. Что такое?

ЕЛЕНА. Ничего, ничего!

Лотъ. Но у тебя что-то есть?

ЕЛЕНА. Ты говорилъ со мной такъ... такъ холодно. Ахъ, у меня ужъ такія глупыя мысли.

Лотъ. Какъ дѣла наверху?

ЕЛЕНА. Докторъ ссорится съ акушеркой.

Лотъ. Не скоро еще кончится?

ЕЛЕНА. Развѣ я знаю?.. Но когда это... когда это кончится, тогда...

Лотъ. Что тогда?.. Говори же, прошу тебя! Что ты хотѣла сказать?

ЕЛЕНА. Уйдемъ тогда поскорѣй отсюда. Сейчасъ же! Сюю же минути!

Лотъ. Если ты дѣйствительно считаешь это самымъ лучшимъ, Леночка...

ЕЛЕНА. Да, да. Намъ нечего ждать. Это самое лучшее для тебя и меня. Если ты теперь же не возьмешь меня и оставишь здѣсь... тогда... тогда... тогда я погибну.

Лотъ. Какъ же ты недовѣрчива, Леночка!

ЕЛЕНА. Не говори этого, милый. Тебѣ всѣ вѣрятъ, тебѣ нельзя не вѣрить... Какъ только я буду твоя, тогда... тогда ты ужъ навѣрно меня не оставишь. (Какъ бы выѣ себя) Я заклиная тебя, не уходи! Только не оставляй меня! Не уходи, Альфредъ! Все кончится, все, если выйдешь отсюда безъ меня!

Лотъ. Ну, какая ты странная!.. И ты еще говоришь, что вѣришь... Или они мучатъ тебя, пытаются тебя здѣсь еще ужаснѣе, чѣмъ я себѣ... Во всякомъ случаѣ мы уйдемъ еще сегодня же ночью. Я готовъ. Мы уйдемъ сейчасъ же, какъ ты захочешь.

ЕЛЕНА (сейчасъ же падаетъ ему на шею съ восторженной благодарностью). Любимый мой! (Цѣлуетъ его, какъ безумная, и быстро уходитъ. Д-ръ Шиммельпфеннигъ входитъ въ среднюю дверь; онъ еще замѣчаетъ, какъ Елена исчезаетъ въ двери зимняго сада).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Кто это былъ?.. Ахъ, да! (Про себя) Вѣдняяжечка! (Садится, вздыхая, къ столу, находитъ старую сигару, отбрасываетъ ее въ сторону, беретъ изъ портсигара новую и начинаетъ бить ею о край стола, при чемъ онъ задумчиво пристально смотритъ на нее).

Лотъ (смотреть на него). Точно такъ же и восемь лѣтъ тому назадъ тебѣ необходимо было постучать каждой сигарой, прежде чѣмъ закурить ее.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Возможно!.. (Закуривъ) Послушай-ка ты!

Лотъ. Что такое?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты вѣдь, какъ только кончится наверху исторія, поѣдешь со мной ко мнѣ?

Лотъ. Къ сожалѣнію, это невозможно.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Хочется снова основательно откровенно высказаться.

Лотъ. Мнѣ точно такъ же, какъ и тебѣ. Но сегодня совершенно не въ моей власти съ тобой...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А если я тебѣ прямо и въ нѣкоторой степени торжественно объявляю: есть опредѣленное, въ высшей степени важное дѣло, о которомъ я хотѣлъ бы сегодня же ночью поговорить съ тобой... даже долженъ говорить, Лотъ.

Лотъ. Странно! Я не могу этого принять въ серьезъ. Столько лѣтъ ты ждалъ съ этимъ, а теперь нельзя подождать одного дня? Ты же вѣришь, что я не думаю отвиливать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Итакъ, это, значитъ, правда! (Встаетъ и идетъ кругомъ).

Лотъ. Правда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (стоитъ молча передъ Лотомъ, прямо смотря ему въ глаза). Такъ это правда, что между тобой и Еленой Краузе что-то происходитъ?

Лотъ. Между мной?.. Кто же тебѣ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А какимъ же образомъ ты въ этомъ семействѣ?..

Лотъ. Откуда ты знаешь все это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Догадаться было не трудно.

Лотъ. Ну такъ молчи, ради Бога, чтобы не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ вы действительно помолвлены?

Лотъ. Какъ тебѣ сказать? Во всякомъ случаѣ, мы оба согласны.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!.. Но какъ ты попалъ сюда, именно въ это семейство?

Лотъ. Да вѣдь Гофманъ мой школьный товарищъ. Онъ тоже былъ членомъ—конечно, по имени—моего колоніальнаго союза.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я слышалъ о немъ въ Цюрихѣ. Такъ онъ съ тобой знакомъ! Слава о немъ идетъ печальная.

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, да не въ этомъ дѣло. И ты это действительно серьезно?.. Исторія съ Краузе?

Лотъ. Само собой разумѣется... Ты сомнѣвался въ этомъ? Вѣдь ты же меня за подлеца не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну хорошо! Только не горячись. Вѣдь могъ же ты измѣниться за эти долгіе годы. Почему нѣтъ? Немного юмора не могло бы тебѣ повредить. Я не понимаю, почему все надо принимать съ такой проклятой серьезностью.

Лотъ. Для меня это теперь серьезнѣе, чѣмъ прежде. (Встаётъ и подходитъ, заходя нѣсколько сзади, къ Шиммельпфеннигу). Ты вѣдь не можешь знать, а я не могу тебѣ сказать, какъ важенъ для меня этотъ вопросъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Ты не имѣешь понятія, чтѣ это за состояніе. Пока этого только ждешь, — его не знаешь. Но если его узнаешь, тогда,—тогда прямо съ ума сойдешь отъ страстнаго ожиданія.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пусть чортъ пойметъ, какъ вы доходите до этого безумнаго ожиданія.

Лотъ. Ты тоже еще не застрахованъ отъ него.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Желалъ бы я это взгляды!

Лотъ. Ты говоришь, какъ слѣпой о краскахъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Простое увлеченіе! Смѣшно! И на этомъ строить бракъ на всю жизнь... Все равно, что на кучѣ песку.

Лотъ. Увлеченіе... увлеченіе!.. Кто говоритъ объ увлеченіи, тотъ ничего не понимаетъ. Увлеченіе мимолетно. Такія увлеченія у меня уже были, сознаюсь въ этомъ. Но это—нѣчто совсѣмъ другое.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Я разсуждаю совершенно хладнокровно. Ты думаешь, что я смотрю на нее... ну, какъ тебѣ сказать?.. ну, какъ сказать?.. Съ пристрастіемъ? Совсѣмъ нѣтъ! У нея есть недостатки. она не особенно красива, по меньшей мѣрѣ, но она и не уродъ. Я обсудилъ совершенно объективно, и—конечно, это дѣло вкуса—я никогда еще не встрѣчалъ такой прекрасной дѣвушки. Итакъ, увлеченіе—пустяки. Я такъ разсудителенъ, какъ только возможно. Но, видишь ли, вотъ что странно: я совсѣмъ не могу думать безъ нея... это мнѣ представляется, какъ сплавъ, знаешь, когда два металла такъ тѣсно сплавлены, что уже нельзя сказать: это такой-то, а это такой. Все это вполне понятно, однимъ словомъ, это, можетъ-быть... безуміе,—то-есть въ твоихъ глазахъ, можетъ-быть, это и безуміе, но для меня ясно одно: кто этого не знаетъ, тотъ достойная сожалѣнія лягушка. Такой лягушкой я былъ до сихъ поръ, а ты и теперь еще такая же жалкая лягушка.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да вѣдь тутъ весь комплексъ симптомовъ налицо. И зачѣмъ вамъ надо лѣзть по уши въ вещи, которые теоретически вы ужъ давно отвергли, какъ, напримѣръ, ты — бракъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, ты страдаешь этой несчастной брачною маніей.

Лотъ. Это мое стремленіе, прямо стремленіе. Боже мой, если бы я могъ перемѣниться такъ, какъ я хочу!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Но вѣдь въ концѣ концовъ можно и преодолѣть стремленіе.

Лотъ. Да, если есть цѣль, то почему же и нѣтъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А женитьба имѣетъ цѣль?

Лотъ. Я это и подразумеваю. Она имѣетъ цѣль. Для меня она имѣетъ цѣль. Ты не знаешь, какъ я тратилъ свои силы до сихъ поръ. Я не сентименталенъ. Я, можетъ-быть, не такъ ясно чувствовалъ это, можетъ, я не сознавалъ такъ рѣзко, какъ теперь, что въ моемъ стремленіи у меня было что-то ужасно пустынное, почти механическое. Ни духа, ни темперамента, ни жизни. ла кто знаетъ, была ли еще во мнѣ вѣра? Все это съ... съ сегодняшняго дня снова вырастаетъ во мнѣ. Я такъ удивительно полонъ,

такъ самобытенъ, такъ радостенъ... Безуміе... ты этого не понимаешь.

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Все, что для васъ необходимо, чтобы оставаться жизнерадостными: вѣра, любовь, надежда,—для меня это хламъ. Для меня это совершенно ясно. человечество лежитъ въ агоніи, и каждый изъ насъ старается наркотическими средствами сдѣлать эту агонію насколько можно менѣе мучительною.

Лотъ. Твоя новѣйшая основная точка зрѣнія?

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Все одна и та же ужасная-шесть лѣтъ.

Лотъ. Поздравляю!

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Благодарю! (Долгая пауза).

Д-ръ Шиммельпеннигъ (послѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ приступовъ). Дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ такъ, что я считаю себя обязаннымъ... Я долженъ тебѣ сказать это во что бы то ни стало... Я думаю, что ты не можешь жиниться на Еленѣ Краузе.

Лотъ (холодно). Да, ты думаешь?

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Да, я такого мнѣнія. Существуютъ препятствія, которыя для тебя какъ разъ...

Лотъ. Послушай, ради Бога, объ этомъ не безпокойся. Вопросъ вовсе не такъ сложенъ, въ концѣ концовъ онъ даже ужасно простъ.

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Или, вѣрнѣе сказать: просто ужасенъ.

Лотъ. Я говорю о томъ, что касается препятствій.

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Я тоже отчасти. Но также и вообще. Не думаю, чтобы ты вполне ознакомился съ этимъ вопросомъ.

Лотъ. Я его достаточно изучилъ.

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Тогда ты долженъ бы неизбежно перемѣнить свой взглядъ.

Лотъ. Пожалуйста, Шиммель, говори яснѣе.

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Тогда тебѣ придется отказаться отъ твоихъ главныхъ требованій относительно брака, хотя ты только-что далъ понять, что для тебя важнѣе всего произвести на свѣтъ родъ, здоровый душою и тѣломъ.

Лотъ. Отказаться?.. отказаться? Почему же я долженъ?..

Д-ръ Шиммельпеннигъ. Вѣдь ничего же больше не остается... Значитъ, ты ничего не знаешь, ты, можешь-быть, не знаешь и того, что у Гофмана былъ сынъ, который трехъ лѣтъ уже умеръ отъ алкоголизма.

Лотъ. Что... что ты говоришь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Мнѣ очень тяжело, Лотъ, но я долженъ тебѣ это сказать. Вѣдь ты тогда можешь дѣлать, что хочешь. Дѣло было не шуточное. Они такъ же, какъ и теперь, гостили здѣсь. Они прислали за мной, опоздали на полчася. Мальчикъ уже давно истекъ кровью.

(Лотъ съ выраженіемъ глубокаго, ужаснаго потрясенія, внимательно слушаетъ доктора).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Глупый мальчишка тянулся къ уксусной бутылкѣ, думая, что въ ней его любимая водка. Бутылка упала, и мальчикъ упалъ на осколки. Здѣсь внизу, видишь ли, *vena sarhena*, онъ ее и перерѣзалъ.

Лотъ. Ч...ч...ей ребенокъ, говоришь ты?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана и той же самой барыни, которая тамъ наверху опять... И она тоже пьетъ, пьетъ до потери сознанія, пьетъ, сколько можетъ выпить.

Лотъ. Такъ это не отъ Гофмана... не отъ Гофмана?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Сохрани Господи, это-то и трагично для человѣка. Онъ страдаетъ отъ этого, насколько онъ вообще можетъ страдать. Впрочемъ, онъ зналъ, что вступаетъ въ семью пьяницъ. Отецъ уже и не выходитъ больше изъ трактира.

Лотъ. Теперь я многое понимаю... Нѣтъ... я все понимаю, все! (Послѣ тяжелаго молчанія) Такъ ея жизнь здѣсь... Жизнь Елены, ну, какъ сказать? Я не могу найти подходящаго слова...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Прямо ужасна. Это я могу засвидѣтельствовать. Что ты привязался къ ней, мнѣ съ самаго начала стало очень понятно. Но, какъ я уже сказалъ...

Лотъ. Ну хорошо!.. Понимаю... Можетъ-быть, можно было бы... можно было бы побудить Гофмана что-нибудь... что-нибудь сдѣлать? Ты не могъ бы повліять на него? Его слѣдовало бы вырвать изъ этого болота.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана?

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Плохо ты его знаешь... Не думаю, чтобы онъ ее уже развратилъ. Но имя ея онъ уже безусловно опорочилъ.

Лотъ (вспылавъ). Если это такъ, я убью его... Ты дѣйствительно думаешь?.. Ты дѣйствительно считаешь Гофмана способнымъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я считаю его способнымъ

на все, на все, если это доставляет ему, конечно, удовольствие.

Лотъ. Тогда она—самое чистое созданіе, какое только есть... (Лотъ медленно беретъ шляпу и палку и надѣваетъ на себя сумочку).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Чѣмъ ты думаешь дѣлать, Лотъ?

Лотъ. Не встрѣчаться.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты, значитъ, рѣшился?

Лотъ. На что рѣшился?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разорвать ваши отношенія?

Лотъ. Какъ же я могу не рѣшиться на это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я, какъ врачъ, могу тебѣ еще сказать, что извѣстны случаи, когда наслѣдственные болѣзни удается подавить, а вѣдь ты, конечно, далъ бы своимъ дѣтямъ раціональное воспитаніе.

Лотъ. Ну и пусть такіе случаи извѣстны.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. И вѣроятность можетъ быть не такъ ужъ ничтожна, чтобы...

Лотъ. Это не можетъ намъ помочь, Шиммель. Дѣло стоитъ такъ: есть три выхода. Или я женюсь на ней, и тогда... нѣтъ, этотъ исходъ невозможенъ. Или пуля въ лобъ. Ну, тогда по крайней мѣрѣ будетъ хоть покой. Но нѣтъ! Такъ далеко мы еще не зашли, это еще всегда успѣется. Итакъ: жить! бороться!.. Дальше, все дальше! (Взглядъ его падаетъ на столъ, онъ замѣчаетъ поставленный Эдуардомъ на мѣсто письменный приборъ, садится, схватываетъ перо, колеблется и говоритъ). Или наконецъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я обѣщаю тебѣ представить ей положеніе какъ можно понятнѣе.

Лотъ. Да, да... Только... Я не могу иначе! (Онъ пишетъ, адресуетъ и запечатываетъ конвертъ. Встаетъ и протягиваетъ Шиммельпфеннигу руку). Въ остальномъ я полагаюсь на тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты ѣдешь ко мнѣ? да? Мой кучеръ отвезетъ тебя.

Лотъ. Послушай, нельзя ли по крайней мѣрѣ попытаться вырвать ее изъ рукъ этого... этого человѣка? Вѣдь иначе она неизбежно сдѣлается его добычей.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты добръ, но достоинъ сожалѣнія. Знаешь, что я тебѣ посоветую? Не отнимай у нея того немногаго, что ты ей еще оставляешь.

Лотъ (съ глубокимъ вздохомъ). Мученіе... можетъ-быть, ты правъ... да, конечно, даже навѣрное. (Слышно, какъ кто-то поспѣшно идетъ съ лѣстницы. Вслѣдъ затѣмъ врывается Гофманъ).

Гофманъ. Докторъ, прошу васъ, ради Бога!.. Она безъ силъ... роды кончаются... Можетъ-быть, вы...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Иду. (Къ Лоту, значительно) До свиданья. (Къ Гофману, который хочетъ идти за нимъ) Г-нъ Гофманъ, я долженъ васъ просить... Присутствіе постороннихъ можетъ помѣшать, можетъ оказаться роковымъ... мнѣ было бы пріятнѣе всего, если бы вы остались внизу.

Гофманъ. Вы требуете многого, но... ина!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Не болѣе того, что слѣдуетъ. (Уходитъ Гофманъ остается).

Гофманъ (замѣчая Лота). Я дрожу, волненіе охватываетъ всѣ мои члены. Собираешься уѣзжать?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Теперь, ночью?

Лотъ. Только къ Шиммельпфеннигу.

Гофманъ. Ахъ, такъ! Теперь... когда такъ сложились обстоятельства, въ концѣ концовъ, быть у насъ нѣтъ никакого удовольствія... Ну, будь здоровъ...

Лотъ. Благодарю за гостепріимство.

Гофманъ. Ну, а какъ же дѣло съ твоимъ планомъ?

Лотъ. Планомъ?

Гофманъ. Я говорю о твоей работѣ, о твоей народно-хозяйственной работѣ о нашемъ округѣ. Я долженъ тебѣ сказать... я хотѣлъ тебя даже, какъ друга, убѣдительно и душевно попросить...

Лотъ. Не безпокойся. Завтра я буду далеко за горами.

Гофманъ. Вотъ это... (Обрываетъ).

Лотъ. Прекрасно съ твоей стороны, вѣроятно, хотѣлъ ты сказать?

Гофманъ. То-есть... да... съ извѣстной точки зрѣнія; впрочемъ, ты извинишь меня, я такъ ужасно возбужденъ. Рассчитывай на меня. Старые друзья всегда самые лучшіе. Прощай, прощай! (Уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ (пока выходитъ въ дверь, оборачивается еще разъ назадъ и запечатлѣвается въ своей памяти еще разъ всю комнату. Потомъ самому себѣ). Теперь я могу уйти. (Взглядываетъ въ послѣдній разъ и уходитъ).

(Комната нѣсколько секундъ остается пустою. Слышны заглушенные голоса и шумъ шаговъ, затѣмъ появляется Гофманъ. Затворивъ дверь, вынимаетъ, несоотвѣтственно спокойно, свою записную книжку и что-то высчитываетъ, при этомъ прерываетъ себя и прислушивается, ста-

новится безпокойнымъ, подходитъ къ двери и прислушивается снова. Вдругъ кто-то бѣжитъ съ лѣстницы. Врывается Елена).

ЕЛЕНА (еще за сценой). Зятѣ! (Въ дверяхъ) Зятѣ!

Гофманъ. Чтѣ?.. кончилось?

ЕЛЕНА. Соберись съ силами: родился мертвый.

Гофманъ. Боже мой! (Бросается вонъ).

ЕЛЕНА (одна). Она осматривается и тихо зоветъ: Альфредъ! Альфредъ! Не получая отвѣта, быстро повторяетъ: Альфредъ! Альфредъ! Затѣмъ спѣшитъ къ двери зимняго сада, въ которую пылливо смотритъ, и уходитъ въ зимній садъ. Черезъ нѣкоторое время появляется снова: Альфредъ! Становясь все безпокойнѣе, смотритъ черезъ окно: Альфредъ! Открываетъ окно и становится на стоящій передъ нимъ стулъ. Въ эту минуту со двора ясно доносятся крики пьянаго крестьянина, ея отца, возвращающагося изъ трактира: Развѣ я не красавецъ? Развѣ у меня не красивая жена? Развѣ у меня обѣ дочери не красавицы? Елена издаетъ короткій крикъ и бѣжитъ, какъ подгоняемая, къ средней двери. Оттуда она видитъ письмо, которое Лотъ оставилъ на столѣ. Она бросается къ нему, разрываетъ конвертъ и пробѣгаетъ его, громко произнося отдѣльныя слова: Неопредолимыя!.. Никогда больше!.. Ро- няетъ письмо, шатается: Конецъ! Оправляется, хватается за голову обѣими руками, коротко и рѣзко вскрикиваетъ: Конецъ! Бросается черезъ среднюю дверь. Крестьянинъ за сценой, уже на незначительномъ разстояніи: Развѣ садъ не мой? Развѣ у меня не красивая жена? А я развѣ не красавецъ? Елена, полуобезумѣвшая, выходитъ изъ зимняго сада, встрѣчаетъ Эдуарда, который идетъ за чѣмъ-то въ комнату Гофмана. Она заговариваетъ съ нимъ: Эдуардъ! Онъ отвѣчаетъ: Барышня? Потомъ она: Я хотѣла бы... хотѣла бы видѣть г-на доктора Лота... Эдуардъ отвѣчаетъ: Г-нъ Лотъ уѣхалъ въ экипажѣ г-на доктора Шиммельпфеннига. Затѣмъ онъ исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана. Правда!—вскрикиваетъ Елена и съ трудомъ остается на ногахъ. Затѣмъ она проявляетъ отчаянную энергію. Она бросается на передній планъ, схватываетъ охотничій ножъ съ порезвизью, который прикрѣпленъ надъ диваномъ къ оленьему рогу. Она прячетъ его и стоитъ тихо на переднемъ планѣ, пока Эдуардъ, выйдя изъ комнаты Гофмана, не уходитъ въ среднюю дверь. Голосъ крестьянина все яснѣе: Чѣмъ я не красавецъ? По этому крику, какъ по сигналу, Елена вздрагиваетъ и тоже исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана. Сцена пуста, слышенъ все время голосъ крестьянина: Развѣ у меня не красивые зубы, э? Развѣ у меня не хорошій садъ? Мия входитъ въ среднюю дверь. Осматривается и зоветъ: Фрейлейнъ Елена!—и снова: Фрейлейнъ Елена! Въ промежутокъ слышенъ голосъ крестьянина: Деньги мои! Теперь Мия безъ дальнѣйшихъ колебаній исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана, дверь въ которую остается открытой. Въ слѣдующее мгновеніе она выбѣгаетъ назадъ съ признаками безумнаго страха, крича, оборачивается она два-три раза кругомъ самой себя, крича, бѣжитъ въ

среднюю дверь. Ея непрерывный крикъ по мѣрѣ отдаленія дѣлается все слабѣе, но слышится еще нѣсколько секундъ. Теперь слышно, какъ открывается входная дверь и съ трескомъ захлопывается на замокъ. Шумъ шаговъ крестьянина. Онъ идетъ, шатаясь, по сѣнямъ. Напонецъ грубый, носовой, заикающийся пьяный голосъ раздается совсѣмъ близко: А развѣ у меня обѣ дочери не красавицы?

(Занавѣсъ).

Т К А Ч И,

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ З. А. Венгеровой.

Моему отцу,
Роберту Гауптману,
посвящаю я эту драму.

Посвятить тебѣ эту драму, дорогой отецъ, меня заставляютъ чувства, которыя тебѣ извѣстны и о которыхъ нѣтъ надобности здѣсь подробно говорить.

Твой рассказъ о дѣдѣ, бѣдномъ ткачѣ, сплѣвшемъ въ молодости за станкомъ, подобно изображенному мною лицамъ, былъ тѣмъ росткомъ, изъ котораго возникла моя драма. Жизнеспособна ли она или должна зачахнуть, но она — лучшее, что могъ дать «бѣдный человекъ», какъ Гамлетъ».

Твой Тергартъ.

Прадѣдъ Гауптмана былъ ткачомъ. Дѣдъ его юные годы также провелъ за ткацкимъ станкомъ. Съ дѣтства юный Гауптманъ слышался отъ своего отца жуткихъ разсказовъ о судьбѣ 'силезскаго рабочаго, въ свою очередь услышанныхъ имъ отъ дѣда, который видѣлъ всѣ ужасы этой жизни лицомъ къ лицу.

Надо знать это, чтобы понять, откуда у талантливаго драматурга взялись такіа великолѣпныя краски для изображенія быта и характеровъ «Ткачей» и чѣмъ было воспитано въ его сердцѣ трогательное чувство жалости и нѣжности къ униженному и раздавленному «меньшому брату».

Насколько дорогою и завѣтною для самого драматурга была идея, одухотворяющая «Ткачей», мы видимъ изъ того, что Гауптманъ посвятилъ драму своему отцу. Насколько колоссально было впечатлѣніе, произведенное драмой,—объ этомъ говоритъ то, что до появленія «Потопнушаго колокола» Гауптмана не называли иначе, какъ «авторомъ Ткачей».

«Ткачи» (Die Weber)—пѣса, четвертая по времени написанія, дала нѣмецкому драматургу уже мировую извѣстность.

Какъ человѣкъ и какъ поэтъ, Гауптманъ былъ всегда крѣпкими узами связанъ съ родиной. Всегда, во время дальнихъ путешествій, его не оставляло красивое чувство тяготѣнія къ уголку родного неба. Неудивительно, что на одну изъ лучшихъ и наиболѣе прославившихъ его пѣсень вдохновило его это родное небо и родные типы.

«Зерномъ» произведеніи, по собственному признанію Гауптмана, послужили разсказы его отца, Роберта. Загорѣвшись этимъ замысломъ, драматургъ, конечно, не пренебрегъ и всѣми возможными книжными матеріалами, рисующими жизнь ткачей. Въ особенности большую услугу оказала ему научно-историческая книга вѣскога Циммермана, цѣликомъ посвященная изображенію жизни ткачей въ Силезіи.

Здѣсь передъ чуткой душой поэта развѣтывалась огромная, раставшаяся на два съ половиною вѣка, трагедія замытареннаго нѣмецкаго рабочаго, наслѣдственно передававшая изъ рода въ родъ сыновьямъ, внукамъ и правнукамъ голодную нищету и рабье терпѣніе.

Только разъ, когда мѣра терпѣнія рабовъ пренеполнилась, мстительно и озлобленно поднялась рука голодныхъ. Это былъ «рабочій бунтъ» въ Эйленбургѣ, въ 1844 году. Этотъ именно моментъ взялъ Гауптманъ для своей драмы, поставивъ его въ обстановку современной ему рабочей жизни. Анахронизма не получилось: за пятьдесятъ лѣтъ преступнаго пренебреженія къ горькой участи ткача—и психологія его голоданія и вышнее положеніе его измѣнились совсѣмъ мало.

Если она мѣнялась, то скорее къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Когда фабриканты стали въ широкой мѣрѣ пользоваться машинами, цѣнность рабочей руки востественно понизилась. Конкуренція выгнала множество людей на улицы. Безработица умножилась. Въ мѣстахъ съ наиболѣе густымъ населеніемъ ткачей угрожающе спускалась злоба и ненависть рабочихъ къ фабрикантамъ. Англійская система обязательства рабочихъ брать товары первой необходимости въ магазинахъ фабрикантовъ усиливала озлобленіе, подготавливала революціонныя вспышки.

Время, когда Гауптманъ сталъ собирать матеріалы для драмы, какъ разъ было ознаменовано подъемомъ общественнаго интереса къ жалкой судьбѣ рабочихъ слезкаго промышленнаго округа. Въ газетахъ рабочій вопросъ явился самымъ злободневнымъ. Недоброжелательная Гауптману критика не забыла учесть это обстоятельство, чтобы обвинить Гауптмана въ извѣстныхъ расчетѣхъ на эффектъ, на «уловленію момента» въ этой драмѣ. На самомъ дѣлѣ это могло быть благороднымъ и совершенно безкорыстнымъ порывомъ чуткаго писателя. Не вове чуждъ и личнаго опыта онъ былъ въ этой области: рабочаго онъ могъ наблюдать и самъ во время поѣздокъ въ горные округа Силезіи.

Вспышка 1844 г. отражена Гауптманомъ во всей неприкосновенности. Если перечитать, наприимѣръ, корреспонденцію «Vossische Zeitung» за 1844 г., гдѣ одинъ изъ очевидцевъ передаетъ подробности тогдашняго бунта, то можно подумать, что это пересказъ содержания послѣдней положившей гауптмановскихъ «Ткачей». Съ такою точностью драматургъ слѣдовалъ факту. Здѣсь вы найдете всѣ тѣ же подробности, — прохожденіе рабочихъ съ вызывающею пѣсней о «кровавомъ судѣ» передъ домомъ фабриканта Цванцигера (съ него Гауптманъ и зарисовывалъ своего Дрейсигера), захватъ одного изъ рабочихъ, заступничество за него ткачей, вызовъ войска, выстрѣлы съ одной стороны и градъ камней съ другой, разгромъ фабрики съ помощью машинъ и дома фабриканта съ разрушеніемъ мебели, и т. д.

Критика иногда упрекала Гауптмана за чрезмѣрное сгущеніе красокъ въ «Ткачахъ». Справедливость требуетъ сказать, что поэтъ не только не преувеличивалъ дѣйствительности, но даже смягчилъ ее. Въ книгѣ Циммермана — чловека, состоявшаго на государственной службѣ — фабрикантъ и мѣстнымъ власти обрисованы еще болѣе рѣзкими и отталкивающими чертами.

Драма Гауптмана появилась въ январѣ 1892 года въ двухъ изданіяхъ, — одно было написано цѣликомъ «на диалектѣ», другое, такъ сказать, литературно. Уже въ февралѣ того же года директоръ берлинскаго театра Адольфъ Ларроуиъ принялъ драму къ постановкѣ. Но 3 марта на нее былъ наложенъ полицейскій запретъ.

На сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ «Ткачи» появились только 25 сентября 1894 года. За три года въ одномъ этомъ театрѣ они выдержали болѣе 200 представленій. Кромѣ того, драма шла на сценѣ «Свободнаго театра» и въ «Новомъ народномъ театрѣ». Ранѣе, еще въ 1893 г., драма прошла на сценѣ парижскаго «Théâtre Libre». Впечатлѣніе постановки было грандіозно, несмотря на то, что всѣ красоты везикозно сжавшеннаго народнаго языка, конечно, исчезли при переводѣ. Переводчикъ вообще распорядился пьесой такъ свободно, что, по словамъ извѣстнаго критика Брандеса, вмѣсто пѣсникъ ткачей Гауптмана дѣлалъ нѣсколько строкъ изъ Гейне!

Постановка драмы въ Парижѣ и колоссальныя успѣхи ея тамъ были предѣломъ желаній для драматурга. Въ Германіи ожесточенные споры изъ-за пьесы, малодушныя полицейскія запрещенія ставить ее

то тамъ, то здѣсь по провинціальнымъ городамъ, выступленіе министра полиціи фонъ-Келлера въ прусскомъ ландтагѣ съ рѣчью противъ основныхъ тенденцій Гауптмана—все это создало мировую рекламу произведенію. Въ Берлинѣ не было человѣка, который бы не видѣлъ драмы. Пьеса расходилась во множествѣ изданій.

Появленіе «Ткачей» было первымъ дерзновеннымъ заявленіемъ иѣмеккой литературы о великой несправедливости постановки въ Германіи рабочаго вопроса. Для партійныхъ людей эта политическо-соціальная сторона драмы даже заслонила ея художественное значеніе. Но въ произведеніи молодого и блестящаго таланта изъ этого разъ очень скоро разобрались и тѣ, кто презирался благородною тенденціей вещи, и тѣ, кто цѣнилъ ея чистую художественность и ту новизну формъ, которая здѣсь чувствовалась.

Главнымъ образомъ «новое», что несла пьеса, выражалось въ томъ, что это была драма «безъ героя». «Герой» этой драмы—нужда,—написалъ о пьесѣ Шпильгагенъ. Въ такой же мѣрѣ героемъ можетъ быть названъ вообще «рабочій». Гауптманъ первый сдѣлалъ шагъ къ изображенію «массовой психологіи» на сценѣ, къ такъ-называемой индивидуализаціи толпы. Весь порывъ голоднаго тѣла къ счастью, къ свободѣ, къ сытости—онъ образно показалъ на толпѣ задавленныхъ людей, имѣющихъ такое же, какъ всѣ, право на счастье и жизнь.

Такой драмой не индивидуальной, а массовой психологіи былъ, на примѣръ, шекспировскій «Юлій Цезарь». И тамъ и здѣсь трагизмъ произведенія—въ столкновеніи стихійныхъ стремленій, въ борьбѣ принциповъ, а не въ борьбѣ лицъ.

Далеко такой присяжный хвалитель Гауптмана, какъ Ландсбергъ, авторъ книги: «Долой Гауптмана!»—признаетъ революціонное значеніе «Ткачей», «дѣлающихъ эпоху въ развитіи драмы» и интересующихся уже не однимъ героемъ, а социальными отношеніями людей.

Торжество натурализма въ «Ткачахъ» было полнымъ. Съ блестящимъ реализмомъ Гауптманомъ уже нельзя было бороться старой школой. Иностранцы мнѣній на Гауптмана нельзя отрицать и здѣсь, но въ грубый натурализмъ онъ внесъ что-то свое, интимное, какой-то общій отвѣтъ идеализма, который вѣдетъ надъ его страшнымъ сказаніемъ о «Ткачахъ».

Правдивость гауптмановскаго письма здѣсь изумительна: Ткачи живутъ. Несмотря на то, что въ протяженіи пяти актовъ передъ вами, въ сущности, все одна и та же пьеса нужды и горя,—пьеса и читается и смотрится съ захватывающимъ интересомъ. Такъ умѣетъ Гауптманъ брать читателя и зрителя въ плѣнъ дотольною выпиской фона и фигуръ. Со щемящимъ сердцемъ вы свѣдите агонію изнуренныхъ рабочихъ, страдающихъ за голодныхъ дѣтей, спящихъ въ работѣ, видящихъ исходъ изъ нужды, какъ старая Бауреръ, только въ томъ, чтобы «Богъ, прозрѣвъ ихъ дѣла, прибрать ихъ къ себѣ». А рядомъ жѣлѣзная, организованная жестокость Дрейсгерровъ, жаждущихъ на то, что они «вмѣсто того, чтобы наживать, постоянно свое прикладываютъ»...

И съ волненіемъ вы дочитываете послѣднюю страницу драмы, гдѣ, сраженный паллою солдатской пулей, падаетъ тотъ единственный рабочій, который не пошелъ за бунтомъ, котораго не подхватила потирающая буря рабочаго протеста. Этимъ бессмысленнѣе развязки Гауптманъ истинно-художнически подчеркнул фатальное бессмысліе жизненныхъ условий, создавшихъ невозможное и абсурдное положеніе капиталиста и рабочаго.

Это—самая патетическая драма во всей новонемецкой литературе,—говорить о «Ткачах» Г. Брандесъ.—«Ткачи»—трагедія, находящаяся въ духовномъ отношеніи въ родствѣ съ «Герминалемъ» Зола. Каждое выраженіе, каждое слово здѣсь проникнуто строгою правдою, свободно отъ сентиментальности и преувеличеній, такъ что главный эффектъ получается отъ простоты и непосредственности автора въ описаніи. Нѣтъ ни одной самой ничтожной черты, которая была бы опущена! «Единственный за весь девятнадцатый вѣкъ,—пишетъ о Гауптманѣ Бальмонтъ:—онъ сумѣлъ создать въ «Ткачахъ» трагическую поэму рабочаго сословія».

Ад. Бартельсъ ставитъ «Ткачей» во главѣ современной социальнo-протестантской литературы и приравниваетъ ихъ по прочности впечатлѣній къ такимъ произведеніямъ міровой литературы, какъ молюеровскій «Тартюфъ», «Женитьба Фигаро» Бомарше, шиллеровское «Коварство и любовь» и гоголевскій «Ревизоръ».

Упреки Гауптману, что онъ освѣтилъ здѣсь исключительно темныя стороны жизни ткачей, изгнавъ отсюда всякій проблескъ свѣтлаго, что онъ, съ другой стороны, какъ бы сложилъ всю остроту вопроса на личную алчность и безсердечіе капиталистовъ, оставивъ въ сторонѣ социальныя условія, создающія ужасъ рабочей жизни,—единственно сильныя упреки драматургу.

Идейная сторона драмы, въ самомъ дѣлѣ, выражена несравнимо блѣднѣе, чѣмъ сторона бытовая. Гауптманъ здѣсь только изобразитель-реалистъ, а не философъ жизни, не разрѣшитель социологической задачи. Рабочій вопросъ остается послѣ «Ткачей» такимъ же «проклятымъ» вопросомъ, каковымъ былъ до Гауптмана.

Но если справедливы оба упрека, то кто поставить въ вину его сердцу, что, возмущенное, оно всецѣло отдалось своему возмущенію и не позаботилось о тѣхъ оговоркахъ, какія могла бы сказать въ свою защиту угнетающая сторона? И какъ бы много ни протекло дѣтъ, какъ бы ни мѣнялись понятія о художественности, драма Гауптмана—этотъ вдохновенный взрывъ человѣческаго благородства, этотъ вопль къ небу и людямъ прекрасной мятежной души—будетъ жить въ людской памяти изъ рода въ родъ и оцѣниваться по своему, хотя бы просто историческому значенію. «Я призванъ былъ воспѣть твои страданія, терпѣніемъ изумляющій народъ!»—могъ бы сказать Гауптманъ съ нашимъ Некрасовымъ.

Т К А Ч И.

ДРАМА ИЗЪ Сороковыхъ годовъ въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дрейсигеръ, фабрикантъ.	} служащіе Дрейсигера.
Пфейфферъ, пріемщикъ	
Нейманъ, кассиръ	
Конторскій мальчикъ	

Ткачи:

Бекеръ.

Старикъ Баумертъ.

Рейманъ.

Гейберъ.

Первый ткачъ.

Первая ткачиха.

Старый ткачъ.

Мальчикъ.

Нѣсколько ткачей и ткачихъ.

Большая, сѣрая оштукатуренная комната въ домѣ Дрейсигера въ Петерсвальдау. Сюда ткачи приносятъ готовую работу. Съ лѣвой стороны—окна безъ занавѣсей, въ задней стѣнѣ стеклянная дверь; направо такая же дверь, куда безпрестанно входятъ и выходятъ ткачи, ткачихи и дѣти. Вдоль правой стѣны, которая, какъ и остальные, почти сплошь занята деревянными станками для бумажекъ, стоитъ скамья; на нее входящіе ткачи кладутъ свой товаръ. Они выходятъ поочередно впередъ и передаютъ свой товаръ для осмотра. Пріемщикъ Пфейфферъ стоитъ за большимъ столомъ, на который кладутъ подлежащій осмотру товаръ. Онъ производитъ осмотръ при помощи циркуля и лупы. Когда товаръ осмотренъ, ткачъ кладетъ его на вѣсы, и конторскій мальчикъ проверяетъ вѣсы. Священный товаръ мальчикъ кладетъ въ шкату. Сдѣлавъ расчетъ, Пфейфферъ каждый разъ выкрикиваетъ сумму сидящему за маленькимъ столикомъ кассиру Нейману.

Душный день въ концѣ мая. Часы показываютъ полдень. Большинство ожидающихъ очереди ткачей похожи на подсудимыхъ, которые съ мучительнымъ напряженіемъ ждутъ на судѣ приговора. На всѣхъ лицахъ выраженіе подавленности, отпечатокъ нищеты, привычка просить милостыню, постояннаго униженія. Они точно сознаютъ себя только терпимыми и стараются быть какъ можно болѣе незамѣтными. Кромѣ того, на всѣхъ лицахъ застывшее выраженіе бесплодныхъ, незойливыхъ думъ. Мужчины почти всѣ на одно лицо; они похожи на гномовъ; у большинства впалая грудь, нищенскій видъ, мутно-блѣдный цвѣтъ лица; покашливаютъ. Отъ сидѣнья за ткацкимъ станкомъ у нихъ кривыя колѣни. Женщины на первый взглядъ менѣе типичны. Всѣ онѣ опустившіяся, придавленные, изможденные, между тѣмъ какъ мужчины еще стараются сохранить кой-какую внушительность. Среди молодыхъ дѣвушекъ нѣкоторые маловидны: у нихъ блѣдныя, точно восковыя лица, нѣжное сложеніе, большіе, грустные глаза.

Кассиръ Нейманъ (отсчитывая деньги). Остается шестинадцать зильбергрошей и два пфеннига.

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА (тридцати лѣтъ, очень истощенная, беретъ деньги дрожащими пальцами). Благодарю.

Нейманъ (видя, что женщина не уходитъ). Ну? Опять, что ли, счетъ невѣренъ?

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА (взволнованно, умоляющимъ голосомъ). Дайте хоть нѣсколько пфенниговъ впередъ, — мнѣ до зарѣзу нужно.

Нейманъ. Мало ли что кому нужно? Мнѣ вотъ нужно нѣсколько сотъ талеровъ. (Отсчитывая деньги слѣдующему, отрывисто). Ссуды не выдаются безъ распоряженія господина Дрейсигера.

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА. Такъ нельзя ли мнѣ поговорить съ самымъ господиномъ Дрейсигеромъ?

ПРІЕМЩИКЪ ПФЕЙФЕРЪ (бывшій ткачъ, сохранившій типичныя черты своего прежняго ремесла; теперь упитанъ, выхолѣнъ, хорошо одѣтъ, гладко выбритъ, нюхаетъ табакъ. Грубо кричитъ съ своего мѣста). Гдѣ тамъ господину Дрейсигеру входить самому во всякую мелочь! Это наше дѣло. (Мѣрять циркулемъ пряжу и разглядывать ее въ лупу). Ай-ай-ай, какъ дуетъ! (Обматываетъ вокругъ шеи толстый шарфъ). Эй, вы, закрывайте дверь, когда входятъ.

Мальчикъ (громко Пфейферу). Имъ что говори, что нѣтъ — все одно. Чурбаны!

ПФЕЙФЕРЪ. Ну, вотъ кончено, — теперь на вѣсы. (Ткачъ кладетъ пряжу на вѣсы). Когда вы научитесь лучше работать? Опять все въ узлахъ... Смотрѣть тошно! Хорошій ткачъ долженъ сейчасъ же наматывать пряжу, а не тянуть Богъ вѣсть сколько.

БЕКЕРЪ (входить. Онъ молодъ, чрезвычайно сильнаго сложенія,

держится непринужденно, почти дерзко. При его появлении Пфейферъ, Нейманъ и мальчикъ обмѣниваются взглядами). Ахъ, чортъ возьми, опять придется париться, какъ въ банѣ!

Первый ткачъ (вполголоса). Кажись, гроза собирается.

Старикъ Баумертъ (пробирается въ стеклянную дверь направо. За дверью видна толпа ткачей, тѣснящихся плечо къ плечу въ ожидании очереди. Старикъ проходитъ, прихрамывая, впередъ и кладетъ свой свертокъ на скамейку возлѣ Бекера, затѣмъ садится рядомъ съ нимъ и вытираетъ потъ съ лица). Измаялся, — отдохнуть бы!

Бекеръ. Отдыхъ дороже денегъ.

Старикъ Баумертъ. Ну, деньги-то, знаешь, тоже дѣло хорошее. Здравствуй, Бекеръ.

Бекеръ. Здравствуй, отецъ Баумертъ. Опять придется ждать безъ конца.

Первый ткачъ. Ну и что-жь? Ткачъ—персона неважная. Подождетъ часъ, подождетъ день—его не убудетъ.

Пфейферъ. Эй, вы тамъ, тише! Собственныхъ словъ изъ-за васъ не слышно.

Бекеръ (тихо). Онъ опять сегодня не въ духѣ.

Пфейферъ (ткачу, который стоитъ передъ нимъ съ работою). Сколько разъ я говорилъ, что нужно чище работать! Ну что это за пачкотня? Комки въ палецъ толщиной, и солома, и всякая дрянь.

Ткачъ Рейманъ. На васъ не угодишь...

Мальчикъ (взвѣсивъ пряжу). И въ вѣсѣ недочетъ.

Пфейферъ. Ну и ткачи! Жаль каждой основы, которая имъ выдается. Въ мое время не то было. Мнѣ бы за такую работу досталось отъ мастера. Тогда съ нашего брата строго взыскивали,—ткацкое дѣло велось серьезно. Требовали, чтобы ткачи знали свое дѣло. Теперь этого не нужно.—Рейману десять зильбергрошей.

Ткачъ Рейманъ. Вѣдь всегда засчитываютъ фунтъ на убыль при работѣ.

Пфейферъ. Мнѣ некогда разговаривать. Дальше—вы что принесли?

Ткачъ Гейберъ (раскладываетъ пряжу и въ то время, какъ Пфейферъ разсматриваетъ ее, подходитъ къ нему и говоритъ вполголоса очень настойчиво). Простите, господинъ Пфейферъ, я бы васъ покорнѣйше попросилъ,—нельзя ли оказать мнѣ милость и не высчитывать теперь забраннаго впередъ.

Пфейферъ (размѣривая циркулемъ, разглядывая пряжу, насмѣшливо). Хороша работа, нечего сказать. Опять половина утка пропала.

Ткачъ Гейберъ (продолжалъ свое). Я на слѣдующей недѣлѣ выплачу. А на прошлой недѣлѣ мнѣ пришлось два дня отбивать барщину. И жена лежитъ больная...

Пфейферъ (передавая пряжу для звѣшиванія). Опять чортъ знаетъ что за пачкотня! (Разглядывая работу другого ткача). Неровная кромка—то широкая, то узкая. Тутъ утокъ стянуть, тутъ разѣхался. На дюймъ основы едва семьдесятъ нитокъ утка,—гдѣ же остальные нитки? Это добросовѣстная работа, по-вашему?

Ткачъ Гейберъ (стоитъ, едва сдерживая слезы, съ приниженнымъ, безпомощнымъ видомъ).

Бекеръ (вполголоса Баумерту). Подлецъ,—онъ хотѣлъ бы, чтобы мы еще прикупали нитки.

Первая ткачиха (которая все время стояла неподалеку отъ кассы и отъ времени до времени оглядывалась остановившимися глазами, собирается съ духомъ и снова обращается съ мольбой къ кассиру). Я вѣдь скоро... Если вы не дадите мнѣ ничего впередъ, я не знаю... О, Господи Иисусе!

Пфейферъ (кричить съ своего мѣста). Пошла канючить! Оставьте вы въ покоѣ Господа Иисуса. Не больно много вы думаете о Господѣ Иисусѣ. Лучше бы приглядѣла за мужемъ, чтобы не шлялся вѣчно въ кабакъ. Мы не можемъ давать впередъ. Деньги не наши,—съ насъ требуютъ отчета. Намъ же потомъ и придется расплачиваться. Кто прилеженъ, знаетъ свое дѣло и живетъ въ страхѣ Божиѣмъ, тому не нужно просить денегъ впередъ. Такъ и знайте.

Неймакъ. Въ Бидау ткачамъ платятъ вчетверо больше,—а какой толкъ? Они вчетверо больше прокучиваютъ да еще долги дѣлаютъ.

Первая ткачиха (громко, какъ бы взывая къ общему чувству справедливости). Я не лѣнтяйка. Но нѣтъ моей мочи. Я два раза съ надрыва больна была. А мужъ мой тоже хворый. Онъ ходилъ къ пастуху въ Церлау, да и тотъ не помогъ. Какъ намъ теперь быть? Сколько силъ хватаетъ, работаемъ... А какъ свалишься съ ногъ... Я ужъ вотъ сколько недѣль глазъ по ночамъ не смыкала. Конечно, все обойдется—вотъ бы только перемотаться, пока силы вернутся. Помогите только пока. (Настойчиво, заискивающимъ, молящимъ голосомъ) Скажитесь, дайте нѣсколько грошей впередъ!

Пфейферъ (не обращая на нее вниманія). Филсеру одиннадцать зильбергрошей.

Первая ткачиха. Только нѣсколько грошей, чтобы хлѣба купить. Лавочникъ ужъ не даетъ въ долгъ. Дѣтей у насъ куча.

НЕЙМАНЪ (выполголоса, съ комической серьезностью мальчику). У ткачей—малышей полоня домъ, шуры-муры, шуры-муры, бай-бай-бай!

МАЛЬЧИКЪ (въ томъ же тонѣ). Лягушатъ—полоня садъ за прудомъ. Шуры-муры, шуры-муры, бай-бай-бай!

ТКАЧЬ РЕЙМАНЪ (не дотрагиваясь до денегъ, которые ему отсчитываютъ кассиръ). Вѣдь мы всегда получали по тринацати съ половиной за кусокъ.

ПФЕЙФЕРЪ (прицѣпъ съ своего мѣста). Если вы недовольны, Рейманъ, скажите,—ткачей и безъ васъ довольно, особенно такихъ, какъ вы. За полный вѣсъ вы получили бы и полную плату.

ТКАЧЬ РЕЙМАНЪ. Ужъ будто тутъ не хватаетъ вѣса!

ПФЕЙФЕРЪ. Принесите хорошо сработанный кусокъ бузакъ,—и вамъ уплатятъ все сполна.

ТКАЧЬ РЕЙМАНЪ. Вовсе ужъ тутъ не такъ много узловъ.

ПФЕЙФЕРЪ (продолжая осмотръ). Кто безъ узловъ ткеть, тотъ безъ горя жить.

ТКАЧЬ ГЕЙБЕРЪ (не отходя отъ ПФейфера, выжидаетъ удобную минуту. Онъ одобрительно улыбается словамъ ПФейфера, потомъ опять подходитъ къ нему и заговаривается). Будьте милосердны, господинъ ПФейферъ, не высчитайте мнѣ теперь забраныхъ пяти зильбергрошей. Жена ужъ съ самой масляной больна—въ постели лежитъ. Она не можетъ больше работать. Приходится нанимать дѣвочку для наматыванія катушекъ. Такъ ужъ будьте милостивы...

ПФЕЙФЕРЪ (нюхая табакъ). Мнѣ некогда съ вами разговаривать, Гейберъ. Вы тутъ не одинъ. Другіе тоже ждутъ очереди.

ТКАЧЬ РЕЙМАНЪ. Какую основу я получилъ, такую и выткалъ—такую и снялъ. Не могу я принести лучшихъ нитки, чѣмъ получилъ.

ПФЕЙФЕРЪ. Если вы недовольны, можете не приходить за основой; и безъ васъ достаточно людей, которые рады подошвы оттоптать, лишь бы получить работу.

НЕЙМАНЪ. Ну что же, Рейманъ, получайте деньги.

ТКАЧЬ РЕЙМАНЪ. Не могу я согласиться на этотъ расчетъ.

НЕЙМАНЪ (не обращая больше вниманія на Реймана). Гейберу десять зильбергрошей. Пять забрано впередъ,—остается получить пять.

ТКАЧЬ ГЕЙБЕРЪ (подходитъ, смотритъ на деньги и качаетъ голо-

вой, точно чему-то не можеть повѣрить, потому медленно и осторожно кладеть деньги въ карманъ). Ахъ, Господи! (Вздыхаетъ). Эхъ, эхъ, эхъ!

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ (глядя Гейберу въ лицо). Да, да, Францъ, тутъ и потужишь и поохаеть.

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ (говоря съ трудомъ). А у меня дома дѣвочка-то лежитъ больная. Лѣкарства бы ей купить.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. А что съ ней?

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ. Она, какъ родилась, все хвораетъ. Самъ не знаю... Ну, да тебѣ я могу сказать. Въ крови ужъ у нея болѣзнь... родилась съ нечистой кровью, — оно и выходитъ наружу.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Всюду горе. Ужъ гдѣ бѣдность, тамъ всегда бѣда за бѣдой. И никакого спасенія.

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ. Что у тебя завернуто въ платочкѣ?

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. У насъ дома совсѣмъ пусто стало, — пришлось зарѣзать собачку. Немного на ней мяса-то — съ голоду бродила еле живая. А такая махонькая, славная собачонка была. Самъ я не могъ ее зарѣзать, — духу не хватило.

ПФЕЙФЕРЪ (осмотрѣвъ работу Бекера, выкрикиваетъ). Бекеру тринадцать съ половиной зильбергрошей.

БЕКЕРЪ. Я за платой пришелъ, а не за милостыней.

ПФЕЙФЕРЪ. Кто получилъ расчетъ, выходите! Повернись негдѣ.

БЕКЕРЪ (окружающимъ, не понижая голоса). Это жалкая подачка и больше ничего. Стоить гнуть спину за станкомъ съ раннего утра до вечера. Восемнадцать дней работаешь, каждый вечеръ встаешь изъ-за станка въ поту, ошалѣвши отъ пыли и жары, — а за все дадутъ тебѣ тринадцать съ половиной зильбергрошей. Мыслимое ли это дѣло?

ПФЕЙФЕРЪ. Здѣсь запрещено ругаться.

БЕКЕРЪ. Не вамъ мнѣ глотцу затыкать!

ПФЕЙФЕРЪ (вскрикиваетъ съ мѣста съ крикомъ). Это мы еще увидимъ! (Подходить къ стеклянной двери и кричитъ въ контору). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ, будьте любезны пожаловать сюда.

ДРЕЙСИГЕРЪ (толстый человекъ лѣтъ сорока, съ одышкой; строгій видъ). Что тутъ у васъ случилось, ПФейферь?

ПФЕЙФЕРЪ (злобно). Бекеръ грубиянитъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ (принимаетъ внушительный видъ, откидываетъ голову назадъ и пристально глядитъ на Бекера, съ дрожавшими отъ гнѣва

воздрами). Ахъ, вотъ какъ—тутъ Бекеръ. (Пфейферу) Это тотъ, который?.. (Служащіе утвердительно киваютъ головой).

БЕКЕРЪ (дерзко). Да, да, господинъ Дрейсигеръ. (Указывая на себя) Это тотъ, который... (указывая на Дрейсигера) а это тотъ, который...

ДРЕЙСИГЕРЪ (возмущенно). Что этотъ человѣкъ себѣ позволяетъ?

ПФЕЙФЕРЪ. Слишкомъ ему хорошо живется. Ну, да и онъ доплатится. Поживемъ—увидимъ.

БЕКЕРЪ (грубо). Не дери горла, скареда! Мать твою, вѣрно, заглядѣлась на сатану, когда на помелѣ вылетала изъ трубы въ полнолуіе,—оттого ты и уродился такимъ чортомъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ (вспыльчивъ, ревѣтъ). Молчать, не то!.. (Онъ дрожитъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ).

БЕКЕРЪ (поджидая его съ рѣшимостью). Я не оглохъ. Я еще хорошо слышу.

ДРЕЙСИГЕРЪ (сдерживаясь, спрашиваетъ съ напускнымъ спокойствіемъ, дѣловито). Онъ одинъ изъ участниковъ?

ПФЕЙФЕРЪ. Онъ изъ Билау. А тамошніе ткачи всегда участвуютъ во всѣхъ скандалахъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ (дрожа). Такъ слушайте же: если это еще разъ повторится, если еще разъ мимо моего дома пройдетъ шайка полупьяныхъ негодяевъ, какъ вчера вечеромъ, и если они будутъ пѣть эту гнусную пѣсню...

БЕКЕРЪ. Вы о «Кровавой расправѣ» говорите?

ДРЕЙСИГЕРЪ. Нечего называть—и такъ понятно, о какой пѣснѣ рѣчь идетъ. Я повторяю: если я еще разъ услышу эту пѣсню, я одного изъ васъ велю схватить и—клянусь честью, что не шучу—передамъ судебной власти. А когда я узнаю, кто сочинилъ эту дрянную пѣсню...

БЕКЕРЪ. Пѣсня чудесная!

ДРЕЙСИГЕРЪ. Еще одно слово—и я пошлю за полиціей сейчасъ же. Я долго не раздумываю. Скручу я васъ, молодчиковъ. Не съ такими справлялся.

БЕКЕРЪ. Еще бы! Порядочный фабрикантъ можетъ справиться съ двумя-тремястами ткачей такъ быстро, что не успеешь оглянуться. У порядочнаго фабриканта четыре желудка, какъ у коровы, и зубы, какъ у волка. Онъ всѣхъ слопаетъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ (служащимъ). Онъ у насъ больше не получить работы.

БЕКЕРЪ. Да мнѣ все равно — за станкомъ ли умирать съ голоду, или въ канавѣ на улицѣ.

Дрейсигеръ. Вонъ! Сю минуту вонъ!

Бекеръ (твѣрдо). Прежде я долженъ получить расчетъ.

Дрейсигеръ. Сколько ему слѣдуетъ, Нейманъ?

Нейманъ. Двѣнадцать зильбергрошей и пять пфенниговъ.

Дрейсигеръ (поспѣшно беретъ у кассира деньги и сердито бросаетъ ихъ на столъ; нѣсколько монетъ падаетъ на полъ). Вотъ... вотъ... и проваливай! Вонъ съ глазъ моихъ!

Бекеръ. Сначала мнѣ должны заплатить.

Дрейсигеръ. Вотъ деньги, — и если вы не уберетесь сейчасъ же... Теперь двѣнадцать часовъ. Красильщики сейчасъ придутъ обѣдать и...

Бекеръ. Деньги я долженъ получить въ руку — сюда (касается пальцами одной руки ладони другой).

Дрейсигеръ (мальчику). Поднимите; Тильгнеръ.

Мальчикъ (поднимаетъ деньги и кладетъ въ лѣвую руку Бекера).

Бекеръ. Вотъ такъ, — чтобы все было въ аккуратъ (не снѣша прятать деньги въ старый кошелекъ).

Дрейсигеръ (видя, что Бекеръ все еще медлитъ, говорить нетерпѣливо). Ужъ не помочь ли мнѣ?

(Въ толпѣ ткачей происходитъ движеніе. Слышится глубокий, долгій вздохъ, затѣмъ стукъ падающаго тѣла. Общій интересъ сосредоточивается на этомъ новомъ происшествіи).

Дрейсигеръ. Чтѣ случилось?

Голоса. Кого-то повалили на полъ. — Это совсѣмъ маленький мальчикъ. — Чтѣ съ нимъ? — Болѣзнь приключилась, или чтѣ другое?

Дрейсигеръ. Кого повалили? (Подходить ближе).

Старый ткачъ. Вотъ онъ лежитъ. (Толпа разступается. На полу лежитъ восьмилѣтній мальчикъ въ глубокомъ обморокѣ).

Дрейсигеръ. Кто-нибудь знаетъ этого мальчика?

Старый ткачъ. Онъ не изъ нашей деревни.

Старикъ Баумертъ. Да вѣдь это какъ будто Генриховъ мальчикъ. (Внимательно разглядываетъ его). Ну, конечно, — это Густавъ, сынъ Генриха.

Дрейсигеръ. Гдѣ живутъ его родители?

Старикъ Баумертъ. У насъ въ Кашбахѣ, господи! Дрейсигеръ. Отецъ по вечерамъ ходитъ играть, — онъ музыкантъ; а весь день онъ у станка. У нихъ девять чловѣкъ дѣтей и скоро будетъ десятый.

Голоса мужчинъ и женщинъ. Имъ плохо живется, у нихъ крыша протекаетъ. — У матери нѣтъ и двухъ сорочекъ для девяти мальчиковъ.

Старикъ Баумертъ (трогая мальчика). Ну, что съ тобой, малышъ? Проснись!

Дрейсигеръ. Давайте, поднимемъ его вмѣстѣ. Какое безразсудство посылать такого слабаго ребенка такъ далеко. Принесите ноды, Пфейферъ.

Ткачиха (помогая поднять мальчика). Лучше-бъ ужъ тебѣ здѣсь умереть, родимый!

Дрейсигеръ. Принесите лучше коньяку, Пфейферъ.

Бекеръ (о которомъ всѣ забыли, стоялъ все время, слѣдя за происходящимъ. Теперь, ужъ вставшись за ручку дверей, чтобы уходить, онъ кричитъ громко и насмѣшливо). Дайте ему лучше жрать — онъ быстро очнется! (Уходитъ).

Дрейсигеръ. Этотъ человѣкъ плохо кончить... Возьмите мальчика подъ руку, Нейманъ. Осторожно... осторожно... Вотъ такъ. Мы его поведемъ въ мою комнату. Ну, что же?

Нейманъ. Онъ что-то хочетъ сказать, господинъ Дрейсигеръ. Онъ шевелитъ губами.

Дрейсигеръ. Что тебѣ, мальчикъ?

Мальчикъ (едва слышно). Я го...лоденъ.

Дрейсигеръ (блѣднѣя). Ничего не понимаю.

Женщина. Кажется, онъ сказалъ...

Дрейсигеръ. Мы это потомъ узнаемъ. Ведите его, не останавливаясь. Положите его у меня на диванъ. Докторъ скажетъ намъ, въ чемъ дѣло.

(Дрейсигеръ, Нейманъ и ткачиха отводятъ мальчика въ контору. Среди ткачей оживленіе, какъ въ школѣ послѣ ухода изъ класса учителя. Всѣ вытягиваются, расправляютъ члены, переминаются съ ноги на ногу, — и черезъ минуту начинается общій громкій разговоръ).

Старикъ Баумертъ. А вѣдь Бекеръ-то былъ правъ.

Нѣсколько голосовъ. Мальчикъ самъ сказалъ. — Развѣ въ первый разъ это здѣсь, что съ голоду валятся? И что-то еще будетъ зимой, когда вотъ такъ все будутъ высчитывать да урѣзывать плату. — Картофель въ нынѣшнемъ году не уродился, — одно горе! — Такъ все и будетъ хуже да хуже изо дня въ день, пока всѣ мы не повалимся съ голодухи.

Старикъ Баумертъ. Лучше всего сдѣлать такъ, какъ ткачъ изъ Нентвиха — набросить петлю на шею и повѣситься на станкѣ... На тебѣ вотъ табачку, понюхай. Я былъ въ Нейродѣ, тамъ мой луринъ работаетъ на табачной фабрикѣ. Онъ мнѣ и далъ щепотку нюхательнаго табачку. А что у тебя тутъ въ платочкѣ?

Старый ткачъ. Немножко перловой крупы. Передо

мной ѣхалъ возъ съ мельницы Ульбриха. Одинъ мѣшокъ немножко распоролся, — я этимъ и попользовался.

Старикъ Баумертъ. Въ Петерсвальдау двадцать дѣй мельницы, а на нашу долю никогда ничего не выпадаетъ.

Старый ткачъ. Нужно только не унывать. Всегда откуда-нибудь придетъ помощь; — а тамъ, глядь, и еще немножко протянешь.

Ткачъ Гейберъ. Когда голодъ одолеваетъ, нужно помолиться четырнадцати заступникамъ, а если и это не поможетъ, то взять камень въ ротъ и сосать его. Такъ, что ли, Баумертъ?

(Возвращаются Дрейсигеръ, Пфейферъ и кассиръ).

Дрейсигеръ. Ничего серьезнаго не оказалось. Мальчикъ ужъ оправился. (Возбужденно ходитъ по комнатѣ и отдувается). А все-таки это безсовѣстно. Ребенокъ такой слабый, отъ вѣтра шатается. Просто непонятно, какъ люди... какъ родители могутъ быть такъ безразсудны. Навъключиваютъ на него тюкъ бумази и посылаютъ съ такой тяжестью за полторы милн — прямо вѣрнуть не хочется! Придется мнѣ дать распоряженіе, чтобы отъ дѣтей больше не принимали товаръ. (Ходитъ нѣсколько времени молча по комнатѣ). Во всякомъ случаѣ, я покорнѣйше прошу, чтобы это больше не повторялось. Кого въ такихъ случаяхъ винять? Конечно, насъ, фабрикантовъ. Мы во всемъ виноваты. Если такой несчастный ребенокъ застрянетъ зимой въ снѣгу и заснетъ, то непременно явится какой-нибудь писака, и черезъ два дня во всѣхъ газетахъ начнутъ трубить про ужасный случай. Отецъ, родители, посылающіе маленькаго ребенка Богъ вѣсть какъ далеко, — противъ нихъ никто ничего не имѣетъ. Они неповинны, — за все отвѣчаетъ фабрикантъ. Онъ козель отпущенія. Всѣ жалѣютъ ткачей и всѣ обрушиваются на фабриканта: онъ бездушный человѣкъ, онъ опасный человѣкъ, — на него не грѣхъ собакъ натравить. Онъ живетъ въ избыткѣ и весельѣ, а ткачи голодаютъ. А о томъ никто не думаетъ, что у фабриканта много заботъ, что онъ ночей не спитъ. Рабочіе и понятія не имѣютъ, какому риску постоянно подвергается въ дѣлѣ. Отъ выкладокъ и счетовъ у фабриканта иногда голова кругомъ идетъ. Сто разъ приходится обдумать все и передумать: безпрестанно идетъ борьба, конкуренція, дня не проходитъ безъ убытка и непріятностей. Но до этого никому дѣла нѣтъ. А сколько людей зависятъ отъ фабриканта; живутъ на его счетъ. Вотъ попробовали бы побывать въ моей шкурѣ, — скоро бы

спасибо сказали. (Помолчав, сподойи́сь) Ну, развѣ не пахалъ этотъ Бекеръ? Теперь онъ пойдетъ всюду трубить, что я безжалостенъ, что я за всякую мелочь выгоняю ткачей. Развѣ это правда? Развѣ я такъ безсердеченъ?

Много голосовъ. Нѣтъ, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Я и самъ думаю, что нѣтъ. А вотъ эти негодии ходятъ и поютъ гнусныя пѣсни про фабрикантовъ, говорятъ, что голодаютъ, а у самихъ столько лишнихъ денегъ, что дуютъ водку бутылками. Лучше бы совали свой носъ въ другое мѣсто, посмотрѣли бы, какъ живется хотя бы полотнящикамъ. У тѣхъ дѣйствительно черная нужда, а вы, бумазейщики, должны еще Бога благодарить. Я спрашиваю старыхъ, прилежныхъ и умѣлыхъ ткачей: можетъ рабочій, если онъ человѣкъ скромный и аккуратный, прожить на то, что у меня получается?

Очень много голосовъ. Можетъ, можетъ, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Ну вотъ видите. Конечно, такой, какъ Бекеръ, всегда будетъ недоволенъ. Но, совѣтую вамъ, не давайте воли такимъ молодцамъ. Если меня выведутъ изъ терпѣнія, я остановлю дѣло — и тогда вы будете на улицѣ. Гдѣ вы получите работу? Ужъ не у Бекера, — могу васъ увѣрить.

Первая ткачиха (пробравшись къ Дрейсигеру, подобострастно счищаетъ ему пылъ съ сюртука). У васъ рукавъ въ пыли, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Дѣла изъ рукъ вонъ плохи, вы это сами знаете. Я еще докладываю самъ вмѣсто того, чтобы получать доходы. Если же я все-таки стараюсь дать работу моимъ ткачамъ, то вы должны быть благодарны. У меня лежатъ тысячи кусковъ товару, и я вовсе не увѣренъ, что продамъ ихъ когда-нибудь. Но я слышалъ, что здѣсь много ткачей безъ работы, и потому... Пфейферъ вамъ это растолкуетъ подробно. Дѣло вотъ въ чемъ: чтобы показать вамъ, что я о васъ забочусь... милостыню раздавать я, конечно, не могу, я недостаточно для этого богатъ, — я могу до нѣкоторой степени дать тѣмъ, кто теперь безъ дѣла, возможность заработать кое-что. Я несу при этомъ огромный рискъ, но это мое дѣло. Я вотъ какъ думаю: если человѣкъ можетъ заработать хоть на хлѣбъ, то и это лучше, чѣмъ ничего. Правду я говорю?

Много голосовъ. Конечно, конечно.

Дрейсигеръ. Я поэтому согласенъ дать работу еще двумстамъ ткачамъ. Объ условіяхъ справьтесь у Пфейфера.

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА (заступая ему дорогу, говорит торопливо, молящимъ тономъ и настойчиво). Я къ вамъ... къ вашей милости, господинъ Дрейсигеръ, окажите снисхожденіе... я два раза была больна.

ДРЕЙСИГЕРЪ (торопясь). Поговорите съ Пфейферомъ, милая, мнѣ очень некогда. (Отходить отъ нея).

ТКАЧЪ РЕЙМАНЪ (тоже заступая ему дорогу, говоритъ обиженнымъ, укоризненнымъ тономъ). Я долженъ пожаловаться вамъ, господинъ Дрейсигеръ. Господинъ Пфейферъ... я вѣдь всегда получалъ за кусокъ двѣнадцать съ половиной...

ДРЕЙСИГЕРЪ (прерывая его). Вотъ тамъ сидитъ пріемщикъ Пфейферъ. Обратитесь къ нему. Онъ этимъ завѣдуетъ. (Отходить отъ него).

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ (задерживая Дрейсигера). Господинъ Дрейсигеръ, пожалуйста. (Заякаясь и торопясь) Я хотѣлъ просить вашей милости — нельзя ли... не можетъ ли господинъ Пфейферъ... не можетъ ли...

ДРЕЙСИГЕРЪ. Чего вы хотите?

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ. Вотъ деньги, что я заработалъ впередъ... мнѣ тогда очень трудно было...

ДРЕЙСИГЕРЪ. Ничего не понимаю.

ТКАЧЪ ГЕЙБЕРЪ. Я тогда очень нуждался, потому что...

ДРЕЙСИГЕРЪ. Все это дѣло Пфейфера. Я ничего не могу вамъ сказать... Столкнитесь съ Пфейферомъ. (Убѣгаетъ въ контору).

(Просители безпомощно смотрятъ другъ на друга, потомъ, вздыхая, отходятъ одинъ за другимъ).

ПФЕЙФЕРЪ (опять принимаясь за осмотръ товара). Ну, а у тебя что въ тюкѣ?

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Сколько же будутъ платить за кусокъ, господинъ Пфейферъ?

ПФЕЙФЕРЪ. По десяти зильбергршей.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Ну, это еще куда ни шло.

(Движеніе между ткачами, ропотъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ.
СТАРУХА БАУМЕРТЪ.
АВГУСТЪ, ихъ сынъ.
ЭММА } ихъ дочери.
БЕРТА }
ФРИЦЪ, незаконный ребенокъ Эммы.
СТАРІЙ АНЗОРГЕ, домохозяинъ и ткачъ.
ФРАУ ГЕНРИХЪ, ткачиха.
МОРИЦЪ ЕГЕРЪ, отбывшій срокъ солдатъ, бывшій ткацкій под-
мастеръ.

Домикъ Вильгельма Анзорге въ Кашбахъ, въ Эйлонгебурге. Узкая комнатка, менѣе шести футовъ высоты, съ провалившимися мѣстами потолокъ и чернымъ законтылымъ бревенчатымъ потолокомъ. Двѣ молодыя дѣвушки, Эмма и Берта Баумертъ, сидятъ за ткацкими станками. Старуха Баумертъ, разбитая параличомъ, сидитъ на скамеечкѣ у кровати; передъ нею моталка. Ея сынъ Августъ, двадцати лѣтъ, идіотъ съ маленькимъ туловищемъ и маленькой головой, съ длинными, какъ у паука, конечностями, тоже сидитъ на скамеечкѣ для ногъ и наматываетъ нитки на катушку. Черезъ два маленькихъ, мѣстами заклеенныхъ бумагой и забытыхъ соломою оконныхъ отверстія проникаетъ блѣдно-розовый вечерній свѣтъ. Онъ падаетъ на свѣзлые распущенные волосы дѣвушекъ, на ихъ открытыя тощія плечи, на худые, точно восковые затылки, на складки толстой рубахи, составляющей вмѣстѣ съ короткой юбочкой изъ грубого холста ихъ единственную одежду. Теплый свѣтъ падаетъ прямо на лицо старухи; онъ ярко озаряетъ ея худое, какъ у скелета, лицо съ безкровной, морщинистой кожей, съ провалившимися глазами, покраснѣвшими и слезящимися отъ шерстяной пыли и работы при свѣтѣ, большой зобъ съ вздутыми жилами и складками, впалую грудь, закутанную въ тряпки. Въ вечернемъ свѣтѣ видна также часть правой стѣны съ печью и лежанкой, кровать и нѣсколько ярко расписанныхъ изображеній святыхъ. У печки развѣшаны тряпки для просушки, за печкой куча стараго хлама. На лежанкѣ стоятъ нѣсколько старыхъ горшковъ и кухонная утварь; картофельная шелуха положена на бумагу для просушки и т. д. Съ балки на потолокѣ свѣшиваются пряди нитокъ и мотовила. Корзинки съ катушками стоятъ подлѣ станковъ. Въ задней стѣнѣ низкая дверь безъ замка. Изъ стѣнъ подлѣ двери прислонены пучъ ввовыхъ прутьевъ. Тутъ же стоятъ нѣсколько прорванныхъ корзинковъ. Комната гудитъ отъ шума ткацкихъ станковъ, трюмханья набили, потрясающаго полъ и стѣны, и жужжанья челнока. Къ этому примѣшивается неумолчный шумъ мотальныхъ колесъ, похожій на жужжанье большихъ шмелей.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ (жалобнымъ, измощеннымъ голосомъ, видя, что дѣвушки прервали работу и наклонились надъ прядей). Опять порвалась?

Эмма (старшая из двух девушек; ей двадцать два года). Ну и нитки. прости Господи!

Берта (пятнадцати лѣтъ). И основа тоже ни къ чорту не годится.

Эмма. Гдѣ онъ застрялъ? Съ девяти часовъ ушелъ, и все его нѣтъ.

Старуха Баумертъ. Ахъ, Господи! Гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ?

Берта. Не тревожься, мама, онъ скоро придетъ.

Старуха Баумертъ. Ну какъ не тревожиться, когда его все нѣтъ!

Эмма (продолжаетъ работать).

Берта. Постой, Эмма.

Эмма. А что?

Берта. Точно кто-то идетъ.

Эмма. Вѣрно, Анзорге домой пришелъ.

Фрицъ (маленькій босоногий мальчикъ четырехъ лѣтъ, одѣтый въ лохмотья, прибѣгаетъ, плача). Мама, ѣсть хочу!

Эмма. Подожди, Фрицъ, дѣдушка сейчасъ вернется. Принесетъ хлѣба и кофе.

Фрицъ. Страсть какъ ѣсть хочу, мама!

Эмма. Да говорятъ тебѣ, сейчасъ дѣдъ придетъ, — ну и жди. Принесетъ хлѣбъ — вкусный-превкусный, и кофе. А какъ вечеръ придетъ, мама возьметъ картофельную шелуху, снесетъ ее въ лавку, а лавочникъ ей дастъ кувшинчикъ сыворотки для мальчика.

Фрицъ. А дѣдъ куда пошелъ?

Эмма. Къ фабриканту. Пряжу понесъ, Фрицъ.

Фрицъ. Къ фабриканту?

Эмма. Да, Фрицъ — къ Дрейсигеру въ Петерсвальдау.

Фрицъ. Тамъ ему хлѣба дадутъ?

Эмма. Да. Ему дадутъ деньги, а на деньги можно купить хлѣбъ.

Фрицъ. А много денегъ дадутъ дѣду?

Эмма (сердито). Ну перестань, надоѣлъ. (Продолжаетъ ткать, Берта тоже. Черезъ минутъ обѣ останавливаются).

Берта. Поди, Августъ, попроси Анзорге забечъ свѣтъ.

Августъ (выходитъ, взявъ Фрица съ собой).

Старуха Баумертъ (съ возрастающимъ дѣтскимъ страхомъ, хныча). Ахъ, Боже мой, дѣвочки, — куда запропастился старикъ?

Берта. Вѣрно, зашелъ къ Гауфу.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ (плача). Только бы въ кабакъ не пошелъ.

Эмма. Чтò ты, чтò ты, мама! Нашъ отецъ не таковъ.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ (внѣ себя отъ одолевашаго ее страха). Ну, ну, скажите, чтò съ вами станется? Если онъ... если онъ придетъ домой безъ... если онъ все пропьетъ и ничего не принесетъ? Въ домѣ ни щепотки соли, ни куска хлѣба... топить нечѣмъ.

БЕРТА. Ничего, — теперь ночи свѣтлыя, лунныя. Мы пойдемъ въ лѣсъ съ Августомъ и принесемъ охапку хвороста.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. А вдругъ васъ лѣсничій накроетъ?

АНЗОРГЕ (старый тначъ, богатырскаго сложенія: онъ долженъ сильно нагнуться, чтобы войти въ комнату. Онъ всовываетъ голову въ дверь. Волосы и борода у него всклокоченныя). На что я вамъ понадобился?

БЕРТА. Зажгите, пожалуйста, свѣтъ.

АНЗОРГЕ (говоря тихо, какъ въ присутствіи больного). Еще свѣтло.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Чтò это, ты насъ впотьмахъ держать хочешь?

АНЗОРГЕ. Мнѣ нужно еще у себя раньше прибрать. (Скрывается).

БЕРТА. Скаредъ!

Эмма. Теперь сиди впотьмахъ и жди его Богъ вѣсть какъ долго.

ФРАУ ГЕНРИХЪ (входитъ. Это тридцатилѣтняя женщина, беременная. На ея изможденномъ лицѣ слѣды мучительныхъ заботъ и постоянной тревоги). Съ добрымъ вечеромъ!

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Чтò у тебя слыхать?

ФРАУ ГЕНРИХЪ (хромая). Я на осколокъ наступила.

БЕРТА. Подойди сюда, сядь. Я выну.

(Фрау Генрихъ садится. Берта становится на колѣни передъ нею и возится съ ея ногой).

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Чтò, какъ у тебя дома?

ФРАУ ГЕНРИХЪ (съ прорывающимся отчаяніемъ). Совсѣмъ плохо, невозможно жить! (Не можетъ сдержать потока слезъ и беззвучно плачетъ).

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Хотъ бы Господь смилостивился надо всѣми нами и прибралъ поскорѣй.

ФРАУ ГЕНРИХЪ (потерявъ самообладаніе, прячетъ сквозь громкій плачь). Мои бѣдные дѣтки умираютъ съ голода. (Рыдаетъ и стонетъ). Не знаю, чтò и придумать. Чтò ни

начнешь—все ни къ чему, нѣтъ моего терпѣнія. Я едва на ногахъ держусь отъ работы, а все толку нѣтъ. Девять голодныхъ ртовъ,—чѣмъ ихъ заткнешь? Чѣмъ, прости Господи? Вчера къ вечеру у меня былъ одинъ только кусокъ хлѣба,—его едва на двухъ самыхъ маленькихъ хватило. Кому было дать его? Всѣ кричатъ: мнѣ, мама, мнѣ... Господи, Господи! И вотъ такая нужда теперь, когда я еще на ногахъ. А что будетъ, когда свалюсь? Былъ хоть картофель прежде, и его унесла вода. Теперь въ домѣ совсѣмъ пусто.

БЕРТА (вынула осколокъ и промыла рану). Нужно порешизовать ногу. (Эмма) Пойщи тряпочку.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. И намъ не легче твоего, милая.

ФРАУ ГЕНРИХЪ. У тебя дочки есть, и мужъ работать можетъ,—а мой на прошлой недѣлѣ опять свалился. Такъ его бросало и дергало, что я со страху не знала, куда кинуться. А когда съ нимъ припадокъ дѣлается, онъ опять недѣлю съ постели встать не можетъ.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Да и мой ужъ къ работѣ непригоденъ. Какъ возьмется за работу, такъ сейчасъ и бросается. Въ груди у него неладно, и поясница болитъ. Деньги у насъ всѣ ушли до послѣдняго пфеннига. Если онъ сегодня не принесетъ ничего, мы совсѣмъ пропадемъ.

ЭММА. Да, пѣсохъ намъ. Знаешь, до чего дошло: отецъ сегодня взялъ съ собой Амишку. Пришлось дать зарѣзать,—изголодались мы.

ФРАУ ГЕНРИХЪ. Нѣтъ ли у васъ хоть лишней горсточки муки?

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Гдѣ тамъ! у насъ ни щепотки соли не осталось.

ФРАУ ГЕНРИХЪ. Что-жъ со мной будетъ? (Встаетъ и стоитъ задумавшись). Что со мной будетъ? Нѣтъ мнѣ спасенія. (Кричитъ, охваченная бѣшенствомъ и ужасомъ) Я бы рада была хоть свиному корму,—но съ пустыми руками я домой не вернусь, ни за что не вернусь. Прости меня Богъ,—ничего другого мнѣ не остается... (Быстро уходитъ, хромя и ступая лѣвой ногой только на пятку).

СТАРУХА БАУМЕРТЪ (кричитъ ей вслѣдъ). Послушай, послушай, не надѣлай глупостей!

БЕРТА. За нее бояться нечего. Она на себя рукъ не наложитъ.

ЭММА. Она всегда только грозить. (Опять садится къ станку и работаетъ нѣсколько секундъ).

АВГУСТЪ (съ зажженной сальной свѣчой въ рукахъ свѣтитъ отцу, старику Баумерту который идетъ съ тюкомъ пряжи).

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Ахъ, Господи Иисусе, гдѣ ты пропадаешь столько времени?

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Не накидывайся, старуха, дай отдышаться. Посмотри-ка лучше, кто со мной пришелъ.

МОРИЦЪ ЕГЕРЬ (входитъ, нагнувшись, въ дверь. Онъ средняго роста, стройный, краснощекій запасной солдатъ. Гусарская шапка сидитъ набекрень, одежда и сапоги цѣлы, чистая рубаша безъ воротника. Войдя въ комнату, отдаетъ честь по-военному). Съ добрымъ вечеромъ, матушка Баумертъ.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Вотъ кто объявился! Такъ ты, значить, домой вернулся? Спасибо, что насъ не забылъ. Ну, садись, садись.

ЭММА (вытираетъ деревянный стулъ юбкой и придвигаетъ его Егерю). Здравствуй, Морицъ. Захотѣлось опять поглядѣть, какъ бѣднымъ людямъ живется?

ЕГЕРЬ. Скажи, Эмма, неужели правда, что у тебя сынишка, который скоро ужъ въ солдаты годится? Я вѣрить не хотѣлъ, когда мнѣ сказали. Откуда это онъ у тебя взялся?

БЕРТА (беретъ отъ отца принесенные имъ припасы; кладетъ мясо на сковородку и ставитъ въ печь, въ то время, какъ Августъ разводитъ огонь). Ты зналъ ткача Фингера?

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Онъ жилъ тутъ съ нами. Онъ хотѣлъ жениться на ней, но расхворался—грудью плохо былъ. Я ей говорила напередъ, что такъ будетъ, да она слушать не хотѣла. Теперь онъ давно въ землѣ лежитъ, и всѣ забыли о немъ,—а она вотъ должна мальчишку растить. Ну, а тебѣ, Морицъ, какъ жилось?

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. О немъ не тужи, старуха, онъ жилъ припѣваючи, ѣлъ досыта. Ему теперь наплевать на насъ всѣхъ. Платье у него, какъ у графа какого, да еще серебряные часы, да денегъ десять талеровъ.

ЕГЕРЬ (стоитъ, растопыривъ ноги, съ самодовольнымъ и хвастливымъ видомъ и улыбается). Да, жаловаться грѣхъ. Мнѣ въ солдатахъ недурно жилось.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Онъ былъ денщикомъ у ротмистра. Слышишь, вѣдь онъ и говорить сталъ, какъ важные господа.

ЕГЕРЬ. Да, я ужъ очень привыкъ къ тонкому разговору—и по-простому ужъ позабылъ говорить.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Нѣтъ, посмотрите-ка на него!

Такимъ пустельгой былъ, а теперь—на-ко-съ, поди, уйму денегъ нагребъ. Ни къ чему путному ты не годился,—нельзя было удержатъ на мѣстѣ, чтобы намотать нитокъ мотовъ,—все тебѣ не сидѣлось. То крысоловки ставилъ, то силки разставлялъ для красношеекъ. Помнишь?

Егеръ. Помню, тетушка Баумертъ. Я не только красношеекъ ловилъ, а и ласточекъ.

Эмма. Мы тебѣ говорили, что ласточки ядовиты,—а ты и не слушалъ.

Егеръ. Мнѣ это было все равно. А вамъ какъ жилось, тетушка Баумертъ?

Старуха Баумертъ. Да плохо, совсѣмъ плохо,—ужъ четыре года, какъ у меня ломота. Посмотри, какъ пальцы скрючилось. А ногъ такъ совсѣмъ не чувствую,—не знаю, есть онѣ у меня или нѣтъ. Ни рукой ни ногой двинуть не могу. Выразить невозможно, какія муки терплю.

Старикъ Баумертъ. Она совсѣмъ плоха стала. Не долго протянетъ.

Берта. Съ утра ее нужно одѣтъ, на ночь раздѣтъ. Мы ее кормимъ, какъ малое дитя.

Старуха Баумертъ (все время жалобнымъ, плаксивымъ голосомъ). Пошевелинуться не могу,—все мнѣ подай да прибери. Всѣмъ я въ тягость стала,—это хуже, чѣмъ болѣзнь. Ужъ сколько я Господа Бога молила, чтобы прибралъ меня. Господи Иисусе, Господи Иисусе! плохо мнѣ. Не знаю ужъ... люди могутъ подумать, что это я отъ лѣни... А я вѣдь съ дѣтства къ работѣ привыкла, всегда со своимъ дѣломъ справлялась, а теперь вдругъ... (пробуетъ подняться) нѣтъ, не могу. У меня добрый мужъ и хорошія дѣти, но какъ погляжу я на нихъ... Ну, взгляни на дѣвчонокъ. Ни кровинки въ лицѣ—бѣлая, какъ полотно. Все за станкомъ, все за станкомъ,—весь годъ не сходятъ съ табуретки,—такъ вся ихъ жизнь проходитъ. И хотъ бы наработали столько, чтобы одежду какую справить,—а то вѣдь не въ чемъ людямъ показаться или въ церковь пойти. Никогда и не повеселятся. Молоденькія дѣвчонки—одной пятнадцать, другой двадцать лѣтъ, а съ лица такія, точно ихъ съ щетли сняли.

Берта (у печки). Опять дымить.

Старикъ Баумертъ. Ахъ, ты горе, горе,—опять дымъ! Эхъ, жизнь наша горькая! Печка разваливается,—кто ее поправить? Глотай дымъ да и только. Всѣ мы кашляютъ стали, одинъ хуже другого. Кашляешь-кашляешь, душитъ

тебя этотъ кашель—и никому нѣтъ дѣла, хоть все нутро выкашлай.

Егеръ. А почему же Анзорге не починить? Объ этомъ ему слѣдовало бы позаботиться.

Берта. Какъ бы не такъ. Онъ и то ворчитъ.

Старуха Баумертъ. Онъ бы радъ былъ насъ выжить.

Старикъ Баумертъ. Заикнись мы только, что недомольны, онъ насъ сейчасъ и выгонитъ. Ему вѣдь ужъ за полгода не заплачено.

Старуха Баумертъ. Могъ бы еще подождать,—что ему станеть?

Старикъ Баумертъ. Да и у него ничего нѣтъ, старуха. Ему живется не лучше, чѣмъ намъ,—только вотъ, что онъ не жалуется.

Старуха Баумертъ. У него вѣдь домъ есть.

Старикъ Баумертъ. Что ты болтаешь зря, старуха. Въ домъ ему ни одной щепки не принадлежитъ, сама знаешь.

Егеръ (сѣлъ и вынулъ изъ одного кармана короткую трубку съ красивыми кисточками, изъ другого бутылку водки). Такъ не можетъ продолжаться. Я смотрю, какъ вы тутъ горе мыкаете, и только диву даюсь. Въ городѣ собакамъ лучше живется.

Старикъ Баумертъ (возбужденно). Вотъ и ты говоришь, что такъ нельзя. А меня не слушаютъ,—отвѣчаютъ, что только теперь плохія времена.

Анзорге (входитъ, держа въ одной рукѣ глиняный горшочекъ съ супомъ, въ другой недоконченную плетеную корзинку). Здравствуй, Морицъ! Ты опять здѣсь?

Егеръ. Здравствуй, дядя Анзорге.

Анзорге (вставляя свой горшочекъ съ супомъ въ печь). Дай-ка взглянуть на тебя. Да ты совсѣмъ графомъ сталъ!

Старикъ Баумертъ. Покажи твои часы. А еще онъ привезъ совсѣмъ новую одежду и десять талеровъ деньгами.

Анзорге (качая головой). Подумать только!

Эмма (наполняя мѣшочекъ картофельной шелухой). Пойду, свесу картофельную шелуху. Можетъ, и хватить на горшочекъ снятого молока. (Уходитъ).

Егеръ (котораго всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ). Вспомните, какъ вы всѣ меня стращали: вотъ, молъ, попадешь, Морицъ, въ солдаты, тогда плохо придется. А мнѣ какъ разъ отлично жилось въ солдатахъ. Все дѣло въ

томъ, чтобы не лѣниться. Я вахмистру сапоги чистилъ, лошадь скребъ, за пивомъ ходилъ—всюду поспѣвалъ. И на службѣ у меня было все въ аккуратѣ. Сбруя такъ вычищена была, что блестяла. Я былъ первый въ конюшнѣ, первый при сборѣ, первый въ сѣдлѣ. А когда шли въ атаку—маршъ маршемъ, разрази меня громъ небесный! И ужъ я не дремалъ,—нюхъ у меня, какъ у охотничьей собаки. Я сказалъ себѣ: тутъ, братъ, никто тебѣ не поможетъ, — самъ долженъ за себя постоять. Ну, и бралъ себя въ руки—и справлялся, слава Богу. До того дошло, что ротмистръ сказалъ про меня передъ всѣмъ эскадрономъ: вотъ это гусаръ такъ гусары! (Пауза. Онъ закуриваетъ трубку).

Анзорге (качая головой). Такъ тебѣ повезло, значитъ. Подумаешь вѣдь, право. (Садится на полъ, придвигаетъ къ себѣ пукъ прутьевъ и начинаетъ чинить корзину, держа ее между коленами).

Старикъ Баумертъ. Ну, давай Богъ, чтобы ты и намъ счастье принесъ... Что-жъ, выпить и намъ изъ твоей бутылки?

Егеръ. Конечно, дядюшка Баумертъ. А когда всю бутылку выпьемъ до дна, пошлемъ за другой. (Ударяетъ монетой по столу).

Анзорге (съ глупымъ, изумленнымъ смѣхомъ). Ну и раздолье же здѣсь, Господи помилуй! На сковородѣ шипитъ жаркое, на столѣ бутылка водки. (Отпиваетъ изъ бутылки). За твоё здоровье, Морицъ! (Бутылка водки переходитъ изъ рукъ въ руки).

Старикъ Баумертъ. Хотя бы по праздникамъ у насъ бывало жаркое,—а то вѣдь и годъ и два не видишь убойны. Жди, пока выпадетъ счастье,—прибѣжитъ собачонка, какъ къ намъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Не часто это случается.

Анзорге. Неужели ты даль зарѣзать Амишку?

Старикъ Баумертъ. Она бы все равно околѣла съ голоду.

Анзорге. Ну да, такъ-то такъ...

Старуха Баумертъ. Такая славная, ласковая была собачонка.

Егеръ. Неужели вы еще попрежнему ѣдите собачье мясо?

Старикъ Баумертъ. Почаще бы только его намъ имѣть!

Старуха Баумертъ. Да, да, хорошо иногда мяса поѣсть!

Старикъ Баумертъ (Егеру). А у тебя развѣ пропалъ вкусъ къ собачьему жаркому? Поживи-ка у насъ, опять захочется!

Анзорге (вдыхая запах жаренаго). Да, да, вкусное это жаркое!

Старикъ Баумертъ (наслаждаясь запахомъ жаренаго). Хорошо пахнетъ, точно корица!

Анзорге. Ну, скажи, Морицъ,—ты человѣкъ бывалый,—будетъ намъ, ткачамъ, когда-нибудь легче жить?

Егеръ. Пора бы, кажется.

Анзорге. Мы здѣсь не живемъ и ее умираемъ,—плохо намъ, совсѣмъ плохо! Бьешься-бьешься, пока силъ хватаетъ, а потомъ и сдаешься. Нужда съѣдаетъ крышу надъ головой и полъ подъ ногами. Прежде, пока я могъ работать, было еще туда-сюда... А теперь ужъ больше полугода не могу дорваться до работы. Однимъ плетеніемъ корзинъ не проживешь. Я плету до ночи, а когда сваливаюсь въ постель, у меня наработано на одинъ зильбергрошъ и шесть пфенниговъ. Вотъ ты человѣкъ образованный,—скажи, можно на это прожить при теперешней дороговизнѣ? Три талера я долженъ заплатить налога за домъ, талеръ уходитъ на поземельный налогъ, три талера за аренду дома. А зарабатываю я талеровъ четырнадцать въ годъ. Значить, у меня остается семь талеровъ на весь годъ. На это нужно кормиться, топить комнату, одѣваться, обуваться, чинить и штопать платье,—а еще квартира и все другое. Мудрено ли, что нечѣмъ платить за аренду?

Старикъ Баумертъ. Нужно бы, чтобы кто-нибудь отправился въ Берлинъ и рассказалъ королю про наши дѣла.

Егеръ. Ничего это не поможетъ, дядюшка Баумертъ. Въ газетахъ и такъ довольно писали объ этомъ. Но богачи такъ умѣютъ повернуть дѣло... что хоть кого проведутъ. Настоящіе черти!

Старикъ Баумертъ (качая головой). Неужто и въ Берлинѣ ничего не могутъ подѣлать?

Анзорге. Скажи на милость, Морицъ, возможное ли это дѣло? Неужто на это нѣтъ законовъ? Вотъ я работаю, натираю мозоли на рукахъ, и все-таки не хватаетъ у меня на то, чтобы уплатить аренду,—такъ неужели же меня могутъ выгнать изъ моего домика? Мужику, конечно, нужны его деньги,—но что со мною будетъ? Если мнѣ придется уйти отсюда... (Съ трудомъ говоря, сквозь слезы) Здѣсь я родился, здѣсь мой отецъ сидѣлъ за станкомъ больше сорока лѣтъ. Сколько разъ онъ говорилъ матери: слушай, старуха, когда я помру, не выпускай домикъ изъ рукъ. Домикъ

этотъ я своимъ трудомъ нажилъ. Здѣсь каждый гвоздь—бессонная ночь, каждая балка—годъ сухихъ корокъ. Нужно вѣдь это понять...

Егеръ. Они послѣднее заберутъ,—ихъ на это хватитъ.

Анзорге. Ну да,—ну, конечно! Но ужъ если до этого дѣло дойдетъ, то пусть меня лучше вынесутъ ногами впередъ, чѣмъ мнѣ самому на старости лѣтъ уйти отсюда. Смерть мнѣ не страшна. Отецъ тоже радъ былъ умереть. Совсѣмъ подъ конецъ ему стало немножко страшно, но я легъ къ нему на постель, и онъ успокоился—совсѣмъ затихъ. Я былъ тогда—какъ теперь помню—мальчикомъ тринадцати лѣтъ. Я очень усталъ и заснулъ сейчасъ же подлѣ больного отца; не понималъ я, къ чему дѣло шло. А когда проснулся, онъ ужъ былъ совсѣмъ холодный.

Старуха Баумертъ (послѣ паузы). Вынь супъ изъ печи, Берта, и дай Анзорге.

Берта. Вотъ тебѣ супъ, отецъ Анзорге, ѣшь.

Анзорге (ѣсть сквозь слезы). Ну да,—ну, конечно!
(Старикъ Баумертъ ѣсть мясо прямо со сковороды).

Старуха Баумертъ. Да ну, погоди ты ѣсть, старикъ. Дай Бертѣ все приготовить и подать.

Старикъ Баумертъ (продолжая жевать). Два года тому назадъ я въ послѣдній разъ ходилъ къ причастію и сейчасъ послѣ того продалъ сюртукъ, въ которомъ причащался. На эти деньги мы купили тогда свинины. Съ тѣхъ поръ я не ѣлъ мяса до сегодняшняго вечера.

Егеръ. Зачѣмъ намъ мясо,—за насъ его ѣдятъ фабриканты! Они зато лопаются отъ жиру. Кто не вѣритъ, пусть сходить въ Билау и въ Петерсвальдау. Тамъ есть на что поглазѣть: все замки да замки, дворцы да дворцы,—а хѣзяева все фабриканты. Зеркальные окна, башни съ желѣзными шпицами. Тамъ о плохихъ временахъ не слыхать. Тамъ ѣдятъ до отвала и пьютъ, сколько влѣзетъ. Денегъ хватаетъ и на экипажки, и на гувернантокъ, и на чортъ знаетъ что. Имъ всего мало. Не знаютъ, что и придумать отъ баловства и спеси.

Анзорге. Въ прежнее время было совсѣмъ по-другому. Фабриканты дѣлились съ ткачами. А теперь они все сами для себя берегутъ. И все оттого, что богатые люди не вѣрятъ ни въ Бога ни въ чорта. Нѣтъ для нихъ ни заповѣдей ни наказаній. Вотъ они и отнимаютъ у насъ послѣдній кусокъ хлѣба и, гдѣ только могутъ, тѣснятъ насъ.

Все горе въ злыхъ людяхъ. Будь наши фабриканты подобре, — не наступили бы для насъ плохія времена.

Егеръ. Послушайте - ка вы всё, — я вамъ ков - что прочту. (Вынимаетъ изъ кармана нѣсколько исписанныхъ листковъ). А ты, Августъ, сбѣгай за бутылкой водки. Да что ты все смѣешься?

Старуха Баумертъ. Не знаю, что съ мальчишкой, — всегда ему весело. Онъ смѣется, что бы ни случилось. Ну, живо, живо! (Августъ уходитъ съ пустой бутылкой). Ну что, старикъ, вкусно?

Старикъ Баумертъ (жуетъ, возбужденный ѣдой и питьемъ). Моришь, будь нашимъ спасителемъ. Ты умѣешь читать и писать, ты знаешь, какъ живется ткачамъ, и жалѣешь насъ, такъ выручи насъ изъ бѣды!

Егеръ. Что-жъ, я готовъ. Задать перцу фабрикантамъ съ превеликимъ удовольствіемъ согласенъ. Мнѣ это, можно сказать, ничего не стѣдить. Я человѣкъ смиренный, но когда разыграетъ во мнѣ нравъ, такъ я схвачу Дрейсигера въ одну руку да Дитриха въ другую, и начну ихъ такъ стучать головой объ голову, что искры изъ глазъ посыплются. Если бы намъ всѣмъ да сговориться и дѣйствовать согласнo, такъ мы бы такую баню задали фабрикантамъ, что имъ бы конецъ пришелъ. Не нужно намъ для этого ни короля ни начальства. Просто можемъ заявить: мы хотимъ, чтобы было вотъ такъ-то и такъ-то, а не иначе. Тогда они совсѣмъ другое запоютъ. Когда они увидятъ, что здѣсь малые — не промахъ, они сейчасъ запросятъ пардону. Знаю я этихъ трусовъ!

Старуха Баумертъ. Правду ты говоришь, сущую правду. Я не злая; — я всегда первая говорила, что должны быть на свѣтѣ богатые люди. Но и мнѣ невмоготу стало...

Егеръ. А по-моему — пусть бы ихъ всѣхъ чортъ побралъ, я бы жалѣть не сталъ.

Берта. Гдѣ отецъ? (Старикъ Баумертъ незамѣтно вышелъ изъ комнаты).

Старуха Баумертъ. Не знаю, куда онъ дѣвался!

Берта. Неужто ему отъ мясного съ непривычки дурно стало?

Старуха Баумертъ (внѣ себя, плача). Ну вотъ, ну вотъ! вся ѣда пропала. Такое вкусное жаркое, — и все обратно отдать приходится!

Старикъ Баумертъ (возвращается, чуть не плача отъ бѣшенства). Кончено, никуда я не похужу. Доконали меня. Въ кои

вѣки дорвался до вкуснаго куска, такъ и онъ обратно лѣзеть!
(Садится плача на лежанку).

ЕГЕРЬ (охваченный внезапнымъ порывомъ негодованія, возбужденно). А тутъ же почти рядомъ живутъ толстобрюхіе лежебоки, которые день-денской пальцемъ не шевельнутъ, а смѣютъ говорить, что ткачамъ отлично бы жилось, если бы они не лѣнились.

АНЗОРГЕ. Не люди они, а изверги.

ЕГЕРЬ. Ну ужъ зато Дрейсигеръ свое получилъ. Мы съ рыжимъ Бекеромъ отчитали его и на прощанье пропѣли ему «Кровавую расправу».

АНЗОРГЕ. Это, что-ль, и есть та пѣсня, про которую толкуютъ?

ЕГЕРЬ. Да. Я ее принесъ.

АНЗОРГЕ. Ее, кажется, называютъ дрейсигеровской пѣсней?

ЕГЕРЬ. Я ее прочту вамъ.

СТАРУХА БАУМЕРТЪ. Кто ее сочинилъ?

ЕГЕРЬ. Этого никто не знаетъ. Ну, слушайте же.

(Читасть неумѣло, по слогамъ, съ невѣрными удареніями, но съ глубокимъ чувствомъ. Въ его чтеніи слышится отголосокъ наипышнѣйшихъ горькихъ чувствъ—отчаянія, боли, бѣшенства, ненависти, жажды мести).

Мы, ткачи, обречены
Жить для муки и позора.
Нашъ и судить безъ вины
И казнять безъ приговора.

Не избыть намъ этотъ судъ,
Безполезны всѣ попытки.
Хуже каторги нашъ трудъ,
Нашъ станокъ—орудье пытки.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ (потрясенный словами пѣсни, нѣсколько разъ съ трудомъ удерживается отъ желанія прервать Егера. Наконецъ, теряя самообладаніе, говоритъ, заикаясь, плача и смѣясь, женѣ). Хуже каторги нашъ трудъ! Кто это написалъ, старуха, тотъ правду сказалъ. Ты можешь засвидѣтельствовать... Какъ тамъ? Нашъ станокъ...

ЕГЕРЬ. Орудье пытки.

СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ. Вѣрно, вѣрно. Вся наша работа—каторга и пытка.

ЕГЕРЬ (въ то время, какъ Анзорге, оставивъ работу, сидитъ глубоко потрясенный, а старуха Баумертъ и Берта утираютъ слезы, продолжаетъ читать).

Злобный Дрейсигеръ палачъ,
Съ нимъ тюремщики одна.

Ихъ не трогаетъ нашъ плачъ,
Наши стоны имъ—забава.

Глухо сердце ихъ къ добру,
Имъ рабоче—что муки:
«Вамъ нашъ хлѣбъ непонутру,—
Помирайте съ голодухи».

Ткачъ для нихъ не человѣкъ,
Шкуру съ насъ дерутъ, убійцы!

СТАРИКЪ БАУМЕРТЬ (сжимая кулакъ и грозя). Шкуру съ насъ дерутъ, убійцы!

ЕГЕРЬ (читаетъ).

Будьте-жъ прокляты вѣкъ,
Фабриканты-кровопійцы.

АНЗОРГЕ. Да, будьте прокляты, кровопійцы!

СТАРИКЪ БАУМЕРТЬ. Ткачъ для нихъ — не человѣкъ!
Каждое слово правда—какъ въ библии.

ЕГЕРЬ (читаетъ).

Не вѣдать вамъ сѣдны.
Вашихъ женъ сразитъ безплодье.
Смерть вамъ, Ирода сыны,
Сатанинское отродье!

СТАРИКЪ БАУМЕРТЬ (вскакиваетъ, возбужденный до ярости). Смерть вамъ, Ирода сыны—сатанинское отродье! До чего вы насъ довели? Вотъ я стою здѣсь, Робертъ Баумертъ, ткачъ изъ Кашбаха. Кто можетъ обвинить меня въ дурныхъ дѣлахъ?.. Я былъ честнымъ человѣкомъ всю жизнь, а теперь взгляните на меня. Что мнѣ дала моя честность? На что я похожъ? Что они изъ меня сдѣлали?.. Хуже каторги нашъ трудъ! (Вытаскиваетъ руки впередъ). Вотъ взгляните—кожа да кости... Ирода сыны—сатанинское отродье! (Падаетъ на стулъ въ изнеможеніи, плача отъ бѣшенства и отчаянія).

АНЗОРГЕ (бросаетъ корзину въ уголъ, весь дрожа отъ бѣшенства, и говоритъ, задыхаясь). Все это должно измѣниться теперь же. Больше мы не въ силахъ терпѣть. Больше не будемъ терпѣть,—къ чему бы это ни привело!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БЕКЕРЪ.
МОРИЦЪ ЕГЕРЪ.
СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ.
СТАРИКЪ АНЗОРГЕ.
ВЕЛЬЦЕЛЬ, трактирщикъ.
ФРАУ ВЕЛЬЦЕЛЬ, его жена.
АННА ВЕЛЬЦЕЛЬ, его дочь.
ВОЯЖЕРЪ.
ВПГАНДЪ, столляръ.
ГОРНИГЪ, тряпичникъ.
КРЕСТЬЯНИНЪ.
ЛАСНИЧІЙ.
ВЯТТИГЪ, кузнецъ.
КУТЧЕ, жандармъ.
МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ ТКАЧИ.

Корчма въ Петерсвальдау; большая комната съ потолкомъ изъ брусевъ, опирающимся на деревянную колонну посрединѣ; вокругъ колонны—столъ. Вправо отъ колонны, прикрывающей только ея косякъ, входная дверь въ задней стѣнѣ. Изъ дверей видны просторныя сѣни, заставленныя бочками и пивоварной утварью. Въ комнатѣ, справа отъ угольной двери, деревянная перегородка въ человѣчeskій ростъ, съ полками для питейной посуды; за ней—стѣнной шкафъ, въ которомъ стоятъ ряды водочныхъ бутылокъ; между перегородкой и шкапомъ для ликеровъ—маленькое мѣсто для хозяина. Передъ перегородкой столъ, накрытый пестрой скатертью. Надъ столомъ виситъ красивая лампа; вокругъ стоятъ нѣсколько плетеныхъ стульевъ. По близости, въ правой стѣнѣ дверь, съ надписью: «Распивочная», ведетъ въ комнату для почетныхъ посѣтителей. Далеко, вправо, на переднемъ планѣ тикаютъ старинныя стѣнные часы. Слева отъ входной двери, у задней стѣны стоитъ столъ съ бутылками и стаканами, дальше, въ углу—большая изразцовая печка. Въ лѣвой боковой стѣнѣ три маленькихъ окна, подъ ними скамья и передъ нею большой деревянный столъ, обращенный къ стѣнѣ узкимъ концомъ. Съ широкихъ сторонъ стола стоятъ скамейки со спинками, у внутреннихъ узкихъ сторонъ по одному деревянному стулу. Большая комната оштукатурена въ синій цвѣтъ, завѣшана афишами, пестрыми лубочными картинками и олеографиями, среди которыхъ есть олеографическій портретъ Фридриха-Вильгельма IV.

Трактирщикъ Вельцель — добродушный гигантъ; ему за 50 лѣтъ. Стоя у перегородки, нацѣживаетъ пиво въ стаканъ изъ бочонка. Фрау Вельцель гладитъ у печки. Она—благообразная, опрятно одѣтая женщина, лѣтъ около 35. Анна Вельцель, хорошенькая семнадцатилѣтняя дѣвушка съ пышными рыжеватыми волосами, въ аккуратномъ чистенькомъ платьицѣ, сидитъ у накрытаго стола и вышиваетъ. На минуту она поднимаетъ глаза отъ работы и прислушивается: издали

доносятся звуки похороннаго хора, который поетъ хоръ школьниковъ. Вигандъ, столляръ, сидитъ у того же стола, въ рабочей блузѣ, за стаканомъ баварскаго пива. У него смышленное лицо человѣка, умѣющаго пробить себѣ дорогу въ жизни хитростью, расторопностью и беззабѣчивостью. Комми-вояжеръ, сидя у стола вокругъ колонны, усердно жуетъ бифштексъ. Онъ средняго роста, хорошо упитанъ, веселъ, оживленъ, развязенъ до наглости. Одѣтъ по модѣ. Его дорожныя вещи, чемоданъ, ящикъ съ образцами, зонтикъ, пальто и плюшевое одѣяло лежатъ подлѣ него на стулѣ.

Вельцель (подавая стаканъ пива вояжеру, говорить въ сторону Виганду). Въ Петерсвальдау нынче кипитъ, какъ въ аду.

Вигандъ (рѣзкимъ, громкимъ, какъ труба, голосомъ). Сегодня доставка товара у Дрейсигера.

Фрау Вельцель. Все-таки такого шума и гама прежде не бывало.

Вигандъ. Можетъ, это оттого, что онъ рѣшилъ принять еще двѣсти ткачей.

Фрау Вельцель (продолжая гладить). Вотъ-вотъ, въ этомъ все дѣло. Нужно двѣсти — такъ придутъ навѣрное шестьсотъ. Ихъ вѣдь у насъ тьма-тьмушая.

Вигандъ. Да, немало ихъ развелось, прости Господи. И какъ имъ плохо ни живется, не вымираютъ вѣдь! Все-таки у нихъ дѣтей больше рождается, чѣмъ прокормить можно. (Хораль на минуту слышится громче). А тутъ еще и похороны. Ткачъ изъ Нентвиха такъ-таки и померъ.

Вельцель. Давно ему пора ноги протянуть. Онъ и живой похожъ былъ на покойника.

Вигандъ. Такой гробикъ, какъ ему — крошечный-крошечный — я еще никогда не мастерилъ. Не видывалъ я никогда такого покойника, — вѣсу въ немъ было фунтовъ девяносто, не больше.

Вояжеръ (продолжая ѣсть). Не понимаю, право... Въ какую газету ни заглянешь, непременно наткнешься на страшные рассказы о нуждѣ ткачей. Можно подумать, что они съ голоду умираютъ. А тутъ вдругъ такія похороны — удивительно! Я какъ разъ въѣзжалъ въ деревню въ это время: духовая музыка, учитель, вся школа, пасторъ и цѣлый хвостъ людей. Такая торжественность — точно китайскаго императора хоронятъ. Если на это хватаетъ денегъ... (Пьетъ пиво и, поставивъ стаканъ, переходитъ въ игривый тонъ) Не правда ли, барышня? Вѣрно я говорю?

Анна (смущенно улыбается и продолжаетъ усердно вышивать).

Вояжеръ. Навѣрное, туфли для вашего батюшки изволите вышивать?

Вельцель. На кой чортъ мнѣ такая ерунда?

Вояжеръ. Господи! А я бы отдалъ половину моего состоянія за то, чтобы эти туфли вышивались для меня.

Фрау Вельцель. Мой старикъ такихъ деликатностей не понимаетъ.

Вигандъ (дашлянувъ вѣсколько разъ, ерзаетъ на стулѣ и, собравшись съ духомъ, заговариваетъ наконецъ). Вы, почтенный господинъ, изволили удивляться этимъ похоронамъ. А это еще самыя, можно сказать, скромныя—не правда ли, хозяйшка?

Вояжеръ. Ничего не понимаю... Вѣдь это чертовски дорого должно стоить. Откуда они берутъ деньги?

Вигандъ. Вотъ, изволите ли видѣть, таково безразсудство здѣшняго бѣднаго населенія. Позвольте вамъ сказать, что у нихъ преувеличенное пониманіе о почтеніи и долгѣ относительно почившихъ родственниковъ. А ужъ если скончались родители, такое суевѣріе начинается, что послѣднее собираютъ на похороны, а чего не хватаетъ, то взаймы берутъ у родственниковъ—такихъ же богачей, какъ и они. Влѣзаютъ по уши въ долги, не доплачиваютъ его преподобію пастору, причетнику и всѣмъ прочимъ. А тутъ еще ѣда и выпивка,—все это денегъ стоитъ. Почтить родителей—за это я всегда стоялъ, но ужъ не такъ, чтобы навязать себѣ долгъ на всю жизнь.

Вояжеръ. Пасторъ долженъ былъ бы ихъ отговаривать отъ всякаго безразсудства. Почему онъ этого не дѣлаетъ?

Вигандъ. Простите меня великодушно, почтенный господинъ, но я долженъ вамъ доложить, что всякая маленькая община имѣетъ свою церковь и своего духовнаго пастыря, котораго должна содержать. А похоронныя торжества приносятъ хорошій доходъ служителямъ церкви; и тѣмъ многолюднѣе преданіе землѣ, тѣмъ выгоднѣе для духовенства. Кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ здѣсь, тотъ знаетъ и можетъ съ твердостью сказать, что господа пасторы очень не одобряютъ скромныхъ похоронъ.

Горнигъ (входитъ. Это маленький старичокъ съ лямкой черезъ плечо. Онъ трлпичникъ). Здравствуйте, здравствуйте! Рюмочку очищенной позвольте. Не найдется ли у васъ тряпокъ, молодая хозяйшка? А у васъ, мамзель Анна? У меня въ телѣжкѣ много товару: красивыя ленты въ косу, ленточки для сорочекъ, шпильки, булавки, крючки и петельки,—все обмѣняю на пару тряпокъ. (Другимъ тономъ) А изъ тряпокъ сдѣлаютъ бѣлую бумагу, а на ней другъ сердечный письмецо напишетъ.

Анна. Благодарствуйте, не нужно мнѣ друга сердечнаго. Фрау Вельцель (вкладывая плитку въ утюгъ). Вотъ какая она у меня. О замужествѣ и слышать не хочеть.

Вояжеръ (вскликая съ мѣста, видимо обрадованный, подходит къ накрытому столу и протягиваетъ руку Аннѣ). Какъ это хорошо, барышня! Дайте мнѣ руку. Мы оба останемся свободны.

Анна (покраснѣвъ, даетъ ему руку). Но вѣдь вы женаты?

Вояжеръ. Ничуть не бывало. Вы такъ думаете потому, что я ношу кольцо? Я только для того и надѣлъ его, чтобы охранить себя отъ посягательства на мою очаровательную особу. Вась я не боюсь. (Прячетъ кольцо въ карманъ). Скажите мнѣ серьезно, барышня, неужели вы не хотите выйти хоть немножко замужъ?

Анна (качая головой). Нѣтъ, нѣтъ.

Фрау Вельцель. Она не выйдетъ замужъ. Развѣ какой-нибудь совсѣмъ особенный случай представится.

Вояжеръ. Что-жъ — и это возможно. Одинъ богатый сидескій магнатъ женился на камеръ-юнгферѣ своей матери, и богатый фабрикантъ Дрейсигеръ тоже вѣдь женатъ на дочери трактирщика. Она и наполовину не такъ красива, какъ вы, барышня, а теперь ѣздитъ въ экипажѣ и имѣетъ ливрейнаго лакея. Почему же и вамъ не стать богатой барыней? (Ходить по комнатѣ, вытягиваясь и разминая ноги). Я попрошу чашку кофе.

Анзорге и старикъ Баумертъ (входятъ съ тюкомъ пряжи и садятся скромно подлѣ Горнига, у самаго передняго стола вѣдьмо).

Вельцель. Здравствуйте. Давно тебя было не видать, отецъ Анзорге.

Горнигъ. Выползъ-таки изъ своей дымной норы?

Анзорге (видимо смущаясь). Я опять пошелъ взять основу.

Старикъ Баумертъ. Онъ согласился работать по десяти зильбергрошей.

Анзорге. Я бы не согласился, — но на плетеніи корзины я ужъ ничего не зарабатываю.

Вигандъ. Лучше малый заработокъ, чѣмъ ничего. Онъ вѣдь и затѣялъ все это, чтобы дать вамъ работу. Я Дрейсигера хорошо знаю. Недѣлю тому назадъ я выставялъ у него въ домѣ двойныя рамы. Мы тогда и говорили. Онъ только изъ жалости и пошелъ на это.

Анзорге. Ну да, — ну, конечно!

Вельцель (ставя передъ ткачами по рюмкѣ водки). Вотъ вамъ. А скажи-ка, Анзорге, какъ долго ты не брился? Вотъ тотъ господинъ хотѣлъ бы знать.

Вояжеръ (кричитъ со своего мѣста). Чтѣ вы, хозяинъ, я этого не говорилъ. Меня только поразили почтенный ткачъ своимъ видомъ. Не часто встрѣчаешь такихъ богатырей.

Анзорге (смущенно почесываетъ голову). Ну да,—ну, конечно!

Вояжеръ. Такіе мощные богатыри очень рѣдки въ наши дни. Мы такъ всѣ прилизаны культурой... Но я люблю первобытную силу. Косматая брови, дикая борода...

Горнигъ. Да это весьма просто, почтенный господинъ. У нашихъ ткачей не хватаетъ денегъ, чтобы платить цырюльнику, а ужъ на то, чтобы купить бритву—и подавно. Такъ вотъ они и отпускаютъ волосы и бороду. Не до красоты, когда ѣсть нечего.

Вояжеръ. Да чтѣ вы, неужели же я... (Тихо хозяину) Можно предложить стаканъ пива этому лохматому богатырю?

Вельцель. Никомъ образомъ,—онъ ни за что не приметъ. Онъ чудакъ.

Вояжеръ. Нѣтъ такъ нѣтъ. Вы позволите, барышня? (Садится у накрытаго стола). Увѣряю васъ, что съ той минуты, какъ я вошелъ, ваши волосы меня заворожили. (Въ восхищеніи цѣлуетъ кончики пальцевъ). Какой блескъ, какая мягкость! И цвѣтъ—точно спѣлая пшеница. Если бы вы съ вашими волосами появились въ Берлинѣ, вы бы произвели фуроръ. Съ такими волосами можно ко двору явиться... (Откидываясь на стулъ, разглядываетъ волосы Анны). Восторгъ! истинный восторгъ!

Вигандъ. За волосы-то ей и дали прозвище.

Вояжеръ. Какъ же ее прозвали?

Анна (все время тихо смѣясь про себя). Не слушайте его.

Горнигъ. Это вѣдь ее лисичкой прозвали?

Вельцель. Перестаньте. И такъ ей голову вскружили. Сегодня ей графа подавай, а завтра князя.

Фрау Вельцель. Не взводи напраслины на дѣвочку! Всякій человѣкъ лучшаго хочетъ. Не всѣ на тебя похожи, слава Богу! Будь все по-твоему, никто съ мѣста бы не двигался, каждый на своемъ мѣстѣ и застревалъ бы. Если бы дѣдъ Дрейсигера такъ думалъ, онъ бы остался бѣднымъ ткачомъ. А теперь они богачи. Старикъ Тромтра тоже остался бы бѣднымъ ткачомъ, а теперь у него двѣнадцать помѣстій и дворянскій титулъ.

Вигандъ. Чтѣ правда, то правда, Вельцель. Твоя жена вѣрно разсудила,—я съ ней согласенъ. Будь я похожъ на тебя, развѣ у меня было бы семь подмастерьевъ?

Горнигъ. Ты-то умѣешь свои дѣла устраивать,—этого у тебя отнять нельзя. Иной ткачъ еще живехонекъ, а ты ужъ ему готовишь гробъ.

Вигандъ. Нужно поспѣвать,—потому и торопишься. Какъ же иначе?

Горнигъ. Да, ты не зѣваешь, это вѣрно. Ты лучше всякаго доктора знаешь, когда смерть придетъ за нашимъ братомъ.

Вигандъ (вдругъ вспыхивъ). А ты лучше, чѣмъ полиція, знаешь, кто изъ ткачей выпиваетъ и кто каждую недѣлю откладываетъ катушки. Приходишь за тряпками и уносишь, небось, и придильные нитки, если придется.

Горнигъ. А твоя пшеница растетъ на кладбищѣ. Чѣмъ больше народу мретъ, тѣмъ для тебя выгодише. Когда ты глядишь на дѣтскіе гробики, ты похлопываешь себя по животу и говоришь: «Хорошій нынче былъ годъ; малыши валились, какъ майскіе жуки съ деревьевъ. Я смогу лишнюю бутылочку въ недѣлю пропить».

Вигандъ. А все-таки я не прячу краденаго.

Горнигъ. Развѣ только поставишь двойной счетъ богатому фабриканту или стащишь нѣсколько лишнихъ досокъ съ постройки у Дрейсигера, когда ночь случится темная.

Вигандъ (поворачиваясь къ нему спиной). Болтай на вѣтеръ—я тебя не слушаю. (Вспыхивъ) Брехунъ проклятый!

Горнигъ. Покойницінъ столаръ!

Вигандъ (обращаясь къ присутствующимъ). Онъ можетъ околдовать скотъ.

Горнигъ. Берегись самъ. Я и тебя околдую. (Вигандъ блѣднѣетъ).

ФРАУ Вельцель (ушедшая изъ комнаты, возвращается и ставитъ передъ вояжеромъ чашку кофе). Не подать ли вамъ кофе въ вашу комнату?

Вояжеръ. Чтò вы, чтò вы? (Томно глядя на Анну) Я буду здѣсь сидѣть, пока не умру.

Молодой лѣсничій и крестьянинъ (послѣдній съ кнутомъ въ рукахъ). Здравствуйте, господа! (Подходятъ къ стойкѣ).

Крестьянинъ. Намъ двѣ рюмки иибирной.

Вельцель. Извольте. (Наливаетъ двѣ рюмки; они чокаются, пьютъ и ставятъ рюмки на стойку).

Вояжеръ. Много ходили, господинъ лѣсничій?

Лѣсничій. Порядочно. Я изъ Штейнзейферсдорфа. (Первый и второй старые ткачи входятъ и садятся рядомъ съ Ан-зорге, Баумертомъ и Горнигомъ).

Вояжеръ. Позвольте узнать, вы лѣсничій графа Гохгейма? Лѣсничій. Графа Кейльша.

Вояжеръ. Ну да, Кейльша. Я такъ и хотѣлъ сказать. Здѣсь такъ много графовъ и бароновъ, что всѣхъ не упомянешь. А для чего у насъ топоръ?

Лѣсничій. Я его отобралъ у порубщика.

Старикъ Баумертъ. Наши господа строго разыскиваютъ за каждую охапку хвороста.

Вояжеръ. Но, помилюте, нельзя вѣдь, чтобъ всякій...

Старикъ Баумертъ. Старая исторія! У насъ, какъ вездѣ, есть мелкіе воры и есть крупные. Крупнымъ все сходитъ съ рукъ. Иные тутъ торгуютъ лѣсомъ и богатѣютъ, продавая краденое. Но если бѣдный ткачъ...

Первый старый ткачъ (прерывая Баумерта). Намъ не дозволяется ни сучка взять, а насъ господа обдираютъ какъ липку: охранный налогъ подай, ткацкій налогъ, а потомъ повинности натурой. Вѣгай, куда пошлютъ, и отбывай барщину во дворѣ. Хочешь не хочешь, а съ тебя разыскиваютъ.

Анзорге. Дѣло такъ обстоитъ: что фабрикантъ не доберетъ съ насъ, то вытащить изъ кармана графъ или баронъ.

Второй старый ткачъ (сѣвъ у сосѣдняго стола). Я это сказалъ его милости.—Простите меня, господинъ графъ, сказалъ я, въ этомъ году я не могу нести столько дней барщины. Я не отказываюсь—только теперь не могу.—А почему?—Простите меня, мнѣ вода бѣды надѣлала. Немножко землицы, что у меня было, снесено водой. Теперь приходится день и ночь трудиться, чтобы съ голоду не умереть. Непогода была такая, что страсть... Я стоялъ и ломалъ руки. Такая чудесная земляца — и вся скатилась съ горы прямо къ дому; и весь дорогой посѣвъ... Ахъ, Господи Іисусе! Долго я стономъ-стоналъ, цѣлую недѣлю не переставалъ реветъ, такъ что глаза распухли, и на свѣтъ глядѣть не могъ... А потомъ пришлось опять возить землю на гору,—восемьдесятъ возовъ свежъ.

Крестьянинъ (грубо). Больно ужъ вы тутъ ахаете и охаете! Когда Господь Богъ посылаетъ испытаніе, нужно терпѣть и смиряться. А если вамъ плохо живется, то кто виноватъ, какъ не вы сами? Когда дѣла были хороши, вы что дѣлали? Все проѣдали, проигрывали и пропивали. Почему не откладывали? Была бы копейка на черный день, и не пришлось бы воровать дрова и нитки.

Первый молодой ткачъ (говорить въ дверь изъ сѣней). Мужикъ остается мужикомъ, хотя бы и спалъ до девяти часовъ.

Первый старый ткачъ. Теперь дѣло такъ обстоитъ, что мужики и бароны заодно противъ нашего брата. Когда ткачу нужно жильё, мужикъ говоритъ: я дамъ тебѣ маленькую дырку,—ты тамъ живи. Ты мнѣ за это хорошо заплатишь, поможешь убрать сѣно и хлѣбъ; а несогласенъ, такъ убирайся на всѣ четыре стороны. А придешь къ барону, онъ тебѣ то же самое скажетъ.

Старикъ Баумертъ (злобно). Всѣ изъ насъ жилы тянутъ!

Крестьянинъ (вспыливъ). Да на что вы годитесь, голодные твари? Умѣете вы вспахать поле плугомъ? Прямую борозду провести? Или штукъ пятнадцать сноповъ овса на возъ поднять? Куда тамъ! Только и знаете, что лѣнтяйничать да отъ бабъ не отходить. Тоже народъ! (Расплатившись, уходитъ. Лѣсничій идетъ за нимъ со смѣхомъ. Вельцель и его жена громко хохочутъ, столяръ также; вояжерь смѣется про себя. Когда смѣхъ прекращается, наступаетъ молчаніе).

Горнигъ. Мужичье... реветъ, какъ быкъ! Ужъ я-то знаю, какъ здѣсь народъ голодаетъ. Пасмотрѣлся я нищеты въ горныхъ деревняхъ. По четверо и пятеро лежатъ нагишомъ на одномъ мѣшкѣ съ соломою.

Вояжерь (съ учтивымъ упрекомъ). Позвольте, милѣйшій. О нуждѣ въ горныхъ деревняхъ мнѣнія расходятся. Если вы умѣете читать...

Горнигъ. Я все съ листа читаю—не хуже вашего. А ужъ мнѣ ли не знать, что дѣлается? Когда у тебя за плечами четыре десятка годовъ, то начинаешь кой-что и смекать. Знаете ли вы, до чего доходило: дѣти копались въ мусорѣ, вмѣстѣ съ сосѣдскими гусями, ища объѣдковъ какихъ-нибудь. Люди умирали прямо на полу, нагишомъ. Другіе ѣли вонючій клейстеръ съ отчаянія. Сотнями ихъ голодъ валилъ.

Вояжерь. Если вы умѣете читать, то должны знать, что правительство поручило навести точныя справки и...

Горнигъ. Знаемъ, знаемъ, какъ это дѣлается. Явится такой господинъ, посланный правительствомъ, и думаетъ, что ужъ все отлично знаетъ прежде, чѣмъ что-нибудь видѣлъ. Пройдется немножко по деревнѣ у разлива ручья, гдѣ лучшіе дома стоятъ. Дальше онъ не идетъ, чтобы не запачкать ярко вычищенныхъ сапогъ. Онъ рѣшаетъ, что всюду такъ же хорошо; садится въ коляску и ѣдетъ обратно, до-

мой. Въ Берлинѣ онъ потомъ пишетъ, что никакой нужды нѣтъ. Но если бы у него хватило терпѣнія, если бы онъ поднялся вверхъ, въ горныя деревни, къ истоку ручья и черезъ ручей пошелъ бы по сторонамъ, гдѣ стоятъ маленькія избенки на горныхъ скалахъ, старыя соломенные гнѣзда, такія черныя и вѣтхія, что жаль спички, чтобы поджечь ихъ,—тогда бы онъ не то написалъ въ Берлинъ. Пришли бы они ко мнѣ, эти берлинскіе господа, если не вѣрять, что здѣсь нужда. Я бы показалъ имъ, гдѣ здѣсь съ голоду умирають.

(За сценой поютъ пѣсню ткачей).

Вельцель. Опять они поютъ эту дьявольскую пѣсню.

Вигандъ. Вся деревня опалѣла.

Фрау Вельцель. Въ воздухѣ точно зараза какая-то носится.

(Егеръ и Бекеръ, взявшись подъ руку, шумно входятъ, во главѣ группы молодыхъ ткачей, въ сѣни и изъ сѣней въ корчму).

Егеръ. Эскадронъ, стой! (Пришедшіе садятся за разные столы, у которыхъ уже сидятъ ткачи, и заводятъ съ ними разговоры).

Горнигъ (Бекеру). Да что у васъ тутъ дѣлается, что вы вваливаетесь пѣлой гурьбой?

Бекеръ (многозначительно). Какъ знать, можетъ-быть, и сдѣлается что-нибудь. Ты какъ полагаешь, Морицъ?

Горнигъ. Ну васъ. Не болтайте пустое!

Бекеръ. Кровь уже пролилась: Хочешь посмотрѣть? (Засучиваетъ рукавъ и показываетъ ему кровавые знаки прививки оспы на оголенной верхней части руки. То же продѣлываютъ многіе изъ молодыхъ ткачей за столами).

Бекеръ. Мы ходили къ кузнецу прививать оспу.

Горнигъ. Теперь все понятно. Нечего удивляться, что на улицѣ такъ гаждятъ. Если такіе молодчики начинаютъ мутить деревню...

Егеръ (очень громко, хвастливымъ тономъ). Давай сразу двѣ бутылки, Вельцель. Я плачѹ. Думаешь, у меня нѣтъ денегъ? Хватить, братецъ.. Стоить намъ захотѣть, и мы могли бы дуть водку и пить кофе до самаго утра, не хуже разныхъ проѣзжихъ господъ. (Смѣхъ среди молодыхъ ткачей).

Вояжеръ (притворяясь изумленнымъ). Это вы—въ мой огородъ? (Хозяинъ, хозяйка и ихъ дочь, а также столяръ Вигандъ и вояжеръ смѣются).

Егеръ. Кто спрашиваетъ, про того и сказано.

Вояжеръ. Простите, молодой человѣкъ, и ваши дѣла, кажется, обстоятъ недурно.

Егеръ. Не могу пожаловаться. Я вояжеръ отъ фирмы

готового платья. Я работаю пополамъ съ фабрикантами. Чѣмъ больше ткачи голодаютъ, тѣмъ жирнѣе я ѣмъ. Чѣмъ чернѣе ихъ нужда, тѣмъ вкуснѣе моя ѣда.

Бекеръ. Ловко отбрилъ. За твое здоровье, Морицъ!

Вельцель (принесъ водку; направляясь обратно къ стойкѣ, останавливается и обращается съ обычнымъ хладнокровіемъ къ ткачамъ, говоря спокойно, но очень внушительно). Оставьте этого господина въ покоѣ. Онъ вамъ никакого зла не сдѣлалъ.

Голоса молодыхъ ткачей. Да мы его не трогаемъ. Жена хозяйина говорить нѣсколько словъ вояжеру, потомъ беретъ чашку съ остаткомъ кофе и уноситъ ее въ сосѣднюю комнату. Вояжеръ слѣдуетъ за нею при смѣхѣ ткачей).

Голоса молодыхъ ткачей (поютъ).

Злобный Дрейсигеръ палачъ,
Съ нимъ тюремщикъ оравъ.

Вельцель. Перестаньте! Пойте эту пѣсню гдѣ угодно, только не у меня въ домѣ,—этого я не потерплю.

Первый старый ткачъ. Онъ правъ. Бросьте пѣты!

Бекеръ (кричитъ). Но къ Дрейсигеру мы еще разъ сходимъ. Мы его заставимъ снова прослушать пѣсню.

Вигандъ. Не выводите его изъ себя—не то дѣло плохо кончится. (Смѣхъ и возгласы: хо-хо!).

Старикъ Виттигъ (сѣдой кузнецъ, безъ шапки, въ кожаномъ передникѣ и деревянныхъ башмакахъ, весь въ сажѣ; вышелъ прямо изъ кузницы; входитъ и стоитъ у стойки, дожидаясь рюмки водки). Пусть глотку дерутъ. Брехливыя собаки не кусаются.

Голоса старыхъ ткачей. Виттигъ! Виттигъ! Иди сюда, Виттигъ, садись къ намъ сюда, Виттигъ.

Виттигъ. Такъ я и сѣлъ къ такимъ забіякамъ. Отъ нихъ лучше подальше.

Егеръ. Присаживайся, выпей съ нами.

Виттигъ. Не нужна мнѣ твоя водка. Когда захочу выпить, я самъ заплачѣ. (Садится со своей рюмкой подлѣ Баумерта и Анзорге. Хлопая послѣдняго по животу, говорить) Въ животѣ у ткача пусто. Вся ѣда его—капуста.

Старикъ Баумертъ. А что если намъ невтерпѣжъ станетъ? Если мы этого не потерпимъ дольше?

Виттигъ (съ притворнымъ изумленіемъ глупо смотреть на старика). Да ты ли это, старикъ? (Расхохотавшись) Умора, чистая умора! Старикъ Баумертъ вздумалъ бунтовать! Вотъ штука-то: скоро поргные начнутъ бунтовать, потомъ овцы, потомъ крысы и мыши. Ахъ, ты, Господи, вотъ будетъ погѣха! (Хохочетъ).

Старикъ Баумертъ. Нѣтъ, Виттигъ, я такой же, какъ прежде, Я и теперь говорю: если можно добромъ все уладить—было бы куда лучше!

Виттигъ. Кой чортъ добромъ! Никогда добромъ ничего не дѣлалось. Развѣ во Франціи все по-хорошему дѣлалось? Робеспьеръ развѣ богатыхъ по головкѣ гладилъ? Тогда только и знали: всѣхъ долой, всѣхъ на гильотину! Аллонъ занфанъ! Жареные гуси въ ротъ не летать.

Старикъ Баумертъ. Если бы я хоть какъ-нибудь могъ перебиться...

Первый старый ткачъ. У насъ вода все залила, Виттигъ.

Второй старый ткачъ. Хотя совсѣмъ домой не ходи. Чтò работать, не разгибая спины, чтò спать по цѣлымъ днямъ—все равно отъ голодухи не спастись.

Первый старый ткачъ. А дома еще хуже—совсѣмъ изъ ума выжить можно.

Анзорге. Мнѣ ужъ все равно—будь чтò будетъ!

Голоса старыхъ ткачей (съ возрастающимъ волненіемъ). Нигдѣ нѣтъ покоя. На работу руки не поднимаются... У насъ въ Штенкунцендорфѣ одинъ ужъ сидитъ по цѣлымъ днямъ у ручья нагишомъ и все моется—рехнулся!

Третій старый ткачъ (поднимается, сильно возбужденный, и говорить пророческимъ тономъ, съ угрозой поднимая палецъ). Есть судъ на небѣ! Не ходите къ богатымъ и знатымъ: есть судъ на небѣ! Господь Саваоѳъ... (Смѣхъ. Его насильно сажаютъ на стулъ).

Вельцель. Онъ отъ одной рюмки хмелѣетъ.

Третій старый ткачъ (снова вскакивая). Не вѣрять они ни въ Бога, ни въ рай, ни въ адъ! Вѣра для нихъ—одинъ смѣхъ...

Первый старый ткачъ. Да замолчи, замолчи!

Бекеръ. Дай ему свое сказать. Онъ вѣрно говорить.

Много голосовъ (возбужденно). Дайте ему говорить! Дайте ему говорить!

Третій старый ткачъ (повысивъ голосъ). Поэтому да раскроется пасть адова, чтобы поглотить всѣхъ, кто угнетаетъ бѣдняковъ и творить насиліе — сказалъ Господь. (Шумъ).

Третій старый ткачъ (декламируя ученическимъ голосомъ).

Полотняшниковъ работу
Очень стыдно презирать,
Очень странно унижать!

Бекеръ. Мы не полотнянщики, а бумазейщики. (Смѣхъ).

Горнигъ. Полотнянщикамъ еще хуже живется. Они точно тѣни въ горахъ спуютъ. Васъ вотъ еще на то хватаютъ, чтобы бунтовать, а они...

Виттигъ. А ты думаешь, что у насъ до того не дойдетъ? Теперь мы еще хорохоримся, но фабриканты насъ скоро серутятъ.

Бекеръ. Онъ вѣдь сказалъ, что ткачи скоро будутъ работать за сухую корку хлѣба. (Шумъ).

Голоса старыхъ и молодыхъ ткачей. Кто это сказалъ?

Бекеръ. Это сказалъ Дрейсигеръ ткачамъ.

Молодой ткачъ. Вздернуть Дрейсигера!

Егеръ. Послушай-ка, Виттигъ. Ты вотъ намъ много говорилъ о французской революціи. На словахъ ты очень храбрый. Ну, а теперь можетъ такой случай выйти, что видно будетъ: болтаетъ ли только человѣкъ, или же на него положиться можно.

Виттигъ (всплывъ). Смѣй ты это еще разъ повторить! Слыхалъ ты, какъ свистятъ пули? Стоялъ на передовомъ посту въ непріятельской странѣ?

Егеръ. Ну, не сердись. Мы вѣдь съ тобой товарищи. Я обидѣть тебя не хотѣлъ.

Виттигъ. Къ чорту такое товарищество!

(Входитъ жагдармъ Кутче).

Нѣсколько голосовъ. Тсс... тсс... полиція! (Долго шикаютъ, пока не наступаетъ полная тишина).

Кутче (среди полного молчанія занимаетъ мѣсто у стола вокругъ средней колонны). Попрошу рюмочку очищенной. (Опять полная тишина).

Виттигъ. Ты что это, Кутче, пришелъ подглядывать и подслушивать?

Кутче (не слушая Виттига). Какъ поживаете, мастеръ Вигандъ?

Вигандъ (все еще стоя въ углу передъ стойкой). Спасибо, Кутче.

Кутче. Какъ дѣла?

Вигандъ. Спасибо, ничего.

Бекеръ. Управляющій бонсея, чтобы мы желудки себѣ не испортили—очень ужъ большое жалованье получаемъ. (Смѣхъ).

Егеръ. Да, мы всѣ наѣлись свинины съ жирнымъ соусомъ, клецками и кислой капустой,—а теперь выпьемъ еще чимпанскаго. (Смѣхъ).

Вельцель. Да, послѣ дождика въ четвергъ...

Кутче. Будь у васъ чимпанское и жаркое, вамъ бы и этого было мало. И я чимпанскаго не пью, а ничего—не жалуюсь.

Бекеръ (косаясь на носъ Кутче). Онъ свой красный огурецъ поливаетъ водкой и пивомъ. Отъ этого онъ и зрѣетъ! (Смѣхъ).

Виттигъ. Трудно живется такому жандарму. То ему нужно голоднаго мальчика въ тюрьму упрятать, то хорошенькую дѣвчонку изъ ткацкой семьи соблазнить, то напиться до чортиковъ и жену такъ отколотить, что она бѣжитъ отъ страха къ сосѣдямъ, а то еще на лошади гарцовать да въ постели валяться до девяти часовъ. Не легкое это дѣло!

Кутче. Болтай, болтай, попадетъ еще тебѣ—погоди! Давно извѣстно, что ты за молодчикъ. Всѣ знаютъ, даже самъ ландратъ, про твои бунтовскія рѣчи. Ты доведешь жену и дѣтей до ночлежнаго дома своимъ пьянствомъ, а самъ въ тюрьму угодишь, если будешь мутить народъ. Такъ это для васъ всѣхъ кончится, что сами не рады будете.

Виттигъ (съ горькимъ смѣхомъ). Какъ знать, чѣмъ кончится, — можетъ, ты правъ окажешься. (Всклифъ) Но если такъ и выйдетъ, то ужъ я буду знать, кого благодарить, кто на меня насплетничалъ и фабриканту и господамъ, кто меня такъ опорочилъ, что мнѣ больше работы не дадутъ, кто деревню и мельника противъ меня возстановилъ, такъ что мнѣ цѣлую яедѣлю не приводятъ ни одной лошади подковать, ни на одно колесо обода не заказываютъ. Я знаю, чьи это штуки! Я эту каналью разъ съ лошади стащилъ за то, что онъ какого-то малыша отколотилъ ремнемъ, когда тотъ стащилъ нѣсколько неспѣлыхъ грушъ. Ты вѣдь меня знаешь—такъ запомни, что я теперь тебѣ скажу: если я изъ-за тебя въ тюрьму угожу, то поторопись написать завѣщаніе. Чуть что начнется, я схвачу все, что подъ руку попадется, подкову или молотокъ, колесную ось или ведро, и найду тебя—хотя бы тебя пришлось изъ постели твоей жены вытащить; клянусь, что пробью тебѣ башку! (Вскочивъ, хочетъ броситься на Кутче).

Старый и молодой ткачи (удерживая его). Виттигъ, Виттигъ, образумься!

Кутче (невольно поднялся, очень поблѣднѣвшій). Въ теченіе всего послѣдующаго онъ отступаетъ къ двери и, чѣмъ ближе къ ней подходитъ, тѣмъ становится храбрѣе. Послѣднія слова онъ говорить уже на порогѣ и затѣмъ исчезаетъ). Что тебѣ нужно отъ меня?

Я не къ тебѣ пришелъ. У меня дѣло къ здѣшнимъ ткачамъ. Тебѣ я ничего не сдѣлалъ. До тебя мнѣ и дѣла нѣтъ. Но вамъ, ткачамъ, мнѣ велѣно сказать: полицейскій инспекторъ запрашиваетъ вамъ пѣть вашу пѣсню—пѣсню о Дрейсигерѣ, или какъ тамъ она называется. А если пѣніе на улицѣ не прекратится, то онъ позаботится о томъ, чтобы вамъ предоставить больше времени и досуга въ казенномъ зданіи. Тамъ, на водѣ и на хлѣбѣ, можете пѣть, сколько вамъ угодно. (Уходитъ).

Виттигъ (кричитъ ему вслѣдъ). Ничего онъ намъ запретить не можетъ, хотя бы мы такъ ревѣли, что слышно было бы въ Рейхенбахѣ, и окна звенѣли бы, и отъ нашего пѣнія потолки обрушились бы надъ головами фабрикантовъ, и у всѣхъ полицейскихъ каски заплесали бы на головахъ. Это никого не касается.

Бекеръ (поднявшись, подаетъ знакъ, и всѣ начинаютъ пѣть вмѣстѣ).

Мы, ткачи, обречены
Жить для муки и позора.
Насъ и судятъ безъ вины
И казнятъ безъ приговора.

(Хозяинъ пытается остановить пѣніе, но его не слушаютъ. Вигандъ затыкаетъ уши, и убѣгаетъ. Ткачи поднимаются и идутъ подъ пѣніе дальнѣйшихъ куплетовъ за Виттигомъ и Бекеромъ, давшимъ знакъ всѣмъ подняться съ мѣстъ).

Не избыть намъ этотъ судъ,
Безполезны всѣ попытки.
Хуже каторги нашъ трудъ,
Нашъ станокъ—орудье пытки.

(Большинство поетъ слѣдующій куплетъ уже на улицѣ; только нѣсколько молодыхъ ткачей остаются еще расплатиться. Къ концу слѣдующаго куплета комната пустѣетъ. Остается только Вельцель, его жена, его дочь, Горнигъ и старикъ Баумертъ).

Не видать вамъ сѣдины.
Вашихъ женъ сразитъ безплодье.
Смерть вамъ, Ирода сыны,
Сатанинское отродье!

Вельцель (хладнокровно собирая стаканы). Да они совсѣмъ ошалѣли сегодня. (Старикъ Баумертъ собирается уйти).

Горнигъ. Скажи-ка на милость, Баумертъ, что это они затѣяли?

Старикъ Баумертъ. Хотятъ пойти къ Дрейсигеру просить добавочной платы.

Вельцель. Неужто и ты пристанешь къ такому сумасшедшему дѣлу?

Старикъ Баумертъ. Да я-то, Вельцель, противъ воли.

Молодые дѣлають, что́ хотять, а старикамъ приходится не отставать. (Уходить съ нѣкоторымъ смущеніемъ).

Горнигъ (поднимаясь). Боюсь, что быть бѣдѣ.

Вельцель. Слыханное ли дѣло, чтобы старики голову теряли?

Горнигъ. Во всякомъ человѣкѣ надежда живетъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Бекеръ.

Моринъ Егеръ.

Старикъ Баумертъ.

Старикъ Анзорге.

Дрейсигеръ.

Пфейферъ.

Виттигъ.

Кутче.

Фрау Дрейсигеръ.

Киттельгаузъ, пасторъ.

Фрау Киттельгаузъ, пасторша.

Вейнгольдъ, кандидатъ богословія, домашній учитель у Дрейсигера.

Гейде, полицейскій инспекторъ.

Кучеръ Іоганнъ.

Молодые и старые ткачи и ткачихи.

Петерсвальдау. Кабинетъ фабриканта Дрейсигера. Роскошное убранство въ холодномъ стилѣ первой половины XIX вѣка. Потолокъ, печь, двери бѣлые, обои въ прямолинейныхъ мелкихъ цвѣточкахъ холоднаго, свинцово-сѣраго тона. Мебель изъ краснаго дерева съ красной обивкой; много рѣзбы и украшеній. Шкапы и стулья изъ того же матеріала и распределены слѣдующимъ образомъ: вправо, между двумя окнами съ штофными красными гардинами, стоитъ конторка-шкапикъ съ откладной передней стѣнкой; противъ конторки диванъ, недалеко отъ него желѣзная касса; передъ диваномъ гостиная, кресла и стулья; въ задней стѣнѣ шкафъ съ оружіемъ. На всѣхъ стѣнахъ висятъ плохія картины въ золотыхъ рамахъ. Надъ диваномъ зеркало въ позолоченной рамѣ. Простая дверь слѣва ведетъ въ сѣни, открытая дверь въ задней стѣнѣ—въ уютно-роскошную гостиную. Въ гостиной двѣ дамы, фрау Дрейсигеръ и пасторша Киттельгаузъ, разсматриваютъ картины; пасторъ Киттельгаузъ разговариваетъ съ домашнимъ учителемъ Вейнгольдомъ.

Пасторъ (маленькій, привѣтливый человѣкъ, курия папиросу и добродушно разговаривая съ учителемъ, входитъ въ кабинетъ, оглядывается и, никого не видя тамъ, качаетъ головой). Меня ваши слова

не удивляютъ, господинъ кандидатъ: вы молоды. Въ ваши годы и мы, старики, имѣли, если и не совсѣмъ такіе, то похожіе взгляды. Похожіе-то навѣрное. Да, молодость хороша—хороша именно своими идеалами. Но, къ сожалѣнію, они мимолетны, какъ апрѣльское солнце. Доживите до моего возраста—тогда другое запоете. Когда въ теченіе тридцати лѣтъ пятьдесятъ два раза въ годъ, не считая праздниковъ, говоришь свое слово людямъ съ церковной кафедрѣ, то ужъ, конечно, становишься болѣе спокойнымъ. Вспомните обо мнѣ, когда и съ вами произойдетъ то же самое, господинъ кандидатъ.

Вейнгольдъ (девятнадцать лѣтъ, блѣдный, худой, высокій, съ гладкими, свѣтлыми волосами. У него безпокойныя движенія). При всемъ моемъ почтеніи... я все-таки не знаю... Разныя вѣды натуры бываютъ у людей—очень разныя.

Пасторъ. Милый мой, у васъ, конечно, мятежный духъ, (съ укоризной) очень мятежный,—и вы выступаете противъ существующихъ условій страшно горячо. Но все это утомится. Я не отрицаю, что есть у насъ собраты, которые и въ почтенномъ возрастѣ способны на юношескія выходки. Одинъ ополчается противъ пьянства и основываетъ союзы трезвости, другой сочиняетъ воззванія, несомнѣнно, очень трогательныя. Но чего они достигаютъ? Нужда у ткачей тамъ; гдѣ она есть, не уменьшается. А вотъ общественное спокойствіе такъ дѣйствительно страдаетъ. Нѣтъ, нѣтъ, милый мой, вѣрно говорить пословица: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Пастырь душъ не долженъ заботиться о голодныхъ желудкахъ. Проповѣдуй слово Божіе, а въ остальномъ положишься на Того, Кто кормитъ птичекъ и не даетъ погибнуть лиліи въ полѣ. Но хотѣлъ бы я однако знать, куда вдругъ исчезъ нашъ любезный хозяинъ?

Фрау Дрейсигеръ (выходитъ на авансцену въ сопровожденіи пасторши. Она красивая женщина лѣтъ тридцати, коренастаго сложения. Чувствуется нѣкоторое несоотвѣтствіе между ея манерой держаться и говорить и ея изысканно-пышнымъ туалетомъ). Это у него такая скверная привычка, господинъ пасторъ. Придетъ ему что-нибудь въ голову,—онъ сейчасъ же убѣгаетъ, нитого мнѣ не сказать, а я жду его. Сколько я его за это ни бранила,—ничего не помогаетъ.

Пасторъ. Что-жъ дѣлать,—на то онъ дѣловой человѣкъ.

Вейнгольдъ. Если я не ошибаюсь, на фабрикѣ что-то случилось?

Дрейсигеръ (входитъ возбужденный). Роза, кофе поданъ?

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЬ (дучась). Какъ это мило, что ты постоянно уходишь!

ДРЕЙСИГЕРЬ. Ахъ, ну тебя!

ПАСТОРЬ. У васъ, кажется, были неприятности?

ДРЕЙСИГЕРЬ. У меня каждый день неприятности, господинъ пасторь. Я къ этому привыкъ. Ну что же, Роза, ты распорядишься о кофе?

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЬ (съ недовольнымъ видомъ отходить отъ него и нѣсколько разъ нетерпѣливо дергаетъ за широкую вышитую советку).

ДРЕЙСИГЕРЬ. Вотъ только что... (немного запинаясь) жаль, господинъ кандидатъ, что васъ тамъ не было. Увидали бы нѣчто любопытное. Ну, да что тамъ... Пойдемте, сядемъ за вистъ.

ПАСТОРЬ. Да, да, сядемъ за карты. Сбросьте бремя съ плечъ—теперь вы нашъ.

ДРЕЙСИГЕРЬ (подойдя къ окну, отодвигаетъ занавѣску и глядитъ на улицу; всплывъ, обращается къ женѣ). Подойди сюда, Роза! (Она подходитъ). Вотъ видишь тамъ рыжаго длиннаго человѣка?

ПАСТОРЬ. Это вѣдь рыжій Бекеръ?

ДРЕЙСИГЕРЬ. Скажи, это не онъ нагрубилъ тебѣ два дня тому назадъ? Помнишь, ты рассказывала мнѣ, что, когда Юганнъ подсаживалъ тебя въ коляску...

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЬ (дучась). Не помню...

ДРЕЙСИГЕРЬ. Брось теперь обиды,—мнѣ важно знать. Нужно положить конецъ ихъ наглости. Если это онъ, то я привлеку его къ отвѣтственности. (Раздается пѣсня). Нѣтъ, послушайте, послушайте!

ПАСТОРЬ (сильно возмущенный). Неужели это безобразие никогда не кончигся? Теперь и я скажу: пора полициі принять мѣры. Дайте мнѣ взглянуть! (Подходить къ окну). Посмотрите, господинъ Вейнгольдъ. Тутъ собралась не только молодежь, а и старые, почтенные ткачи. Люди, которыхъ я многіе годы считалъ честными и богобоязненными, принимаютъ участіе въ такомъ неслыханномъ безчинствѣ... попираютъ ногами заповѣди Господни! Неужели же вы и этихъ людей готовы защищать?

ВЕЙНГОЛЬДЪ. Конечно, нѣтъ, господинъ пасторь. Или, вѣрнѣе, господинъ пасторь... *сигн. gravo salis*. Все это вѣдь голодные люди. Они выражаютъ свое недовольство, какъ умѣютъ. Нельзя же отъ нихъ требовать, чтобы...

ПАСТОРША (маленькая, худая женщина, увидшая и похожая на старую дѣву). Ахъ, господинъ Вейнгольдъ, что вы говорите!

Дрейсигеръ. Я долженъ вамъ сказать, господинъ кандидатъ... что я пригласилъ васъ къ себѣ въ домъ не для того, чтобы вы намъ читали лекціи о гуманности. Я бы попросилъ васъ ограничиться воспитаніемъ моихъ сыновей, а всѣ прочія мои дѣла предоставить моему собственному усмотрѣнію. Вы меня поняли?

Вейнгольдъ (стоитъ съ минуту блѣдный, какъ смерть, затѣмъ холодно улыбается и говорить тихо). Я васъ отлично понялъ. Я этого ждалъ—и желалъ. (Уходитъ).

Дрейсигеръ (грубо). Такъ, пожалуйста, поскорѣе! Намъ нужна ваша комната.

Фрау Дрейсигеръ. Вильгельмъ, Вильгельмъ!

Дрейсигеръ. Да ты съ ума сошла? Застунаешься за человѣка, который защищаетъ такія низости, какъ эту гнусную пѣсню.

Фрау Дрейсигеръ. Ахъ, милый, да вѣдь онъ вовсе...

Дрейсигеръ. Скажите, пасторъ, защищалъ онъ ихъ, или нѣтъ?

Пасторъ. Вѣдь онъ такъ молодъ, господинъ Дрейсигеръ.

Пасторша. Не понимаю, откуда это у него берется,—онъ изъ такой хорошей, почтенной семьи. Отецъ его сорокъ лѣтъ состоялъ на службѣ и за все время безукоризненно велъ себя. Мать его была такъ счастлива, что онъ хорошо пристроился. И вдругъ... Какая неблагодарность!

Пфейферъ (съ шумомъ открывая двери въ переднюю, кричать). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ! Его схватили! Идите сюда, пожалуйста.

Дрейсигеръ (торопливо). Побѣждалъ кто-нибудь въ полицію?

Пфейферъ. Полицейскій инспекторъ уже идетъ сюда.

Дрейсигеръ (въ дверь). Здравствуйте, господинъ инспекторъ. Какъ хорошо, что вы пришли.

Пасторъ (показываетъ знаками дамамъ, что имъ лучше всего удалиться. Онъ, его жена и хозяйка дома уходятъ въ гостиную).

Дрейсигеръ (въ высшей степени возбужденный, говоритъ вошедшему тѣмъ временемъ полицейскому инспектору). Господинъ инспекторъ, главный зачинщикъ пѣнія наконецъ взятъ. Я велѣлъ моимъ красильщикамъ схватить его. Не могъ я этого дольше терпѣть. Ихъ наглость превосходитъ всякіе предѣлы. Подумайте—у меня гости, а эти подлецы осмѣливаются... Они оскорбляютъ мою жену, когда она выходитъ изъ дому; жизни моихъ сыновей въ опасности. Я рисую тѣмъ, что они угостятъ тумаками моихъ гостей! Если все

это можетъ пройти безнаказанно, если въ благоустроенномъ государствѣ ни въ чемъ неповинныхъ людей, каковы я и моя семья, могутъ публично оскорблять, то... то я считаю это въ высшей степени несправедливымъ и безнравственнымъ.

Полицейскій инспекторъ (ему около пятидесяти лѣтъ; онъ средняго роста, толстый, полнокровный. На немъ кавалерійская форма, сабля и шпоры). Вы совершенно правы... Совершенно правы, господинъ Дрейсигеръ. Располагайте мною. Пожалуйста, успокойтесь,—я исполнѣ въ вашемъ распоряженіи. Вы дѣйствовали совершенно законно... Я даже очень доволенъ, что схваченъ одинъ изъ главныхъ крикуновъ. Пора, дѣйствительно, положить этому конецъ. Тутъ есть нѣсколько бунтарей, которыхъ я уже давно выслѣживаю.

Дрейсигеръ. Да, да—нѣсколько молокососовъ, лѣнтяевъ, которые постоянно кутать и не выходить изъ кабака, пока не пропьютъ все до послѣдняго гроша. Но я рѣшилъ положить конецъ этому безобразію, скрутить этихъ наглецовъ. Это необходимо для общаго блага—не только для моей личной безопасности.

Полицейскій инспекторъ. Конечно, конечно. Вы совершенно правы. И насколько въ моихъ силахъ помочь вамъ...

Дрейсигеръ. Нужно дѣйствовать противъ этого сброда плетками.

Полицейскій инспекторъ. Совершенно вѣрно. Нужно дать острастку.

Кутче (входить и отдать честь. Черезъ открытую дверь въ переднюю слышится шумъ тяжелыхъ шаговъ, поднимающихся по лѣстницѣ). Честь имѣю доложить, господинъ полицейскій инспекторъ: мы захватили его.

Дрейсигеръ. Хотите вы его видѣть, господинъ полицейскій инспекторъ?

Полицейскій инспекторъ. Конечно, конечно. Прежде всего нужно мнѣ взглянуть на него. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, господинъ Дрейсигеръ, не волнуйтесь, даю вамъ слово, что вы получите удовлетвореніе.

Дрейсигеръ. Я не удовлетворюсь извиненіями. Я настаиваю на преданіи его суду.

Егерь (его вводятъ пять рабочихъ, красильщиковъ; они всѣ перепачканы краской, потому что только-что пришли съ работы. У Егера шапка сползла на сторону; онъ нагло хохочетъ и возбужденъ отъ воды). Ахъ, вы, негодяи! И это рабочіе? это това-

рищи? Да я бы далъ себѣ скорѣе отрубить руку, чѣмъ поднять ее на товарища! (По знаку полицейскаго инспектора жандармъ велитъ красильщикамъ отпустить ихъ плѣнника. Егеръ стоитъ свободно и дерзко; всѣ двери заняты стражей).

Полицейскій инспекторъ (кричитъ Егеру). Шапку, долой, невѣжа! (Егеръ медленно снимаетъ шапку, продолжая ironically улыбаться). Какъ тебя звать?

Егеръ. А мы съ тобой вмѣстѣ свиной пасли, что ли? (Эти слова вызываютъ волненіе среди присутствующихъ).

Дрейсигеръ. Какая наглость!

Полицейскій инспекторъ (мѣняется въ лицѣ, хочетъ вспылить, но сдерживается). Объ этомъ мы еще поговоримъ... Какъ тебя звать, спрашиваю я? (Не получая отвѣта, приходитъ въ бѣшенство). Говори; или я велю тебѣ всыпать двадцать пять!

Егеръ (весело и непринужденно, не сморгнувъ глазомъ въ отвѣтъ на слова полицейскаго инспектора, обращается черезъ головы присутствующихъ къ хорошенькой горничной; она пришла подавать кофе и, пораженная происходящимъ, остановилась съ открытымъ ртомъ). Какъ, ты здѣсь, Эмилія? Убралась бы лучше по добру по здорову. Тутъ можетъ подняться вѣтеръ и въ одну ночь все смести. (Дѣвушка смотритъ въ оцѣпенѣніи на Егера, потомъ, понявъ, что его слова обращены къ ней, вспыхиваетъ отъ стыда, закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ, оставивъ подносъ съ чашками кофе. Опять волненіе среди присутствующихъ).

Полицейскій инспекторъ (совершенно растерявшись, Дрейсигеру). Никогда въ жизни я такой наглости...

Егеръ (плжеть).

Дрейсигеръ. Ты не въ хлѣбѣ, а въ комнатѣ—понялъ?

Полицейскій инспекторъ. Мое терпѣніе допнуло. Въ послѣдній разъ я спрашиваю: какъ тебя зовутъ?

Пасторъ (который во время послѣдней сцены выглядывалъ изъ пріоткрытой двери въ гостиную, входятъ теперь, весь дрожа отъ волненія). Его зовутъ Егеромъ, господинъ полицейскій инспекторъ. Морицъ... не правда ли? Морицъ Егеръ. (Егеру) Скажи, Егеръ, неужели ты меня не узнаешь?

Егеръ (серьезно). Вы пасторъ Киттельгаузъ.

Пасторъ. Да, твой духовный пастырь, Егеръ. Тотъ самый, который принялъ тебя въ доно церкви груднымъ младенцемъ. Тотъ самый, изъ чьихъ рукъ ты въ первый разъ получилъ причастіе. Помнишь ты это? Какъ я тогда старался влить въ твою душу слова Господни. И вотъ какъ ты, отблагодарить!

Егеръ (мрачно, какъ присмирѣвшій школьникъ). Я вѣдь свой талеръ заплатилъ.

Пасторъ. Да развѣ въ деньгахъ дѣло... Въ презрѣнныхъ деньгахъ? Не нужны мнѣ твои деньги... Будь только добрымъ христіаниномъ. Вспомни, какой ты обѣтъ давалъ. Соблюдай вѣрнія Господни, будь кротокъ и благочестивъ. А деньги...

Егеръ. Я — квакеръ, господинъ пасторъ, ни во что больше не вѣрю.

Пасторъ. Чтѣ за глупости! Постарайся исправиться и не произноси словъ, которыхъ не понимаешь. Квакеры люди набожные, а не такіе язычники, какъ ты.

Полицейскій инспекторъ. Будьте любезны пропустить меня, господинъ пасторъ. (Становится между нимъ и Егеромъ). Кутче, скрутить ему руки! (За кулисами дикіе крики: «Егеръ! Выпустите Егера!»).

Дрейсигеръ (слегка испугавшись, какъ и другіе присутствующіе, инстинктивно бросается къ окну). Это еще чтѣ такое?

Полицейскій инспекторъ. Я понимаю. Они требуютъ выдачи этого нахала. Только ужъ этого удовольствія мы имъ не сдѣлаемъ. Отвести его въ тюрьму, Кутче!

Кутче (съ веревкой въ рукахъ, нерѣшительно). Осмѣлюсь доложить, господинъ полицейскій инспекторъ, не справится намъ съ нимъ, пожалуй. Тамъ чортъ знаетъ сколько народа понаѣзало... и все настоящіе разбойники. Тамъ Бекеръ, тамъ кузнецъ...

Пасторъ. Позвольте мнѣ сказать пару словъ. Чтобы не сѣять еще больше вражды, не лучше ли, господинъ полицейскій инспекторъ, попытаться уладить все миромъ. Можетъ-быть, Егеръ согласится добровольно пойти, или же...

Полицейскій инспекторъ. Чтѣ вы? чтѣ вы? Вѣдь я за него отвѣчаю. Я на это никакъ не могу согласиться. Ну, Кутче, живѣе!

Егеръ (самъ складываетъ руки и со смѣхомъ протягиваетъ ихъ). Крѣпче, крѣпче завязывай—изо всѣхъ силъ старайся—все равно ненадолго. (Кутче и товарищи связываютъ ему руки).

Полицейскій инспекторъ. Впередъ, маршъ! (Дрейсигеру) Если вы не полагаетесь на меня одного, такъ пошлите съ нами человѣкъ шесть вашихъ красильщиковъ. Онъ будетъ посрединѣ, а они его окружаютъ кольцомъ. Я поѣду верхомъ впереди; Кутче пойдетъ позади. Всякаго, кто намъ дорогу заорудитъ, мы зарубимъ. (Крики снизу: Кукуреку-у! Вау-вау-вау!).

Полицейскій инспекторъ (грозясь въ окно). Канальи! Я вамъ покажу, какъ лаять и шѣть по-пѣтушному. Маршъ,

впередъ! (Выходить съ поднятой саблей; за нимъ выводять Егера).

ЕГЕРЪ (кричитъ, уходя). А фабрикантша-то, хоть и ходить павой, такая же, какъ и мы. Она сто разъ моему отцу на три пфеннига водки отпускала. Эскадронъ, поворачивай влѣво! Маршъ, ма-аршъ! (Уходитъ со смѣхомъ).

ДРЕЙСИГЕРЪ (послѣ короткой паузы, съ напускнымъ спокойствіемъ). Ну что же, пасторъ, давайте сядемъ наконецъ за вистъ. Теперь, кажется, намъ ничего не помѣшаетъ. (Онъ закуриваетъ сигару, нѣсколько разъ отрывисто смѣясь; наконецъ, когда сигара закурена, говорить громко) Теперь мнѣ все это кажется просто смѣшнымъ. Ну и молодчикъ! (Съ нервнымъ смѣхомъ) Удивительно смѣшно. Сначала стычка съ кандидатомъ. Черезъ пять минутъ онъ уже откланялся и былъ таковъ. А теперь еще эта исторія. Сядемъ же наконецъ за вистъ.

ПАСТОРЪ. Да, но... (Снизу доносится ревъ толпы). Знаете ли... очень ужъ они шумятъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ. Такъ пойдемте въ другую комнату. Тамъ намъ будетъ совсѣмъ спокойно.

ПАСТОРЪ (качая головой). Что это на нихъ нашло? Я долженъ согласиться съ кандидатомъ—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я былъ такого мнѣнія, что ткачи—смирные, кроткіе, уступчивые люди. А вы развѣ не считали ихъ такими, господниъ Дрейсигеръ?

ДРЕЙСИГЕРЪ. Конечно. Они были и терпѣливы и уступчивы, были порядочными, честными людьми. Все это было, пока ихъ не стали мутить разные проповѣдники гуманности. Имъ долго объясняли, что они живутъ въ страшной нуждѣ. Подумайте, сколько тутъ всякихъ обществъ и комитетовъ устраивалось для облегченія нужды ткачей. Они наконецъ повѣрили, и теперь ужъ не перестаютъ жаловаться и бунтовать. То одно, то другое имъ не нравится, того захотѣлось — другого понадобилось. (За сценой вдругъ раздаются многоголосые крики: Ура!).

ПАСТОРЪ. Такъ что вся эта проповѣдь гуманности только къ тому и привела, что овцы сразу превратились въ волковъ.

ДРЕЙСИГЕРЪ. Если хладнокровно подумать, то, пожалуй, все это къ лучшему. Можетъ-быть, то, что у насъ дѣлается, обратитъ на себя наконецъ вниманіе правящихъ классовъ, и тамъ убѣдятся, что долше дѣлаться это не можетъ, что нужно придти на помощь отечественной промышленности, которой грозитъ полное разореніе.

Пасторъ. Въ чемъ собственно заключается застой промышленности?

Дрейсигеръ. Заграница оградилась отъ насъ ввозными пошлинами—тамъ у насъ отняты лучшіе рынки, а дома мы тоже должны выдерживать страшную конкуренцію, работая въ невозможныхъ условіяхъ.

Пфейферъ (вбѣгаетъ блѣдный, запыхавшійся). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ!

Дрейсигеръ (уже стоя на порогѣ гостиной, оборачивается съ неудовольствіемъ). Что вамъ опять нужно отъ меня, Пфейферъ?

Пфейферъ. Нѣтъ... нѣтъ... оставьте меня, говорю я вамъ!

Дрейсигеръ. Что случилось?

Пасторъ. Да говорите же, не пугайте насъ.

Пфейферъ (все еще не приходя въ себя). Оставьте меня! Нѣтъ, подумать только... Начальство... Достанется же имъ!

Дрейсигеръ. Что съ вами приключилось, чортъ возьми! Сломалъ себѣ кто-нибудь шею, что ли?

Пфейферъ (чуть не плача отъ страха). Они освободили Егера, отколотили и прогнали полицейскаго инспектора, отколотили и прогнали жандарма. Онъ убѣжалъ безъ каски... съ сломанной саблей... Что-то будетъ? Что-то будетъ?

Дрейсигеръ. Вы бредите, Пфейферъ?

Пасторъ. Это похоже на революцію.

Пфейферъ (сидя на стулѣ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ; плаксиво). Бѣда пришла, господинъ Дрейсигеръ! Не одобровать намъ!

Дрейсигеръ. На кой чортъ полиція, если она не можетъ справиться съ бунтарями?

Пфейферъ. Не одобровать намъ, господинъ Дрейсигеръ!

Дрейсигеръ. Замолчите наконецъ, Пфейферъ. Надоѣли вы мнѣ.

Фрау Дрейсигеръ (входя съ пасторшей изъ гостиной). Подумай, Вильгельмъ, пасторша хочетъ уже идти домой. Весь вечеръ у насъ испорченъ!

Пасторъ. Я полагаю, дорогая фрау Дрейсигеръ, что, дѣйствительно, лучше всего ѣхать домой.

Фрау Дрейсигеръ. И вы тоже? Вильгельмъ, уговори ты ихъ.

Дрейсигеръ (становится передъ пасторомъ и, глядя на него въ упоръ, говорить). Скажите, это правда, что я тиранъ? Что я сдираю шкуру съ людей?

Кучеръ Іоганнъ (входя). Я запрягъ лошадей. Дѣтей госпо-

динъ учитель уже посадилъ въ коляску. Если плохо придется, мы сейчасъ и укатимъ.

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЪ. Что можетъ случиться?

ІОГАННЪ. Не знаю—это я такъ, къ примѣру, говорю. Народу все прибываетъ. Полицейскаго инспектора и жандарма прогнали.

ПФЕЙФЕРЪ. Быть бѣдѣ, господинъ Дрейсигеръ, быть бѣдѣ!

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЪ (съ возрастающимъ страхомъ). Господи, что же будетъ, что будетъ? Чего они хотятъ? Вѣдь не ворвутся же они сюда, Іоганнъ?

ІОГАННЪ. Какъ знать? Среди нихъ есть отчаянные молодцы.

ПФЕЙФЕРЪ. Быть бѣдѣ, говорю я.

ДРЕЙСИГЕРЪ. Молчи, оселъ! Двери на запорѣ?

ПАСТОРЪ. Послушайте, сдѣлайте мнѣ одолженіе... Я принялъ рѣшеніе... дайте мнѣ выполнить его... Пожалуйста. (Іоганну) Чего они собственно требуютъ?

ІОГАННЪ (въ замѣтательствѣ). Чтобы имъ больше платили за работу... Дурачье!

ПАСТОРЪ. Хорошо, хорошо. Я пойду и выполню долгъ. Я съ ними серьезно поговорю.

ІОГАННЪ. Нѣтъ, господинъ пасторъ, не дѣлайте этого. Все равно ничего не выйдетъ.

ПАСТОРЪ. Еще вотъ что, господинъ Дрейсигеръ: прошу васъ, поставьте людей за дверью, и когда я выйду, пусть сейчасъ запрутъ за мной дверь на ключъ.

ПАСТОРИША. Неужели ты дѣйствительно хочешь къ нимъ выйти?

ПАСТОРЪ. Непремѣнно. Я знаю, что дѣлаю. Не безпокойся,—Господь защититъ меня.

ПАСТОРИША (жметъ ему руку, утирая слезы).

ПАСТОРЪ (въ то время, какъ снизу непрерывно доносится гулъ взволнованной толпы). Я сдѣлаю видъ... я сдѣлаю видъ, что собираюсь спокойно идти домой. Неужели же мой духовный санъ... Неужели они не устыдятся... посмотримъ! (Беретъ шляпу и палку). Ну, да поможетъ мнѣ Богъ! (Уходитъ въ сопровожденіи Дрейсигера, ПФейфера и Іоганна).

ПАСТОРИША. Дорогая фрау Дрейсигеръ! (Обнимаетъ ее, рыдая). Только бы съ нимъ не случилось несчастія.

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЪ (растерянно). Сама не знаю... я голову потеряла. Мыслимое ли это дѣло? Вѣдь если такъ... то выходитъ, что богатство — преступленіе. Знай я это, я

бм, кажется, лучше осталась при моей прежней бѣдной жизни.

Пасторша. Во всякомъ положеніи бываетъ достаточно горя и непріятностей.

Фрау Дрейсигеръ. Я тоже такъ полагаю. А если даже мы немножко богаче другихъ, то вѣдь деньги у насъ не краденныя. Каждый грошъ честно заработанъ. Нельзя же за это нападать на людей! Чѣмъ виновать мой мужъ, что дѣла плохи, и онъ не можетъ много платить рабочимъ? (Снизу доносится ревъ толпы. Женщины, испуганныя и блѣдныя, глядятъ другъ на дружку; въ эту минуту вбѣгаетъ Дрейсигеръ).

Дрейсигеръ. Роза, накинь что-нибудь и садись скорѣе на коляску; я иду за тобой! (Бросается къ несгораемому шкапу, открываетъ его и вынимаетъ оттуда разные цѣнности).

Іоганнъ (выходя). Все готово. Скорѣй, пока никого нѣтъ у заднихъ воротъ.

Фрау Дрейсигеръ (въ паническомъ ужасѣ, обнимая Іоганна). Іоганнъ, Іоганецъ, дорогой Іоганнъ, спаси насъ, дорогой, спаси другихъ мальчиковъ!.. Боже мой! Боже мой!

Дрейсигеръ. Успокойся, оставь Іоганна.

Іоганнъ. Будьте спокойны, барыня. Наши рысакъ за себя постоятъ. Ихъ никто не обгонитъ. Кто имъ поперекъ дороги станетъ—перейдемъ. (Уходить).

Пасторша (въ безпомощномъ ужасѣ). Но гдѣ мой мужъ... гдѣ мой мужъ? Фрау Дрейсигеръ, гдѣ мой мужъ?

Дрейсигеръ. Успокойтесь, онъ здоровъ... Не тревожьтесь, говорю вамъ, онъ здоровъ.

Пасторша. Съ нимъ случилась бѣда. Вы только не говорите. Скажите—молю васъ.

Дрейсигеръ. Даю вамъ слово, что они будутъ жалѣть. Я вѣдь знаю, чьи это штуки. Такой неслыханной наглости свѣтъ не видывалъ. Такъ обращаться со своимъ духовнымъ пастыремъ! Они бѣшеныя собаки — и съ ними поступать, какъ съ бѣшеными собаками. (Къ женѣ, которая стоитъ, какъ въ столбнякъ) Иди же, поторопись. (Слышны удары въ входную дверь). Развѣ ты не слышишь? каналы ошатѣли. (Слышнень трескъ разбитыхъ оконъ въ нижнемъ этажѣ). Они взбѣсились! Нечего дѣлать—нужно скорѣе спасаться.

(Слышны отдѣльные крики: «Пфейфера сюда!» «Пусть выйдетъ Пфейферъ!»)

Фрау Дрейсигеръ. Они требуютъ Пфейфера.

Пфейферъ (вбѣгая). Господинъ Дрейсигеръ, у заднихъ воротъ тоже ужъ толпа людей. Ворота подадутся черезъ

нѣсколько минутъ. Кузнецъ Виттигъ колотить въ нихъ ведромъ, какъ бѣшеный.

(Снизу все явственнѣе доносится: «Пусть выйдетъ приемщикъ Шфейфери!—Шфейфера сюда!»).

ФРАУ ДРЕЙСИГЕРЪ (убѣгаетъ, за ней пасторша).

ПШЕЙФЕРЪ (прислушивается, мѣняется въ лицѣ, понимаетъ, что зовутъ его, и въ безумномъ ужасѣ плачетъ, стонетъ, приставая къ Дрейсигеру съ дѣтскими мольбами, гладить его по щекамъ, цѣлуетъ руки, хватается за него, какъ утопающій, не выпуская его изъ своихъ объятій). Милый, дорогой, безцѣнный господинъ Дрейсигеръ, не оставляйте меня здѣсь! Я вамъ всегда вѣрно служилъ, я всегда хорошо относился къ рабочимъ. Больше платить имъ я вѣдь не могъ. Если вы меня тутъ оставите, они меня убьютъ. Ахъ, Господи помилуй! Моя жена, мои дѣти...

ДРЕЙСИГЕРЪ (уходить, тщетно пытаясь отдѣлаться отъ Шфейфера). Да оставьте вы меня. Все это уладится—какъ-нибудь уладится. (Уходить съ Шфейферомъ).

Нѣсколько секундъ комната остается пустой. Въ гостиной дребезжать стекла. Слышится страшный трескъ, затѣмъ громовое «ура», затѣмъ все стихаетъ. Проходитъ нѣсколько секундъ, потомъ слышны осторожные шаги, поднимающіеся въ первый этажъ; при этомъ раздаются робкія восклицанія: «вѣтѣ», «наверхъ», «осторожнѣй, осторожнѣй», «да не толкайся», «ага, вотъ-те и на!» «долой цѣпи», «идемъ плясать», «да иди же, ты», «ну, иди же».

Появляются въ сѣняхъ молодые ткачи и дѣвушки; они не рѣшаются войти и толкаютъ другъ дружку. Черезъ нѣсколько секундъ робость проходитъ, и худыя, болѣзненные, одѣтыя въ лохмотья фигуры наполняютъ кабинетъ Дрейсигера и гостиную, сначала озирались съ любопытствомъ и ощущивая предметы. Дѣвушки садятся на диваны; образуются группы, разглядывающія себя въ зеркало. Нѣкоторые появляются на стулья, чтобы разглядѣть картины и снять ихъ; тѣмъ временемъ входятъ еще жалкіе съ виду рабочіе и работники.

Первый старый ткачъ (входя). Оставьте вы меня. Внизу ужъ начали громить. Сумасшедшіе! Къ чему это привести? Намъ же хуже будетъ. Лучше подальше отъ всего этого, пока голова крупомъ не пошла. Я въ такомъ безчинствѣ участвовать не буду.

Егеръ, Бекеръ и Виттигъ (съ деревяннымъ ведромъ).

Старикъ Баумертъ и нѣсколько молодыхъ и старыхъ ткачей вбѣгаютъ, какъ на охотѣ, другъ за другомъ и кричатъ напереерывъ охрипшими голосами.

Егеръ. Гдѣ онъ?

Бекеръ. Гдѣ живодеръ?

Старикъ Баумертъ. Насъ посылаешь траву їсть, такъ тебѣ теперь земли въ ротъ напихаютъ.

Виттигъ. Какъ понимаемъ его, такъ сейчасъ и издержимъ.

Первый старый ткачъ. Возьмемъ за ногу и выбросимъ въ окно, на камни—чтобъ онъ ужъ не поднялся.

Второй молодой ткачъ (входя). Удралъ.

Всѣ. Кто?

Второй молодой ткачъ. Дрейсигеръ.

Бекеръ. А Пфейфера гдѣ?

Голоса. Ищите Пфейфера, ищите Пфейфера.

Старикъ Баумертъ. Ищите Пфейфера—пусть придетъ морить голодомъ ткачей! (Смѣхъ).

Егеръ. Ну что-жъ—самъ онъ удрать, такъ мы его по міру пустимъ.

Старикъ Баумертъ. Онъ бѣднѣ церковной крысы будетъ. (Всѣ бросаются въ комнаты съ намѣреніемъ разносить мебель).

Бекеръ (побѣжавшій впередъ, поворачивается и останавливается отъ другихъ). Стойте, послушайте меня. Сначала здѣсь покочимъ, а потомъ дальше. Двинемъ въ Билау, къ Дитриху. Онъ завелъ механическіе станки. Все наше горе отъ проклятыхъ фабрикъ.

Старикъ Анзорге (входитъ изъ сѣней; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ останавливается, съ недоумѣніемъ оглядывается, качаетъ головой, ударяетъ себя по лбу и говорить). Кто я такой? Ткачъ Антонъ Анзорге. Что это, ты съ ума сошелъ, Анзорге? Батюшки, какъ голова кружится! Какъ ты сюда попалъ? Веселиться задумалъ съ другими? (Опять ударяетъ себя по лбу). Я съ ума спятилъ. Я теперь ни за что не ругаюсь. Уходите скорѣе, уходите, бунтари. Долой руки, долой ноги, долой голову! Ты у меня мой домикъ забралъ, такъ и я заберу. Впередъ! (Съ вошемъ бросается въ гостиную. Остальные сажаютъ за нимъ съ крикомъ и смѣхомъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БЕКЕРЪ.
МОРНИЦЪ ЕГЕРЪ.
СТАРИКЪ БАУМЕРТЪ.
ВИТТИГЪ.
ГОРНИГЪ.
СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ, ткачъ.
Его жена.
ГОТЛИБЪ, ихъ сынъ.
ЛУИЗА, его жена.
МИЛЬХЕНЪ, ихъ дочь.
ШМИДТЪ, хирургъ.
МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ ТКАЧИ И ТКАЧКИ.

Дангенбилау. Ткацкая старша Гильзе. Слѣва маленькое окно, передъ нимъ ткацкій станокъ, справа кровать; изъ ней придвинутъ столъ, въ углу налѣво печка съ лежанкой. Сидя у стола, на краю кровати, и на деревянномъ табуретѣ, старикъ Гильзе, его старая, слѣпая и почти глухая жена, его сынъ Готлибъ и жена послѣдняго, Луиза, читаютъ утреннюю молитву. Мотальное колесо съ клубкомъ нитокъ стоитъ между столомъ и станкомъ. На закоптыхъ балкахъ поодка старыя ткацкія принадлежности. Длинные пряди нитокъ свѣшиваются внизъ. Въ комнатѣ валется разный хламъ. Узкая, низкая комната выходитъ дверью въ сѣни. Противъ этихъ дверей открывается въ сѣняхъ другая дверь, во вторую такую же ткацкую. Сѣни вымощены камнями, и оттуда ведетъ полуразрушенная деревянная лѣстница въ мансарду. Изъ сѣней видна кадка, стоящая на табуреткѣ; нищенское бѣлье, домашнія утварь бѣдныхъ людей. Свѣтъ падаетъ слѣва.

СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ (бородатый, коренастый человѣкъ, подавшійся, согбенный отъ старости, работы, болѣзни и заботъ. Однорукій инвалидъ. У него землястый цвѣтъ лица, острый носъ; онъ весь дрожитъ, худъ, какъ скелетъ, съ глубоко лежащими, характерными для ткачей, болѣзненными съ виду глазами. Поднявшійся выѣстъ съ сыномъ и невѣсткой, читаетъ молитву). Благодаримъ Тебя, Создатель, за то, что и въ эту ночь Ты, въ Твоей великой благодати... смилостивился надъ нами, за то, что и въ эту ночь никакого худа съ нами не произошло. Велика милость Твоя, и мы, бѣдные, грѣшные люди, недостойны, чтобы нога Твоя придавила насъ—такіе мы грѣшные и злые. Но Ты, Отецъ Небесный, взгляни на насъ милостиво и защити насъ ради Своего дорогого Сына, нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. Кровь Спасителя и справедливость—мой нарядъ и убранство. А если мы иногда и ропшемъ, когда Ты насъ караешь,—когда огонь очищенія слишкомъ жжетъ насъ,—то прости наше прегрѣшеніе. Даруй намъ терпѣніе, Отецъ

Небесный, чтобы мы послѣ страданій на землѣ приобщились вѣчнаго блаженства въ лонѣ Твоемъ! Аминь.

Старуха Гильзе (которая, вытянувъ впередъ голову, слухала съ напряженіемъ, говорить плача). Ахъ, старикъ, очень ужъ ты складно молишься!

Луиза (идетъ къ кадкѣ, Готлибъ въ ткацкую, напротивъ).

Старикъ Гильзе. Гдѣ же дѣвчонка?

Луиза. Пошла въ Петерсвальдау -къ Дрейсигеру. Она вчера вечеромъ намотала опять нѣсколько клубковъ.

Старикъ Гильзе (очень громко). Я тебѣ пододвину теперь колесо, старуха.

Старуха Гильзе. Ну, хорошо, хорошо.

Старикъ Гильзе (ставить передъ ней колесо). Я бы радъ за тебя поработать...

Старуха Гильзе. Нѣтъ... нѣтъ... Да и куда мнѣ дѣвать время?

Старикъ Гильзе. Подожди, я вытру тебѣ пальцы, чтобы нитки не лоснились отъ жира, слышишь? (Вытираетъ ей руки тряпкой).

Луиза (у кадки). Да развѣ мы ѣли жирное? Откуда бы у насъ былъ жиръ?

Старикъ Гильзе. Нѣтъ жира, такъ будемъ ѣсть сухой хлѣбъ,—нѣтъ хлѣба, будемъ ѣсть картофель, а не будетъ картофеля, сухой мякиной пробьемся.

Луиза (дерзко). А ржаной муки не будетъ, такъ мы, какъ вотъ Венглеры внизу, посмотримъ, куда живодеръ дохлую лошадь закопалъ, откапаемъ ее и проживемъ нѣсколько недѣль падаляю,—такъ, что ли?

Готлибъ (изъ своей ткацкой). Чтѣ ты тамъ болтаешь?

Старикъ Гильзе. Берегись, не говори безбожныхъ рѣчей. (Подходя къ станку, кричитъ) Помоги мнѣ, пожалуйста, Готлибъ,—нужно здѣсь продѣть нѣсколько нитокъ.

Луиза (стоя у кадки). Готлибъ, иди помочь отцу! (Готлибъ приходитъ).

(Старикъ и сынъ начинаютъ трудную работу устанавливанія берда. Нити основы протягиваются черезъ отверстіе берда и укрѣпляются на станкѣ. Когда они только-что берутся за работу, въ сѣняхъ появляется Горнигъ).

Горнигъ (у порога). Богъ въ помощь!

Старикъ Гильзе и его сынъ. Спасибо, Горнигъ.

Старикъ Гильзе. Скажи на милость, когда ты, собственно, сишишь? Днемъ ходишь торговать, по ночамъ караулишь.

Горнигъ. Да я ужъ всякій сонъ потерялъ.

Луиза. Здравствуй, Горнигъ.

Старикъ Гильзе. Чтò слышно хорошаго?

Горнигъ. Дѣла на свѣтѣ дѣются, скажу я вамъ,—пертерсвальдцы набрались духу и прогнали фабриканта Дрейсигера изъ его берлоги вмѣстѣ со всей семьей.

Луиза (слегка волнуясь). Опять врешь, Горнигъ!

Горнигъ. Нѣтъ, молодуха, теперь не вру... У меня въ телѣжкѣ переднички дѣтскіе есть, красивые. Вѣрьте мнѣ—чистую правду говорю. Прогнали его. Вчера вечеромъ они въ Рейхенбахъ пріѣхали,—такъ его тамъ не хотѣли оставить,—ткачей боялись. Пришлось ему сейчасъ же дальше, въ Швейденицъ поѣхать.

Старикъ Гильзе (осторожно беретъ нити основы и приближаетъ ихъ къ гребню, а съ другой стороны отверстія схватываетъ ихъ крючкомъ и укрѣпляетъ такимъ образомъ нити). Полно вздоръ молоть, Горнигъ.

Горнигъ. Да провались я на мѣстѣ, если лгу. Теперь объ этомъ ужъ всякій ребенокъ разскажетъ.

Старикъ Гильзе. Скажи, ради Бога, кто изъ насъ рехнулся, я или ты?

Горнигъ. Я тебѣ разсказалъ чистую правду. Я бы вѣдь не говорилъ, если бы самъ при этомъ не стоялъ и своими глазами не видалъ всего. Собственными глазами, говорю тебѣ, вотъ какъ тебя, Готлибъ, вижу теперь. Весь домъ фабриканта разгромили, отъ погреба до самой крыши. И на чердакѣ изъ оконъ фарфоровую посуду бросали. Сколько кусковъ бумажен въ ручей брошено! Совѣмъ запрудили воду—изъ береговъ теперь выступаетъ. Я самъ видѣлъ, что вода совѣмъ посинѣла отъ кубовой краски, которую они изъ оконъ бросали. Пыль синими клубами поднималась. Страхъ, какъ они тамъ разбойничали! И не только въ домѣ, а и въ красильнѣ, въ кладовыхъ... Разбили перила, полы снимали, зеркала били. Диванъ, кресла—все разломано, разбито. Хуже, чѣмъ на войнѣ.

Старикъ Гильзе. И ты говоришь, что все это сдѣлали здѣшніе ткачи? (Медленно и недовѣрчиво качаетъ головой. У дверей собралась кучка любопытствующихъ жильцовъ).

Горнигъ. Конечно, они—а то кто же? Я всѣхъ по имени могъ бы назвать. Когда пріѣхалъ ландратъ, я его водилъ по всему дому. Они говорили мирно, какъ всегда, и спокойно дѣлали свое дѣло. Ландратъ со многими говорилъ. Они вѣжливо отвѣчали, но уговорить ихъ онъ не могъ. Всю дорогую мебель расколотили—перерубили, какъ за плату.

Старикъ Гильзе. Такъ ты ландрата по дому водилъ?

Горнигъ. А что-жъ ты думаешь, я испугаюсь? Меня вѣдь здѣсь всѣ знаютъ, и со всѣми я лажу, ни съ кѣмъ не ссорюсь. Я и повелѣ ландрата,—вѣрно вамъ говорю. Тяжело было глядѣть—и ландрату, я самъ видѣлъ, было не по себѣ. Вѣдь они всѣ молча работали—ни слова не было слышно. Даже страшно становилось смотрѣть, какъ голодные задумали метить.

Луиза (дрожа отъ волненія и вытирая глаза платкомъ). Наконецъ-то! Давно пора.

Голоса жильцовъ. Тутъ тоже живодеровъ немало. Вотъ тамъ, напротивъ, какъ разъ живетъ одинъ. У него четыре лошади и шесть каретъ въ конюшнѣ, а ткачи голодаютъ.

Старикъ Гильзе (все еще недоувѣрчиво). Что же изъ всего этого выйдетъ?

Горнигъ. Какъ знать? Какъ знать? Одни такъ говорятъ, другіе этакъ.

Старикъ Гильзе. Что же говорятъ?

Горнигъ. Говорятъ, что Дрейсигеръ будто бы сказалъ: пусть ткачи траву бѣдятъ, если голодны. Больше я ничего не знаю.

(Движеніе между жильцами, которые съ возмущеніемъ передаютъ другъ другу слова Горнига).

Старикъ Гильзе. Послушай, Горнигъ, ты можешь мнѣ сказать: Гильзе, ты завтра умрешь. Я скажу тебѣ: это возможно,—вѣдь могъ же бы я умереть? Ты можешь мнѣ сказать: Гильзе, къ тебѣ завтра придетъ прусскій король... Но чтобы ткачи—такіе, какъ я и мой сынъ—бунтовать задумали! Нѣтъ, этому я не повѣрю.

Милъхенъ (семилѣтняя хорошенькая дѣвочка съ длинными распущенными волосами, съ корзинкой въ рукѣ, вбѣгаетъ въ комнату и даетъ матери серебряную ложку). Глянь-ка, мама, что у меня! Купи мнѣ за это платище.

Луиза. Откуда ты? (Съ возрастающимъ волненіемъ) Что это ты притащила? Да ты совсѣмъ запыхалась. И нитки еще въ корзинкѣ, ты не отнесла ихъ? Что это значитъ?

Старикъ Гильзе. Откуда у тебя ложка?

Луиза. Можешь, она ее нашла.

Горнигъ. Ложкѣ цѣна добрыхъ два-три талера.

Старикъ Гильзе (внѣ себя). Вонъ, дѣвчонка, волъ! Сейчасъ убирайся. Уходи—не то я палку возьму. Сейчасъ же отнеси ложку, откуда взяла. Мы изъ-за тебя еще всѣ ворами прославимъ! Я тебя проучу! (Ищетъ чего-нибудь, чѣмъ побить ее).

Мильхенъ (прижимаясь къ матери, плачетъ). Дѣдушка, не бей меня,—вѣдь я нашла. Другія дѣти—тоже нашли.

Луиза (сдва говоря отъ страха и волненія). Ну вотъ, видишь,—она нашла. Гдѣ ты нашла ложку?

Мильхенъ (рыдая). Въ Петерсвальдау мы... на-ашли... передъ домою... Дрейсигера.

Старикъ Гильзе. Этого не доставало! Скорѣй иди, говорю тебѣ. Неси обратно!

Старуха Гильзе. Чтѣ тутъ такое?

Горнигъ. Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу. Пусть лучше Готлибъ надѣнетъ сюртукъ, возьметъ ложку и снесетъ въ полицію.

Старикъ Гильзе. Готлибъ, надѣвай сюртукъ.

Готлибъ (надѣвая сюртукъ, возбужденно). Я пойду въ канцелярію и скажу: не вините меня,—ребенокъ вѣдь ничего не понимаетъ. И отдамъ ложку. Перестань же плакать, Мильхенъ.

(Мать уводитъ плачущаго ребенка въ заднюю комнату, закрываетъ за нею дверь и возвращается).

Горнигъ. Талера три ложка стѣитъ.

Готлибъ. Дай мнѣ платочекъ, Луиза, завернуть. Ахъ, ахъ, какая дорогая штука! (Заворачиваетъ ложку со слезами на глазахъ).

Луиза. Если бы ложка была наша, мы бы много недѣлъ на нее прожить могли.

Старикъ Гильзе. Ну, ну, шевелись. Отиравляйся скорѣе. Этого еще мнѣ не доставало. Поскорѣе бы сбить чертовскую ложку! (Готлибъ уходитъ съ ложкой).

Горнигъ. И я ужъ соберусь. (Выходитъ изъ тканкой, въ сѣняхъ еще говоритъ кзе-съ-къмъ, потомъ уходитъ).

Хирургъ Шмидтъ (живой кругленькій человѣчекъ, съ багровымъ лукавымъ лицомъ, входя въ сѣни). Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ утромъ! Ну и дѣла, скажу я вамъ. Подождите, подождите! (Грозя пальцемъ) У васъ тутъ гоже рыльце въ пушку. (Кричитъ въ дверь, не входя) Съ добрымъ утромъ, старикъ Гильзе! (Одной женщиной въ сѣняхъ) Ну-ка, мать моя, чтѣ ломота, лучше? Вотъ видишь, я такъ и зналъ. Отецъ Гильзе, дай-ка загляну, чтѣ у васъ слышно. Чтѣ съ твоей старухой?

Луиза. У нея, господинъ докторъ, глазныя жилы засохли,—она ничего и не видитъ.

Хирургъ Шмидтъ. Это отъ пыли и оттого, что много ткала при свѣтѣ. Скажите, какъ вамъ это все кажется? Весь Петерсвальдау сюда идетъ. Я сегодня утромъ сажусь въ коляску — ничего дурного у меня и въ мысляхъ не было.

Вдругъ слышу про такіе ужасы! Что это, чортъ возьми, со всѣми ими приключилось? Взбѣсились, какъ стая волковъ. Бунтуютъ, громятъ, грабятъ... Мильхентъ, гдѣ Мильхентъ? (Мильхентъ входитъ въ комнату, ведетъ за руку мать; у ней еще красные отъ слезъ глаза). Суки-ка руку мнѣ въ карманъ, Мильхентъ. (Мильхентъ это дѣлаетъ). Пряники для тебя. Ну, ну, не всѣ заразы! Ишь ты, какая шустрая! Раньше еще спой: «Лисичка курочку стащила!..» А знаешь, что ты надѣлала: ты обругала воробьевъ, сидѣвшихъ на пасторскомъ заборѣ, а они пожаловались органисту. Нѣтъ, вы подумайте! На большой дорогѣ толпа тысячи въ полторы. (Издали звонъ колоколовъ). Слышите? Въ Рейхенбахѣ въ набатъ бьютъ. Полторы тысячи. Свѣтопреставленіе, да и только!

Старикъ Гильзе. Неужели они сюда, въ Билау, идутъ?

Хирургъ Шмидтъ. Ну да, я вѣдь ихъ видѣлъ. Я посреди толпы проѣхалъ въ коляскѣ. Такой у нихъ видъ былъ, что мнѣ хотѣлось выйти изъ коляски и дать каждому по порожку. Плетутся несчастные другъ за дружкой и такъ поютъ, что душа переворачивается и въ горлѣ душище начинается. Мой Фридрихъ, сидя на козлахъ, какъ баба ревѣлъ. Намъ пришлось послѣ того по рюмочкѣ горькой пропустить, чтобъ придти въ себя. Не хотѣлъ бы я быть фабрикантомъ—хотя бы и могъ тогда ѣздить на резиновыхъ шинахъ. (Издали пѣніе). Слышите—точно костяжками бьютъ по старому, треснувшему чугунному котлу. Не пройдетъ и пяти минутъ, какъ они будутъ здѣсь. Прощайте, голубчики! Не дѣлайте глупостей. Слѣдомъ за ними сейчасъ солдаты придутъ. Держитесь—не поддавайтесь уговорамъ. Ткачи изъ Петерсвальдау совсѣмъ опалѣли. (Звонъ колоколовъ по близости). Господи помилуй, и наши колокола звонятъ—вѣрно, ужъ люди совсѣмъ съ ума сошли. (Уходитъ въ верхній этажъ).

Готлибъ (возвращается; говорить въ сѣняхъ, задыхаясь). Я ихъ видѣлъ, я ихъ видѣлъ! (Одной женщиной въ сѣняхъ) Они пришли, они пришли! (Въ дверяхъ) Они здѣсь, отецъ. У нихъ колья и кирки. Они уже у верхняго Дитриха и тамъ скандалятъ. Имъ, кажется, даютъ тамъ деньги. Господи Іисусе, что-то здѣсь будетъ? Я боюсь смотрѣть въ ихъ сторону. Людей тамъ тьма-тьмущая. Когда они всѣ кинутся, фабрикантамъ не сдобровать.

Старикъ Гильзе. Чего ты такъ бѣжалъ? Теперь опять такъ запыхался, что старая твоя болѣзнь можетъ вернуться: будешь лежать на спинѣ и биться руками и ногами.

Готлибъ (возбужденно). Я долженъ былъ бѣжать, а то бы они меня задержали... Они ужъ ревѣли—требовали, чтобъ и я къ нимъ присталъ. Крестный Баумертъ тоже съ ними. Онъ сказалъ: вѣдь и тебѣ лишній грошъ кстати. Голодаете, небось. Скажи отцу, сказалъ онъ, чтобъ вы тоже вышли и помогли расквитаться съ фабрикантомъ за его живодерство. (Возбужденно) Теперь другія времена пришли, сказалъ онъ,—теперь ткачи по-иному заживутъ,—только нужно, чтобы мы всѣ пришли и помогли добиться своего. Теперь у всѣхъ насъ будетъ по полуфунгу мяса по воскресеньямъ, а въ праздники колбаса съ кашустой. Все теперь пойдетъ по-иному, говорилъ онъ.

Старикъ Гилъзе (сдвѣ сдерживая возмущеніе). И это крестный отецъ говорить? Онъ тебя звалъ на такое нечестивое дѣло? Неприставай къ нимъ, Готлибъ, ихъ всѣхъ чортъ попутать. Дьявольское дѣло они затѣваютъ.

Луиза (охваченная волненіемъ, рѣзко). Да, да, Готлибъ, затѣвай лучше на печь, возьми ложку въ руки, поставь миску сыворотки на колѣни, надѣнь стуртукъ и читай молитвы—вотъ тогда отецъ тобой доволенъ будетъ! Хорошъ мужчина! (Смѣхъ сосѣдей въ сѣняхъ).

Старикъ Гилъзе (дрожа отъ бѣшенства). А ты славная жена, скажу я тебѣ. Сама мать, а языкомъ мелешь такъ, что прости Господи. Чему ты свою дѣвочку научишь, когда мужа подбиваешь на преступныя и гнусныя дѣла?

Луиза (потерявъ самообладаніе). Вашими смиренными рѣчами... дѣтей не накормишь. Вы молились, — а дѣти, всѣ четверо, въ грязи и лохмотьяхъ лежали. Ни одна неленка не высохла отъ вашихъ причитаній. Да, я мать—знаю это. И поэтому-то я и готова послать фабрикантовъ въ преисподнюю, чуму на нихъ накликать! Я мать,—а каково мнѣ было дѣтей вынянчить? Я больше плакала, чѣмъ дышала, съ той самой минуты, когда червячокъ такой на свѣтъ родился и пока Господь не прибиралъ его по Своей милости. Вамъ-то до этого дѣла не было. Вы молились да пѣли, а я себѣ до крови ноги исходила, чтобъ раздобыть хоть горшочекъ сыворотки. По сту ночей я не спала и все приду-мывала, какъ бы хоть одного ребеночка на кладбище не снести! Чѣмъ такое дитя согрѣшило, что ему сейчасъ умирать приходится? А у Дитриха—тамъ дѣтей въ винѣ купаютъ и молокомъ моютъ. Нѣтъ ужъ, говорю тебѣ, если здѣсь что начнется,—десятью лошадьми меня не удержите. И если они къ Дитриху ломиться будутъ,—я пойду впе-

реди всѣхъ. Не одобровать тому, кто меня будетъ удерживать.

Старикъ Гильзе. Ты совсѣмъ погибла,—тебя ужъ не спасти!

Луиза (въ бѣшенствѣ). Васъ не спасти, а не меня! Тряпки вы, а не мужчины. Труссы, дѣтскихъ трещогокъ бонтесы! Васъ отколотить, такъ вы еще спасибо скажете. У васъ всю кровь изъ жилъ выпустили,—вы и покраснѣть-то въ лицѣ не можете. Взять бы нагайку да избить ваши гнилыя кости. (Быстро уходитъ).

(Невозможное молчаніе).

Старуха Гильзе. Чтò это съ Луизой, старикъ?

Старикъ Гильзе. Ничего.

Старуха Гильзе. Скажи, старикъ, мнѣ это только кажется, или правда, что колокола звонятъ?

Старикъ Гильзе. Вѣрно, кого-нибудь хоронятъ.

Старуха Гильзе. А мнѣ все конецъ не приходитъ. Когда ужъ я умру? (Пауза).

Старикъ Гильзе (оставляя работу, поднимается съ торжественнымъ видомъ). Послушай, Готлибъ, твоя жена наняъ Богъ вѣсть чего наговорила. Вотъ посмотри сюда. (Обнажаетъ грудь) Здѣсь торчала штучка величиной въ наперстокъ. А гдѣ я руку оставилъ, объ этомъ знаетъ король. Не мыши мнѣ ее отбѣли! (Ходитъ по комнатѣ). Твоя жена — ея еще на свѣтѣ не было, какъ я уже кровь свою проливалъ за отечество. Поэтому пусть болтаетъ, чтò хочетъ, мнѣ все равно. Бояться? Да чего мнѣ бояться? Солдатъ, что ли, которые придутъ вслѣдъ за бунтовщиками? Нѣтъ, я ихъ не боюсь. У меня хоть спина и болитъ, но кости еще крѣпкія. Съ солдатами-то я справлюсь. А если бы даже чтò и случилось—я радъ зашабашить. Умирать такъ умирать—лучше сегодня, чѣмъ завтра. Чего нашему брату жалѣть? Не плакать же о пыткѣ, въ которой живешь. Горсточку тревоги и горя, чтò жизнью зовется, если и потерять, то не бѣда. Но если проворонить то, чтò будетъ потомъ, ужъ тогда всему конецъ.

Готлибъ. Какъ знать, чтò будетъ послѣ смерти? Вѣдь этого никто не видѣлъ.

Старикъ Гильзе. Говорю тебѣ, Готлибъ, не сомнѣвайся въ томъ одномъ, чтò остается человѣку. Зачѣмъ же я сидѣлъ за станкомъ болѣе сорока лѣтъ? Почему спокойно смотрѣлъ, какъ вотъ тамъ фабрикантъ живетъ въ сытости и радости и золото куетъ изъ нашего голода и горя? Чтò мнѣ

силу давало? Надежда. У меня была поддержка въ горѣ. (Глядя въ окно). Ты свое взять на землѣ,—а мнѣ будетъ воздано на томъ свѣтѣ. Вотъ какъ я думалъ. И за эту вѣру я четвертовать себя дамъ—до того я увѣренъ. Такъ намъ заповѣдано. Будетъ судъ, но не мы судьи. Азъ воздамъ, сказалъ Господь.

Голосъ (въ окно). Ткачи, выходите!

Старикъ Гилъзе. По мнѣ, дѣлайте, что хотите. (Садится за станокъ). А я буду работать.

Готлибъ (послѣ короткой борьбы). Я пойду и буду работать. Будь, что будетъ. (Уходитъ; доносится пѣсня ткачей, которую поютъ много голосовъ совсѣмъ близко; она звучитъ, какъ глухой однообразный стонъ).

Голоса жильцовъ (въ сѣняхъ). О, Господи Иисусе, они какъ муравьи со всѣхъ сторонъ ползутъ... Откуда это взялось столько ткачей?.. Не толкайся, я тоже хочу видѣть... Ахъ! Ахъ! они цѣлой тучей идутъ.

Горнигъ (появляется среди другихъ въ сѣняхъ). Ну и представление, скажу я вамъ, не каждый день это увидишь. Сходите-ка къ верхнему Дитриху. Тамъ опять такого надѣлали, что просто любо-дорого. Ни дома, ни фабрики, ни погреба, ничего не осталось. Вино все повылакали прямо изъ бутылокъ... Даже не раскупоривали; прямо отобьютъ горлышко да и льютъ въ горло, не глядя на то, что порѣзаться могутъ. Сколько ихъ ходитъ, обливаясь кровью, какъ свиньи. Теперь они къ здѣшнему Дитриху идутъ. (Массовое пѣніе замолкло).

Голоса жильцовъ. А они совсѣмъ не злые на видъ.

Горнигъ. Подождите, что еще будетъ. Они теперь со всѣхъ сторонъ замокъ облѣпили. Вотъ видите маленькаго толстаго человѣчка съ ведромъ въ рукахъ? Это кузнецъ изъ Петерсвальдау... страхъ, какой силачъ! Онъ съ самыми горячими лошадыи умѣетъ справляться. Когда онъ схватитъ кого-нибудь изъ фабрикантовъ—не одобровать.

Голоса жильцовъ. Ишь ты, какъ свистнуло!.. Вотъ камень въ окно влетѣлъ... Вотъ-то, вѣрно, перепугался старикъ Дитрихъ... У него что-то вывѣшиваются... доску... что на ней написано?.. Ты читать умѣешь?.. На что бы я былъ годенъ, если бы читать не умѣлъ... Ну такъ прочти... Вы всѣ... будете... удовлетворены.

Горнигъ. Напрасно онъ это сдѣлалъ. Все равно не поможетъ. Они теперь рѣшили разнести фабрику. Хотятъ истребить механическіе станки. Вѣдь они ручной ткацкій промыселъ погубили: это и слѣпой пойметъ. Сегодня ткачей

не усмирить,—разошлись больно. Ни ландратъ ни полиція не образумить ихъ,—а тѣмъ болѣе доска съ надписью. Кто видѣлъ, какъ они хозяйничали, знаетъ, что это не шутки.

Голоса жильцовъ. Глядите, глядите, сколько народу!.. Что имъ нужно? (Торопливо) Они черезъ мостъ перешли. (Со страхомъ) Вѣрно, съ другой стороны обойти хотятъ. (Съ удивленіемъ и страхомъ) Они къ намъ идутъ, къ намъ идутъ... Они пришли звать ткачей.

(Всѣ убѣгаютъ, сѣни остаются пустыми. Толпа бунтовщиковъ, грязныхъ, запыленныхъ, съ раскраснѣвшимися отъ водки и напряжения лицами, одичалыхъ, оборванныхъ, врывается въ сѣни съ крикомъ: «Ткачи, выходите!» и разсыпается по отдѣльнымъ ткацкимъ. Въ комнату старика Гильзе входятъ Бекоръ и нѣсколько молодыхъ ткачей, вооруженныхъ кольями и кнутами. Узнавъ старика Гильзе, они останавливаются, нѣсколько одумавшись).

БЕКЕРЪ. Отецъ Гильзе, бросьте работу. Пусть работаетъ кому охота,—вамъ уже пора отдохнуть. Объ васъ мы позаботимся.

Первый молодой ткачъ. Вы никогда не пойдете спать безъ ужина.

Второй молодой ткачъ. У ткачей опять будетъ крыша надъ головой и рубаха на тѣлѣ.

Старикъ Гильзе. Откуда васъ чортъ принесъ съ кольями и топорами?

БЕКЕРЪ. Ихъ мы обломаемъ о Дитрихову спину.

Второй молодой ткачъ. Мы ихъ запихаемъ фабрикантамъ въ горло, чтобъ и они знали, какъ отъ голода жечь.

Третій молодой ткачъ. Идемте съ нами, отецъ Гильзе. Мы имъ спуска не дадимъ.

Второй молодой ткачъ. Насъ они тоже не жалѣли. Ни Богъ ни люди надъ нами не сжалились. Теперь мы сами постояимъ за себя.

Старикъ БАУМЕРТЪ (входитъ, уже нетвердо стоя на ногахъ; онъ держитъ подъ мышкой зарѣзанную курицу. Протягиваетъ руки впередъ). Бра-тецы! Мы всѣ братья! Дай обниму тебя, братъ! (Смѣхъ).

Старикъ Гильзе. На кого ты похожъ, Вильгельмъ?

Старикъ БАУМЕРТЪ. Это ты, Густавъ? Бѣдный голодный Густавъ, дай прижать тебя къ сердцу! (Растрогавшись).

Старикъ Гильзе (ворчитъ). Оставь меня въ покоѣ.

Старикъ БАУМЕРТЪ. Такъ-то, Густавъ, нужно уродиться счастливымъ. Погляди на меня, Густавъ. Развѣ я не похожъ на графа? (Похлопывая себя по животу) Угадай-ка, что у меня

въ животъ? Настоящая графская ѣда. Кто счастливымъ уродился, тому и шампанское, и жаркое, и зайца досталось. Вотъ что я вамъ скажу—мы сдѣлали ошибку: нужно прежде всего наѣсться.

Всѣ (наперерывъ). Наѣсться. Ура!

Старикъ Баумертъ. Какъ проглотишь вкусный кусокъ, со-всѣмъ мѣняешься. Чортъ возьми, я теперь силенъ, какъ быкъ. Претъ изъ меня сила такъ, что не знаешь, куда идти!

Егерь (изъ дверей, вооруженный старой кавалерійской саблей). Мы сдѣлали нѣсколько знатныхъ атакъ!

Бекеръ. Теперь мы уже знаемъ, какъ дѣйствовать. Разъ, два, три — и вошли въ домъ. А тамъ сразу заки-нается работа—все трещить и дрожить. Искры летятъ, какъ въ кузницѣ.

Первый молодой ткачъ. А не пустить ли намъ крас-наго пѣтуха?

Второй молодой ткачъ. Отсюда мы двинемся въ Рей-хенбахъ и зажжемъ дома богатей.

Егерь. Это ни къ чему. Они тогда страховку получаютъ и будутъ богаче прежняго. (Смѣхъ).

Бекеръ. Отсюда мы отправимся въ Фрейбергъ, къ Тромтра.

Егерь. Нужно бы приняться за чиновниковъ; говорятъ, вся бѣда отъ нихъ.

Второй молодой ткачъ. Скоро мы двинемъ въ Бре-славль. Намъ все больше и больше становится.

Старикъ Баумертъ (обращаясь къ Гильзе). Ну, выпей, Густавъ.

Старикъ Гильзе. Я водки не пью.

Старикъ Баумертъ. Это было въ старое время, — а теперь настало новое.

Первый молодой ткачъ. Не каждый день масленица бываетъ. (Смѣхъ).

Старикъ Гильзе (нетерпѣливо). Что вамъ здѣсь нужно отъ меня, черти?

Старикъ Баумертъ (немного смущенный). Я, видишь ли, хотѣлъ тебѣ курицу принести. Свари изъ нея супъ старухѣ.

Старикъ Гильзе (пораженный и смяченный). Поди, скажи ей самъ.

Старуха Гильзе (приставивъ руку къ уху, съ успіемъ слу-шаетъ и отмахивается руками). Оставьте меня въ покоѣ. Не хочу я куриного супа.

Старикъ Гильзе. Права ты, старуха. Я тоже не хочу.

А ужь такого супа навѣрное не хочу. А тебѣ, Баумертъ, тебѣ я вотъ что скажу: когда старики начинаютъ вздоръ болтать, какъ малыя дѣти, тогда чортъ отъ радости начинаетъ скакать. Знайте вы всѣ: я съ вами ничего общаго не имѣю. Не по моей волѣ вы здѣсь.

Голосъ. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

Егеръ (съ угрожающимъ жестомъ). Смотри, не влопайся. Мы не воры, старикъ.

Голосъ. Мы только голодны—больше ничего!

Первый молодой ткачъ. Мы жить хотимъ и больше ничего. Поэтому мы и перерѣзали веревку, на которой висѣли.

Егеръ. Наше дѣло правое. (Угрожая старику кулакомъ) Скажи еще слово, такъ я тебя кулакомъ какъ тресну!

Бекеръ. Оставьте въ покоѣ старика. Послунай, отецъ Гильзе, вотъ что мы полагаемъ: лучше умереть, чѣмъ вернуться къ прежней жизни.

Старикъ Гильзе. Я такую жизнь велъ вотъ уже больше шестидесяти лѣтъ.

Бекеръ. Это все было. А теперь все должно перемениться.

Старикъ Гильзе. Ничего не переменится.

Бекеръ. Что намъ добровольно не дадутъ, то мы насильно возьмемъ.

Старикъ Гильзе. Насильно? (Смѣется). Ну, такъ скоро вамъ конецъ придетъ. Они вамъ покажутъ, гдѣ сила живетъ. Погоди-ка, братецъ.

Егеръ. Это ты насчетъ солдатъ? Я тоже былъ солдатомъ. Съ двумя ротами мы справимся.

Старикъ Гильзе. На словахъ справитесь. И то вѣдь: двоихъ выгоните, ихъ десятеро замѣнятъ.

Голоса (въ окно). Войска идутъ, берегитесь!

(Всѣ сразу замолкаютъ. Слышится слабые звуки барабана и дудокъ. Среди тишины раздается робкій невольный возгласъ:) «Ай, батюшки. я удержу!» (Общій смѣхъ).

Бекеръ. Кто выдумалъ удирать? Кто это сказалъ?

Егеръ. Кто тутъ испугался горсти солдатъ? Я буду вами командовать. Я былъ въ строю и всѣ штуки знаю.

Старикъ Гильзе. А изъ чего вы стрѣлять станете? Изъ палокъ, что ли?

Первый молодой ткачъ. Брось старика — у него въ головѣ неладно.

Второй молодой ткачъ. Кажись, онъ вправду рехнулся.

Готлибъ (везамѣтно вошелъ среди бунтовщиковъ и хватаетъ сказавшаго эти слова). Какъ ты смѣешь обижать старика?

Первый молодой ткачъ. Оставь меня, я ничего обиднаго не сказалъ.

Старикъ Гильзе (успокаивая ихъ). Пусть болтаетъ, оставь его. Не поднимай на него руку, Готлибъ. Онъ скоро самъ пойметъ, кто изъ насъ сегодня рассудокъ потерялъ: онъ, или я.

Бекеръ. Ты съ нами, Готлибъ?

Старикъ Гильзе. Нѣтъ, ужъ съ вами онъ не поидетъ.

Луиза (входя въ сѣни, кричитъ въ комнату). Не теряйте времени на этихъ ханжей, идите. Идемъ на площади! Крестный Баумертъ, идите и вы скорѣе. Майоръ разговариваетъ съ нашими, сидя на лошади. Говорить, чтобъ разошлись. Если вы не поторопитесь, все будетъ потеряно.

Егеръ (уходя). Храбрый у тебя муженекъ!

Луиза. Какой тамъ мужъ? Нѣтъ у меня мужа!

Старикъ Виттигъ (съ ведромъ въ рукахъ, сходить съ верхняго этажа и останавливается на минуту въ сѣняхъ, прежде чѣмъ уйти). Впередъ, въ комъ есть капля совѣсти! (Убѣгаетъ впередъ, за нимъ идутъ съ криками «ура!» нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ Луиза и Егеръ).

Бекеръ. Будьте здоровы, отецъ Гильзе, мы въ другой разъ поговоримъ. (Собирается уйти).

Старикъ Гильзе. Ну, ужъ едва ли намъ приведется говорить. Пяти лѣтъ я не проживу, а раньше ты не выйдешь.

Бекеръ (останавливаясь въ изумленіи). Откуда, отецъ Гильзе?

Старикъ Гильзе. Изъ тюрьмы. А ты думалъ, откуда?

Бекеръ (расхохотавшись). Что-жъ, и то хорошо. Тамъ по крайней мѣрѣ хлѣба вдоволь, отецъ Гильзе. (Уходитъ).

Старый Баумертъ (сидитъ на табуреткѣ, тупо озираясь вокругъ; потомъ встаетъ). Ты правъ, Густавъ, я выпилъ лишнее. Но въ головѣ у меня ясно. Ты по-своему думаешь, а я—по-моему. Я говорю: Бекеръ вѣрно сказалъ,—пусть кончится дѣло хоть веревками и цѣпями,—и въ тюрьмѣ лучше, чѣмъ дома. Тамъ все есть, и не приходится голодать. Я хотѣлъ не приставать,—но нужно человѣку хоть разъ въ жизни свободно вздохнуть. (Медленно направляется къ двери). Прощай, Густавъ. Если что случится, помани меня въ молитвѣ. Слышишь? (Уходитъ).

(Никого изъ бунтовщиковъ нѣтъ на сценѣ. Сѣни опять наполняются постепенно любопытными жильцами. Старикъ Гильзе продолжаетъ ткать. Готлибъ взялъ топоръ, стоявшій за печкой, и безосознательно

пробуеть остріе. Оба, старикъ и Готлибъ, взвелеиваны. Изъ-за кулис шумъ большой толпы).

СТАРУХА ГИЛЬЗЕ. Скажи мнѣ, старикъ,—что такое случилось? Весь полъ дрожитъ. Что тутъ дѣлается?

СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ. Готлибъ!

ГОТЛИВЪ. Что тебѣ?

СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ. Брось топоръ.

ГОТЛИВЪ. Кто же расщепитъ дрова? (Ставитъ топоръ за печку).
(Пауза).

СТАРУХА ГИЛЬЗЕ. Слушайся отца, Готлибъ.

Голосъ (у окна). Сиди дома, муженекъ, мой тарелки да миски!

ГОТЛИВЪ (вскакиваетъ и бѣжитъ къ окну, поднимъ кулакъ). Не выводите меня изъ терпѣнія, негодная!

(Слышенъ залпъ).

СТАРУХА ГИЛЬЗЕ (испугавшись). Господи Иисусе, опять громъ!

СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ (невольно сложивъ руки). Милостивый Боже, защити бѣдныхъ ткачей, защити моихъ бѣдныхъ братьевъ! (Наступаетъ глубокая тишина).

СТАРИКЪ ГИЛЬЗЕ (потраченный, про себя). Теперь течетъ кровь...

ГОТЛИВЪ (когда раздается залпъ, онъ вскакиваетъ и схватываетъ топоръ, весь поблѣднѣвъ и внѣ себя отъ волненія). Что-жъ, и теперь, что ли, молчать?

МОЛОДАЯ ДѢЛУШКА (кричитъ изъ сѣней въ комнату). Отецъ Гильзе, отецъ Гильзе, стойди отъ окна! У насъ наверху пуля въ окно влетѣла. (Скрывается).

МИЛЬХЕНЪ (сѣлся, глядитъ въ окно). Дѣдушка, дѣдушка, солдаты изъ ружей выстрѣлили. Люди попадали. Одинъ все кружится, кружится, а другой бьется, какъ воробей, у котораго оторвали голову. Сколько крови, сколько крови! (Исчезаетъ).

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА. Нѣсколькихъ ткачей убили.

СТАРЫЙ ТКАЧЪ (въ сѣняхъ). Смотрите, они на солдатъ идутъ.

ВТОРОЙ ТКАЧЪ (выѣ себя). Взгляните-ка на женщинъ, взгляните на женщинъ! Онѣ плюютъ солдатамъ въ лицо.

ПЕРВАЯ ТКАЧИХА (кричитъ въ комнату). Готлибъ, посмотри-ка на твою жену. Она похрабрѣ тебя. Прыгаетъ подъ выстрѣлами, точно подъ музыку пляшетъ.

(Четверо человекъ вносятъ въ сѣни раненаго. Слышится отчетливый голосъ: «Это ткачъ изъ Ульбриха»).

Голосъ (раздается снова черезъ нѣсколько секундъ). Зашиба-
шить снѣ,—пуля въ ухо попала. (Слышатся шаги людей вверхъ
по деревянной лѣстницѣ. Громкіе возгласы: «ура, ура!»).

Голоса (въ сѣняхъ). Откуда у нихъ камни?.. Шоссе разо-
брали. Ну вотъ вамъ, солдаты!.. Дождь камней.

(За кулисами крикъ и ревъ приближается къ дверямъ дома. Слы-
шится испуганный крикъ. Дверь захлопывается).

Голоса (въ сѣняхъ). Они опять заряжаютъ, опять залпъ.—
Отецъ Гильзе, отойди отъ огня.

Готлибъ (схватываетъ топоръ). Чтò? Развѣ мы бѣшенныя
собаки? Ужъ не ѣсть ли намъ вмѣсто хлѣба пули? (Оста-
новившись на минуту съ топоромъ внизу, говорить) Чтòбы я ждалъ,
пока у меня застрѣлятъ жену? Не бываетъ этому! (Бросаясь
впередъ) Я покажу имъ! (Убѣгаетъ).

Старикъ Гильзе. Готлибъ, Готлибъ!

Старуха Гильзе. Гдѣ же Готлибъ?

Старикъ Гильзе. Къ чорту въ зубы пошелъ.

Голоса (изъ сѣней). Отойдите отъ окна, отецъ Гильзе.

Старикъ Гильзе. Я не отойду, хоть бы вы всѣ здѣсь
съ ума сошли. (Обращаясь къ женѣ, съ возрастающимъ экстазомъ)
Куда меня посадилъ мой Небесный Отецъ—вѣдь правда,
старуха?—тамъ я останусь. Я буду исполнять долгъ свой,
хотя бы все прахомъ пошло!

(Онъ начинаетъ ткать. Раздается залпъ. Пораженный на смерть,
старикъ Гильзе поднимается и падаетъ на станокъ. Въ то же время
раздаются усиленные крики «ура!». Люди, стоявшіе въ сѣняхъ, съ
криками «ура» тоже выбѣгаютъ изъ дому. Старуха нѣсколько разъ
спрашиваетъ: «Чтò съ тобой, старикъ? Чтò съ тобой?» Непрерывное
«ура» удаляется все дальше и дальше. Въ комнату вдругъ вбѣгаетъ
Мильхенъ).

Мильхенъ. Дѣдушка, дѣдушка, они выгоняютъ солдатъ
изъ деревни, они бросились къ Дитриху и тамъ громили,
какъ у Дрейсигера. Дѣдушка! (Дѣвочка пугается, кладетъ па-
лецъ въ ротъ и осторожно подступаетъ къ мертвому). Дѣдушка!

Старуха Гильзе. Ну, старикъ, скажи слово. Мнѣ
страшно...

(ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ).

БОБРОВАЯ ШУБА.

Комедія воровъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

Шестая по времени написанія пьеса Гауптмана «Бобровая шуба» (Der Biberpelz) увидѣла свѣтъ рампы на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 21 сентября 1893 г. и одновременно появилась въ печати.

Публика шла на пьесу съ совершенно опредѣленными предъявленіями къ автору «Ткачей». Въмѣсто ожидаемаго она увидѣла нѣчто совсѣмъ въ иномъ родѣ. Отличительная черта Гауптмана — почти каждый разъ онъ является передъ зрителемъ новымъ Гауптманомъ. Вышло такъ, что «Бобровая шуба» обманула ожиданія и не имѣла полного успѣха. Въ короткое время она исчезла съ репертуара.

Только черезъ пять лѣтъ пьесу возобновили въ новой постановкѣ. Гауптманъ былъ теперь уже авторомъ прогрессившаго повсюду «Потонушаго колокола». Можетъ-быть, это, — можетъ-быть, новый артистическій составъ сыграли свою роль, и пьеса имѣла выдающійся успѣхъ. И до сихъ поръ она не сходитъ съ репертуара нѣмецкихъ театровъ.

Любопытна судьба «Бобровой шубы» въ Вѣнѣ. Здѣсь она сразу имѣла колоссальный успѣхъ, поставившій Гауптмана въ ряды крупнейшихъ нѣмецкихъ драматурговъ. Это разногласіе оцѣнки Вѣны и Берлина, не разъ испытанное Гауптманомъ, невольно вызываетъ мысль о систематически наблюдаемой у насъ разности пріема сценическихъ произведеній Петербургомъ и Москвою.

«Бобровая шуба» стоитъ въ непосредственной логической связи съ позднѣйшею (1901 г.) пьесою Гауптмана: «Красный пѣтухъ». Художникъ иногда такъ свыкается съ своими образами, что его невольно влечетъ къ нимъ много позднѣе. Мировая литература знаетъ этому десятки примѣровъ. Такъ случилось съ Гауптманомъ. Живой типъ бездарнаго, но надутаго начальника волости Вергана и удивительно очерченный образъ главной героини комедіи, воровки шубы, Вольфики, который кимъ въ памяти писателя реальный первообразъ въ одной изъ сибирскихъ сосѣдокъ Гауптмана, — стали настолько близки воображенію драматурга, что онъ вернулся къ нимъ черезъ восемь лѣтъ снова.

Въ «Ткачахъ» Гауптманъ схватилъ трагическую сторону простонародной жизни. Въ «Бобровой шубѣ» — онъ подошелъ съ юмористической стороны къ той же жизни — къ простодушному плутовству простолюдины и къ недѣлюстамъ полицейскихъ опекуновъ вѣмецкой деревни, плутующихъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ и съ чиновнымъ мундиромъ на плечахъ. Какъ нельзя болѣе остроумной, полной извѣстнаго сарказма, была основная мысль Гауптмана скрестить то и

другое на фонѣ бытового анекдота, гдѣ достовѣрный свидѣтель поставленъ въ положеніе вора, а воръ—въ положеніе свидѣтеля.

Но какъ въ области чисто-драматическаго чувства Гауптманъ болѣе лпрякъ, чѣмъ трагикъ, такъ здѣсь онъ оказался гораздо болѣе юмористомъ, чѣмъ сатирикѣмъ. Историю кражи плутоватой Вольфики, розысковъ вора, полицейскихъ безтактиностей ограниченного судьи Вергана, ушедшаго съ головой въ дѣло понижи мнимаго позитивскаго преступника и только путающаго дѣло о кражѣ шубы, — Гауптманъ передаетъ мягкими, тонкими штрихами, съ невозмутимымъ благодушіемъ. У него нѣтъ гнѣва или ненависти ни противъ Вольфики, которая воруетъ такъ же просто и, можно бы сказать, органически, какъ ѣсть и пить, ни противъ чиновнаго тупицы, каждаго своимъ шагомъ дѣлающаго слѣдовательскій промахъ и усѣжденнаго въ своей непогрѣшимости съ англобмъ заголоустнаго исправника.

Когда нѣмцы увидѣли на своей сценѣ нашего «Ревизора», многие изъ критиковъ въ одинъ голосъ сравнили безсмертную комедію Гоголя съ «Бобровой шубой». Между двумя пьесами, безъ сомнѣнія, есть нѣчто родственное. Та же самоуверенная тупость провинціальнаго административнаго столповъ, то же ихъ мелкое, шучье пиратство, тотъ же шкурный взглядъ на все кругомъ, та же провинціальная безпомощная нескладница — высмѣивается обѣими комедіями. Разница между ними именно въ томъ, что въ рѣзкой и жѣстачи грубоватой сатирѣ Гоголя слышится голосъ гнѣваго и возмущеннаго сердца. Въ Гауптманѣ чувствуется совершенно спокойный, умный и мѣткій наблюдатель, съ усмѣшкой ведущій насъ посмотреть на забавный базаръ житейской суеты.

Нѣмецкая критика справедливо указывала на то, что сюжетъ «Бобровой шубы» навѣянъ Гауптману старинной, малоизвѣстной въ Россіи, комедіей выдающагося нѣмецкаго поэта-романтика, современника Гёте, Генриха Клейста: «Разбитая кружка» (1806) *).

Сходство этихъ пьесъ неотрицаемо. Сюжетъ обѣихъ—совершающееся ночью въ деревнѣ маленькое приключеніе. Въ одномъ случаѣ идетъ розыскъ, кто разбилъ кружку въ комнатѣ героини Клейста, Евы; въ другомъ—кто укралъ шубу. Оба истца, обращающіеся къ истинной юстиціи, встрѣчаютъ въ судьяхъ подозрительныя, канцелярственныя души, которыя только путаютъ дѣло, — у Гауптмана потому, что въ неуловимой головѣ Вергана сидитъ другая, предвѣтая идея, у Клейста потому, что самъ судья Адамъ заинтересованъ въ сокрытіи виновнаго,—разбилъ кружку онъ самъ. Комедія Клейста полна свѣжаго и грубоватаго юмора и напоминаетъ картины тѣхъ нидерландскихъ мастеровъ, какіе умѣли вводить въ область искусства, не оскорбляя его, даже низменно-комическія и пошлыя сцены. Этотъ стиль до извѣстной степени родственъ и «Бобровой шубѣ».

Одна изъ главныхъ внутреннихъ причинъ, обусловившихъ сдержанный приѣмъ пьесъ Гауптмана, кроется въ томъ, что изъ всѣхъ пьесъ нѣмецкаго драматурга эта наиболѣе натуралистическая комедія въ то же время болѣе, чѣмъ всѣ, пренебрегаетъ тѣмъ, что принято называть спелнчнстью. Отрѣшавшіеся отъ абсолютовъ школы построения драмъ, Гауптманъ здѣсь всего менѣе заботится о фабулѣ, о «движеніи», о парастаніи внѣшняго интереса. Онъ выхватываетъ цѣлкомъ куски жизни, какъ она есть, и ставитъ ихъ передъ зрителемъ

* См. Schlenker, стр. 163—4, и проф. Фостъ в Копн: «Нетерия нѣмецкой литературы». Спб. 1901.

во всей их комической полноте. Такое впечатление вызвало у нас первое ознакомление в чтении с чеховским «Дядей Ваней». Читатель, еще незнакомый с «пьесами настроения», был удивлен этой пьесой без завязки в общепринятом смысле, без стройного сюжета, без привычных эффектов «под завязку», без искусно расшарпаванных приходов и уходов персонажей. Точно намеренно и Гауптман пренебрег вышшими сюжетом в своей пьесе и не позаботился придать ей законченность. В самом конце он оставил зрителя в некотором недоумении. Порок не наказан. Вор шубы не обнаружен. Зритель привык требовать, чтобы в пьесе были «сведены концы с концами».

И нельзя не признать, что это требование—т.е., разумеется, не наказания порока, а округленности, законченности фабулы—есть не только дело привычки и обычая. Оно имеет свои разумные основания. В этой эпизодичности пьесы ее слабая сторона. Ее слабость—в изумительной верности быту и непринужденности комических характеров.

С этой стороны признание полной победы Гауптмана, как бытописателя и психолога, неопровержимо. Образ Вольфига сделан удивительно. Это не только комическая фигура,—это живой тип, выписанный с таким мастерством, что он, по замечанию некоторых, даже несколько заслоняет Вергана и ту памфлетическую сторону комедии, которая подвинула Гауптмана отвести ее к разряду социальных пьес. Строгость и редкая выдержанность этого образа вымывает Шлегера на сравнение типа Гауптмана с шекспировским образом Шейлока.

Знаменитый Брандес считает «Бобровую шубу» «единственной пьесой, которую Гауптман написал с юмором и увлекательною веселостью. Она вполне заслуживает название произведения молодого мастера. Но веселость ее не вредит обрисовке типов и характеров. Каждый персонаж стоит перед нами, как живой... Поэт обнаружил большую тонкость наблюдения, когда изобразил Вольфига не злою, при всей ее жадности и нечуткости, и заставил ее даже проявить любящее сердце...»

Стоя несколько особняком от других критиков, Брандес видит высшую удачу драматурга в обрисовке Вергана. «Перюх» среди других фигур пьесы,—продолжает он,—являются баронь, типичный немецкий офицер запаса, играющий роли чиновника и судьи. Именно то обстоятельство, что весь свет сосредоточивается на этом лице, возвышает пьесу над фарсом, придает ей характер более высокой комедии, проникнутой сатирическим духом...»

«В «Бобровой шубе»,—пишет Штейгер, автор хорошей книги о новой драме *): — перед нами старательно разработанная во всех своих частях комедия,— правда, комедия нового стиля, в которой все действие искусно сжато в пять моментальных снимков,—снимках, полных жизни и движения. В них играют все лучи комизма, юмора и сатиры. Но все комическое и весь юмор лежат не в словах, произносимых персонажами, а именно в том, как они их говорят, и потому-то эта воровская комедия кажется нам такой типично-немецкой... Много умников разлагольствовали о том, зачем воровство остается нераскрытым... Но тут-то и лежит весь

*) Edgar Steiger, Das Werden des neuen Dramas, B. II, von Hauptmann bis Maeterlinck, Berlin, 1903, S. 123, 131.

оригинальный композит пьесы. Кто подходит к комическому творчеству с моральной мёртвой дётской прописи, для тех не существует ни Аристофана ни Шайта».

«Бобровая шуба», — замечает О. Э. Гартлобен: — самое тонкое и наиболее последовательное из произведений Гауптмана, которого мы полюбим и оценили на много дёти раньше публики... Чему я больше всего поражаюсь в этой комедии, — это ея этической основой, гениальной нравственной непринужденности, с точки зрения которой разсматриваются и изображаются люди и вещи, — этой какъ бы потусторонности добра и зла, преступления и наказания. Вольфиха — это не обычная воровка, ставшая такой по нуждѣ и немощи: она крадетъ, исходя изъ цѣлаго міросозерцанія, которое дѣлаетъ для нея воровство дозволеннымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе».

Дѣлаящій большія оговорки въ художественной оцѣнкѣ «Бобровой шубы» (между прочимъ, отицающій «карикатурность» Вергана), критикъ Гауптмана Бартельсъ воздастъ должное мастерству драматурга въ уловленіи атмосферы изображаемаго уголка. «Отъ пьесы, — пишетъ онъ: — вѣетъ чистымъ воздухомъ берлинскаго предмѣстья. Эти деревушки въ окрестностяхъ Берлина, то побольше, то поменьше, съ ихъ по большей части разбогатѣвшими отъ мелочной торговли рантье и дачевладельцами, съ удивившимися «частными учеными», испущающимъ свѣжаго воздуха и тишины, съ сомнительными личностями въ родѣ «писателя» Мотеса, наконецъ съ ихъ туземнымъ населеніемъ лодочниковъ и рыбаковъ, къ которымъ еще присоединяются охотники и крестьяне, — все это создаетъ превосходную атмосферу для комедіи, и Гауптманъ уловилъ ее превосходно».

Развѣнчивающій Гауптмана Ландсбергъ не можетъ не признать «Бобровой шубы» «въ художественномъ отношеніи самымъ зрѣлымъ произведеніемъ Гауптмана». «Здоровымъ дѣснымъ ароматомъ дышитъ это произведеніе. Здѣсь натурализмъ не производитъ близкаго и мучительнаго впечатлѣнія, а восхитаетъ своею задумчивостью». Драматургъ достигъ здѣсь нравственной высоты юмориста, чувствующаго себя по ту сторону добра и зла и смотрящаго на людей и явленія этого міра, проходящаго гдѣ-то далеко, внизу, — съ тонкой спокойной усмѣшкой *)».

Оцѣнка комедіи Гауптмана была бы неполной, если не сказать объ языкѣ, которымъ она написана. Превосходный знатокъ народнаго нарѣчія, Гауптманъ здѣсь доходитъ въ этомъ языкѣ почти до шегольства. Разныхъ дѣйствующихъ лицъ онъ заставляетъ говорить каждаго своимъ нарѣчіемъ. Вольфиха говоритъ по-сѣверски, Крюгеръ саксонскимъ говоромъ, Верганъ берлинскимъ съ окраскою верхне-нѣмецкаго; остальные, хотя и говорятъ берлинскимъ нарѣчіемъ, но съ сильными отзвуками нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch). Одновременно драматургъ выдерживаетъ этихъ и натуралистическій принципъ, и достигаетъ иногда комическаго эффекта. Чтобы это чувствовать, надо быть нѣмцемъ. Бартельсъ, самъ нѣмецъ, воздерживается однако отъ сужденія о мастерствѣ Гауптмана въ этой области.

Все вышѣ взятое, вплоть до этой подробности, даетъ исключительную прелесть этому произведенію для нѣмцевъ, неуловимую для читающаго комедію въ переводѣ. Справедливо изреченіе: «кто хочетъ совершенно понять поэта, долженъ отправиться въ его отечество». Здѣсь еще разъ — и въ новомъ пунктѣ — можетъ быть подчеркнуто

*) См. выше упомянувшееся «Долой Гауптмана!».

сходство комедіи Гауптмана съ тоголевскимъ «Ревизоромъ», высшая реалистическая красота котораго также испаряется въ переводѣ.

Время дѣйствія «Бобровой шубы» Гауптманъ опредѣляетъ словами— «борьба изъ-за септеннаты». Септенната—семидлѣтіе, на которое были разложены расходы по содержанію мирнаго состава германской арміи. Въ частности, борьба эта можетъ быть точно приурочена къ 1887-му году.

БОБРОВАЯ ШУБА.

КОМЕДИЯ ВОРОВЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Фонъ-Верганъ, начальникъ волости.

Крюгеръ, рантё.

Докторъ Флейшеръ.

Филиппъ, его сынъ.

Мотесъ.

Фрау Мотесъ.

Фрау Вольфъ, прачка.

Юлій Вольфъ, ея мужъ.

Леонтина } ихъ дочери.
Адвльгейда }

Вульковъ, лодочникъ.

Глазенацъ, волостной писарь.

Миттельдорфъ, волостной служитель.

Мѣсто дѣйствія: гдѣ-нибудь подъ Берляномъ.

Время: борьба изъ-за септенната.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Маленькая, окрашенная въ синюю краску, кухня съ низкимъ потолкомъ; наѣво—окно; грубо сколоченная дверь наружу, направо; по серединѣ задней стѣны—дверь со снятой створкой. Въ углу наѣво плита, на стѣнѣ надъ ней полка съ кухонной посудой, въ углу направо весла и лодочныя принадлежности; подъ окномъ куча наколотыхъ дровъ, такъ-называемыхъ пней. Старая кухонная скамейка, нѣсколько табуретокъ и т. д., и т. д. Въ пустое дверное отверстіе задней стѣны видна вторая комната. Тамъ стоитъ высокая кровать съ чистымъ покрываломъ, надъ которой висятъ дешевыя фотографіи въ еще болѣе дешевыхъ рамкахъ, раскрашенные гололки въ форматѣ визитныхъ карточекъ и т. д. Спинкой къ кровати, стоитъ стулъ изъ мягкаго дерева.—Зима, свѣтитъ мѣсяцъ. На плитѣ, въ жестяномъ подсвѣчникѣ, горитъ салная свѣчка. На скамейкѣ у плиты, положивъ на нее голову и руки, спитъ Леонтина Вольфъ. Это—семнадцатилѣтняя, красивая, блондура дѣвушка въ рабочемъ платьѣ служанки. Поверхъ синей ситцевой курочки у нея повязанъ толстый шерстяной платокъ. Нѣсколько мгновѣній тихо, потомъ слышно, какъ кто-то старается открыть снаружи дверь, хотя ключъ торчитъ въ ней съ внутренней стороны. Теперь слышенъ стукъ.

ФРАУ Вольфъ (невидимая снаружи). Адельгейда! Адельгейда! (Тишина; потомъ раздается стукъ въ окно съ противоположной стороны). Да отопри же!

ЛЕОНТИНА (сквозь сонъ). Нѣтъ, нѣтъ, довольно мучить меня!

ФРАУ Вольфъ. Отопри же, дѣвчонка, а то я въ окно полѣзу. (Она громко барабанитъ въ окно).

ЛЕОНТИНА (просыпаясь). Ахъ, это ты, мама! Сейчас! (Отпираетъ).

ФРАУ Вольфъ (не снимая мѣшка, который она принесла на спинѣ). Ты-то зачѣмъ здѣсь?

ЛЕОНТИНА (заспанная). Здравствуй, мама!

ФРАУ Вольфъ. Какъ ты сюда вошла, а?

ЛЕОНТИНА. Ключъ же лежалъ надъ козьемъ хлѣвомъ. (Короткое молчаніе).

ФРАУ Вольфъ. Зачѣмъ же ты пожаловала, дѣвка?

ЛЕОНТИНА (неѣмо надувъ губы). Нешто мнѣ и заглянуть къ вамъ нельзя?

ФРАУ Вольфъ. Полно, сдѣлай одолженіе. Очень рада. (Она сваливаетъ мѣшокъ со спины). А ты не знаешь, какъ уже поздно? Отправляйся-ка къ хозяевамъ.

ЛЕОНТИНА. Могу же я и запоздать немножечко разокъ!

ФРАУ Вольфъ. Ты у меня смотри,—поняла? Маршъ, говорю, не то худо будетъ!

ЛЕОНТИНА (плакливо, упрямо). Я къ нимъ больше не пойду, мама!

ФРАУ Вольфъ (изумленно). Не пойдешь... (Иронически) Вотъ оно чтó! Это для меня новость.

ЛЕОНТИНА. Значить, меня такъ ужъ и будутъ мучить безъ конца?

ФРАУ Вольфъ (начала было вытаскивать козулю изъ мѣшка). Это у Крюгеровъ-то мучать тебя? Бѣдняжка!.. Есть съ чего дуться! Дѣвка, чтó твой гвардеецъ!.. Да ну же, поддержи мѣшокъ снизу! Гдѣ же ты лучше устроишься? У меня вѣдь тоже не рай! Лѣнтяичать у меня тоже не научишься! (Обѣ вѣшаютъ козулю на дверной косякъ). И я тебѣ въ послѣдній разъ говорю...

ЛЕОНТИНА. Я къ нимъ больше не пойду. Скорѣе въ воду брошусь, мама!

ФРАУ Вольфъ. Смотри, какъ бы тебѣ насморка не схватить.

ЛЕОНТИНА. Прямо въ воду брошусь!

ФРАУ Вольфъ. Тогда меня покличь, слышишь! Я дамъ тебѣ такого тумака, что ты, вѣрно, и съ мѣста не сдвинешься.

ЛЕОНТИНА (съ громкимъ крикомъ). Значить, я должна такъ-таки безропотно таскать вечеромъ цѣлую сажень дровъ?

ФРАУ Вольфъ (дѣлаетъ изумленный видъ). Нѣтъ, это же невозможно! Чтóбъ ты таскала дрова! Ну, ужъ и люди!

ЛЕОНТИНА. ...и двадцать талеровъ за цѣлый годъ? А тутъ еще изволь себѣ руки морозить? Да ѣсть картофель да се-ледку, и то не досыта?

ФРАУ Вольфъ. Тогда нечего столько болтать, глупая. На ключъ, поди, отрѣжь себѣ хлѣба. Поѣшь и—маршъ, поняла? Варенье изъ сливъ на верхней полкѣ.

ЛЕОНТИНА. (достаетъ изъ ящика большой хлѣбъ и отрѣзаетъ ломъ). Юста Шульцъ зарабатываетъ сорокъ талеровъ и...

ФРАУ Вольфъ. Ты только не горячись!.. Тебѣ не вѣкъ въ людяхъ-то жить. Не на вѣчныя времена тебя наняли... Дотаяи до перваго апрѣля... Пока же оставайся на мѣстѣ!.. Подарокъ къ Рождеству въ карманѣ, ну, значить—бѣжать? Такъ-то не годится!.. Я къ нимъ хожу. Мнѣ же придется расплачиваться въ концѣ концовъ!

ЛЕОНТИНА. И все-то изъ-за пары тряпокъ, чтó на мнѣ?

ФРАУ Вольфъ. А про деньги забыла?

ЛЕОНТИНА. Вотъ еще! Всего марокъ шесть!

ФРАУ Вольфъ. И,—деньги—всегда деньги! Ужъ это ты оставь!

Леонтина. А если я могу больше заработать?

ФРАУ Вольфъ. Языкомъ!

Леонтина. Нѣтъ, швейной машиной. Поѣду въ Берлинъ и буду шить накладки. Эмилія Штеховыхъ тоже ѣдетъ послѣ Новаго года!

ФРАУ Вольфъ. А ты связывайся съ этой шлюхой! Она мнѣ еще попадется въ руки! Я ее проучу! А веселое было бы житье для тебя, а? Таскаться-то съ парнями по ночамъ. Нѣтъ, дѣвушка, при одной мысли объ этомъ... да я тебя такъ отколочу, что ты у меня и съ мѣста не поднимешься... Никакъ отецъ идетъ, теперь смотри!

Леонтина. Ежели отецъ станетъ драться, я сбѣгу; тогда я буду знать, какъ мнѣ быть.

ФРАУ Вольфъ. Теперь помалкивай! Ступай, покорми козъ. Ихъ еще и не доили сегодня вечеромъ. Да кроликамъ принеси горсточку сѣна.

ЛЕОНИНА (хочетъ быстро уйти, но сталкивается въ дверяхъ съ отцомъ, вполыхавъ говоритъ: «Здравствуй» и проскальзываетъ мимо него наружу).

Юлій Вольфъ (отецъ, корабельный плотникъ, долгоязыый, блондинъ, съ вялыми движеніями, около сорока трехъ лѣтъ. Онъ ставитъ въ уголъ пару длинныхъ веселъ, которыя принесъ на плечѣ, и молча бросаетъ свои плотничьи инструменты).

ФРАУ Вольфъ. Лодочника Эмилія встрѣтилъ?

Юлій (бормочетъ).

ФРАУ Вольфъ. Никакъ языкъ отнялся? Да или нѣтъ? Онъ зайдетъ, а?

Юлій (сердито). Дальше! Ори еще громче!

ФРАУ Вольфъ. Тебѣ бы только куражиться. И дверь за-былъ закрыть.

Юлій (закрываетъ дверь). Чтò это опять съ Леонтиной?

ФРАУ Вольфъ. И,—ровно ничего!.. Много ли нагрузилъ Эмиль?

Юлій. Опять про свое. Сколько же онъ долженъ былъ нагрузить?.. Чтò это опять съ дѣвкой?

ФРАУ Вольфъ. Поль-шлюбки или всю?

Юлій (разражаясь внезапнымъ гнѣвомъ). Чтò это опять случилось съ дѣвкой-то?

ФРАУ Вольфъ (перебивая его). Сколько нагрузилъ Эмиль, хочу я знать. Половину лодки или всю?

Юлій. И,—опять свое,—всю.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Пост, Юліанъ! (Она испугалась и запираетъ ставню).

Юлій (въ испугѣ смотритъ на нее большими глазами и умоляетъ. Спустя нѣсколько мгновеній тихо говорить). Въ Риксдорфѣ теперь совсѣмъ молодежный лѣсничій.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Полѣзай подъ кровать, Юліанъ. (Послѣ нѣкотораго молчанія) Не будь ты такъ ужасно глупъ. Сейчасъ вотъ ты совсѣмъ разворчался. Въ этихъ дѣлахъ ты ничего не смыслишь. Предоставь мнѣ самой позаботиться о дочкахъ. Это же и не твоего ума дѣло. Это—мое дѣло. Будь тутъ мальчики, тогда другой вопросъ. Тогда бы я тебѣ ни слова не сказала. У всякаго своя забота!

Юлій. Такъ пусть она мнѣ и не попадается.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Никакъ ты хочешь совсѣмъ испалѣчить ее, Юліанъ?! Боже тебя упаси отъ подобныхъ мыслей! Не думай, что я допущу! Я скорѣе сама прибью ее до смерти. Отъ дѣвочки можетъ зависѣть наше счастье. Ежели бы только ты могъ взять это въ толкъ.

Юлій. Такъ пусть она смотритъ, какъ ей быть.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Объ этомъ нечего тужить, Юліанъ. Очень можетъ быть, что ты еще доживешь до чего-нибудь. Поди, она еще будетъ жить въ бельэтажѣ, и мы будемъ рады, если она просто узнаетъ насъ. Чтѣ мнѣ давеча сказывалъ генералъ? «Ваша дочка—такая красивая дѣвушка, что она можетъ производить фуроръ въ театрѣ».

Юлій. Такъ пускай она туда и поступаетъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. У тебя нѣтъ никакого образованія, Юліанъ. Образованія у тебя ни капельки. И не будь меня, Юліанъ, чтѣ вышло бы тогда изъ дѣвочки? А я вотъ дала имъ образованіе, понялъ? По нынѣшнимъ временамъ вся суть—въ образованіи. Это дается не такъ-то сразу. А все шагъ за шагомъ, помаленечку. Пусть она сперва побудетъ въ горничныхъ. А тамъ пусть ужъ и въ Берлинъ ѣдетъ. Сейчасъ же она еще слишкомъ молода для театра. (Во время этихъ словъ нѣсколько разъ былъ слышенъ стукъ въ дверь, теперь звонятъ).

Доносится голосъ Адельгейды: Мама! А мама! Да отопри же! (Фрау Вольфъ открываетъ дверь. Входитъ Адельгейда. Это—быстро вытянувшаяся школьница четырнадцати лѣтъ, съ красивымъ дѣтскимъ лицомъ. Но выраженіе ея глазъ выдаетъ раннюю распущенность). Чтѣ же ты не открывала мнѣ двери, мама? У меня руки и ноги озябли.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. А ты языка-то не распускай. Затопи печь, вотъ и будетъ тепло. Гдѣ ты такъ долго пропадала?

Адельгейда. Я же ходила за отцовскими сапогами.

Фрау Вольфъ. И опять ты цѣлыхъ два часа пропадала.

Адельгейда. Да я же пошла только въ семь?

Фрау Вольфъ. Пошла въ, семь, такъ. Теперь же—половина одиннадцатаго. Ты, конечно, этого не знала? Ты проваландалась только три съ половиною часа, это же—немного? Запомни, что я тебѣ скажу. Если ты еще разъ будешь такъ долго пропадать, да у этого самаго паршиваго сапожника Филица,—тогда ты увидишь, что съ тобой произойдетъ.

Адельгейда. Значить, мнѣ такъ ужъ и киснуть дома?

Фрау Вольфъ. А теперь молчи и ни звука.

Адельгейда. Ежели я и забѣгу къ Филицу на минутку...

Фрау Вольфъ. Да замолчишь ли ты наконецъ, хотѣла бы я знаты! Ты мнѣ про Филица толкуешь! Да? Болвану нечего хвастать. Ремесло у него не одно сапожное. Кто дважды сиживалъ въ тюрьмѣ...

Адельгейда. Вотъ и неправда... Все это—вранье. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, мама!

Фрау Вольфъ. Про то всей деревнѣ извѣстно, дурочка. Это же—настоящій сводникъ.

Адельгейда. Онъ даже къ начальнику волости входитъ.

Фрау Вольфъ. Ну, конечно. Чтобы шпионить. И вдобавокъ онъ доносчикъ.

Адельгейда. А что такое доносчикъ?

Юлій (изъ сосѣдней комнаты, куда онъ ушелъ). Я подожду, пока ты скажешь еще пару словъ. (Адельгейда поблѣднѣла и молча тотчасъ же идетъ топить печь).

ЛЕОНТИНА (входитъ).

Фрау Вольфъ (взрѣзала козулю, вынула сердце, печень и т. д. и передаетъ ихъ Леонтинѣ). Ну, живо, вымой. Только молчи, а то достанется. (Леонтина, видимо испуганная, принимается за работу. Обѣ дѣвушки шепчутся между собою).

Фрау Вольфъ. Слышь, Юліанъ? Что ты тамъ дѣлаешь? Ты уже снова позабылъ? Я же тебѣ сегодня утромъ говорила. Насчетъ доски, которую оторвало.

Юлій. Насчетъ какой доски?

Фрау Вольфъ. Вотъ-те разъ, не знаешь? Сзади козьяго хлѣва. Вѣтромъ сорвало въ прошлую ночь—поди, приколоти,—понялъ?

Юлій. Э, завтра утромъ приладимъ.

Фрау Вольфъ. Ну вѣтъ. И не думай! Нечего толковать зря. (Юлій, ворча, вернулся въ комнату). Вонъ тамъ молотокъ! А вотъ гвозди! Ну, иди же.

Юлій. Безтолковая ты баба.

Фрау Вольфъ (окликая его). Если Вульковъ придетъ, сколько съ него спросить?

Юлій. Ну, марокъ двѣнадцать, конечно. (Уходить).

Фрау Вольфъ (презрительно). Ишь ты, марокъ двѣнадцать. (Молчаніе). Ну, готовьго отцу-то ужинъ. (Короткое молчаніе).

Адельгейда (взглядывая на козулю). Что это, мама?

Фрау Вольфъ. Аистъ! (Обѣ дѣвушки смѣются).

Адельгейда. Аистъ? Онъ тоже съ рогами? Я знаю, это—козуля.

Фрау Вольфъ. А знаешь, зачѣмъ тогда спрашивать?

Леонтина. Ее папа застрѣлилъ, мать?

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, бѣгите и орите на все село: папа, молъ, застрѣлилъ козулю, да?

Адельгейда. Я-то кричать не стану. Глядь, явится вахмистръ.

Леонтина. Жандарма Шульца я не боюсь, онъ какъ-то трогать меня за подбородокъ.

Фрау Вольфъ. А пусть его приходитъ. Мы ничего дурного не дѣлаемъ. Разъ козулю подстрѣлили, и она околѣетъ и никто не найдетъ ея, то она достанется воронамъ. Мы ли съѣдимъ ее, вороны ли, ее все равно съѣдятъ. (Короткое молчаніе). Скажи: тебѣ пришлось таскать дрова?

Леонтина. Ну да, на морозѣ! Сажень кругляку! Даромъ что человекъ, какъ собака, умаялся! Въ половину десятаго вечеромъ!

Фрау Вольфъ. И дрова все еще лежатъ на улицѣ?

Леонтина. У воротъ. Больше я ничего не знаю.

Фрау Вольфъ. А что если дрова возмуть да украдутъ? Что скажутъ завтра утромъ?

Леонтина. Я больше туда не пойду.

Фрау Вольфъ. Сырые дрова или сухія?

Леонтина. Прекрасный сухой круглякъ... (То и дѣло зѣваетъ). Ахъ, мама, я такъ ужасно устала. Такъ ужасно умаялась. (Она садится со всѣми признаками переутомленія).

Фрау Вольфъ (послѣ короткаго молчанія). Пожалуй, оставайся эту ночь у насъ. Я нѣсколько иначе разсудила. А завтра утромъ будетъ виднѣе.

Леонтина. Я выбилась изъ силъ, мама. Во семь-то мнѣ одной отдохнуть.

Фрау Вольфъ. Ну, и ступай спать, въ комнату наверху,

а то какъ бы отецъ опять не нашумѣлъ. Онъ слишкомъ мало смыслить въ подобныхъ вещахъ.

Адельгейда. Папа всегда говоритъ, какъ неучъ.

Фрау Вольфъ. Вѣдь его ничему-то и не учили. Не иначе было бы и съ вами, не дай я вамъ образованія. (Держа кастрюлю на плитѣ, Леонтина) Клади-ка сюда. (Леонтина кладетъ въ кастрюлю вымытые куски мяса). Такъ. Теперь ступай спать.

Леонтина (направляется въ заднюю комнату; еще не скрывшись изъ виду, говорить). А Мотесъ-то съѣхалъ отъ Крюгеровъ.

Фрау Вольфъ. Небось, за квартиру-то не запла-тилъ?

Леонтина. Насилу выжать плату, рассказываетъ Крюгеръ. Онъ все же выкурить его. Изолгавшійся, дескать, ненадежный человѣкъ. И всегда такой высокомерный-съ г-номъ Крюгеромъ.

Фрау Вольфъ. Будь я на мѣстѣ г-на Крюгера, не стала бы такъ долго держать его.

Леонтина. Г. Крюгеръ былъ столяромъ, вотъ Мотесъ и презираетъ его. Съ г-номъ докторомъ Флейшеромъ онъ тоже не въ ладахъ.

Фрау Вольфъ. Кто же съ нимъ-то не ладитъ!.. Хотѣла бы я знать. Эти люди мухи не обидятъ.

Леонтина. Онъ больше не смѣетъ являться къ Флейшерамъ.

Фрау Вольфъ. Вотъ тебѣ бы попастьъ къ нимъ!

Леонтина. Тамъ прислуга, какъ дѣти въ домѣ.

Фрау Вольфъ. И братъ въ Берлинѣ, кассиромъ при театрѣ.

Вульковъ (не разъ стучался въ дверь со двора и теперь кричитъ хриплымъ голосомъ). Будьте добры впустить меня?..

Фрау Вольфъ. Ну, конечно, почему бы нѣтъ? Милости просимъ!

Вульковъ (входитъ въ комнату; лодочникъ со Шпре, безъ мала шестидесяти лѣтъ, съ изжеита-сѣдою бородою, отъ одного уха до другого проходящую подъ подбородкомъ и оставляющей обвѣтренное лицо открытымъ). Мое вамъ низжайшее почтеніе.

Фрау Вольфъ. Вы опять собрались чуточку потормошить Вольфиху.

Вульковъ. И,—я этимъ дѣломъ больше не занимаюсь!

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, а вѣдь безъ этого намъ не обойтись.

Вульковъ. А не обойдется, такъ сойдемся!

Фрау Вольфъ. Ужъ вы скажете! Ну, что же?.. Вотъ она висить. Ну? Хороша штучка, что?

Вульковъ. А Юлю-то слѣдовало бы поостеречься. Теперь всё они тамъ злы.

Фрау Вольфъ. Сколько дадите, и все тутъ. Что проку долго болтать-то!

Вульковъ. Что я вамъ скажу. Я былъ въ Грюнау. Я тамъ очень точно слышалъ. Они тамъ Фрица Вебера подстрѣлили. Весь задъ набили дробью.

Фрау Вольфъ. Сколько же дадите, вотъ въ чемъ все дѣло.

Вульковъ (ощупывая козюлу). У меня уже цѣлыхъ четыре козла.

Фрау Вольфъ. Отъ этого ваша лодка ко дну не пойдетъ.

Вульковъ. Конечно, нѣтъ. Мнѣ быть бы праздникъ. А что если мнѣ придется застрять на мѣстѣ? Мнѣ же нужно съ товаромъ тащиться въ Берлинъ. Нынче и безъ того трудненько работать на Шпре, а если ночью будетъ и дальше точно такъ же стягивать, то завтра уже и не двинешься. Тогда мнѣ придется засѣсть съ лодкой во льду со всемъ товаромъ на шеѣ.

Фрау Вольфъ (дѣлая видъ, что мѣняетъ свое рѣшеніе). Ну, дѣвушка, сбѣгай-ка къ Шульцихѣ. Кляняйся и скажи, чтобъ зашла, у матери, дескать, товаръ имѣется.

Вульковъ. Нешто я говорилъ, что не хочу покупать?

Фрау Вольфъ. Мнѣ все равно, кто купить.

Вульковъ. Я же и хочу купить.

Фрау Вольфъ. А и не купите, не пропадетъ.

Вульковъ. Куплю! Сколько въ ней вѣсу-то?

Фрау Вольфъ (схватила козюлу). Въ этой-то козюлѣ, въ ней всё тридцать фунтовъ. Даже съ лишкомъ, доложу я вамъ. Слышь, Адельгейда! Ты же была при этомъ! Мы насилу могли поднять ее на крюкъ.

Адельгейда (которой какъ разъ при этомъ не было). Я, право, что-то себя вывихнула.

Вульковъ. Марокъ тринадцать дамъ. И то и десяти пфенниговъ не наживешь.

Фрау Вольфъ (дѣлаетъ ужасно изумленный видъ; въ ближайшее мгновеніе она предпринимаетъ нѣчто другое. Какъ бы забывъ о присутствіи Вулькова, она говоритъ, повидимому, только теперь снова замѣчая его). Счастливаго пути!

Вульковъ. Ну, больше тринадцати я дать не могу.

Фрау Вольфъ. И,—бросьте!

Вульковъ. Больше дать не могу. Что я вамъ скажу. И то знакомства ради. Накажи меня Богъ! Вѣрно, какъ то, что я здѣсь. На этомъ не такъ ужъ много наживешь. И если-бъ я хотѣлъ сказать: четырнадцать, тогда бы я своихъ приплатилъ, тогда бы я потерялъ цѣлую марку. Но это мнѣ все равно. Лишь бы уважить васъ. За четырнадцать марокъ...

Фрау Вольфъ. И,—Богъ съ вами! Козулю-то мы сбудемъ съ рукъ, даже до завтра не придется ждать.

Вульковъ. Но какъ бы кто не увидалъ ея. Дѣло не деньгами кончится.

Фрау Вольфъ. Эту козулю мы нашли околѣвшей.

Вульковъ. Да, въ силкахъ, вѣрю вамъ.

Фрау Вольфъ. Вы на это не сворачивайте! Это вамъ не поможетъ! Вы хотите послѣднее взять? Надрываешься, пока духу не хватитъ. По цѣлымъ часамъ сидишь въ снѣгу, въ такой темнотѣ, что хоть глазъ выколи, не говоря уже о рискѣ. Не шутка.

Вульковъ. У меня уже цѣлыхъ четыре штуки. Иначе я далъ бы пятнадцать марокъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, Вульковъ, сегодня мы дѣла не сдѣлаемъ. Идите съ Богомъ дальше, мы тутъ намыкались на озерѣ... еще минутка, и мы бы застряли во льду. Нельзя было ни впередъ ни назадъ. Не даромъ же отдавать въ концѣ концовъ.

Вульковъ. Ну, а много ли мнѣ-то отъ этого прибыли? Лодочный промыселъ — дѣло подневольное. Контрабанда — тоже изъ рукъ вонъ. Вы прогадали, такъ я давнымъ-давно пролетѣлъ. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ мыкаюсь. А что у меня сегодня? Ревматизмъ. Встаешь рано утромъ и собачонкой воешь. Уже много лѣтъ я собираюсь обзавестись шубой, это мнѣ всѣ доктора совѣтовали, потому что здоровье мое чувствительно. И все не могъ купить, Вольфиха. До сихъ поръ не могъ, какъ Богъ святъ.

Адельгейда (матери). Слышала, чтоъ сказывала Леонтина?

Вульковъ. Ну, вотъ что я вамъ скажу: шестнадцать марокъ!

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, не пойдетъ! Восемнадцать! (Адельгейдѣ) Ты про что говоришь?

Адельгейда. Фрау Крюгеръ шубу-то купила, въ пятьсотъ марокъ обошлась. Бобровая.

Вульковъ. Бобровая?

Фрау Вольфъ. Кто купилъ?

Адельгейда. Да фрау Крюгеръ, — г-ну Крюгеру къ Рождеству.

Вульковъ. Кажись, дѣвочка у Крюгера служить?

Адельгейда. Не я. Моя сестра. Я вообще не служу въ людяхъ.

Вульковъ. Вотъ мнѣ бы обзавестись такою. Объ этомъ я уже давненько хлопочу. За это я далъ бы цѣлыхъ шестьдесятъ талеровъ. Деньги на докторовъ и аптекарей, да я бы ихъ лучше на шубенку истратилъ. По крайней мѣрѣ удовольствіе получить бы.

Фрау Вольфъ. А вы только понавѣдайтесь къ Крюгерамъ, Вульковъ. Авось подарятъ.

Вульковъ. Нѣтъ, добромъ не возьмешь. Но, какъ сказано: меня это очень интересуешь.

Фрау Вольфъ. Еще бы! Такую-то шубу я сама не прочь надѣть.

Вульковъ. Такъ какъ же? Шестнадцать?

Фрау Вольфъ. Меньше восемнадцати нельзя. Не меньше восемнадцати, наказывалъ Юліанъ. Съ шестнадцатью марками ему и на глаза не показывайся. Разъ ужъ онъ забьетъ себѣ въ голову... (Входятъ Юлія). Слышь, Юлія, ты же сказала: восемнадцать марокъ?

Юлія. Чтò я сказалъ?

Фрау Вольфъ. Ты опять плохо слышишь! Ты же сказала, не меньше восемнадцати. За меньшее мнѣ нельзя отдать козла-то.

Юлія. Я сказалъ?.. Ахъ, да, про дичину. Да! Такъ! Гм! Это же не такъ ужъ много.

Вульковъ (вынимая деньги и отсчитывая). Чтобы копчить. Семнадцать марокъ. Ну, согласны?

Фрау Вольфъ. И продувной же вы малый. Я уже сказала, едва онъ вошелъ въ дверь; стòитъ ему переступить порогъ, какъ товаръ у него уже въ мѣшкѣ.

Вульковъ (развернувъ спрятанный сложенный мѣшокъ). Помогите мнѣ сейчасъ же убрать ее сюда. И если вамъ придется услышать о чемъ-нибудь... я разумно примѣрно... о чемъ-нибудь... примѣрно о шубѣ, напимѣрь. То талеровъ этакъ шестьдесятъ-семьдесятъ я могъ бы предложить.

Фрау Вольфъ. Вы не въ своемъ умѣ!.. Откуда намъ такую-то шубу взять?

Мужской голосъ (зоветъ со двора). Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ! Вы еще не спите?

Фрау Вольфъ (перепуганная, какъ и остальные, быстро, знер-

гачно). Спрячьтесь! Спрячьтесь въ ту комнату! (Она выпкиваетъ всѣхъ въ заднюю комнату и запереть дверь).

Мужской голосъ. Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ! Вы уже спите?

Фрау Вольфъ (гася свѣтъ).

Мужской голосъ. Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ, вы все еще не спите? (Голосъ удаляется, напѣвая) «Ахъ, заря, заря моя, — слишкомъ рано умеръ я».

Леонтина. Это же просто «Заря», мама.

Фрау Вольфъ (немного прислушивается, затѣмъ тихо открываетъ дверь и снова прислушивается. Потомъ, успокоившись, закрываетъ ее и зажигаетъ свѣтъ. Потомъ снова впускаетъ въ комнату остальныхъ). Это — волостной служитель Миттельдорфъ.

Вульковъ. Чортъ возьми, какия у васъ знакомства!

Фрау Вольфъ. Смотрите, дайте ему отойти, Вульковъ.

Адельгейда. Мама, Мино залазятъ.

Фрау Вольфъ. Живо, живо, Вульковъ. Съ Богомъ! Пройдите огородомъ. Юліанъ отогреть. Ступай, Юліанъ, отогри.

Вульковъ. Такъ я сказалъ, если что-нибудь въ родѣ бобровой шубы...

Фрау Вольфъ. Ну ладно, съ Богомъ!

Вульковъ. Если Шпре все еще не станетъ, то дня, черезъ три, черезъ четыре я буду назадъ изъ Берлина. Тогда я буду стоять съ лодкой тамъ же, внизу.

Адельгейда. У большого моста?

Вульковъ. Какъ всегда. Ну, Юлій, ковыляй впередъ. (Уходить).

Адельгейда. Мама, Мино опять лаетъ.

Фрау Вольфъ (у огня). И пусть его лаетъ. (Протяжный зовъ издали: «Лодочки-и-пкы!»).

Адельгейда. Кто-то хочетъ переправиться черезъ Шпре, мама.

Фрау Вольфъ. Сбѣгай-ка, отецъ же тамъ на рѣкѣ. («Лодочки!»). Отнеси отцу весла. Пусть онъ только дастъ сперва отойти Вулькову.

(Адельгейда съ веслами уходитъ. Фрау Вольфъ нѣкоторое время усердно работаетъ одна. Возвращается Адельгейда).

Адельгейда. У отца нашлись весла въ лодкѣ.

Фрау Вольфъ. Кому бы это понадобилось переправляться такъ поздно?

Адельгейда. Мнѣ кажется, мама, это — безмозглый Мотесь.

Фрау Вольфъ. Чтò? Кто это, дѣвушка?

Адельгейда. Кажется, это былъ голосъ Мотеса.

Фрау Вольфъ (быстро). Поди туда, бѣги! Пускай отецъ вернется; проклятый Мотесъ можетъ оставаться на томъ берегу. Ему нечего обнюхивать всѣ углы у меня въ домѣ.

(Адельгейда уходитъ. Фрау Вольфъ прячетъ и убираетъ все, что могло бы сколько-нибудь напомнить о козулѣ. Закрываетъ кастрюлю фартукомъ. Адельгейда возвращается).

Адельгейда. Мама, я пришла слишкомъ поздно. Я слышу, какъ они уже разговариваютъ.

Фрау Вольфъ. Кто это?

Адельгейда. Я же говорила: Мотесъ.

(Г-жа и г-нъ Мотесъ появляются въ дверяхъ одинъ за другимъ. Она—вертлявая молодая женщина лѣтъ тридцати, скромно и прилично одѣтая. Онъ—въ зеленомъ охотничьемъ плащѣ, со здоровымъ, типичнымъ выраженіемъ лица; на лѣвомъ глазу у него черная повязка).

Фрау Мотесъ (громко). Носъ посинѣлъ отъ холода, тетушка Вольфъ!

Фрау Вольфъ. Что же вы гуляете по ночамъ? Вѣдь у васъ и днемъ достаточно времени.

Мотесъ. Тепленько здѣсь у васъ... У кого это много времени днемъ?

Фрау Вольфъ. Да у васъ же!

Мотесъ. А развѣ я рентой живу?

Фрау Вольфъ. Я не знаю, чѣмъ вы живете.

Фрау Мотесъ. И,—вы только не серчайте, тетушка Вольфъ. Мы же хотимъ спросить нашъ счетъ.

Фрау Вольфъ. Объ этомъ вы меня уже не разъ спрашивали.

Фрау Мотесъ. Ну, и еще разъ спрашиваемъ, что же изъ этого? Мы же должны расплатиться въ концѣ концовъ.

Фрау Вольфъ (изумленно). Вы хотите расплатиться?

Фрау Мотесъ. Конечно. Разумѣется!

Мотесъ. Тетушка Вольфъ совсѣмъ изумлена. Вы думали, мы сбѣжимъ отъ васъ?

Фрау Вольфъ. И,—ничего такого я не думала. И разъ вы такъ добры! Покончите съ этимъ сейчасъ же. За вами одиннадцать марокъ и тридцать пфенниговъ.

Фрау Мотесъ. Да, да, тетушка Вольфъ, у насъ будутъ денежки. Люди здѣсь только глаза вытаращатъ!

Мотесъ. Здѣсь пахнетъ жаренымъ зайцемъ.

Фрау Вольфъ. Что прыгаетъ по крышамъ, можетъ-быть. Это болѣе похоже!

Мотесъ. А мы посмотримъ! (Онъ хочетъ снять крышку съ кастрюли).

ФРАУ Вольфъ (не позволяя ему). Нечего носъ въ горшки соваты!

ФРАУ Мотесъ (подозрительно наблюдая за ней). Тетушка Вольфъ, мы кое-что нашли.

ФРАУ Вольфъ. Я ничего не теряла.

ФРАУ Мотесъ. Не угодно ли взглянуть! (Показываетъ ей пару проволочныхъ сѣтковъ).

ФРАУ Вольфъ (не теряя самообладанія). Это же—сѣтки?

ФРАУ Мотесъ. Мы ихъ нашли совсѣмъ близко. Шаговъ за двадцать отъ вашего огорода.

ФРАУ Вольфъ. Господи, сколько здѣсь браконьеровъ!

ФРАУ Мотесъ. Стѣнитъ вамъ только послѣдить, тетушка Вольфъ, вы, навѣрное, поймаете браконьера.

ФРАУ Вольфъ. И,—это меня не касается!

Мотесъ. Попадись мнѣ такой негодяй, такъ я сперва отколочу его, а потомъ безъ всякой жалости донесу на него.

ФРАУ Мотесъ. Тетушка Вольфъ, у васъ не найдется пары свѣжихъ яичекъ?

ФРАУ Вольфъ. Теперь-то, эпмой? Большая рѣдкость.

Мотесъ (входящему Юлію). Лѣсничій Зейдель опять поймавъ браконьера. Завтра поведутъ въ острогъ. Везетъ парню, словъ нѣтъ. Не случись со мной бѣды, я бы сегодня могъ быть старшимъ лѣсничимъ. Я бы еще не такъ расправился съ собаками!

ФРАУ Вольфъ. За это кой-кому уже досталось.

Мотесъ. Да, кому страшно за себя. Мнѣ-то не страшно! Я уже донесъ на двоихъ. (Пристально смотреть то на фрау Вольфъ, то на ея мужа). А съ двумя другими я пока жду; они не уйдутъ у меня изъ рукъ. Кто ставитъ сѣтки, пусть не думаетъ, что я ихъ не знаю. Я ихъ отлично знаю!

ФРАУ Мотесъ. Вы, поди, пеки хлѣбъ, тетушка Вольфъ? Намъ такъ опротивѣлъ хлѣбъ изъ булочной.

ФРАУ Вольфъ. Вы, помнится, хотѣли погасить счетъ.

ФРАУ Мотесъ. Я же вамъ говорю, въ субботу, тетушка Вольфъ. Мой мужъ сталъ редакторомъ «Вѣстника Охоты и Лѣсоводства».

ФРАУ Вольфъ. Ну да, я же знаю, что это значить.

ФРАУ Мотесъ. Ахъ, да, фрау Вольфъ. Мы уже съѣхали отъ Крюгера.

ФРАУ Вольфъ. Да, вамъ нельзя было не съѣхать.

ФРАУ Мотесъ. Нельзя? Ты только послушай, муженекъ!

(Принужденно смѣется). Фрау Вольфъ говорить, что намъ нельзя было не съѣхать отъ Крюгера!

Мотесъ (красный отъ гнѣва). Почему я съѣхалъ оттуда, вы скоро узнаете. Это—ростовщикъ и головорѣзь.

Фрау Вольфъ. Не знаю. На это я вичего не скажу.

Мотесъ. Я только жду доказательствъ. Пусть онъ будетъ поосторожнѣе со мной. Онъ и его другъ-пріятель докторъ Флейшеръ. Въ особенноти онъ. Стоить мнѣ только захотѣть: одного словечка достаточно, и онъ сидѣлъ бы у меня подъ замкомъ. (Уже въ началѣ своей рѣчи онъ отошелъ назадъ, съ послѣдними словами удалется въ дверь. Уходитъ).

Фрау Вольфъ. Они опять поругались?

Фрау Мотесъ (принимая доврчивый видъ). Съ моннъ-то мужемъ шутки коротки. Если онъ за что возьмется, такъ ужъ не дастъ спуска. Онъ на очень хорошей ногѣ съ г-номъ начальникомъ... Такъ какъ же насчетъ яицъ и хлѣба?

Фрау Вольфъ (противъ воли). Ну, пяточекъ-то у меня еще найдется. И кусокъ хлѣба. (Фрау Мотесъ укладываетъ яйца и полхлѣба въ ручную корзину). Вы теперь довольны?

Фрау Мотесъ. Конечно. Разумѣется. Яйца-то хорошія?

Фрау Вольфъ. Какія ужъ мои курочки снесли.

Фрау Мотесъ (второпяхъ, чтобы догнать своего мужа). Ну, прощайте! Деньги—въ ближайшую субботу! (Уходитъ).

Фрау Вольфъ. Ну да, ну да, ладно! (Закрываетъ дверь, впоголоса) Только проваливайтесь. У всѣхъ-то въ одинъ долгакъ. (У кастрюля) Какое имъ дѣло, что мы ѣдимъ? Пусть иъ свои горшки суютъ носъ-то. Ступай спать, дѣвка.

Адельгейда. Спокойной ночи, мама. (Цѣлуетъ ее).

Фрау Вольфъ. Ну, а папу-то почему не поцѣлуешь?

Адельгейда. Спокойной ночи, папа. (Цѣлуетъ его, тотъ ворчитъ. Адельгейда уходитъ).

Фрау Вольфъ. Вѣчно приходится напоминать. (Молчаніе).

Юлій. Зачѣмъ тебѣ было отдавать всѣ яйца?

Фрау Вольфъ. Не врага же мнѣ наживать? А ты наживай себѣ въ немъ врага, Юліанъ. Говорю тебѣ, это—опасный человекъ. Одно то и дѣло у него, что выслѣживать людей. Поди, садись! Ышь! Вотъ вилка. Ты въ этомъ мало смыслишь. Лучше за собой присматривай! Поставилъ силки подлѣ самага сада! Это же твои?

Юлій (сердито). Ну, дальше, дальше.

Фрау Вольфъ. Чтобы проклятый Мотесъ сейчасъ же наткнулся на нихъ: Здѣсь, близъ дома, понялъ, никогда

больше не ставь сизковъ. А то вѣдь скажутъ, дескать, мы ихъ поставили.

Юлій. Да брось же эту болтовню. (Оба ѣдутъ).

Фрау Вольфъ. Слушай, дрова-то ужъ вышли всѣ, Юліанъ.

Юлій. Что же, мнѣ еще отправляться на задворки?

Фрау Вольфъ. Лучше всего намъ покончить съ этимъ сейчасъ же.

Юлій. Я больше ни рукъ ни ногъ не чувствую. Пускай идетъ, кто хочетъ, мнѣ все равно!

Фрау Вольфъ. У вастъ, у мужинъ, только глотка большая, а дойдетъ до дѣла, глядишь, на попятную. Я работаю за тронхъ такихъ, какъ вы. Ежели ты нынче не хочешь совсѣмъ выходить, ничего не подѣлаешь, Юліанъ, завтра придется. Багры не притупились?

Юлій. Я одолжилъ ихъ Карлу Махнову.

Фрау Вольфъ (помолчавъ). Не будь ты такой трусъ!.. Сажень-то дровъ была бы у насъ подъ крышей!.. Намъ не пришлось бы такъ-то вотъ мыкаться... Намъ не пришлось бы далеко-то ходить.

Юлій. Дай же мнѣ проглотить кусокъ!

Фрау Вольфъ (дастъ ему подзатыльникъ). Будетъ тебѣ щетиниться. Я хочу быть доброй, ты только смотри! (Доставая бутылку водки и показывая ее) Вотъ! Видишь, я это тебѣ принесла. Ты сразу повеселѣлъ! (Наливаетъ мужу полный стаканъ).

Юлій (пьетъ; потомъ). Это... при холодѣ — это же совсѣмъ хорошо!

Фрау Вольфъ. Ну, вотъ видишь! Нешто я не забочусь о тебѣ?

Юлій. Хорошо. Очень хорошо! (Наливаетъ себѣ слова и пьетъ).

Фрау Вольфъ (помолчавъ, колетъ дрова, отъ поры до времени перехватывая кусокъ). А Вульковъ — настоящий мошенникъ. Всегда-то прикидывается, будто дѣла у него плохи.

Юлій. Ему же нельзя не держать языка за зубами — при этой... его... торговлѣ...

Фрау Вольфъ. Ты же слыхалъ про бобровую шубу.

Юлій. Я... ничего не слыхалъ.

Фрау Вольфъ (съ дѣланной легкостью). Дочь разсказывала про г-жу Крюгеръ, она подарила шубу Крюгеру.

Юлій. Имъ это можно...

Фрау Вольфъ. Ну да, вотъ Вульковъ и имѣлъ въ виду... Да ты же слыхалъ! Ежели бы кто досталъ такую шубу, онъ бы тотчасъ же уплатилъ шестьдесятъ талеровъ.

Юлій. Такъ пусть онъ... пусть онъ самъ обожжется.
Фрау Вольфъ (помолчавъ, наливая мужу водки). Выпей еще одну!

Юлій. А то онъ всегда... всегда... что-нибудь...

Фрау Вольфъ (приноситъ тетрадку и перелистываетъ ее).

Юлій. Сколько мы истратили съ іюля-то?

Фрау Вольфъ. Почти тридцать талеровъ уплачено.

Юлій. Тогда еще... еще остается?..

Фрау Вольфъ. Всего-то семьдесятъ. Такъ-то долго не протянешь. А вотъ сразу положить бы талеровъ этакъ шестьдесятъ-семьдесятъ. И земля была бы оплачена. Тогда можно было бы раздобыть отъ ста до двухсотъ и, пожалуй, пару комнатъ пристроить. Вѣдь такъ-то къ намъ ни одинъ дачникъ не поѣдетъ; а главный доходъ—отъ дачниковъ.

Юлій. Ну, и чтѣ же... дальше?

Фрау Вольфъ. Ты слишкомъ нерѣшительный человѣкъ, Юліанъ. Сталъ бы ты покупать землю? Ну? А если-бъ мы теперь вздумали продавать ее, мы уже получили бы вдвое. У меня совсѣмъ другая температура. Будь у тебя моя температура...

Юлій. Я же работаю, а къ чему все это!

Фрау Вольфъ. Работай понемножку, далеко уйдешь.

Юлій. Не красть же мнѣ. Все дѣло испортишь.

Фрау Вольфъ. Ты глупъ, такъ дуракомъ и останешься. Здѣсь никто не говорилъ про кражу. Вѣкъ звать, добра не видать. А разбогатѣешь, Юліанъ, въ экипажѣ станешь кататься, и ни одна-то душа не спроситъ, откуда это у тебя. Да, ежели-бъ я у бѣдныхъ брала! И ежели мы, въ самомъ дѣлѣ, пойдемъ къ Крюгерамъ и наложимъ саженъ дровъ на санки, и поставимъ къ себѣ въ сарай,—вѣдь отъ этого они еще не станутъ бѣднѣе.

Юлій. Дрова? Чтѣ это опять за дрова?

Фрау Вольфъ. Ты ровно ни о чемъ не заботишься. Твою дочь хоть до смерти замучь. Ей пришлось дрова таскать, въ десять-то часовъ вечера, вотъ она и убѣжала. Тебѣ это безразлично. Чего добраго, поколотишь ребенка да еще отошлешь назадъ къ этимъ людямъ.

Юлій. Разумѣется!.. Такъ и будетъ!.. Такъ и сдѣлаю...

Фрау Вольфъ. Такія-то вещи даромъ не проходятъ. Меня ударили, говорю, я тоже не смолчу...

Юлій. Да развѣ они ударили дѣвчонку?

Фрау Вольфъ. Разъ она убѣжала, Юліанъ? Нѣтъ, нѣтъ, съ тобой капли не сварить. Дрова теперь лежатъ на улицѣ.

Вѣдь ежели я скажу: пойдемъ, ты, мать, мучишь моего ребенка, такъ я беру твои дрова, — хорошую рожу ты скорчишь.

Юлій. Я вовсе не стану.. Я не продамъ себя. Я могу ѣсть не одинъ только хлѣбъ. И я не стерплю, чтобы такія вещи.. драться больше нельзя.

Фрау Вольфъ. Такъ вотъ, брось болтать и собирайся. Лучше покажи людямъ, кто ты таковъ. Въ одинъ часъ все обдѣлаемъ. Потомъ ляжемъ спать, и все тутъ. А завтра тебѣ не нужно будетъ ходить въ лѣсъ, и дровъ у насъ будетъ больше, чѣмъ нужно.

Юлій. Ну, коль на то пошло, мнѣ все равно.

Фрау Вольфъ. Почему бы не такъ! Только не буди дѣвушекъ.

Миттельдорфъ (снаружи). Фрау Вольфъ, а фрау Вольфъ, вы еще не спите?

Миттельдорфъ (входитъ, въ поношенномъ мундирѣ и пальто. Въ его лицѣ что-то дефистрофельское. Его носъ обнаруживаетъ алкоголическую красноту. Въ своемъ поведеніи онъ мягокъ, почти застѣнчивъ. Говоритъ медленно и протяжно, безъ всякаго движенія на языкъ). Добрый вечеръ, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Ночь, хотите вы сказать?

Миттельдорфъ. Я проходилъ здѣсь уже давеча. Сперва мнѣ вотъ что показалось: вижу свѣтъ, а потомъ вдругъ стало темно.. Вдобавокъ мнѣ никто и не отвѣтилъ. На сей разъ я совершенно ясно видѣлъ свѣтъ, вотъ я зашелъ еще разокъ.

Фрау Вольфъ. Съ чѣмъ же вы пожаловали ко мнѣ, Миттельдорфъ?

Миттельдорфъ (садится, думаетъ немного и потомъ говорить). За этимъ я, значить, и пришелъ. Есть порученіице отъ г-жи супруги начальника.

Фрау Вольфъ. Я должна придти стирать, да?

Миттельдорфъ (въ раздумьѣ морщитъ брови, потомъ говорить). Совершенно вѣрно!

Фрау Вольфъ. Когда же?

Миттельдорфъ. Завтра!.. Завтра утречкомъ!..

Фрау Вольфъ. И вы мнѣ это говорите ночью, въ двѣнадцать?

Миттельдорфъ. Завтра стирка у г-жи начальницы.

Фрау Вольфъ. Это должно быть извѣстно за два дня.

Миттельдорфъ. И то сказать. Только не поднимайте исторій. Я вотъ опять запамятовалъ. У меня столько всего въ головѣ, что иной разъ не хитро позабыть.

ФРАУ Вольфъ. Ладно, Миттельдорфъ, какъ-нибудь устрою. Мы же — друзья. У васъ и безъ того достаточно хлопотъ съ вашими одиннадцатью ребятами въ домѣ, не такъ ли? Что же вамъ еще получать нагоняй!

Миттельдорфъ. Если вы завтра не придете, тегушка Вольфъ, то мнѣ ужъ не сдобровать завтра утромъ.

ФРАУ Вольфъ. Ладно, приду, не беспокойтесь. На-те, выпейте! Не повредить. (Даетъ ему грогу). У меня тутъ какъ разъ осталось немножечко горячей воды. Мы вотъ нынче отправляемся въ путь. За откормленными гусями въ Трептовъ. Днем — некогда. У насъ вѣдь все по-старому. Бѣднякъ бьется день и ночь. Зато богачъ валяется въ постели.

Миттельдорфъ. Мнѣ отказали отъ мѣста, знаете? Начальникъ отказалъ. Я, молъ, недостаточно строгъ съ людьми.

ФРАУ Вольфъ. Значить, нужно цѣпной собакой быть?

Миттельдорфъ. Я лучше не пойду домой; придешь, грызня. Я не знаю, какъ мнѣ быть съ упреками.

ФРАУ Вольфъ. И, — заткните уши!

Миттельдорфъ. Ну, вотъ и заглядываешь въ трактиръ, чтобы горе не совсѣмъ одолѣло: даже этого нельзя. Ничего нельзя! Вотъ нынче опять посидѣть, тамъ пріятель выставилъ боченочекъ...

ФРАУ Вольфъ. Вамъ не слѣдуетъ бояться бабы. Если она васъ ругаетъ — и вы ругайтесь, она васъ бьетъ — и вы бейте. Ну-ка, подите сюда, вы же выше меня. Достаньте вонъ тѣ веревки. Слышь, Юліанъ, приготовь саяки. (Юліанъ уходитъ). Сколько разъ я должна тебѣ говорить. (Миттельдорфъ снимаетъ съ высокой полки веревки). Большія сани приготовь. Вонъ тѣ веревки — давай те же сюда.

Юлій (снаружи). Ничего не видать.

ФРАУ Вольфъ. Чего?..

Юлій (появляется въ дверяхъ). Мнѣ одному саней-то не вытащить. На нихъ что-то навалено. И безъ огня не управисься.

ФРАУ Вольфъ. Ты ровно ничего не сообразилъ. (Быстро надѣваетъ головной и грудной платки). Подожди, я сама тебѣ пособлю. Вонъ тамъ фонарь, Миттельдорфъ! (Миттельдорфъ съ трудомъ снимаетъ фонарь и передаетъ его фрау Вольфъ). Такъ, спасибо! (Вставляетъ въ фонарь свѣчу). Свѣча готова, можемъ идти. Теперь я помогу тебѣ вытащить санки. (Идетъ съ фонаремъ впередъ. За ней Миттельдорфъ. Въ дверяхъ она оборачи-

вается и передает фонарь Миттельдорфу). Вы можете намъ чуть-точку посвѣтить!

МИТТЕЛЬДОРФЪ (свѣтя и напѣвая про себя, уходитъ). Эхъ, заря, мо-я заря...

ЗАНАВѢСЬ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Канцелярія начальника волости фонъ-Вергана: большая бѣлая комната съ толстыми стѣнами и тремя окнами въ глубинѣ. Въ лѣвой стѣнѣ—входная дверь. У стѣны направо—служебный столъ, заваленный книгами, дѣлами и т. д., позади него кресло начальника. У средняго окна—столъ и стулъ писаря. Впереди направо, подъ рукою начальника, когда онъ сидитъ въ креслѣ, — шкапъ изъ изъ мягкаго дерева съ книгами. Лѣвая стѣна закрыта полками съ дѣлами. На самомъ переднемъ планѣ, начиная отъ лѣвой стѣны, стоятъ шесть стульевъ въ одинъ рядъ. Сидящіе на нихъ видны сзади. — Ясное зимнее утро. Писарь Глазенацъ скрипитъ перомъ на своемъ мѣстѣ. Это—невзрачная фигура въ очкахъ. Быстрымъ шагомъ входитъ начальникъ волости фонъ-Верганъ, со связкой дѣлъ подъ мышкой. Вергану около сорока лѣтъ; носить монокль. Онъ производитъ впечатлѣніе помѣщика. Его форменная одежда состоитъ изъ чернаго, застѣнутаго сюртука и высокихъ, нагнутыхъ на брюки ботфортовъ. Онъ говоритъ почти фистулой и старается выражаться съ военною краткостью.

ВЕРГАНЪ (мимоходомъ, какъ заваленный дѣлами человекъ). Здравствуйте!

ГЛАЗЕНАЦЪ (встаетъ). Здравія желаю, г-нъ начальникъ. Верганъ. Что новаго, Глазенацъ?

ГЛАЗЕНАЦЪ (стоя и перелистывая бумаги). Имѣю честь доложить, г. начальникъ... Во-первыхъ, тутъ былъ... гм! трактирщикъ Фибигъ. Онъ проситъ разрѣшить ему, г. начальникъ, танцевальный вечеръ въ ближайшее воскресенье.

ВЕРГАНЪ. Это... скажите, не Фибигъ?—отдавать недавно залу?..

ГЛАЗЕНАЦЪ. Свободомыслящиму. Такъ точно, г-нъ баронъ!

ВЕРГАНЪ. Этотъ самый Фибигъ?

ГЛАЗЕНАЦЪ. Точно такъ, г-нъ баронъ!

ВЕРГАНЪ. Мы его приструнимъ чутьчку! (Входитъ служитель Миттельдорфъ).

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Здравія желаю, г-нъ баронъ.

ВЕРГАНЪ. Послушайте: разъ навсегда — на службѣ я — начальникъ.

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Такъ точно. Слушаюсь, г-нъ ба... г-нъ начальникъ, хотѣлъ я сказать.

ВЕРГАНЪ. Забудьте же наконецъ: что я—баронъ,—дѣло второстепенное. По крайней мѣрѣ здѣсь не въ счетъ. (Глазенапу) Пожалуйста, дальше. Писатель Мотесъ не былъ?

ГЛАЗЕНАПЪ. Такъ точно, г-нъ начальникъ!

ВЕРГАНЪ. Такъ. Значитъ, былъ? Крайне любопытно. Онъ же хотѣлъ вторично зайти?

ГЛАЗЕНАПЪ. Этакъ къ двѣнадцати онъ будетъ снова здѣсь.

ВЕРГАНЪ. Онъ что-нибудь говоритъ, Глазенапъ?

ГЛАЗЕНАПЪ. Онъ приходитъ по дѣлу доктора Флейшера.

ВЕРГАНЪ. Скажите, Глазенапъ, доктора Флейшера вы знаете?

ГЛАЗЕНАПЪ. Я знаю одно: живетъ на дачѣ у Крюгера.

ВЕРГАНЪ. Давно ли онъ здѣсь?

ГЛАЗЕНАПЪ. Я-то служу съ Михайлова дня.

ВЕРГАНЪ. Ну да, мы прибыли вмѣстѣ, я здѣсь вотъ уже около четырехъ мѣсяцевъ.

ГЛАЗЕНАПЪ (изглядывая на Миттельдорфа). Полагаю, онъ, поди, уже два года здѣсь.

ВЕРГАНЪ (Миттельдорфу). Вамъ, конечно, ничего неизвѣстно.

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Позвольте доложить — съ Михайлова дня прошлаго года...

ВЕРГАНЪ. Какъ? Значитъ, онъ тогда появился здѣсь?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Такъ точно—изъ Берлина, г-нъ... г-нъ начальникъ.

ВЕРГАНЪ. Можетъ-быть, вы его ближе знаете?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Я знаю только, что его братъ — касиръ въ театрѣ.

ВЕРГАНЪ. Я спрашивалъ не про брата. Чѣмъ онъ занимается? Что онъ дѣлаетъ? Кто онъ такой?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Не могу знать. Сказываютъ, онъ боленъ. Страдаетъ сахарной болѣзною.

ВЕРГАНЪ. Чѣмъ онъ страдаетъ, мнѣ все равно. Можетъ, хоть сиропомъ потѣтъ, если ему нравится... Кто же онъ такой?

ГЛАЗЕНАПЪ (пожимаетъ плечами). Онъ называетъ себя провать-доцентомъ.

ВЕРГАНЪ. При! При! Не про, а привать-доцентъ.

ГЛАЗЕНАПЪ. Переплетчикъ Гукъ беретъ у него книги. Онъ каждую недѣлю отдастъ что-нибудь въ переплетъ.

ВЕРГАНЪ. Хотѣлось бы посмотреть, что онъ читаетъ.

ГЛАЗЕНАПЪ. Почтальонъ думаетъ, у него двадцать газетъ. Въ томъ числѣ и демократическія.

ВЕРГАНЪ. Вы бы привели сюда Гука.

ГЛАЗЕНАПЪ. Сейчасъ?

ВЕРГАНЪ. При случаѣ. Завтра, послѣзавтра. Пусть и нару книгъ захватить. (Миттельдорфу) Вы, очевидно, спите цѣлый день — или, можетъ-быть, у него хорошія сигары водятся?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Г-нъ начальникъ!..

ВЕРГАНЪ. Ну, оставьте. Я слѣжу за своими людьми. Это завелось при моемъ предшественникѣ. Но оно мало-помалу переѣмнится... Для служащихъ въ полиціи позорно получать подарки. Для васъ это, разумѣется, турецкая грамота. (Глазенапу) Мотесь не высказывалъ ничего опредѣленнаго?

ГЛАЗЕНАПЪ. Опредѣленную онъ мнѣ ничего не говорилъ. Онъ полагалъ, что г-ну начальнику уже извѣстно...

ВЕРГАНЪ. Какъ сказать: мнѣ извѣстно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Молодчикъ у меня уже давно на примѣтѣ. Я разумѣю, конечно, доктора Флейшера. Г-нъ Мотесь мнѣ только подтвердилъ, что я совершенно правильно раскусилъ этого господина... А что говорятъ про Мотеса? (Глазенапъ и Миттельдорфъ смотрятъ другъ на друга. Глазенапъ пожимаетъ плечами). Въ долгу, какъ въ шелку, да?

ГЛАЗЕНАПЪ. Онъ же увѣряетъ, у него, молъ, пенсія.

ВЕРГАНЪ. Пенсія?

ГЛАЗЕНАПЪ. Ему глазъ прострѣлили.

ВЕРГАНЪ. Стало-быть, нѣчто въ родѣ вознагражденія за увѣче.

ГЛАЗЕНАПЪ. Простите, г-нъ начальникъ. По-моему, у него одно увѣче. А денегъ у него никто не видалъ.

ВЕРГАНЪ (развеселясь). Есть еще что-нибудь важное?

ГЛАЗЕНАПЪ. Однѣ мелочи, г-нъ начальникъ. Заявленіе о кражѣ...

ВЕРГАНЪ. Ладно, ладно. Вамъ, поди, приходилось слышать, что Флейшеръ чуточку несдержанъ на языкъ?

ГЛАЗЕНАПЪ. Сейчасъ что-то не помню.

ВЕРГАНЪ. Мнѣ какъ разъ такъ и передавали. Онъ, дескать, заводитъ недолжныя разговоры насчетъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Впрочемъ, все это выйдетъ наружу. А теперь — къ дѣлу. Ну, Миттельдорфъ, что тамъ у васъ еще?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. Нынче ночью совершена кража.

ВЕРГАНЪ. Кража? У кого?

МИТТЕЛЬДОРФЪ. На дачѣ Крюгера.

Верганъ. Чтò же украдено?

Миттельдорфъ. Дрова.

Верганъ. Въ прошлую ночь, или когда?

Миттельдорфъ. Въ прошлую ночь.

Верганъ. Отъ кого вы узнали?

Миттельдорфъ. Я это...

Верганъ. Ну, отъ кого же?

Миттельдорфъ. Я это... отъ господина Флейшера слышалъ.

Верганъ. Вотъ какъ! Вы съ нимъ разговариваете?..

Миттельдорфъ. Да и самъ г-нъ Крюгеръ тоже сказывалъ.

Верганъ. Онъ подлинный сутяга. Онъ мнѣ пишетъ по три письма въ недѣлю. То его ударили, то у него заборъ сломали, то вторглись въ его владѣнія. Одни искн да искн.

Мотесъ (входитъ. Во время разговора почти безпрестанно нервно смѣется). Къ вашимъ услугамъ, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Вотъ и вы. Очень радъ видѣть васъ. Пожалуй, вы можете сказать намъ сейчасъ же: у Крюгера совершена кража?

Мотесъ. Я больше не живу у Крюгера.

Верганъ. И вообще вы ничего не слышали, г-нъ Мотесъ?

Мотесъ. Слышать-то слыхалъ, только ничего опредѣленнаго. Когда я проходилъ мимо дачи, то они оба искали слѣдовъ на снѣгу.

Верганъ. Вогъ какъ? Докторъ Флейшеръ помогалъ ему,—стало-быть, они достаточно дружны?

Мотесъ. Друзья-пріятели, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Да, чтò касается Флейшера—это меня больше всего интересуетъ. Присядьте, пожалуйста... Признаться, я полъ-ночи глазъ не смыкалъ. Это дѣло не давало мнѣ покоя. Вы написали мнѣ письмо, которое крайне взволновало меня. Конечно, это вопросъ личнаго взгляда. Мой предшественникъ оставилъ бы это безъ всякаго вниманія. Я же твердо рѣшилъ, какъ говорится, расправиться съ этимъ. Моя задача здѣсь: чистота и порядокъ... Сколько тутъ сору накопилось подъ покровительствомъ моего предшественника! Темныя личности, неблагонадежные, вредные королю и отечеству элементы. Они у меня завоютъ... Такъ вотъ, г-нъ Мотесъ, вы—писатель?

Мотесъ. По вопросамъ охоты и лѣсоводства, да.

ВЕРГАНЪ. Значить, вы пишете въ «Вѣстникъ Охоты и Лѣсоводства»? А пророс: и можете существовать этимъ?

МОТЕСЬ. При моихъ-то познаніяхъ, г-нъ баронъ. Слава Богу, живетъ недурно.

ВЕРГАНЪ. Значить, вы—ученый лѣсничій, да?

МОТЕСЬ. Я былъ въ академіи, г-нъ начальникъ. Учился въ Эберсвальде. Передъ самыми экзаменами со мной случилось несчастье...

ВЕРГАНЪ. Ахъ, да, вы же носите повязку.

МОТЕСЬ. Я потерялъ глазъ на охотѣ, г-нъ баронъ. Получилъ дробинку въ правый глазъ, отъ кого, къ сожалѣнію, нельзя было установить. Вотъ мнѣ и пришлось бросить карьеру.

ВЕРГАНЪ. Значить, вы получаете пенсію?

МОТЕСЬ. Нѣтъ. Я самъ мало-мальски пробился. Мое имя теперь уже достаточно извѣстно.

ВЕРГАНЪ. Гм... Можетъ-быть, вы моего зятя знаете?

МОТЕСЬ. Г-на старшаго лѣсничаго фонъ-Вахсмана, конечно. Я съ нимъ частенько переписываюсь, и вдобавокъ мы—члены одного общества. Общества для разведенія легавыхъ собакъ.

ВЕРГАНЪ (нѣсколько вздохнувъ). Такъ! Вы, значить, знакомы съ нимъ? Пріятно слышать. Это существенно упрощаетъ дѣло и создаётъ почву для взаимнаго довѣрія. У насъ теперь больше нѣтъ препятствій, г-нъ Мотесъ. Итакъ, въ нашемъ письмѣ вы пишете, что имѣли возможность наблюдать за докторомъ Флейшеромъ. Расскажите, что вамъ извѣстно.

МОТЕСЬ (отпихивается). Когда я... когда я приблизительно годъ тому назадъ поселился на дачѣ у Крюгера, г-нъ баронъ, то я даже и не подозрѣвалъ, съ кѣмъ мнѣ придется сталкиваться.

ВЕРГАНЪ. Вы не были знакомы ни съ Крюгеромъ ни съ Флейшеромъ?

МОТЕСЬ. Нѣтъ, какъ это бываетъ — живя въ одномъ домѣ. Мнѣ никакъ нельзя было уклониться.

ВЕРГАНЪ. Что же за народъ ходилъ въ домъ?

МОТЕСЬ (съ многозначительнымъ движеніемъ руки). Ахъ!

ВЕРГАНЪ. Понимаю.

МОТЕСЬ. Всякій сбродъ. Демократы.

ВЕРГАНЪ. Происходили регулярныя собранія?

МОТЕСЬ. Каждый четвергъ, насколько мнѣ извѣстно.

ВЕРГАНЪ. Въ такомъ случаѣ мы обратимъ на это вниманіе. А теперь-то вы съ ними больше не встрѣчаетесь?

Мотесъ. Въ концѣ концовъ я уже не могъ больше, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Вамъ стало противно, да?

Мотесъ. Совсѣмъ тошно стало.

Верганъ. Всѣ эти беззаконія, наглые насмѣшки надъ высокопоставленными лицами... въ концѣ концовъ вы не могли больше выслушивать все это?

Мотесъ. Я все-таки оставался, полагая, что это можетъ пригодиться.

Верганъ. Но въ концѣ-то концовъ вы же отказались отъ квартиры?

Мотесъ. Такъ точно, съѣхалъ, г-нъ баронъ.

Верганъ. И наконецъ рѣшили...

Мотесъ. Я счелъ своимъ долгомъ.

Верганъ....довести это до свѣдѣнія властей... Я нахожу, что это очень почтенно съ вашей стороны... Значитъ, онъ сказалъ словечко—мы послѣ составимъ протоколъ—по адресу одной высокой особы, внушающей намъ всѣмъ глубочайшее благоговѣніе?

Мотесъ. Такъ точно, г-нъ баронъ, сказалъ.

Верганъ. И въ случаѣ надобности вы подтвердите это присягой?

Мотесъ. Я подтверждаю это присягой, въ случаѣ надобности.

Верганъ. Вамъ и придется присягнуть.

Мотесъ. Хорошо, г-нъ баронъ.

Верганъ. Конечно, намъ лучше всего было бы найти еще одного свидѣтеля.

Мотесъ. Постараюсь разыскать, г-нъ баронъ. Только молодой такъ швыряется деньгами кругомъ, что...

Верганъ. Ахъ, погодите, вонъ ужъ идетъ Крюгеръ. Я хочу раньше съ нимъ покончить. Во всякомъ случаѣ вамъ очень благодаренъ за вашу энергичную поддержку. Безъ этого положительно не обойтись, если хочешь добиться чего-нибудь въ наши дни.

Крюгеръ (быстро и возбужденно входитъ). Господи! Боже мой! Здравствуйте, г-нъ начальникъ.

Верганъ (Мотесу). Простите, на минуточку! (Высокомѣрно допрашивая Крюгера) Что вамъ угодно?

(Крюгеръ—маленькій, нѣсколько глуховатый, почти семидесятилѣтній старикъ. Онъ ходитъ нѣсколько согнувшись, немного скосивъ лѣвое плечо, но въ остальномъ еще очень крѣпокъ и сопровождаетъ свои слова энергичнымъ жестомъ. Онъ въ мѣховой шапкѣ, которую въ канцеляріи онъ держитъ въ рукѣ; на немъ темное, зимнее пальто и толстый шерстяной шарфъ на шеѣ).

Крюгеръ (въ крайнемъ гнѣвѣ, раздражаясь). Меня обокрали, г-нъ начальникъ. (Переводя духъ, вытираетъ платкомъ потъ со лба и, какъ всѣ глуховатые, пристально смотритъ въ ротъ начальнику).

Верганъ. Обокрали? Гм!

Крюгеръ (раздраженно). Да-съ, обокрали. Меня обокрали. У меня сажень дровъ стапчили.

Верганъ (оглядываясь на присутствующихъ съ полуулыбкой, вскользь). Но вѣдь въ послѣднее время о подобныхъ вещахъ здѣсь и помину не было.

Крюгеръ (приложивъ руку къ уху). Чтѣ? И помину? Боже милосердый! Значить, я здѣсь шутки шучу, что ли?

Верганъ. Поэтому вамъ совершенно нечего горячиться. Между прочимъ, какъ васъ зовутъ?

Крюгеръ (остолбенѣвъ). Какъ меня зовутъ?

Верганъ. Да, какъ васъ зовутъ?

Крюгеръ. Мое имя вамъ еще незнакомо? Полагаю, мы уже имѣли удовольствіе...

Верганъ. Къ сожалѣнію. Что-то не припомню. Наконецъ, здѣсь это было бы безразлично.

Крюгеръ (покорно). Меня зовутъ Крюгеромъ.

Верганъ. Ужъ не рантье ли?

Крюгеръ (съ удареніемъ, иронически, выходя изъ себя). Да-съ. Рантье и домовладѣлецъ.

Верганъ. Пожалуйста, удостовѣрьте вашу личность.

Крюгеръ. Удо...стовѣрить? Меня зовутъ Крюгеромъ. И мы оставимъ эти придирки. Я здѣсь тридцать лѣтъ живу. Меня каждый мальчишка на улицѣ знаетъ.

Верганъ. Сколько лѣтъ вы живете здѣсь, меня не касается. Я просто хочу удостовѣрить вашу личность. Вы этого господина знаете, г-нъ Мотесъ?

(Мотесъ полуприподнимается съ сердитымъ лицомъ).

Верганъ. Ахъ, да, понимаю. Садитесь, пожалуйста. Тогда вы, Глазенапъ?

Глазенапъ. Такъ точно! Къ вашимъ услугамъ. Это—здѣшній рантье Крюгеръ...

Верганъ. Хорошо-съ. Итакъ, у васъ украли дрова?

Крюгеръ. Да. Дрова. Сажень сосновыхъ дровъ.

Верганъ. Дрова у васъ были сложены въ сараѣ?

Крюгеръ (снова всплывъ). Это—само собой. Это совсѣмъ особое дѣло.

Верганъ (иронически и мелькомъ улыбаясь остальнымъ, вскользь). Опять особое дѣло?

Крюгеръ. Чтѣ вы хотите сказать?

ВЕРГАНЪ. Ничего. Говорите, пожалуйста, дальше. Значить, дрова были не въ сараѣ?

КРЮГЕРЪ. Дрова были въ саду. То-есть передъ садомъ.

ВЕРГАНЪ. Другими словами: лежали на улицѣ?

КРЮГЕРЪ. Они лежали передъ садомъ на моей землѣ.

ВЕРГАНЪ. Такъ что всякій могъ легко добраться до нихъ?

КРЮГЕРЪ. А это уже вина служанки. Она должна была убрать ихъ вечеромъ.

ВЕРГАНЪ. Значить, она забыла убрать ихъ?

КРЮГЕРЪ. Отказалась. И когда я продолжалъ настаивать, она въ концѣ концовъ сбѣжала. Я предъявлю искъ къ родителямъ. Я потребую полного возмѣщенія убытковъ.

ВЕРГАНЪ. Дѣлайте, какъ хотите. Но это мало поможетъ. Вы кого-нибудь заподозрѣли?

КРЮГЕРЪ. Нѣтъ. Здѣсь, что ни человѣкъ, то воръ.

ВЕРГАНЪ. Нельзя ли безъ обобщеній?.. Вы должны дать мнѣ въ руки какую-нибудь нить.

КРЮГЕРЪ. Не обвинять же мнѣ человѣка наудачу.

ВЕРГАНЪ. Кто живетъ кромѣ васъ въ вашемъ домѣ?

КРЮГЕРЪ. Г-нъ докторъ Флейшеръ.

ВЕРГАНЪ (какъ бы припоминая). Докторъ Флейшеръ? Докторъ Флейшеръ?.. Онъ же... Кто онъ такой?

КРЮГЕРЪ. Очень ученый. Очень ученый человѣкъ, да.

ВЕРГАНЪ. Вы очень близки другъ съ другомъ?

КРЮГЕРЪ. Съ кѣмъ я близокъ, это ужъ мое дѣло. Это же отнюдь не относится къ дѣлу, думается мнѣ.

ВЕРГАНЪ. Какъ же тутъ искать въ концѣ концовъ? Вы должны дать мнѣ то или иное указаніе.

КРЮГЕРЪ. Я долженъ? Боже милосердый! Я долженъ? У меня украли сажень дровъ. Я просто прихожу сдѣлать заявленіе о кражѣ...

ВЕРГАНЪ. У васъ должно быть подозрѣніе на кого-нибудь. Вѣдь кто-нибудь да украсть дрова!

КРЮГЕРЪ. Что? Да не я же! Ужъ навѣрное—не я.

ВЕРГАНЪ. Но, любезнѣйшій...

КРЮГЕРЪ. Что?.. Меня зовутъ—г-нъ Крюгеръ.

ВЕРГАНЪ (возвращаясь къ дѣлу, повиданному, наскучивъ). Эхъ!.. Ну, Глазенацъ, составляйте протоколъ... Что же съ дѣвушкой, г-нъ Крюгеръ? Дѣвушка сбѣжала отъ васъ?

КРЮГЕРЪ. Да, совершенно вѣрно—назадъ къ родителямъ!

ВЕРГАНЪ. Родители здѣсь живутъ?

КРЮГЕРЪ. Какъ вы сказали?

ВЕРГАНЪ. Родители дѣвушки живутъ здѣсь?

ГЛАЗЕНАПЪ. Это—дочь прачки Вольфъ.

ВЕРГАНЪ. Вольфъ, которая сегодня стираетъ у насъ, Глазенапъ?

ГЛАЗЕНАПЪ. Такъ точно, г-нъ начальникъ.

ВЕРГАНЪ (качая головой). Крайне удивительно!.. Эта работорящая, честная женщина! (Крюгеру) Вѣрно? Дочь Вольфъ?

КРЮГЕРЪ. Дочь прачки Вольфъ.

ВЕРГАНЪ. И дѣвушка вернулась?

КРЮГЕРЪ. До сихъ поръ еще не возвращалась.

ВЕРГАНЪ. Тогда мы позовемъ Вольфиху. Эй, Миттельдорфъ! Вы очень устали? Пройдите-ка черезъ дворъ. Пусть Вольфиха сейчасъ же придетъ ко мнѣ. Прошу садиться, г-нъ Крюгеръ.

КРЮГЕРЪ (сядась, вздыхаетъ). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ну и жизни!

ВЕРГАНЪ (вполголоса Мотесу и Глазенапу). Мнѣ очень любопытно, что изъ этого выйдетъ. Тутъ что-нибудь да не такъ. Я какъ разъ очень цѣню Вольфиху. Баба работаетъ за четверыхъ мужчинъ. Моя жена говоритъ, что, когда нѣтъ Вольфихи, приходится звать двухъ прачекъ вмѣсто нея.. И взгляды у нея совсѣмъ не безтолковые.

МОТЕСЬ. Ея дочки пойдутъ въ оперу...

ВЕРГАНЪ. Ну, тогда одного винтика не хватаетъ. Но это же не есть недостатокъ характера. Что это у васъ виситъ, г-нъ Мотесъ?

МОТЕСЬ. Проводочные силки. Я ихъ несу лѣсническому Зейделю.

ВЕРГАНЪ. Ахъ, покажите-ка мнѣ эту штучку. (Беретъ проволоку и разсматриваетъ ее). Животное должно очень медленно задыхаться въ нихъ.

(Входитъ фрау Вольфъ, за ней Миттельдорфъ. Она еще вытираетъ мокрую отъ стирки руку).

ФРАУ ВОЛЬФЪ (простодушно, весело, съ бѣглыми взглядами, на силки). Вотъ и я. Въ чемъ дѣло? Что нужно отъ Вольфихи?

ВЕРГАНЪ. Фрау Вольфъ, вы знаете этого господина?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Какого господина? (Указывая пальцемъ на Крюгера) Вотъ этого? Это—господинъ Крюгеръ. Я его чуточку знаю, не правда ли? Здравствуйте, г-нъ Крюгеръ.

ВЕРГАНЪ. Ваша дочь служить у г-на Крюгера?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Кто? Моя дочь-то? Такъ точно! Леонтиной звать. (Крюгеру) Вѣрите сказать: она отъ васъ убѣжала.

КРЮГЕРЪ (разсвѣрлявъ). Ну да, разумѣется!

ВЕРГАНЪ (перебывая). Ахъ, постойте же.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Чтѣ тамъ между вами, собственно, вышло?

ВЕРГАНЪ. Фрау Вольфъ, послушайте моего совѣта. Ваша дочь должна сейнасъ же вернуться на службу.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. И,—нѣтъ, теперь мы оставимъ ее дома.

ВЕРГАНЪ. Это не такъ просто, какъ вамъ кажется. Въ случаѣ надобности г-нъ Крюгеръ имѣетъ право прибѣгнуть къ помощи полиціи. И намъ пришлось бы водворить вашу дочь назадъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Мой мужъ вбилъ себѣ это въ голову. Онъ вовсе не хочетъ отпустить ее болыне. А разъ мой мужъ вбилъ себѣ въ голову что-нибудь... Вы, мужнины, ужасно вспыльчивы.

ВЕРГАНЪ. Ну, бросьте это, фрау Вольфъ. Давно ли ваша дочь дома?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Со вчерашняго вечера.

ВЕРГАНЪ. Хорошо-съ. Со вчерашняго. Она должна была убрать дрова въ сарай и отказалась наотрѣзъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Вотъ еще! Отказалась! Дѣвочка ни отъ какой работы не отказывается. Да я бы ей задама!

ВЕРГАНЪ. Вы слышали, чтѣ сказала фрау Вольфъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Дѣвочка всегда была услужлива. Посмѣй она хотъ разъ отказаться отъ чего-нибудь...

КРЮГЕРЪ. Она отказалась убрать дрова.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Да, таскать дрова, въ одиннадцатъ вечера, ежели требовать этого отъ ребенка...

ВЕРГАНЪ. Все дѣло въ томъ, фрау Вольфъ: дрова остались на улицѣ. Вотъ въ эту ночь ихъ и украли. Онъ теперь хочетъ...

КРЮГЕРЪ. (болыне не сдерживаетъ себя). Вы мнѣ заплатите за дрова, фрау Вольфъ.

ВЕРГАНЪ. Подождите, объ этомъ въ свой чередъ.

КРЮГЕРЪ. Вы мнѣ заплатите все, до послѣдней копейки.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Какъ бы не такъ! Повости какія! Нешто я украда ваши дрова?

ВЕРГАНЪ. Ну, дайте ему сперва успокоиться.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. И,—сжали г-нъ Крюгеръ явится ко мнѣ получать за дрова и прочее такое, то съ меня взятки гладки. Я лажу со всѣми людьми. Тутъ ужъ на меня никто не пожалуется. А коли придется, почему бы и нѣтъ? Тутъ ужъ я все выложу. Я дѣлаю свое дѣло, и все тутъ.

Въ этомъ во всемъ селѣ меня никто не можетъ упрекнуть. А въ обиду я, шалишь, себя не дамъ!

ВЕРГАНЬ. Да вы только не горячитесь, фрау Вольфъ. На, это у васъ нѣтъ ровно никакого основанія. Вы только будѣте спокойны, совершенно спокойны. Мы васъ немного знаемъ. Что вы трудолюбивы и честны, этого же никто не станеть оспаривать. Что вы имѣете возразить?

КРЮГЕРЪ. Ей рѣшительно нечего возразить!

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Ну, послушайте, это же ни на что не похоже. Развѣ дѣвчонка мнѣ не дочь? На это я ничего не должна говорить, да? Тогда поищите себѣ дуру, тогда вы плохо знаете тетюшку Вольфъ. Я ни передъ кѣмъ не струшу, будь то хоть самъ г-нъ начальникъ. А тѣмъ паче передъ вами, ужъ повѣрьте мнѣ.

ВЕРГАНЬ. Я понимаю ваше возбужденіе, фрау Вольфъ. Но если вы хотите помочь дѣлу, то я вамъ совѣтую быть спокойнѣе.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Я поработала-таки на этихъ господъ. Десять лѣтъ бѣлье стирала. Мы все время ладили. И теперь вдругъ вы вотъ съ чѣмъ пожаловали. Я къ вамъ больше не приду, ужъ повѣрьте мнѣ.

КРЮГЕРЪ. Да васъ никто и не просить. Найдутся и другія женщины, умѣющія стирать.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. И зелень и овощи изъ вашего огорода можетъ тоже другая продавать.

КРЮГЕРЪ. Устроимся, не беспокойтесь... Вы бы только взяли палку и пригнали вашу дочь назадъ ко мнѣ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Я не позволю мучить мою дочь.

КРЮГЕРЪ. Кто же мучилъ вашу дочь, спрашивается?

ФРАУ ВОЛЬФЪ (ВЕРГАНУ). Дѣвчонка-то почти въ скелетъ превратилась.

КРЮГЕРЪ. Такъ она бы не плясала ночи напролетъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Цѣлый день спать, какъ убитая.

ВЕРГАНЬ (черезъ голову фрау Вольфъ, КРЮГЕРУ). А гдѣ же вы покупали дрова?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Значить, дѣлу-то еще не скоро конецъ?

ВЕРГАНЬ. Да вамъ-то что, фрау Вольфъ?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Да я насчетъ стирки. Ежели я тутъ буду тратить время, то мнѣ не кончить сегодня.

ВЕРГАНЬ. Съ этимъ здѣсь нельзя считаться, фрау Вольфъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. А ваша супруга? Что она-то скажетъ? Тогда ужъ вы толкуйте съ нею, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Еще одну минуточку. Скажите-ка намъ, фрау Вольфъ, — васъ тутъ всѣ въ деревнѣ знаютъ, — кого вы считаете способнымъ на подобную кражу? Кто бы могъ украсть дрова?

Фрау Вольфъ. На это я вамъ не берусь отвѣтить, г-нъ начальникъ.

Верганъ. И вы не замѣтили ничего подозрительнаго?

Фрау Вольфъ. Во-первыхъ, въ эту ночь меня-то и дома не было. Мнѣ нужно было въ Трептовъ, купить гусей.

Верганъ. Въ которомъ же часу это было?

Фрау Вольфъ. Сейчасъ послѣ десяти. Мы уѣхали при Миттельдорфѣ.

Верганъ. Такъ вамъ не попадался возъ съ дровами?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, не видала.

Верганъ. А вы, Миттельдорфъ, ничего не замѣтили?

Миттельдорфъ (лѣсколько подумавъ). Мнѣ не попадалось ничего подозрительнаго.

Верганъ. Ну, разумѣется, я такъ и зналъ. (Крюгеру) Гдѣ же вы все-таки покупали дрова?

Крюгеръ. На что вамъ знать все это, спрашивается?

Верганъ. Ужъ вы предоставьте мнѣ судить объ этомъ.

Крюгеръ. Разумѣется, въ лѣсничествѣ.

Верганъ. Это же вовсе не разумѣется. Имѣются, напримеръ, лѣсные склады. Я, напримеръ, покупаю дрова у Зандберга. Почему бы и вамъ не брать ихъ у торговцевъ? Къ тому же это почти дешевле.

Крюгеръ (съ нетерпѣніемъ). Мнѣ больше некогда, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Что значить—некогда? У васъ нѣтъ времени? Вы ко мнѣ приходите, или я къ вамъ? Я у васъ отнимаю время, или вы у меня?

Крюгеръ. Это ваша обязанность, на то вы и здѣсь.

Верганъ. Развѣ я вашъ слуга, что?

Крюгеръ. А развѣ я украсть серебряныя ложки? Я не допускаю этого унтеръ-офицерскаго тона со мной!

Верганъ. Вы только послушайте... Не кричаты!

Крюгеръ. Это вы кричите, сударь!

Верганъ. Вы — полуглухой, вотъ мнѣ и приходится кричать.

Крюгеръ. Вы всегда кричите, вы на всѣхъ кричите, кто приходитъ сюда.

Верганъ. Я ни на кого не кричу, молчать!

Крюгеръ. Вы пѣтушитесь здѣсь, какъ не знаю кто. Ко всему селу придираетесь.

Верганъ. Еще не то будетъ, вы только подождите. Вамъ еще круче придется отъ меня.

Крюгеръ. На меня это ничуть не дѣйствуетъ. Вы—горошинка, и больше ничего. Хотите напустить на себя, больше ничего. Точно вы—самъ король...

Верганъ. Да, я здѣсь король!

Крюгеръ (хохочетъ во все горло). Ха-ха-ха-ха! Это какъ вашей милости угодно, на мой же взглядъ вы—ничто. Самый обыкновенный начальникъ волости. Да и тутъ вамъ еще нужно поучиться.

Верганъ. Милостивый государь, если вы сейчасъ же не замолчите...

Крюгеръ. То вы прикажете арестовать меня? Я бы вамъ не совѣтовалъ. Вамъ это могло бы дороговъко обойтись.

Верганъ. Дороговъко? Изъ-за васъ-то? (Мотесу) Вы слышали? (Крюгеру) Сколько бы вы ни мучили и ни интриговали со всей вашей любезной шайкой, съ мѣста вамъ меня не удалить.

Крюгеръ. Боже мой! Мнѣ мутитъ противъ васъ? Ваша особа слишкомъ безразлична для меня. И если вы не перемѣнитесь, то, повѣрьте мнѣ, вы натворите столько бѣдъ, что станете рѣшительно нестерпимы.

Верганъ (Мотесу). Г-нъ Мотесъ, нужно принять во вниманіе возрастъ.

Крюгеръ. Я прошу составить протоколъ.

Верганъ (роеся въ своихъ бумагахъ). Подайте, пожалуйста, письменное заявленіе,—сейчасъ мнѣ некогда.

Крюгеръ (изумленно смотритъ на него, энергично поворачивается и уходитъ, не простясь).

Верганъ (послѣ нѣкотораго молчаливаго замѣшательства). И ходять же люди съ подобнымъ вздоромъ!.. Эхъ!.. (Къ frau Вольфъ) Отправляйтесь-ка стирать. Я вамъ скажу, любезный Мотесъ, туго на такомъ-то посту приходится. И если-бъ человѣкъ не звалъ, зачѣмъ онъ здѣсь поставленъ, то иной разъ онъ все бы къ чорту послалъ. Но, какъ говорится: терпи, казакъ... Вѣдь во имя чего же борешься въ концѣ концовъ? Во имя вышихъ благъ отечества!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Около восьми часовъ утра, въ домѣ фрау Вольфъ. На плитѣ кипятъ кофейники съ водою. Фрау Вольфъ сидитъ на низенькой скамеечкѣ и считаетъ деньги на сидѣннй стула. Входить Юлій съ убитымъ кроликомъ.

Юлій. Да спрячь ты деньги.

Фрау Вольфъ (углубленная въ счетъ, грубо). Не мѣшай! (Молчаніе).

(Юлій бросаетъ кролика на одну изъ скамеекъ, потомъ довольно нерѣшительно берется то за одно, то за другое, и наконецъ начинаетъ смазывать сапогъ. Слышенъ отдаленный охотничій рожокъ).

Юлій (прислушивается, потомъ съ возбужденнымъ безпокойствомъ). Да спрячь же деньги-то!

Фрау Вольфъ. Оставь меня въ покоѣ, Юліанъ. Пускай себѣ трубитъ проклятый Мотесъ. Онъ въ лѣсу и ни о чемъ не думаетъ.

Юлій. Ты насъ еще до тюрьмы доведешь!

Фрау Вольфъ. Полно вздоръ-то молоть. Дочь идетъ!

Адельгейда (входитъ, только-что съ постели). Здравствуй, мама!

Фрау Вольфъ. Хорошо спала?

Адельгейда. Вѣдь ночью васъ дома не было?

Фрау Вольфъ. Это тебѣ приснилось... Да ну же! Приноси дровъ. Живѣй.

Адельгейда (бросаетъ апельсинъ, какъ мячикомъ, въ дверь).

Фрау Вольфъ. Кто тебѣ далъ его?

Адельгейда. Лавочникъ Шебель. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ. А ты не смѣй брать отъ него подарки!.. Подъ-ка сюда, Юліанъ! Слушай! Тутъ у меня пятьдесятъ девять талеровъ. Съ Вульковымъ всегда такъ. На одинъ талеръ всегда надуетъ, вѣдь онъ же хотѣлъ дать шестьдесятъ... Вотъ я кладу ихъ въ кошелекъ, понялъ? Возьми лопату, ступай и вырой ямку въ козьемъ хлѣву, только подъ яслями, гдѣ сухо; потомъ спрячь туда кошелекъ, слышишь? И сверху закрой плоскимъ камнемъ. Да недолго возисъ съ этимъ.

Юлій. Я думалъ, ты хочешь Фишерамъ заплатить что-нибудь.

Фрау Вольфъ. Дѣлай, что говорятъ. И брось вздоръ-то молоть, понялъ?

Юлій. Не серди ты меня, а то влетитъ тебѣ. Я на допущу, чтобы деньги дома лежали.

Фрау Вольфъ. Куда же ихъ дѣвать?

Юлій. Возьми да отнеси Фишерамъ. Ты же сама говорила, что хочешь заплатить имъ что-нибудь.

Фрау Вольфъ. Ты глупъ, какъ пень. Безъ меня ты бы совсѣмъ пропалъ.

Юлій. Ори еще больше!

Фрау Вольфъ. Поневоли закричишь, разъ ты такъ глупъ. Не говори глупостей, и мнѣ не придется кричать. Если мы теперь понесемъ деньги къ Фишерамъ, то смотри, что съ нами будетъ.

Юлій. Я-жъ тебѣ говорилъ! Со всей этой исторіей! Что мнѣ въ ней толку, коли придется сидѣть.

Фрау Вольфъ. Тебѣ уже пора и замолчать объ этомъ!

Юлій. А ты бы еще больше кричала?

Фрау Вольфъ. Глотка-то у меня одна. Ты поднимаешь крикъ... ужъ и не знаю, какой, — изъ-за этой пустячной исторіи. Лучше за собой смотри, а не за мной. Ты уже бросилъ ключъ въ рѣку?

Юлій. А развѣ я ходилъ на рѣку?

Фрау Вольфъ. Ты бы поторопился, пока не поздно. Ты хочешь, чтобы они нашли ключъ у тебя? (Юлій хочетъ уходить). И,—постой, Юліанъ! Дай-ка сюда ключъ!

Юлій. Что же ты будешь дѣлать съ нимъ?

Фрау Вольфъ (беретъ ключъ къ себѣ). Это тебя не касается, это—мое дѣло. (Прячетъ у себя ключъ, насыпаетъ въ кофейную мельницу кофе и начинаетъ молотъ). Сходи-ка теперь въ хлѣвъ, потому вернешься и попьешь.

Юлій. Мнѣ слѣдовало это раньше знать. (Юлій уходитъ. Входитъ Адельгейда, съ большимъ передникомъ, полнымъ дровъ).

Фрау Вольфъ. Откуда брала дрова-то?

Адельгейда. Изъ кучи новаго кругляку.

Фрау Вольфъ. А ты не трогай новыхъ дровъ.

Адельгейда (бросаетъ дрова на землю у плиты). Не бѣда, мама, если они и выйдутъ.

Фрау Вольфъ. Что ты знаешь! Что тебѣ въ голову пришло? У тебя еще молоко на губахъ не обсохло!

Адельгейда. Я знаю, откуда оно...

Фрау Вольфъ. Ты про что, дѣвушка?

Адельгейда. Да про дрова.

Фрау Вольфъ. И,—вражесъ. Я ихъ на аукціонѣ купила.

Адельгейда (играетъ апелсомъ). Да, да, будь то правда. Ихъ стащили.

Фрау Вольфъ. Что такое?

Адельгейда. Сташили. Это же Крюгеровы дрова, мама. Мнѣ Леонтина сказывала.

Фрау Вольфъ (дастъ ей подзатыльникъ). Вотъ тебѣ отвѣтъ. Мы не крадемъ. Ступай, готовь уроки. Да хорошенько, говорю тебѣ. Я послѣ приду посмотреть.

Адельгейда (уходитъ въ сосѣдную комнату). Я думаю пойти покататься на конькахъ.

Фрау Вольфъ. А экзаменъ передъ конфирмаціей,—про него ты совсѣмъ позабыла?

Адельгейда. Это же только во вторникъ.

Фрау Вольфъ. Завтра. Выучи мѣста изъ библіи. Я послѣ приду и спрошу тебя.

Адельгейда (слышно, какъ въ сосѣдней комнатѣ громко звѣваютъ и послѣ говорятъ). Исусъ сказалъ своимъ ученикамъ: у кого кѣтъ ложки, пусть ѣстъ пальцами.

(Возвращается Юлій).

Фрау Вольфъ. Ну, ты все толкомъ устроилъ, Юліанъ?

Юлій. Ежели тебѣ не нравится, устраивай сама.

Фрау Вольфъ. Господи! Оно и лучше самой все дѣлать. (Наливаетъ ему и себѣ по полной чашкѣ кофе и ставитъ ихъ на деревянный стулъ, потомъ хлѣбъ и масло). На, пей кофе!

Юлій (садясь и отрѣзая хлѣба). Лишь бы Вульковъ убрался-то.

Фрау Вольфъ. Ну, въ оттепель.

Юлій. Пусть и въ оттепель!

Фрау Вольфъ. А хотя бы и морозило немного, онъ не останется. Онъ теперь уже давнымъ-давно въ каналъ.

Юлій. Если еще не торчитъ у моста.

Фрау Вольфъ. По мнѣ, пускай торчитъ, гдѣ хочетъ.

Юлій. А что Вульковъ всенепремѣннѣйше влопается, уже это вѣрно,—поняла?

Фрау Вольфъ. Это его дѣло, не наше!

Юлій. И тогда-то намъ всѣмъ не сдобровать! Пускай только найдутъ шубу у Вулькова.

Фрау Вольфъ. Какую шубу?

Юлій. Да шубу-то Крюгера.

Фрау Вольфъ. Полно тебѣ вздоръ-то молоть,—понялъ? Нечего тебѣ о чужихъ-то дѣлахъ хлопотать.

Юлій. Но это и мнѣ касается.

Фрау Вольфъ. Наплевать, вотъ что тебя касается! Ты тутъ не при чемъ. Это мое дѣло, не твое. Ты даже не мужчина, ты — старая баба.. Вотъ деньги, убирайся. Ступай къ Фибигу, вышей шкаликъ; погуляй себѣ на славу. (Стучать). Войдите! Войдите же, пожалуйста.

(Входит доктор Флейшеръ со своимъ пятилѣтнимъ мальчикомъ. Флейшеру двадцать семь лѣтъ, носить егеровскій костюмъ, у него черные, какъ смоль, волосы, такіе же усы и бакенбарды; глубоко спящіе глаза; голосъ у него обыкновенно мягокъ. Онъ ежеминутно хлопотеть надъ сыномъ съ трогательною заботливостію).

Фрау Вольфъ (ликуя). Ахъ, и Филиппъ къ намъ въ гости! Мило, это мы запишемъ. (Береть мальчика и снимаетъ съ него пальто). Поди сюда, сними пальто. Здѣсь тепло, здѣсь не озябнешь.

Флейшеръ (испуганно). Фрау Вольфъ, дуетъ. Мнѣ кажется, дуетъ.

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, нѣжности какія! Маленькій сквознячокъ не повредитъ парничкѣ.

Флейшеръ. Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Что вамъ вздумалось! Съ ребенкомъ сейчасъ же сдѣлается что-нибудь. Двигайся, Филиппъ. Все время двигайся.

Филиппъ (отталкивается плечами и притомъ пищать).

Флейшеръ. Да, дѣтка, смотри, а то захворашь. Ходи себѣ шагомъ взадъ и впередъ.

Филиппъ (капризная). Не хочу.

Фрау Вольфъ. И,—пускай его.

Флейшеръ. Здравствуйте, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Здравствуйте, г-нъ докторъ, вы опять къ намъ?

Флейшеръ. Здравствуйте, г-нъ Вольфъ.

Юлій. Здравствуйте, г-нъ Флейшеръ.

Фрау Вольфъ. Добро пожаловать. Присядьте.

Флейшеръ. Да мы ненадолго.

Фрау Вольфъ. Разъ у насъ такой пріятный гость рано утромъ, то и донекъ у насъ будетъ нынче счастливый. (Становясь на колѣни подлѣ мальчика) Не правда ли, паренекъ, ты приносишь намъ счастье?

Филиппъ (возбужденно). Я былъ въ золическомъ саду, я тамъ анстовъ видѣлъ, они золотыми клювами кусались.

Фрау Вольфъ. Да не можетъ быть, ты шутишь! (Обнимая и цѣлуя мальчика) Чуръ, паренекъ, я съѣмъ тебя, я съѣмъ тебя живьемъ. Г-нъ Флейшеръ, я мальчика оставляю себѣ. Это мой мальчикъ. Хорошо, ты—мой мальчикъ? Что твоя мама подѣлываетъ, а?

Филиппъ. Она здорова, кланяется и проситъ завтра утромъ стирать.

Фрау Вольфъ. Ишь ты какой! Ай да молодецъ. Онъ вотъ ужъ на что способенъ! (Флейшеру) Что же, такъ и не присядете?

Флейшеръ. Сынишка все пристаётъ ко мнѣ, хотеть на лодкѣ покататься. Можно?

Фрау Вольфъ. Ну, конечно. Рѣка очистилась. Дочка-то можетъ проѣхаться съ вами.

Флейшеръ. Мальчикъ прямо не даетъ мнѣ покоя. Онъ это вбилъ себѣ въ голову.

Адельгейда (показываясь въ дверяхъ сосѣдней комнаты, киваетъ Филиппу). Поди сюда, Филиппъ, что я тебѣ покажу!

Филиппъ (упрямо взвизгиваетъ).

Флейшеръ. Филиппъ, слышишь, будь умниѣ.

Адельгейда. Смотри-ка, апельсинъ!

Филиппъ (смѣется во все лицо, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Адельгейдѣ).

Флейшеръ. Ну, ступай туда, только не кланчить!

Адельгейда. Иди же, иди, мы теперь будемъ вмѣстѣ ѣсть. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ мальчику, беретъ его за руку, свободной рукою держитъ передъ нимъ апельсинъ, и они оба дружно уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Фрау Вольфъ (смотреть мальчику вслѣдъ). Ахъ, паренекъ, вѣкъ бы на тебя смотрѣла. Не знаю, когда я вижу вотъ такого мальчика... (беретъ край передника и сморкается)—то, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ завою.

Флейшеръ. А развѣ у васъ не было мальчика?

Фрау Вольфъ. Какъ не быть. А что толку! Все равно не воскресить... Да, видите ли, такова жизнь. (Молчаніе).

Флейшеръ. Нужно быть очень осторожнымъ съ дѣтьми.

Фрау Вольфъ. Будь хоть еще осторожнѣе... Чему быть, тому не миновать. (Молчаніе. Качая головою) Что это у васъ съ г-номъ Мотесомъ вышло?

Флейшеръ. У меня? Ничего. Что у меня можетъ выйти съ нимъ?

Фрау Вольфъ. Мнѣ только такъ казалось

Флейшеръ. Сколько теперь лѣтъ вашей дочкѣ?

Фрау Вольфъ. Къ Пасхѣ школу кончаетъ. Что же вы, хотите взять ее, г-нъ Флейшеръ? Къ вамъ на службу я охотно отдамъ ее.

Флейшеръ. Почему же нѣтъ? Это было бы недурно.

Фрау Вольфъ. Славная она дѣвка у меня. Хотя она еще молода, но, доложу я вамъ, въ работѣ со всякимъ поспоритъ. И знаете что? подчасъ она плутовата, нехорошо ведетъ себя подчасъ. Но не глупа. У нея — геній.

Флейшеръ. Вполнѣ возможно.

Фрау Вольфъ. Заставьте ее прочитать что-нибудь разокъ—

стихи или что-нибудь такое. Ужъ могу сказать, г-нъ докторъ, у васъ мурашки по спинѣ забѣгаютъ. Вы можете позвать ее, когда у васъ снова будутъ гости изъ Берлина. У васъ вѣдь всякіе поэты бываютъ. Она у меня смѣлая, сейчасъ же все выложить. Декламируетъ восхитительно! (Мнѣня тонъ) Я вамъ хочу дать добрый совѣтъ: ужъ вы не извольте сердчать на меня.

Флейшеръ. За добрый совѣтъ я никогда не сержусь.

Фрау Вольфъ. Во-первыхъ, не раздавайте столько денегъ. За это васъ никто не благодарить. Одна неблагодарность.

Флейшеръ. И не такъ ужъ много раздаю, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Ну, я же знаю. А потомъ не вступайте въ разговоры, это просто озадачиваетъ людей. Такъ сейчасъ и говорить,—дескать, демократъ. А въ разговорѣ будьте всегда осторожны.

Флейшеръ. Какъ прикажете понимать васъ, фрау Вольфъ?

Фрау Вольфъ. Думать можно, что угодно. А выражаться нужно очень осторожно. А то, глядишь, попасть въ бѣду, самъ не зная какъ.

Флейшеръ (поблѣднѣвъ). Бросьте шутки шутить, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, нѣтъ, я совершенно серьезно говорю... И будьте поосторожнѣе съ этимъ господиномъ.

Флейшеръ. Съ какимъ господиномъ?

Фрау Вольфъ. Да о комъ мы давеча толковали.

Флейшеръ. Ужъ не съ Мотесомъ ли?

Фрау Вольфъ. Я именъ не называю. Должно-быть, у васъ съ нимъ что-нибудь да вышло?

Флейшеръ. Я же съ нимъ больше совсѣмъ не встрѣчаюсь.

Фрау Вольфъ. Ну, вотъ видите, я такъ и думала.

Флейшеръ. За это меня никто не станетъ осуждать, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Я васъ не осуждаю.

Флейшеръ. Премилое положеніе—знаться съ мошенникомъ... съ этимъ завѣдомымъ мошенникомъ.

Фрау Вольфъ. Насчетъ мошенника вы совершенно правы.

Флейшеръ. Теперь онъ перебрался къ кондиторшѣ Дрейеръ. Бѣдная женщина увидитъ, чѣмъ она кончитъ. Что у нея есть, прахомъ пойдетъ. Съ такимъ-то молодцомъ... настоящимъ каторжникомъ...

ФРАУ Вольфъ. Онъ распускаетъ столько всякихъ слуховъ...

ФЛЕЙШЕРЪ. Вотъ какъ! Про меня? Очень любопытно.

ФРАУ Вольфъ. Вы, молъ, кажется, сказали что-то дурное—про какое-то высокопоставленное лицо, что ли.

ФЛЕЙШЕРЪ. Гм! Точнѣе вы ничего не знаете?

ФРАУ Вольфъ. Онъ слишкомъ часто шушукается съ Верганомъ. Но знаете что? Я вамъ кой-что скажу. Ступайте къ тетускѣ Дрейеръ. Старая вѣдьма уже чувствуетъ. Сначала они ее ублажали, а теперь совсѣмъ по миру пустять.

ФЛЕЙШЕРЪ. Полноте, все это—глупости.

ФРАУ Вольфъ. И,—сходите къ Дрейеръ, это же не повредить. Она мнѣ такую исторію рассказала... Онъ хотѣлъ заставить ее дать ложную клятву. Стало-быть, молодчикъ-то въ вашихъ рукахъ.

ФЛЕЙШЕРЪ. Сходить-то я, пожалуй, могу. Но въ концѣ-то концовъ мнѣ это все равно. И чертовская же исторія, разъ такая тварь... Но онъ еще попадется. Слышинь, Филиппъ, а Филиппъ! Гдѣ ты? Намъ теперь пора.

Голосъ Адельгейды. Мы разсматриваемъ такія славныя картинки.

ФЛЕЙШЕРЪ. А что вы, между прочимъ, скажете про всю эту исторію?

ФРАУ Вольфъ. Какую?

ФЛЕЙШЕРЪ. Да развѣ вы ничего не слыхали?

ФРАУ Вольфъ (безпокойно). Нѣтъ, что я вамъ скажу. (Нетерпѣливо) Да ну же, Юліанъ, ступай, чтобы во-время вернуться къ обѣду. (Флейшеру) Мы нынче кролика убили. Ты еще не готовъ, Юліанъ?

Юлій. Дай только разыскать шапку.

ФРАУ Вольфъ. Я видѣть не могу, когда такъ-то вотъ отлыниваютъ: нынче не пойдешь, завтра пойдешь. У меня все должно быть въ порядкѣ.

ФЛЕЙШЕРЪ. Нынче ночью у Крюгера у...

ФРАУ Вольфъ. Молчите! Оставьте меня въ покоѣ съ этимъ человѣкомъ! Я такъ зла на него! Онъ слишкомъ глубоко оскорбилъ меня. Мы такъ ладили съ нимъ, и вотъ онъ срамитъ меня передъ всѣми. (Юлію) Ну, пойдешь ты или нѣтъ?

Юлій. Ужъ иду, ты только не бѣсись. Счастливо оставаться, г-нъ Флейшеръ!

ФЛЕЙШЕРЪ. Прощайте, г-нъ Вольфъ. (Юлій уходитъ).

ФРАУ Вольфъ. Ну, такъ вотъ...

Флейшеръ. Ахъ, да, когда у него украли дрова, онъ же поругался съ вами? Съ тѣхъ поръ онъ давно раскаялся.

Фрау Вольфъ. И,—онъ да каяться!

Флейшеръ. Увѣряю васъ, тетушка Вольфъ. И вообще послѣ давешней исторіи вы на лучшемъ счету у него. Вамъ бы лучше всего снова помириться.

Фрау Вольфъ. Мы могли бы толкомъ переговорить. А тутъ, сейчасъ же въ полицію—ну, нѣтъ!

Флейшеръ. Старичкамъ дѣйствительно не везетъ: восемь дней тому назадъ дрова, нынче шубу...

Фрау Вольфъ. Расскажите же эту новость.

Флейшеръ. Опять чуть ли не кража со взломомъ.

Фрау Вольфъ. Украли? Будетъ вамъ шутить.

Флейшеръ. Новую шубу, съ иголочки.

Фрау Вольфъ. Ну, знаете, надо поскорѣе уѣзжать отсюда. Да тутъ какая-то шайка! Прямо за жизнь страшно! Ц! ц! Въдъ этакій народъ! Диву дашься!

Флейшеръ. Можете себѣ представить, что за переполохъ.

Фрау Вольфъ. За это ихъ нельзя осуждать.

Флейшеръ. И право же, очень дорогая вещь,—кажется юрка.

Фрау Вольфъ. Это что-то въ родѣ бобра, г-нъ Флейшеръ?

Флейшеръ. Ахъ, возможно, что-то былъ даже бобръ. Бѣдяжки очень гордились этимъ. Признаться, втихомолку я даже смѣялся. При такихъ открытіяхъ всегда становится смѣшно.

Фрау Вольфъ. Но вы, право же, безсердечны. Надъ такими вещами я не могу смѣяться, г-нъ Флейшеръ!

Флейшеръ. Ужъ не думаете ли вы, что мнѣ не жаль его?

Фрау Вольфъ. И что это только за люди! Положительно ума не приложны! Такъ-то вотъ обкрадывать народъ,—нѣтъ, лучше работать, пока съ ногъ не свалишься.

Флейшеръ. А вы не могли бы чуточку поразножать? Мнѣ кажется, шуба осталась здѣсь.

Фрау Вольфъ. А вы-то сами никого не заподозрѣли?

Флейшеръ. Какая-то прачка стирала у Крюгера...

Фрау Вольфъ. Мюллерша?

Флейшеръ. У нея же такая большая семья?..

Фрау Вольфъ. Семья-то у нея большая, но красть... нѣтъ. Стинуть какой-нибудь пустякъ, да!

Флейшеръ. Разумѣется, Крюгеръ прогналъ ее.

Фрау Вольфъ. Это должно обнаружиться, чортъ возьми. Бѣсовская штука. Ну, будь я начальникомъ волости...

Нашъ-то глупъ... нѣтъ, непроходимо глупъ. Своими мозолями я вижу больше, чѣмъ онъ въ свои очки, ужъ повѣрьте мнѣ.

Флейшеръ. Я готовъ повѣрить.

Фрау Вольфъ. Я вамъ могу сказать, коль на то пошло: я стулъ изъ-подъ его зада украду.

Флейшеръ (всталъ, смѣясь, кричитъ въ сосѣднюю комнату). Иди сюда, Филиппъ, иди, намъ уже пора уходить. Прощайте, те-тушка Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Одѣвайся, Адельгейда. Ты покатаешь г-на Флейшера немного.

Адельгейда (входитъ, застегивая послѣднюю пуговицу на шеѣ, ведетъ за руку Филиппа). Я уже готова. (Филиппу) Поди сюда, слышишь, я возьму тебя на руки.

Флейшеръ (озабоченно, помогая одѣться). Хорошенько застегнуть. Онъ слишкомъ чувствителенъ. А на рѣкѣ будетъ вѣтрено.

Адельгейда. Я хочу пойти впередъ, приготовить лодку.

Фрау Вольфъ. А какъ теперь ваше здоровье?

Флейшеръ. Гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь на воздухѣ.

Адельгейда (въ дверяхъ, кричитъ назадъ). Мама, г-нъ Крюгеръ.

Фрау Вольфъ. Кто?

Адельгейда. Г-нъ Крюгеръ.

Фрау Вольфъ. Это невозможно!

Флейшеръ. Утромъ онъ хотѣлъ пойти къ вамъ. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ (бросаетъ быстрый взглядъ на кучу дровъ и начинаетъ рѣшительно убирать ихъ). Подъ-ка, дѣвушка, помоги, мы должны убрать дрова.

Адельгейда. Почему же, мама? Ахъ, изъ-за г-на Крюгера.

Фрау Вольфъ. Изъ-за кого-жъ иначе, дура! Развѣ прилично, какъ тутъ у насъ въ комнатѣ? Нешто такъ должно быть утромъ въ воскресенье? Чтò о насъ подумаетъ г-нъ Крюгеръ? (Входитъ Крюгеръ, разгоряченный. Вольфиха кричитъ ему навстрѣчу). Г-нъ Крюгеръ, не смотрите. У насъ тутъ еще такой ужасный беспорядокъ.

Крюгеръ (торопливо). Здравствуйте! Здравствуйте! Оставьте это. Вы цѣлую недѣлю на работѣ, и въ воскресенье всего не вычистишь. Вы — порядочная женщина. Вы — честная женщина, фрау Вольфъ. И то, чтò между нами произошло, я полагаю, мы можемъ совершенно забыть.

Фрау Вольфъ (растроганная, отъ поры до времени вытирал кончикомъ передника глаза). Я никогда ничего не имѣла противъ

васъ. Я всегда охотно работала у васъ. Но вы вдругъ стали такъ вспыльчивы... что нельзя было не разозлиться, до того ужъ больно стало.

Крюгеръ. Приходите снова стирать у насъ. А гдѣ ваша дочь Леонтина?

Фрау Вольфъ. Понесла капусту къ почтмейстеру.

Крюгеръ. Вы дѣвушку отдайте снова къ намъ. Вмѣсто двадцати она получитъ тридцать талеровъ. Вообще мы были всегда довольны ею. Мы простили и забыли все. (Подаетъ ей руку, Вольфиха пожимаетъ ее).

Фрау Вольфъ. Всего этого могло и не быть. Дѣвчонка-то еще глупая. А мы, старики, вѣдь всегда-то ладили.

Крюгеръ. Стало-быть, все въ порядкѣ. (Переводя духъ) Настолько-то я по крайней мѣрѣ спокоенъ. Ну, скажите на милость. Насчетъ исторіи со мной. Чтѣ вы на это скажете?

Фрау Вольфъ. Ахъ, знаете ли, нѣтъ... ужъ я ничего не скажу.

Крюгеръ. Теперь-то этотъ г-нъ Верганъ въ нашихъ рукахъ. Оporочивать честныхъ гражданъ, выдумывать придирки и непріятности. Куда только онъ ни суетъ своего носа!

Фрау Вольфъ. Только не туда, куда слѣдуетъ.

Крюгеръ. Я теперь пойду и подамъ заявленіе. Я такъ не оставлю, дѣло должно быть выведено на чистую воду.

Фрау Вольфъ. И не оставляйте этого такъ, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ. Хотя бы мнѣ пришлось перевернуть все вверхъ дномъ. Я получу назадъ мою шубу, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Здѣсь нужно произвести настоящую чистку, чтобъ былъ покой въ нашемъ гнѣздѣ. А то они еще крышу надъ головой украдутъ.

Крюгеръ. Да вы только подумайте! Въ теченіе двухъ недѣль двѣ такихъ кражи! Сажень дровъ, вотъ такихъ, какъ у васъ. (Беретъ одно полѣно въ руку). Такихъ прекрасныхъ, дорогихъ дровъ, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, тутъ столько непріятностей, что хоть въ гробъ ложись. И чтѣ тутъ за шайка завелась... Тыфу ты, чорты! Этакія дѣла! Эхъ! Оставьте меня въ покоѣ!

Крюгеръ (бѣшено машетъ полѣномъ крутомъ). Хотя бы мнѣ тысячу талеровъ стоило, а я ужъ нападу вору-то на слѣдъ. Этимъ людямъ не миновать каторги!

Фрау Вольфъ. Вотъ благодать была бы! Какъ истинный Богъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ канцеляріи. Глазенапъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Фрау Вольфъ и Адельгейда, на колѣняхъ у которой завернутый въ полотно папекъ, дожидаются начальника волости.

Фрау Вольфъ. Онъ нынче опять долгойко не приходить.

Глазенапъ (не переставая писать). Терпѣніе! Терпѣніе!

Фрау Вольфъ. Ежели онъ нынче опять придетъ такъ поздно, то у него опять не останется времени для насъ.

Глазенапъ. Господи! Съ вашими-то пустяками! У насъ тутъ болѣе важныя дѣла.

Фрау Вольфъ. Вы тутъ прекрасныя дѣлшки обдѣлываете.

Глазенапъ. Оставьте этого тонъ. Онъ неумѣстенъ!

Фрау Вольфъ. И,—вамъ бы только важничать. Дѣвушку сюда Крюгеръ прислалъ.

Глазенапъ. Никакъ снова исторія съ шубой, что?

Фрау Вольфъ. Все то же!

Глазенапъ. Значить, опять выкопалъ что-нибудь старикъ. Такъ пусть же онъ представитъ вещественныя доказательства, старый кривоногій сутяга.

Фрау Вольфъ. Вамъ только болтать; вы лучше смотрите, какъ бы провѣдать что-нибудь.

Миттельдорфъ (въ дверяхъ). Вамъ нужно отправиться туда, Глазенапъ. Г-нъ начальникъ хотѣлъ васъ спросить про что-то.

Глазенапъ. Вотъ и снова приходится работу прерывать. (Бросаетъ перо и уходитъ).

Фрау Вольфъ. Здравствуйте, Миттельдорфъ.

Миттельдорфъ. Здравствуйте!

Фрау Вольфъ. Гдѣ же это начальникъ такъ долго пропадаетъ?

Миттельдорфъ. Всю-то недѣлю пишетъ, тетушка Вольфъ. Важныя дѣла, доложу я вамъ. (Конфиденціально) И знаете: чѣмъ-то пахнетъ въ воздухѣ... Чѣмъ, пока не знаю. Но что чѣмъ-то пахнетъ—я это твердо знаю. Ежели только обратите вниманіе, вы это сами почувствуете. Потрескиваетъ, а разъ потрескиваетъ, тетушка Вольфъ, то и —треснетъ. Нѣтъ, какъ докладывать, я ничего не понимаю. Все это—новости. Новости—и все тутъ. А въ новостяхъ-то я ничего не смыслю. Что-нибудь да разразится.

Дальше такъ нельзя. Все село подлежитъ чисткѣ. Теперь я больше ничего не разберу. А что до прежняго начальника, до покойнаго-то, въ сравненіи съ нынѣшнимъ онъ былъ просто—мямля. Я бы вамъ еще многое рассказалъ. Но мнѣ некогда. Баронъ меня спохватится. (Уходить, въ дверяхъ еще разъ оборачивается и говоритъ) А потрескиваетъ, тетушка Вольфъ, смѣю васъ увѣрить. (Уходить).

Фрау Вольфъ. Ну, какъ бы чего не сорвалось у него. (Молчаніе).

Адельгейда. Что же я должна сказать? Я позабыла.

Фрау Вольфъ. А что ты сказывала г-ну Крюгеру?

Адельгейда. Ну, что я здѣсь нашла свертокъ.

Фрау Вольфъ. Такъ ты и здѣсь больше ничего не скажывай. Только не трусь и не сбивайся. Вѣдь въ иныхъ-то случаяхъ ты за словомъ въ карманъ не полѣзешь.

Вульковъ (входитъ). Мое почтеніе.

Фрау Вольфъ (не отвѣчая, уставилась на Вулькова, потомъ говорить). Нѣтъ, въ своемъ ли вы умѣ, Вульковъ?! Что вамъ здѣсь нужно?

Вульковъ. У моей жены маленькое событіе...

Фрау Вольфъ. Что же у нея?

Вульковъ. Маленькая дѣвочка. Вотъ мнѣ и пришлось явиться по начальству.

Фрау Вольфъ. А я-то думала, что вы уже давно въ каналѣ?

Вульковъ. Я бы ничего не имѣлъ и противъ этого, фрау Вольфъ. Кабы отъ меня зависѣло, такъ бы оно и было. Я вѣдь тотчасъ же тронулся въ путь. Добрался я это до шлюзовъ, анъ дальше-то и нельзя. Сталъ дожидаться, когда Шпре очистится. Цѣлыхъ двое сутокъ простоялъ, а тутъ еще у жены дѣло-то подошло къ концу. Ничего не подѣлаешь, пришлось тащиться назадъ.

Фрау Вольфъ. Значить, ваша лодка опять у моста?

Вульковъ. Разумѣется. Гдѣ-жъ мнѣ ее держать?

Фрау Вольфъ. Ну, оставьте меня съ этимъ.

Вульковъ. И—лишь бы они-то не пронюхали.

Фрау Вольфъ. Ступай, купи въ лавкѣ нитокъ за десять пфенниговъ.

Адельгейда. Я ихъ возьму по дорогѣ домой.

Фрау Вольфъ. Ступай и не разговаривай.

Адельгейда. Я больше не маленькая дѣвочка. (Уходить).

Фрау Вольфъ (быстро). Значить, вы стояли тамъ у шлюзовъ?

Вульковъ. Цѣлыхъ два дня. Что я вамъ скажу.

Фрау Вольфъ. Чтобъ вамъ пусто было. Да вы со-
всѣмъ... вы надѣваете шубу средь бѣла дня.

Вульковъ. Я? Надѣвалъ?

Фрау Вольфъ. Да-съ, надѣвали, средь бѣла дня. Что-
бы всему селу сейчасъ же стало извѣстно, какая у васъ
славная шуба.

Вульковъ. Это было уже въ роцѣ.

Фрау Вольфъ. За пятнадцать минутъ отъ нашего дома.
Моя дочь видѣла, какъ вы сидѣли. Ей пришлось катать
доктора Флейшера, и у него сейчасъ же явилось подо-
зрѣнiе.

Вульковъ. Про то я ничего не знаю, это меня не ка-
сается. (Слышны чьи-то шаги).

Фрау Вольфъ. Пст,—теперь смотрите въ оба, Вульковъ.

Глазенапъ (быстро входитъ, отчасти копируя начальника.
Спрашиваетъ Вулькова свысока) Что вамъ угодно?

ВЕРГАНЪ (еще за спеной). Что тебѣ нужно, дѣвочка? Ты
ко мнѣ? Входи, входи. (Верганъ пропускаетъ Адельгейду впе-
редъ и входитъ вслѣдъ за нею). Времени у меня нынче немного.
Ахъ, да, ты же маленькая Вольфъ? Ну, садись. Что же
тебѣ нужно?

Адельгейда. У меня тутъ свертокъ...

ВЕРГАНЪ. Ну, подожди... (Вулькову) Что вамъ угодно?

Вульковъ. Мнѣ хотѣлось бы заявить о рожденiи.

ВЕРГАНЪ. Значить, занести въ списки. Книги, Глазе-
напъ. Но сперва я отпущу остальныхъ. (Къ фрау Вольфъ)
Что же съ вашей дочерью? Крюгеръ опять надавалъ ей
пощечинъ?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, до этого дѣло еще не дошло.

ВЕРГАНЪ. Что же случилось тогда?

Фрау Вольфъ. Тутъ вотъ свертокъ...

ВЕРГАНЪ (Глазенапу). А Мотеса все еще не было?

Глазенапъ. Пока еще не было.

ВЕРГАНЪ. Непостижимо. Ну, дѣвочка, что-нѣ тебѣ
нужно?

Глазенапъ. Касательно украденной шубы, г-нъ на-
чальникъ.

ВЕРГАНЪ. Вотъ какъ! Нынче не могу. Всего-то сразу
не передѣлаешь! (Къ фрау Вольфъ) Она можетъ придти ко
мнѣ завтра.

Фрау Вольфъ. Она уже дважды хотѣла говорить съ
вами.

ВЕРГАНЪ. Такъ пусть попробуетъ завтра въ третій разъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Ей г-нъ Крюгеръ покоя не даетъ.

ВЕРГАНЪ. При чемъ же тутъ г-нъ Крюгеръ?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Дѣвушка ходила къ нему со сверткомъ.

ВЕРГАНЪ. Что тамъ за тряпки? Покажите.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Это относится къ исторіи съ шубой.
Т.-е. г-нъ Крюгеръ такъ думаетъ.

ВЕРГАНЪ. Что же тутъ за тряпки, а?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Тутъ зеленый жилетъ г-на Крюгера.

ВЕРГАНЪ. Это ты нашла?

АДЕЛЬГЕЙДА. Это я нашла, г-нъ начальникъ!

ВЕРГАНЪ. Гдѣ же ты нашла?

АДЕЛЬГЕЙДА. Когда я съ мамой шла на станцію. Иду
это я и вдругъ...

ВЕРГАНЪ. Ну, ладно. (Къ фрау Вольфъ) Объ этомъ вы
доложите въ ближайшій разъ. Мы вернемся къ этому
завтра.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Мнѣ это уже порядкомъ-таки...

ВЕРГАНЪ. А кому же это не надоѣло?

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Да вотъ г-нъ Крюгеръ никакъ не
уймется.

ВЕРГАНЪ. Г-нъ Крюгеръ, г-нъ Крюгеръ,—а мнѣ-то на-
плевать. Онъ мнѣ положительно надоѣлъ. Такія вещи не
дѣлаются однимъ махомъ. Онъ же назначилъ вознаграж-
деніе,—объ этомъ въ «Правительственныхъ Извѣстіяхъ»
объявлено.

ГЛАЗЕНАПЪ. Ему все еще мало.

ВЕРГАНЪ. Какъ прикажете понимать: мало? Мы устано-
вили составъ преступленія. Онъ заподозрѣлъ свою прачку,
мы сдѣлали обыскъ. Чего-жъ ему больше? Ему слѣдуетъ
успокоиться. Ну, какъ сказано, завтра я въ вашемъ распо-
ряженіи.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Намъ-то все равно, мы можемъ придти
въ другой разъ.

ВЕРГАНЪ. Ну да, завтра утромъ.

ФРАУ ВОЛЬФЪ. До свиданія!

АДЕЛЬГЕЙДА (присѣдая). До свиданія!

(Фрау Вольфъ и Адельгейда уходятъ).

ВЕРГАНЪ (роясь въ дѣлахъ Глазенапу). Мнѣ очень любо-
пытно, чѣмъ это кончится. Г-нъ Мотесъ хочетъ выставить
свидѣтелей. Онъ говоритъ, что эта кондиторская вѣдьма
Дрейеръ какъ разъ была при томъ, какъ Флейшеръ вы-

разился непочтительно. Скажите-ка, сколько лѣтъ этой Дрейеръ?

Глазенапъ. Такъ—около семидесяти, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Чуточку выжила изъ ума, нѣтъ?

Глазенапъ. Ну, какъ взглянуть. Мозги у нея еще довольно въ порядкѣ.

Верганъ. Могу вамъ сказать, Глазенапъ, я былъ бы положительно удовлетворенъ, если-бъ удалось водворить здѣсь строгіе порядки. Чтобъ люди знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Кто отсутствовалъ въ тезоименитство императора? Разумѣется, Флейшеръ. Я считаю его способнымъ на все. Сколько бы онъ ни прикидывался глупенькой овечкой. Мы ихъ знаемъ, этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ. Мухи не тронуть, а какъ дойдетъ до дѣла, то, собаки, цѣлую деревню на воздухъ взорвутъ. Но мы-то ихъ выкуримъ отсюда!

Мотесъ (входить). Мое нижайшее!

Верганъ. Ну, какъ дѣла?

Мотесъ. Фрау Дрейеръ къ одиннадцати хочетъ быть здѣсь.

Верганъ. Дѣло произведетъ извѣстный шумъ. Отчаянный крикъ поднимуть. Верганъ, дескать, во все суется. Но, слава Богу, это меня не остановитъ. Я здѣсь не для собственнаго удовольствія. Не шутики шутить поставленъ я здѣсь. Люди-то думаютъ, что какой-нибудь начальникъ волости — не больше, какъ полицейскій крючокъ высшаго чина. Такъ пусть посадятъ здѣсь кого-нибудь другого. Люди, опредѣлившіе меня, конечно, твердо знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Они знаютъ серьезность моего образа мыслей. На службу я смотрю, какъ на священное призваніе. (Молчаніе). Докладъ прокуратурѣ я уже составилъ. И если я отошлю его сегодня въ полдень, то послѣзавтра можно ждать приказа объ арестѣ.

Мотесъ. Но вѣдь тогда на меня накинута.

Верганъ. Вы же знаете, мой дядя—камергеръ. Я стараюсь замолвить за васъ словечко. Чортъ возьми! Самъ Флейшеръ! Что ему нужно? Никакъ онъ уже почувалъ бѣду? (Стучать. Верганъ прячуть) Войдите!

ФЛЕЙШЕРЪ (входить, блѣдный и возбужденный). Здравствуйте! (Ему не отвѣчаютъ). Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно заявленіе, относящееся къ недавней кражѣ.

ВЕРГАНЪ (съ пронизывающимъ полицейскимъ взглядомъ). Вы—докторъ Іосифъ Флейшеръ?

Флейшеръ. Совершенно вѣрно. Моя фамилія — Іосифъ Флейшеръ.

Верганъ. Вы хотите сдѣлать мнѣ заявленіе?

Флейшеръ. Если позволите, мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это. Я тутъ какъ разъ замѣтилъ нѣчто, могущее навести на слѣдъ похитителя пубы.

Верганъ (барабанить по столу и съ видомъ дѣланнаго удивленія обводить глазами присутствующихъ, вызывая у нихъ улыбку. Безучастно). Какое же важное обстоятельство вы позволили замѣтить?

Флейшеръ. Вотъ чтò, если вы заранѣе не придаете моему сообщенію никакого значенія, то я предпочелъ бы...

Верганъ (быстро, высокомерно). Чтò же вы предпочли бы?

Флейшеръ. Я предпочелъ бы умолчать объ этомъ.

Верганъ (молча и какъ бы недоумѣвающе обращается къ Мотесу, потомъ, мѣняя тонъ, вскользь говорить). Вы отнимаете у меня время. Я просилъ бы васъ изложить дѣло покороче.

Флейшеръ. У меня время тоже рассчитано. Тѣмъ не менѣе я счелъ своимъ долгомъ...

Верганъ (перебивая). Вы сочили своимъ долгомъ. Хорошо. Тогда говорите, чтò вы знаете.

Флейшеръ (пересиливая себя). Такъ вотъ, вчера я попался на лодкѣ. Я взялъ лодку у Вольфихи. И ея дочь гребла.

Верганъ. Это безусловно относится къ дѣлу?

Флейшеръ. Да, конечно, на мой взглядъ.

Верганъ (нетерпѣливо барабанить по столу). Хорошо, хорошо, послушаемъ дальше.

Флейшеръ. Мы доѣхали до самыхъ плывозовъ. И тамъ оказалась лодка. Насколько мы видѣли, ледъ заградилъ тамъ рѣку. Очевидно, она застряла тамъ.

Верганъ. Гм. Такъ. Это насъ мало интересуетъ. Но въ чемъ же дѣло?

Флейшеръ (съ трудомъ сдерживая себя). Я долженъ заявить, что подобнаго рода... я пришелъ сюда совершенно добровольно,—добровольно оказать услугу властямъ...

Глазенапъ (нагло). Г-ну начальнику некогда. Вы только не тратьте словъ. Говорите коротко и связно.

Верганъ (рѣзко). Къ дѣлу. Къ дѣлу же. Чтò вамъ нужно?

Флейшеръ (пересиливая себя). Мнѣ важно; чтобы кража была раскрыта. И, въ интересахъ стараго г-на Крюгера, я намѣренъ...

Верганъ (зѣвая, безучастно). Болюно глазамъ, опустите занавѣски.

Флейшеръ. Въ лодкѣ сидѣлъ старый лодочникъ — вѣроятно, владѣлецъ судна.

ВЕРГАНЪ (какъ выше, зѣвая). Да. Весьма вѣроятно.

Флейшеръ. Этотъ человѣкъ сидѣлъ на палубѣ въ шубѣ, которую я принялъ издали за бобра.

ВЕРГАНЪ (какъ выше). А я бы, пожалуй, принялъ ее за куницу.

Флейшеръ. Я подѣхалъ какъ можно ближе и могъ достаточно рассмотреть. Это былъ бѣдный, грязный лодочникъ, и шуба, повидимому, была сшита совсѣмъ не по нему. Притомъ была совершенно новенькая...

ВЕРГАНЪ (повидимому, приходя въ себя). Я слушаю, слушаю—ну? И что же? Что дальше?

Флейшеръ. Что дальше? Ничего!

ВЕРГАНЪ (повидимому, оживая). Вы же хотѣли сдѣлать мнѣ заявленіе. Вы же о чемъ-то важномъ говорили.

Флейшеръ. Я сказалъ все, что хотѣлъ сказать.

ВЕРГАНЪ. Вы намъ тутъ рассказали исторію про лодочника, носящаго шубу. Положимъ, лодочники носятъ шубы иногда. Это не такая ужъ новость.

Флейшеръ. Думайте объ этомъ такъ или иначе. При такихъ обстоятельствахъ я кончилъ. (Уходитъ).

ВЕРГАНЪ. Вамъ приходило въ голову что-нибудь подобное? Кромѣ того онъ непроходимо глупъ. На лодочникѣ была шуба. Да что онъ,—вдругъ рехнулся, что ли? У меня у самого бобровая шуба. Это же отнюдь не значить, что я—воръ... Чортъ возьми! Что же это опять? Нынче, видно, совсѣмъ не дадутъ покоя. (Миттельдорфу, стоящему въ дверяхъ). Не пускать больше никого. Господинъ Мотесъ, сдѣлайте одолженіе, подите, пожалуйста, на мою половину. Мы можемъ тамъ спокойно потолковать. Который уже разъ этотъ Крюгеръ. Точно его тарантулъ укусилъ. Если старый осель будетъ впредь изводить меня, такъ онъ у меня еще въ двери вылетитъ.

(Въ открытыхъ дверяхъ показывается Крюгеръ въ сопровожденіи Флейшера и фрау Вольфа).

МИТТЕЛЬДОРФЪ (Крюгеру). Г-на начальника видѣть нельзя, г-нъ Крюгеръ.

КРЮГЕРЪ. Вотъ еще! Нельзя видѣть! Мнѣ это безразлично. (Остальнымъ). Проходите, проходите. Мы еще посмотримъ.

(Всѣ, съ Крюгеромъ вперед, входятъ).

ВЕРГАНЪ. Я просилъ бы чуточку потише. Какъ видите, мнѣ тутъ нужно еще переговорить.

Крюгеръ. Говорите, говорите, мы можемъ подождать. А потомъ вы же и съ нами переговорите.

Верганъ (Мотесу). Такъ я васъ прошу туда, на мою половину... И если вы увидите случайно фрау Дрейеръ, то я предпочелъ бы допросить ее тамъ же. Сами видите: здѣсь немислимо.

Крюгеръ (указывая на Флейшера). Вотъ, господинъ тоже знаетъ кой-что про фрау Дрейеръ. Можеть вамъ изложить даже на бумагѣ.

Мотесъ. Вашъ покорный слуга, имѣю честь кланяться! (Уходитъ).

Крюгеръ. Ему и пора откланяться.

Верганъ. Я васъ прошу воздержаться отъ вашихъ замѣчаній.

Крюгеръ. Еще разъ говорю: это—мошенникъ!

Верганъ (точно охъ ничего не слышалъ, Вулькову). Итакъ, въ чемъ дѣло? Сперва я съ вами покончу. Книги, Глазенацы!.. Оставьте. Сперва я съ этимъ раздѣляюсь. (Крюгеру) Я сперва васъ отпущу.

Крюгеръ. Да, я васъ очень прошу.

Верганъ. Ваше *очень* здѣсь совсѣмъ не въ счетъ. О чемъ же вы изволите просить?

Крюгеръ. Я не прощу. Я не проситель. Я пришелъ заявить мое законное право.

Верганъ. Какое же это законное право?

Крюгеръ. Мое законное право, г-нъ начальникъ. Право, по которому мнѣ, какъ обокраденному, мѣстные власти должны помочь получить назадъ мое украденное имущество.

Верганъ. Да развѣ вамъ отказано въ помощи?

Крюгеръ. Нѣтъ, ничуть. Да это и немислимо. Но я все же замѣчаю, что ничего не подвигается! Все дѣло лежитъ совсѣмъ безъ движенія.

Верганъ. По-вашему, это въ одинъ мигъ дѣлается?

Крюгеръ. Я этого не думаю, г-нъ начальникъ. Тогда бы я и не являлся сюда. У меня есть очень вѣскія доказательства. Вы по моему дѣлу пальца о палецъ не ударили.

Верганъ. Я уже теперь могъ бы остановить васъ. Выслушивать подобное дальше совсѣмъ не входитъ въ мои служебныя обязанности. Но покуда что, продолжайте.

Крюгеръ. Вы не могли бы остановить меня. Какъ прусскій гражданинъ, я пользуюсь извѣстными правами. И если-бъ вы меня остановили, то я бы зналъ, куда мнѣ обратиться. Въ моемъ дѣлѣ вы пальца о палецъ не ударили.

ВЕРГАНЪ (повидимому, гладнобровный). Пожалуйста, представьте основаніе.

КРЮГЕРЪ (указывая на фрау Вольфъ и ея дочь). Вотъ эта женщина приходила къ вамъ. Ея дочь сдѣлала находку. Дорога не испугала ея, хотя она—бѣдная женщина. Одинъ разъ вы отослали ея, а нынче она снова пришла...

ФРАУ ВОЛЬФЪ. Да ему же было некогда, господину-то начальнику.

ВЕРГАНЪ. Ахъ, пожалуйста, дальше!..

КРЮГЕРЪ. Я еще не скоро кончу. Вы что сказали этой женщинѣ? Вы ей просто-напросто сказали: вамъ, дескать, некогда заниматься этимъ дѣломъ. Вы даже дочери не допросили. Вы не знаете никакихъ подробностей: обо всемъ происшествіи вы ровно ничего не знаете.

ВЕРГАНЪ. Теперь я просилъ бы васъ знать мѣру.

КРЮГЕРЪ. Я знаю мѣру, твердо знаю мѣру. Я слишкомъ знаю мѣру, г-нъ начальникъ. Я еще слишкомъ умѣренный человѣкъ. Иначе я бы еще не то сказалъ!.. Что это за слѣдствіе? Вотъ этотъ господинъ, г-нъ Флейшеръ, приходилъ къ вамъ съ показаніемъ, которое онъ вамъ изложилъ. У одного лодочника оказалась бобровая шуба...

ВЕРГАНЪ (поднимая руку). Пст,—постойте-ка! Вы, кажется, лодочникъ?

ВУЛЬКОВЪ. Вотъ уже тридцать лѣтъ занимаюсь перевозомъ.

ВЕРГАНЪ. Вы пугливы? Васъ тутъ передернуло.

ВУЛЬКОВЪ. Дѣйствительно, я чуточку испугался.

ВЕРГАНЪ. Лодочники на Шпрѣ часто носятъ шубы?

ВУЛЬКОВЪ. Бываетъ, что и носятъ.

ВЕРГАНЪ. Вонъ тотъ господинъ видѣлъ лодочника, стоявшаго въ шубѣ на палубѣ.

ВУЛЬКОВЪ. Въ этомъ нѣтъ ничего подозрительнаго, г-нъ начальникъ.. У многихъ имѣются прекрасныя шубы. У меня у самого шубенка имѣется.

ВЕРГАНЪ. Ну, вотъ видите, у него тоже шуба есть.

ФЛЕЙШЕРЪ. Но не бобровая же шуба въ концѣ-то концовъ.

ВЕРГАНЪ. Вы же не совсѣмъ ясно видѣли.

КРЮГЕРЪ. Что? У него бобровая шуба?

ВУЛЬКОВЪ. У многихъ, доложу я вамъ, имѣются прекрасныя бобровыя шубы. А почему бы и нѣтъ? Кому денегъ не жалъ...

ВЕРГАНЪ (въ презыбіткѣ торжества, съ дѣланымъ безразли-

чѣмъ). Такъ. (Вскользы) Продолжайте, пожалуйста, г-нъ Крюгеръ. Это было просто маленькое отступленіе. Я только хотѣлъ обратить ваше вниманіе на то, какъ много значить подобное «наблюденіе»... Видите, у него у самого шуба. (Съ новой рѣзкостью) А мы вѣдь даже во снѣ не рѣшились бы по одному этому сказать: онъ укралъ шубу. Это же было бы абсурдъ.

Крюгеръ. Что? Я ни слова не понимаю.

Верганъ. Тогда мнѣ нужно говорить еще громче. И разъ ужъ я заговорилъ, то мнѣ одно хотѣлось бы сказать вамъ. Не въ качествѣ представителя власти, а какъ такой же простой человѣкъ, какъ вы, г-нъ Крюгеръ... Порядочному гражданину слѣдовало бы быть менѣе довѣрчивымъ,—не ссылаться на свидѣтельство постороннихъ...

Крюгеръ. Моихъ знакомыхъ, моихъ знакомыхъ?.

Верганъ. Да-съ, вашихъ знакомыхъ.

Крюгеръ. Тогда вы сами-то будьте осторожныѣ. Такого человѣка, какъ Мотесъ, съ которымъ вы дружите,—я изъ дому вышвырнулъ.

Флейшеръ. Человѣку, сидящему у васъ на квартирѣ, я указалъ на дверь.

Крюгеръ. Онъ меня съ квартирной платой надулъ.

Фрау Вольфъ. Здѣсь немного найдется такихъ, кого бы онъ такъ или иначе не надулъ,—на мелочь, на марку, на талеръ, на золотой.

Крюгеръ. Онъ положительно подати взимаетъ.

Флейшеръ (вынимаетъ изъ кармана бумагу). Ему уже пора къ прокурору. (Кладетъ бумагу на столъ). Будьте любезны прочесть.

Крюгеръ. Эту бумагу фрау Дрейеръ сама подписала. Онъ хотѣлъ склонить ее дать ложную присягу.

Флейшеръ. Она должна была показывать противъ меня.

Крюгеръ (дотрагиваясь до Флейшера). Это же:—безупречный человѣкъ, и его-то этотъ мерзавецъ хочетъ погубить. И вы подаете руку такому человѣку.

Верганъ. Теперь я потерялъ всякое терпѣніе. Что тамъ у васъ за дѣла съ этимъ человѣкомъ,—меня не касается, на это мнѣ наплевать. (Флейшеру) Уберите эту дрянъ.

Крюгеръ (то къ фрау Вольфъ, то къ Глазенапу). И это—другъ г-на начальника волости! Повѣренный. Отличный повѣренный! Душегубъ, хотѣлъ я сказать.

Флейшеръ (Миттельдорфу). Я никому не обязанъ от-

Генералъ одобрительно. {четомъ. Что я дѣлаю и какъ я поступаю, это—мое дѣло. Съ кѣмъ я близокъ, мое дѣло. Что я думаю, что пишу, мое дѣло.

Глазенапъ. Да тутъ своихъ собственныхъ словъ не слышно. Г-нъ начальникъ, прикажете послать за жандармомъ? И живо сбѣгаю. Миттельдорфъ!..

Верганъ. Прошу (потиху. (Водворяется тишина. Флейшеру) Уберите эту дрянъ, пожалуйста.

Флейшеръ (дѣлаетъ это). Тогда эта дрянъ пойдетъ къ прокурору.

Верганъ. Какъ вамъ будетъ угодно. (Встаетъ и вынимаетъ изъ шкапа свертокъ фрау Вольфъ). Чтобы покончить съ этимъ. (Къ фрау Вольфъ) Гдѣ вы нашли эту вещь?

Фрау Вольфъ. Это не я нашла, г-нъ начальникъ.

Верганъ. А кто же тогда?

Фрау Вольфъ. Моя младшая дочь.

Верганъ. Почему же вы не взяли ее съ собой?..

Фрау Вольфъ. Она же была здѣсь, г-нъ начальникъ. Я могу живо привести ее снова.

Верганъ. Но это значительно замедляетъ дѣло. Да вамъ-то дѣвочка ничего не рассказывала?

Крюгеръ. Она говорила—по дорогѣ на вокзалъ.

Верганъ. Воръ, значить, уѣхалъ въ Берлинъ. Послѣ этого мы немного разыщемъ.

Крюгеръ. Я этому совсѣмъ не повѣрю, г-нъ начальникъ. У г-на Флейшера совершенно правильный взглядъ. Вся эта исторія со сверткомъ подстроена, чтобы направить насъ на ложный путь.

Фрау Вольфъ. И то сказать! Вполнѣ возможно.

Верганъ. Ну, Вольфиха, вы не такъ ужъ глупы. Все краденое здѣсь отправляется въ Берлинъ. Шуба-то давнымъ-давно продана въ Берлинъ,—еще раньше, чѣмъ мы здѣсь узнали, что она украдена.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, г-нъ начальникъ, я не могу иначе. Я не вполнѣ съ вами согласна. Разъ воръ въ Берлинъ, то хотѣла бы я знать: зачѣмъ ему терять свертокъ.

Верганъ. Не всегда же теряютъ умышленно.

Фрау Вольфъ. И,—да вы только осмотрите свертокъ, все такъ тщательно уложено,—жилетъ, ключъ, кусочекъ бумаги...

Крюгеръ. Я увѣренъ, что воръ-то здѣсь.

Фрау Вольфъ (поддерживая Крюгера). Вотъ видите, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ (чувствуя поддержку). Я къ этому твердо увѣренъ. Берганъ. Къ сожалѣнью, я не могу присоединиться къ этому взгляду. У меня слишкомъ большой опытъ...

Крюгеръ. Чтѣ? Больной опытъ? Гм!

Берганъ. Конечно. И на основаніи этого многолѣтняго опыта я знаю, что такая возможность врядъ ли можетъ быть принята въ соображеніе.

Фрау Вольфъ. Положимъ, не слѣдуетъ зарекаться, г-нъ начальникъ.

Крюгеръ (ссылаясь на Флейшера). Но онъ же видѣлъ дочника...

Берганъ. Ахъ, не упоминайте объ этой исторіи. Тогда мнѣ пришлось бы ежедневно производить обыски, съ двадцатью жандармами и полицейскими. Тогда мнѣ пришлось бы обыскивать всѣхъ и каждого.

Фрау Вольфъ. Тогда ужъ начинайте съ меня, г-нъ начальникъ.

Берганъ. Ну, развѣ же это не смѣшно? Нѣтъ, нѣтъ, господа, такъ нельзя. Такъ-то мы никогда ни къ чему не придемъ. Вы должны предоставить мнѣ полную свободу дѣйствія. У меня уже возникло подозрѣніе, и покуда чтѣ я хочу только понаблюдать. Здѣсь имѣется нѣсколько темныхъ личностей, которыя у меня уже давно на примѣтѣ. Чуть свѣтъ онѣ ѣдутъ въ Берлинъ, съ тяжелыми мѣшками на спинѣ, а вечеромъ возвращаются порожнемъ.

Крюгеръ. Торговки зеленю носятъ свою зелень на спинѣ.

Берганъ. Ахъ, оставьте торговку, г-нъ Крюгеръ. Ваша шуба, вѣроятно, такимъ-то путемъ и уѣхала.

Фрау Вольфъ. Очнь возможно. На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго.

Берганъ. Итакъ. Ну? Вы хотите сдѣлать заявленіе.

Вульковъ. Дочка родилась, г-нъ начальникъ.

Берганъ. Я, значить, сдѣлаю все возможное.

Крюгеръ. Я не успокоюсь, г-нъ начальникъ, пока не получу шубы.

Берганъ. Чтѣ можно сдѣлать, все будетъ сдѣлано. Фрау Вольфъ можетъ чуточку поразноухать.

Фрау Вольфъ. На это я совсѣмъ не гожусь. Но ежели все это не обнаружится, то... нѣтъ, нѣтъ, гдѣ же тогда надежное житье?

Крюгеръ. Вы совершенно правы, фрау Вольфъ, совершенно правы. (Бергану) Я прошу хорошенько осмотрѣть свертокъ. На прыжкѣ тамъ надпись, могущая привести къ

какому-нибудь открытію. А послѣзавтра утромъ, г-нъ начальникъ, я снова найду свободную минуту цонавѣдаться. До свиданія! (Уходитъ).

Флейшеръ. До свиданія. (Уходитъ).

Верганъ (Вулькову). Сколько вамъ лѣтъ? До свиданія, до свиданія!.. У нихъ обоихъ что-то неладно на чердакъ. (Вулькову) Какъ васъ зовутъ?

Вульковъ. Августъ-Филиппъ Вульковъ.

Верганъ (Миттельдорфу). Сходите-ка ко мнѣ на квартиру. Тамъ сидитъ и дожидается писатель Мотесъ. Скажите ему, я, молъ, сожалью, что нынче утромъ я занятъ другимъ.

Миттельдорфъ. Значитъ, чтобъ не ждалъ?

Верганъ (сердито). Чтобъ не ждалъ! Нѣтъ!

(Миттельдорфъ уходитъ).

Верганъ (къ фрау Вольфъ). Вы знаете писателя Мотеса?

Фрау Вольфъ. Въ такихъ-то случаяхъ, доложу я вамъ, мнѣ лучше помолчать. Хорошаго тутъ немного поразскажешь.

Верганъ (иронически). Зато много про Флейшера.

Фрау Вольфъ. Право же, это не дурной человѣкъ.

Верганъ. Вы это—изъ предосторожности?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, знаете, это не по мнѣ. Я всегда—нараспашку, г-нъ начальникъ. Не будь я такъ болтлива всегда, я бы уже далеко ушла.

Верганъ. У меня же вамъ это еще не повредило.

Фрау Вольфъ. У васъ-то нѣтъ, г-нъ начальникъ. Вы жете выслушать даже откровенное слово. Отъ васъ-то не нужно прятаться.

Верганъ. Короче: Флейшеръ—порядочный человѣкъ.

Фрау Вольфъ. Такъ оно и есть, такъ оно и есть.

Верганъ. Ну, попомните ваше сегодняшнее слово.

Фрау Вольфъ. И вы—мое!

Верганъ. Хорошо, посмотримъ. (Потягивается, встаетъ и разминаетъ ноги. Вулькову) Это—наша трудолюбивая прачка. Она думаетъ, что всѣ-то, какъ она. (Къ фрау Вольфъ) Но, къ сожалѣнію, свѣтъ не такъ устроенъ. У васъ поверхностный взглядъ на людей. А нашъ братъ заглядываетъ уже чуть-точку поглубже. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, останавливается передъ нею и кладетъ ей руку на плечо). И какъ я правъ, говоря: Фрау Вольфъ—честная женщина, такъ съ тою же увѣренностью я вамъ скажу: Вашъ докторъ Флейшеръ, о которомъ мы здѣсь толковали,—опаснѣйшій человѣкъ!

Фрау Вольфъ (покорно качая головой). Тутъ ужъ я не знаю...

(Занавѣсъ падаетъ).

КРАСНЫЙ ПѢТУХЪ.

Трагикомедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Переводъ Ю. К. Балтрушайтиса и В. М. Саблина.

«Гампеле» и «Потопнувший колоколь» уже значились в каталогах под именем Гауптмана, когда, вслед за написаніем «Крамера», от символическаго и сказочно-философскаго поэтическаго творчества онъ вернулся снова къ трезвому натурализму и досказалъ судьбу одного изъ самыхъ реальныхъ своихъ созданий — знаменитой Вольфики изъ «Бобровой шубы». И глубокий реалистъ вдругъ ожилъ въ немъ снова, и въ смыслѣ мѣткости бытовыхъ подмѣчаній «Красный пѣтухъ» (Der rote Hahn) стоитъ на одной высотѣ съ «Бобровой шубой».

Въ финалѣ пьесы фрау Вольфъ, вышедшая теперь за другого мужа, сапожника Флица, умираетъ. Эта траурная подробность объясняетъ названіе пьесы «трагикомедіей». Если бы, впрочемъ, здѣсь и не было такого явно драматическаго конца, пьеса, при изобиліи ярко юмористическихъ мѣстъ, заслуживала бы именно названія трагикомедіи. Въ своей идее она является исполненнымъ трагизма осмѣяниемъ жалкой человѣческой суетности, мелочнаго эгоизма, тщеты мечтаній и всей вообще нескладницы жизни.

«Красный пѣтухъ» былъ поставленъ на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 27 ноября 1901 года. Восемь лѣтъ отдѣляютъ пьесу отъ «Бобровой шубы». Соблюдая логическую связь двухъ своихъ произведеній, Гауптманъ въ собраніи своихъ сочиненій, которому мы слѣдуемъ, естественно ставитъ ихъ рядомъ, нарушая хронологію.

Время дѣйствія «Краснаго пѣтуха» драматургъ опредѣляетъ словами: «борьба противъ закона Гейнце». Проектъ этого закона, но имѣющаго по существу никакого касательства къ содержанию трагикомедіи*), былъ внесенъ германскимъ правительствомъ въ 1900 г. Если мы отнесли дѣйствію «Бобровой шубы» къ 1887 году, — значить, «Красный пѣтухъ» разыгрывается не ранѣе, какъ черезъ 12 лѣтъ.

Изъ лицъ, знакомыхъ намъ по «Бобровой шубѣ», мы встрѣчаемъ здѣсь четверыхъ: Вольфику во второмъ бракѣ, такую же плутоватую и хитрую пріобрѣтательницу, Вергана, такимъ же тупымъ, бездарнымъ и фанфаронски-надутымъ администраторомъ, старшую дочь фрау Вольфъ — Леонтину и холостнаго нясря Глазенапа.

Всѣ эти типы выдержаны Гауптманомъ съ истиннымъ мастерствомъ. Мы не найдено здѣсь ни одного диссонанса, который бы нарушать цѣлость образовъ, врѣзавшихся въ нашу память при чтеніи «Бобровой шубы». Точно за новую пьесу онъ съѣлъ непосредственно по окончаніи первой. Въ такихъ частностяхъ всего ярче чувствуется настоящий художникъ. Эта выдержка даже не есть дѣло труда, утомительной выш-

*) Онъ защищалъ общественную нравственность путемъ просвѣщенія совѣстливости и пользованія развратомъ въ видахъ напастей.

мательности или тонкого расчета. Художники «видят» свои образы, и ошибка для него просто невозможна.

То, что можно было бы сказать о характеристике Вольфики и Вергана, было бы повторением мнений, приведенных нами в предисловии к «Бобровой шубе». Эти две фигуры останутся одними из совершеннейших у Гауптмана. Забыть их трудно — при желании забыть.

Что касается архитектурных пьесы, ее строения и того, что принято называть «знанием сцены», сценичностью, — то этим «Красный петух» может похвалиться еще больше, чем «Бобровая шуба». В эту пьесу Гауптман писал как бы с намеренною отрешенностью от тех требований округленности действия, законченности фабулы, каких большинство драматургов, да и сам он в других своих произведениях, считают для себя обязательными.

Это опять «куски жизни», схваченные с такою натуральностью, что положительно нельзя сделать автору никакого упрека в подлинности, приспособления или фальши. Это сама правда жизни. Но, как и в подлинной жизни, эти сцены и разговоры иногда случайны, эпизодичны, не прямо связаны с основной мыслью писателя, даже заслоняют основную мысль. Где читатель с интересом приготовился следить историю Вольфики-Филицы или Вергана, перед ним, напрямик, вдруг вырисовывается, заслоняя все остальное, фигура доктора Боксера.

Естественно, что частности — отдельные типы, отдельные сцены — здесь могут нравиться больше цѣлаго. И так оно и есть. Развѣ, напримѣръ, не полна жизни и глубочайшей психологической правды сцена, где Вольфика, при чтении эпитафии покойному мужу, не выходящему при жизни из дураковъ, изливается совершено искренно въ панегирикъ его добродѣтелямъ? Превосходны по живости сцена пожара, сцена допроса у Вергана съ притворствомъ духовой бабы, илiria Вергана, прерываемая символическимъ ослинымъ крикомъ.

Но для тѣхъ, кто привыкъ требовать отъ пьесы стройнаго психологическаго нарастанія дѣйствія и развязки ее въ общепринятомъ смыслѣ, кто, слѣдя за прямымъ сюжетомъ, ждетъ прежде всего разоблаченій подлога Вольфики, — ея внезапная смерть неожиданно рубитъ драму, не развязываетъ, а рветъ узелъ и оставляетъ зрителя, какъ и въ «Бобровой шубѣ», почти въ недоумѣніи.

Этимъ можетъ объясниться, что при первой постановкѣ пьесы по нимъ полнаго успѣха.

Но кто подходитъ къ трагикомедіи Гауптмана, отрѣшавшійся отъ обычныхъ требованій округленности сюжета, тотъ, думается, можетъ видѣть эту идею достаточно ясно. Ключъ къ этому пониманію въ послѣдней фразѣ Вольфики-Филицы: «тянешься... тянешься... все вотъ тянешься... къ чему-то», — вторую половину которой за нее договариваетъ смерть. Пролонгация этой фразы — въ предшествующемъ монологѣ Вольфы, произносимомъ передъ Раухгауптомъ.

Именно трагикомедію человѣческой жизни, безцѣльность человѣческихъ волненій на базарѣ житейской суеты, жалкое ничтожество нашего эгоизма, хищничества, даже преступности, предъ лицомъ смерти и вѣчности — хотѣлъ философски схватить Гауптманъ. Филица добилась своихъ желанныхъ «часовъ съ регуляторомъ» — своей мелкой мечты ищущаго счастья. Жесткой пѣтухъ — символъ предѣла ищущаго желаній Вольфики — тоже на крышѣ ея дома. Но пришла смерть — и

чему послужило то, что она всю жизнь стужала, работала, жгала, поджигала, трепетала, чтобы не быть пойманной?

Трудъ и страданіе мелкаго хищника поглощаютъ хищникъ покрупнѣе—Шмаровскій.

Перомъ Гауптмана водилъ тотъ же великій духъ, который внушалъ Гоголю гнѣвное презрѣніе къ «пріобрѣтательству» Чичикова и диктовалъ Чехову грустныя страницы о людяхъ, сводящихъ весь смыслъ бытія къ мечтѣ о собственномъ «Крыжовникѣ». «Суета суетъ!» — повторяетъ Гауптманъ старыя слова, покрытыя пылью вѣковъ, и если сего «Бобровая шуба» безоблачно-весела, — то въ «Красномъ пѣтухѣ» звучитъ серьезная и грустная дума о человѣчествѣ.

Мыслитель, глубоко и трагически задумавшійся надъ бытіемъ въ «Михайлѣ Крамерѣ», даетъ себя почувствовать въ послѣднихъ страницахъ «Краснаго пѣтуха». Тамъ—дума о величіи и красотѣ смерти. Здѣсь—о суетности, ничтожествѣ и безобразіи жизни съ нѣщанскими идеалами.

КРАСНЫЙ ПЪТУХЪ.

ТРАГИКОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Филиппъ, сапожникъ и полицейскій шпіонтъ,—подъ шестьдесятъ.

Фрау Филиппъ, по первому браку Вольфъ, его жена. Тоже подъ шестьдесятъ.

Леонтина, ея старшая дочь отъ перваго брака, незамужняя — подъ тридцать.

Шмаровскій, строитезь.

Ланггейнрихъ, кузнецъ, 30 лѣтъ.

Раухгауптъ, прусскій жандармъ въ отставкѣ.

Густавъ, его старшій сынъ, идіотъ.

Мица	Лизхенъ	} его дочери.
Лотта	Марихенъ	
Труда	Тинхенъ	
Ленхенъ	Ганнхенъ	

Докторъ Боксеръ, крѣпкаго тѣлосложенія, 36 лѣтъ, врачъ, еврей.

Фонъ-Верганъ, начальникъ волости.

Эде, кузнецъ—подмастерье у Ланггейнриха.

Глазенапъ, писарь.

Шульце, жандармъ.

Фрау Шульце, его тетка.

Чахе, жандармъ.

Пожарный.

Мальчикъ.

Служитель.

Крестьяне.

Мѣсто дѣйствія: гдѣ-нибудь подъ Берлиномъ.

Время дѣйствія: борьба противъ закона Гейнце.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская сапожника Филица. Низкая комната, выкрашенная голубой краской. Направо окно. Въ средней и хѣвой стѣнѣ по двери. Направо подъ окномъ возвышеніе: на немъ нѣсколько скамеечекъ и маленький рабочий столикъ. На окнѣ подставка съ тремя стеклянными, наполненными водою, шарами, между которыми стоитъ еще не зажженная керосиновая лампочка. Налѣво, въ углу, коричневая изразцовая печь съ плитой, скамейкой и всевозможной кухонной посудой. Сапожникъ Филицъ сидитъ еще, скорчившись, за работой. На возвышеніи и около него лежать, нагроможденные другъ на друга, старые сапоги и башмаки разныхъ размѣровъ. Онъ ловко отбиваетъ кусокъ кожи.

ФРАУ Филицъ, по первому браку вдова Вольфъ, сосредоточенно возится съ деревяннымъ ящичкомъ средняго размѣра и стеариновой свѣчкой. Время къ вечеру. Конецъ сентября.

Филицъ. Ну-ка, уходи изъ мастерской! Проваливай!

ФРАУ Филицъ (отрывисто). Кто тамъ еще придетъ? Уже седьмой часъ!

Филицъ. Уходи изъ мастерской съ этой дрянью!

ФРАУ Филицъ. Да не будь же дуракомъ! Чтò плохого въ этомъ ящичкѣ?.. Ничего въ деревянномъ ящичкѣ плохого нѣтъ!

Филицъ (озлобленно продолжая работать). А то еще хорошее? А?

ФРАУ Филицъ (попрежнему, сосредоточенно, полу-шутливо). До сихъ портъ—стружки... А здѣсь вотъ посередкѣ свѣчка...

Филицъ. Ну, мать, ты больно умна! Если и дальше съ твоимъ умомъ такъ пойдетъ, то мнѣ придется еще въ острогъ понавѣдаться.

ФРАУ Филицъ (грубо). Ну, еще бы! И на минуту не можешь быть внимательнымъ! Можешь, я думаю, выслушать, когда съ тобой говорятъ... Интересно же это!

Филицъ. Я интересуюсь своей обувью, и ничѣмъ больше не интересуюсь.

ФРАУ Филицъ. Ну, еще бы! Господи! Этимъ не разживешься. Такъ бы и совсѣмъ съ голоду умерли... Съ одной-то починкой! Свѣчку приладимъ внутрь! Понялъ?.. Ящичъ этотъ слишкомъ малъ. Вонъ тотъ ящичъ годится.. Выкину изъ него дѣтскую обувь. (Опрокидываетъ ящичъ съ дѣтской обувью).

Филицъ (испуганно). Оставь ты эти глупости! Понимаешь?

ФРАУ Филицъ. А теперь зажечь свѣчку—поставить ее посреди ящика, конечно, такъ, чтобы крышка не загорѣлась. А тогда ставь спокойно на полъ—самъ Грабовъ по-

другому не дѣлать!—среди всего этого стараго хлама... и преспокойно кати въ Берлинъ... А прїѣдешь назадъ...

Филицъ. Тес... кто-то идетъ. Тише!

Фрау Филицъ. А тамъ ужъ самъ чортъ не доберется. (Продолжительное молчаніе).

Филицъ. Когда бы все такъ просто было! Ты думаешь, все это такъ просто? Во-первыхъ, тутъ надо сдѣлать дырочки для воздуха. Понятно, шиломъ... Надо просверлить... Чтобы горѣло,—надо, чтобы тяга была. Коли тяги не будетъ, погаснетъ! Огню нужна тяга, а то онъ и горѣть не будетъ. Это можетъ только понимающій сдѣлать.

Фрау Филицъ. Ну, такъ тебѣ, старикъ, легко это устроить!

Филицъ (забываясь, съ возрастающимъ увлеченіемъ). Вотъ здѣсь тяга — и здѣсь должна быть тяга! Да хорошенечко приладить—и стружки и тряпки... Да все хорошенечко керосиномъ облить... Мнѣ это, мать, не впервой! Я шесть лѣтъ по разнымъ людямъ жилъ!

Фрау Филицъ. Вотъ, вотъ! и я тоже говорю!

Филицъ. Можно и губку, а то и тесемку, только хорошенечко вымочить въ селитрѣ. Можно и съ зажигательнымъ стекломъ... Шаговъ на двадцать дѣйствуетъ!.. Всего, мать, бывало! Меня ничѣмъ не удивили! Я-то ужъ знаю!

Фрау Филицъ. Грабовъ опять отстроился. А если бы у него духу не хватило, давно бы на улицѣ валялся.

Филицъ. Да, кому вода подойдетъ до сихъ поръ, т.-е. по самую шею, тому ничего больше не остается.

Фрау Филицъ. А другіе вотъ все дожидаются, пока совсѣмъ не потонуть. (Слышенъ звонокъ).

Филицъ. Отставъ ящики! Поди отвори! (Входитъ начальникъ фонъ-Верганъ въ толстомъ кѣтъчатомъ пальто, высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ).

Верганъ. Добрый вечеръ, Филицъ! Ну, какъ насчетъ сапоговъ?

Филицъ. Готовы, г. начальникъ.

Фрау Филицъ. Ты бы хоть огонь зажечь, чтобы г. фонъ-Вергану повиднѣе было.

Верганъ. А, тетушка Вольфъ! Какъ живете-можете?

Фрау Филицъ. Я больше не тетушка Вольфъ!

Верганъ. Ого, да вы загордились! Чтѣ, Филицъ? Ностъ-то она высоко задираетъ! Бросилось въ голову?

Фрау Филицъ. Изъ-за чего же задирать-то? Изъ-за какой-то свадьбы? Вдовой-то лучше жилось!

Филицъ (выбувъ колодки изъ сапоговъ Вергана). И оставалась бы себѣ вдовой!

Фрау Филицъ. Знай я раньше, что ты за птица, ужъ конечно бы не торопилась. Такого стараго, кривоногого хрыча, какъ ты, я бы всегда нашла!

Верганъ. Ну, потише, потише!

Филицъ. Полноте! (Почти съ подобострастной услужливостью) Если бы вы были такъ любезны и сообразовали разуть правую ногу! Позвольте, я сниму. Такъ! А теперь ужъ будьте такъ добры, поставьте ногу сюда, на ящикъ.

Фрау Филицъ (съ зажженной лампой). Какъ здоровье супруги вашей, г. баронъ?

Верганъ. Благодарю; хорошо! Вотъ только все безъ те- тушки Вольфъ горюетъ...

Фрау Филицъ. Нѣтъ, куда ужъ тутъ! Я на васъ тридцать лѣтъ стирала. Сыта по горло! Вы бы на мои ноги взглянули; жилы прямо съ кулакъ раздуло... Оттого, что всю жизнь за лоханкой простояла! По всему тѣлу шишки, во всѣхъ суставахъ ревматизмъ! Лѣчишься - лѣчишься, и конца нѣтъ. Вѣчно приходится въ платки кутаться, и то цѣлый день мерзнешь!

Верганъ. Ну да, понятно, фрау Вольфъ!

Фрау Филицъ. Прежде бы я съ кѣмъ угодно поспорила! Раньше у меня была такая комплекція, что рѣдко кто могъ за мной угнаться! А теперь... эхъ, теперь все перемѣнилось!

Филицъ. Ну, кричи, кричи еще громче, коли можешь.

Верганъ. ...Что же, вамъ это извинительно, фрау Филицъ. Кто столько поработалъ, какъ вы, тотъ имѣетъ право пожить на покой.

Фрау Филицъ. Ну, какъ сказать! Втерпелъ. Концы съ концами сводимъ. Помаленьку. (Даетъ Филицу дружескій подзатыльникъ). Онъ свое дѣло дѣлаетъ. У насъ, могу сказать, никто не лѣнится. Если бы къ этому и здоровье!.. Въ субботу мнѣ опять къ доктору тащиться. Онъ меня лѣчитъ электрической машиной. Не смѣю сказать, а, кажется, помогаетъ. Но эти постоянныя поѣздки въ Берлинъ — и каждый разъ за электричество пять марокъ. Просто не знаешь, откуда и доставать!

Филицъ. А докторамъ только и знай, что подавай денежки.

Верганъ (ступаетъ ногой въ новомъ сапогѣ). Всѣ мы не молодѣемъ, фрау Филицъ! Я это ужъ порядкомъ чувствую. Законъ природы! Назадъ противъ теченія не поплывешь!

Просто-напросто: къ отвѣту!.. Вамъ, впрочемъ, грѣхъ жаловаться. Я только-что слышалъ... вашему зятю повезло. Чего же вамъ? Все, значитъ, по-вашему.

Фрау Филицъ. Да, конечно, это радуетъ! Ему теперь въ строителяхъ легче будетъ пробыться. Къ тому же... онъ стоитъ этого. Чего онъ только въ дѣтствѣ ни вытерпѣлъ! Да, мнѣ жилось не сладко, но такой отецъ и такая женщина...

Верганъ. Шмаровскій—человѣкъ основательный! За Шмаровскаго я никогда не боялся. Это ему ваиа Адельгейда счастье принесла! Помните, я вамъ еще тогда говорилъ. Вы прибѣжали ко мнѣ, когда ужъ все дѣло пошло на разладъ, а я указалъ вамъ на пастора Фридеричи. Вотъ тутъ поймешь, что такое пастыръ! Молодой человѣкъ—всегда молодой человѣкъ, и если онъ живетъ хорошо, по-христіански, то иногда ему позволительно забыться. А тутъ ужъ дѣло пастыря.

Фрау Филицъ. Да, да, вы совершенно правы! Я этого никогда не забуду ни вамъ ни господину пастору. Если-бъ Шмаровскій тогда дѣвчонку бросилъ, она, какъ Богъ святъ, на себя бы руки наложила!

Верганъ. И много такихъ примѣровъ, фрау Филицъ, разъ подъ рукою пасторъ и церковь. И храмъ Божій, который мы общими силами выстроили, ужъ многимъ благословеніе принесъ. Ну, добрый вечеръ! Будьте здоровы!.. Да, что я еще хотѣлъ сказать?! Филицъ! Собраніе насчетъ флота будетъ въ понедѣльникъ, утромъ. Вы, конечно, будете?

Фрау Филицъ. Конечно, будете!

Филицъ. Всенепремѣннѣйше.

Верганъ. Вы мнѣ необходимы, Филицъ. Зайдите ко мнѣ въ воскресенье. Очень важно, чтобы мы заранее столковались. Я вамъ представлю нѣкоторые соображенія, нѣкоторые... замѣчательныя соображенія, Филицъ! И мы должны на нихъ твердо стоять. Добрый вечеръ! Помните—намъ нуженъ сильный флотъ!

Филицъ. Безъ флота никакъ невозможно! (Верганъ уходитъ).

Филицъ. Убери ты свѣчку, пожалуйста!

Фрау Филицъ. Какой ты трусъ, Антонъ! Вотъ ужъ настоящій трусъ! (Беретъ свѣчку изъ ящика. Почти одновременно Раухгауптъ открываетъ дверь и заглядываетъ въ комнату).

Раухгауптъ. Добрый вечеръ, хозяйинъ. Не помѣшаю?

Филицъ. — — — — — *)

*) Такъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ. Очевидно, указаніе актеру на мимическую игру.

Фрау Филицъ. Ахъ, это вы!.. Милости просимъ!

Раухгауптъ. А кузнеца Лантгейнриха еще нѣтъ?

Фрау Филицъ. Развѣ онъ хотѣлъ придти? Нѣтъ, еще нѣту.

Раухгауптъ. Мы стоворились съ нимъ... Я крестъ на могилу принесъ. Эй, Густавъ! Тащи-ка сюда крестъ! (Густавъ приноситъ кованый чугунный могильный крестъ съ надписью). Поставь его сюда, на ящики!

Филицъ (быстро). Нѣтъ, Эдуардъ! Сюда нельзя, сломаетъ!

Раухгауптъ. Ну, такъ поставь его къ стѣнѣ!

Фрау Филицъ. Наконецъ-то покончили! (Кричитъ въ дверь) Леонтина, сойди-ка сюда!

Раухгауптъ. У меня много и другихъ дѣлъ! Я еще новый парникъ устраиваю.

Фрау Филицъ. Опять новый? Не унимаетесь. Настоящій вы кротъ, Раухгауптъ. И какъ это человѣкъ можетъ такъ рыться въ землѣ?

Раухгауптъ. Самое подходящее для человѣка занятіе, хозяйка. Яко зсмя еси и въ землю отыдещи. Отчего же мнѣ и не рыться въ землицѣ-то? (Нюхаетъ изъ табакерки, которую ему протягиваетъ Филицъ). И это землицей пахнетъ, Филицъ! Такъ же хорошо, какъ свѣжая земля.

(Входятъ Леонтина, на талии у нея висятъ козницы, на пальцахъ перстень).

Леонтина. Ну, вотъ я, мама. Чего тебѣ?

Фрау Филицъ. Вотъ онъ эпитафію папѣ принесъ.

(Леонтина и фрау Филицъ задумчиво разсматриваютъ крестъ).

Фрау Филицъ. Зажги-ка свѣчку! (Передаетъ ей свѣчку, съ которой она передъ этимъ производила опыты). Прочтемъ-ка надпись.

Раухгауптъ. Да, ужъ здорово пришлось поломать голову! Такой-то надписью, надѣюсь, останетесь довольны! Все кладбище обшарьте, а лучше не найдете! Ужъ я самъ удостоверялся! (Садится на возвышеніе и опять набиваетъ носъ табакомъ).

Фрау Филицъ (свѣтитъ и читаетъ по складамъ). Здѣсь почитъ...

Леонтина (читаетъ дальше). ...въ Бозѣ...

Раухгауптъ. Да, здѣсь стоитъ «въ Бозѣ». Я хотѣлъ раньше написать: «въ Господинѣ нашемъ и Богѣ»... Но знаете... господиномъ-то теперь каждый можетъ быть!

Фрау Филицъ (читаетъ дальше дрожащимъ голосомъ). Здѣсь почитъ въ Бозѣ незабвенный плотникъ... (Причитаетъ) Ахъ,

это... ахъ, это такъ ужасно! Онъ былъ самый лучший человекъ во всемъ мірѣ! Ужъ мнѣ-то вы можете повѣрить,— такихъ, какъ онъ, теперь и нѣтъ совсѣмъ!

Леонтина (читаетъ дальше). ...незабвенный плотникъ Юліанъ Вольфъ... (Всклипываютъ).

Филицъ. Бросьте вы! Отъ хныканья покойники все равно не оживають. (Протягиваетъ Раухгаупту бутылку съ водкой). На-ка, Эдуардъ, подкрѣнись! Все это ни къ чему! (Встаетъ и отряхиваетъ синій фартукъ, какъ человекъ, покончившій съ работой).

РАУХГАУПТЪ (показываетъ бутылкой). А стихи эти я самъ сочинилъ! Давайте я прочту! Слушайте:

«Мы всѣ грѣховны въ мѣрѣ равной...»

Другой бы на этомъ и сѣлъ!..

«Какъ нищій, такъ и принцъ державный.

«Но этотъ человекъ всегда

«Невиненъ, чистъ былъ, какъ вода».

(Женщины плачутъ сильнѣе. Онъ продолжаетъ) Все это я написалъ бѣлой краской, а здѣсь слова «въ Божѣ» — синей. (Пьетъ. Входитъ кузнецъ Ланггейрихъ. Все время смотреть, не отрываясь, на Леонтину).

ЛАНГГЕЙРИХЪ. Ну, скажи, пожалуйста, Раухгаупт! Я тебя битыхъ полчаса ницъ! Вѣдь я-жъ за тобой долженъ былъ зайти, глупая голова!.. Или у васъ неблагополучно?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ! Потеряешь такого человека, потомъ, поди, уживайся съ такими св... индюками, какъ вы!

Филицъ. Иди, Ладовицъ, подвигай себѣ скамейку! Дай ей въ себя придти.

ЛАНГГЕЙРИХЪ (весело и лукаво). Недаромъ я всегда говорилъ, что смерть—чортова выдумка!

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Мы больше двадцати лѣтъ прожили вмѣстѣ. И ни одного злого слова. А ужъ какой честный былъ! Ни чужого пфеннига... Трезвехонькій! Даже и не зналъ, что такое водка. А дѣтокъ какъ воспитать... А вы только и знаете, что карты да попойки!

Леонтина. Густавъ мнѣ языкъ показываетъ.

РАУХГАУПТЪ (хватаетъ саложную колодку и въ бѣшенствѣ бросается на Густава, который дѣлаетъ Леонтинѣ гримасы и высовываетъ языкъ). Каналья! Я тебѣ голову расшибу! Съ мерзавцемъ еще на каторгу угодить. Того гляди, убійцей станешь.

ЛАНГГЕЙРИХЪ. Да вѣдь несчастная скотина ничего не понимаетъ.

РАУХГАУПТЪ. Хоть бы окоула эта сволочь... проклятый!

Ужъ доведетъ онъ меня, какъ-нибудь до бѣшенства... Епце убьешь собственнаго сына!

Филицъ. Помѣстилъ бы его въ сумасшедшій домъ — и всѣмъ непріятностямъ конецъ. Написать тебѣ, что ли, прошеніе? А?

Раухгауптъ. Самъ я не понимаю, что ли, въ твоихъ прошеніяхъ? Въ томъ-то и бѣда, что онъ не опасенъ для общества! А! Да и весь свѣтъ-то—сумасшедшій домъ!.. А что онъ кирпичами въ меня швыряетъ да замки взламываетъ, ключи крадетъ, это они не считаютъ опаснымъ. И что луковницы у меня отъ тюльпановъ жретъ, это они все ни за что считаютъ! Вотъ тутъ и ворочайся, какъ знаешь!

Фрау Филицъ. Какъ это у Грабова-то тогда случилось? Какимъ образомъ сгорѣлъ «Прусскій Орелъ»?

Ланггейнрихъ. Ну, Грабову самому такъ нужно было. У него никакой Густавъ не поджигалъ! Онъ безъ всякаго Густава обошелся!

Фрау Филицъ. Онъ, говорятъ, вѣчно пошаливаетъ со спичками.

Раухгауптъ. Густавъ? Пошаливаетъ? Не перестаетъ! Попади ему въ руки спичка, — бѣдѣ не миновать!.. Мнѣ приходится прикрывать свои парники. Я и выстроилъ себѣ сарай для соломы. И знаете, что я вамъ скажу, хозяйка. Вѣдь спалилъ мнѣ, свинья! Средѣ бѣда дня. Никто и не замѣтилъ. А у меня тамъ доски были заготовлены на весь участокъ. Такъ все и затрещало, чисто выстрѣлило... Ну, а Грабовъ ужъ одинъ обдѣлалъ.

Фрау Филицъ. А я бы заявила, Раухгауптъ! Насчетъ соломы-то!

Раухгауптъ. Я не въ хорошихъ отношеніяхъ съ жандармомъ Шульце. Вѣчная исторія съ товарищами! Я хлопоталъ себѣ пенсію. А ему это не нравится... Еще бы ему нравилось!.. Да, понятно, такъ и должно быть! И собственный участокъ у меня есть, и старуха у меня умерла! Ну, понятно, чего мнѣ скрывать? А? Кой-что перепало! И что садоводство мнѣ немного даетъ, — никакъ онъ мнѣ этого простить не можетъ. Какъ же это? У Раухгаупта есть какія-то средства, онъ не знаетъ нужды! Берегись у меня!.. Ну, вотъ и все.

Фрау Филицъ. А Фрицъ Грабовъ-то какъ понравился! Ланггейнрихъ (оживленно). Этимъ онъ всецѣло мнѣ обязанъ. Я вѣдь сейчасъ же бросился туда какъ брандмейстеръ. Я говорю своимъ молодцамъ... Не помню...

Пьянъ, должно-бытъ, былъ! Ужъ очень здорово я выпилъ! Да и вся команда пьяна была! Я имъ и говорю: ребята, чтобъ камня на камень не осталось! А то пойдутъ у Грабова вычеты за вычетами, и вся эта музыка, значить, ни къ чему. Только крикнулъ ужъ я это слишкомъ громко... Отошелъ шага на два... Батюшки мои, а передо мной жандармъ Шульце! Стоитъ и глазъ не сводить. Будьте здоровы, говорю, за ваше здоровье, г. оберъ-вахмистръ! Грабовъ тамъ пива выставилъ. Ну, онъ сразу сталъ любезенъ и выпилъ со мной.

Фрау Филицъ. Не понимаю, какъ это все наружу не вышло! Ничуть не прорвалось. Какъ это онъ такъ ловко устроилъ?

Ланггейрихъ. Фрица Грабова всѣ любятъ!

Фрау Филицъ. Да вѣдь онъ и до трехъ-то толкомъ считать не умѣетъ. А потомъ вѣдь и присигнуть пришлось.

Раухгаунтъ. Присягу-то принять? Эка штука! Я такъ думаю, хозяйка, на всякій случай это и вамъ знать надо. Кто его знаетъ? Каждый можетъ попасть въ такое положеніе. Присягу принести все равно, что пуговицу отъ штановъ оторвать! Попробуйте сами, какъ по маслу сойдеть! (Смѣются).

Фрау Филицъ. Онъ опять за свои шутки! Никакихъ пуговицъ отъ штановъ отрывать мнѣ исчога. До этого я не дойду!.. Теперь чей чередъ, мастеръ? Долженъ же скоро кто-нибудь горѣть!

Ланггейрихъ. Со всякимъ бываетъ! Вотъ у Штромбергеровъ все разсыпается. Дождь прямо въ избу хлещетъ... Ну, пора ужъ! Все это шутки!

Фрау Филицъ. А кто же горячаго грога выпьетъ?

Филицъ. Оставайся.

Ланггейрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора! (Обнимаетъ Леонтину; она, не сдѣшя, съ презрительнымъ выраженіемъ лица, освобождается изъ его объятій). А то старуха не слышитъ, какъ я внизу громыхаю, — придешь домой, глядь, ручьи слезъ текутъ.

Леонтина. Это все изъ ревности, мама!

Фрау Филицъ. Грѣшки за нимъ водятся. Она въ этомъ права. Ну, принимайся-ка за свою работу!.. Какъ здоровьето хозяйки?

Ланггейрихъ. Плохо! Какъ же еще?

Леонтина. Не перестанешь меня травить, пока въ чашотку не вгонишь.

Фрау Филицъ. Можеть, отъ чего другого, а не отъ шитья. Таскаться любишь?

Ланггейрихъ (обнимая фрау Филицъ). Ну, молодуха, не будьте такой брюзгой! Молодость!.. Надо же избытокъ ея использовать. Хоть съ жандармомъ Шульце! (Уходитъ).

Фрау Филицъ. Это еще что значить?

Раухгауптъ. Мастеръ! А масторъ! И я съ тобой! (Встаетъ, киваетъ Густаву, который беретъ крестъ).

Фрау Филицъ. Чего это вы вдругъ собрались?

Раухгауптъ. Мнѣ тоже надо пойти работу кончать. (Уходитъ съ Густавомъ).

Фрау Филицъ. Чего это ты съ Ланггейрихомъ ломаешься? Дуру какую-то разыгрываешь!

Леонтина. И не думаю. Пусть онъ меня въ покоѣ оставитъ!

Фрау Филицъ. Ну, это онъ съ удовольствіемъ! Если ты будешь только шлаться кругомъ, то можешь больше не хлопотать. Въ такой онъ, повѣрь, не нуждается.

Леонтина. Да вѣдь онъ женатъ.

Фрау Филицъ. Ну, ладно! Оставь! Никакого въ тебѣ понятія нѣтъ!.. Слишкомъ ты глупа. И ребеночъ у тебя есть, а мужа нѣтъ! А у Адельгейды и ребятъ нѣтъ, и мужъ есть!

(Леонтина медленно уходитъ).

Фрау Филицъ. Хоть бы она въ самомъ дѣлѣ въ толкъ взяла... Ланггейрихъ вѣдь скоро овдовѣтъ!..

Филицъ. Да и меня тоже не очень радуетъ, что Шульце волочится за дѣвкой.

Фрау Филицъ (отрывисто). Стѣны головой все равно не прошибешь. (Садится и вынимаетъ изъ выдвижного ящика стола книжечку, проглядываетъ ее). Ты слѣдишь, ну и ладно! Отчего не слѣдить? Мѣнять тутъ нечего. Такъ, значить такъ! Надо обезопасить себя со всѣхъ сторонъ. Оставь только вахмистра Шульце въ покоѣ... Ты письмо Шмаровскаго читалъ?

Филицъ. Еще бы! Вонъ онъ гдѣ у меня сидитъ! Хоть бы половину мнѣ такихъ денегъ, какія онъ ухлопалъ. Да куда тамъ! Обо мнѣ никто не хлопоталъ! Въ строительную школу меня никто не опредѣлялъ!

Фрау Филицъ. Хотѣла бы я знать, чего тебѣ дался Шмаровскій?

Филицъ. Вотъ еще! Нѣтъ, мнѣ и дѣла до него нѣтъ. А вотъ тебѣ только стѣнитъ ротъ открыть, какъ не утерпишь, объ закладъ на десять подошвъ побьюсь, сейчасъ же на Шмаровскаго свернешь!

Фрау Филицъ. Сдѣлалъ онъ тебѣ что-нибудь? А?

Филицъ. Нѣтъ, я и не говорю. Не знаю. Да я-бъ ему и не совѣтовалъ, маты! При одномъ его видѣ меня въ дрожь бросаетъ! Выходила бы ужъ лучше за него замужъ!

Фрау Филицъ. Будь я лѣтъ на тридцать моложе. Съ удовольствіемъ бы!

Филицъ. Переѣзжай къ дочери! Ну-ну... попробуй! Къ Адельгейдъ-то! Они-бъ тебя прибрали къ рукамъ! Живо бы обобрали!

Фрау Филицъ. Онъ самъ человѣкъ работающій! Что ему на меня зариться? Съ вами каши не сварить. Въмѣсто того, чтобы помогать другъ другу... Куда тамъ? Такъ и бросаются одинъ на другого. Шмаровскій ловкій человѣкъ. Это деньги не брошенные! За него нечего бояться... Если бы ты не былъ глупъ, то понялъ бы, что тебѣ дѣлать!

Филицъ. Я? Какимъ же это способомъ? Гдѣ же? Гдѣ?

Фрау Филицъ. А что мнѣ каменщикъ сказалъ? Еще онъ пьянъ былъ... Они тогда церковь строили. Онъ тогда и сказалъ:—Ну и собака же Шмаровскій! Зналъ, почему говорить... Онъ ихъ всѣхъ за поясъ заткнетъ своими чертежами.

Филицъ. Ну и пусть чертитъ.

Фрау Филицъ. Ну еще бы! И будетъ сидѣть и чертить. А каменщики черезъ него сыты будутъ.

Филицъ. Не я устранивалъ мѣръ.

Фрау Филицъ. Да, и не перевернешь!

Филицъ. Я и не собираюсь.

Фрау Филицъ. Да и не перевернешь, Филицъ, ни свѣтъ ни меня. Вотъ тебѣ и весь сказъ! (Сказавъ это слегка насмѣшливымъ, полусмущеннымъ веселымъ тономъ, она взволнованно отталкиваетъ свою книжечку).

Филицъ. Я, маты, въ толкъ не возьму. У тебя просто, должно-быть, не все въ порядкѣ.

Фрау Филицъ. Ну да. И у Грабова, по-твоему, тоже не въ порядкѣ? Только поэтому онъ и живетъ теперь въ новомъ домѣ. Я бы очень хотѣла, чтобы у тебя было такъ не въ порядкѣ. А то съ твоимъ порядкомъ, если тебя не раскочать, такъ и прилипнешь на всю жизнь къ скамейкѣ.

Филицъ (рѣшительно). Выбрось, маты, это изъ головы! Тебѣ же добра желая, говорю... Нѣтъ моего благословенія на это. И знаешь, почему?... Я знаю, чѣмъ это пахнетъ. Впутываться мнѣ въ такое дѣло... Нѣтъ ужъ, старъ я для этого.

Фрау Филицъ. Вотъ именно потому, что ты старый хрычъ, и надо подумать. Сколько ты времени еще проработаешь? Да и сейчасъ ужъ толку мало. Ну, сколько времени ты прокопгѣлъ за сапогами Вергана? Больше двухъ недѣль...

Филицъ. Ну, мать, не больно завирайся...

Фрау Филицъ. Твое сапожное дѣло—конки подъ хвостъ. Я никуда не годна, и ты никуда негоденъ. Ну, и конецъ!.. Я и себя не исключую. И если самъ о себѣ не позаботишься, придется въ концѣ концовъ побираться. Вотъ тогда и разводи церемоніи—сколько хочешь и какъ хочешь.

Филицъ. Чудное, право, съ тобой дѣло, мать! Чисто чортъ въ тебя вселился! Мелькнетъ сначала Богъ знаетъ откуда. Мелькнуло и пропало. А потомъ вдругъ опять вѣзетъ тебѣ въ голову, и ужъ коломъ не вышибешь. И у меня иногда искушенія бывали, но тутъ, мать, я тебѣ скажу—и меня порой въ дрожь бросаетъ.

Фрау Филицъ (опять вынула книгу и углубилась въ нее). Ну, а самъ ты раньше чтó думалъ? Застраховано-то у насъ въ семь тысячъ.

Филицъ. Думалъ? Ни о чемъ я не думалъ!

Фрау Филицъ. А чтó у насъ въ домѣ? Одна земля и больше ничего.

Филицъ (встаетъ, одѣвается). Оставь меня въ покоѣ, понямаешь?

Фрау Филицъ. Да отчего жѣ нельзя? Выслушай толкомъ. Я объ этомъ серьезно думала и раньше, еще задолго до свадьбы. И Шмаровскій мнѣ десять разъ говорилъ: мѣста здѣсь хватитъ и для большого дома. И у кого разумъ есть—тотъ пойметъ, что иначе и поступить нельзя. Ну, посмотри: напротивъ аптека. Чуточку полѣвѣе почта. Тамъ булочная: хорошую себѣ онѣ лавку устроилъ. Еще четыре новыхъ виллы выстроили... И если только проведутъ электрическую конку,—мы какъ разъ въ самомъ центрѣ будемъ.

Филицъ (уходя). Прощай!

Фрау Филицъ. Ты собираешься сегодня еще куда-нибудь?

Филицъ. Да. Все это мнѣ больше невтернѣжъ... Если бы я зналъ, какой ты человекъ... Мало я зналъ тебя... не то я бы еще подумалъ. Еще пять разъ подумалъ бы!..

Фрау Филицъ. Ты? Чтó такое? О чемъ бы ты думалъ?

Филицъ. Внутриваться ли мнѣ...

Фрау Филицъ. Что? О чемъ бы ты подумалъ? Ты и во всю-то свою жизнь ни разу не думалъ. Такая просто-филя, какъ ты... и туда же думать! Могу себѣ представить, что бы ты надумалъ!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

Фрау Филицъ. Впутываться? А кто тебя впутываетъ? Старая развалина сгорить... Такъ или иначе, все равно сгорить. А то еще раньше задавить насъ. Застреля между новыми домами. И взглянуть-то совѣстно!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

Фрау Филицъ. Выйди только за двери! Я свои вещи живо уложу. А ты хоть къ начальнику сходи! Я, дескать, тебя впутала.

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю... Смотри, не подпали себѣ морды. Потому что, если я...

Фрау Филицъ (съ такимъ видомъ, какъ будто собирается его вытолкать). Убрайся! Маршъ! Подальше отъ грѣха. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что тебѣ еще надо?

Филицъ (въ себя). Мать, я тебѣ покажу! Меня выгоднѣе? Что? Изъ мастерской? Это твоя мастерская? А? Я тебя такъ проучу... Смотри ты у меня!

Фрау Филицъ. Я жду, попробуй. Ну что-жъ! Иди, иди! Ишь ты! Похоже это на тебя! Наберись-ка храбрости. При тебѣ, знай, кашель сдерживай, не то подъ самый Берлинъ, какъ пухъ, улетишь!

Филицъ (съ безсильнымъ бѣшенствомъ швырять сапогъ въ стѣну). Я всю мастерскую разнесу. Ну и чортъ съ ней. Пусть все къ чорту идетъ. Совсѣмъ я, что ли, съ ума сошелъ? Связался съ чортовой вѣдьмой! Уживись тутъ съ ней! Перваго въ могилу вогнала, а теперь я, дуракъ, свою шею подставилъ. Ну, погоди! Это еще не такъ легко. Прежде чѣмъ я позволю тебѣ сѣсть себѣ на шею и запутать меня въ эту исторію, ты у меня сама къ чорту полетишь. Нѣтъ! Я не таковъ! Заѣмъ себѣ это.

Фрау Филицъ. Да ужъ ты лучше и не старайся, Филицъ...

Филицъ. Нѣтъ! Я не таковъ! Я не таковъ! И не надѣйся. Меня не сломишь. Такъ и заруби себѣ. (Въ изнеможеніи садится).

Фрау Филицъ. Ну, хочешь еще сапогъ? А? Что же, старыхъ сапоговъ здѣсь много... Ты, конечно, на мнѣ по любви женился?

Филицъ. Ну, ужъ это одинъ Богъ знаетъ, зачѣмъ меня дернуло.

Фрау Филицъ. Припомни-ка! Можетъ, и вспомнишь. Можетъ, изъ жалости? А? Или неправда? Или просто потому, что долженъ былъ? Къ этому и сведется все. По мнѣ хоть сто лѣтъ живи. Старая исторія: вы никогда не знаете, кто вамъ добра желаетъ. И съ Юліаномъ было не лучше! А если-бъ я слушалась его, то сегодня ужъ, навѣрно, у меня не было бы ни гроша. Не стойте вы такихъ заботъ!

Филицъ. Значить, по-твоему, я долженъ взять спичку и поджигать свой домъ?

Фрау Филицъ. Что надо строиться, ты это зналъ. Я тебѣ только-что сказала: на постройку нужны деньги... Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Нашихъ грошей на это не хватить. А вотъ если бы мы выстроили здѣсь настоящій домъ... Шмаровскій намъ бы раздѣлялъ! Еще бы! Гдѣ бы другимъ за нами угнаться! У тебя была бы приличная лавка. Затратить еще нѣсколько сотенъ талеровъ да и продать всю башмачную! А захотѣлось бы тебѣ починку принимать, взялъ бы подмастерье. Если бы и самому пришлось въ голову за плату посадить, — сдѣлай одолженіе, времени бы хватило.

Филицъ. Не знаю! Ничего не пойму. Я такъ разсуждаю, — немного денегъ и сейчасъ у меня есть. Думалъ, и еще какъ-нибудь получу! Пристроить лавчонку — пустое дѣло. Я ужъ себѣ все такъ ясно представлялъ. И полки... и все прочее. И часы бы съ маятникомъ повѣсили... А ты сидишь на своемъ мѣшкѣ съ деньгами, какъ Церберъ!

Фрау Филицъ. Швыряться деньгами тоже не годится! Мнѣ онѣ тоже солоно достались.

Филицъ. За мной и старые грѣхи есть! Въ тюрьму, что ли, опять садиться?!

Фрау Филицъ. Ну, Филицъ, утро вечера мудренѣй. Да ты не оченъ принимай въ серьезъ-то!.. Я это больше такъ для шутки говорила... Ну, иди къ Грабову. Выпей стаканчикъ пива... Надо быть всѣмъ довольнымъ... Не отгросишь лавки, еще покоряишь. Не купишь часовъ съ маятникомъ, — зато совѣсть чиста будетъ...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кузница мастера Ланггейприха. Маленькій домишко бокомъ выдается на деревенскую улицу. Верхняя часть, на деревянныхъ подпоркахъ, представляетъ собою клѣтчатую постройку. Нижняя часть безъ стѣнъ и есть собственно кузница. Здѣсь находятся прислоненныя колеса, паугъ, обручи, куски чугуна (и т. д. Тутъ же стоитъ наковальня и различные кузнечные инструменты. Изъ-за дома выступаетъ нѣсколько вкось деревянный остовъ тележки. Лѣвое переднее колесо снято, и ось подперта воротомъ. Черезъ дверь въ мастерскую виднѣются огонь и мѣхи.

Противъ кузницы, на лѣвой сторонѣ улицы, торящейся дальше въ поворотѣ, — дощатый заборъ. Маленькая запертая калитка выходитъ на улицу.

Облачный день. Вѣтеръ.

Докторъ Боксеръ, въ широкополой шляпѣ и лѣтнемъ пальто, ударяетъ молотомъ. Эвъ держитъ въ лѣвой рукѣ подкову, въ правой небольшой молотокъ, и смотритъ.

Эде (считаетъ)... Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре и одинъ—двадцать пять, и одинъ—двадцать шесть... Господи, Боже мой! Ужь на одну дырочку дальше, чѣмъ я! И двадцать семь... и двадцать восемь... двадцать девять... тридцать. Поздравляю, докторъ! Неужели это отъ морского воздуха?

Д-ръ Боксеръ. Можеть-быть. Какъ видите, Эдуардъ, я еще не совсѣмъ разучился.

Эде. А, чортъ возьми! Это мою гордость задѣло. Попробуемъ-ка съ вѣсами. Я вытягиваю, докторъ, полтора центнера. А вы вытянете полтора центнера?

Д-ръ Боксеръ. Не знаю. Попробуемъ.

Эде. Что? Вы собираетесь вытянуть полтора центнера? Ну, тогда вы, значить, Геркулесъ. На корабляхъ въ этомъ не упражняются? Вамъ тамъ, чай, лѣзть приходилось, а не цѣли рвать... Взгляните-ка вонъ на человѣчка, который входитъ въ домъ къ Филицу. Это зять тетюшки Филицъ!

Д-ръ Боксеръ (улыбаясь). Видь у него—совсѣмъ какъ у консисторскаго совѣтника.

Эде. Это правда! Шмаровскій и то консисторскій совѣтникъ. Прогадалъ! Старуха уѣхала съ своимъ елейнымъ сапожникомъ. Насчетъ денежекъ-то, значить, ему и не поддуетъ. Онъ, знаете, только за деньгами и прїѣзжаетъ. По другимъ дѣламъ и не ѣздитъ.

Д-ръ Боксеръ. Филицы поѣхали сегодня въ Берлинъ. Я ихъ встрѣтилъ на вокзалѣ. А сапожникъ, кажется, немножко того... не въ себѣ?

Эде. Что вы! Полиціи это неизвѣстно! Малый доношенный! Насчетъ того, чтобы онъ сумасшедшимъ былъ, — не слыхать.

Д-ръ Боксеръ. Болталъ какіе-то пустяки и все старался въ глаза не глядѣть. Весь онъ... ну, точь-въ-точь ходячая нечистая совѣсть. Впрочемъ, совѣсти у него совсѣмъ нѣтъ.

Эде. Ну, еще бы! Вѣдь когда вы попались, при обыскѣ у васъ въ домѣ и сапожникъ былъ. Онъ-то всю кашу и заварилъ!

(Фрау Шульце смотритъ изъ окна верхней пристройки).

Фрау Шульце. Эде!

Эде. Что тамъ?

Фрау Шульце. Мастера Ланггейнриха еще нѣтъ?

Эде. Понятно, нѣтъ. (Фрау Шульце отходитъ отъ окна. Эде подходитъ подъ навѣсъ). Ну, живо! Берите-ка, докторъ, молотокъ да помогите мнѣ немного. Если въ васъ осталось еще столько силы, вы, поди, не разучились.

Д-ръ Боксеръ. Я, чортъ возьми, слесарствомъ занимался, когда на кораблѣ нечего было дѣлать. А случай былъ превосходный.

Эде. Докторъ, слесарь и еще, поди, что-нибудь? Ну, колбасникомъ-то ужъ, навѣрно, не были?

Д-ръ Боксеръ. Пришлось разъ и колбасы дѣлать.

Эде. Только, навѣрно, ихъ нельзя было ѣсть?

Д-ръ Боксеръ. Да я, Эдуардъ, и врагу бы не посоветовалъ, потому что въ нихъ главнымъ образомъ мышьякъ былъ. Спасенія не было отъ крысъ!

Эде (собирается ковать). Бррр... Упаси Боже отъ вашей салими! Ну, докторъ! За работу! Пусть хозяйка думаетъ, что двое работаютъ. А то разспросамъ конца не будетъ.

Д-ръ Боксеръ. Куда же хозяинъ такъ рано ушелъ?

Эде. А это большой секретъ. Про то одни воробы на прышкахъ чирикаютъ. Ну-ка, докторъ, давайте сюда колесо. А вамъ, кстати, не мѣшаетъ выслужиться передъ прусскимъ правительствомъ. Телѣжка-то областного лѣсничаго... Это вѣдь вамъ не можетъ повредить?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, и вообще мнѣ необходимо стать пайнкой. (Катитъ медленно колесо, оно откатывается назадъ).

Эде. Ну, это вамъ будетъ не очень-то легко. Они, чортъ возьми, не очень-то забывчивы. (Подхватываетъ колесо). Нѣтъ, шалишь, назадъ не пойдешь: весь міръ, докторъ, впередъ долженъ идти! Поэтому я и соблюдаю всегда оппозицію.

Д-ръ Боксеръ. Только пальцы беречь надо! (Надѣваетъ кожаный фартукъ). И долго хозяинъ еще не придетъ?

Эде (свиститъ). Ну, это—смотря по обстоятельствамъ.

Д-ръ Боксеръ. Чего вы такъ многозначительно свистите?

Эде. Одиннадцать моихъ братьевъ и сестеръ, всѣ, изво-лите ли видѣть, музыкальнымъ, только я одинъ кузнецъ вы-шелъ. (Нѣкоторое время оба работаютъ, стоя по сторонамъ колеса. Затѣмъ Эде продолжаетъ) А, право, педурная комедія бы вы-шла! Вотъ бы написали! Деньги бы заработали! Ну ужъ и люди! Васъ долго здѣсь не было, поэтому вы и не знаете всего. Я бы вамъ поразсказалъ, докторъ, что тутъ средь бѣлы дня творится... Знаете вы гулящую Леонтину?

Д-ръ Боксеръ. Къ величайшему сожалѣнiю, нѣтъ.

Эде. Что? Вы считаете себя здѣшнимъ и не знаете гу-лящей дѣвки? Да вы, просто, съ ума сошли!

Д-ръ Боксеръ. Ахъ, Леонтина! Это дочь Вольфики? За нею меня разъ здорово побили!

Эде. Вотъ если бы вы были здѣсь часа два тому на-задъ! Дѣвчонка какъ разъ тутъ мимо проскользнула. Сначала уѣхали отецъ съ матерью... часовъ въ семь, только разсвѣтать начало. А потомъ, часовъ въ восемь, Леонтина... оглядѣлась, заперла домъ, и ну шмыгать взадъ и впередъ. Все поджидала, высматривала, и наконецъ мимо насъ прошла. А хозяинъ тутъ какъ тутъ: куда, молъ, ангелъ, собралась?.. А черезъ минуту жандармъ Шульце пожаловалъ и зашагалъ за гулящей... Тогда опять хозяину чередъ пришелъ... фар-тукъ долой и гайда за ними! Да какъ ланъ пустился! Вотъ какъ было дѣло. И все это вы могли бы наблюдать, а остального глазами не видно. А, вонъ хозяинъ! Съ гру-зомъ. (Сейчасъ же начинаеть съ жаромъ работать, дѣлая видъ, какъ будто онъ только теперь замѣтилъ весело и поспѣшно идущаго мастера Ланггейриха). Наконецъ-то! Хорошо сдѣлалъ, хозяинъ, что пришли!.. А то разспросамъ не было конца. Ну, что же, хозяинъ, встрѣтили?

Ланггейрихъ (коротко отклоня разговоръ). Кого?

Эде. Я разумѣю, омнибусъ.

Ланггейрихъ. Ну, ты, пустомеля! Я но дѣламъ хо-дилъ... На галеръ бьюсь, если это не докторъ Боксеръ! Какъ живете-можете? Что подѣлываете? Опять въ тихую пристаю? Однако вы долго пропадали. Года три съ лишкомъ? Да... вонъ какъ время-то летитъ!

Д-ръ Боксеръ. Да, вогъ здѣсь поселяюсь, Ланггейн-

рихъ, т.-е. нѣмю намѣреніе, если удастся. Хочу попробовать счастья дома.

Ланггейнрихъ. Да, дома-то лучше всего! Понятно! Правда, г. докторъ, у насъ есть тутъ докторъ, да только никуда не годится. Должно-быть, ему когда-нибудь пощечинъ надавали или что-нибудь въ этомъ родѣ: ужъ больно онъ мраченъ. Только паціентамъ отъ этого толку мало. Отъ этого еще ни одинъ больной не выздоравливалъ. Если что случится, докторъ, я ужъ за вами пошлю.

Д-ръ Боксеръ. Первые двѣнадцать зубовъ вырву даромъ! Благодарите Бога, коли не будетъ во мнѣ надобности.

Ланггейнрихъ. Собственно... То-то и есть... Жена у меня больна.

(Изъ дому торопливо выходитъ фрау Шульце).

Фрау Шульце. Хорошо, что вы пришли, хозяинъ. Слышите? Такой стонъ стоитъ!

Ланггейнрихъ. Позвольте васъ спросить, докторъ, не знаете ли вы какого-нибудь средства отъ ревности? Тутъ, видите ли, ребенокъ у меня родился. Я радъ даже... Чего мнѣ лгать? Съ какой стати? Я поступаю честно... Жена у меня больна. Она теперь и встать не можетъ, и я не смѣю отъ постели ни на шагъ отходить! Кричить, бранится, упрекаетъ... Ей-Богу, иногда просто не знаю, куда дѣться.

Фрау Шульце. Ахъ, хозяинъ, да подите вы скорѣе къ ней!

Эде. Дайте же хозяину хоть духъ перевести.

Ланггейнрихъ. Что тамъ? Ну вотъ еще! Я живо все устрою. (Снявъ шляпу и лиджакъ и надѣвъ на ноги деревянные туфли, быстро уходитъ въ домъ).

Эде. Ну, что вы скажете?

Д-ръ Боксеръ. Развеселый человѣкъ — мастеръ! Даже куда веселѣе сталъ, чѣмъ прежде. Пріятно увидеть снова человѣка такимъ.

Эде. А какъ только я спросилъ о Леонтиѣ, такъ его, какъ говорится, чисто обухомъ ударило.

Фрау Шульце (обращаясь къ Эде, желая поймать). Гдѣ это хозяинъ такъ рано былъ?

Эде. Въ Лихтенбергъ, тетушка Шульце, чорта съ лягушкой вѣнчалъ.

Фрау Шульце. Хозяйку совсѣмъ не такъ лѣчать, г-нъ докторъ! Я, конечно, не суюсь... Ужъ я скажу вамъ, ес

такъ лѣчать... ну, совсѣмъ неправильное лѣченіе! Я это и Маюнку сказала, что хозяйка помираетъ.

Д-ръ Боксеръ. Докторъ Маюнке свѣдущій человѣкъ. Я знаю его за отличнаго врача.

Фрау Шульце (спохватываясь). Ну, еще бы! Конечно, онъ свѣдущій человѣкъ! Конечно! Это правда, что онъ свѣдущій. Только онъ не хочетъ ничего прописывать...

Д-ръ Боксеръ. Ну и что же? Деньги цѣлые будутъ!

Фрау Шульце. А если этого не хотятъ? Должна же быть медицина! На то и докторъ, чтобы помогать!

Д-ръ Боксеръ. Хозяйка съ давнихъ поръ нездорова. Еще съ тѣхъ поръ, какъ она шила у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Фрау Шульце. Да, да, немножко скрючило! Правда... Вотъ оно! Вотъ она женская доля, г-нъ докторъ. Какой портнихой была! И деньжонокъ себѣ немного сколотила! А много ли проку? Красивый мужъ, да болѣзнь, да заботы! Ни днемъ ни ночью покоя нѣтъ.

Ланггейрихъ (возвращается. Сильно хлопаетъ по плечу фрау Шульце). Пожалуйте, тетушка Шульце! Идите наверхъ! Все въ порядкѣ! Кончено! Завтра я ее въ клинику везу!

Фрау Шульце. Ну, это не такъ-то легко!

Ланггейрихъ (прикладываетъ ко рту большую кружку). Я тутъ перебѣннѣть ничего не могу! Ничего не подѣлалъ! (Дѣлаетъ невѣроятнo большой глотокъ изъ кружки. Стави на землю кружку) Отгони-ка, Эде, утокъ.

Эде (спугиваясь утокъ, хлопаетъ фартукомъ и стучитъ туфлями). Кш!.. кш!.. кш!.. Пшли! (Фрау Шульце, покачивая головой, уходитъ въ домъ).

Ланггейрихъ. И какъ ловко жрутъ огонь! Стоить только раскаленному кусочку упасть... разъ, два, три—и проглотила! И, пожалуйста! Непрошенное жаркое изъ утокъ! А старуха за это не похвалить. (Раухгауптъ смотритъ изъ-за забора слѣва). За Ландсбергомъ опять былъ большой пожаръ. Все мѣстечко до тла выгорѣло.

Раухгауптъ. Не видалъ Густава?

Ланггейрихъ. А, здравствуй, старый хрѣны! Нѣтъ, не видалъ. А развѣ онъ опять сбѣжалъ?

Раухгауптъ. Я велѣлъ ему къ Филицамъ пойти!

Ланггейрихъ. Да Филицы въ Берлинъ уѣхали!

Раухгауптъ. Не пойму я что-то... вездѣ гарью нахлещетъ! Ай! (На лицѣ его изображается гримаса отъ боли, и онъ хватается за поясницу). А Леонтины развѣ нѣтъ?

Ланггейрихъ. Сегодня она въ волостномъ правленіи. Вѣчно задерживаютъ эти пособія! Эта проклятая собака не платитъ!

Раухгаунтъ (зоветъ). Густавъ! (Прислушивается и потомъ падъ невѣрными шагами опять къ калиткѣ, вѣтеръ толкаетъ его и треплетъ одежду). Густавъ!

Ланггейрихъ. Да, вѣтеръ здоровый! (Раухгаунтъ исчезаетъ). Эде!

Эде. Здѣсь, хозяинъ!

Ланггейрихъ. Ну, живо за работу! (Плюетъ себѣ въ руки и начинаетъ оживленно работать). Гдѣ, докторъ, катались павлины? Были и у китайцевъ? Ужъ вы расскажите какъ-нибудь поподробнѣе... на досугѣ.

Д-ръ Боксеръ. Да, вездѣ побывалъ!

Ланггейрихъ. Ну, а чудовище морское видѣли?

Д-ръ Боксеръ. Какъ же, Ланггейрихъ, въ Тихомъ океанѣ видѣлъ.

Ланггейрихъ. А правда, что оно соленые огурцы жретъ?

Д-ръ Боксеръ. Да какъ еще! Каждый день по нѣсколькѣ сотенъ тысячъ!

Ланггейрихъ (захохотавъ). Здорово! Если вы его увидите еще разъ, докторъ, отъ меня пониже поклонитесь.

Д-ръ Боксеръ. Едва ли мнѣ придется еще разъ побывать тамъ!

Ланггейрихъ. Али ужъ досыта поѣздили? Ну, теперь, значить, мы съ вами, докторъ, оба здѣсь. Только я и съ мѣста не трогался!.. Мать-то старуха, я думаю, рада. Ей хорошо живется, и дѣла идутъ хорошо. А я все-таки все время тосковалъ, все вправо нѣтъ-нѣтъ и погляжу.

Д-ръ Боксеръ. Очень любезно съ вашей стороны, Ланггейрихъ.

Ланггейрихъ. Что вы! Я не къ тому говорю. Да, чтобы не забыть, докторъ! Я еще въ долгу у вашей матери; еще когда жена питьемъ занималась: тафта тамъ, шелкъ, голки, нитки, матерія. Я скоро рассчитаюсь.

Д-ръ Боксеръ (махнувъ рукой). Ну ладно, устроится какъ-нибудь!

Ланггейрихъ. Эде!

Эде. Здѣсь, хозяинъ.

Ланггейрихъ. Торопись, торопись! (Беретъ одинъ изъ тяжелыхъ молотовъ). Изъ кожи вонъ вытѣзу, а ужъ сегодня заработаю. (Эде приносить щипцами раскаленный кусокъ жельза и

кладеть его на наковальню). Ну, докторъ, начинайте! Ну-ка! Посильнѣй да поумнѣй! (Онъ и д-ръ Боксеръ куятъ въ тактъ желѣзо). Только, смотрите, съ одинаковой силой, докторъ! (Они перестаютъ. Эде уноситъ желѣзо въ кузницу и кладеть въ огонь. Ланггейрихъ опять прикладывается къ кружкѣ). Ничего не вышло! (Шеть).

Эде. Да, отъ этого пить хочется!

Ланггейрихъ (ставитъ кружку). А хорошо было, смѣю васъ увѣрить, докторъ!

Д-ръ Боксеръ. Чтѣ же собственно хорошаго, Ланггейрихъ?

Ланггейрихъ. Ахъ, Господи! Почему я знаю! Я самъ не знаю, а только, какъ встрѣтилъ я вахмистра Шульца, я чортъ знаетъ какъ обрадовался!

Эде. Теперь бы стаканчикъ пива отъ Грабова! Какъ разъ бы кстати!

Ланггейрихъ. Бѣги! Притащи-ка три кружки! Докторъ Боксеръ заплатитъ. (Эде вытираетъ руки о фартукъ и уходитъ). Такъ, значитъ, вы здѣсь поселяетесь! Что-жъ, мысль недурная! Только вѣдь здѣсь на части разорвутъ! И послушайте моего совѣта, докторъ, не ходите вы бесплатно по больнымъ.

Д-ръ Боксеръ. А оставятъ меня въ покоѣ?

Ланггейрихъ. А, старая исторія!.. Это давность потеряю! Да теперь вамъ такъ близко сходитъ ся съ народомъ, какъ тогда, и не придется.

Д-ръ Боксеръ. Во всякомъ случаѣ, я попробую... Къ политикѣ я охладѣлъ. И если меня все-таки будутъ прижимать... Ну, тогда я просто опять уѣду. Отправляюсь опять въ море, а то вызовусь...

Ланггейрихъ. На водѣ-то просторнѣе!

Д-ръ Боксеръ (продолжая)... вызовусь ѣхать въ Бразилію вмѣстѣ съ русскими евреями.

Ланггейрихъ. Ну, а это чтѣ дастъ?

Д-ръ Боксеръ. Можетъ-быть, желтую лихорадку.

Ланггейрихъ. Ну, чтѣ вы еще, докторъ! Я бы этого не сдѣлалъ.

Д-ръ Боксеръ. Вѣрю.

Ланггейрихъ. За другихъ своей шкурой платиться! Вотъ еще! Избави Богъ! Этого Ланггейрихъ не сдѣлаетъ! Съ какой стати! Мнѣ же никто ничего не даетъ. Я самъ убѣдился, что люди, пожалуй, братья, да только въ ссорѣ.

Д-ръ Боксеръ. Язычникъ вы, а не христіанинъ.

Ланггейрихъ. Этимъ путемъ и вы у насъ не Богъ вѣсть какъ далеко уйдете. Я такой же христіанинъ, какъ и всѣ. А посятители новой церкви... они теперь тутъ церковь выстроили... Избави Богъ отъ такихъ христіанъ!

Д-ръ Боксеръ (улыбаясь). Ну, ну, Ланггейрихъ, вы это такъ только говорите. Не слѣдуетъ быть фарисеемъ. А гдѣ же христіанское милосердіе, другъ мой?

Ланггейрихъ. Нѣтъ, съ этимъ я согласиться не могу! Я тоже грѣшенъ. Конечно! Но что за человекъ, напри-
мѣръ, здѣсь Дальговъ! Передъ нимъ самъ чортъ милосердіе! Что онъ съ собственнымъ сыномъ сдѣлалъ! Выгналъ зи-
мой, ночью. А потомъ связалъ и исколотилъ всего. А по-
томъ мальчишку къ мяснику опредѣлилъ, а тамъ еще ба-
рановъ насти заставилъ. Стерва! Старый хрычъ! И до
тѣхъ поръ стоялъ на своемъ, до тѣхъ поръ мучилъ
несчастнаго мальчишку, пока тотъ въ озеро не бросился.
Только тряхнулъ головой и пошелъ ко дну... и готово...

Д-ръ Боксеръ. Что вы имѣете противъ Дальгова, Ланг-
гейрихъ? Онъ свое дѣло отлично знаетъ.

Ланггейрихъ. Да, соблазнять дѣвушекъ и тому по-
добное. А потомъ по мордѣ колотить—и «убирайся, подлая»!
Всѣ вдругъ подыми стали! До чего собала дошелъ!—
Съ Верганомъ другъ и пріятель, хрюкаетъ, какъ свинья,
на собраніяхъ: нравственности, дескать, нынче не стало...
вмѣсто нея законы пошли... тутъ такъ... тамъ этакъ. А
въ церковь заглянете — сидитъ эта сволочь да глаза къ
небу закатываетъ... (Издали слышенъ колокольный звонъ). Слы-
шите? Орденскія-то ленточки поютъ!.. Я всегда это называю
орденскими ленточками. Такъ и говорю: поютъ, молъ, орден-
скія ленточки. Это когда колокола-то звонятъ... Ну, развѣ
я не правъ, говоря, что поютъ орденскія ленточки? Съ тѣхъ
поръ, какъ Верганъ получилъ орденскъ въ петличку, съ
тѣхъ самыхъ поръ и зазвонили колокола. А если бы колокола
не зазвонили, онъ бы и ордена никакого не получилъ.

Эде (входитъ съ тремя кружками пива, зубоскаля). Хозяинъ!
А хозяинъ! Орденская ленточка поетъ!

Ланггейрихъ. Ну вотъ видите, ужъ и онъ по-дру-
гому не называетъ. (Каждый беретъ по кружкѣ, они чокаются).
Ваше здоровье! Съ пріѣздомъ! (Пьютъ и ставятъ на полъ).
Сегодняшнее утро совсѣмъ какъ вечеръ! Недурно бы
днемъ ночь увидать!

Д-ръ Боксеръ. Ну, а теперь я непрочъ немного и
позлословить! Противъ постройки церкви я ничего не имѣю!

Ланггейнрихъ. И я тоже! По крайней мѣрѣ, людямъ работу даютъ! Хотя на этотъ разъ я собственно остался не при чемъ. А мишура вся эта — насторъ Фридрихи, колокольный звонъ, расписныя стекла, алтарныя покровы... Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь! Нельзя же совсѣмъ безъ хлама!

Д-ръ Боксеръ. Люди тоже хотятъ свое удовольствіе получить. А потомъ я объясняю себѣ такъ, Ланггейнрихъ: надо стоять всегда за высшій принципъ.

Ланггейнрихъ. Да это и пользу приноситъ, можете мнѣ повѣрить. Съ тѣхъ поръ у насъ земли подорожали.

Эдв. Жиль тутъ разъ, хозяинъ, одинъ безпріютный... Ну, да что съ этого начинать!.. Былъ я какъ-то въ глуши, въ лѣсу. И представьте себѣ, докторъ, что я тамъ слышалъ? Вдругъ слышу страшный шумъ, подхожу ближе. Вороны! Да! А наверху на соснѣ виситъ человѣкъ. Портной подмастерье изъ Беркенбрюка. Съ голоду повѣсился!.. Правда! Надо всегда мѣтить повыше.

(Въ то время, какъ они пьютъ, раздается въ отдаленіи протяжный крикъ боли. Вѣтеръ усилился).

Д-ръ Боксеръ (испуганно). Что такое?

Эдв. Раухгауптъ! Только и всего!

Ланггейнрихъ. Да, да, докторъ, страшно онъ кричитъ. Хорошаго тоже мало! А когда у него начинаются эти боли въ ногахъ и онъ ночью оретъ за заборомъ, такъ поневолѣ убѣжишь. Ну нѣтъ, если-бъ мнѣ пришлось такія страданія терпѣть, я предпочелъ бы себѣ пулю въ лобъ пустить.

Эдв. Вотъ, Господи, вѣтеры! Смотрите, докторъ, чтобъ ваша покрывка не улетѣла! (Черезъ улицу пролетаетъ сорванная вѣтромъ шляпа, за ней бѣжитъ Шмаровскій безъ шляпы со сверткомъ бумагъ въ рукахъ). Ха-ха-ха! Скорѣй! Ну-ка, Августъ, покажи, какъ надо бѣгать.

Д-ръ Боксеръ. Кто не въ шляпѣ, тотъ безъ шляпы!

Шмаровскій (поймавъ шляпу, озабоченно обращается къ д-ру Боксеру). Что это вы только-что такъ мѣтко замѣтили?

Д-ръ Боксеръ. Что вы превосходно бѣгаете.

Шмаровскій. Шмаровскій.

Боксеръ. Боксеръ.

Шмаровскій. Очень пріятно! Позвольте задать вамъ одинъ вопросъ. Знаете вы, что такое кобель?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ.

Шмаровскій. Нѣтъ? Я тоже не знаю! Но что такое непристойность, вы, конечно, знаете?

Ланггейрихъ. Да что тутъ у васъ за шумъ? Что такое? Э, господа, развеселитесь! Здравствуйте, г. Шмаровскій! Какъ поживаете? Тещу навѣстить пріѣхали?

Шмаровскій. Нѣтъ, у меня тутъ дѣла!.. Но, чтобы не забыть, прошу васъ быть поосторожнѣй.

Д-ръ Боксеръ. Что это за любопытный господинъ, Ланггейрихъ?

Эде. Это зять тетуски Вольфъ.

Шмаровскій. Съ вами я и разговаривать не намѣренъ!

Эде. Тѣмъ пріятнѣй!

Шмаровскій. Съ вами—не намѣренъ! (Опять обращаясь къ д-ру Боксеру) Но если вы не знаете, кто я, то я могу сослаться на отзывы обо мнѣ барона фонъ-Вергана, его преемодобія генераль-суперъ-интендента, княгини Бильшевской и графини Штрахъ!

Д-ръ Боксеръ. Что же, мнѣ такъ всѣхъ этихъ господъ и опрашивать?

Шмаровскій. Опросите! Совѣтую! Обойдите! По крайней мѣрѣ, впередъ будете осторожнѣй!.. Поглядите на свою компанію!

Ланггейрихъ. Печень у васъ, что ли, разыгралась? Съ чего это вы сегодня такъ сердиты?

Шмаровскій (д-ру Боксеру, который смотрѣлъ съ простой веселой улыбочкой то на Ланггейриха, то на Эде). Прошу васъ не забываться! Я вамъ не товарищъ! Мы не позволимъ съ собой шутить! А ваша національность...

Ланггейрихъ. Довольно, г. Шмаровскій! Довольно! Довольно, г. Шмаровскій! Проходите дальше!

Шмаровскій. А вы знаете, куда я прямо отсюда пойду?

Ланггейрихъ. А хоть къ самому Богу! Идите, куда угодно, Шмаровскій! Только не отрывайте меня отъ работы. Намъ некогда время терять. Эде, бери-ка дышло! (Шмаровскій въ бѣшенствѣ уходитъ).

Эде. До свиданія!

Д-ръ Боксеръ. Это и былъ г. Шмаровскій? Свѣтильникъ церкви? Маленькая, ядовитая жаба!

Ланггейрихъ. Да, правда, онъ ядовитъ. А вы его не знали, д-ръ Боксеръ? Поздравляю васъ, наконецъ-то увидели! Маленькая, продувная, вѣчно брешущая собачонка! Посмотрѣли бы вы, докторъ, его среди благочестиваго общества. Смиреникъ! Мать родная, и та бы не узнала: «Проживу еще самое большее двѣ недѣли, а потомъ прямо къ Спасителю моему въ царство небесное». Ханжа! Онъ со-

всѣмъ въ другое мѣсто угодить! Ему это и во снѣ не снилось. Ходить да вынюхиваетъ, не лежитъ ли что плохо, нельзя ли гдѣ-нибудь урвать.

Эде. Ну-ка, хозяинъ, взгляните-ка! Вся работа съ новымъ шкворнемъ пропала.

Ланггейрихъ. Да уже знаю! Тутъ ужъ мнѣ не стерпѣть, на это я никогда не молчалъ!

Д-ръ Боксеръ. И много у васъ теперь такихъ молодцовъ?

Ланггейрихъ. Достаточно. До зимы-то хватить.

Раухгауптъ (вышелъ изъ калитки, борется съ вѣтромъ, держитъ руку передъ глазами). О, Господи! Опять сегодня припадокъ во всю! Когда же это Филицы вернутся?

Ланггейрихъ. Вѣроятно, еще нескоро! Они хотѣли часы покупать. Чего это ты сегодня такъ встревоженъ?

Раухгауптъ. Что? Филицы часы покупаютъ? Онъ до этого и дожить не думалъ. (Зоветь) Густавъ!

Ланггейрихъ. Все еще не вернулся? Навѣрно, званомъ наслаждается. Онъ вѣчно сидитъ и слушаетъ эти колокола.

Раухгауптъ. Все сегодня какъ-то перепуталось! Тетка Филицъ просила его къ нимъ придти. Не понимаю... то... то вдругъ уѣзжаютъ въ городъ... (Качаетъ головой и уходитъ).

Эде. Они тутъ съ четырехъ часовъ все сновали вокругъ. То взадъ, то впередъ, съ потайнымъ фонаремъ. Сегодня и не спали совсѣмъ.

Ланггейрихъ. Филицъ часы покупаетъ! Поэтому не бѣсть, не спать и не пить.

Раухгауптъ (за заборомъ). Густавъ!

Д-ръ Боксеръ. Да вонъ этотъ дуракъ бѣжитъ!

Ланггейрихъ. Да и то правда! Раухгауптъ! Густавъ здѣсь! (Густавъ входитъ возбужденный, танцуя, и показываетъ, съ жаромъ жестикулируя, въ ту сторону, откуда онъ пришелъ).

Эде. Должно-быть, это военный танецъ. Вотъ ужъ видъ настоящаго людоеда! А я увѣренъ, мерзавецъ не отказался бы отъ человѣческаго мяса!

Ланггейрихъ. Пшолъ къ отцу!

Эде. Понимаешь?

Ланггейрихъ. Пшолъ отсюда!

(Густавъ, жестикулируя, подноситъ сложенную руку ко рту и трубитъ какъ въ трубу. Смѣхъ).

Эде. Гдѣ еще пожаръ, дурова голова?

Ланггейрихъ. Поймай-ка его, Эде

Эде. Сейчас! (Подкрадывается къ Густаву, но тотъ замѣчаетъ, труба, отступаетъ назадъ и убѣгаетъ, продолжая трубить, при чемъ ропааетъ спичечную коробку). Эге!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Эде. Пригодится!

Ланггейнрихъ. Да что?

Эде. Спички... Цѣлая коробка!

Фрау Шульце (стремительно сбѣгаетъ съ лѣстницы). Хозяиня!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Фрау Шульце. Хозяиня!

Ланггейнрихъ. Да вотъ же я!

Фрау Шульце. Тамъ... тамъ... у... у... у...

Ланггейнрихъ. У жены?

Фрау Шульце. Нѣтъ, у Филицевъ...

Ланггейнрихъ. Гдѣ?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Что такое? Не у жены? Ахъ, Господи! Тетка Шульце! (Трясетъ ее). Да переведи ты духъ! Ну, коли случилось, такъ случилось! Я ко всему приготовился!

Фрау Шульце. Пожарную трубу...

Ланггейнрихъ. Что это еще? Въ головѣ у тебя, что ли, помутилось?

Фрау Шульце. Да нѣтъ, пожаръ!

Ланггейнрихъ. Трубу услышала тетка Шульце!.. Гдѣ же горить-то?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Чортъ возьми! (Роняетъ подпалокъ и гвозди, которые держалъ въ рукѣ).

Эде. Гдѣ горить?

Фрау Шульце. У Филицевъ... на чердакѣ...

Д-ръ Боксеръ (вышелъ впередъ). Ну и дымъ, чортъ возьми. Подойдите-ка сюда, мастеръ, отсюда все видно.

Эде (тоже смотрѣлъ по направленію пожара; многозначительно свиститъ). Ну, тутъ ничего не подѣлаешь! И стараться нечего!

Ланггейнрихъ. Эде! Бѣги къ Шейблерамъ! Живо! Приведи лошадей! Для трубы! Огонь ужъ черезъ крышу пошелъ!

(Онъ вбѣгаетъ въ кузницу, сбрасываетъ фартукъ, надѣваетъ пожарную каску).

Фрау Шульце. И дома-то никого нѣтъ! Господи Боже мой!

Д-ръ Боксеръ. Ну, это только къ лучшему! (Издали слышны тревожные звуки трубы).

Фрау Шульце. Слышите, г. докторъ, трубятъ!

Ланггейнрихъ (выходить, одѣтый брандмейстеромъ). Ну; Шульце, уходите-ка отсюда... Отправляйтесь-ка лучше наверхъ. Здѣсь съ этой клистирной трубкой дѣлать нечего. Идите-ка наверхъ, къ женѣ. Батюшки! А ключъ отъ пожарнаго сарая! Чортъ его возьми совсѣмъ! (Фрау Шульце уходитъ въ домъ, Раухгауптъ высовываетъ голову надъ заборомъ).

Раухгауптъ. Какъ въ воздухъ гарью-то пахнетъ, мастеръ!

Ланггейнрихъ. Здорово пахнетъ! У Филицевъ пожаръ!

Раухгауптъ. Чортъ возьми! А я-то и не знаю!

Ланггейнрихъ. На то, милый, ты и полицейскій!

(Убѣгаетъ. Стремительно вбѣгаетъ четырнадцатилѣтній мальчикъ).

Мальчикъ (обращаясь къ д-ру Боксеру). Мастеръ! Ключъ отъ пожарнаго сарая! Пожарной трубы вывезти нельзя.

Д-ръ Боксеръ. Да успокойся ты! Я не мастеръ!

Мальчикъ. Вѣдите скорѣе къ трубѣ!

Д-ръ Боксеръ. Да я-жъ тебѣ уже сказалъ, мальчикъ.

Мальчикъ. Да пожаръ вѣдь.

Д-ръ Боксеръ. Знаю! Мастеръ уже ушелъ. Уже онъ теперь давно, поди, съ трубой возится.

Мальчикъ. Пожаръ! Идите же къ трубѣ! (Убѣгаетъ).

Раухгауптъ (вышелъ въ ворота съ двумя маленькими дѣвочками, онѣ держатся за его платье). Я къ этимъ исторіямъ привыкъ! Меня это не пугаетъ! Мица, Лотта! Пойдемъ смотрѣть!.. Много сотенъ пожаровъ я видалъ!

Д-ръ Боксеръ (снимаетъ фартукъ). Для людей-то вѣдь это горе.

Раухгауптъ. Изъ свѣтъ всюду горе. Только какъ глядѣть на это! А глядь, то же самое можетъ и радостью быть. Я, напримеръ, ананасы выращиваю, и оранжерея моя, видите ли, граничитъ съ задней стѣной дома Филицевъ: значитъ, мнѣ дня три топить не надо. (Изъ воротъ выходитъ дѣвочка постарше и вертится около остальныхъ. Изъ окна высовывается фрау Шульце).

Фрау Шульце (говорить въ комнату). Успокойтесь, хозяйка! Вѣтеръ совсѣмъ съ другой стороны. (Скрывается).

Раухгауптъ. Видѣли пожарную вѣдму? Всегда знаетъ, куда вѣтеръ дуетъ! Я въ отставку вышелъ... правда! Да и вѣчно быть ищейкой... мнѣ не хотѣлось. Теперь я ужъ не вмѣшиваюсь въ дѣла. (Приходитъ жандармъ, взволнованно трубятъ). Не бѣси, Августъ! Да не старайся такъ! А то, смотри, штаны лопнуть!

Жандармъ (въ бѣшенствѣ). Смотри ты, морда! Убирайся въ свою кротовую нору! (Трубить и идетъ дальше. Къ старику подходитъ четвертая дѣвочка, девяти лѣтъ, и пятая—десяти).

Д-ръ Боксеръ (смѣясь). А малый зубоскалъ!

Раухгауптъ. Юста, Лена, давайте-ка руки! Э! Все еуета. Никто не знаетъ, что важно въ жизни. Трубятъ! Чисто іерихонская труба! Или гласъ трубный на страшномъ судѣ. (Грп дѣвочки, одиннадцати, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ, выходятъ тоже изъ калитки и присоединяются къ группѣ).

Д-ръ Боксеръ. Я не понимаю, что вы хотите сказать, г. Раухгауптъ?

Раухгауптъ.. А можетъ, это тетка Вольфъ сама таракановъ подпалила. Ну что-жъ! А можетъ, и не такъ! Только ужъ если тетушка Вольфъ за что возьмется, ни передъ чѣмъ не останоится!

Д-ръ Боксеръ. Что вы хотите этимъ сказать?

Раухгауптъ. Только это и хочу сказать!

(Уходитъ вмѣстѣ съ дѣтьми).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Канцелярія начальника Вергана. Большая выбѣленная комната въ лижнемъ этажѣ. Въ лѣвой стѣнѣ входная дверь. У стѣны направо служебный столъ, заваленный книгами, дѣлами и т. п., за нимъ кресло начальника. У средняго окна столы и стулъ для писаря. Ближе къ авансценѣ, направо, шкапъ изъ простаго дерева. Вдоль лѣвой стѣны нѣсколько полоковъ для дѣлъ. Въ задней стѣнѣ небольшая дверца. Нѣсколько стульевъ.

Глазенапъ сидитъ за своимъ столикомъ. Кресло начальника не занято. Передъ служебнымъ столомъ, ведя довольно возбужденный разговоръ, ожидаютъ докторъ Боксеръ, Ланггейрихъ, въ формѣ брандмейстера, Эде и трое пожарныхъ. Всѣ они красные, грязные, мокрые и въ сажѣ.

Фрау Шулце, нѣсколько блѣдная, присѣла на одинъ изъ стульевъ и тоже ждетъ. Она въ глубокомъ раздумьѣ, неоднократно снижаетъ головной платокъ и, пригладивъ сѣдые волосы, снова повязывается имъ. Время—тотъ же самый день, что и во второмъ дѣйствіи, приблизительно часовъ пять спустя.

Разговоръ внезапно замолкаетъ.

Начальникъ фонъ-Верганъ входитъ съ крайне дѣловымъ видомъ. Онъ держитъ пальцы лѣвой руки у лѣваго глаза, какъ если-бъ у него тамъ болѣло, садится за столъ, отнимаетъ руку, боѣзненно моргаетъ глазомъ и говорить.

Верганъ. Ну, какъ тамъ съ этимъ свинствомъ?

Ланггейрихъ (замѣтно возбужденный работой, водкой и пивомъ). Осмѣлюсь доложить, г. баронъ, сторѣло все до-гла.

ВЕРГАНЪ (бросая какую-то принесенную съ собою вещь на столъ передъ собою. Это — кабинетная фотографія въ рамкѣ изъ козюлиныхъ ногъ). А потому, что всё вы рохли! Ужасныя рохли, всё до одного. Не будь до Берлина цѣлыхъ три мили, дѣло моёло бы приняты совсѣмъ иной оборотъ.

ЭДЕ (доктору Боксеру, вполголоса). А тутъ все вышло наоборотъ.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Г. баронъ...

ВЕРГАНЪ. Ладно. Я знаю, въ чемъ дѣло-то. (Вынимаетъ носовой платокъ, вытираетъ потъ со лба и дотрогивается до своего глаза).

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Г. баронъ, осмѣлюсь почтительнѣйше перебить... свое мы сдѣлали честь честью. Съ трубой-то мы были на мѣстѣ...

ВЕРГАНЪ. Обзаведитесь трубой получше.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. А если, г. баронъ, воды не оказывается?

ВЕРГАНЪ. Но пиво оказалось же!

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. — — — ?

ЭДЕ. При тушеніи развивается жажда.

ВЕРГАНЪ. На дѣлѣ-то, повидимому, такъ и было... Глазенапъ, посмотрите, пожалуйста, я тутъ чѣмъ-то глазъ засорилъ. (Глазенапъ-векакиваетъ и осматриваетъ). Только я началъ допрашивать фрау Шульце, какъ сѣверная стѣна рухнула. Должно-быть, искра, что ли... Кстати, Шульце не была здѣсь?

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Я здѣсь.

ГЛАЗЕНАПЪ. Такъ точно, г. баронъ. (Верганъ киваетъ. Глазенапъ отступаетъ назадъ и направляется къ своему столу).

ВЕРГАНЪ. Ну-те-съ, дальше! До моего слуха дошло... мнѣ сообщила фрау Шульце, что передъ нашей мастерской, Ланггейнрихъ, имѣло мѣсто нѣкое происшествіе... Вы, значитъ, видѣли этого олуха какъ разъ передъ тѣмъ, какъ пламя выбилось наружу, и у него оказалась коробочка спичекъ. Такъ какъ же эта исторія со спичками? Потрудитесь-ка изложить.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Коробочка спичекъ у него, значитъ, была. Это точно.

ВЕРГАНЪ. И онъ уронилъ ее.

ЭДЕ. А я поднялъ. Вѣрно.

ВЕРГАНЪ. Вы?

ЭДЕ. Такъ точно. Какъ будто я. Да вотъ она. Только спички-то тутъ не всё налицо, я нѣсколько разъ закуривалъ. (Кладетъ коробочку со спичками на столъ).

ВЕРГАНЪ (непріятно задѣтый манерой Эде, беретъ коробочку и пристально смотритъ на него). Вы, конечно, старательно помогали, да?

ЭДЕ. Здорово! Тутъ ужъ шутки въ сторону.

ВЕРГАНЪ. Я разумѣю, особливо при вышивкѣ?

ЭДЕ. Я такъ и понялъ. Было дѣло.

ВЕРГАНЪ. А вы очень шутивно настроены?

ЭДЕ. Я всегда веселъ и доволенъ, г. начальник!

ВЕРГАНЪ. Это меня чрезвычайно радуетъ... Скажите, вы докторъ Боксеръ?

Д-ръ БОКСЕРЪ. Совершенно вѣрно. Докторъ Боксеръ.

ВЕРГАНЪ. Такъ это вы? Такъ, такъ! А я васъ почти не узналъ. У вашей матери тутъ еще мелочная лавчонка... Видъ вашъ батюшка былъ по торговой части?..

Д-ръ БОКСЕРЪ (умышленно не понимая). Да, мой отецъ числился въ ополченія и въ 70-мъ году получилъ желѣзный крестъ.

ВЕРГАНЪ. Ахъ, вотъ какъ! Очень просто! Понимаю... Ваша мать недавно прибѣгала ко мнѣ и приносила нѣсколько камешковъ. Окно въ кухнѣ выбили, что ли. Шальное мужичье пошло! Я, разумѣется, нарядилъ слѣдствіе. По слухамъ, вы намѣрены поселиться здѣсь? Но тутъ уже имѣется превосходный врачъ! Бывшій штабной! Въ высшей степени дѣльный.

Д-ръ БОКСЕРЪ. Я въ этомъ ничуть не сомнѣваюсь.

ВЕРГАНЪ. Да, — откровенно говоря, въ наше время... удастся ли вамъ здѣсь устроиться?

Д-ръ БОКСЕРЪ. Да я могу преспокойно подождать.

ВЕРГАНЪ. Разумѣется, и мы тоже. Ну-те-съ, продолжайте... Чтѣ вы изволили замѣтить по настоящему дѣлу, докторъ Боксеръ?

Д-ръ БОКСЕРЪ. Ахъ, да, это, конечно, насчетъ исторіи со спичками.

ВЕРГАНЪ. Насчетъ того, какъ трубили, и насчетъ коробочки спичекъ?..

Д-ръ БОКСЕРЪ. Ну, конечно.

ВЕРГАНЪ. Гдѣ вы изволили быть, когда это произошло.

Д-ръ БОКСЕРЪ. Я стоялъ у кузницы Лангтейнриха.

ВЕРГАНЪ. У васъ тамъ было какое-нибудь особенное дѣло?.. Да вы только не выходите изъ терпѣнія. Во-первыхъ, это меня нисколько не касается. Про вашу симпатію къ ремесленникамъ намъ уже давно извѣстно. А парня теперь, значить, засадятъ. Думаю, что вахмистръ Чахе его поймастъ. Во всякомъ случаѣ, онъ нападъ на слѣдъ. Его

и въ Рансдорфѣ видѣли. Призовите-ка Садову! (Глазенапъ уходитъ въ дверь въ задней стѣнѣ).

Д-ръ Боксеръ. Г. начальникъ, я свободенъ?

Верганъ. Мнѣ очень жаль. Подождите. Шульце! Куда же сегодня вашъ племянникъ пропалъ? Я его что-то цѣлый день не видалъ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце!

Эде (вполголоса). Послать бы приказъ о задержаніи.

Верганъ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце?.. Еще никто не справлялся о фрау Филицъ? Или она еще не пріѣзжала изъ Берлина?.. Пусть кто-нибудь сходить къ коммерціи совѣтнику Рейнбергу. (Глазенапу, который снова полвлется) Тамъ сейчасъ г. Шмаровскій, зять: онъ тамъ сегодня представляетъ свои строительные чертежи. Разскажите ему какъ-нибудь поосторожнѣе, въ чемъ дѣло.

Эде (вполголоса Боксеру и Лангтейриху). Да, да, чтобы ему не умереть отъ неожиданности. (Лангтейрихъ и д-ръ Боксеръ съ трудомъ удерживаются отъ смѣха).

Верганъ (замѣтивъ это). Вы, можетъ-быть, находите это смѣшнымъ?.. Ужъ не знаю, съ чего бы вамъ еще смѣяться, Лангтейрихъ. Если люди честно трудятся и работаютъ, и на нихъ сваливается такая вотъ бѣда, такое вотъ испытаніе Божье, такъ тутъ ужъ прямо скажешь: избави насъ Богъ; тутъ мнѣ не до смѣху!.. Такъ вамъ не бросилось въ глаза... вамъ не представлялось, что съ мальчишкой?.. Я разумѣю—насчетъ пожара! Что съ мальчишкой какъ будто не совсѣмъ ладно?

Эде (вполголоса д-ру Боксеру и Лангтейриху). Настоящаго ладу отъ него и не дождешься.

Верганъ. Онъ показался вамъ подозрительнымъ? Да? Или нѣтъ? Неужели вамъ и въ голову не приходило, что это онъ, можетъ-быть, и поджегъ?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ! Потому что я слишкомъ отсталъ отъ здѣшнихъ интересовъ. Разобраться въ здѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ не подъ силу.

Верганъ. Какъ такъ?

Д-ръ Боксеръ (съ виду очень серьезно). Я являюсь сюда изъ незатѣйливыхъ условій жизни. На водѣ привыкаешь къ тѣснотѣ. Однимъ словомъ! Покуда что я здѣсь не судья и убѣдительно прошу снисхожденія...

Верганъ. Да тутъ дѣло вовсе не въ какихъ бы то ни было условіяхъ жизни. Здѣсь рѣчь о конкретномъ случаѣ. Напримѣръ, мальчикъ трубилъ. Какое это имѣетъ отношеніе къ тѣснотѣ и къ простору?

Д-ръ Боксеръ. Совершенно справедливо. У меня не хватаетъ широты взгляда. Я не могу такъ вдругъ снова войти въ колею. Естественно, я чувствую всю важность, всю вѣсность мѣстнаго положенія вещей, а это, г. баронъ, прежде всего сбиваетъ меня съ толку.

Верганъ. Все-таки онъ трубилъ, вотъ этакъ, въ кулакъ? Ланггейрихъ, вы тоже вѣдь слышали, какъ трубили?

Ланггейрихъ. Такъ точно! Трубить-то онъ трубилъ здорово.

Эдв. Если кто взялся этакъ трубить, тутъ ужъ онъ за-трубить, тутъ ужъ услышишь трубу.

Верганъ (Ланггейриху). Ну, а въ чемъ-нибудь другомъ вы не замѣтили ничего подозрительнаго? Я разумѣю: при самомъ тушеніи пожара? Я хочу сказать: моменты, которые указывали бы на что-нибудь другое, или, во всякомъ случаѣ, могли бы указать? (Ланггейрихъ задумывается, затѣмъ отрицательно качаетъ головой). Въ самый-то домъ вы не входили?

Ланггейрихъ. Я только заглянулъ въ избу, но тутъ ужъ потолокъ рухнулъ. Еще вершокъ—и меня задавило бы.

Верганъ. Огонь былъ подложенъ снаружи. Это совершенно основательно утверждаетъ и вахмистръ Чахе. По всей вѣроятности, оттуда, отъ козьяго хлѣва. Это согласно и съ вашимъ показаніемъ, фрау Шульце! Вы же видѣли, какъ онъ подкрадывался къ дому! Надъ козымъ хлѣвомъ было окошко, оттуда еще всегда торчала солома. На это я самъ какъ-то обратилъ вниманіе. Туда, на садъ Раухгаупта. Вотъ это окошко и соблазнило мальчишку. Соблазнило, потому что онъ же его видѣлъ ежедневно,—значитъ, онъ очень просто пробрался на крышу, а оттуда и къ упомянутому отверстию. Въ высшей степени пріятное сосѣдство!.. Кто тамъ такъ реветъ на улицѣ?

Глазбнацъ (выглядываетъ въ окошко). Сапожникъ Филицъ съ женой.

Верганъ. Что? Это фрау Филицъ такъ реветъ? Камни и тѣ растрогаются, право!

Фрау Филицъ (громкое, порывистое рыданіе которой было слышно еще со двора, входитъ, опираясь на волостного сторожа; съ нею мужъ; послѣдній бережно несетъ подъ мышкой большіе новые часы съ маятникомъ. Филицъ и его жена одѣты по-праздничному).

Верганъ. Ахъ, ты, Господи, фрау Филицъ: — уповайте на Бога! Уповать на Бога первое дѣло во всемъ. Не умирать же изъ-за этого... Никкель, принесите сюда коньяку. Никкель! Сходите къ моей женѣ. Сперва надо привести

ее въ чувство... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, перестаньте слезы-то лить. Я же вамъ вѣрю. Это же не шуточный ударъ судьбы. Цѣнныя вещи у васъ сгорѣли? (Фрау Филицъ всхлипываетъ громче). Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Да слушайте же меня! Пожалуйста, слушайте, разъ я съ вами говорю! Не сходите съ ума. Поняли? Не теряйте головы, фрау Филицъ! Вы же разсудительная женщина... Ну, нѣтъ такъ нѣтъ. (Никколя, который ушелъ-было, возвращается съ графиномъ рома и рюмкой). Сюда водку... Я лучше буду съ вами говорить, Филицъ, васъ это, повидимому, не такъ ошеломило. Нужно, видите ли, быть мужчиной! Нужно примириться со всякимъ положеніемъ. Такъ вотъ, Филицъ, растолкуйте вы мнѣ! Во-первыхъ, я повторю свой вопросъ: цѣнныя вещи сгорѣли у васъ?

Филицъ (пока онъ говорить, ему только отчасти удастся сдерживать судорожный припадокъ плача). Такъ точно. Шесть синенькихъ бумажекъ.

Верганъ. Чортъ возьми! Правда? И нумера, конечно, неизвѣстны. Дѣти мои, вы непростительно легкомысленны. Объ этомъ нужно было раньше подумать. Теперь это ни къ чему. Слышите, Филицъ? Раньше подумать!.. Теперь я самъ готовъ разревѣться... Понимаете? Наличныя деньги кладутъ въ банкъ. Да и вообще вся эта исторія... Нельзя такъ оставлять свое добро. Свое имущество нельзя такъ бросать, въ особенности, гдѣ такая сволочь завелась.

Филицъ. Я же... ахъ... кто бы могъ подумать, г. начальникъ.

Верганъ. Подожгите же ваши часы.

Филицъ. Я человѣкъ смиренный, г. начальникъ. Я же... я... ахъ, ты, Боже мой! Я не пойму, какъ это случилось... Съ людьми я живу въ ладахъ, не ссорюсь... Прوماхи-то я дѣлалъ въ жизни. Въ дурномъ обществѣ безъ этого не проживешь. Но что они со мною такую питуку сыграли, такъ я этого, видитъ Богъ, не заслужилъ.

Фрау Филицъ (сквозь слезы). Филицъ, я тебѣ что всегда говорила! Чья теперь правда, а? Кто теперь правъ? Лично изъ-за насъ враговъ ты себѣ не нажилъ. Тутъ совсѣмъ другая исторія. Г. фонъ-Верганъ узкается, почему.

Филицъ. И, мать, молчи, это же была моя обязанность.

(Эде полушутя, полусерьезно грозитъ Филицу кулакомъ, сзади, надъ его головой. Верганъ замѣчаетъ это).

Верганъ. Эй, вы тамъ! Что вы, тутъ сдѣлали? Вы же стояли за Фидицемъ и держали надъ его головой кулакъ.

Эде. Я просто грудь расправилъ.

Верганъ. Послушайте, я вамъ вотъ что скажу: сумасшедшимъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ. А если вы еще позволите себѣ дерзости, такъ вы еще угодите въ яму!.. Я васъ не совсѣмъ поналя, фрау Филицъ. Вы на что-то намекали. Есть у васъ на кого-нибудь подозрѣніе? Въ подробности вдаваться я не стану. Вы, можетъ-быть, подозреваете, какъ бы это выразиться, какой-нибудь актъ политической мести? Тогда вамъ безусловно нельзя останавливаться. Тогда-то ужъ мы выяснимъ всю подноготную.

Фрау Филицъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Нѣтъ, у меня ни малѣйшаго подозрѣнія. Я лучше пойду побираться на большую дорогу. Винить же человѣка я не берусь. Не знаю. Я тутъ ничего не понимаю. Свидѣтель Богъ! Я ровно ничего не знаю. Все было заперто на ключъ. Мы уѣхали. Огонь на кухнѣ потушили, плита была холодная. И какъ только это могло случиться? Не могу понять. Я ровно ничего не знаю. Но, видите ли, разъ ужъ тутъ нашелся такой молодчикъ и начинаетъ какіе-то намеки дѣлать! Это кого хочешь задѣвнетъ.

Верганъ. Объ этомъ вы ни капельки не тревожьтесь. Къ чему бы насъ это привело? Кто въ наше время ходитъ въ церковь, на того весь свѣтъ возстаетъ. Вы только положитесь на меня. (Ростся въ бумагахъ). Кстати, я тамъ кое-что спасъ. Портретъ вашего покойнаго мужа. По крайней мѣрѣ, я думаю, что это онъ. Въ оправѣ изъ козулькихъ ножекъ. (Находитъ портретъ и передаетъ его фрау Филицъ). Вотъ!

Фрау Филицъ (беретъ портретъ быстрымъ движеніемъ, схватываетъ руку Вергана и со слезами цѣлуетъ ее).

Эде (довольно громко). Нѣтъ ли у кого ненарокомъ кусочка губки? А то какъ бы чулки не замочить!

Верганъ. Запишите его, Глазенацъ! Вонъ! Сейчасъ же! Проваливайте.

(Эде уходитъ со смѣшными движеніями рукъ и ногъ. Сдержанный смѣхъ).

Верганъ. Я удивляюсь на васъ, Ланггейрихъ. Рожа—ну прямо на висѣлицу. Этакій головорѣзъ! Этакій вольнодумецъ! Ужъ не разъ отсиживался за уличные безпорядки. А вы его держите и кормите.

Ланггейрихъ. Это меня не касается, г. начальникъ. Я не вмѣшиваюсь въ политику.

Верганъ. Да? Неужели? Ну, это мы еще посмотримъ.

Ланггейрихъ. Разъ кто мастеръ своего дѣла...

ВЕРГАНЪ. Болтовня! Вздоръ! Скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ. (Слышентъ ропотъ и говоръ множества людей. Входитъ вахмистръ Шульце, въ полномъ парадѣ).

ВЕРГАНЪ. Гдѣ же вы нынче изволили пропадать, Шульце?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ (въ первое мѣнореніе растерялся, потомъ говоритъ). Позвольте доложить! Парня-то мы поймали.

ВЕРГАНЪ. Такъ. Кто же?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Я и Чахе.

ВЕРГАНЪ. Гдѣ?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Да тутъ рядышкомъ, у церкви.

ВЕРГАНЪ. Чтѣ-о? Здѣсь, возлѣ новаго храма Божьяго?

ГЛАЗЕНАПЪ. Онъ тамъ всегда сидитъ, прислушивается къ колоколу.

ВЕРГАНЪ. Почему же вы объ этомъ не доложили раньше? Онъ хотѣлъ убѣжать? Бѣжалъ?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Онъ сидѣлъ во рву и не замѣтилъ насъ. Чахе подѣхалъ къ нему прямо въ упоръ. Ну, а тамъ мы его сейчасъ же за шиворотъ. (Уходитъ назадъ и беретъ Густава, котораго привелъ Чахе. За ними врывается нѣсколько человѣкъ).

ВЕРГАНЪ. Гм!.. Во всякомъ случаѣ онъ въ нашихъ рукахъ. Мнѣ это нѣкоторымъ образомъ жалъ! Сынъ блаженной памяти прусскаго жандарма... Никто не извѣщалъ старика Раухтаупта? Пусть кто-нибудь сходить за нимъ.

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Я тутъ хожу за больною, г. начальникъ. Нельзя ли мнѣ... мнѣ бы вотъ уйти...

ВЕРГАНЪ. Пишите протоколъ, Глазенапъ. Нѣтъ, фрау Шульце, покуда чтѣ вы должны быть здѣсь. Да мы скоро кончимъ. Ну-те-съ, приступимъ къ протоколу... (Откидывается назадъ въ кресло и смотритъ въ потолокъ, какъ бы стараясь собраться съ мыслями для диктовки).

ЛАНГГЕЙРИХЪ (тихо, доктору Боксеру). Взгляните-ка на фрау Филицъ, докторъ! Ну, чтѣ? Она вѣдь совсѣмъ пожелтѣла? Тутъ, доложу я вамъ, кой-что не ладно. (Замахъ что-то въ рукѣ, показываетъ доктору Боксеру, который отстраняется). Хотите посмотреть? Да? Это же фитиль.

Д-ръ БОКСЕРЪ (тихо). Какъ онъ сюда попалъ?

ЛАНГГЕЙРИХЪ. А этого ужъ я не знаю! Откуда угодно могъ попасть. И изъ погреба Филицевъ. Ну да! Развѣ вамъ не кажется? И пожелаю я только насолить, докторъ...

ВЕРГАНЪ. Частнымъ разговорамъ здѣсь не мѣсто.

ФРАУ ФИЛИЦЪ (дергаетъ Ланггейриха и спрашиваетъ потихоньку). Вы встрѣчали сегодня Леонтину? А гдѣ?

ЛАНГГЕЙНРИХЪ (съ торжествующимъ взглядомъ въ сторону Шульце). По сю сторону Вольтерсдорфскаго лѣса.

ВЕРГАНЪ. Такъ вотъ, Глазенахъ... Ужасныя исторіи. Въ нынѣшнюю осень это уже седьмой пожаръ. Это теперь называется цивилизованнымъ обществомъ! Эта пайка поджигателей смѣетъ считать себя христіанами! Стоить только вечеромъ выйти на балконъ, всегда гдѣ-нибудь зарево, Иногда въ ясныя ночи я насчитывалъ на небѣ до пяти подъ-рядъ... Издѣвательство надъ судомъ и закономъ! У мерзавцевъ такъ это вошло въ моду, какъ будто это праздничное развлеченіе. Но погодите! Потерпите, господа. Мы напали на слѣды! Держимъ слѣды! Кого поймаетъ, тому придется самымъ ужаснымъ образомъ опомниться, когда возмездіе нагрянетъ врасплохъ... Кто сколько-нибудь смыслитъ въ криминалистикѣ, тотъ знаетъ, что она медленно, но вѣрно подвигается впередъ и въ концѣ концовъ ловить преступника навѣрняка... А ландратъ Штекель совершенно основательно замѣтилъ: полное паденіе нравственности, одичаніе по всей линіи—слѣдствіе недостатка религіи! А образованные люди осмѣливаются посягать на божескія основы, на которыхъ зиждется вѣданіе спасенія. Но, слава Богу, мы-то на посту! Мы, такъ сказать: *toujours en vedette!*.. А тебѣ, паренекъ, тебѣ я тоже скажу: Богъ-то есть! Понялъ, есть Богъ въ небесахъ, отъ котораго не укроется ни единое мерзостное дѣяніе. Любовь къ ближнему! Христіанскій духъ! Брюки натянуть да по задѣ отшлепать! Я у тебя отобью охоту баловаться огнемъ! Подлый олухъ! Негодяй!.. Такъ вотъ, докторъ Боксеръ. Вы меня понимаете! Вы можете преспокойно пожимать плечами, право же, это меня пачуть не тревожитъ. Можете даже и за перо схватиться и на всѣхъ перекресткахъ паразуль кричать! Папка! Пощечины! Христіанское воспитаніе! Безъ чувствительныхъ словъ, поняли? Передъ Буддой мы не струсимъ!

ГУСТАВЪ (въ свою очередь все болѣе и болѣе возбуждается возрастающимъ раздраженіемъ оратора, такъ что къ концу рѣчи онъ уже не можетъ больше совладать съ собой и раздражается громкимъ, до полной иллюзии схваченнымъ ослинымъ крикомъ). И! а! а! а! И! а! а! а! (Замѣшательство).

ВЕРГАНЪ (также въ замѣшательствѣ). Чтò это значить?

ГЛАЗЕНАХЪ. Право, не знаю.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Это его конекъ, г. начальникъ. Густавъ славится умѣньемъ подражать звѣринымъ крикамъ!

ВЕРГАНЪ. Вотъ какъ! И чей же это былъ крикъ?

ЛАНГГЕЙРИХЪ. Повидимому, льва. (Громкій хохотъ).

ВЕРГАНЪ (пожимаетъ плечами, насмѣшливо улыбается и направляется къ своему мѣсту. Тишина. Потомъ новый взрывъ хохота).
Прощу потише! Нечего тутъ смѣяться! Тутъ намъ не до праздныхъ остротъ. Шутить тутъ не мѣсто. Мы здѣсь разбираемъ очень серьезное дѣло. Это не потѣха въ циркѣ!
(Входятъ Раухгауптъ. Онъ останавливается и безпомощно и тупо озирается кругомъ).

ФРАУ ФИЛИЦЪ (дергаетъ за скрутку жандарма Шульце, который стоитъ тутъ же возлѣ нея, повернувшись къ ней спиной; онъ оборачивается, и она съ озабоченнымъ видомъ спрашиваетъ его).
Вы сегодня видѣли дѣвчонку?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ (киваетъ головой и отворачивается).

ФРАУ ФИЛИЦЪ (какъ выше). Вы сегодня утромъ видѣли Леонтину?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ (снова киваетъ головой и отворачивается).

ФРАУ ФИЛИЦЪ (какъ выше). А гдѣ вы ее встрѣтили, г. вахмистръ?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ (почти не шевеля губами). Пройдя Вольтерсдорфскій лѣсъ.

РАУХГАУПТЪ (Ланггейриху). Чтѣ тутъ случилось? Чтѣ тутъ такое?

ВЕРГАНЪ (замѣтивъ Раухгаупта). Вы прусскій вахмистръ съ пенсіей?

РАУХГАУПТЪ (не слышавъ вопроса). Шульце, товарищъ, чтѣ тутъ такое?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Г. баронъ о чемъ-то спрашиваютъ тебя. Я не могу сообщить тебѣ никакихъ свѣдѣній, это противорѣчитъ моимъ инструкціямъ. Ты бы поостроже смотрѣлъ за парнемъ. Я тебя сколько разъ училъ.

РАУХГАУПТЪ. Не знаю, чему ты меня училъ!.. Этакій старый болванъ! Училъ!

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Прощу занести въ протоколъ, Раухгауптъ оскорбилъ меня при исполненіи служебныхъ обязанностей.

РАУХГАУПТЪ. Чтѣ-о? Это тѣмъ, что ты старый безтолковый дуралей? Значить, я этимъ оскорбилъ тебя при исполненіи служебныхъ обязанностей...

ВЕРГАНЪ. Милѣйшій! А вы знаете, гдѣ вы? Вы изъ дальней Индіи, что ли, являетесь? Да чортъ бы васъ побралъ! Смирно! Слушаться приказаній!

РАУХГАУПТЪ. Слушаюсь! Позвольте почтительнѣйше доложить, г. начальникъ...

Верганъ. Что вы, упрямый бунтовщикъ! Накличете вы, добрейшій, бѣду на себя! Давно ли вы въ отставкѣ?

Раухгауптъ. Одиннадцать лѣтъ.

Верганъ. Вдобавокъ у васъ, повидимому, еще и память не въ порядкѣ. Да и вообще этакая вотъ наружность! Чортъ возьми! Этакая выѣшность у стараго вахмистра... Я такихъ и не видывалъ.

Раухгауптъ. Я же... Почтительнѣйше прошу извинить...

Верганъ. Никакихъ извиненій! Поняли? Отъ васъ прямо воняетъ. Вы заражаете воздухъ.

Раухгауптъ. Да это же просто запахъ землицы...

Верганъ. Конскаго навоза.

Раухгауптъ. Должно-быть, отъ ананасовъ... (Смѣхъ).

Верганъ. Вотъ что: пожалуйста, поскорѣе убирайтесь, а то, я ужъ сказалъ... Ну, маршъ! маршъ! маршъ! Вы, вѣроятно, видѣли, что тутъ происходитъ, а больше вамъ тутъ дѣлать нечего. Конечно! Вотъ тутъ бумаги, вахмистръ! И прямо въ судъ.

(Передастъ Шульце бумаги, жандармы побрякиваютъ саблями, берутъ Густава и собираются уводить его. Въ это время Раухгауптъ, вытаращивъ глаза съ возрастающею болзною, безпомощно озирается кругомъ. Тишина).

Боксеръ. На мой взглядъ, г. начальникъ, мальчикъ больной. Простите, что я еще разъ виѣшиваюсь...

Ланггейнрихъ. Мальчишка съ придурью, онъ совсѣмъ сумасшедшій.

Фрау Шульце. Нѣтъ, нѣтъ, г. докторъ! Да нѣтъ же, Лангтейнрихъ, юнецъ знаетъ, что дѣлаетъ. Мнѣ тутъ повезло, одиннадцать пыляточекъ у меня вывелось, такъ онъ цѣлыхъ семь штукъ перебилъ.

Жандармъ Шульце. И,—тетка, а та давешняя исторія, какъ онъ у васъ сумочку-то стянулъ.

Фрау Шульце. Ахъ, да, и сумочку—со всеѣмъ, что въ ней было. Да еще какъ изловчился-то... ловчѣе и здоровый не устроить!

Жандармъ Шульце. И потомъ еще большой платокъ...

Фрау Шульце. Да, да, а съ карманнымъ-то пистолетомъ. Мальчикъ въ здоровомъ разсудкѣ, вполне. На то я старая опытная женщина.

Раухгауптъ. Кто ты такая? Кто ты? Старая вѣдьма, да еще съ длиннымъ дряннымъ языкомъ! Ты сперва на себя погляди, чѣмъ другихъ-то оговаривать. Вотъ если-бъ кто-нибудь въ твои дѣла заглянулъ, насчетъ воспитанія

дѣтей и прочаго, чтобы, значить, ангелочки въ небесахъ не переводились!—тутъ такія штуки вышли бы наружу,—да, да!—что тебѣ лучше бы не видѣть и не слышать... Въ чемъ тутъ дѣло? Что тутъ такое съ Густавомъ? Я долженъ наконецъ знать, что тутъ такое.

ВЕРГАНЪ. Молчать!! (Жавдармамъ) Направо кругомъ—маршъ!

РАУХГАУПТЪ. Стой, говорю! Куда же это, этакъ-то не годится. Про это нигдѣ не писано. Я тутъ отецъ этому ребенку. Что онъ такое сдѣлалъ? Что онъ могъ сдѣлать такое? Густавъ! Въ чемъ они тебя наконецъ обвиняютъ? Я въ плезвигъ-гольштейнскомъ походѣ участвовалъ. Въ шестидесятъ шестомъ году былъ въ бою, а въ семидесятомъ раненъ. Вотъ моя нога, а вотъ рубцы. Я прусскому королю служилъ...

ВЕРГАНЪ. Вы намъ надѣли съ вашими старыми исторіями.

РАУХГАУПТЪ. Съ Богомъ за короля и отечество! Но вотъ этого, этого, я не позволю. Я хочу знать, что тутъ такое съ Густавомъ!

ВЕРГАНЪ. Эй, вы! Послушайте! Теперь вамъ пора и за умъ-то взяться! Я вамъ уже сказалъ. Только принималъ во вниманіе ваши заслуги, а на многое сквозь пальцы смотрѣлъ. Вотъ вамъ послѣдняя льгота, смотрите. Этотъ фруктъ, вашъ сынокъ, тутъ домъ поджегъ,—по меньшей мѣрѣ сильно въ этомъ заподозрѣнъ. А теперь убирайтесь-ка прочь съ дороги и не мѣшайте больше служащимъ. Ну, Шульце, пошли!

РАУХГАУПТЪ. Домъ поджегъ??? Здѣсь? Вотъ этотъ? У... тамъ? Тамъ? У Филицевъ? Густавъ? Мой сынокъ? Вотъ этотъ мальчикъ? Боже правый! Не смѣшно ли! Хотя тутъ никто не смѣется! Да ну, Шульце, не дѣлай глупостей! Я вѣдь тоже свѣтлыя пуговицы носить... Здравствуйте, фрау Филицъ! Ну, Филицъ, какъ дѣла? Куда же ты думаешь вѣшать свои часы?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Вотъ видите, онъ еще издѣвается.

РАУХГАУПТЪ. Да нѣтъ же! Чѣмъ же я надъ тобой издѣваюсь? Это же такое несчастіе! Господи, Боже мой, вотъ еще. Все-то прахомъ пошло. При такихъ-то обстоятельствахъ,—нѣтъ, нѣтъ, я надъ тобой не издѣваюсь. Вообще-то я спуску не дамъ, а такихъ молодцовъ осаживалъ, что изъ моихъ товарищей никто бы не посмѣлъ. Кое-что попадало.

Согласен! Но, прежде чѣмъ связаться съ такой, какъ ты, я лучше тутъ же на мѣстѣ повѣшусь.

ФРАУ ФИЛИЦЪ (почти посѣрѣвъ въ лицѣ, дрожащими губами, но все-таки въ сильномъ воодушевленіи и съ достаточной энергіей). Чего онъ тутъ ко мнѣ привязался? Чтѣ собственно я ему сдѣлала? Чтѣ я съ этимъ подѣлаю, разъ такъ вышло? Я ничего не видѣла. Меня при этомъ не было. Я никого не подозреваю. А что они задержали мальчишку, такъ я объ этомъ знала не больше вашего.

РАУХГАУПТЪ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Посмотри-ка на меня.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Глупости! Оставь меня въ покоѣ. Оставь меня въ покоѣ и не заводи тутъ исторій, я и безъ того намыкалась вдоволь. И доктора говорятъ, не слѣдуетъ, молъ, волноваться, а то одинъ мигъ—и нѣтъ человѣка! А тутъ вотъ онъ какой... не знаешь, куда и голову прилонить... мы не знаемъ, ѣдъ и почевать-то будемъ. Прямо на улицѣ очутились—ни живъ ни мертвъ человѣкъ, и пабащъ, и...

РАУХГАУПТЪ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Ну-ка, погляди на меня?..

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Оставь меня въ покоѣ и проваливай. Я не позволю тебѣ такъ со мной обращаться! Ну, я могу смотрѣть на тебя. Отчего же нѣтъ? Я могу смотрѣть на тебя три дня и три ночи, и одно только и увижу, что ты осея. Если теперь все это сваливаютъ на мальчика, такъ кто же въ этомъ больше всего виноватъ? Ты чтѣ говорилъ про мальчика? Ты говорилъ:—крадетъ, съ огнемъ пошаливаетъ, стогъ соломы спалилъ у тебя, а теперь вотъ диву дался, что такъ вышло! Ты бѣднаго мальчика всего исполосовалъ... Мальчишка приближалъ ко мнѣ, у него было столько синяковъ, что на всемъ тѣлѣ живото мѣста не осталось. А теперь вотъ оказывается, онъ, молъ, сумасшедшій.

ВЕРГАНЪ (подастъ жандармамъ знакъ, они берутъ Густава и вѣдутъ его къ двери. Раухгауптъ замѣчаетъ это, съ быстротою молніи подскакиваетъ къ Густаву, схватываетъ его обѣими руками за плечи и не даѣтъ увести).

РАУХГАУПТЪ. Нѣтъ! Я этого не допущу, г. начальник! Мой Густавъ вовсе не преступникъ! Жилъ я тутъ себѣ тихо, скромно, а теперь вотъ въ передрагу попалъ. Прежде всего должны быть улики. (Ланггейриху) Возможное ли это дѣло, мейстеръ? (Ланггейрихъ пожимаетъ плечами). Да тутъ весь народъ—мошенники, это же... Не плачь, Густавъ. Видитъ Богъ, они не могутъ повредить тебѣ...

ВЕРГАНЪ. Руки прочь! Или я... Руки прочь!

РАУХГАУПТЪ. Я могу присягнуть, г. начальник, что тутъ... что мальчикъ тутъ невиновенъ.

ВЕРГАНЪ. *Tempi passati!* Накличете вы на себя бѣду. Въ послѣдній разъ: руки прочь!

РАУХГАУПТЪ. Да я его на мѣстѣ убью, г. начальникъ.

ВЕРГАНЪ (становится между ними, отталкиваетъ Раухгаупта отъ его сына). Да прочь же! Вы не тронете мальчика! Посмѣйте, — вахмистръ, шашку наголо!

РАУХГАУПТЪ (блѣдный какъ мѣлъ, въ безумномъ возбужденіи, вырывается и становится передъ выходомъ). Не губите меня, г. начальникъ, ради Царя Небеснаго. Тутъ дѣло чести! Тутъ дѣло чести, г. начальникъ. Только не это, г. начальникъ, не дѣлайте этого. Я вамъ: вотъ что предложу. Я залогъ положу. Сбѣгаю и принесу залогъ. Я сейчасъ же вернусь, г. начальникъ. Ну? Идетъ? Или нельзя?

ВЕРГАНЪ. Вздоръ, прочь съ дороги!

РАУХГАУПТЪ. Я знаю, кто это сдѣлалъ. (Верганъ отталкиваетъ Раухгаупта въ сторону, жандармы уводятъ Густава. Въ это же время д-ръ Боксеръ и Ланггейрихъ подхватываютъ и крѣпко держатъ Раухгаупта. Онъ туло поникъ головой. Тишина. Верганъ молча отходитъ къ своему столу, сморкается, взглядываетъ на Раухгаупта и фрау Вольфъ и садится).

ВЕРГАНЪ. Зажгите лампу, Глазенахъ.

ГЛАЗЕНАХЪ (зажигаетъ лампу на столѣ).

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ такъ! Вѣдь этакій человекъ! Готовъ всю деревню заподозрѣть.

ВЕРГАНЪ. Эй, вы! Фрау Шульце! Проваливайте. (Фрау Шульце быстро уходитъ).

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Я хотѣла бы спросить, г. начальникъ... Мы еще совсѣмъ не знаемъ, гдѣ и ночевать-то будемъ.

ВЕРГАНЪ. Да вы никакъ спите, Филицъ?

ФИЛИЦЪ (громко изъ-за своихъ часовъ). Никакъ нѣтъ, г. баронъ.

ВЕРГАНЪ. А мнѣ показалось, ужъ очень у васъ голова повисла.

ФИЛИЦЪ (съ дѣтской наивностью). Я только слѣдилъ за стрѣлкой.

ВЕРГАНЪ (фрау Филицъ). Вы хотите уйти?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Если-бъ уже можно было... А то я насилу на ногахъ держусь.

ВЕРГАНЪ. Я думаю. Прошлую ночь вы когда поднялись?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. — — — — ?

ФИЛИЦЪ. Встали-то около восьми.

Верганъ. Вы всегда такъ поздно выползаете изъ постели?

Фрау Филицъ. Ахъ, нѣтъ, мой мужъ сегодня совсѣмъ очумѣлъ. Мы ужъ около пяти были на ногахъ. Къ пяти мы всегда на ногахъ!

Верганъ. Ну, фрау Филицъ, теперь ступайте домой... Иѣкоторымъ образомъ мнѣ это неприятно... Правосудіе пойдетъ теперь своимъ чередомъ. Солнце все выведетъ на свѣтъ. Преступники очень плохо кончаютъ... Вѣчный Судія не оставляетъ ихъ... И вы тоже! Идите домой. Отправляйтесь домой и ждите. Сегодня я закрываю глаза, ваше отцовское чувство ослѣпило васъ.

Раухгауптъ (выходитъ впередъ). Осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, г. начальникъ...

Верганъ. Уходите! Уходите! Чего вамъ еще надо? Бросьте, голубчикъ, вашъ вздоръ.

Раухгауптъ (подступивъ къ фрау Филицъ). Какъ Богъ святъ! Накрою-жъ я тебя!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната при кузницѣ Ланггейнриха. Налѣво два маленькихъ окна съ занавѣсками. У одного изъ нихъ кресло, въ которомъ сидитъ фрау Филицъ. Она замѣтно исхудала и постарѣла. У второго окна швейная машина и передъ нею стулъ. На немъ висятъ сюртуки, надъ которыми работали. На самой машинѣ лежитъ блуза. Дверь въ задней стѣнѣ ведетъ въ комнату на чердакъ. Налѣво отъ нея—коричневая изразцовая печь, направо—желтый позированный гардеробъ. Такая же дверь и въ правой стѣнѣ, ведущая въ сѣни. У той же стѣны стоитъ приготовленная кровать и далѣе, къ авансценѣ, желтый комодъ. Надъ комодомъ висятъ часы. Сапожникъ Филицъ, стоя на комодѣ въ однихъ чулкахъ, заводитъ часы. Онъ безъ сюртука, опрятно одѣтъ, въ праздничныхъ брюкахъ и въ праздничномъ жилетѣ. По серединѣ комнаты раздвижной столъ. Надъ нимъ висѣщая лампа. Вокругъ стола четыре желтыхъ стула, пятый стоитъ у кровати. Кузнецъ Ланггейнрихъ и Эде, въ рабочемъ платьѣ, заняты у стола. Ланггейнрихъ держитъ желѣзный флюгеръ, въ видѣ пѣтуха, который Эде раскрашиваетъ въ красную краску. Эде и Ланггейнрихъ разражаются хохотомъ.

Филицъ (который за время ихъ смѣха успѣлъ завести часы). Опять кто-то испортилъ.

Ланггейнрихъ. Ну, конечно! Иначе и не будетъ. Ты бы за этимъ построже наблюдалъ.

(Снова смѣхъ).

Филицъ. Я прямо говорю, ужъ если я кого поймаю! Ни на что не посмотрю.

Ланггейрихъ. Хорошенько! Слѣдуетъ! Кто бы то ни было! По-моему, это Леонтина.

Фрау Филицъ. Дѣва-то къ часамъ вовсе и не подходитъ.

Ланггейрихъ. Ну, положимъ!

Филицъ. Никому не поздоровится, поняли! Съ этимъ у меня шутки коротки.

Эде. А въ лавку тоже надо бы часы...

Ланггейрихъ. Непременно! Я же это всегда говорилъ! Лавка на углу скоро будетъ готова, а часовъ-то туда у него и нѣтъ. Вотъ ему и нельзя будетъ открыть торговлю.

Филицъ. Поджигатели! Пройдохи! Сволочи! Смѣйтесь! Только вамъ до меня-то не дорасти.

Ланггейрихъ. Да гдѣ ужъ намъ! Тутъ ужъ мы—насъ. Сколько условій уже заключилъ? Я разумѣю, по части постановокъ. Должно же что-нибудь быть на складѣ!

Фрау Филицъ. Да оставьте вы его въ покоѣ, мейстеръ.

Филицъ. А ты поди ко мнѣ въ каморку, тамъ у меня письма и условія лежатъ, увидишь. Связки и цѣлые пакеты биткомъ набиты!

Эде (заглядывая въ каморку). Что-то не видать.

Ланггейрихъ. А ты подними половицы: тамъ-то письма и спрятаны. Нужно же хранить торговую тайну!

Филицъ. Еще бы не хранить! Ишь, молокососы! Сперва грамотъ выучитесь,—поняли?—чѣмъ соваться въ мои дѣла.

Фрау Филицъ. Да ну, Филицъ, брось ихъ! Будетъ серчать-то. Мейстеръ же не можетъ безъ шутокъ. Безъ нихъ у него все изъ рукъ валится.

Ланггейрихъ. Правда, хозяйка, на душѣ у меня сегодня весело. Работишку кончилъ. И если я не свалюсь съ верхушки башни, ужъ и палижусь сегодня самымъ жестокимъ образомъ.

Фрау Филицъ. Вы эту штуку хотите сами туда посадить?

Ланггейрихъ. Ну, разумѣется! А то какъ же? Шмаровскій сдѣлалъ чертежъ, мать, а я выковалъ, я и понесу его туда.

(Входитъ Леонтина).

Леонтина. А пусть Шмаровскій самъ это сдѣлаетъ.

Эде. Сорваться-то Шмаровскій не боится.

Ланггейрихъ. Нѣтъ, не боится! По чести говоря,

это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго. Онъ ни Бога ни чорта не боится. Этотъ малышъ, доложу я вамъ... да противъ него Бюкхеръ—ничто.

Филицъ. Я вотъ что хочу знать, мейстеръ: кто новый-то домъ выстроилъ?

Ланггейнрихъ. Ну, ну, кто же?

Филицъ. Я! Не Шмаровскій же.

Эде. Ну, разумѣется! Ясное дѣло, Филицъ.

Филицъ. Отъ перваго камня до послѣдняго! Я, и только я. Моя земля, и песокъ мой, и камень мой, и денежки мои! Всю страховую премію ухлопалъ. Спросите мать, такъ ли это.

(Сидѣтъ).

Фрау Филицъ. Ахъ, Боже мой, Филицъ, брось ты эту старую ерунду. Въ подобныхъ исторіяхъ ровно никакого толку.

Филицъ. Хорошо! Я тебѣ, мать, докажу. Я хочу объяснить, кто я такой. Вы посмотрите, какую я рѣчь буду говорить.

Фрау Филицъ. Шмаровскій говоритъ — рѣчей-то и не будетъ.

Филицъ. Я не дамъ заткнуть себѣ ротъ ни тебѣ ни Шмаровскому. (Филицъ уходитъ въ каморку).

Ланггейнрихъ. Смотрите хорошенько, мать, чтобы опять за обѣдомъ чего не случилось. Я разумѣю, какъ бы скандалъ не вышелъ! Лучше быть чуточку поосторожнѣе.

Фрау Филицъ. А вамъ надо смотрѣть въ оба. Съ самаго начала приналежъ на хмельное. Мужа-то сегодня ничѣмъ не удержишь. Хочетъ быть на обѣдѣ для каменщиковъ и только.

Ланггейнрихъ. А Шмаровскому вчера попало.

Эде. Вчера вечеромъ, какъ же, на собраніи.

Фрау Филицъ. Въ своей рѣчи онъ немного погорячился.

Ланггейнрихъ. А вамъ, поди, это на руку! Такъ оно и будетъ! Шельма вотъ какъ говорилъ, хозяйка: все собраніе заревѣло «браво». Прямо съ плеча рубилъ.

Фрау Филицъ. А по-моему, ему вовсе не слѣдовало такъ ужъ горячиться.

Ланггейнрихъ. Хлестко! Наотрѣзы! А почему бы нѣтъ? Чтѣ на душѣ, то и на языкѣ! Спуску не давай! Все общество не стоитъ большаго. Ни Вергаъ ни Фридеричи. Да я вообще, хозяйка, это хорошо. Моментъ-то былъ на рѣдъ-

кость! Со своей братіей онъ теперь совсѣмъ разорвалъ. Теперь всякій знаетъ. Тутъ ужъ безповоротно. Теперь онъ совсѣмъ нашъ человѣкъ, хозяинъ. Этого я отъ него вовсе не ожидалъ.

Фрау Филицъ. Вы имъ, мейстеръ, можете быть довольны, въ мастерской у васъ теперь сплошной гулъ стоитъ. Четверо помощниковъ...

Ланггейрихъ. Чтѣ и говоритъ! Объ этомъ я не спору. Людямъ отъ него перепало. При помощи пастора Фридрици, его церковной кружки, мнѣ не удалось встать на ноги. То не пошло! А теперь вотъ сразу пошло. Конечно... А теперь, мать, поглядывайте въ окошко, когда я буду на самомъ верху. Я кивну, крикну и затѣмъ — прыгну внизъ!

(Ланггейрихъ и Эде уходятъ съ башеннымъ пѣтухомъ. Короткое молчаніе).

Фрау Филицъ. Какъ бы Раухгауптъ сегодня опять не пришелъ?

Леонтина. Ну, мать, я не пойму, чего ты все боишься? Такого стараго дурака, какъ Раухгауптъ. Пусть приходитъ, сколько душѣ угодно, — пусть болтаетъ! А хоть бы и болталъ. Дѣтской болтовни никто не слушаетъ!

Фрау Филицъ. Поди, опять всюду съ три короба нагородилъ.

Леонтина. Пускай. Я и письма получала. Вотъ опять одно, мать. (Бросаетъ письмо въ конвертъ). Я ничуть не тревожусь. Да и всего-то отъ этого желѣзнодорожнаго чиновника.

Фрау Филицъ. Это могъ быть и рахмистръ Шульце.

Леонтина. А то и помощникъ учителя Ленерта, коль на то ужъ пошло!

Фрау Филицъ. Да ну, брось ихъ! Парни ревнуютъ — да и новому дому Шмаровскаго имъ завидно. Они рады бросать въ насъ грязью. Только нѣтъ! Не такъ-то это просто теперь.

Леонтина (сшибла пару стежковъ). Посмотри, мама, чтѣ я нашла!

Фрау Филицъ. Да шей же, шей, шей! Нечего зѣвать. Платье должно быть готово къ двумъ. Адельгейда уже опять присылала!.. Развѣ вотъ сбѣгай въ лавку и принеси двѣ бутылки вина, чтобы у насъ было чѣмъ чокнуться, когда они придутъ. Они, видно, скоро кончатъ.

Леонтина. Тутъ выпрямляющій корсетъ жены мейстера.

Фрау Филицъ. Несчастная была женщина: и шнуровали-то, и перевязывали, и затягивали, а отъ горба все-таки не избавилась.

Леонтина. Зачѣмъ же ей тогда было рядиться?

Фрау Филицъ. Ахъ, оставь ее въ покоѣ! Она его за-служила.

Леонтина. А она вотъ является привидѣньемъ на чердакъ, къ постели Ланггейриха.

Фрау Филицъ. Да брось же ее! Брось! Не говори больше. Онъ порядкомъ-таки измучилъ ее, хотя она много ему принесла. Ей все время приходилось только шить да зарабатывать... Ничего удивительнаго, что она и въ гробу не находитъ покоя.

Леонтина. А кто же ей велѣлъ выходить за Ланггейриха?

Фрау Филицъ. И, — брось эти старыя исторіи! Про старое я и знать не хочу. У меня и безъ того вся голова грутомъ. Я вообще не знаю, что со мной такое. Ужъ и безъ того чертовщина иногда торчитъ передъ глазами.

Леонтина. А если онъ и меня такъ-то вотъ захочетъ обмануть...

Фрау Филицъ. Мейстеръ-то? Ну, и пусть его. Въ этихъ дѣлахъ всѣ они никуда не годятся. Если-бъ среди нихъ хоть одинъ сыскался, на кого на дѣлѣ-то можно было бы понадѣяться... да, это была бы для меня совершенная новинка... Главное, вотъ что: всегда быть на чеку. Человѣкъ онъ не дурной. Разсуждаетъ совершенно здраво. Не мотай. Сама знаешь, какъ онъ расчетливъ! Тряпки его береги. За дѣвчонокъ его поухаживай. Вѣдь онъ же ничего не имѣетъ прогивъ твоего мальчика. (Филицъ, въ праздничномъ платьѣ, снова появляется изъ каморки). Въ такомъ видѣ тебѣ нельзя ходить на обѣдъ! Поди сюда, я тебѣ пуговицу покрѣпче пришью.

Филицъ. Да нельзя же такъ! Совсѣмъ свихнулась.

Фрау Филицъ (лѣвой рукой держитъ его за край брюкъ и, сядя на стулъ, начинаетъ шить). Что-жъ тутъ подѣлаешь, если человѣку стало трудно двигаться?! О тебѣ и безъ того достаточно заботятся.

Филицъ. Было да прошло! Не лги! Я — какъ старій сапогъ! Вы меня совсѣмъ въ уголъ забросили... Это ты перевела мои часы?

Леонтина. Ну, конечно! А то стучать. (Уходитъ).

Филицъ. Погоди ты у меня!

ФРАУ Филицъ. Да вѣдь мастеръ просто пошутить, Филицъ!

Филицъ. Я вамъ всѣмъ покажу, мать, разъ ужъ я въ люди вышелъ. Я еще сегодня со всякимъ помѣрюсь.

ФРАУ Филицъ. Ну, еще бы, само собой разумится.

Филицъ. Ты вотъ погоди годика два, кто больше денегъ положить въ карманъ: Шмаровскій, Лангтейрихъ, или я! ФРАУ Филицъ. Да что у тебя всегда съ Лангтейрихомъ? Онъ пріютилъ насъ у себя въ домѣ...

Филицъ. Конечно,—потому что онъ скряга, потому что онъ хочетъ подороже содрать съ жильца.

ФРАУ Филицъ. А ты радуйся, что мастеръ—такой человекъ.

Филицъ. А къ чему эта исторія съ фитилемъ?.. А ты, мать, знай, ползай передъ нимъ.

ФРАУ Филицъ. Что же это была за исторія?

Филицъ. Исторія! А то что-жъ иное! Объ этомъ даже докторъ Боксеръ говорилъ.

ФРАУ Филицъ. Про твои исторіи я и вѣдать не вѣдаю.

Филицъ. Ну, мать, совѣсть-то у меня чиста!

ФРАУ Филицъ. Такъ поди и поставь себя подъ колпакъ.

Филицъ. На этотъ разъ, мать, я больше ничего не скажу...

ФРАУ Филицъ. Глупости!

Филицъ. Ладно!..

ФРАУ Филицъ. Тутъ Шмаровскій заходилъ. Какъ же теперь съ перезаломомъ?

Филицъ. Онъ меня въ четвертый разрядъ хочетъ отнести?

ФРАУ Филицъ. Извѣстное дѣло: такая постройка денегъ стоитъ.

Филицъ. Шмаровскій прогоритъ съ этими постройками.

ФРАУ Филицъ. Глупости!

Филицъ. Нѣтъ, не глупости! Потому что это въ немъ зашло, какъ болѣзнь.

ФРАУ Филицъ. Такъ ты теперь согласенъ? Это—главное.

Филицъ. Упаси Богъ, ни по чему! На то я раньше былъ комиссаромъ и самыя щекотливыя дѣла вѣдалъ. Да, самъ Верганъ хвалилъ меня, да-съ, и нарадоваться не могъ, какъ я хитеръ былъ... Нѣтъ, мать! Меня-то не проведешь... Считать-то я умѣю! И перомъ владѣю! Я наполовину адвокатъ, мать. Такому-то дѣльцу меня не провести.

(Шмаровскій входитъ, очень озабоченный. Одѣтъ въ другое платье: свѣтлое гѣтнее пальто, изящная шляпа и трость. Въ рукѣ у него свертокъ строительныхъ чертежей).

Шмаровскій. Съ добрымъ утромъ, фрау Филицъ. Ну, какъ ваше здоровье? Простуду-то легко пересилили?

Фрау Филицъ. Благодарствуйте. Надаживается! Садитесь.

Шмаровскій. Да. Посижу. Заслужилъ. Съ четырехъ часовъ утра на ногахъ! Одинъ Богъ знаетъ, какъ я только ползаю.

Филицъ. Съ добрымъ утромъ. Я пока тоже здѣсь.

Шмаровскій. А, здравствуйте, васъ-то я совсѣмъ и не замѣтилъ. Въ эти дни, право, голова у меня кругомъ...

Филицъ. И у меня.

Шмаровскій. Очень просто. Не смѣю сомнѣваться! Можетъ-быть, вамъ нужно переговорить со мной? Милости просимъ.

Филицъ. Сейчасъ некогда! Сейчасъ я занятъ другимъ. Мнѣ нужно повидать одного господина на вокзалѣ. Насчетъ русскихъ резиновыхъ калошъ. Позднѣе! Непремѣнно! А сейчасъ некогда. (Уходитъ въ горделивомъ возбужденіи).

Шмаровскій. А сапожникъ положительно выставляетъ насъ на смѣхъ. Во всѣхъ кабакахъ что-нибудь да затѣваютъ. И недавно вотъ вышла исторія, ну, тамъ, въ залѣ второго класса. Онъ пролѣзъ прямо туда и произнесъ глупѣйшую рѣчь, недалеко отъ почетнаго стола. О фабрикахъ и еще о какихъ-то затѣяхъ.

Фрау Филицъ. Да онъ чисто совсѣмъ рехнулся.

Шмаровскій. Такъ здоровье у васъ ничего?

Фрау Филицъ. Такъ себѣ, да. Только вотъ стуку совсѣмъ не переношу. Какъ бы поскорѣе отсюда убраться!

Шмаровскій. Потерпите! Ради Бога, только потерпите. До сихъ поръ все шло довольно сносно, только теперь еще нельзя торопиться. Все-таки потерпите. Мнѣ самому выгодно покончить съ этимъ. Но, къ сожалѣнію, чудеса творить я не мастеръ. Я радъ, что строила уже на мѣстѣ. Я знаю, сколько денегъ мнѣ это стоило—а тутъ еще эти исторіи за исторіями. (Показываетъ ей множество вскрытыхъ писемъ). Конечно, всѣ безъ подписи! Подлѣйшія ругательства: по адресу Филица, вашему и, разумѣется, моему.

Фрау Филицъ. Я рѣшительно не пойму, чего люди хотятъ. Свались только съ ногъ, а за тычками дѣло не ставитъ. Это во-первыхъ! Иначе не бываетъ. Они же насъ на всѣ лады допрашивали. Мнѣ трижды пришлось въ судъ бѣгать. И если бы дѣйствительно что-нибудь было, то ужъ они бы дознались!

Шмаровскій. Ну, объ этомъ я не стану распространяться! Это дѣло ваше, и меня это нисколько не касается. Что касается лично меня, я людямъ указать. А если кто меня тронетъ, такъ онъ самъ будетъ не радъ. Пусть пасторъ Фридрихи замѣтитъ себѣ это, въ его карты я часто заглядывалъ... А чтобы ужъ всю правду говорить, то я же, какъ видите, готовъ. Дѣло устроится: только—деньги! Деньги! И деньги!

Фрау Филицъ. Филицъ не желаетъ.

Шмаровскій. Г. Филицъ долженъ!

Фрау Филицъ. Да онъ все еще о лавкѣ мечтаетъ. Нельзя ли оставить какой-нибудь уголокъ?

Шмаровскій. Да вѣдь плательщики! Плательщики! Не могу. До чего же я дойду, если я съ этого начну? Да на это у васъ своего ума хватитъ. Нѣтъ. Про это нигдѣ не писано. Тутъ и рѣчи быть не можетъ... Между прочимъ, на обѣдѣ будетъ банкиръ, а ему-то, фрау Филицъ, я долженъ изложить все дѣло. Такъ вотъ, чтобы все ужъ было въ порядкѣ. А то... мнѣ придется сѣсть на мель...

Фрау Филицъ. Ну, ну, я ужъ устрою! Будьте спокойны!

Шмаровскій. Ладно. А теперь еще одно обстоятельство. Вы слышали снова про Раухгаупта?

Фрау Филицъ. Слыхала. Про то, что онъ все еще не хочетъ заткнуть себѣ глотку и всюду трезвонить о насъ. Та же исторія, что и съ Верганомъ. Я Раухгауптамъ кромѣ добра ничего не дѣлала. А онъ-то ходитъ и ходитъ день изо дня и этими старыми исторіями прямо изведетъ человека,—а все это чистѣйшая выдумка! Впрочемъ... ну да!.. кто его знаетъ!.. такой человекъ... онъ можетъ до тѣхъ поръ допытываться, пока, пока... наконецъ... чего-нибудь не выйдетъ!

Шмаровскій. Не бойтесь, фрау Филицъ! Дальше они не пойдутъ. Отъ этой исторіи и слѣда не останется... Кистати ужъ и плотники собираются: мнѣ нужно къ нимъ, пару словъ проронить. Такъ вотъ что: если только Раухгауптъ еще разъ явится, то вы можете у него кое-что выведать. Теперь-то собственно новая полоса пошла. Соціальный вопросъ! Гигантское дѣло! Разумѣется, я и въ этомъ принимаю участіе, какъ и всюду я теперь принимаю участіе. Намъ бы вотъ землю у Раухгаупта... Онъ еще тогда купилъ ее совсѣмъ за безцѣнокъ, и если бы намъ заполучить ее въ однѣ руки, то тутъ цѣлый миллионъ выскочить, а то и больше,

Фрау Филицъ. Вотъ тутъ у меня еще двѣ книжки сберегательной кассы.

Шмаровскій. Премного благодаренъ! Это мнѣ очень кстати. Иногда можно и не покуситься...

Фрау Филицъ. Дѣвчонка идетъ! Скорѣе! Спрячьте въ карманъ. (Шмаровскій быстро прячетъ книжки, киваетъ фрау Филицъ и поспѣшно уходитъ. Фрау Филицъ полуприподнимается со стула и съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ въ окно). Какъ бы они еще и сегодня не слишкомъ нанумѣли! Ужъ очень тамъ много народу собралось. (Входитъ Леонтина съ тремя бутылками вина и стаканами).

Леонтина. Мама! А мама! Онъ опять здѣсь. Безтолковый Раухгауптъ опять здѣсь.

Фрау Филицъ (вскрикнувъ). Кто?

Леонтина. Да Раухгауптъ! Идетъ слѣдомъ за мной. (Ставитъ бутылки и стаканы на столъ).

Фрау Филицъ (рѣшительно). Пускай! По мнѣ, пускай приходитъ. Я наконецъ скажу ему всю правду. (Раухгауптъ заглядываетъ въ дверь).

Раухгауптъ. Не помѣшаю, хозяйка?

Фрау Филицъ. Мнѣ-то не помѣшаетъ.

Раухгауптъ. А развѣ я кому-нибудь мѣшаю?..

Фрау Филицъ. Не могу знать. Смотря кому.

Раухгауптъ (входитъ въ комнату; онъ кажется менѣ опустившимся, чѣмъ прежде). Здравствуйте! Поздравляю, хозяйка. Опять вотъ хочу взглянуть, все ли въ порядкѣ.

Фрау Филицъ (съ вынужденной веселостью). Да вы же, Раухгауптъ, всюду носъ суете.

Раухгауптъ (выпучивъ на нее глаза, съ удареніемъ). Всюду-съ! Есть грѣхъ! Совершенно справедливо... Я тутъ доктора Боксера встрѣтилъ. Онъ скоро къ вамъ собирается. Я у него кое-о-чемъ спросилъ.

Фрау Филицъ. О чемъ же именно?

Раухгауптъ. Про давешнее. Не то онъ Лангтейриху про что-то говорилъ, не то Лангтейрихъ ему.

Фрау Филицъ. До вашихъ исторій мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ. Леонтина! Сходи, принеси немного колбасы, чтобы было чѣмъ закусить, если они потомъ еще и сюда пожалуютъ.

Раухгауптъ. А свѣтъ все дальше идетъ.

Фрау Филицъ. А то какъ же! Такъ ужъ устроено!

Леонтина. А не лучше ли мнѣ теперь здѣсь остаться, мать?

Раухгауптъ. Ступай, куни себѣ шелковые чулки.

Фрау Филицъ. Чтѣ же это значить?

Раухгауптъ. И,—только всего и значить. Я думаю, что она тоже графиня. Она же была въ лавкѣ у госпожи Боксеръ... ну, Адельгейда, чтѣ за Шмаровскимъ!—приторговывала у старухи шелковую юбку. Она же знатная графиня, фрау Филицъ, на ней вѣдь и красные шелковые чулки были.

Леонтина. У нашей сестры и на бумажные не хватаетъ. (Уходитъ).

Фрау Филицъ. А чтѣ вы еще наклеветаете на Адельгейду?

Раухгауптъ. Клеветы тутъ нѣтъ никакой,—говорю, чтѣ ссты! Недавно возчикъ выгрузилъ все пиво, простое пиво, у тетушки Кервидеръ... у Кервидеръ, чтѣ тутъ бѣлье стирать. Туда-то графиня и пожаловала. Это съ нею бываетъ! А носъ-то задираетъ,—не приведи Богъ! Гордости-то въ этомъ можетъ и не быть,—а потому она спрашивала у тетушки Кервидеръ—пьетъ ли бѣдный народъ пиво.

Фрау Филицъ. Да ну васъ,—съ вашими толками да пересудами вы мнѣ надѣли.

Раухгауптъ. Да, чтѣ я васъ хотѣлъ спросить, хозяйка: я тутъ вотъ на новый слѣдъ попалъ.

Фрау Филицъ. Какой же это слѣдъ, Раухгауптъ?

Раухгауптъ. Silentium, какъ говорится! Остерегаться. Не могу сказать. Больше ничего не знаю. Все это я прослѣдилъ по всѣмъ правиламъ искусства. И для разоблаченія приняты мѣры. Въ довершеніе всего я опять къ Вергану ходилъ, онъ меня крѣпко уговаривалъ.

Фрау Филицъ (плутувато). Боже мой, Верганъ. Пользы отъ него много будетъ. Но вѣдь это всѣхъ вашихъ денегъ будетъ стоить.

Раухгауптъ. Вотъ чтѣ, хозяйка, разъ ужъ мы теперь разузнали, то я вамъ все на ладонь выложу. Малѣйшая тайна будетъ обнаружена. И прокуроръ снова уши навосірилъ! (Палкой и ногой, онъ медленно и угрожающе обводитъ вокругъ фрау Филицъ все болѣе и болѣе узкіе круги). Во-первыхъ, вотъ чтѣ: кругъ-то большущій обвели, но, хозяйка, онъ все уже и уже стягивался, и вотъ всѣ они сидятъ въ западнѣ... Я разумѣю: мошенники, которые, значить, подожгли. Конечно, хозяйка, васъ я не имѣю въ виду.

Фрау Филицъ. А я бы, конечно, все это дѣло скоро оставила въ покоѣ. Веку-то жизнь наружу все равно не выведешь!

Раухгауптъ. Пари, хозяйка,—сколько? По рукавъ!
Фрау Филицъ. Во-первыхъ, никогда ничего наружу и не выходило...

Раухгауптъ. Пари, хозяйка,—сколько? По рукавъ. Тутъ только терпѣніе нужно. Вы же, хозяйка, велѣли Густаву быть здѣсь въ одиннадцатомъ часу, съ сѣменами-то. Затѣмъ Шульце проходила мимо вашей двери, фрау Филицъ! Отъ слѣдовъ я носа не отвожу.

Фрау Филицъ. А я вамъ вотъ что скажу. Раухгауптъ: до вашего носа мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ! А если, доложу я вамъ, вы съ этимъ не перестанете, если вы по цѣлымъ днямъ все будете насъ обнюхивать, то... ей-Богу, у меня всякое терпѣніе лопнетъ.

Раухгауптъ. Значитъ, вы на меня, хозяйка, жалуетесь.

Фрау Филицъ. По мнѣ, хоть прямо въ глаза говорите. Тогда ужъ будемъ знать, чѣмъ вамъ отвѣтить! А Шульце тутъ кляузничать нечего! Я эту шлюху швыркомъ отсюда выпвырнула. А то она шляется сюда да подговариваетъ. Все старается Леонтину къ себѣ переманить. Вахмистру Шульце это очень пришлось бы по вкусу. Но дѣвка у меня не такая! И пошла старая вѣдьма трезвонить! А раньше о васъ трезвонила!.. И не пойму: вы тутъ все жужжите да жужжите! А что дурного случилось съ вашимъ мальчишкой, а? Его устроили. Пріютили! И уходъ за нимъ есть, и ѣда хорошая!

Раухгауптъ. Ну нѣтъ, этимъ-то я себя не утѣшаю. Это, хозяйка, не будетъ тяготѣть надо мной! Ни надо мной ни надъ Густавомъ. Ни по чемъ. Это меня грызетъ! Я такъ не оставлю. Мнѣ это десять лѣтъ жизни стоило. Я ужъ знаю! Знаю, что я выстрадать, я изъ-за этого въ петлю полѣзъ. Никогда, ни за что на свѣтѣ. Я-то ужъ разину, чье это дѣло. Смѣю васъ увѣрить, я ужъ принялся за это.

Фрау Филицъ. Ахъ, ты, Боже мой, да почему бы и нѣтъ! Сдѣлайте одолженіе! Ворните! Мнѣ то что до этого? Стану я тутъ вамъ постоянно тревожиться, мнѣ это докторъ запретилъ. Да я...

Раухгауптъ. А вѣдь никто-то, хозяйка, и не знаетъ, въ чемъ тутъ суть. А я знаю. Прибѣжалъ я тогда домой и ни зги не видѣлъ. Я ничего, видитъ истинный Богъ, ничего-то не зналъ, у меня все нутро перевернуло: я только и дѣлалъ, что пыхтѣлъ да пыхтѣлъ. А потомъ я—да!—трупомъ въ постели лежалъ: и сукномъ-то растирали! И щет-

ками! И камфорой всприскивали и прочее! И тут-то я ужь ожил!

Фрау Филицъ. Да, вы, Раухгаунтъ, это уже тысячи разъ рассказывали! Одно думаю, вы совсѣмъ съ ума спятили. Ну такъ что же? Я тоже пострадала! Мнѣ эта исторія денегъ стоила. Кому же изъ насъ отъ этого хуже стало? Вамъ или мнѣ? Хотѣла бы я знать. Вы здоровы, и какъ еще выглядите сегодня! А я? Что я такое? Каково я нынче выгляжу? Такъ чего же, собственно, вы еще хотите? Я даже свои похороны во снѣ видѣла!.. Такъ вотъ видите, въ чемъ же дѣло? Мѣсто я скоро опростаю. Вамъ уже недолго травить меня. Вотъ что!.. Вы совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ, Раухгаунтъ. До того свихнулись... и не повѣришь. Раньше вы все хотѣли избавиться отъ мальчика.

Раухгаунтъ. Да вы, хозяйка, Густава-то совсѣмъ и не знаете! Что такое мальчикъ, какъ я его держалъ у себя... и съ дѣтми онъ ладилъ и все такое! А поетъ-то! И соображеніе есть! И когда онъ недавно убѣжалъ,—изъ смирительной тюрьмы къ Тегелю,—тутъ онъ, хозяйка, усѣлся у церкви, гдѣ онъ всегда ждетъ колокольнаго звона, и по-прежнему смирихонько слушалъ колокола. Вы бы тогда посмотрѣли, какъ это отражается на его лицѣ. Это что-нибудь да значить! Онъ только всего-то не можетъ выразить такъ, какъ нашъ братъ выражаетъ.

Фрау Филицъ. Да я тоже потеряла сына, Раухгаунтъ! Да! Самаго лучшаго. Вотъ видите! Коситесь послѣ этого на меня. На своемъ вѣку я тоже не шутики шутила... Коситесь на меня! Почему знать, можетъ-быть, у васъ всякая охота пропадетъ, если она у васъ еще раньше не пропала.

Раухгаунтъ. Я человѣкъ стговорчивый, хозяйка, но тутъ ужь... Я, хозяйка, стговорчивый человѣкъ. Я не по доброй волѣ полицейскимъ быть, но вѣдь...

Фрау Филицъ. Ну да! Разумѣется! Кто же этого не знаетъ! Въ томъ-то и дѣло! Теперь вы хуже всѣхъ!.. И все-то сзади, какъ злая собака. А сердце-то у васъ вѣдь доброе, Раухгаунтъ! Такимъ васъ всякій ребенокъ знаетъ. Господи, ну, послушайте, что же это такое!.. Откупорьте вонъ ту бутылку! Отчего бы намъ и не выпить по капелькѣ, вмѣстѣ! (Раухгаунтъ вытираетъ глаза и идетъ откупорить бутылку). А потомъ можемъ опять грызться! Иначе въ жизни и не бываетъ!.. Этого не измѣнишь: это ужь отъ глупости. А когда закончешь людямъ открыть глаза: ни за что! Глупость міромъ править. А что мы такое: вы, я и всѣ мы, вмѣстѣ взятые?

Всю-то жизнь мы должны были надрываться и бѣдствовать, каждый по-своему. Вѣдь такъ! Ну вотъ! Мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Кто не поступаетъ, какъ другіе, тотъ лѣнтяй, а кто поступаетъ, того осуждаютъ... А все-то берется изъ навозу. Нашему брату приходится во всякомъ навозѣ копать! Это навывается: быть всегда хорошимъ. А какъ же иначе и быть? Нѣтъ, гдѣ ужъ тутъ намъ помириться! Жаждала я, это правда. И исполнѣ понятно! Хочется выбраться изъ этой тины, въ которой всѣ мы грыземся безъ разбору... Вонъ! Подальше! Куда-нибудь повыше... Правда, что вы хотите уѣхать отсюда, Раухгауптъ?

Раухгауптъ. Я объ этомъ подумывалъ, фрау Филицъ. А почему, это знаетъ только докторъ Боксеръ да я. (Онъ вздастъ глубокой стонъ). Я хочу быть ближе къ Густаву, не только изъ-за этой исторіи, нѣтъ! Мнѣ тутъ больше не житье, теперь здѣсь на меня всѣ такъ косо смотрять. (Откупорилъ бутылку и наливаетъ два стакана).

Фрау Филицъ. Ну вотъ еще! Какое намъ дѣло до людей?

Раухгауптъ. Нѣтъ, нѣтъ! Разъ кто такъ-то вотъ поступилъ... тутъ ужъ! Разъ кто до того дошелъ, что—какъ служащій! — взялъ себѣ веревку и... Не пойму, хозяйка! Не пойму, зачѣмъ я это долженъ былъ сдѣлать... Только они вотъ вынули меня изъ петли. (Пьетъ).

Фрау Филицъ. Значить, все это правда, о чемъ тамъ толкуютъ?

Раухгауптъ. Видите ли, это разошлось среди людей. И то, что я... какъ служащій! — когда я начинаю думать, нѣтъ, этого ужъ не смоешь ни по чемъ. (Пьетъ).

Фрау Филицъ. А я вотъ что скажу, чокнемтесь! До людей мнѣ никакого дѣла нѣтъ — а если вы хотите продать—по чемъ знаты!.. Я переговорю со Шмаровскимъ, въ концѣ концовъ вы, можетъ-быть, сойдетесь. (Входятъ докторъ Боксеръ, Эде и Леонтина).

Д-ръ Боксеръ. Да у васъ тутъ совсѣмъ весело, фрау Филицъ!

Фрау Филицъ. Сегодня! Въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія! Право!

Эде. Молодуха! Хотите посмотрѣть, молодка? Ланггейнрихъ на самой верхушкѣ пляшетъ.

Фрау Филицъ (съ большимъ трудомъ поднимается и смотреть наружу).

Леонтина. На такія вещи я совсѣмъ не могу смотрѣть, мама!

Эдв. Пускай упадет! Онъ падаетъ на ноги. Мастеръ во всѣхъ отношеніяхъ кошачьей породы.

Д-ръ Боксеръ (шутливо грозя, вполголоса Раухгаупту). Моихъ пациентовъ у меня не беспокоить! А то все лѣчение къ чорту!

Фрау Филицъ. И, —оставьте его въ покоѣ! Его затравили, а все люди. Хотя онъ самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ.

Д-ръ Боксеръ. Послѣ этого-то! А раньше? А какъ наши дѣла, хозяйка?

Фрау Филицъ. Слава Богу! Только вотъ (указывая на грудь) — вотъ тутъ что-то надорвалось. Ну и пусть! Въ концѣ концовъ всѣмъ придется ноги протянуть. Я чутьчку пожила.

Д-ръ Боксеръ. Не говорите такъ много! Подольше языкъ за зубами. (Раухгаупту) Кстати, у меня къ вамъ порученіе. Г. Шмаровскій видѣлъ, какъ вы входили сюда, вотъ онъ и остановилъ меня: не пожалуете ли вы на обѣдъ!

Фрау Филицъ. Ну, конечно, Раухгауптъ! Почему бы и не сходить?

Раухгауптъ. Да я и не собирался отказываться, хозяйка.

Фрау Филицъ. А вы, г. докторъ?

Д-ръ Боксеръ (быстро). Упаси Богъ! Не могу!

Фрау Филицъ. Почему же? Развѣ вы сердитесь?

Д-ръ Боксеръ. Развѣ только на то, что онъ обезобразилъ все мѣсто этими жалкими пятиэтажными казармами. Вообще же—сердиться? Сердиться я не могу. Но видите ли: я погибшій человѣкъ. Не отрицаю, дѣло забавное. Но принимать участіе — нѣтъ! Этимъ я не занимаюсь. По всей вѣроятности, я опять уйду.

Фрау Филицъ. И бросите такую прекрасную практику?

Д-ръ Боксеръ. Морское путешествіе! Это оздоравливаетъ человѣка. Это—лучшая практика, фрау Филицъ, если кто въ другомъ не особенно практиченъ.

Фрау Филицъ. Да, вы совершенно непрактичны!

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, куда ужъ мнѣ... Ну, ну, — вы только послушайте, какъ ихъ тамъ опять разбираетъ! (Крики многихъ голосовъ). Опять колоссальное воодушевленіе. Они скоро Шмаровскаго на цитѣ поднимутъ. Дѣло было ужъ близко къ этому! (Снаружи громкіе, воодушевленные возгласы чувствующихъ голосовъ). Ну, видите? Это же возвышаетъ сердце!

Леонтина. Мать, посмотри, кого они тамъ качаютъ! Рабочіе качаютъ кого-то!

Фрау Филицъ. Да кого же?

Леонтина. Развѣ не видишь, кого?

Раухгаунтъ. Шмаровскаго.

Эде. То-то и есть. А я и духу его не выносилъ. По вотъ... нѣтъ... разъ онъ сталъ благоразуменъ и стоитъ за здоровыя идеи: чтобы, значить, никакого произвола и насилія, то... то... тутъ ужъ пускай его даже величаютъ!

Д-ръ Боксеръ. Конечно, Эде! Ясное дѣло! Разумѣется. (Входитъ Филицъ въ крайнемъ возбужденіи).

Филицъ. Я... я... я... я... это я сдѣлалъ!.. Кричите, кричите! Они его качаютъ. Ну нѣтъ, такихъ-то рѣчей я не произношу. Характеръ! Совѣсти! Вотъ чтò главное. Да! Платилъ и строилъ я. А если и Верганъ отступился отъ меня, то отъ порядочныхъ убѣжденій я не отступлюсь! Порядокъ долженъ быть! Нравственность должна быть! Я остаюсь монархистомъ до мозга костей! Въ такомъ-то торжествѣ я тебѣ не завижду!

Д-ръ Боксеръ. Пст! Филицъ! Подите-ка сюда къ свѣту. Я посмотрю ваши глаза... Такъ зрачокъ у васъ не движется?!

Фрау Филицъ (порывисто и судорожно вздыхаетъ, выбрасываетъ, какъ бы отъ радости, руки вверхъ и полублаженно, полупуганно, испуская вздохъ, кричитъ) Юліанъ!!!

Леонтина. Мама! А мама!

Эде. Она уснула.

Леонтина (ища помощи у доктора). Мать все вотъ такъ хватается руками...

Д-ръ Боксеръ. Кто? Гдѣ же? Фрау Филицъ!

Леонтина. Вы только посмотрите!

Эде (смѣясь). Ужъ не воробья ли въ воздухѣ хочетъ поймать?

Д-ръ Боксеръ (отомель отъ Филица и направился къ фрау Филицъ). Фрау Филицъ! (Филицъ въ возбужденіи, не обращая вниманія на происходящее, отходитъ въ глубину и исчезаетъ. Раухгаунтъ напряженно слѣдитъ у окна за происходящимъ наружу).

Леонтина. Не понимаю, мать совсѣмъ но хочетъ отвѣчать!

Раухгаунтъ. Мнѣ думается, они хотятъ направиться сюда!

Д-ръ Боксеръ. Да чтò такое, фрау Филицъ? Чтò съ вами? Чтò вы все водите руками?

ФРАУ ФИЛИЦЪ (особеннымъ образомъ, обѣими руками, ловить что-то надъ собой). Тянешься... Тянешься... Все вотъ тянешься.

Д-ръ БОКСЕРЪ. Да къ чему же?

ФРАУ ФИЛИЦЪ (какъ выше). Тянешься... тянешься къ чему-то... (Руки у нея безсильно падаютъ, она умолкаетъ).

ЛЕОНТИНА (доктору Боксеру). Спать?

Д-ръ БОКСЕРЪ. Да, уснула. Только не пускайте теперь сюда народъ.

РАУХГАУПТЪ. Всей толпой съ шумомъ идутъ сюда.

Д-ръ БОКСЕРЪ (рѣшительно). Остановить! Эде! Какъ можно скорѣе остановить! (Эде уходитъ).

ЛЕОНТИНА. Г. докторъ, чтѣ же такое съ матерью?

Д-ръ БОКСЕРЪ. Ваша мать...

ЛЕОНТИНА. Ну, чтѣ же?

Д-ръ БОКСЕРЪ (съ удареніемъ). Уснула.

ЛЕОНТИНА (съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, готова вскрикнуть; докторъ энергично схватываетъ ее, держитъ руку у рта, она овладѣваетъ собой). Г. докторъ, да она же только-что говорила?..

Д-ръ БОКСЕРЪ (лѣвою рукой бережно тянетъ ее за локоть ближе и кладетъ ей правую руку на чело умершей Филицъ). Говорила! А теперь она уже умолкла.

(Въ глубинѣ стоитъ Филицъ, безъ всякаго интереса къ происходящему, внимательно и сосредоточенно рассматривая въ ручное зеркальце свои глаза).

(Занавѣсъ падаетъ).

ВОЗЧИКЪ ГЕНШЕЛЬ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ А. М. Ѳедорова.

Въ своихъ творческихъ настроеніяхъ Гауптманъ — какой-то двуликій Янусъ, таинственно совмещающій два прямо противоположныхъ рода писательства — символически-сказочный и рѣзко-натуралистическій. И наблюдается, что эти два рода чередуются въ его творчествѣ какъ бы съ намѣренной пестротою.

Гауптманъ точно отдыхаетъ отъ одного вида на другомъ. Въ одномъ и томъ же 1893-мъ году, вслѣдъ за реальнѣйшей «Бобровой шубой», появляется «Ганисслеръ», а слѣдующее произведеніе — реально-историческій «Флоріанъ Гейеръ». Послѣ символическаго «Потонувшего колокола» онъ садится за «Возчика Геншеля».

Эта пьеса появилась на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 5-го ноября 1898 года и имѣла здѣсь огромный успѣхъ. Въ томъ же году, съ такимъ же полнымъ успѣхомъ, она прошла въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ съ Зоннтагелемъ въ роли Геншеля. За пьесу автору была присуждена премія Грильпарцера, выдаваемая разъ въ три года и являющаяся предметомъ мечтаній всякаго драматурга.

По своему ярко реальному содержанію, по манерѣ письма, эта драма Гауптмана о человѣкѣ изъ простолюдинъ, взявшемъ, вопреки данному умирающей женѣ обѣту, вторую жену и кончившемъ самоубійствомъ послѣ убѣжденія въ ея измѣнѣ и, можетъ-быть, причастности къ убійству ребенка отъ первой его жены, — непосредственно примыкаетъ къ циклу тѣхъ натуралистическихъ пьесъ, какими онъ началъ, — въ частности къ драмѣ «Предъ восходомъ солнца».

Только здѣсь драматургъ зрѣлѣе, а потому и самоубійствѣ въ приѣмахъ и свободнѣе отъ вліяній. Тѣхъ грубостей натурализма, какія въ первой пьесѣ критика приписывала вліянію толстовской «Власти тьмы», здѣсь нѣтъ, несмотря даже на то, что характеръ второй жены возчика — Ганисслеръ — могъ бы давать для этого значительные поводы. Въ своей пьесѣ Гауптманъ видитъ не только семейную исторію. Очевидно, обобщая ее, онъ относитъ свою пьесу къ категоріи своихъ «соціальныхъ» драмъ.

Если искать среди другихъ произведеній Гауптмана наиболѣе родственное «Геншелю» по содержанію и по идеѣ, то такимъ, безъ сомнѣнія, явятся въ первомъ смыслѣ — «Стрѣлочникъ Тиль», во-второмъ — драма «Одинокіе».

«Стрѣлочникъ Тиль» былъ самымъ раннимъ произведеніемъ Гауптмана (1887), отъ котораго онъ не отрекся, ставъ зрѣлымъ писателемъ. Какъ и въ драмѣ, въ разсказѣ дѣйствуетъ второженецъ-простолюдинъ, мягкій, любящій, сердечный. Такъ же онъ женится во второй разъ на женщиנѣ «грубой, сварливой и животное-страстной». Такъ же тѣмъ первой жены смущаетъ и укоряетъ его. Такъ же, какъ Геншель, Тиль

пятасть трогательную привязанность къ дѣтямъ. Такъ же вещь кончается катастрофой. Только въ «Геншель» возчикъ въпадаетъ, психически потрясенный; Тиль въ подобномъ же порывѣ аффекта убиваетъ свою жену, допустившую смерть его мальчика подъ поѣздомъ. И тотъ и другой случай, въ довершеніе всего, разыгрываются въ родной Гауптману силезской обстановкѣ.

Что касается психологической темы «Геншеля», то не безъ основанія критика указывала на приближеніе ея къ темѣ «Одинокіхъ». На совершенно иной средѣ (не интеллигентной, а простонародной), на совершенно другомъ характерѣ (не на сверхъ-человѣкѣ, а на самомъ обыкновенномъ, малокультурномъ смертномъ) Гауптманъ хотѣлъ какъ бы проверить общность того психологическаго закона, что человѣкъ и значительной умственной силы, и мало интеллигентный цѣлы и живы только до тѣхъ поръ, пока ихъ душа не почувствовала разлада своего мировоззрѣнія съ действительностью. Разъ этотъ разладъ явился и сознать—и ученымъ и неученымъ равно стоять передъ катастрофой.

«Пройдя длинный творческій путь, увидѣвъ «глубины человеческихъ силъ», Гауптманъ вернулся къ прежнему пессимизму. Геншель—тотъ же одинокій человѣкъ и такъ же кончаетъ самоубійствомъ, но будучи въ состояніи согласовать свою собственную жизнь съ робкими желаніями своей души. Голосъ совѣсти, требованія жизни и роковое теченіе событий—вотъ тѣ основныя силы, которыя своимъ противорѣчіемъ составляютъ трагизмъ человѣческой жизни. Гауптманъ рисуетъ самую простую форму ихъ столкновенья, и отъ этого оно становится еще болѣе трагическимъ. Въ разладѣ есть духовная красота, но нѣтъ нравственной правды, и это беззвѣстіе покарало Гауптмана и въ героѣ своей юношеской драмы, и въ новомъ одинокомъ «человѣкѣ изъ народа—Геншелѣ» *).

Можетъ-быть, близость содержанія «Геншеля» къ содержанію ранняго разсказа Гауптмана повлекла за собою одну особенность драмы, которую не приходится вѣнчать ей въ достоинство. «Возчикъ Геншель»—болѣе повѣсть, чѣмъ драма.

«Прирожденный драматургъ», какимъ Гауптмана принято считать и какимъ онъ восторженно провозглашенъ проф. Э. Шмидтомъ, Штейгеромъ и другими,—въ этой пьесѣ чувствуетъ жѣнье всего. Это образцовая повѣсть, живо рисующая силезскій курортъ шестидесятихъ годовъ, съ чрезвычайно правдивыми типами обывателей, съ мѣткими и мастерскими восстановленіемъ быта, съ великодушіемъ, какъ всегда у Гауптмана, уловленнымъ простонароднымъ языкомъ. Здѣсь сложено много дѣльных впечатлѣній Гауптмана, и нѣкоторыми небезосновательно высказывалось предположеніе, что въ фигурѣ Зибенгаара онъ воплотилъ нѣкоторыя черты своего отца.

Но вся манера письма въ «Геншелѣ», весь колоритъ пьесы,—мягкій, тонкій, ласковый,—есть гораздо болѣе колоритъ повѣсти, чѣмъ драмы. Здѣсь не только нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ мазковъ, какіе любитъ сцена, не только нѣтъ эффектовъ,—за ними вообще не гонится Гауптманъ,—но мало и содержательнаго разнообразія и движенія. Возникающая зрителя развѣ одна бурная сцена въ четвертомъ актѣ, гдѣ Геншель въ пивной узнаетъ изъ чужихъ устъ, что жена ему измѣняетъ. И глубоко драматиченъ послѣдній актъ, съ первыми мгновеніемъ котораго на сценѣ вѣдетъ трагедіей. Какая-то медлительность отличаетъ въ особенности первые два акта.

*) Э. Венгеровъ: «В. Езронъ», 1899 г.

Но в этой тонкерсеской или гончаровской выписки мелочей есть своеобразная прелесть. Сокращения здесь повредили бы делу. Геншель нужно видеть во всех подробностях его жизни—у постели умирающей жены, в нерешительных мечтах о Ганке, рядом с ее ребенком, в пьяной заговорчивости, в задумчивости перед служившими многие годы кнутом и т. д., чтобы почувствовать привлекательность этой простой честной натуры. Правда, не таким приемом захватывает зрителя драматург. Это—чеканка беллетриста, пишущаго миниатюры. «Сам Геншель,—пишет Бартельс:—не трагическая фигура, и в его судьбе нет той драматической необходимости, которая все частности заставляет казаться неизбежным выводом из них. Все носит здесь характер частного случая. Неясно, почему бы «Возчик Геншель» не был бы так же хорош в форме рассказа, как «Стрелочник Тиль»».

Это не штабш, разумеется, критику признать за «Геншеля» большие достоинства. «Геншель»,—говорит он:—в своем роде весьма ценное, прекрасное и захватывающее произведение. Его картинны и сцены полны чистого настроения. Это не простая сводка авторских наблюдений, а цельное и прочувствованное поэтическое создание, стоящее гораздо выше работ иных драматургов в роде Зудермана и Фюльда... Как цельное, как жизненная картина, выныт оно вновь произошло на меня сильное впечатление. Каждый акт дает полноту и закругленность, свободен от натуралистических крайностей, и все сцены вытекают одна из другой с самой счастливой непринужденностью, с такой натуральным подъемом, какого требует драма...»

Г. Брандес, считая «Геншеля» скроинным произведением Гауптмана сравнительно с его шедеврами, отмечает однако, что он должен быть «с полными правами назван безукоризненным, как художественное произведение по форме и по содержанию».

«Между «Потопившим колоколом» и «Шуком и Яу», — пишет критик Heinrich Bulthaup, автор фундаментального исследования по драматургии^{*)}:—Гауптман создал, вновь опустившись на самую родную ему почву действительности,—драму, вышедшую исключительный успех,—успех, тайна которого крылась не в содержании пьесы, а единственно в драматических и сценических, то есть художественных ее достоинствах,—«Возчик Геншель»... И если по временам меня брало сомнение, можно ли такое произведение, как «Возчик Геншель», по испорченности его жизненного рисунка и по драматической композиции поставить в принцип на один уровень с великими драматическими созданиями всех народов, то непосредственный опыт на театральном представлении пьесы быстро развеивал его».

Самым лучшим образом принять «Геншель» французской критикой: «Возчик Геншель»,—пишет известный Эмиль Фагх—есть как бы народная трагедия достаточной силы и с той правдивостью и правдой в характерах, которая захватывает и пленяет. Это пьеса сильная и сплошь интересная, не рожающая и минутной скуки. Здесь переплетаются две истории, и эти две истории несколько вредят одна другой. Но несмотря на это пьеса остается интересной, благодаря той безукоризненной чистоте реализма, которая составляет ее основной характер».

^{*)} Heinrich Bulthaup, Dramaturgie des Schauspiels, IV Band, Ibsen - Hauptmann. Oldenburg und Leipzig, 1905.

«Эта пьеса—драма, даже мелодрама,—пишет другой известный театральный критик, Густав Ларруэж:—высшаго порядка. Если немецкий автор пользуется необходимыми элементами этого рода, то онъ воздерживается отъ приемовъ и пружинъ, которыми обыкновенно драматурги такъ широко пользуются. Онъ отдастъ всю дань правды жизни и ничего не оставляетъ условности. Самыми простыми средствами онъ производитъ самое сильное впечатлѣніе. Съ искусствомъ, въ которомъ много трезвости и силы, онъ ставя въ два характера—хорошаго мужчину и дурную женщину, и заставляетъ ихъ развиваться по ихъ собственной логикѣ и согласно самому положенію. Это положеніе и характеры онъ вставляетъ въ живописную рамку нравовъ. Онъ беретъ для всего разсказа стиль простой и ясный, безъ пышныхъ тирадъ, безъ фальшиваго лиризма, безъ романтическихъ прикрасъ. Въ цѣломъ, даже оставляя въ сторонѣ глубоко-гуманное волненіе, рождаемое пьесой, мы должны признать, что она даетъ здоровое впечатлѣніе искренней правды и чуждаго фальши искусства».

«Возникъ Геншель»,—пишетъ французъ Нелгу Вагет:—это этюдъ народныхъ нравовъ, дающій впечатлѣніе живописной правды. Пьеса не хочетъ создать ни типовъ ни характеровъ. Она показываетъ просто живыхъ людей и сочно возстановляетъ мелочи жизни. Даже и при своемъ эпизодическомъ значеніи пьеса интересна».

Уже ни своею формою ни содержаніемъ «Возникъ Геншель» не представлялъ ничего новаго въ творчествѣ Гауптмана.

Нечего говорить о томъ, что сторонники символизма, разсчитывавшіе и на этотъ разъ увидѣть въ Гауптманѣ автора «Потонувшего козла», были въ значительной мѣрѣ разочарованы.

Что касается сравненій «Геншеля» съ другими произведеніями немецкой литературы, то наиболѣе основательнымъ является сравненіе на этотъ разъ Гауптмана съ известнымъ писателемъ Ансегрубомъ (умеръ 1889), превосходнымъ знатокомъ нѣмецкаго крестьянскаго быта. Ансегрубъ писалъ не только повѣсти, но и крестьянскія драмы, такъ что и въ этомъ отношеніи Гауптманъ не былъ здѣсь новаторомъ.

Ссылка нѣкоторыхъ критиковъ на сходство Геншеля съ романомъ А. Додэ: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій» и на возможность вліянія на него этого романа (1876)—рѣшительно неосновательна. Въ романѣ Додэ кончается съ собою черта повѣшеніе горой произведенія, Рислеръ, не находящій въ себѣ силъ перенести черную измѣну жены. Но въ этой случайной чертѣ и все сходство. Все остальное—среда, психологія самоубійцы, его жены, самый финалъ романа, осложненный совѣтъ иными частностями—не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ драмою.

ВОЗЧИКЪ ГЕНШЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Возчикъ Геншель.

Фрау Геншель.

Ганна Шель (впослѣдствіи фрау Геншель).

Берта.

Вальтеръ — барышникъ.

Зивенгааръ.

Карлуша.

Вермельскирхъ.

Фрау Вермельскирхъ.

Франциска Вермельскирхъ.

Гауфе.

Францъ.

Георгъ.

Фавихъ.

Мастеръ Гильдебрантъ.

Грунбертъ — ветеринаръ.

Пожарные.

Время — шестидесятые годы.

Мѣсто — гостиница «Сѣрый Лебедь». Курортъ въ Силезіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Крестьянская горница въ подвальномъ этажѣ гостиницы «Стрый Лебедь». Въ два окна, высоко расположенныхъ съ лѣвой стороны, проникаетъ сумеречный свѣтъ поздняго зимняго вечера. Подъ окнами — кровать изъ мягкаго желто-подираваннаго дерева; на ней лежитъ большая фрау Геншель, особа лѣтъ тридцати шести. Подлѣ кровати люлька, въ ней ся шестилѣтняя дочка. Вторая кровать у задней стѣны, окрашенной, какъ и всѣ остальные, въ голубой цвѣтъ съ темными карнизами у потолка. Справа впереди большая коричневая кафельная печь съ лежанкой. На широкомъ шестѣ сложены щепки. Въ правой стѣнѣ дверца въ каморку. Ганна Шель, молодая, здоровая работница, въ большихъ хлопотахъ. Она отставила въ сторону деревянные башмаки и расхаживаетъ въ толстыхъ синихъ чулкахъ. Она вынимаетъ изъ печки чугунокъ, въ которомъ варится что-то, и снова ставитъ его обратно. На скамьѣ—уполовникъ, мѣтовка, рѣшето, а также большій пузатый глиняный кувшинъ съ узкимъ, заткнутымъ пробкой горлышкомъ; подъ скамьей—ведро для воды. Юбки Ганны подоткнуты, лифъ почернѣвшій отъ грязи, мускулистыя руки выступаютъ голыя изъ короткихъ рукавовъ. Вокругъ печки четырехугольная перекладина; на ней для просушки развѣшаны такъ-называемые охотничьи чулки, пеленки, лосины съ завязками и пара болотныхъ сапогъ. Направо полка и ларь, старыя пестрыя силезскія вещи. Черезъ открытую дверь въ задней стѣнѣ видѣтся темный, широкій проходъ въ подвалъ; противъ него — дверь съ разноцвѣтными стеклами, а позади нея—деревянная лѣстница наверхъ. На этой лѣстницѣ всегда горитъ газъ, освѣчивая на стеклахъ. Середина февраля. На дворѣ — непогода. Францъ, мозолой верзига въ простой извозничьей ливрѣ, готовый къ выѣзду, заглядываетъ въ горницу.

Францъ. Ганна!

Ганна. Ну?

Францъ. Геншельша спать?

Ганна. А что же! Не шуми.

Францъ. Довольно дверей хлопасть въ домѣ. Не прошивается же она отъ этого! И ѣду съ каретой въ Вальденбургъ.

Ганна. Кого везешь?

Францъ. Барыню. За покупками ко дню рожденія.

Ганна. Чьего еще рожденія?

Францъ. Карлуши.

Ганна. Ну и порядки у людей! Гонять лошадей изъ-за глупаго мальчишки! Въ такую-то погоду тащиться въ Вальденбургъ!

Францъ. Положимъ, я въ шубѣ.

Ганна. Прямо-таки не знаютъ, куда имъ швырять деньги! А мы отдувайся.

(Ветеринаръ Груннертъ входитъ, медленно нащупывая дорогу: онъ — низенькій, въ черной овчинной шубѣ, въ башлыкѣ поверхъ шапки и въ высокихъ сапогахъ. Онъ стучитъ въ дверь кнутовищемъ, чтобы обратить на себя вниманіе).

Груннертъ. Геншель Вильгельмъ еще не вернулся?

Ганна. А что надо?

Груннертъ. Я пришелъ касательно мерина.

Ганна. Ужъ вы не докторъ ли изъ Фрейбурга? А Геншеля-то нѣтъ дома. Уѣхалъ съ возомъ въ Фрейбургъ. Вы бы должны были повстрѣчаться.

Груннертъ. Въ какой конюшнѣ стоитъ меринъ?

Ганна. Это большой-то, гнѣдой, съ подпалиной? Сдается мнѣ, они отвели его въ конюшню къ постояльцевымъ лошадямъ. (Францу) Иди-ка съ нимъ да покажи.

Францъ. Черезъ дворъ все напрямикъ, мимо залы, подлѣ кучерской. Крикните тамъ Фридриха, — онъ вамъ покажетъ. (Груннертъ уходитъ).

Ганна. Ступай и ты съ нимъ.

Францъ. Не найдется ли у тебя мелочишки, нѣсколько пфенниговъ для меня?

Ганна. Не заложить ли мнѣ для тебя свою шкуру?

Францъ (щекочетъ се). Я бы ее сейчасъ выкупилъ.

Ганна. Францъ! Оставь! Ну хозяйка проснется! (Направивъ деньги) Пока не вытянешь гроши, самъ не свой. Какъ пожаромъ метешь. На... (Суетъ ему что-то въ руку). Убирайся теперь. (Слышенъ звонокъ).

Францъ (испуганно). Баринъ! Прощай! (Проворно уходитъ).

Фрау Геншель (просыпается и зоветъ слабымъ голосомъ). Дѣвушка? А дѣвушка? Не слышишь, что ли, дѣвушка?

Ганна (грубо). Что еще?

Фрау Геншель. Надо отвѣчать сразу, когда тебя зовутъ.

Ганна. Услышала и отвѣчаю. Какъ тутъ услышишь, коли вы тамъ бормочете про себя, — у меня, чай, всего два уха.

Фрау Геншель. Опять ты, дѣвушка, грубишь!

Ганна (иратно). А, надоѣло!

Фрау Геншель. Ну вотъ, видали это! Больной женинѣ на каждое слово — дерзость.

Ганна. А кто задираетъ? Какъ глаза прoderете, такъ за придирки. Виновата ли я, нѣтъ ли, все не такъ да не такъ...

Фрау Геншель. Потому что ты ничего не слушаешь.

Ганна. Такъ и дѣлайте все сами. Мечешся день-ден-

ской, до пол.ночи!.. Нѣтъ, ужъ если вы за свое, я лучше за порогъ да на волю. (Спускаетъ подоткнутую юбку и уходитъ вонъ).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Дѣвушка! Дѣвушка! Да что ты, въ самомъ дѣлѣ! Ну что я тебѣ худого сказала? Вотъ еще напастъ-то! Что будетъ, какъ мужчины вернутся? Вѣдь они потребуютъ ѣсты! Эй, дѣвушка! дѣвушка! (Въ изнеможении опускается, стонетъ безсилно и въ то же время медленно раскачиваетъ люльку за привязанную веревку. Въ стеклянную дверь на заднемъ планѣ протискивается съ трудомъ Карлуша. Онъ несетъ горшокъ съ супомъ, робко и осторожно приближается съ нимъ къ постели фрау Геншель и ставитъ его на деревянную табуретку).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Это ты, Карлуша? А? Ну, что ты тамъ принесъ мнѣ?

КАРЛУША. Супъ. Мама вамъ кланяется и желаетъ скорѣе выздоровѣть. Она сказала, чтобы вы кушали на здоровье, фрау Геншель.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ахъ, мальчуганъ! Право, ты лучше всѣхъ! Куриный супъ! Это прямо невозможно. Ну, скажи твоей матери, что я безконечно благодарна ей. Слышишь. Не забудь часомъ. А теперь я тебѣ вотъ что скажу, Карлуша. Ты можешь мнѣ оказать услугу! Возьми-ка вонъ тотъ ухватъ, влѣзь на скамейку... Такъ... и выставь немного впередъ чугунъ. Дѣвушка ушла, а она его слишкомъ далеко задвинула въ печь.

КАРЛУША (охотно поднимается, отыскиваетъ ухватъ, послѣ чего влѣзаетъ на лавку у печки. Заглядывая въ печь, спрашиваетъ). Черный или синій, фрау Геншель?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А что въ синемъ?

КАРЛУША. Кислая канусть.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (заволновано). Вытащи его, а то она въ концецъ разварится. Нѣтъ, какова дѣвчонка! Ахъ, дѣвчонка!

КАРЛУША (выдвигая горшокъ къ краю). Хорошо ли такъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Да, такъ и оставь его. Иди-ка сюда, я подарю тебѣ для кнута веревочку. (Достаетъ съ окна и даетъ ему). Какъ поживаетъ твоя мама?

КАРЛУША. Хорошо. Она отправилась въ Вальденбургъ за подаркомъ ко дню моего рожденія.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А мнѣ все неможется, мальчуганъ. И, вѣрно, скоро умру.

КАРЛУША. О, нѣтъ, фрау Геншель.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Да, да, вѣрь мнѣ, я умираю, мальчуганъ. Можешь объ этомъ хоть и матери передать.

Карлуша. А я получу шанку съ баншыкомъ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Да, да, можешь вѣрить. Поди-ка сюда. Только тише. Прислушайся... Слышишь, какъ тикаетъ. Слышишь, какъ тикаетъ въ трухлявомъ деревѣ?

Карлуша (котораго она лихорадочно, крѣпко держитъ за кисти рукъ). Я боюсь, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ой, горе мое! Всѣ умремъ. Слышишь, какъ тикаетъ. А? Вотъ какъ. Чтò это? Это червь смерти тикаетъ. (Она падаетъ навзничь). Разъ-два, разъ-два... Эхъ, дѣвоньки, дѣвоньки!

(Карлуша, котораго она отпустила, боязливо пятится къ двери. Когда ручка стеклянной двери у него въ рукѣ, страхъ окончательно овладѣваетъ имъ. Онъ дергаетъ дверь и захлопываетъ ее за собой такъ сильно, что стекло дребезжитъ. Тотчасъ послѣ этого на дворѣ раздается сильное шелканье бича. Отъ этого шума она, вздрогнувъ, быстро приподнимается).

Фрау Геншель. Отецъ! Явился!

Геншель (его еще не видно въ сѣняхъ). Докторъ, чтò же едѣлаемъ мы съ этой скотиной? (Показывается съ ветеринаромъ Груниертомъ на порогѣ).

Груниертъ. Онъ не подпускаетъ къ себѣ. Придется его спутать.

Геншель (атлетически сложенный мужчина, лѣтъ сорока пяти, въ мѣховой шапкѣ, въ овчинномъ тулупѣ; подъ тулупомъ снятая пвозничья блуза. На ногахъ высокіе болотные сапоги. Зеленые охотничьи чулки. Кнутъ въ рукахъ и зажженный фонарь). Ужъ и не знаю, чтò приключилось съ этой скотиной? Прихожу я вчера домой... каменный уголь нагружалъ... тамъ... въ Лисей ямѣ... Распрягаю, ставлю лошадь въ конюшню,—она тутъ же грохнулась на-земь и ну биться! (Ставитъ кнутъ въ уголь и вѣшаетъ шапку).

(Ганна опять приходитъ и принимается за ту же самую работу. Она явно раздражена).

Геншель. Дѣвушка, засвѣти-ка огонь.

Ганна. Не то, такъ другое.

Геншель (потушивъ фонарь, вѣшаетъ его). Богъ вѣсть, чтò творится! То жена заболѣла, то лошадь пала! Вся напастъ какъ будто на меня одного! Около Рождества купилъ я мерина у Вальтера Готфрида,—черезъ двѣ недѣли захромалъ. Ужъ я ему задамъ за это. Вѣдь тысячу талеровъ заплатилъ!

Фрау Геншель. Вѣрно, дождь на дворѣ?

Геншель (вскользь). Да, да, матушка, дождь. Родной зятъ и такъ меня обдѣлалъ! (Садится на приступокъ у печки).

(Ганна зажигает сальную свѣчку и ставит ее въ жестяномъ подсвѣчникѣ на столѣ).

Фрау Геншель. Отецъ, ты всегда добрякъ такой. Ты не допускаешь худого въ людяхъ.

Груннертъ (садится за столъ и пишетъ рецептъ). Я вамъ что-нибудь выпишу изъ аптеки.

Фрау Геншель. Охъ, если еще и гнѣдой околѣетъ! Нѣтъ, Богъ этого не допуститъ.

Геншель (протягивая Ганнѣ ногу). Иди-ка, стащи съ меня сапоги! Ну ужъ и дуло съ Фрейбурга! Люди говорятъ, будто полъ церковной крыши оторвало внизу, въ Нидердорфѣ. (Ганнѣ) Вотъ мямля. Скоро, что ли?

Фрау Геншель (Ганнѣ). Я не понимаю, какъ до сихъ поръ этого и то не умѣешь.

(Ганнѣ удается стащить одинъ сапогъ. Она ставитъ его въ сторону и берется за другой).

Геншель. Успокойся, мать. Ты лучше не сдѣлаешь.

(Ганнѣ удается снять и второй сапогъ; она ставитъ его въ сторонѣ и тутъ же непривѣтливо обращается къ Геншелю).

Ганна. Привезли ли вы мнѣ фартукъ изъ Крамстана?

Геншель. Этимъ еще набивать голову! Довольно съ меня за своимъ-то тряпьемъ усмотрѣть да по пути на вокзалъ боченковъ съ водой не разбить! Чтò мнѣ за дѣло до бабьихъ фартуковъ!

Груннертъ. Да, вы по этой части не ходокъ. Это извѣстно.

Фрау Геншель. Еще этого недоставало!

Геншель (въ деревянныхъ башмакахъ — поднимается, Ганнѣ). Ну, живо, живо! Бѣтъ давай. Сегодня намъ еще въ кухню надо!

Груннертъ (всталъ, оставилъ рецептъ на столѣ, засунулъ въ карманъ записную книжку и карандашъ и говоритъ, намѣреваясь уйти). Скорѣе въ аптеку съ этимъ! А завтра, раненько утромъ, я проверю.

(Геншель садится къ столу).

Гауфе (медленно входитъ. Онъ въ деревянныхъ туфляхъ и кожаныхъ штанахъ и также держитъ въ рукахъ зажженный фонарь). Опять подлая погода!

Геншель. А какъ дѣла на конюшнѣ? А?

Гауфе. Того и гляди, все стояло разнесетъ. (Тушитъ фонарь и вѣшаютъ рядомъ съ Геншелевымъ).

Груннертъ. Покойной ночи всей компаніи. Приходится обождать. Мы, доктора, вѣдь тоже только люди.

Геншель. Разумѣется. Это само собой извѣстно. По-

койной ночи. Смотрите, не кувырнитесь. (Груннертъ уходит). Ну, скажи однако, матушка, какъ ты?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Опять должна была злиться.

ГЕНШЕЛЬ. Кто же тебя злитъ?

(Гауфе садится за столъ).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну, кто тамъ! Самой на себя приходится пенять, коли ни за что не въ силахъ взяться.

(Ганна ставитъ на столъ одну чашку съ клецками, другую съ кашей, достаетъ изъ стола вилки и раскладываетъ ихъ).

ГЕНШЕЛЬ. На то у насъ и двѣушка есть.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну, у ней вѣтеръ въ головѣ.

ГЕНШЕЛЬ. Ну, у насъ есть чтò ѣсть. Дѣла идутъ на ладъ. Если бы ты слишкомъ рано не поднялась, сегодня хоть въ пляску могла бы пуститься.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. О, Господи! Плясать!.. Гдѣ ужъ тутъ!

(Ганна подаетъ три тарелки съ кускомъ свинины на каждой. Привдвигаетъ для себя табуретъ и садится за столъ).

ГАУФЕ. Овесъ на исходѣ.

ГЕНШЕЛЬ. Я купилъ тридцать мѣшковъ вчера. Въ субботу еще привезутъ возъ сѣна. Кормъ все дорожаетъ.

ГАУФЕ. Коли скотина работаетъ, она должна ѣсть.

ГЕНШЕЛЬ. А тѣ думаютъ, что скотина живетъ воздухомъ, и опять хотятъ сбавить цѣну за извозъ.

ГАУФЕ. Онъ въ родѣ этого что-то и мнѣ говорилъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Завѣдующій водами?

ГЕНШЕЛЬ. А кто же еще! Только на этотъ разъ меня не обойдешь.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Нѣтъ, это ужъ черезчуръ, братцы! Куда же намъ дѣться въ такія скверныя времена.

ГАННА. Смотритель шоссе приходилъ сюда. Кажись, вамъ придется завтра послать лошадей къ большому катку. Теперь онъ у Гингергарта.

(По лѣстницѣ за стеклянной дверью сходитъ господинъ ЗИБЕНГААРЪ. Около сорока лѣтъ; очень тщательно одѣтъ въ черный сюртукъ, бѣлый жилетъ, свѣтлыя англійскія брюки. Элегантность — конца шестидесятихъ годовъ. Уже посѣдѣвшіе волосы представляютъ собой хорошо расчесанный вѣнокъ вокругъ лысины. Зато усы, напротивъ, пышны и темно-русы. Зибенгааръ носитъ золотые очки, но если хочетъ что-нибудь разсмотрѣть внимательно, онъ прибѣгаетъ также къ золотому пенсне, надвывая его за очками. Представляетъ собой типъ интеллигента).

ЗИБЕНГААРЪ (входитъ, держа въ правой рукѣ жестяной подсвѣчникъ съ незажженной свѣчкой и связку ключей. Онъ идетъ къ полукруглой комнатной двери и, заглядывая туда, а лѣвую руку держитъ надъ чувствительными глазами). Геншель уже дома?

Геншель. Такъ точно, господинъ Зибенгааръ.

Зибенгааръ. Но вы какъ разъ купаете. А мнѣ нужно кое-что сдѣлать въ погребѣ. Мы можемъ поговорить послѣ объ этомъ.

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ, изъ-за меня... передо мною... Я уже готовъ.

Зибенгааръ. Такъ лучше пойдемте наверхъ. (Онъ входитъ, зажигаетъ свою свѣчу отъ свѣчи, стоящей на столѣ). Я хочу только свою свѣчу зажечь. Въ моей конторѣ намъ не помѣшаютъ. Какъ чувствуете себя, фрау Геншель? По вкусу ли вамъ-пришелся куриный супъ?

Фрау Геншель. Скажите на милость, — а я вѣдь о немъ и забыла!

Зибенгааръ. Не можетъ быть.

Ганна (увидавъ горшокъ съ супомъ). Такъ и есть — вотъ онъ!

Геншель. Вотъ она какова! Хочетъ выздоровѣть, а между тѣмъ забываетъ пить и ѣсть.

(Сильный порывъ вѣтра).

Зибенгааръ. Скажите, пожалуйста, какъ вы полагаете. Моя жена еще на пути въ Вальденбургъ, а непогодъ все усиливается, все ухудшается. Это безпокоитъ меня. А какъ вы на этотъ счетъ?

Геншель. Оно не такъ плохо на самомъ дѣлѣ, какъ кажется.

Зибенгааръ. Э, не слѣдуетъ выкидывать такіе фокусы. Вы не слышали, какъ задребезжало? Одно изъ большихъ оконъ на террасѣ... вы знаете, въ столовой... вѣтеръ разбилъ. Страшная буря!

Геншель. Эхъ, люди, люди добрые!

Фрау Геншель. Опять плачутъ денежки!

Зибенгааръ (уходя влѣво, подвальнымъ ходомъ). Одна смерть бесплатно.

Геншель. У него тоже хлопотъ полнотъ ротъ

Фрау Геншель. Что ему отъ тебя опять понадобилось, отецъ?

Геншель. Ничего... Какъ знать... Вотъ услышу.

Фрау Геншель. Не потребовалось бы опять денегъ!

Геншель. Что ты! Не мели вздоръ, матушка.

Ганна. Если у людей недостатка, зачѣмъ же требуетъ жена шляпу въ четыре талера?

Геншель. Держи языкъ за зубами. Тебя не спрашиваютъ. Суй свой носъ въ каванию, а не въ чужія дѣла.

Такой домъ надо содержать. Восемь недѣль въ году еще есть доходъ, а тамъ добывай, какъ знаешь.

Гауфе. Къ этому еще строятся началъ!

Фрау Геншель. Это-то его и подкузьмило. Лучше бы ужъ и не браться!

Геншель. Не бабьяго ума это дѣло. Онъ долженъ былъ строить,—иначе не могъ. Нынче у насъ прїѣзжіе валомъ ваять. Раньше и половины этого не было. Но тогда у нихъ денежки водились, а теперь они норовятъ все даромъ. Налей-ка рюмочку. Я выпью.

Гауфе (медленно складывая свой карманный ножъ, собирается подняться). Сорокъ комнатъ, три большія залы, и въ нихъ никого, кромѣ крысъ и мышей. Откуда тутъ издержки по-кроены! (Поднимается).

Франциска Вермельскирхъ (заглядываетъ. Она живая, славная дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Длинные темные волосы ея распущены. Костюмъ нѣсколько эксцентриченъ: юбочка бѣлая, короткая; блузка съ острыми вырѣзомъ; шарфъ цвѣтной, длинный. Руки довольно высоко обнажены. На шеѣ цвѣтная ленточка съ золотымъ крестикомъ).

Франциска (оживленно). Господинъ Зибенгааръ вѣдь только-что былъ здѣсь? Желаю вамъ прїятнаго аппетита, господа. Я только хотѣла васъ спросить: не былъ ли здѣсь внизу только-что господинъ Зибенгааръ?

Фрау Геншель (непріязненно). Мы этого не знаемъ. У насъ его не было.

Франциска. Нѣтъ?.. Я думала... (Она кокетливо ставитъ ногу на приступокъ и зашнуровываетъ ботинокъ).

Фрау Геншель. Зибенгааръ справа, Зибенгааръ слѣва. Что вы носитесь съ этимъ человѣкомъ?

Франциска. Я?—Ничуть! Онъ, видите ли, очень любитъ гусиную печенку. У мамы какъ разъ готовится,—вотъ папа и послалъ меня извѣстить его объ этомъ. Между прочимъ, знаете что, г-нъ Геншель,—вы тоже могли бы какъ-нибудь опять къ намъ придти.

Фрау Геншель. Нѣтъ, ужъ отца-то оставь въ покоѣ. Этого еще недоставало! Ему теперь не до того, чтобы по трактирамъ бѣгать!

Франциска. А сегодня откупорили свѣжую бочку пива. (Гауфе ухмыляется. Ганна громко смѣется).

Геншель. Ты, матушка, лучше о себѣ заботься. Если я захочу пойти выпить кружку пива, будь увѣрена, не стану ни у кого спрашиваться.

Франциска. Какъ поживаете, фрау Геншель?

Фрау Геншель. Вотъ завтра я обвяжусь шарфомъ и пушусь плясать по канату.

Франциска. И я съ вами. Я это отлично умѣю. Я все на каретныхъ дышлахъ упражняюсь.

Геншель. Такъ вотъ отчего дышла такъ обвисли!

Франциска. Глядите... Вотъ какъ это дѣлается. Тѣмъ, вотъ надо балансировать. (Подражаетъ движеніямъ танцовщицы на канатѣ, танцуя, выходитъ за дверь). Правой—лѣвой. *Au revoir*. (Уходитъ).

Гауфе (снямая фонарь). Ну, эта быстро свихнется, если скоро не выйдетъ замужъ.

Фрау Геншель. Если бы она дѣломъ занялась... Я бы эту дурь скоро вышибла у нея изъ головы.

Ганна. А наверхъ-то она не смѣетъ идти. Этого мадамъ не терпѣть.

Фрау Геншель. Она-таки права. Я тоже не потеряла бы!

Ганна. И то она за бариномъ словно собачонка вяжется. Ну и пускай бы, да ужъ очень она черезъ край хватается.

Фрау Геншель. Зибенгаару слѣдовало бы прогнать этихъ людей. Прямо безобразіе съ женщинами, да и парни эти тоже хороши!

Геншель. Эй, мать, чѣмъ ты разболталась?

Фрау Геншель. Ну да, въ пивной у нихъ...

Геншель. Люди хотятъ жить, какъ и мы. На улицу, что ли, ему ихъ выкинуть? Вермельскирхъ не злой человекъ.

Ганна. Зато его жена—старая вѣдьма.

Геншель. Неужели же изъ-за нея... А коли онъ хорошо платитъ аренду... А ужъ изъ-за этой дѣвочки совсѣмъ невозможно такъ поступить. (Встать и наклонился надъ мольбой). Вотъ вѣдь и у насъ такая же крошка. Не вылетимъ же мы изъ-за нея отсюда?

Фрау Геншель. Какъ бы не такъ! Она спитъ себѣ, никому не помѣха.

Геншель. Ну, да и утѣхи мало. Однако, мать, ты помереть не вздумай! (Снимая шлягу съ гвоздя) Ну, Ганна, я тебя давеча одурачилъ: фартукъ твой въ телѣгѣ на дворѣ.

Ганна (живо). Гдѣ-жъ это?

Геншель. Въ облучкѣ. Поди и сыщи. (Уходить въ среднюю дверь. Ганна также уходитъ въ сосѣдную комнату).

Фрау Геншель. Все-таки передникъ-то ей привези!

(Ганна вскорѣ выходитъ изъ каморки, удаляется черезъ среднюю дверь).
Такъ-таки привезъ ей передники!

ЗИБЕНГААРЪ (осторожно входитъ, какъ прежде, со свѣчой и ключомъ и, кромѣ того, съ двумя бутылками краснаго вина). Вы одна, фрау Геншель?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А все-таки—фартукъ...

ЗИБЕНГААРЪ. Это я, фрау Геншель... Вамъ, вѣрно, представилось...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Нѣтъ, думается,—врядъ ли...

ЗИБЕНГААРЪ. Ужъ не разбудилъ ли я васъ? Я—Зибенгааръ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Всеконечно... всеконечно...

ЗИБЕНГААРЪ. Я вамъ чуточку винца принесъ. Вы должны пить его; это полезно вамъ. Но вы, кажется, и теперь еще не узнаете меня?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну нѣтъ... Еще что!.. Это, разумеется, вы... Всеконечно... Вы вѣдь нашъ господинъ Зибенгааръ... До этого еще со мной не дошло... Васъ-то ужъ я узнаю!.. Не знаю, попритчилось мнѣ, или что?..

ЗИБЕНГААРЪ. Это случается. А какъ теперь вы себя чувствуете?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Несомнѣнно, это вы, господинъ Зибенгааръ.

ЗИБЕНГААРЪ. Вы меня приняли за вашего мужа?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Не знаю... Я, конечно, не могу утверждать... Мнѣ какъ-то было...

ЗИБЕНГААРЪ. Вы, кажется, ложите неудобно. Не поправить ли вамъ подушки? Аккуратно ли васъ посѣщаетъ докторъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (плаксиво, разстроено). Не знаю совсѣмъ... Они меня все одну покидаютъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы — Зибенгааръ... знаю... А знаете что... Я вамъ вотъ что скажу... вы всегда были добры ко мнѣ... У васъ доброе сердце, хотя иногда вы напускаете на себя суровость... Вамъ я могу открыться... я все боюсь... страхъ какой-то тревожить. Все думается, слишкомъ это затягивается...

ЗИБЕНГААРЪ. Что затягивается?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (плача). Слишкомъ долго живу... Что станетъ съ Густель?

ЗИБЕНГААРЪ. Но что вы говорите, милая фрау Геншель?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (всклипывая). Что будетъ съ Густель, когда я умру?

ЗИБЕНГААРЪ. Фрау Геншель, вы всегда были благораз-

умны. Послушайте меня, фрау Геншель: если приходится лежать, такъ вотъ покорно лежать въ кровати... видите ли... недѣлю за недѣлей... какъ, къ сожалѣнію, теперь вы... По-нятно, въ голову лѣзутъ всякія несообразности, и даже по-вѣсть что мерещится. Надо подбодриться... Недоставало, чтобы такъ распуститься... Такая чепуха!.. Вонъ ее изъ головы! Все это вздоръ... Пустяки...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Вы милые люди... Вы не хотите вѣ-рять... Я знаю, что говорю.

ЗИБЕНГААРЪ. Нѣтъ, вы не знаете... Именно теперь-то вы этого и не знаете, къ сожалѣнію... Если припомнить потомъ, будете смѣяться. Это ужъ навѣрняка.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (въ страстномъ порывѣ). Развѣ онъ ее въ каморкѣ не навѣстилъ?

ЗИБЕНГААРЪ (до пельзи взумленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ не-довѣрчиво). Что такое? Кто такіе?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну, Геншель... и дѣвушка!..

ЗИБЕНГААРЪ. Вашъ мужъ!.. И Ганна! Ну, знаете... Кто тамъ это сказалъ, тотъ подлый лгуны.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А послѣ моей смерти онъ ее все-таки возьметъ. (Геншель появляется въ дверяхъ).

ЗИБЕНГААРЪ. Это ваша фантазія.

ГЕНШЕЛЬ (въ добродушномъ изумленіи). Что съ тобой, Маль-хенъ? Что ты опять хнычешь?

ЗИБЕНГААРЪ. Геншель, вы не должны покидать жену!

ГЕНШЕЛЬ (подходить дружески къ самой постели). Кто-жъ тебя обижаетъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (сердато поворачивается къ Геншелю спиной, лицомъ къ стѣнѣ). О, оставь меня въ покоѣ!

ГЕНШЕЛЬ. Что это еще такое?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (сдавленнымъ отъ слезъ голосомъ востъ). О, уходи!

ГЕНШЕЛЬ (недоумѣвающе - вопросительно смотритъ на Зибен-гаара, который покачиваетъ головой, протпрая свое пенсне).

ЗИБЕНГААРЪ (тихо). Оставьте пока въ покоѣ вашу жену.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (попрежнему). Въ могилу хотите меня свести!

ЗИБЕНГААРЪ (къ Геншелю, который готовъ вспылить). Тс... Сдѣлайте мнѣ одолженіе... Тихе!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. На то у меня и глаза! Не ослѣпли еще! Мнѣ нечего открывать... Въ насъ больше не нуждаются, — можно убираться.

ГЕНШЕЛЬ (старается сдержаться). Чтò подразумеваешь ты, Мальхенъ, подъ этимъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Да, да, притворяйся!..

ГЕНШЕЛЬ (теряя голову). Ну, скажи мнѣ только...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Пусть будетъ, чтò будетъ. Я никогда не дамъ себя провести, хотя бы вы еще ловчѣй прятались... Я вижу сѣвось стѣны... и васъ насквозь вижу. Чтò—нѣтъ!.. Дудки! Вы думаете, женщину такъ легко обмануть... Дудки! Одно знай... Если я умру, умереть и Густель со мной. Я возьму ее съ собой. Лучше задушить ее, чѣмъ покидать на анаемскихъ дѣвокъ.

ГЕНШЕЛЬ. Эхъ, матушка! Чтò тебѣ мерещится?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Въ могилу меня хотите свести!

ГЕНШЕЛЬ. Ну, перестань наконецъ, а то я осатапѣю!

ЗИБЕНГААРЪ (предостерегая). Тише, Геншель... Вѣдь она больна.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (услылавъ это). Больна? А кто меня довель до болѣзни? Вы оба: дѣвка и ты.

ГЕНШЕЛЬ. Мнѣ хотѣлось бы только допытаться, кто тебѣ вбилъ въ голову эту ерунду. Дѣвчонка и я! Да пусть сейчасъ громъ разразится... Да чтò же между нами общаго?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А развѣ ты не привозишь ей фартучки да ленточки?..

ГЕНШЕЛЬ (снова безпомощно). Фартучки да ленточки?..

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Да, фартучки да ленточки!..

ГЕНШЕЛЬ. Ну, это ужъ черезчуръ!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Развѣ она тебѣ не угрождаетъ? Развѣ она отъ тебя слышитъ рѣзкое слово? Развѣ она не такъ себя держитъ, точно хозяйка?

ГЕНШЕЛЬ. Мать, молчи лучше... Молчи, говорю тебѣ!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ты долженъ молчать, потому что тебѣ нечего отвѣтить.

ЗИБЕНГААРЪ (около кровати). Фрау Геншель, успокойтесь. Это вѣдь вы все изъ нальца высосали.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. И вы не лучше... Вы такъ же поступаете... Бѣдныя женщины! Это-то ихъ и губить. (Заливаясь слезами) Пусть гибнуть.

ЗИБЕНГААРЪ (смѣется коротко, серьезно подходитъ къ столу и раскупориваетъ бутылку краснаго вина).

ГЕНШЕЛЬ (опустился на край кровати и примпрительно говоритъ). Матушка, матушка! Повернись-ка ко мнѣ. Я по-доброму тебѣ слово скажу. (Поворачиваетъ ее съ ласковымъ насилиемъ). Ну, вотъ видишь, мать... Тебѣ померещилось...

Просто во снѣ привидѣлось... Нашему Шпицу тоже иногда привидится что-нибудь... Но теперь очнись. Поняла, мать? Ты столько ерунды нагородила, что самый большой биндюгъ рухнетъ, если его этимъ нагрузить. У меня до сихъ поръ голова кругомъ идетъ отъ этого.

Зибенгааръ (ищетъ стаканъ и, найдя, наливаетъ въ него). И мнѣ попутно досталось.

Геншель. Не обидьтесь, сдѣлайте милость. Такая баба! Маята съ ней! Нѣтъ, выздоравливай-ка лучше! А то дойдегъ до того... какъ ты мнѣ какъ-то сказала, что я чужихъ лошадей увелъ.

Зибенгааръ. Вотъ пейте вино и подкрѣпитесь.

Фрау Геншель. Коли-бъ знаты! (Зибенгааръ поддерживаетъ ее, пока она пьетъ).

Геншель. Что такое опять?

Фрау Геншель (выпивъ вино). Можешь ли ты общать?

Геншель. Все, что ты хочешь.

Фрау Геншель. Если бы я умерла, ты бы женился на ней?

Геншель. Не спрашивай такихъ глупостей.

Фрау Геншель. Да или нѣтъ?

Геншель. На Гаянѣ? (Шутливо) Само собой... Понятно.

Фрау Геншель. Скажи серьезно.

Геншель. Ну, послушайте только, г-нъ Зибенгааръ. Что сказать на это? Ты же не умрешь!

Фрау Геншель. А если умру?

Геншель. Такъ я, разумеется, тоже ее не возьму. Вотъ видишь, и узнала... Кончимъ теперь эту чепуху.

Фрау Геншель. Можешь пообщать?

Геншель. Что такое? Что пообщать?

Фрау Геншель. Что ты эту двушку не возьмешь?

Геншель. Могу и общать.

Фрау Геншель. Руку?

Геншель. Да вѣдь сказалъ! (Кладетъ свою руку въ ея). Ну, а теперь довольно... Оставь меня съ этой чепухой въ покоѣ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Прекрасный майскій полдень. Комната перваго дѣйствія. Кровати, въ которой лежала фрау Геншель, уже нѣтъ. Окно, гдѣ кровать стояла, открыто.

ГАННА (работаетъ съ засученными рукавами, у локанки, съ лицомъ, обращеннымъ къ окну).

ФРАНЦЪ (тоже съ засученными рукавами и завернутыми штанами. Голая нога въ деревянный туфляхъ. Возвращается съ бадьей; онъ только-что мылъ экипажи. Игриво-грубо). Ганна, я пришелъ навѣстить тебя. Эхъ, Господи! Нѣтъ ли у тебя маленько теплой воды? А?

ГАННА (швырнула постирку сердито съ доски въ локанъ и перешла къ лещѣ). Не лѣзь ты такъ часто.

ФРАНЦЪ. Ну, ну... Что тутъ такого?

ГАННА (наливая горячую воду въ его ведро). Нечего разспрашивать. Недосугъ мнѣ.

ФРАНЦЪ. Я мою повозку. Тоже не бездѣльничаяю.

ГАННА (вспыливъ). Оставь ты меня въ покоѣ, сдѣлай одолженіе. Сколько я тебѣ говорила!

ФРАНЦЪ. Что-жъ такое я тебѣ дѣлаю?

ГАННА. Не приставай такъ ко мнѣ.

ФРАНЦЪ. Ты, вѣрно, забыла, что между нами?

ГАННА. Ровно ничего. Да и что можетъ быть между нами? Я иду своей дорогой, ты своей. Вотъ и всѣ отношенія между нами.

ФРАНЦЪ. Это для меня изъ новостей новость.

ГАННА. А для меня это старое.

ФРАНЦЪ. Должно-быть... Ганна... что же произошло?

ГАННА. Ничего... Ровно ничего... Только оставь меня въ покоѣ.

ФРАНЦЪ. Развѣ ты можешь пожаловаться на меня? Развѣ я тебѣ измѣнялъ?

ГАННА. А мнѣ что за дѣло. Шляйся, съ кѣмъ хочешь... Мнѣ все равно.

ФРАНЦЪ. Съ какихъ это поръ, Ганна?

ГАННА. Съ сотворенія міра.

ФРАНЦЪ (взволнованно, плаксиво). Ты врешь, Ганна.

ГАННА. Такъ еще попытайся. Меня это меньше всего трогаетъ. Не очень-то этакъ повезетъ тебѣ у меня. Я не позволю тебѣ упрекать меня во лжи. Коротко и ясно. Пора положить этому конецъ! А если ты такой толстокожій и ничего не понимаешь,—такъ прямо тебѣ скажу и вобью въ твою башку: все кончено между нами.

Францъ. Это ты серьезно?

Ганна. Все между нами кончено. Помни это, Францъ.

Францъ. Ладно. Такъ и запишемъ! (Все больше и больше волнуясь и въ концѣ концовъ скорѣо плача, чѣмъ говоря) Ты не думай, что я такъ глупъ. Я это не сегодня замѣтилъ. Я только полагалъ, что ты наконецъ образумишься.

Ганна. Такъ я и сдѣлала.

Францъ. Кто какъ понимаетъ! Я, конечно, бѣднякъ, а у Геншеля полный сундукъ денегъ. Если хорошенько поразмыслить, такъ ты и вправду поумнѣла.

Ганна. Начни еще такъ... Ну, ужъ тутъ и вовсе прогоришь.

Францъ. Развѣ это не правда? Развѣ ты не стараешься во что бы то ни стало стать фрау Геншель? Развѣ я не правду говорю? Это вѣдь вѣрно.

Ганна. Это мое дѣло. Тебя не касается. Пусть каждый о себѣ заботится.

Францъ. Ну, а если я, только заботясь о себѣ, пойду къ Геншелю и скажу, что Ганна обѣщала замужъ за меня, и мы ужъ поладили.

Ганна. Попробуй только.

Францъ (почти плача отъ ярости и обиды). Я и попробую. Ты заботишься о себѣ, а я о себѣ позабочусь тоже. Какова ты, таковъ и я! (Вдругъ мѣняя тонъ) Я тебя вовсе не хочу знать. Ты хоть на шею мнѣ повѣсься, а такая дѣвка слишкомъ плоха для меня.

Ганна. Вотъ видишь, это наконецъ помогло.

(Въ то время, какъ Ганна продолжаетъ работать надъ лоханью, въ проходѣ появляется вдали Вермельскирхъ, мужчина пятидесяти лѣтъ, несомнѣнно бывший актеръ. Онъ въ истрепанномъ халатѣ, вышитыхъ туфляхъ, курить изъ длинной трубки).

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (послѣ того какъ, незамѣченный Ганной, онъ нѣкоторое время смотрѣлъ въ комнату). Дошелъ до васъ кашель?

Ганна. Чей это?

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Да какъ же? Наверху ужъ одинъ гость *) есть.

Ганна. Да ужъ пора! Вѣдь ужъ половина мая!

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (медленно переступаетъ порогъ и вполголоса мурлычить).

Чохотки кандидатъ я... Ахъ,
Видивидивить, бумъ-бумъ...
И скоро жизни моей крахъ...
Видивидивить, бумъ-бумъ!

---

*) Kurgast.

(Ганна смѣется надъ лоханью). Вотъ такую штуку слышать — одно удовольствіе. Сейчасъ видно, что дѣло наступаетъ.

Ганна. Еще одна ласточка весны не дѣлаетъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (устраивается на прищечкѣ). Гдѣ же Геншель?

Ганна. На кладбище поѣхалъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Такъ: вѣдь сегодня день рожденія его жены. (Пауза). А старика это здорово подкузьмило. Скажите, когда же онъ вернется?

Ганна. Не знаю, право, зачѣмъ вообще ему нужно было тащиться. Лошади до варазъ нужны. А онъ къ тому же взялъ съ собою новаго кучера.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Э, Ганна... Досада портить аппетитъ.

Ганна. Да вѣдь правда. Онъ все забросилъ. Омнибусъ долженъ во-время отѣхать. Одиночка еще стоитъ грязная, а Гауфе — того съ мѣста не сдвинешь... Этотъ старый хрычъ... его, какъ сухую палку, не согнешь.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Да, да, начинается работа. Дѣла — бугры. Главный поваръ наверху тоже сегодня вступаетъ въ должность. Да и въ передней пивной я тоже уже замѣтилъ.

Ганна (коротко смѣясь). По васъ еще не видно, что вы очень заняты.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (не обижаясь). Это будетъ со временемъ. Позже, eleven o'clock. Тогда я на всѣхъ парахъ пушусь въ дѣло.

Ганна. На всѣхъ парахъ! Пойдетъ дѣло... Это я могу себѣ представить... Трубка-то ужъ навѣрное, при этомъ не будетъ остывать.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (ухмыляясь). Вы всегда колки, сударыня. Колка, какъ иглока!.. Сегодня у насъ къ столу... Стойте... первое—контрабасъ... второе—виолончель... третье—двѣ первыхъ скрипки и двѣ вторыхъ скрипки... Третье: двѣ первыхъ... три первыхъ... двѣ вторыхъ... три вторыхъ... двѣ первыхъ... Теперь они у меня всѣ перепутались... въ концѣ концовъ канелла въ десять человѣкъ... Что же вы смѣетесь? Думаете—сочиняю? А какъ вы полагаете, сколько пожираетъ одинъ контрабасъ? Вы будете поражены... Это ли еще не дѣло!

Ганна (нахохотавшись). Конечно... у кухарки будетъ дѣловы!

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (просто). Моя жена, дочь, вся семья...

Мы всё должны будемъ добросовѣстно повозиться. А когда лѣто пройдетъ,—оказывается, сыграли въ пустую.

Ганна. Не понимаю, чего вамъ жаловаться. Вы дѣлаете въ домѣ самыя лучшія дѣла. Пивная у васъ не пустуетъ никогда — и зимой и лѣтомъ. Если-бъ я была на мѣстѣ Зибенгаара, я бы васъ подтянула! Вы бы у меня не отдѣлались какими-нибудь паршивыми тремястами талеровъ! Меньше тысячи не прошло бы. И все-таки у васъ бы довольноно осталось.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (поднялся и, посвистывая, расхаживаетъ). Еще не угодно ли вамъ чего? У меня со страху даже трубка потухла.

ГЕОРГЪ (молодой, живой ловкій кельнеръ быстро идетъ съ заitraкомъ на подносѣ по лѣстницѣ за стеклянной дверью. Еще за дверью онъ изумленно останавливается, но все-таки ее открываетъ, смотреть въ подвальный ходъ направо, потомъ налево, внизъ). Чортъ поberi, куда я попалъ!..

Ганна (смѣясь у лохани). Вы заплутались. Поворачивайте назадъ.

ГЕОРГЪ. Это-жъ прямо Богъ знаетъ что такое! Голова идетъ кругомъ. Въ этомъ лабиринтѣ и лошадь пути не сыщеть.

Ганна. Вы, вѣроятно, только-что поступили?

ГЕОРГЪ. Ну да, только вчера. Ну, скажите на милость, со мной еще этого никогда не бывало. Я не въ одномъ домѣ побывалъ, но тутъ надо брать проводника.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (преувеличивая саксонскій акцентъ). Скажите, вы не изъ Дрездена?

ГЕОРГЪ. Мейсенъ — мой родной городъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Да неужто! Ахъ, Господи Иисусе!..

ГЕОРГЪ. Какъ же отсюда пройти?.. Скажите на милость!

Ганна (подтянувшись въ присутствіи кельнера, по-своему коротничая). Все назадъ... и лѣстница вверхъ. Намъ внизу такіе ласточкины хвосты не ко двору.

ГЕОРГЪ. Здѣсь бельэтажъ *), не правда ли?

Ганна. Вы воображаете, что это собачья конура *), что ли? Мы облаемъ, что ли, васъ? Здѣсь, внизу, живутъ благородные люди.

ГЕОРГЪ (заигрывая). Ну, красотка, красотка... Знаете что. Идите и покажите мнѣ дорогу. Съ вами я не буду бояться, хотя бы вы повели меня въ погребъ, на сѣноваль или куда бы то ни было...

*) Belien—лаять. Каламбуръ.

Ганна. Проваливайте-ка своей дорогой. Нечего сказать, вы подъ стать мнѣ! Такихъ борзыхъ у насъ довольно!

Георгъ. Не помочь ли мнѣ вамъ постирать, красавица?

Ганна. Ну, если вы на это разсчитываете, то я могу вамъ прибавить усердія вотъ этимъ. (Вынимаетъ половину бѣлья изъ воды). Только ужъ тогда поищите манишку.

Георгъ. Неужто! Не превратите же вы меня въ такую свинью! Немыслимо! Не идете! Ну, да мы еще объ этомъ потолкуемъ. Не правда ли, красавица? Ну, конечно, не-премѣнно! Мы еще потолкуемъ объ этомъ, когда у меня будетъ время... Потомъ, въ другой разъ... (Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ).

Вермельскирхъ. Ну, ужъ этотъ не заблудится такъ скоро. Дорогу изъ столовой на кухню Зибенгааръ ему укажетъ! Ганна, когда же вернется Геншель?

Ганна. Ну, такъ—къ обѣду. Передать ему что-нибудь?

Вермельскирхъ. Да, скажите ему, только не забудьте!—скажите ему, что я ему кланяюсь.

Ганна. Глупости... Представляю себѣ, что это такое.

Вермельскирхъ (проходитъ мимо нея съ легкимъ поклономъ). На мысли пошлѣны нѣтъ. До свиданья. (Уходитъ).

Ганна (быстро стираетъ). Эхъ, если бы только Геншель не былъ такъ глупъ!

(Снаружи, передъ окномъ, старьевщикъ Фавихъ смотритъ въ окно).

Фавихъ. Доброе утро, молодка. Какъ поживаете? Какъ дѣла?

Ганна. Кто вы такой будете?

Фавихъ. Я-то? Фавихъ изъ Квальсдорфа. Какъ же это вы меня не узнаете? Я съ поклономъ отъ вашего отца. Онъ велитъ вамъ сказать... Да я лучше зайду къ вамъ.

Ганна. Хорошо ужъ... Я знаю. Опять онъ денегъ кланчить. У меня самой всего ничего.

Фавихъ. Я ему то же говорилъ, а онъ вѣрить не хочетъ. Вы одна, молодка?

Ганна. А вамъ что?

Фавихъ (понякая голосъ). Вотъ видите ли... У меня то и другое на умѣ. Черезъ окно—пожалуй, люди услышать.

Ганна. А по мнѣ, хоть войдите. (Фавихъ скрывается отъ окна). И что это его какъ разъ нынче принесло! (Вытираетъ руки).

Фавихъ (входитъ. Старьевщикъ, бѣдно одѣтъ, вертясь, лѣтъ тридцати шести, съ скудной бородкой). Доброе утро, молодая хозяйка.

ГАННА (съ сердцемъ). И вовсе я не молодая хозяйка, — это во-первыхъ.

ФАВИХЪ (чукаво). Хоть бы и такъ... Все едино, ждать недолго.

ГАННА. Это бабьи бредни и только...

ФАВИХЪ. Я тутъ не при чемъ: такъ слышалъ. Что же, люди вездѣ такъ судачать; вѣдь Геншельна умерла.

ГАННА. Пускай судачать, мнѣ ни почемъ. Я дѣлаю свое дѣло. Что мнѣ!

ФАВИХЪ. Это по-моему. Оно такъ лучше всего. Какихъ мнѣ собакъ на шею ни вѣшали! Въ Альтвассерѣ я будто бы голубей свистнулъ... Какая-то собачонка за мной побѣжала, — люди сейчасъ сплели, что я ее укралъ.

ГАННА. Если вамъ нужно что-нибудь мнѣ сказать, — короче!

ФАВИХЪ. Вотъ оно что! Видите... Такъ оно и есть. Это по-моему. Люди всегда слишкомъ много болтають. У нихъ какихъ-нибудь двѣ-три тряпки, а нашумятъ такъ, какъ будто они продають цѣлое хозяйство. Въ такомъ случаѣ — два слова. Дѣло въ томъ, молодка... Сдѣлайте одолженіе, не обижайтесь... оговорился... Я хотѣлъ сказать — дѣвица... Это касается вашей дочки.

ГАННА (вспыльчиво). Нѣтъ у меня никакой дочки, если хотите знать. Дѣвочка, которая у моего отца, это дочка сестры.

ФАВИХЪ. Ну, коли такъ, другой разговоръ. А мы-то всё думаемъ, что дѣвочка ваша. А гдѣ же ваша сестра?

ГАННА. Кто ее знаетъ, гдѣ она. Она не такъ проста, чтобы отзываться... Справляйтесь, молъ, какъ угодно.

ФАВИХЪ. Эхъ, народъ, народъ! Опять штуки! А я бы голову далъ на отсѣченіе, что это такъ. Да не только я, но и всё мы вмѣстѣ у насъ, въ Квальсдорфѣ, рискнули бы утверждать, что вы — мать этой крошки.

ГАННА. Да, да, я ужъ знаю, кто это на меня взваливаетъ. Я бы могла всѣхъ ихъ поименно назвать. Они бы душой рады меня въ шлюхи записать. Ну, попадись они мнѣ — я съ ними расквитаюсь... Попомнить!

ФАВИХЪ. Дѣйствительно, это скверная штука. А дѣло-то въ томъ, молодка, старикъ-то отецъ вашъ... вѣдь вамъ извѣстно... онъ все такой же... Онъ трезвымъ не бываетъ, все пьетъ безъ просыпа. Мать-то умерла вѣдь два года тому назадъ... При ней-то она могла эту крошку оставить. Теперь это немыслимо: домъ пустой. Онъ ее и таскаетъ

по всѣмъ трактирамъ, изъ трущобы въ трущобу. Собака и то пожалѣла бы, коли-бъ видѣла.

Ганна (вспыльчиво). А я виновата, что онъ пьетъ?

Фавихъ. Сохрани Богъ... Нисколько! Старика-то ужъ никто не удержитъ. Вопросъ въ дѣвочки. Ее-то и надо пожалѣть. Если ее не взять и не отдать въ опеку хорошимъ людямъ, такъ она и десяти недѣль не проживетъ.

Ганна (жестко). Это меня не касается. Я не могу ео взять. У меня самой хлопотъ полонъ ротъ.

Фавихъ. Приходите когда-нибудь въ Квальсдорфъ и взгляните сами. Это было бы самое лучшее. И что за дѣвчушка такая! Прямо прелестъ! Ручонки... ножонки... чистый фарфоръ... Такія аккуратненькія, делкатненькія...

Ганна. Не мой ребенокъ... Миѣ дѣла нѣтъ до него.

Фавихъ. Нѣтъ, все-таки приходите и распорядитесь, какъ и что... Просто жалость беретъ. Какъ ни зайдешь въ трактиръ... хоть въ полночь... Видите ли, мое дѣло этого требуетъ... И видншь ее съ отцомъ въ дыму, душа въ тѣлѣ переворачивается.

Ганна. Трактиршники не должны бы ему давать пить. Взяли бы кнутъ да проучили бы его,—тогда бы онъ образумился!.. Что это? Повозка заѣхала во дворъ. Вотъ вамъ пять грошей. А теперь проваливайтесь. Я это обдумаю. Теперь миѣ некогда съ этимъ возиться. Но, если вы будете здѣсь болтать во всѣхъ пивныхъ, мы съ вами поссоримся.

Фавихъ. Ну его! Какое миѣ до этого дѣло! Вамъ ли этотъ ребенокъ, вашей ли сестры, — въ церковной книгѣ смотрѣть не буду и носа тоже совать не стану. Но, если вы хотите услышать хорошій совѣтъ, самое лучшее, если вы скажете объ этомъ Геншеля; онъ вамъ головы за это не оторветъ.

Ганна (все больше возмущается, такъ какъ уже слышенъ голосъ Геншеля). Что вздоръ нести! Почернѣть можно отъ этого! (Уходить въ каморку).

ГЕНШЕЛЬ (входитъ серьезно и медленно. На немъ червыи костюмъ, цилиндръ и бѣлыя вязаныя перчатки. Останавливается, замѣчаетъ Фавиха, старается что-то припомнить).

ГЕНШЕЛЬ (просто и спокойно). Кто вы будете?

ФАВИХЪ (живо). Я покупаю тряпки, старую бумагу, попошенное платье, мебель. Словомъ, все, что попадется.

ГЕНШЕЛЬ (долго смотреть на него. Добродушно, но твердо). Вонъ отсюда!

(Фавихъ уходитъ, смущенно улыбаясь).

ГЕНШЕЛЬ (снимает цилиндръ, вытираетъ лобъ и затылокъ цвѣтнымъ платкомъ, плышу ставитъ на столъ и, повернувшись къ двери, говорить). Дѣвушка, гдѣ ты?

ГАННА. Я у Густли. Здѣсь, въ каморкѣ.

ГЕНШЕЛЬ. Ну ладно, я могу подождать. (Садится, глубоко стонетъ). Да, да... Эхъ, эхъ! Горе мое горькое!

ГАННА (входитъ, суетливо). Ёда сейчасъ будетъ на мѣстѣ.

ГЕНШЕЛЬ. Я ничего не могу ѣсть... не хочется... Я не голоденъ.

ГАННА. Ёсть и пить—на свѣтѣ жить. Я разъ служила у одного гуртовщика. Онъ не разъ говаривалъ намъ: если у кого сердечное горе или что-нибудь такое, онъ долженъ непремѣнно ѣсть, хоть и не хочется.

ГЕНШЕЛЬ. Ну, тогда свари обѣдъ, посмотримъ.

ГАННА. Не надо слишкомъ убиваться. Надо примириться съ этимъ.

ГЕНШЕЛЬ. Былъ ли переплетчикъ Горандъ?

ГАННА. Все въ порядкѣ. Сорокъ новыхъ билетовъ сдѣлано: тамъ лежать, на комодѣ.

ГЕНШЕЛЬ. Опять пошла гонка: утро за утромъ, обѣдъ за обѣдомъ, надо съ этимъ старымъ рыдваномъ ѣздить въ Фрейбургъ и перетаскивать больныхъ черезъ гору.

ГАННА. Вы слишкомъ себя утруждаете. Старый Гауфе слишкомъ ужъ неповоротливъ сталъ. Я бы не потеряла и отказала ему.

ГЕНШЕЛЬ (встаетъ, подходитъ къ окну). Мнѣ ужъ до-нельзя надоѣло это извозничество. По мнѣ, все бы лопнуло... Но нынче, такъ завтра—это мнѣ все едино. Лошадей къ живоду, повозки хоть на топливо, а для себя надо поискать веревку покрѣиче. Ну, я пойду наверхъ, къ Зибснгаару.

ГАННА. Я хотѣла бы вамъ что-то сказать.

ГЕНШЕЛЬ. Ну, чтò такое?

ГАННА. Видите, мнѣ, право, это не такъ-то легко. (При-творно плачетъ). Но мой братъ... Онъ нуждается во мнѣ. (Уже всл) Я должна буду уйти.

ГЕНШЕЛЬ (въ высшей степени пораженный). Ты, вѣрно, ошалѣла! Не дѣлай глупостей. (Ганна продолжаетъ стоять и плакать крокодильвыми слезами съ передникомъ у глазъ).

ГЕНШЕЛЬ. Ну, скажи мнѣ, дѣвушка. Неужели ты меня теперь подведешь? Это была бы штука! Кому же тогда хозяйничать? Теперь лѣто у воротъ, а ты меня хочешь безъ рукъ оставить.

ГАННА (попрежнему). Жаль мнѣ только дѣвочку.

Геншель. Если не позаботишься о ней ты, кто же позаботится?

Ганна (постепенно, какъ будто бы подавляя силой свое горе). Что-жъ подѣлаешь! Иначе нельзя.

Геншель. На свѣтѣ все можно: только пожелать надо. Прежде ты что-жъ объ этомъ ничего не говорила? А теперь вдругъ — какой-то братъ. Иль я къ тебѣ приставалъ? Не нравится тебѣ, что ли, у меня больше?

Ганна. Пора кончить съ этими пересудами!

Геншель. Какіе пересуды?

Ганна. Ужъ я и не знаю. Лучше въ сторону отъ этого.

Геншель. Если-бъ я только зналъ, что ты подъ этимъ подразумѣваешь.

Ганна. Я дѣлаю свое дѣло, получаю за это жалованье... Я не хочу, чтобы на меня плели. Когда хозяйка еще жива была, я цѣлый день возилась. Теперь, послѣ ея смерти, я тѣмъ болѣе не лѣняйничая. Пусть люди болтаютъ, что я такъ стараюсь только для того, чтобы стать хозяйкой. Я ужъ лучше найду себѣ другую службу.

Геншель (облегченно). Успокойся, если все дѣло въ этомъ.

Ганна (беретъ первую попавшуюся работу, чтобы только имѣть поводъ удалиться). Нѣтъ, нѣтъ, я уйду, я не могу остаться. (Уходитъ).

Геншель (вздѣвъ ей). Пусть люди болтаютъ. Пренебреги. Что-жъ этимъ образинамъ дѣлать, коли не сплетничать? (Снимаетъ съ себя черный скрутокъ, вѣшаетъ его, вздыхая). Заботъ не убываетъ.

Зибенгааръ (входитъ медленно, несетъ бутылку съ водой и стаканъ). Здравствуйте, Геншель.

Геншель. Спасибо, господинъ Зибенгааръ.

Зибенгааръ. Я вамъ не помѣшалъ?

Геншель. Что тамъ... Нѣтъ... Вотъ еще! Милости просимъ.

Зибенгааръ (ставитъ на столъ бутылку и стаканъ). Опять я долженъ начать свое лѣченіе. Опять долженъ возиться съ горломъ. Эхъ, Боже мой! Долженъ же отъ чего-нибудь чело-вѣкъ умереть!

Геншель. Попейте только побольше изъ источника, — выльчитесь.

Зибенгааръ. Я такъ и дѣлаю.

Геншель. И не Мюльбрунъ, и не Обербрунъ, а нашъ источникъ... Самый лучший.

Зибенгааръ. Ну, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. (Въ раздумьѣ взявъ рукой за плечо и играетъ имъ. Опомнился, за-

мѣтилъ это, бросилъ удивленный взглядъ на цилиндръ и на Геншеля и говорить неожиданно). Сегодня день рожденія вашей жены?

Геншель. Сегодня ей минуло бы тридцать шесть лѣтъ.

Зивенгааръ. Развѣ?

Геншель. Ахъ... охъ... (Пауза)

Зивенгааръ. Геншель, я васъ лучше оставлю одного. А если вамъ удобно, такъ завтра мы побесѣдуемъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Геншель. Мнѣ было бы удобнѣе сейчасъ.

Зивенгааръ. Дѣло—въ тысячѣ талеровъ.

Геншель. Знаете, г. Зивенгааръ, вмѣсто того, чтобы продолжать разговоръ, оставьте-ка эти деньги у себя до слѣдующей зимы. Видите ли, что имъ лежать здѣсь у меня? Мнѣ онѣ теперь не нужны, признаться. Не въ нихъ дѣло. А что онѣ не пропадутъ,—это я знаю.

Зивенгааръ. Ну, Геншель, я вамъ очень благодаренъ. Вы мнѣ дѣлаете большое одолженіе. Лѣтомъ выручка большая, вы это знаете, а теперь это было бы затруднительно для меня.

Геншель. Ну, вотъ видите, мы и сговорились. (Пауза).

Зивенгааръ (рассказывая). Да, да, я иногда самъ удивляюсь: въ этомъ домѣ вѣдь я выросъ, а если бы удалось хоть наполовину расквитаться, я бы съ спокойнымъ духомъ могъ нынче уѣхать отсюда.

Геншель. Ну, а я бы неохотно уѣхалъ отсюда, признаться. Я бы даже не зналъ, куда мнѣ дѣться.

Зивенгааръ. У васъ, Геншель, дѣла все шли въ гору. То, что мнѣ было препятствіемъ, подсобляло вамъ.

Геншель. У одного тамъ прорѣха, у другого здѣсь. Незвѣстно, кому хуже. Видите ли у меня, какъ пшеницу на полѣ повалило? Встанетъ ли она когда-нибудь? Мнѣ все еще не по себѣ. (Молчаніе).

Зивенгааръ. Всему свое время. Это вы должны побороть. Вамъ надо быть на людяхъ, людей послушать, посмотреть, иногда стаканчикъ пива выпить. Даже, по-моему, уйти въ дѣло, а не все думать объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ. Измѣнить нельзя,—такъ впередъ.

Геншель. Это вѣрно. Вы правы.

Зивенгааръ. Конечно, ваша жена была самая лучшая, вѣрнѣйшая женщина. Всѣ на этотъ счетъ въ одинъ голосъ. Но вѣдь вы человѣкъ живой, Геншель. Вы еще мужчина въ соку, вамъ еще много предстоитъ въ жизни. Еще кто знаетъ, что вамъ суждено. Это не значить, что вы должны

забыть свою жену. Наоборотъ. Да этого и подумать нельзя о такомъ человѣкѣ, какъ вы. Но вы должны почитать ея память здраво. Тутъ вѣдь все равно ничему не поможешь. Я ужъ давно наблюдаю за вами и давно рѣшилъ про себя усовѣстить васъ. Вы слишкомъ поддаетесь своему горю.

Геншель. Что-жъ тутъ подѣлаешь? Я не спорю, вы правы, но иногда теряешь голову. Хочешь взяться за дѣло,—чего-то не хватаетъ. Четыре глаза лучше видятъ, чѣмъ два; четыре руки тоже гораздо больше могутъ сдѣлать. Лѣтомъ столько экипажей. Кто дома присмотритъ за всѣмъ этимъ! Это вѣдь нелегкая штука!

Зивенгааръ. Я думалъ, что Ганна тутъ молодцомъ.

Геншель. Да! А вотъ видите, она тоже отказалась. А безъ женщины слишкомъ плохо. Ни на кого нельзя положиться. О томъ-то я и говорю.

Зивенгааръ. Женитесь, Геншель.

Геншель. Пожалуй, это было бы самое подходящее. Какъ справиться безъ жены? Нашему брату безъ жены не сладить. Я ужъ и то рѣшилъ—было пойти наверхъ, поговорить съ барыней,—можетъ, она мнѣ что посоветуетъ. Все это приключилось такъ внезапно! Такъ вотъ, въ разгарѣ дѣла умерла. Сказать по правдѣ,—извозчикъ дѣло упадетъ, какъ только пройдетъ здѣсь желѣзная дорога. Мы, вотъ видите, кое-что скопили и хотѣли себѣ годика этакъ черезъ два гостиницу купить маленькую; а безъ жены этого дѣла не оборудуешь.

Зивенгааръ. Да, безъ жены этого не сдѣлаешь. Но вѣдь нельзя же тянуть все, какъ теперь. Не останетесь же вы всю жизнь вдовцомъ. Ужъ изъ-за одного ребенка нельзя.

Геншель. Это же я и говорю.

Зивенгааръ. Мнѣ, конечно, нечего вѣшиваться тутъ, но я все-таки считаю, что мы—старые пріатели. Ждать, Геншель, только изъ-за пересудовъ людей,—я считаю это совершенной глупостью. Если вы задумали, серьезно задумали опять жениться, то для васъ и ребенка—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не съ маху, конечно! Но если вы только мысленно все взвѣсили, тогда — впередъ, Пруссія! Что медлить! (Послѣ небольшой паузы, во время которой Геншель почесываетъ за ушами). Есть у васъ кто-нибудь на примѣтѣ?

Геншель. Есть ли кто? Можетъ-быть, да. Только я ее взять не могу.

Зивенгааръ. Почему?

Геншель. Вы же сами знаете.

Зивенгааръ. А? Откуда же мнѣ знать?

Геншель. Подумайте маленько.

Зивенгааръ (качая головой). Сейчас не могу представить.

Геншель. Я вѣдь долженъ былъ пообщаться своей женѣ.

Зивенгааръ. Вотъ оно чтѣ. Это вы про работницу? Про Ганну? (Пауза).

Геншель. Я такъ-подумывалъ объ этомъ. Чтѣ мнѣ за горами искать! Иногда проснусь ночью, такъ часа два заснуть не могу: все объ одномъ думаю. Никакъ не могу этого изъ головы выбросить. Дѣвушка хорошая. Немного молода для меня, старого хрыча, зато работать можетъ за четверыхъ мужчинъ. Притомъ же и за Густлей смотреть такъ, что лучше и мать бы не могла. Въ концѣ концовъ у ней голова на плечахъ, голова, которая, пожалуй, лучше моей будетъ. И считаетъ она лучше меня. Счетчика могла бы замѣнить. Каждый грошъ помнить въ точности, хоть черезъ полтора мѣсяца спроси. Я думаю, что она двухъ юристовъ въ дуракахъ оставитъ.

Зивенгааръ. Ну, если вы во всемъ этомъ такъ убѣждены...

Геншель. Лучшей жены мнѣ не найти. Я не могу всотакъ этого выкинуть изъ головы. (Пауза).

Зивенгааръ. Да, да, теперь я смутно вспоминаю. Это было еще въ послѣднее время. Но я могу вамъ откровенно сказать: я не принялъ этого въ серьезъ. Ваша жена была очень взволнована. Главная причина — болѣзненное состояніе ея. По-моему, этотъ вопросъ не такъ важенъ. Главное, подходитъ ли Ганна на самомъ дѣлѣ къ вамъ. У ней, несомнѣнно, много достоинствъ, но многое мнѣ въ ней не нравится. Да кто безъ недостатковъ! У ней вѣдь, говорить, есть ребенокъ.

Геншель. У ней есть ребенокъ. Я это разузналъ. Пусть даже и такъ? Мнѣ все равно. Меня, что ли, ей дожидаться? Она вѣдь тогда и о моемъ существованіи-то не подозрѣвала. Она вѣдь вонъ какая свѣжая и сильная, — это свое беретъ. Если груши зрѣлы, онѣ падаютъ. Надъ этимъ я бы не задумался.

Зивенгааръ. Ну, такъ. А все другое—вещь посторонняя. Хотя, впрочемъ, не особенно посторонняя,—объ этомъ толки пойдутъ, я понимаю. Но, во всякомъ случаѣ, надо отъ этого освободиться. Считаться съ этимъ, помимо серьезныхъ соображеній,—это пустое, Геншель.

Геншель. Это я тоже себѣ ужъ десять разъ твердилъ. Видите ли, она всегда желала мнѣ добра. Я подразумеваю жену... когда она была здорова. Не станетъ же она мнѣ поперекъ дороги. Гдѣ бы она ни была, она желаетъ мнѣ благополучія.

Зибенгааръ. Несомнѣнно.

Геншель. Сегодня былъ я на ея могилѣ. Барыня тоже велѣла вѣнокъ положить. Я думалъ: пойду-ка я, можетъ-быть, она внушить какую-нибудь мысль, можетъ, тогда рѣшиться на что-нибудь. «Мать,—сказалъ я мысленно:—дай мнѣ какой-нибудь знакъ. Да или нѣтъ? Какъ будетъ, такъ и будетъ». Съ полчаса я стоялъ, молился и все себѣ объяснилъ, конечно, въ душѣ, про себя: и про ребенка, и про гостиницу, и про то, что я никакъ не могу сладить съ дѣлами... Но она все-таки не дала мнѣ никакого знака.

(Ганна входитъ, искоса поглядывая на говорящихъ, убиваетъ энергично скамейку и лохань и хозяйничаетъ у печки).

Зибенгааръ (къ Геншелю). Пусть мертвымъ будетъ пухомъ земля. Вы мужчина, вы живете. На что вамъ знаки и чудеса, Геншель? Мы и своимъ умомъ справимся. Идите своимъ путемъ. На вашемъ кораблѣ вы капитанъ. Выбросьте за бортъ всѣ сомнѣнія, колебанія. Чѣмъ больше я думаю о вашемъ дѣлѣ, тѣмъ яснѣе мнѣ все это.

Геншель. Ганна, что ты на это скажешь?

Ганна. Не знаю. Я не могу знать, о чемъ вы говорите.

Геншель. Ну, подожди. Потомъ я тебѣ все скажу.

Зибенгааръ. Прощайте, Геншель. До свиданья. Желаю вамъ счастья.

Геншель. Надо имъ надѣяться.

Зибенгааръ. За васъ я ни на минуту не боюсь. У васъ всегда была счастливая рука. (Уходитъ).

Геншель (ему вслѣдъ). Не слезьте, г. Зибенгааръ.

Ганна. Надо три раза сплюнуть. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Пауза). Не могу сдержаться. Вы ужъ черезчуръ добры.

Геншель. Почему же я?

Ганна. Васъ обираютъ люди, можно сказать.

Геншель. Ты думаешь, онъ хотѣлъ что-нибудь отъ меня?

Ганна. А то какъ же? А то что же другое! Какъ ему не стыдно у бѣдныхъ людей выпрашивать!

Геншель. Ганна, ты не знаешь сама, что говоришь.

Ганна. Ну ужъ нѣтъ, знаю.

Геншель. А вотъ и не знаешь. Ты и не можешь знать. Послѣ, когда-нибудь, ты поймешь. А теперь я пойду прежде

всего въ пивную, возьму себѣ кружку пива въ первый разъ за эти восемь недѣль. Потомъ можемъ вмѣстѣ пообѣдать, а послѣ обѣда, послушай, мы переговоримъ. Тогда видно будетъ, какъ все устроится. Или тебѣ не охота?

Ганна. Вы же говорите сами—видно будетъ.

Геншель. И опять говорю—видно будетъ. (Уходитъ Пауза).

Ганна (продолжаетъ работать, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда Геншель совсѣмъ исчезаетъ, она вдругъ останавливается, вытираетъ руки и не можетъ сдержать радостнаго волненія; срываетъ передникъ и, торжествуя, говорить про себя). Я вамъ покажу... Берегитесь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната, что и въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ. Вечеръ въ концѣ ноября; въ печкѣ пылаетъ огонь; на столѣ—свѣча. Средняя дверь закрыта.

Изъ верхняго этажа глухо доносится музыка для танцевъ.

Ганна (теперь фрау Геншель, сидитъ за столомъ и вяжетъ. Она аккуратно и чисто одѣта въ синее ситцевое платье; на плечахъ—красная косынка. Мастеръ Гильдебрантъ, кузнецъ, маленькаго роста, мускулистый,—входитъ).

Гильдебрантъ. Добрый вечеръ, Геншельна! А гдѣ твой мужъ?

Фрау Геншель. Уѣхалъ въ Бреславль. Онъ долженъ привести трехъ новыхъ лошадей.

Гильдебрантъ. Такъ, вѣрно, онъ сегодня не возвратится?

Фрау Геншель. Раньше понедѣльника — нѣтъ.

Гильдебрантъ. Нынче у насъ суббота. Мы тутъ фуру назадъ привезли. Поставили ее во дворѣ, подъ залой. Пришлось четыре новыхъ обруча сдѣлать. А Гауфе нѣтъ?

Фрау Геншель. Онъ уже давно у насъ не живетъ.

Гильдебрантъ. Что же за чепуху я несу, чортъ возьми! Я хотѣлъ вѣдь про новаго конюха спросить. И Шварца нѣтъ?

Фрау Геншель. Онъ тоже въ Бреславль уѣхалъ.

Гильдебрантъ. Такъ, такъ. Про Гауфе какъ мнѣ не знать! Онъ часто спускается къ намъ въ кузницу, болтаетъ и смотритъ, какъ мы подковываемъ лошадей. У него вѣдь до сихъ поръ нѣтъ мѣста.

Фрау Геншель. Люди говорятъ, что онъ пить начинаетъ?

Гильдебрантъ. Да, кажется, такъ. Плохо приходится старику. Никто не хочет его взять. Что такое тамъ сегодня наверху?

Фрау Геншель. Танцы. Тамъ—развлеченіе.

Гильдебрантъ. А что, фрау Геншель, если бы мы туда пошли съ вами? Почему мы тоже не можемъ протанцовать вальсъ?

Фрау Геншель. Вотъ бы глаза-то вытаращили! На что вамъ Геншель?

Гильдебрантъ. Да вотъ, у земскаго есть пѣгій жеребецъ, не дастъ себя подковать проклятая тварь. Мы хотѣли Геншеля попросить. Если онъ эту бѣшеную собаку не заставитъ стоять, такъ пусть его самъ чортъ подкуетъ! Добрый вечеръ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Добрый вечеръ. (Гильдебрантъ уходитъ).

Фрау Геншель (прислушивается къ шуршанью, которое идетъ отъ наружнаго хода). Что это тамъ шуршитъ? (Открываетъ дверь). Кто здѣсь такъ шумить?

Франциска (входитъ, танцуя). Мѣсто, мѣсто, фрау Геншель! Некогда мнѣ! (Она кружится вокругъ стола въ тактъ звучащаго вальса).

Фрау Геншель. Вотъ чертовщина! Что ты творишь? Бѣшеная собака, что ли, укусила тебя? (Франциска кружится, не обращая вниманія, напѣвая вальсъ. Фрау Геншель, все болѣе и болѣе развеселяясь) Ради Бога, тебя ударъ хватить! Ну, Франциска, ты наконецъ рехнешься! (Музыка перестаетъ играть. Франциска падаетъ въ изнеможеніи на стулъ).

Франциска. Я бы могла танцовать до смерти, фрау Геншель.

Фрау Геншель (смѣясь). Если такъ будетъ продолжаться, — повѣрю этому. Только смотрѣть на тебя, такъ нахохочешься до слезъ.

Франциска. А вы совсѣмъ не танцуете?

Фрау Геншель. Я? Какъ не танцую! Конечно, танцую! Случалось въ одну ночь пару новыхъ башмаковъ оттанцовать!

Франциска. Пойдемте танцовать со мной.

Фрау Геншель. Иди себѣ наверхъ и танцуй тамъ съ ними.

Франциска. Да, если бы только я могла! А знаете что, я туда проберусь, прошмыгну наверхъ, на галерею? Вы были когда-нибудь тамъ, наверху? Въ большой залъ, тамъ, на галереѣ? Гдѣ стоятъ мѣшки съ сушенымъ черносли-

вомъ? Я дерзко проберусь туда и буду смотрѣть внизъ. Буду тамъ ѣсть черносливъ и смотрѣть внизъ. Почему мнѣ и не смотрѣть оттуда?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А вдругъ тебя Зибенгааръ оттуда попроситъ?

ФРАНЦИСКА. А я все-таки буду дерзко смотрѣть. Мнѣ все равно. А если какая-нибудь изъ дамъ будетъ танцовать съ г. Зибенгааромъ, я буду бомбардировать ее косточками чернослива.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ты прямо втюрилась въ Зибенгаара?

ФРАНЦИСКА. Онъ самый элегантный изъ всѣхъ. (Слышна музыка). Ну, опять начинается. Теперь польку играютъ. (Танцуетъ) Съ г. Зибенгааромъ я бы сейчасъ пошла танцовать. И, прежде чѣмъ онъ бы опомнился, я самымъ простымъ манеромъ поцѣловала бы его. Такъ вотъ,—ни съ того ни съ сего!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А по-моему, Зибенгааръ слишкомъ старъ.

ФРАНЦИСКА. А вашъ мужъ вѣдь тоже старъ, фрау Геншель.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ты глупышка! Мой мужъ на нять лѣтъ моложе. Понимаешь?

ФРАНЦИСКА. На видъ-то онъ гораздо старше. Онъ такой сморщенный. Фу, нѣтъ, его бы я не поцѣловала!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну, убирайся, а то возьму метлу. Не смѣй бранить моего мужа. Гдѣ же мнѣ сейчасъ лучшаго-то взять? Погоди, когда доживешь до моихъ лѣтъ, узнаешь, что значить мужа себѣ найти.

ФРАНЦИСКА. Я совсѣмъ не выйду замужъ. Я подожду, когда придетъ изящный господинъ... хорошо, если бы русскій... лѣтомъ... приѣзжій на воды. Пусть онъ меня возьметъ, увезетъ на край свѣта. Я хочу видѣть свѣтъ... Поѣду въ Парижъ... Тогда я вамъ напишу, фрау Геншель.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Это я вѣрю, вѣрю, что ты, дѣвчонка, когда-нибудь сбѣжишь.

ФРАНЦИСКА. Ужъ это будьте увѣрены. Г. Зибенгааръ вѣдь тоже былъ въ Парижѣ, при революціи. Онъ чудесно можетъ рассказывать. Я бы тоже хотѣла участвовать въ такой революціи. Тамъ нужно помогать баррикады строить.

Голосъ Вермельскірха. Франциска! Франциска! Гдѣ ты опять застряла?

Франциска. Тс.... Молчите!

Голосъ Вермельскірха. Франциска! Франциска!

Франциска. Тс... Тише. Опять придется въ портерной прислуживать. Это мнѣ противно. Я не хочу этого.

Голосъ Вермельскірха. Франциска!

Франциска. Это вѣдь дѣло папы или мамы. Наконецъ пусть возмуть себѣ кельнера. Я не допущу, чтобы изъ меня сдѣлали пивную мамзель.

Фрау Геншель. Это еще не послѣднее дѣло.

Франциска. Да, если бы тамъ бывали избранные господа, а то вѣдь только служителя, лучера да рудокопы. Покорно благодарю. Это мнѣ совсѣмъ не по душѣ.

Фрау Геншель. Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, мнѣ было бы не трудно: хорошо бы получала на чай. Да и ты могла бы хорошую конейку собрать, хорошую конейку отложить.

Франциска. Мелочь я не беру совсѣмъ. А если мнѣ г. Зибенгааръ, или архитекторъ, или докторъ Валентинеръ что-нибудь подарятъ, сейчасъ продаю все на лакомства.

Фрау Геншель. Въ томъ-то и дѣло. Яблоко недалеко отъ яблони падаетъ. Отецъ и мать такіе же. За пивной вы не наблюдаете. Если бы вы за этимъ дѣломъ присмотрѣли, какъ слѣдуетъ, вы ужъ могли бы деньги въ ростъ отдавать.

Франциска. Мы не такъ жадны, какъ вы.

Фрау Геншель. Я не жадна, а я только деньги берегу.

Франциска. А люди говорятъ, что вы жадны.

Фрау Геншель. Мнѣ до людей никакого дѣла нѣтъ. И до тебя тоже. Поняла? Убирайся, довольно съ меня твоей болтовни. Можешь не приходить сюда. Я не скучаю о тебѣ. Лучше всего не слышать и не видѣть васъ... весь этотъ сбродъ здѣсь.

Франциска (уже у двора поворачивается и говорить зло). А знаете, что еще говорить?

Фрау Геншель. И знать ничего не хочу. Убирайся! Берегись, какъ бы тебѣ про себя чего не услышать! Въ какихъ ты отношеніяхъ съ Зибенгааромъ? Вы оба знаете, да и я тоже. Вы бы уже двадцать разъ вылетѣли съ вашимъ польскимъ хозяйствомъ иначе... Надо знать настолько Зибенгаара.

Франциска. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходитъ).

Фрау Геншель. Сбродъ! Дрянъ! (Средняя дверь остается открытой. Около нея въ коридоръ встрѣчаются Зибенгааръ, идущій сверху, и кельнеръ Георгъ, изъ коридора. Георгъ одѣтъ по-вѣски: шляпа, тросточка, длинное пальто, цвѣтной галстукъ).

Зибенгааръ. Что-вамъ угодно здѣсь?

Георгъ. Извините, я дѣло имѣю къ возчику Геншелю.

Зибенгааръ. Возчика Геншеля нѣтъ дома. Вы уже слышали три раза: въ моемъ домѣ мѣста для васъ нѣтъ. А если вы не запомните это, то я освѣжу вамъ память черезъ жандарма. Понимаете вы меня?

Георгъ. Позвольте, г. Зибенгааръ, я прихожу не къ вамъ. Люди живутъ въ вашемъ домѣ. Вы меня не можете обвинить ни въ чемъ нечестномъ.

Зибенгааръ. Если я васъ опять встрѣчу, такъ я васъ велю дворникамъ вышвырнуть. Примите это во вниманіе. (Уходитъ).

Георгъ (входить въ комнату, ругаясь). Пусть попробуетъ! Посмотримъ.

Фрау Геншель (закрываетъ быстро дверь, едва сдерживая ярость противъ Зибенгаара). Мы тоже еще здѣсь. Пусть попробуетъ. Здѣсь наша комната, а не его! Кто сюда приходитъ, приходитъ къ намъ. Это не его дѣло. Онъ слова не смѣетъ сказать.

Георгъ. Ничего, подождемъ, увидимъ. Ему это дорого можетъ обойтись. Это влетитъ ему въ копеечку, если заявить... Онъ уже разъ съ Альфонсомъ, который былъ здѣсь два года тому назадъ, здорово влетѣлъ. А со мной еще чище влетитъ: тридцать талеровъ за безчестіе, это слишкомъ мало для меня.

Фрау Геншель. У него и этихъ-то денегъ нѣтъ въ карманѣ. Проклятый нищій! Во всей округѣ онъ долженъ клянчить. Гдѣ ни слышишь, всѣмъ долженъ. Недолго ужъ! Скоро всему конецъ. Самого изъ дома вытурять, а то другихъ выпогнать!

Георгъ (снимаетъ пальто, вѣшаетъ шляпу и счищаетъ пылинки съ сюртука и брюкъ). Конечно! Это ужъ не секретъ. Объ этомъ всюду говорятъ... И никто его не жалѣетъ, всѣ даже рады. Мой теперешній хозяинъ совсѣмъ его не перевариваетъ. При одномъ имени приходитъ въ бѣшенство. (Вынимаетъ изъ кармана зеркальце и гребешокъ, прихорашивается). Говорятъ: Зибенгааръ, Зибенгааръ!.. Надоѣлъ хуже горькой рѣдьки!

Фрау Геншель. Еще бы, понятно!

Георгъ. А ну-ка, Ганхенъ, есть-у тебя что-нибудь горьченькое?

Фрау Геншель. Почему же ты вчера не пришелъ?..

Георгъ. А ты думаешь, что я такъ каждый день могу

уходить? Я и сегодня съ трудомъ вырвался. Вчера сидѣлъ до трехъ часовъ ночи.

Фрау Геншель. Что-жъ такое было?

Георгъ. Засѣданіе пожарныхъ. Они вѣдь новый насосъ купили и хотятъ по этому случаю устроить пражданіе освященія. Оттого и засѣданіе было.

Фрау Геншель. Имъ нуженъ только предлогъ для пьянства. А я-то сидѣла одна и ждала тебя до глубокой ночи. Услыхала шумъ... Не знаю, что ужъ это было? Птица, что ли, ударилась въ окно... А я думала, что это ты подошелъ къ окну, открыла его... Я такъ обоолилась, что не могла заснуть всю ночь. (Слегка ударяя кулакомъ объ столъ) Я и теперь еще на тебя зла.

Георгъ. И... неужели! Къ чему намъ портить расположеніе духа. (Обвиняетъ ее). Это не идетъ... Вотъ что...

Фрау Геншель (ускользая отъ него). Э, нѣтъ... Такъ... Я не знаю, какъ это, но все идетъ наперекоръ. Цѣлыми недѣлями Геншель сидитъ дома. А если онъ, на самомъ дѣлѣ, ненадолго уѣдетъ, такъ еще и это время пропуститъ надо!

Георгъ. Ну, положимъ... А нынче? Онъ вѣдь, кажется, возвращается только въ понедѣльникъ?

Фрау Геншель. Кто знаетъ!

Георгъ. Почему же не такъ? Хотѣлъ бы я знать!

Фрау Геншель. Все бы ему дома сидѣть! Прежде и вполовину не было такъ скверно. По цѣлымъ недѣлямъ бывалъ въ пути, а теперь онъ Богъ знаетъ какъ сѣтуетъ, если хоть одну ночь ночуетъ внѣ дома. Если говорить, что останется три дня, то по большей части на другой день возвращается. Слышишь?.. Никакъ ужъ они? Кто другой могъ бы такъ щелкать бичомъ во дворѣ?

Георгъ (прислушиваясь, вполголоса). Чтобы его чортъ взял! Проклятая штука! Едва успѣлъ согрѣться, опять сейчасъ придется убираться! Я совсѣмъ предполагалъ иначе. (Надѣваетъ пальто и беретъ шляпу въ руки).

Фрау Геншель (вырываетъ у него шляпу изъ рукъ). Оставайся здѣсь! Зачѣмъ тебѣ уходить? Кого мнѣ бояться, — Геншеля, что ли? Онъ долженъ пресмыкаться предо мною! Этого еще недоставало! Если бы ты вчера пришелъ... я вѣдь тебѣ говорила... Намъ никто бы не помѣшалъ... Никакой Геншель и никакой Зибентааръ. А сегодня, — это чортъ знаетъ что такое!

(Вальтеръ, барышникъ — входитъ. Красивый, сильный мужчина, лѣтъ около сорока. Шапка съ башлыкомъ, куртка мѣховая, охотничья чужка и длинные сапоги. Рукавицы съ завязками).

ВАЛЬТЕРЪ. Геншельша! Твой мужъ тамъ, во дворѣ. Добрый вечеръ. Я только на минутку вошелъ, хотѣлъ тебѣ пожелать добраго вечера и—опять на лошадь. Красивыхъ мы лошадокъ сторговали. Онъ и тебѣ что-то привезъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я думала, вы только въ понедѣльникъ вернетесь домой.

ВАЛЬТЕРЪ. Такъ бы оно и было, но мы только до Канта доѣхали. Тамъ пришлось лошадей сдать, а то бы они и шею и ноги поломали при этой гололедицѣ.

ГЕОРГЪ. Конечно, по желѣзной дорогѣ дѣло скорѣй идетъ.

ВАЛЬТЕРЪ. Это что еще здѣсь за особа? Я и не видѣлъ. Да вѣдь это Жоржы! Такъ и есть. Малый выглядит настоящимъ барономъ.

ГЕОРГЪ. Ясно... въ «Звѣздѣ» больше зарабатываю. Мои дѣла теперь пошли на ладъ. Здѣсь я оборвался совсемъ, чуть не голый былъ въ концѣ концовъ. Ну, а теперь могу себѣ позволить справиться кое-что.

ВАЛЬТЕРЪ. Ну, Геншельша, отдавай, что онъ тебѣ привезъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Что еще тамъ?

ВАЛЬТЕРЪ. Обрадуешься ли ты только?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Увидимъ... Смотря по тому,—что?

ВАЛЬТЕРЪ. Ну, будь здорова, а то баба моя меня заѣстъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Прощай.

ВАЛЬТЕРЪ. Прощай.

ГЕОРГЪ. Я пойду тоже съ вами. Прощайте, фрау Геншель.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. А вѣдь вы хотѣли съ Геншелемъ поговорить?

ГЕОРГЪ. Это не уйдетъ. Дѣло не къ слѣху.

ВАЛЬТЕРЪ. Если вы хотите съ нимъ говорить, то оставьте лучше до завтра, Шориль. Сегодня у него другое дѣло въ головѣ. А знаешь, что онъ тебѣ привезъ, Геншельша?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Что онъ могъ привезти? Не болтай по-пустому.

ВАЛЬТЕРЪ. А вотъ, твою дочку привезъ тебѣ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Что?! Что привезъ мнѣ,—я не слышала?!

ВАЛЬТЕРЪ. Мы были въ Квальсдорфѣ и взяли ее оттуда.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Пьяны, что ли, вы оба?

Вальтеръ. Я тебѣ говорю!

Фрау Геншель. Да кого вы взяли?

Вальтеръ. Онъ не предупредилъ меня, и вдругъ мы очутились въ Квальсдорфъ и сидѣли въ кабачкѣ.

Фрау Геншель. Ну и что же дальше?

Вальтеръ. Сидѣли мы, сидѣли, вдругъ приходитъ отецъ и приводитъ дѣвочку твою.

Фрау Геншель. Не моя дѣвочка!

Вальтеръ. Этого ужъ я не знаю. Знаю только, что она теперь на дворѣ. Онъ подошелъ къ твоему отцу и сказалъ, что дѣвочка хорошенькая. Потомъ взялъ ее на руки и приласкалъ.—«Хочешь, чтобы я тебя взял?»—спросилъ онъ, и она сейчасъ согласилась.

Фрау Геншель. Ну, а отецъ что?

Вальтеръ. Отецъ твой вѣдь не зналъ Геншеля.

Фрау Геншель. И больше ничего... это еще лучше!

Вальтеръ (оборачиваясь больше къ Георгу, чѣмъ къ ней). Послѣ, безъ дальнихъ словъ, онъ вынесъ ее на дворъ и сказалъ отцу:—«Я только посажу дѣвочку на лошадь». А дѣвочка все оретъ:—«Бхаты! Бхаты!» Тогда онъ сѣлъ на своего большого Брабанта. Я долженъ былъ подать ему дѣвочку. Потомъ онъ крикнулъ: «Гей!»—и помчался.

Фрау Геншель. А отецъ такъ и позволилъ?

Вальтеръ. А что ему оставалось дѣлать! Хотя весь Квальсдорфъ въ погоню! Разъ что у Геншеля въ рукахъ, я ни одному человѣку не посоветую отнимать. Во всей округѣ никто не осмѣлится въ ссору съ Геншелемъ вступать. А отецъ твой сразу-то и не понималъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ онъ страшно заревѣлъ, и кричалъ и клялъ больше, чѣмъ надо. Люди хохотали. Они вѣдь знали Геншеля! Да Геншель и сказалъ ему спокойно: «Будьте здоровы, отецъ Шель, я ее беру съ собою. Мать давно ее уже ждетъ. Перестань пить,—добавилъ еще:—тогда и для отца найдется мѣсто».

Георгъ. Прощайте. Я ужъ лучше завтра зайду. (Уходитъ).

Фрау Геншель. И онъ думаетъ, что я ее здѣсь оставлю? Никогда этого не будетъ... Это не мой ребенокъ. Какъ мнѣ въ глаза теперь людямъ смотрѣть? Раньше въ Квальсдорфѣ, а теперь—здѣсь! Мало я натерпѣлась! День и ночь съ Густли нянчиться. А теперь опять мордка. Этого не доставало... Ну, берегись онъ теперя!

Геншель (входитъ. На немъ также мѣховая куртка, высокіе сапоги, охотничья чалма, кожаные рейтузы и т. п. Прямо съ лошади

и въ среднюю дверь. Онъ ведетъ шестилѣтнюю дѣвочку, которая очень грязна и оборвана. Геншель, почти весело, на послѣднія слова Ганны). Кто это «берегись»?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Никто!

ГЕНШЕЛЬ. Смотри-ка, Ганна, кто сюда пришелъ. (Къ дѣвочкѣ) Иди, Берта, и скажи: добрый вечеръ! Иди, говорю тебѣ, и скажи: добрый вечеръ, мать. (Берта идетъ, съ трудомъ оставивъ Геншеля, который дружески подталкиваетъ ее впередъ поперекъ комнаты къ Ганнѣ. Та сидитъ на приступкѣ съ надутымъ лицомъ).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (когда дѣти безпомощно передъ ней остановились). Чего тебѣ здѣсь надо?

БЕРТА. Я каталась верхомъ на красивой лошади. (Геншель и Вальтеръ сердечно смѣются).

ГЕНШЕЛЬ. Ну вотъ, мы ее здѣсь и оставимъ. Добрый вечеръ, Ганна. Что ты, сердишься?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ты сказалъ, что только въ понедѣльникъ вернешься домой. А у меня теперь нѣтъ ничего на ужинъ.

ГЕНШЕЛЬ. Ну, кусокъ хлѣба и сала найдется. (Вѣшаетъ шапку).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (грубо теребить платье Берты). На что ты похожа!

ГЕНШЕЛЬ. А ты поскорѣ ей купи что-нибудь одѣться. У нея почти ничего вѣдь нѣтъ. Хорошо еще, что со мной были попоны, а то бы она совсѣмъ заостенѣла дорогой. (Снимаетъ куртку, грѣетъ руки и т. д.). Лучше всего сейчасъ ее въ корыто.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (невольно). Лучше всего ты бы оставилъ ее тамъ, гдѣ она была.

ГЕНШЕЛЬ. Что ты говоришь?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ничего.

ГЕНШЕЛЬ. А мнѣ показалось, что ты что-то сказала... Въ корыто ее, въ корыто, а ужъ послѣ — въ кровать. Да голову-то ей тоже вычешь. (Берта ревѣтъ). Мнѣ все кажется, что у нея есть квартиранты... Что съ тобой, дѣвочка? Не дергай ее такъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Не реви ты, дѣвчонка! Этого еще не доставало!

ГЕНШЕЛЬ. Ты должна быть съ ней ласковѣй. Дѣвочка благодарна за каждое ласковое слово. Тихе, Бертель, тихе, не плачь...

БЕРТА. Я хочу жъ отцу.

ГЕНШЕЛЬ. Вѣдь ты у матери. Мать добрая. Я очень

радъ, что она у насъ. Давно надо было. А то-бы пришлось мнѣ искать ея на кладбищѣ.

Фрау Геншель. Это было бы не хуже того, что ты сдѣлалъ.

Геншель (изумленный, но добродушно). Что это значить? (Пауза).

Вальтеръ. Ну, будьте здоровы. Я ухожу.

Геншель. Погоди, выпьемъ по стакану грогу.

Фрау Геншель. Да, если бы только ромъ былъ дома!

Геншель. Чу, ты можешь принести отъ Вермельс-кврха.

Фрау Геншель. Я не хочу имѣть ничего общаго съ этими людьми.

Вальтеръ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора домой. Некогда. Мнѣ еще полчаса тащиться надо. (Ганнѣ) Я тебя не стану утруждать.

Фрау Геншель. Стоять ли объ этомъ говорить!

Вальтеръ (раздраженно). Понятно, не стоитъ! Боже меня сохрани! Я не хочу ничего. Съ тобой каши не сварить. Прощайте, будьте здоровы.

Геншель. Будь здоровъ. Сердечный поклонъ твоей женѣ. Не забудь!

Вальтеръ (уже снаружи). Хорошо. Прощайте. Не забуду. (Уходитъ).

Геншель. Ну что же, развѣ я не угодилъ тебѣ?

Фрау Геншель. Что же мнѣ людямъ-то сказать?

Геншель. Не стыдиться же тебѣ твоей дочери?

Фрау Геншель. Кто-жъ это говорить! Мнѣ все равно. Ты этого хочешь. Ты это какъ на зло мнѣ затѣялъ. (Ребенку, зло) На вотъ, пей молоко, а потомъ убирайся спать. (Берта пьетъ).

Геншель. Ты и впредь такъ будешь?

Фрау Геншель. А что я дѣлаю худого?

Геншель. Съ дѣвочкой-то?

Фрау Геншель. Не съѣмъ ее, не бойсь! (Она уводитъ плачущую дѣвочку въ комнату спать).

Геншель (вслѣдъ ей). Не для того я ее привезъ. Лучше-бы ужъ тамъ ее тогда оставить. (Пауза. Ганна снова входитъ).

Геншель. Не знаешь, какъ вамъ и угодить! Ничего съ вами, бабами, не подѣлаешь. Ты мнѣ всегда такъ казлась...

Фрау Геншель (злобно, плаксиво). Все это ложь, если хочешь знать.

Геншель. Что такое ложь?

Фрау Геншель (плакливо). Я къ тебѣ съ Бертой никогда не приставала. Едва ли разъ сказала о ней.

Геншель. Я-жъ этого не говорилъ. Ну, что-жъ ты ревешь? Именно потому, что ты ничего не говорила, я и хотѣлъ тебѣ помочь.

Фрау Геншель. А ты не могъ спросить! Прежде, чѣмъ что-нибудь дѣлають, спрашиваютъ.

Геншель. Я вотъ что тебѣ скажу: нынче суббота. Я спѣшилъ, какъ только могъ, домой и думалъ, что ты меня лучше встрѣтишь. Если не такъ, ужъ не моя вина. Только оставь меня въ покоѣ. Слышишь!

Фрау Геншель. Никто тебя не трогаетъ.

Геншель. Ты слышала? Я хочу покоя и больше ничего. Вотъ до чего ты довела! Я не того ждалъ! Густель умерла; она вѣдь не возвратится. Мать взяла ее къ себѣ; постелька ея пуста, мы—одни. Почему бы намъ и не похолить дѣвочку! Я такъ думаю, и я не отецъ ей. А вѣдь ты—мать этому ребенку!

Фрау Геншель. Ну вотъ, такъ и есть: попреки!

Геншель. Если ты не перестанешь, я уйду къ Вермельскирхъ и всю ночь не приду домой. Ты меня хочешь выжить изъ дому, что ли? Я все надѣялся, что будетъ лучше, а дѣлается все хуже. Думалъ, что если будешь имѣть дѣвочку свою, образумишься. А если этому скоро конца не будетъ...

Фрау Геншель. Я только говорю, что если она останется въ домѣ и ты скажешь людямъ, что это моя дѣвочка...

Геншель. Да это и безъ того всѣ знаютъ,—что тутъ еще говорить?

Фрау Геншель. Можешь быть увѣренъ, что я тогда убѣгу отсюда...

Геншель. Бѣги, бѣги, сколько угодно... Стыда на тебя нѣтъ!

(Занавѣсъ падаетъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пивная Вермельскірхъ, низкая комната, бѣло оштукатуренная; налѣво — дверь, ведущая внутрь дома. Задняя стѣна слѣва образуетъ въ серединѣ помѣщенія уголъ и продолжается подъ прямымъ угломъ до задняго плана. Такимъ образомъ создается второе помѣщеніе, въ родѣ прохода, съ далеко отстоящей задней стѣной. Правая боковая стѣна этого помѣщенія, служащая также стѣной и передняго помѣщенія, имѣетъ стеклянную дверь во дворъ, а ближе къ переднему плану — окно.

У задней стѣны спереди, влѣво — стойка, уставленная четырехгранными бутылками водки, пивнымъ крапомъ, стаканами и т. д. Свѣтлая полированная мебель вишневаго дерева, столы, стулья. Красный занавѣсъ отдѣляетъ поперечное помѣщеніе отъ продольнаго. Въ послѣднемъ также много столовъ и стульевъ; совсѣмъ позади — бильярдъ. На стѣнахъ — олеографіи, большею частью представляющія охотничьи сцены.

(Вермельскірхъ, въ халатѣ, съ длинной трубкой, сидитъ и играетъ на піанино, которое стоитъ налѣво у стѣны).

(Трое членовъ вольной пожарной дружины играютъ на бильярдѣ. Спереди, справа, сидитъ за стаканомъ водки, въ глубокомъ раздумьѣ, Гауфе. Онъ замѣтно опустился).

(Фрау Вермельскірхъ, цыганскаго типа старуха, моетъ за стойкой стаканы).

(Францискъ сидитъ на подоконникѣ справа и играетъ съ кошечкой).

(Кельнеръ Георгъ у стойки за стаканомъ пива; на немъ нарядный весенній костюмъ, лакированные башмаки, лайковые перчатки и цилиндръ на головѣ).

Вермельскірхъ (играетъ и поетъ).

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ роскошной жизни утопалъ...

Георгъ (подъ эту музыку выдѣлываетъ па). Ну, дальше, дальше, слова!

Вермельскірхъ (притворно кашляетъ). Не идетъ. Охрипъ совсѣмъ... Но начнемъ сначала...

Когда я былъ... (кашляетъ)
Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ роскошной жизни... Въ роскошной жизни...

Чортъ его возьми!

Георгъ. Дальше слова, пожалуйста. Это было вѣрно, чудесно!

Вермельскірхъ. Дудки! Больше не идетъ... вотъ чтó!

Георгъ. Вотъ не понимаю! Вѣдь это красивѣйшая камерная музыка!

Вермельскірхъ. Камерно-огерская музыка!

Георгъ. Мнѣ все равно. Разницу я не очень смыслю. А вы, фрейлейнъ Франциска, чему смѣетесь?

Франциска. Да тому, что у васъ красчвые лакированные башмаки.

Георгъ. Еще бы! Не могу же я босикомъ ходить! Дайте этому человѣку тоже стаканъ пива. А что, если выпить рюмочку данцигской золотистой, фрейлейнъ Франциска? Да, мои лаковые башмаки красивы, но они мнѣ стоятъ четыре твердыхъ талера. Ну что—можно себѣ позволить эту роскошь! Въ «Мечѣ», по крайней мѣрѣ, зарабатываешь хорошо. Конечно, когда я былъ въ «Звѣздѣ», лаковые башмаки трудновато было приобрести.

Вермельскирхъ. Такъ что вамъ въ «Мечѣ» лучше правится?

Георгъ. Еще бы! Такого пріятнаго хозяина, какъ у меня теперь, у меня не было за все время моей службы. Мы съ нимъ все равно, какъ два друга, какъ два брата, можно сказать. Съ нимъ даже можно перейти на «ты».

Вермельскирхъ. Съ Зибенгааромъ, конечно, это бы не вышло. (Франциска хохочетъ).

Георгъ. Ну, вотъ видите... Заносчивый—унизится. Черезъ двѣ-три недѣли будетъ аукціонъ, и я могу купить себѣ его золотые часы.

Вермельскирхъ. Ужъ лучше купите себѣ весь домъ.

Георгъ. Пока еще подождемъ. Съ дѣломъ въ этомъ родѣ надо подождать. Впрочемъ, онъ уже проданъ. Ваше здоровье, господа! (Пьютъ). Ваше здоровье! А если вы уже выпили, можно еще. Кто покупатель? Экснеръ? Что? Онъ купилъ? Онъ, вѣроятно, будетъ только разливать минеральную воду и разсылать, а гостиницу, кажется, онъ хочетъ въ аренду сдать. Если бы у меня были деньги, я бы сейчасъ взялъ въ аренду.

Гауфе. Идите къ Гекшелю. Онъ вамъ, навѣрно, дастъ.

Георгъ. А что-жъ? Можетъ случиться.

Гауфе. Да, да, вы вѣдь въ ладахъ съ его женой. (Франциска хохочетъ).

Георгъ. А почему бы и нѣтъ? Его жена вовсе не такъ дурна, знаете. Кто умѣетъ съ ними ладить, у того женщины въ рукахъ.

Гауфе. Ну, если вы до этого довели, что Гекшельша въ вашихъ рукахъ, то вы это дѣло, очевидно, понимаете. (Фабихъ входитъ; черезъ плечо у него веревка. Скромно садится въ углу). Вотъ видите... То-то я и говорю. Другой не сравнится со мной. Но только, кто не на высотѣ задачи, тотъ и на палку нараваться можетъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Ну, не говори «гошъ», пока не перескочишь. (Слѣва входитъ Зибенгааръ). Гдѣ Геншель кулакъ приложить, тамъ трава не вырастетъ. Мое почтеніе, г. Зибенгааръ.

ЗИБЕНГААРЪ (немного блѣдный). Доброе утро.

ГЕОРГЪ. Я пойду ненадолго въ бильярдную. (Беретъ свое пиво и исчезаетъ во второе отдѣленіе).

ЗИБЕНГААРЪ (садится къ столу, около піанино). Вы только-что пѣли, г. Вермельскірхъ? Я вамъ не хочу мѣшать. Пожалуйста.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Какъ? Я — пѣлъ? Этого быть не можетъ. Впрочемъ, я очень тронутъ. Если вы говорите, значитъ, правда. Позвольте мнѣ тоже присѣсть. Принеси мнѣ граускаго, Франциска.

ЗИБЕНГААРЪ. Если вспомнить, что три-четыре года тому назадъ вы были совершенно хриплый, — съ тѣхъ поръ вы очень поправились.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Какая мнѣ отъ этого польза! Вы правы. Но только чуть я до половины выкарабкался, — кто знаетъ, что опять будетъ.

ФРАНЦИСКА (ставитъ грауское передъ Зибенгааромъ. Къ Вермельскірху) Тебѣ я сейчасъ принесу твое.

ЗИБЕНГААРЪ (выпивъ пѣз стагана). Что же можетъ случиться? О чемъ вы говорите?

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Я, право, самъ навѣрно не знаю. Но, видите ли, у меня во всѣхъ костяхъ зудитъ. Какая-нибудь перемѣна да будетъ. Кромѣ шутокъ, у меня есть разныя примѣты: старая комедіантская привычка. Какъ скоро я узналъ, что этотъ источникъ мой узнали, меня ужъ десять лошадей отсюда не могли вытянуть. Не прошло и четырехъ недѣль, какъ я окончательно развѣзался съ своимъ багажомъ и устроился здѣсь. Теперь опять придется дальше катить эту проклятую тачку, кто знаетъ — куда!

ЗИБЕНГААРЪ. Кто знаетъ — куда! Такъ и все на свѣтѣ. Что до меня, такъ я этому очень радъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Вы еще въ цвѣтущихъ годахъ. Такой мужчина всегда найдетъ свое мѣсто въ свѣтѣ. А со мной, старой собакой, — совсѣмъ другое дѣло. Если я здѣсь потеряю этотъ кусокъ хлѣба, если мнѣ откажутъ, что мнѣ останется дѣлать, желалъ бы я знать? Хоть шарманку заводи, а Франциску — собирать заставъ.

ФРАНЦИСКА. Это меня не стѣсняло бы, папа.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Вѣрно! Особенно если бы золотые сыпались дождемъ.

Франциска. Ну, зачѣмъ ты такъ всегда говоришь, пана? Ты бы могъ опять поступить на сцену.

Вермельскирхъ. Развѣ въ театрѣ обезьянъ, дѣточка! Да и туда не возьмутъ.

Зибенгааръ. А развѣ вамъ какъ-ниоудъ намекнулъ г. Экснеръ? Мнѣ онъ сказалъ, что въ основѣ все оставить попрежнему.

Вермельскирхъ. Ну, къ основѣ я не принадлежу

Фрау Вермельскирхъ (подходить къ столу въ большомъ волненіи). Я должна вамъ сказать, г. Зибенгааръ. Вы можете мнѣ повѣрить, г. Зибенгааръ. Я старая пятидесятилѣтняя женщина... Я ужъ, право, много пережила... Но какъ съ нами здѣсь поступили... Нѣтъ, право, я ужъ и не знаю... Это такая низость! Безъ всякой примѣси! Гнусная злоба! Просто подлость! Можете мнѣ повѣрить.

Вермельскирхъ. Ну, матушка, еще ты мнѣ здѣсь, назадъ... Иди, иди, отступай, пожалуйста, за свою ограду!

Фрау Вермельскирхъ. Но что наша Франциска сдѣлала этой низкой женщинѣ?

Франциска. Ахъ, оставь, мама!

Фрау Вермельскирхъ. Напротивъ! Развѣ намъ все переносить! Развѣ мы не должны защищаться, если у насъ отнимаютъ кусокъ хлѣба! А если она сплетни про нашу дочь распускаетъ! (Къ Зибенгаару) Развѣ наша дѣвочка вамъ когда-нибудь навязывалась?

Вермельскирхъ. Мама! Мама! Теперь пойдемъ, мама... Такъ! Отдохни немного. Эта сцена прошла красиво. Вечеромъ мы будемъ продолжать репетицію. (Онъ отводитъ ее за стойку, гдѣ въѣкторое время еще слышно ея всхлипываніе).

Вермельскирхъ (опять занявъ мѣсто). Въ сущности, онъ правъ. Я тоже слышалъ: шепчутся, будто Геншель хочетъ арендовать эту пивную. Это, конечно, штуки его жены.

Гауфе. Чьѣ же другія могутъ быть? Если какая-нибудь мерзость въ деревнѣ, — нечего и спрашивать, откуда она. Въ Геншельшѣ всѣ черти сидятъ.

Фавихъ. А на эту пивную она уже давно зарится.

Зибенгааръ (къ Гауфе). Гауфе, васъ что-то совѣмъ не видать. Куда это вы пропали?

Гауфе. Куда мнѣ пропасть! Въ несчастіѣ я пропадаю. А кто меня туда толкнулъ, какъ не эта проклятая баба! Не кто другой, — съ Геншелемъ вѣдь у меня никогда не было ссоръ.

Фавихъ. Зато его жена. Всему дѣлу голова!

Гауфе. И для нея недостаточно проворень. Вѣдь я, конечно, не молокососъ. Не буду за ея юбкой бѣгать, а ей только этого и надо: это надо умѣть. Она такъ горяча, можно сказать... Ей все мало. А что до работы—я работать могу. Молодые парни, которыхъ она себѣ нанимаетъ, отъ нихъ несетъ лѣнностью. Я въ три раза больше сдѣлаю, чѣмъ они.

Зивенгааръ. Жаль старика Геншеля.

Гауфе. Что мнѣ за дѣло: онъ доволенъ. А если у меня кости затвердѣли, такъ онъ долженъ былъ знать, отъ чего это. Отъ лѣнности не корѣжить людей. Если у него теперь сундукъ полонъ денегъ, такъ немало ихъ я ему наковалъ.

Зивенгааръ. Да, я еще хорошо помню. Вы вѣдь служили у Вильгельма, отца Геншеля?

Гауфе. А то какъ же! Служилъ. У Вильгельма я восемнадцать лѣтъ ходилъ за лошадьми—здѣсь и тамъ. Я и запрягалъ, я и отпрягалъ, ѣздилъ и зиму и лѣто! Въ Фрейбургъ ѣздилъ, въ Бреславль ѣздилъ, до самаго Бромберга доѣзжалъ. Не одну ночь провелъ въ повозкѣ. Уши и руки отморозилъ. На обѣихъ ногахъ шишки по грушѣ. А теперь меня вонъ! Теперь можно убираться!

Фавихъ. Все это ея рукъ дѣло. Геншель-то самъ добрый.

Гауфе. Зачѣмъ же было вѣшать себѣ на шею эту бабу! Пусть теперь справляется... Онъ этого еле дождался. Геншельша едва остыла, а онъ уже устраивалъ новую свадьбу.

Зивенгааръ. Ее тогда не знали такую.

Фавихъ. Я ее насквозь зналъ, эге-ге! Если-бъ онъ меня спросилъ, я-бъ ему сказалъ. Если онъ Густлю хотѣлъ послать вслѣдъ за матерью, лучше не могъ сдѣлать, какъ замѣнить ей мать Ганной.

Гауфе. Эге-ге... Я больше не стану говорить. Всѣ головой покачиваютъ. Это еще когда-нибудь выплыветъ наружу. Тогда люди удивлялись, а теперь кромѣ худа ничего не ждутъ.

Зивенгааръ. Это, несомнѣнно, только силегни и болтовни.

(Входитъ лошадиный торговецъ Вальтеръ; на немъ высокіе сапоги, охотничья куртка, шапка и кнутъ. Садится у одного изъ столовъ, дѣлаетъ знакъ Францискѣ, и она вскорѣ приноситъ ему пива).

Гауфе. Это вы такъ говорите, но неизвѣстно еще, такъ ли это. Если бы мертвые могли встать да начать говорить, — старая Геншельша могла бы многое рассказать. Она не могла жить, она не хотѣла жить. А главное, она не должна была жить.

ЗИБЕНГААРЪ. Гауфе берегитесь. Если когда-нибудь на Геншеля подуетъ этимъ...

ГАУФЕ. Нечего мнѣ беречься. Я это каждому въ глаза скажу. Старая Геншельша должна была умереть, а отравили ли ее—этого я не знаю, при этомъ не былъ. Само собой это никогда не могло приключиться. Женщина была здоровая. Она бы еще могла тридцать лѣтъ прожить.

ЗИБЕНГААРЪ (допивая и идеть).

ВАЛЬТЕРЪ. А что она была здоровая женщина, это я могу подтвердить. Родную-то сестру мнѣ ли не знать? Она стояла поперекъ дороги, потому и должна была убраться.

(Зибенгааръ спокойно уходитъ).

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Господа, кому уютно шепотку табаку? (Понизивъ голосъ, осторожно) Господа, мнѣ кажется, вы заходите слишкомъ далеко. Приглядитесь только къ этому человѣку... Вчера, поздно вечеромъ, онъ еще сидѣлъ здѣсь. Я вамъ говорю, человѣкъ такъ глубоко вздыхалъ... Онъ былъ совсѣмъ одинокъ... Мнѣ отъ всей души стало его жаль.

ГАУФЕ. Совѣсть его злая мучить.

ВАЛЬТЕРЪ. Оставьте меня съ этимъ Геншелемъ въ покоѣ! Мнѣ ужъ тошно отъ него. У меня съ нимъ давно все кончено.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Ахъ, нѣтъ, г. Зибенгааръ правъ: нужно пожалѣть этого человѣка.

ВАЛЬТЕРЪ. Каждый по-своему. Мнѣ все равно. А что мнѣ думать о Геншелѣ, никто мнѣ не указъ.

(Гвишль и кузнецъ Гильдебрантъ входятъ справа. У Геншеля на рукахъ маленькая Берта, которая одѣта чище, чѣмъ раньше. Между присутствующими — небольшое замѣшательство).

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Милости просимъ, г. Геншель.

ГЕНШЕЛЬ. Здравствуйте, господа.

ФРАНЦИСКА. Ну, какъ поживаешь, Бертель?

ГЕНШЕЛЬ. Скажи: «Благодарю васъ». Ну, что же ты, не умѣешь говорить? Такъ себѣ. Надо быть довольнымъ. Здравствуй, шуринъ. (Подаетъ небрежно Вальтеру руку. Тотъ такъ же ее принимаетъ). Какъ живешь?

ВАЛЬТЕРЪ. Какъ мнѣ жить! Не мѣшало бы лучше. А ты сталъ настоящей нянькой.

ГЕНШЕЛЬ. Да, да, это правда. Такъ оно скоро и будетъ.

ВАЛЬТЕРЪ. Безъ дѣвочки тебя ужъ почти не встрѣтишь. Развѣ ты не можешь ее у матери оставить?

ГЕНШЕЛЬ. Э, ей все нужно чистить да прибирать, вотъ

дѣвочка ей и помѣха. (Садится на скамью у стѣны, рядомъ съ стойкой, недалеко отъ своего шуррина. Ребенка держать на колыняхъ. Противъ него занимаетъ мѣсто Гильдебрантъ). Чтò, господинъ Гильдебрантъ,— чтò будемъ пить? Кружку пива, кажется, мы заслужили? Двѣ кружки пива и двѣ рюмки водки.

Гильдебрантъ. Этотъ каналья меня всего измоталъ.

Геншель. Еще жеребенокъ, а какая сила! Всѣмъ чепуха подковами бьетъ... Доброго утра, Гауфе...

Гауфе. Здорово.

Геншель. Это немножко ворчливо. Оставимъ его въ покоѣ.

Фабихъ. Купите у меня что-нибудь, г. Геншель. Можетъ-быть, игольникъ для жены, или, можетъ-быть, красивый трешокъ для волосъ. (Присутствующіе хохочутъ). Шорплъ-кельнеръ тоже купилъ одну штуку.

Геншель (добродушно смѣется также). Э, оставь меня въ покоѣ съ этимъ вздоромъ! (Вермельскирху) Дайте ему тожо кружку пива. Курьезный человѣчекъ! Откуда взялся?

Гильдебрантъ. Это вѣдь, кажется, Фабихъ изъ Квальсдорфа. Самая жалкая мразь во всей округѣ.

Геншель. Вотъ у меня тоже маленькое растеніе изъ Квальсдорфа.

Фабихъ (Бертъ). Мы вѣдь старые знакомые—не правда ли?

Берта (Фабиху). Я пряничковъ хочу!

Фабихъ. Э, она уже знаетъ, кто я такой! Поищу, не найдется ли чего-нибудь.

Берта. На дворѣ, въ повозкѣ.

Фабихъ. Нѣтъ. Здѣсь въ карманѣ. (Даетъ ребенку пряникъ). Ну, видишь, дѣвочка, ты вотъ не выходишь изъ трактировъ. Тогда ты съ дѣдушкой была, а нынче должна съ Геншелемъ Вильгельмомъ таскаться.

Геншель. Скажи:—заботься о своемъ старомъ тряпѣ, а обо мнѣ есть кому позаботиться... Говорю, скажи ему это.

Георгъ (живо выходя изъ бильярдной, не замѣчая Геншеля). Вотъ не вѣрится прямо! Этотъ человѣкъ жретъ стекло, какъ ни въ чемъ не бывало. Фрейлейнъ Франциска пожалуйста, еще на 5 человѣкъ пива—запишите...

Франциска (взяла Берту на руки и идетъ съ ребенкомъ за стойку). Бертель не позволяетъ. Я теперь не могу.

Георгъ. Ахъ, Господи! И вы здѣсь, господинъ Геншель?

Геншель (не обращая на него вниманія, — Гильдебрантъ). Твое здоровье, Гильдебрантъ! (Чокаются и пьютъ).

Фабихъ (Георгу, который, нѣсколько смущенный, около одного

изъ столовъ зажигаетъ сигару). Скажите, г-нъ Шоршъ, вы, вѣрно, умѣете колдовать?

Георгъ. А что? Почему вы думаете?

Фавихъ. Потому что вы исчезли, какъ свѣтъ, давеча...

Георгъ. Къ чему связываться! Я не въ ладахъ съ Зибенгааромъ.

Фавихъ (дѣлаетъ жестъ пощечины). Говорятъ, — сильно влетѣло. (Проходя мимо него, къ Гауфе) Ты, вѣрно, много выигралъ?

Гауфе. Истуканъ проклятый! (Смѣхъ).

Фавихъ. Да, да... Я и есть!

Геншель. Правда, ты теперь внизу у Нентвига?

Гауфе. А тебѣ какое дѣло?

Геншель (добродушно смѣясь). Взгляните, какъ оцетинился! Колетъ, какъ ежъ, коли его тронешь.

Вальтеръ. Ну, теперь ты скоро будешь здѣсь нашимъ хозяиномъ?

Геншель (удивленно взглянувъ на него). Мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно.

Вальтеръ. А я такъ думалъ. Но знаю, кто мнѣ сейчасъ объ этомъ сказалъ...

Геншель (глотивъ изъ кружки, равнодушно). Вѣрно, это приснилось тому, кто тебѣ сказалъ. (Молчаніе).

Гильдебрантъ. Теперь въ этомъ домѣ все перевернется. Кто знаетъ, что будетъ. Но я вамъ одно скажу: вздохнете вы всѣ о Зибенгаарѣ.

Геншель (къ Гауфе). Съѣздитъ бы ты въ Ландсхутъ; гамъ у меня пара новыхъ лошадей для кареты. Ты бы могъ ихъ выѣздить.

Гауфе. Я бы на тебя хотѣлъ на...

Геншель (смѣясь, но спокойно). Ну, поль такъ, сиди, пока не почеркѣешь. Больше я о тебѣ ни капли не буду заботиться.

Гауфе. Подметаю лучше передъ своей дверью.

Геншель. Хорошо, хорошо, ладно.

Гауфе. У тебя довольно дома мусора.

Геншель. Гауфе... Я тебѣ вотъ что скажу... Мнѣ это не по душѣ... если ты хочешь затѣять здѣсь ссору, я тебя предупреждаю, что выкину тебя отсюда!

Вермельскирхъ. Тс... господа...—миръ!

Гауфе. Ты здѣсь не хозяинъ... Ты меня не смѣешь выкинуть. Ты имѣешь право говорить здѣсь столько же, сколько и я. Я тебѣ не позволю заткнуть мнѣ ротку. Ни

ты ни твоя жена! Что бы вы съ бабой ни вытворяли, это меня не касается.

Геншель (безъ видимаго волненія хватаетъ Гауфе спереди за грудь, встаетъ и подталкиваетъ тѣтно сопротивляющагося Гауфе къ двери. Поворачивается самъ быстро, лѣвой рукой открываетъ стеклянную дверь и высаживаетъ Гауфе. При этомъ они говорятъ слѣдующее).

Гауфе. Пусти... Я тебѣ говорю—пусти!

Вермельскирхъ. Г-нъ Геншель... Такъ нельзя. Я не могу допустить.

Геншель. Я предупреждалъ. Теперь ничего не подѣлаешь.

Гауфе. Что? Ты хочешь меня задушить? Отпусти, говорю тебѣ, ты здѣсь не хозяинъ!

Фрау Вермельскирхъ (изъ-за стойки). Что-жъ это такое? Такъ нельзя, Людвигъ! Какъ ты позволяешь это.

Фавихъ (пока Геншель съ Гауфе находится близъ двери въ побочномъ помѣщеніи). Лучше оставьте. Ничего не подѣлаешь... Этотъ человекъ — силачъ. Онъ зубами ухватить за край стола, подниметъ вверхъ—и ни одна рюмка не дрогнетъ. Если бы ему только вздумалось, мы бы всѣ очутились на дворѣ.

Геншель (вышвырнувъ Гауфе, возвращается назадъ, садится при общемъ безмолвіи). Успокоиться не можетъ старый хрычъ.

Первый пожарный (который вышелъ изъ бильярдной, выпяль около стойки рюмку водки). Я бы хотѣлъ расплатиться. Лучше уйти, а то въ концѣ концовъ еще и вылетитъ отсюда.

Вермельскирхъ. Еще этого не хватало! Стаканчикъ пива! Я еще пока здѣсь.

Вальтеръ. Если ты такъ будешь поступать, Геншель Вильгельмъ, и станешь за стойкой вмѣсто Вермельскирха, то скажу тебѣ напередъ: немного у тебя гостей будетъ.

Геншель. Такіе гости не находка.

Вермельскирхъ. Ну, выбирать не приходится. Гауфе тоже платить не фальшивыми деньгами.

Геншель. По мнѣ, пусть платитъ, чѣмъ хочетъ. А теперь я тебѣ скажу: оставьте вы эту исторію. Я этого хозяйства не беру. Если бы я снималъ, то я бы раньше всѣхъ зналъ объ этомъ. Ну вотъ, когда буду снимать, я тебѣ скажу. Тогда ты мнѣ можешь давать совѣты, а если тебѣ это не понравится и ты не будешь ходить ко мнѣ, ну и ладно... не приходи, зятекъ... (Пожарный рѣзко захлопываетъ дверь и уходитъ).

ВАЛЬТЕРЪ. Надо тоже уходить. (Собирается платить).

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Господинъ Геншель, это нехорошо. Вы у меня всѣхъ гостей разгоняете.

ГЕНШЕЛЬ. Ну и люди! Скажите на милость, если онъ теперь убѣгаетъ, — мнѣ что за дѣло! По мнѣ онъ пусть торчитъ здѣсь хоть до утра.

ВАЛЬТЕРЪ (прятать деньги и вѣзднаться). Ты не пубеши права никого отсюда выкинуть. Ты здѣсь не хозяйни.

ГЕНШЕЛЬ. Не скажешь ли ты мнѣ еще что-нибудь?

ВАЛЬТЕРЪ. Кой-что могъ бы сказать, только лучше промолчимъ. Скверныя дѣла! Вермельскирхъ это хорошо знаетъ.

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. При чемъ же я? Нѣтъ, вы только послушайте.

ГЕНШЕЛЬ (сдержанно и твердо). Что вы знаете?.. Говорите прямо. Одному это извѣстно, другому то... А въ концѣ концовъ вы оба лишь знаете. (Молчаніе).

ВАЛЬТЕРЪ (измѣнившимся голосомъ). Если бы ты былъ тотъ, что прежде... А то въ тебя невѣсть что влѣхало... Тогда ты у всѣхъ на виду стоялъ. Люди отсюду къ Геншелю Вильгельму за совѣтомъ шли, и что онъ скажетъ, — это, можно сказать, закономъ было для всѣхъ, все равно, какъ «аминь» въ церкви. А теперь съ тобой никакъ нельзя поладить.

ГЕНШЕЛЬ. Валай дальше... Какъ по книгѣ!

ВАЛЬТЕРЪ. Ну вотъ... Это, вѣрно, ты и самъ знаешь. Прежде у тебя были только друзья, а нынче къ тебѣ ни одинъ человѣкъ не заходитъ. А если бы и захотѣли придти, — остаются въ сторонѣ изъ-за твоей жены. Двадцать лѣтъ у васъ Гауфе служилъ, и вдругъ онъ не пришелъ по нраву твоей женѣ, ты его берешь за шиворотъ и выкидываешь. На что это похоже! Она только кивнетъ, ты передъ ней прыгаешь, вмѣсто того, чтобы взять вожжи да дурь изъ нея выбить.

ГЕНШЕЛЬ. А если ты сейчасъ не замолчишь, я тебя тоже возьму за шиворотъ.

ГЕОРГЪ (къ Геншелю). Господинъ Геншель, только не горячитесь... Что этотъ человѣкъ понимаетъ! (Быстро исчезаетъ въ бильярдную).

ВАЛЬТЕРЪ. Да, да, вѣрю... Ты это въ состояніи сдѣлать. Если кто придетъ и скажетъ тебѣ правду, — обѣ стѣну его! А такой прохвость, прощальга, какъ этотъ Жоржъ, — онъ можетъ тебя обманывать день и ночь. Твоя жена и онъ

перешеголяють другъ друга! Ты хочешь быть обманутымъ и позволяешь себя надуть. Но если у тебя есть еще глаза во лбу, раскрой ихъ хорошенько да взгляди вокругъ себя, да взгляди хорошенько въ этого парня. Они тебя среди бѣла дня обманываютъ.

Геншель (хочетъ броситься на него, но сдерживается). Что ты сказалъ? А? Ничего... Хорошо... (Молчаніе).

Фавихъ. Сегодня настоящая апрѣльская погода: то солнце, то крупа...

Гауфе (голосъ снаружи). Я тебѣ отплачу! Смотри. Пусть! Мы поговоримъ! Мы на судъ поговоримъ съ тобой!

Вальтеръ (допиваетъ и встаетъ). Прощай... Не поминай лихомъ.

Геншель (лѣвой рукой хватается ручъ Вальтера). Ни съ мѣста... Понялъ!

Вальтеръ. А что мнѣ здѣсь?..

Геншель. Найдется. Говорю тебѣ, — оставайся. (Францискъ) Иди внизъ. Пусть придетъ моя жена! (Франциска уходитъ).

Вермельскирхъ. Любезный г. Геншель, ради Бога не дѣлайте здѣсь скандала. А то полиція сядетъ на шею мнѣ...

Геншель (въ страшномъ порывѣ ярости, съ багровымъ лицомъ). Прежде я васъ всѣхъ перебью! Ганна должна придти сію минуту!

Вальтеръ (потрясенный). Вильгельмъ, Вильгельмъ... Не дѣлай глупостей... Я ничего такого вѣдь не хотѣлъ сказать, а люди вѣдь все плетутъ вздоръ... Ей-Богу, не хотѣлъ! Люди все врутъ...

Гильдебрантъ. Вильгельмъ... Ты вѣдь славный парень. Образуешься! На что ты похожъ. Успокойся... Ты такъ оралъ!.. Что съ тобой случилось?.. Вѣдь это на весь домъ было слышно.

Геншель. Мнѣ все равно, — пусть слышитъ, кто хочетъ. Но ты останешься здѣсь, и Ганна придетъ сейчасъ.

Вальтеръ. Что мнѣ здѣсь оставаться? Зачѣмъ? Твои дѣла меня не касаются. Я не вмѣшиваюсь и не хочу вмѣшиваться.

Геншель. Надо было раньше объ этомъ подумать.

Вальтеръ. А что до другого, — то это передъ судомъ выплыветъ. Посмотримъ, кто будетъ правъ. Деньги свои я ужъ получу. Можетъ-быть, твоя жена тоже придумается передъ ложной присягой. До остального мнѣ нѣтъ дѣла. Говорю тебѣ — пусти... Мнѣ некогда. Я долженъ быть въ Гортау. Не могу ждать.

ЗИБЕНГААРЪ (входитъ снова). Что здѣсь случилось?

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Ахъ, Боже мой, я не знаю! Я совѣмъ не знаю, чего хочетъ г. Геншель!

ГЕНШЕЛЬ (продолжая крѣпко держать Вальтера за руку). Пусть придетъ Ганна... Больше ничего.

ФРАУ ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (Зибенгаару). Люди спокойно пили свое пиво... Приходить г. Геншель и затѣваетъ ссору, какъ будто онъ здѣсь хозяинъ дома.

ЗИБЕНГААРЪ (успокаивая ее). Тс... тс... Хорошо, хорошо. (Геншелю) Геншель, что съ вами такое случилось?

ГЕНШЕЛЬ. Господинъ Зибенгааръ, я не виноватъ, что такъ вышло. Хотите—вѣрьте, хотите нѣтъ, я не при чемъ тутъ, г-нъ Зибенгааръ...

ЗИБЕНГААРЪ. Ахъ, Геншель, что тамъ!.. Я васъ не первый день знаю, какъ смирнаго человѣка.

ГЕНШЕЛЬ. Я еще служилъ у вашего отца. И хотя бы десять тысячъ разъ это имѣло такой видъ,—я все-таки не виноватъ, что это такъ вышло. Я самъ не знаю, что я надѣлалъ! И никогда не былъ безобразникомъ, но теперь это такъ вышло. Они, всѣ вмѣстѣ, паралаютъ, кусаютъ меня. Этотъ человѣкъ такую вещь сказалъ о моей женѣ... Пусть онъ докажетъ, а если нѣтъ,—помилуй Богъ!

ЗИБЕНГААРЪ. Ахъ, оставьте людей болтать!

ГЕНШЕЛЬ. Доказать! Доказать! А то—помилуй Богъ!

ВАЛЬТЕРЪ. Я могу доказать, и я докажу! Здѣсь вотъ мало такихъ, которые бы не знали этого такъ же хорошо, какъ и я. Твоя жена... что-жъ подѣлаешь... сбилась съ пути. Я не виноватъ... Я бы не сказалъ... Но развѣ мнѣ дать тебѣ избивать себя? Я не лгунъ — я всегда правду говорю. Спроси про меня всѣхъ, кого хочешь. Спроси хоть г. Зибенгаара... по совѣсти... Объ этомъ воробы кричатъ на всѣхъ крышахъ—да и объ этомъ ли только?..

ЗИБЕНГААРЪ. Подумайте, что вы говорите, Вальтеръ!

ВАЛЬТЕРЪ. Вѣдь онъ же меня вынуждаетъ. Пусть онъ меня отпуститъ. Почему же я долженъ страдать за другихъ людей! Вы же всѣ знаете такъ же хорошо, какъ и я. Въ какихъ отношеніяхъ вы были съ Геншелемъ, когда жива была первая жена его? Вы думаете, что никто этого не знаетъ. Вы больше вѣдь не заходите къ нему.

ЗИБЕНГААРЪ. Что между нами—это частныя дѣла, и я запрещаю всякое вмѣшательство.

ВАЛЬТЕРЪ. Но, если умираетъ совершенно здоровая

жена, а через восемь недѣль умираетъ Густли,—миѣ кажется, это ужъ не частныя дѣла.

Геншель. Чтѣ?! Ганну сюда!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (быстро входитъ, прямо отъ работы, вытираетъ руки). Чтѣ ты орешь такъ?

Геншель. Хорошо, что ты здѣсь. Вотъ этотъ человѣкъ говорить...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (хочетъ уйти). Мерзость! Глупости!

Геншель. Остаться здѣсь!

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Вы, вѣрно, пьяны всѣ вмѣстѣ! Чтѣ вы вздумали! Чтѣ я вамъ обезьяну, что ли, буду представлять! (Хочетъ уйти).

Геншель. Ганна... Несовѣтую... Человѣкъ здѣсь говорить...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. О, про меня пусть говорить, чтѣ хочетъ.

Геншель. Что ты меня кругомъ обманываешь.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Чтѣ?! Чтѣ?! Чтѣ?!

Геншель. Да? Смѣетъ онъ это сказать... И что миѣ... моя жена...

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я?.. Проклятая ложь! (Закрываетъ передникомъ глаза и убѣгаетъ).

Геншель. Чтѣбъ я!.. Моя жена!.. Что мы вмѣстѣ!.. Что наша Густля!.. Хорошо... хорошо... (Онъ отпускаетъ руку Вальтера и, хрюка, опускаетъ голову на столъ).

Вальтеръ. Чтѣ изъ меня лгуна строить!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната та же, чтѣ я въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ. Ночь; довольно сильный лунный свѣтъ падаетъ въ окна. Комната пуста. Послѣ всего происшедшаго прошло немного времени.

Въ комнатѣ зажигаютъ свѣчу. Черезъ нѣсколько секундъ входитъ Геншель, со свѣчѣй въ жестяномъ подсвѣчникѣ. Онъ въ лапсахъ; на ногахъ туфли. Медленно подходитъ къ столу, нерѣшительно оглядывается назадъ и въ окно; ставитъ свѣчу на столъ, самъ же садится у окна. Подтираетъ руками подбородокъ и смотритъ на луну.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (ея не видно; зоветъ изъ другой комнаты). Мужъ! Мужъ! Чтѣ ты тамъ дѣлаешь? Чтѣ ты еще дуришь тутъ? (Выглядываетъ полуодѣтая). Гдѣ же ты? Иди спать. Пора! Завтра ты опять не поднимешься, будешь лежать, какъ мѣшокъ, а во дворѣ все пойдетъ вверхъ дномъ. (Выходитъ полуодѣтая; съ удивленіемъ останавливается, боязливо приближается къ Геншелю). Чтѣ ты дѣлаешь? А?

Геншель. Я?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Что съ тобой? Сидишь и не говоришь ни слова.

ГЕНШЕЛЬ. Я смотрю на тучи.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ну и народъ! Прямо съ ума сойдешь! Что это тамъ, наверху, хотѣла бы я знаты! Такъ вотъ каждую ночь... толчея! Нѣтъ покоя на свѣтѣ... Ну, что ты не смотришь? Скажи хоть слово.

ГЕНШЕЛЬ. Тамъ, наверху, они.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Во снѣ ты, что ли? Ты, Вильгельмъ, очнись! Ложись въ постель да выспись. Наверху тучи и больше ничего.

ГЕНШЕЛЬ. У кого глаза, — тотъ видитъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Кто рехнулся, — тотъ разумъ потерялъ.

ГЕНШЕЛЬ. Я не рехнулся.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я не говорю. Но если ты будешь продолжать, то можетъ статься. (Она дрожитъ, надѣваетъ кофту и кошергой разгребаетъ золу въ почкѣ).

ГЕНШЕЛЬ. Который часъ?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Четверть второго.

ГЕНШЕЛЬ. Что ты часы перевѣсила? Они вѣдь всегда висѣли около двери.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Выдумывай еще! Они висятъ тамъ, гдѣ всегда висѣли.

ГЕНШЕЛЬ (встаетъ). Я пойду схожу въ конюшню.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я тебѣ говорю, — иди спать, а то я шумъ подыму. Нечего тебѣ теперь искать въ конюшнѣ. Ночью ты долженъ быть въ постели.

ГЕНШЕЛЬ (спокойно останавливается и смотреть на Ганну). А гдѣ же Густли?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Чего ты хочешь? Она въ постели, спитъ. Что ты всегда съ этой дѣвчонкой вяжешься? Ничего ей не станется.

ГЕНШЕЛЬ. Ей ничего не станется. Она пошла спать. Слишкомъ рано пошла спать. Густли-то... Я не про Берту говорю.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (востъ, затыкая переднякомъ ротъ). Я удеру! Я убѣгу! Я здѣсь не останусь больше!

ГЕНШЕЛЬ. Иди спать, иди! Я послѣ приду. Твои вопли уже не помогутъ. Кто тутъ виноватъ, — Господь вѣдаетъ. Ты здѣсь не при чемъ, тебѣ нечего и вѣть. Богъ да я — мы оба знаемъ... (Запираетъ дверь на ключъ).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (быстро ее опять открываетъ). Что ты запираешь? Я не позволю себя запирать.

Геншель. Я самъ не знаю, почему я заперъ.

Фрау Геншель. Люди тебѣ голову задурили. Они когда-нибудь отвѣтятъ за то, что они тебѣ въ голову вбили. Я за твоей дѣвочкой смотрѣла, какъ и за моею. Отъ этого она, навѣрное, не умерла бы. Но мертвыхъ я поднимать не могу. Если кому суждено умереть, такъ и умереть. Ничѣмъ не остановишь. Густель всегда была плохонькая, это ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я. Что же ты все съ меня спрашиваешь и смотришь на меня такъ, будто я Богъ вѣсть что съ ней надѣлала.

Геншель (подозрительно спрашивая). А можетъ-быть? Ничего невѣроятнаго тутъ нѣтъ.

Фрау Геншель (выходить изъ себя). Если бы мнѣ кто сказалъ это тогда, — я бы лучше пошла милостыню просить. Ну и народъ! Это надо было предвидѣть! Такія вещи приходится выслушивать! Вѣдь я же хотѣла уйти! Кто меня удерживалъ? А? Кто не пускалъ меня силой изъ этого дома? Я всегда могла себѣ кусокъ хлѣба добыть! Я не боялась. Работать могла! Но ты вѣдь не отставалъ, а теперь вотъ что изъ всего этого вышло. Все я должна расхлебывать.

Геншель. Можетъ-быть, это правда, что ты должна все расхлебывать. Что будетъ, то будетъ. Ничего не подѣлаешь! (Опять запираетъ дверь).

Фрау Геншель. Ты не смѣешь запираетъ, Вильгельмъ, а то я буду кричать о помощи.

Геншель. Тс... Молчи! Ничего не слышишь? Тамъ... по коридору... что-то бѣжить... Слышишь... приближается къ ушату?... Слышишь плескъ?... Она стоитъ и моется.

Фрау Геншель. Тм... Мужъ! Тебѣ чудится... Ушатъ здѣсь.

Геншель. Ну да... я знаю... Меня они не проведутъ. Кто знаетъ, тотъ знаетъ. (Быстро) Больше я говорить не стану. Пойдемъ, пойдемъ спать: утро вечера мудренѣе.

(Пока она подходитъ къ каморкѣ, фрау Геншель тихо открываетъ дверь и быстро исчезаетъ).

Геншель (снимаетъ съ приоткрыта кнутъ). Да это мое старое кнутовище! Откуда только оно взялось? Больше года его не видѣлъ. Оно еще при жизни матери куплено. (Прислушивается) Что ты думаешь? Ну да, конечно, естественно... ничего... А если бы даже... Почему бы и нѣтъ... Ну, да ладно... Я уже знаю, что мнѣ остается сдѣлать. Это ужъ оставь...

(Въ пріотворенную дверь входитъ Зивенгааръ, знаками показываетъ Вермельскирху и фрау Геншель, чтобы они оставались. Онъ вполне одѣтъ, только вмѣсто воротника на шеѣ у него шелковый платокъ. Вермельскирхъ въ плафрокѣ).

Зивенгааръ. Добрый вечеръ, господинъ Геншель. Чтѣ вы еще не спите? Вамъ нездоровится? Чтѣ вы хотите?

Геншель (сперва изумленъ. Просто). Не могу спать. Нѣтъ совсѣмъ сна. Я бы принялъ что-нибудь, коли знать. Не знаю, какъ и чтѣ... Богъ знаетъ чтѣ со мною.

Зивенгааръ. Я вамъ вотъ чтѣ скажу, старый другъ: ложитесь спокойно теперь въ постель, а завтра раненько я пришлю доктора. Вы должны серьезно заняться собой.

Геншель. Ни одинъ докторъ мнѣ не поможетъ.

Зивенгааръ. Ну, этого вы не говорите. Мы еще увидимъ... Докторъ Рихтеръ понимаетъ свое дѣло. Моя жена цѣлыми недѣлями не спала. Голова отъ боли чуть не трескалась, — а вотъ въ среду приняла порошокъ, теперь спитъ всѣ ночи, какъ мертвая.

Геншель. Да, да... такъ... Это все быть можетъ... Я былъ бы радъ, если бы могъ спать. А барыня, въ самомъ дѣлѣ, больна?

Зивенгааръ. Ахъ, мы всѣ не въ порядкѣ. Скорѣе бы ужъ понедѣльникъ прошелъ, — все опять устроится!

Геншель. Въ понедѣльникъ передача всего?

Зивенгааръ. Да, къ понедѣлнику надѣмся все устроить, а пока работы все прибываетъ. Составленію инвентаря... все... я почти не раздѣваюсь. Слушайте, идите спать, Геншель. У каждого своя бѣда. Жизнь не игрушка. Мы всѣ должны сладить съ ней. А если въ голову вступить чтѣ, — не принимайте этого такъ близко къ сердцу.

Геншель. Покорно вась благодарю, господинъ Зивенгааръ. Не помяните лихомъ, прошу вась. Желаю вамъ на много лѣтъ здоровья съ вашей супругой.

Зивенгааръ. Мы вѣдь завтра опять увидимся, Генпель. Благодарить вамъ меня не за что. Мы не разъ оказывали другъ другу услуги, пока жили вмѣстѣ. Этому теперь конецъ. Противъ этого не встанешь. Но мы были друзья и, я полагаю, останемся ими.

Геншель (молча дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ окну и смотритъ изъ окна). Такія-то дѣла здѣсь. Время не ждетъ. Вотъ и Карлуша больше насъ не постигаетъ. Тутъ ничего не возразишь. Вѣрно, вы правы. Ничему хорошему мальчикъ здѣсь не научился бы. Прежде это было совсѣмъ иное.

Зивенгааръ. Я не понимаю, Геншель, о чемъ вы говорите.

Геншель. Вы вѣдь въ эту комнату тоже не входили... вотъ ужъ девять мѣсяцевъ.

Зивенгааръ. У меня было такъ много всякихъ заботъ...

Геншель. Раньше вы тѣмъ болѣе пришли бы. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, вы правы. И люди всѣ также правы. Я ужъ больше не могу постоять за себя.

Зивенгааръ. Геншель, подите, отдохните теперь.

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ... Мы можемъ немного потолковать объ этомъ. Видите ли, всему причиной я... Я знаю, что я виноватъ. Ну хорошо, пусть такъ. Но раньше, чѣмъ я Ганну взялъ, это уже началось потихоньку... Такъ потихоньку и шло подъ гору... Было у меня кнутовище изъ китоваго уха—сломалось. Затѣмъ вскорѣ,—я хорошо помню,—переехалъ я свою собаку. Это былъ самый лучший шпицъ, какого я имѣлъ. Потомъ пали у меня три лошади, дорогой красивый жеребецъ. Триста талеровъ стоилъ. Наконецъ умерла жена. Я тогда примѣтилъ, что это судьба. Когда жена умерла, я подумалъ на минуту: теперь ужъ, вѣрно, конецъ этому горю,—теперь ужъ нечего у меня взять. Анъ нѣтъ, еще нашлось! Про Густлю я даже говорить не буду: теряешь жену, теряешь и ребенка. Но нѣтъ, — поставили мнѣ петлю, и въ эту петлю я попалъ.

Зивенгааръ. Кто вамъ петлю поставилъ?

Геншель. Можетъ-быть, дьяволъ, а можетъ—кто-нибудь другой. Удаться я долженъ,—это вѣрно. (Молчаніе)

Зивенгааръ. Вотъ злосчастная выдумка!

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ, я даже и не спорю... Скверный я сталъ, но только я не виноватъ. Влопался я... А пусть и виноватъ... Кто знаетъ!.. Надо было слѣдить лучше... Вѣдь дьяволъ-то хитръ меня. Я все шелъ прямо...

Зивенгааръ. Геншель, вы сами себѣ врагъ. Вы бьетесь съ какими-то призраками, которые никогда и нигдѣ не существовали. Дьяволъ вамъ ничего не сдѣлалъ. Ни въ какую петлю вы не попадали, и никто васъ не давитъ. Все это вздоръ! Опасная игра воображенья.

Геншель. Поживемъ—увидимъ.

Зивенгааръ. Скажите мнѣ прямо, что у васъ на душѣ. Вы увидите, что все пустое. Вы и не злой, и не скверный, и ни въ чемъ не виноваты.

Геншель. Это мнѣ лучше знать.

Зивенгааръ. Ну, въ чемъ же?..

Геншель. Вотъ здѣсь стояла кровать; она лежала въ ней, и я долженъ былъ дать ей обѣтъ. Я далъ обѣтъ и не сдержалъ.

Зивенгааръ. Какой обѣтъ?

Геншель. Вы сами знаете. Я не сдержалъ—и наказанъ. Свершилось,—вотъ я и проигралъ. Видите, теперь она не можетъ найти покоя.

Зивенгааръ. Вы говорите про вашу покойную жену?

Геншель. Да, да, я только про нее и говорю. Она не можетъ пайти покоя въ могилѣ. Она уходитъ и приходитъ,—и все нѣтъ покоя. Я управляюсь съ лошадью, — она тутъ стоитъ. Я беру сито съ ячменя, гдѣ кормъ, и вижу ее сидящей за дверью. Хочу лечь въ кровать въ каморкѣ,—она лежитъ тамъ и смотритъ на меня. Она перевѣсила часы; она стучитъ въ стѣнку; она царапается въ стекло. Она кладетъ мнѣ руку на грудь, и я задыхаюсь и глотаю воздухъ... Нѣтъ, нѣтъ, кому это знать, какъ не мнѣ! Такія исторіи надо пережить, пока поймешь. Всего не перескажешь... Все это я перенесъ... вѣрите мнѣ!

Зивенгааръ. Геншель! Мое послѣднее слово: соберитесь съ духомъ, станьте на ноги; идите и спросите доктора. Представьте себѣ, что вы больны, очень больны, но прогоните всѣ эти призраки. Вѣдь это только призраки, фантазія!

Геншель. Тогда вы то же говорили... такъ, или въ этомъ родѣ...

Зивенгааръ. Можетъ-быть... Я и не отрекаюсь... Вы тогда женились,—въ этомъ вы были вполне правы. О грѣхѣ и винѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ.

Вермельскирхъ (входитъ). Пойдемте ко мнѣ, Геншель. Зажжемъ газъ и будемъ въ карты играть. Выпьемъ пивца, или чего вы хотите; выкуримъ по трубочкѣ... Пусть тогда сунутся только эти привидѣнія! Черезъ два часа будетъ свѣтло. Выпьемъ кофе и отправимся гулять. Чортъ бы меня побралъ, если вы не станете прежнимъ Геншелемъ!

Геншель. Можетъ-быть. Попробуемъ.

Вермельскирхъ. Такъ идемъ.

Геншель. Нѣтъ, къ вамъ я больше не пойду.

Вермельскирхъ. А, что за глупости! Ужъ не по тѣмъ ли вы пустякамъ!.. Это было все только недоразумѣніе. Все выяснилось. Я не пущу Гауфе совсѣмъ: онъ вѣдь всегда пьянъ. Ну, а въ задоръ... поневолѣ какое-нибудь словцо вылетитъ... Въ одно ухо войдетъ, въ другое выйдетъ... Такъ по-моему.

Геншель. Это было бы самое лучшее. Вы тоже правы. А все-таки въ нивную я больше не пойду. Буду побольше въ развѣздахъ... Такъ полагаю... Не будутъ же они за мной всюду ходить... Теперь спите на здоровье, и мнѣ хочется спать.

Зибенгааръ. А что, Геншель, если бы вы пошли со мной наверхъ? У меня въ конторѣ еще свѣтъ, натоплено... Тамъ мы сыграемъ втроемъ. Я и такъ едва ли лягу спать.

Геншель. Да, да, мы могли бы сыграть. Я уже давно въ карты не игралъ.

Фрау Геншель. Да, да, ступай наверхъ... Все равно спать не можешь.

Геншель. Я не пойду, поняла?

Фрау Геншель. А если ты здѣсь останешься, такъ я уйду отсюда. Кто знаетъ, что ты еще натворишь за ночь. Опять съ ножомъ начнешь играть. Да, да, онъ это вчера устроилъ... Тутъ нельзя быть увѣренной за жизнь!

Геншель. Этого еще недоставало, — чтобы я туда наверхъ пошелъ. Онъ самъ мнѣ первый посоветовалъ, чтобы я такъ поступилъ, а потомъ первый сталъ и презирать меня.

Зибенгааръ. Геншель, я никогда не презиралъ васъ! Вы честный человѣкъ; не убѣждайте себя въ безсмыслицѣ. Роковая судьба преслѣдуетъ человѣка. Надо перенести, а это не легко. Вы заболѣли, — но чести вы не потеряли... За это я руку положу въ огонь.

Геншель. Можетъ-быть, и такъ, г-нъ Зибенгааръ, будемъ о чемъ-нибудь другомъ говорить. Вы не виноваты, — я это всегда говорю. Зятя я тоже проклинать не буду. Онъ, вѣрно, знаетъ, откуда взялъ. Она сама ходитъ ко всѣмъ людямъ и каждому рассказываетъ. Она — вездѣ, то тутъ, то тамъ. У брата она тоже, вѣрно, была.

Вермельскирхъ. Кому ходить по людямъ! Объ этомъ ни одна человѣческая душа не думаетъ. Про эту недавнюю исторію люди ужъ и позабыли.

Геншель. Верти, какъ хочешь, она все-таки со мной. Она уже знаетъ, какъ быть, она вездѣ и каждому можетъ внушить. И если бы даже люди объ этомъ молчали и не преслѣдовали меня, какъ собаки, — ничего бы не помогло: это вѣлось въ меня.

Зибенгааръ. Геншель, мы не уйдемъ, пока вы не выкинете это изъ головы. Вы должны совершенно успокоиться.

Геншель. Я въ своемъ умѣ и совершенно спокоенъ.

Зивенгааръ. Ну, хорошо. Будемъ откровенны. Вы видите теперь, какъ ваша жена раскаивается. Кельнеръ уже за горами, его вы больше никогда не увидите. Каждый можетъ споткнуться, кто бы онъ ни былъ. Теперь просто подайте другъ другу руки, похороните все, что можно похоронить, и помиритесь между собою.

Геншель. Мнѣ не надо мириться. (Гани.) Руку, пожалуйста, могу тебѣ подать. Что ты преступила,—пусть судить Господь. Я судить тебя не стану. Только вотъ насчетъ Густли... Если бы можно было узнать что-нибудь вѣрное.

Фрау Геншель. Можешь убить меня здѣсь на мѣстѣ, пусть я буду сейчасъ мертвой, если я Густлю лишила жизни!

Геншель. Вотъ то-то я и говорю! Вѣдлось въ меня... Ну, завтра мы можемъ еще поговорить. Пока мы договоримся, много воды утечетъ.

Вермельскирхъ. Затопито-ка себѣ печь да сварите себѣ горячій кофе... Послѣ дождя всегда солнце ярче. Между мужемъ и женой не бываетъ иначе. Безъ грозы супружества не бываетъ. Но послѣ грозы — всходы лучше. А самое главное, это — баю-бай... (Какъ бы качаетъ ребенка на рукахъ) Вотъ что должно быть. Непремѣнно завести это надо. (Развязно треплетъ Геншельну по плечу). Старикъ вѣдь любить эту мелюзгу. Соберитесь и приобрѣтите себѣ такую игрушку... Громъ и молнія, Геншель Вильгельмъ! Если бы не удалось, — это чортъ знаетъ что было бы.. Такой силачъ, какъ вы... Ничего легче быть не можетъ! Спокойной ночи вамъ всѣмъ, господа.

Зивенгааръ. Все переимѣнится, только духомъ не падайте.

Вермельскирхъ. Потеплѣй платье да похолоднѣй кровь! (Уходитъ съ Зивенгааромъ).

Геншель (медленно идетъ къ двери и хочетъ опять ее запереть).

Фрау Геншель. Оставь, не запирай!

Геншель. Мнѣ все равно... Пусты! Что ты тамъ дѣлаешь?

Фрау Геншель (стоитъ прямо передъ печью. Вздрыгнувъ, оборачивается). Ты же видишь, зажигаю огонь.

Геншель (тяжело опускается у стола). Пожалуй, и лампу зажги. (Выдвигаетъ ящикъ стола).

Фрау Геншель. Что ты ищешь?

Геншель. Ничего.

Фрау Геншель. Ну, такъ задвинь ящики. (Подходить и задвигаетъ ящикъ). Бертель еще разбудишь! (Молчаніе).

ГЕНШЕЛЬ. Въ понедѣльникъ онъ уходитъ. Мы остаемся одни.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Кто уходитъ въ понедѣльникъ?

ГЕНШЕЛЬ. Зибенгааръ. Кто знаетъ, что будетъ при новомъ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Новый-то богатъ. Онъ не будетъ у тебя занимать.

ГЕНШЕЛЬ. Гавца... Одинъ изъ насъ долженъ уступить... изъ насъ двоихъ... Я? Да, да, это правда... Смотри на меня, какъ угодно... Не иначе.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я должна уйти? Прогнать меня хочешь?

ГЕНШЕЛЬ. Это увидимъ, кому уходитъ. Можетъ—я; можетъ—ты. Если-бъ я ушелъ... Я знаю, тебѣ это не бѣда. Ты ведешь извозничье дѣло, какъ мужчина. Но, какъ сказано, тутъ не во мнѣ дѣло.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Если ужъ кому-нибудь уходитъ, такъ мнѣ. У меня еще есть силы. Соберусь, уйду, и ни одинъ человѣкъ не увидитъ больше. Лошади, повозки, всѣ вещи—твои. Ты не можешь покинуть отцовскаго добра, — стало-быть, я уйду и—конецъ всему.

ГЕНШЕЛЬ. Это еще не рѣшено. Всему своя очередь.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Только нечего тянуть. Что было, то было.

ГЕНШЕЛЬ (тяжело встаетъ и идетъ къ каморкѣ). А Бертель? Что съ этой дѣвочкой?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ее надо отправить къ отцу... въ Квальсдорфъ.

ГЕНШЕЛЬ (уже въ дверяхъ каморки). Ладно, довольно... Завтра уснемъ... Все переѣмнится, —говоритъ Зибенгааръ. (Въ каморкѣ) Завтра все будетъ по-другому. (Молчаніе. Геншеля не видно). Берта опять вся въ поту.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Пусть себѣ попотѣетъ, это не повредитъ. У меня тоже капли текутъ по шеѣ. Ну и жизнь! (Открываетъ окно). Ужъ лучше совсѣмъ не жить!

ГЕНШЕЛЬ. Что ты говоришь? Я ничего не понимаю.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Ложись спать и оставь меня въ покоѣ.

ГЕНШЕЛЬ. А ты что же не идешь?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Уже разсвѣтаетъ. (Заводитъ часы).

ГЕНШЕЛЬ. Кто заводитъ часы?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Замолчишь ли ты! Проснется Бертель, — заведетъ... Будетъ орать цѣлые полчаса. (Садится къ столу, ставитъ оба локтя на столъ). Самое лучшее было бы сбѣжать отсюда. (Зибенгааръ заглядываетъ въ дверь).

ЗИБЕНГААРЪ. Я пришелъ еще разъ... Вашъ мужъ успокоился?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Мужъ! Вильгельмъ!

ЗИБЕНГААРЪ. Тс... Геншельша... Благодарите Господа... Идите-ка тоже спать. (Уходитъ).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Что-жъ остается дѣлать! Надо попробовать. (Подходить къ двери комнаты, останавливается въ оцѣпѣлннн и прислушивается). Вильгельмъ! Мужъ! Ты могъ бы отозваться! (Громче. Со страхомъ) Вильгельмъ! Ты не долженъ меня пугать! Ты думаешь, я не знаю, что ты еще не спишь! (Все больше пугаясь) Мужъ! Я тебѣ говорю!.. (Бертель, проснувшись, плачетъ). Бертель, молчи! Молчи! Дѣвочка, да что же это такое? (Почти крича) Вильгельмъ! Вильгельмъ! (Зибенгааръ опять заглядываетъ).

ЗИБЕНГААРЪ. Фрау Геншель, что случилось?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Я кричу, а онъ все не отвѣчаетъ.

ЗИБЕНГААРЪ. Вы съ ума сошли! Что вы дѣлаете?

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Тамъ такъ тихо... Что-то случилось...

ЗИБЕНГААРЪ. Что? (Беретъ свѣчку и входитъ въ каморку). Геншель, вы уже заснули? (Входитъ. Молчаніе).

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (не смѣя войти). Что?.. Что тамъ?..

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ (заглядываетъ). Кто тамъ?..

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ. Господинъ Зибенгааръ... А тамъ такъ тихо. Никто не отвѣчаетъ...

ЗИБЕНГААРЪ (торопливо, смертельно-блѣдный, входитъ съ Бертой на рукахъ). Фрау Геншель, возьмите ребенка и идите туда, наверхъ, къ моей женѣ.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (уже съ ребенкомъ на рукахъ). Ради Бога, что случилось?

ЗИБЕНГААРЪ. Узнаете... Будетъ время.

ФРАУ ГЕНШЕЛЬ (сперва сдержанно, а потомъ съ дикимъ крикомъ). Господи! Онъ что-то сдѣлалъ надъ собою! (Убѣгаетъ съ ребенкомъ).

ВЕРМЕЛЬСКИРХЪ. Доктора!

ЗИБЕНГААРЪ. Поздно. Не поможетъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

РОЗА БЕРНДЪ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ

Переводъ З. Н. Журавской.

«Роза Бернд» (Rose Bernd) заключает собою цикл социальных драм Гауптмана.

Написанная через пять лет послѣ «Возчика Геншеля», она поставлена авторомъ непосредственно за нею. Ни съ одною изъ гауптмановскихъ драмъ она въ самомъ дѣлѣ не стоитъ въ такой близости замысла, манеры выполненія и родственности среды и обстановки. Нужно обладать самою элементарною читательскою наблюдательностью, чтобы безошибочно признать въ авторѣ «Розы Бернд» автора «Геншеля».

«Роза Бернд» впервые увидѣла свѣтъ рампы 30 октября 1903 года въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ». На написаніе этой пьесы Гауптмана натолкнулъ дѣйствительный случай, съ которымъ онъ познакомился въ качествѣ присяжнаго засѣдателя при одномъ судебномъ разбирательствѣ.

Автора «Геншеля» естественно могъ заинтересовать трагическій надрывъ по существу вовсе не дурной женской души, изъ-за одного невѣрнаго шага покатавшейся по наклонной плоскости въ бездну гибели.

Роза—славная, честная, во всѣхъ отношеніяхъ богато одаренная дѣвушка, которой не чуждо ничто человѣческое—дѣлаетъ ложный шагъ, сходясь съ помѣщикомъ и сельскимъ администраторомъ Фламмомъ. Она уже готова поставить крестъ надъ прошлымъ, вступить въ строгую «честную» жизнь, тѣмъ болѣе, что находится человекъ, готовый покрыть ея грѣхъ,—набожный Августъ. Но одно отклоненіе въ сторону слабости и порока влечетъ неизбежность дальнѣйшей путаницы и катастрофы. Паденіе съ Фламмомъ влечетъ паденіе съ Штрекманомъ. Жутко осложняется жизнь злополучной дѣвушки. Все туже и туже затягивается случайный узелъ. И въ концѣ надорвавшаяся несчастная женщина, затравленная негодяемъ, измученная позоромъ судебной волюты, кончаетъ преступленіемъ,—удушеніемъ своего ребенка. «Кого-токъ увязъ,—всей птичкѣ пропасть»—вотъ лучший эпитафій къ пьесѣ Гауптмана и вотъ схема ея содержанія.

Отъ сопоставленій пьесы Гауптмана съ потрясающею драмой великаго русскаго художника никакъ невозможно удержаться. «Власть тьмы» просвѣчиваетъ сквозь строки, написанныя рукою нѣмецкаго драматурга. Основная идея толстовскаго произведенія, что грѣхъ засасываетъ, что первое звено порока неизбежно втянетъ человека въ непреодолимую нѣпь преступности и страданія,—есть и основная мысль Гауптмана.

И у того и у другого писателя эта мысль развивается на фонѣ деревенской жизни, въ разной мѣрѣ отданной во «власть» нравственной

«тѣмъ». Только въ такой тѣмѣ возможны плотоядные Штрекманы и Фламмы. Даже антитеза этимъ животнымъ типамъ въ лицѣ старика Бернда и Августа, не расстающихся съ библіей и молитвенникомъ, напоминаетъ толстовское противопоставленіе своимъ героямъ—Акима съ его философій жизни «по-Божьему».

Разница здѣсь только въ томъ, что Толстой покорно преклонялся передъ народной правдой, высказанной устами юсозычяного Акима, въ то время, какъ Гауптманъ полупиронически повернулъ предъ читателемъ нечуждую ханжества набожность Августа, отъ которой нѣтъ никому ни счастья ни радости.

Мѣстами грубоватое, рѣзко натуралистическое письмо Гауптмана,—достаточно, напримѣръ, вспомнить сцену перебранки Розы съ Штрекманомъ въ 3-мъ актѣ,—еще болѣе подчеркиваетъ вліяніе русскаго колосса на нѣмецкаго драматурга. Моментъ удущенія нежеланнаго ребенка обща той и другой драмѣ.

Сдѣланное указаніе надо признать несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ указанія нѣмецкой критики на сходство «Розы Бернда» съ старою миѣщанскою трагедіею Геббеля «Марія Магдалина» (1844 г.) или на связь ея съ цѣлымъ рядомъ нѣмецкихъ произведеній, гдѣ героинями являются поскользнувшіяся дѣвушки,—въ родѣ вещей Ленца, Г. Л. Вагнера, Фонтана и т. д.

Если еще дѣйствительно можно найти нѣкоторыя черты сходства положеній или настроеній съ трагедіей Геббеля, гдѣ также дѣвушка отдается нелюбимому человѣку, то другія сближенія надо отнести цѣликомъ на долю того нѣмецкаго критическаго педантизма, который никакъ не можетъ обойтись безъ подниманія пыли съ старыхъ литературныхъ образцовъ.

Колоритъ «Розы Бернда» почти однороденъ съ колоритомъ «Геншеля». Здѣсь та же деревенская жизнь, которую Гауптманъ такъ ideally знаетъ. Разница только въ томъ, что на этотъ разъ драматургъ отбился отъ своихъ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній деревни, отъ того этнографическаго элемента, какой онъ съ такой любовью вносилъ въ другія свои драмы. Здѣсь передъ читателемъ, такъ сказать, *деревня вообще*, безъ тѣхъ специальныхъ черточекъ, по которымъ нѣмецкій читатель всегда узналъ бы у Гауптмана опредѣленную слезскую деревню и могъ бы назвать ее собственнымъ ея именемъ.

Сказать это—не значить умалять цѣнность изображеній быта и нравовъ въ этой пьесѣ. Красочность Гауптмана осталась при немъ. Удалась и психологическая сторона драмы. Трагедія Розы понятна и правдива. Можно указать только развѣ на нѣкоторую односторонность преобладающаго ея настроенія. За исключеніемъ сценъ въ первомъ актѣ, читатель всюду видитъ Розу въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчномъ страданіи за свою коренную ошибку. Это вноситъ цѣльность и стройность въ драму, но это же даетъ известную односторонность образу и заслоняетъ въ немъ полноту человѣческихъ чертъ, лишаетъ Розу, такъ сказать, полноты жизни.

Это не лишаетъ многимъ притяжамъ очень высоко ставить драму Гауптмана. Бартельсъ видитъ въ ней «серьезнѣйшую попытку подняться до настоящей трагедіи». Настоящей трагедіи, по его мнѣнію, не вышло, но, во всякомъ случаѣ, вышла «жизненная драма, лучшая, какую Гауптманъ написалъ. Какими рѣзкими и сочными красками онъ изображаетъ выведенную въ пьесѣ среду, опять ему родную, какъ

подны настроенія сцены на полѣ, какъ тонко передана окружающая госпожу Фламмъ атмосфера, какъ явственно выступаетъ, — хотя въ данномъ случаѣ это и не такъ важно, — вся атмосфера деревни! Сама Роза, Фламмъ, его жена, отецъ Берндъ, Августъ, Штрекманъ имѣютъ свою особенную, индивидуальную физиономію и тотъ прочный ко- стязъ, какого часто недостаетъ гауптмановскимъ персонажамъ. Это вполне закругленная бытовая картина, и, какъ драма, она совершенна. Вмѣстая «драматическую пошлину» съ каждаго лица, Гауптманъ требуетъ и отъ каждой сцены драматическаго развитія и идетъ неуклонно своей дорогою вплоть до страшнаго конца».

Въ нѣкоторыхъ моментахъ, какъ въ выраженіи ужаса Розы передъ первымъ проявленіемъ наглости Штрекмана, въ сценахъ утѣшенія Розы г-жою Фламмъ, отказа Фламма скрѣпить брачный договоръ ея съ Кейлемъ, объясненій Фламмовъ, наконецъ въ финалѣ драмы, гдѣ мощно сгущается настроеніе, — Гауптманъ даетъ почувствовать себя, какъ истинный мастеръ и силачъ драматургін.

Если Гауптману не удалось, какъ удалось Толстому, возвести единичный случай въ глубокую народную трагедію, — онъ написалъ бытовья сцены съ истинно-драматическимъ подъемомъ и производящимъ сильное впечатлѣніе финаломъ.

РОЗА БЕРНДЪ.

ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БЕРНДЪ.

РОЗА БЕРНДЪ.

МАРТЕЛЬ.

КРИСТОФЪ ФЛАММЪ.

Г-ЖА ФЛАММЪ.

АРТУРЪ ШТРЕГМАНЪ.

АВГУСТЪ КЕЙЛЬ.

ГАНЪ.

ГЕЙНЦЕЛЬ

ГОЛИШЪ.

КЛЕЙНЕРТЬ

} подепщики.

СТАРАЯ ГОЛИЧНИХА.

ПЕРВАЯ РАБОТНИЦА.

ВТОРАЯ РАБОТНИЦА.

ЖАНДАРМЪ.

ДѢЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Ровная цвѣтущая мѣстность. Ясное, теплое, солнечное майское утро. Наискось, слѣва направо и изъ глубины къ авансценѣ, идетъ проселочная дорога. Справа, нѣсколько повыше дороги, поля. На авансценѣ небольшое картофельное поле, на которомъ уже виднѣются зеленые всходы. Дорога и поле раздѣлены небольшой, поросшей цвѣтами, канавкой. Налѣво, на откосѣ, вышиною приблизительно въ человѣчскій ростъ, старое вишневое дерево. Направо кусты орѣха и боярышника; приблизительно параллельно дорогѣ, но довольно далеко отъ нея, между зарослями вербъ и ольхъ, пробѣгаетъ ручеекъ. Отдѣльныя группы старыхъ деревьевъ придаютъ ландшафту видъ парка. Слева, на заднемъ планѣ, виднѣются кровли домовъ и колокольня деревенской церкви, утопающая въ зелени. День воскресный.

РОЗА БЕРНДЪ (красивая, сильная крестьянская дѣвушка 22 лѣтъ. выходитъ взволнованная, съ покраснѣвшими щеками, слѣва изъ-за куста, пугливо озирается вокругъ, и садится на откосѣ. Она босая, въ короткой юбкѣ съ подоткнутымъ подоломъ, руки и шея голыя; блондурные волосы расчесаны на двѣ косы, изъ которыхъ одна расплелась, и она ее торопливо заплетаетъ).

КРИСТОФЪ ФЛАММЪ (старшина, нѣчто въ родѣ деревенскаго мэра, вскорѣ затѣмъ съ другой стороны выходитъ изъ кустовъ. Онъ тоже какъ будто чего-то боится и озирается вокругъ, но дѣлаетъ это съ такимъ видомъ, точно это его забавляетъ. Фламмъ — видный мужчина, лѣтъ подлѣ 40, здоровый, свѣжій, широкоплечій, жизнерадостный, варужность экспонирующая и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичная. Одѣтъ какъ спортсменъ, но безъ шутовскаго франтовства. Башмаки со шнурками, охотничьи высокіе чулки, черезъ плечо перевязь и на ней кожаная фляга. Онъ тоже усаживается на откосѣ, на почтительномъ разстояніи отъ Розы).

Нѣкоторое время оба молча смотрятъ другъ на друга и вдругъ разражаются неудержимымъ смѣхомъ.

ФЛАММЪ (напѣваетъ сначала тихо, потомъ все громче и задорнѣе, какъ капельмейстеръ, отбивая тактъ):

Въ лѣсу и въ полѣ чистомъ
Свою мы радость сыщемъ;
Мы ловкіе стрѣлки,
Мы ловкіе стрѣлки.

РОЗА (сначала испугалась пѣнія, потомъ развеселилась, отъ смущенія нѣсколько разъ принимается смѣяться). Нѣтъ, правда, господинъ Фламмъ...

ФЛАММЪ (весело) Подпѣвай, Розина.

РОЗА. Я не умѣю пѣть, господинъ Фламмъ.

ФЛАММЪ. Вотъ и неправда, Розина. Точно я не слыхалъ, какъ ты поешь на дворѣ (поетъ): «Охотникъ молодой...» Ну, что же ты? «Зеленымъ ѣдетъ боромъ».

РОЗА. Да я и пѣсни-то этой не знаю, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Что ты все меня зовешь господиномъ Фламмомъ? Ну, дѣвочка, цыпъ, цыпъ, цыпъ! подвинься-ка поближе.

Роза (пугливо). Сейчасъ изъ церкви стануть выходить, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Ну, и пусть ихъ. (Встаетъ и вынимаетъ изъ дупла вишневаго дерева напѣвое свое ружье). Во всякомъ случаѣ надо надѣтъ на себя свою пистолю. Вотъ такъ. Теперь давай сюда шляпу. Трубку... Ну, теперь пусть приходятъ. (Надѣтъ черезъ плечо ружье и сдвинулъ набекрень шляпу съ тетеревинымъ перомъ, досталъ изъ кармана коротенькую трубку и вложилъ ее въ ротъ). Гляди, какія славныя вишни, самыя что ни на есть сладкія--воробыиныя. (Показываетъ Розѣ полную пригоршню вишенъ. Искренно и сильно) Розина, я хотѣлъ бы, чтобъ ты была моею женой.

Роза. Ой, что вы, господинъ Фламмъ!

Фламмъ. Клянусь Богомъ, Розина.

Роза (испугавно отмахивается). Нѣтъ, нѣтъ! Что вы это!

Фламмъ. Роза, давай сюда свою славную честную лапку! (Удерживая ея руку, садится). Ей-Богу, я правду говорю, Розина. Видишь ли, я вѣдь большой чудакъ... Мамашу свою я чертовски люблю, а между тѣмъ...

Роза (закрываетъ лицо рукой). Впору сквозь землю провалиться.

Фламмъ. Такъ вотъ, изволишь ли видѣть, я чертовски люблю свою жену; это я тебѣ прямо говорю... а между тѣмъ... (Потерявъ терпѣнье) Да вѣдь это же ея не касается.

Роза (невольно расхохоталась). Ужъ вы такое скажете, господинъ Фламмъ.

Фламмъ (искренно любуясь ею). Слушай, дѣвка, а вѣдь ты красивая, ей-Богу... Прямо, можно сказать, красавица. Видишь ли, въ чемъ дѣло: мать... У насъ съ нею странныя отношенія. Этого въ двухъ словахъ не объяснишь. Генріетта, сама знаешь, больная. Вотъ ужъ десять лѣтъ не встаетъ съ постели, развѣ что переползетъ на кресло, чтобъ ее выкатали на воздухъ... такъ, громъ меня разрази, какой же мнѣ отъ нея толкъ? (Схватываетъ дѣвушку за руку и порывисто цѣлуетъ).

Роза (испуганная поцѣлуями). Изъ церкви идутъ...

Фламмъ. И не думаютъ. Что тебѣ такъ далась эта перковь?

Роза. Августъ тоже въ церкви.

Фламмъ. Еще бы! Гдѣ святошѣ и быть, какъ не въ перкви! Да успокойся ты, Роза, вѣдь нѣтъ еще половины

одинадцатого; какъ стануть выходить изъ церкви, звонить будутъ... Ну, иди сюда... и мамаша тебѣ нечего бояться.

Роза. Ахъ, Кристофъ, она такъ иногда посмотритъ, что я прямо готова сквозь землю провалиться.

Фламмъ. Ты не знаешь моей старухи. Мать хитрая, она сквозь четыре доски видитъ. Но это еще... вѣдь она и добра, какъ овца... если-бъ она даже какъ-нибудь узнала про насъ съ тобой,—ну, такъ что-жъ? Головы вѣдь не сниметь...

Роза. Ой, нѣтъ, нѣтъ, и не говорите—ради Бога, господинъ Фламмъ!

Фламмъ. Ну, чего ты, Роза? Будетъ тебѣ. Нюхнуть развѣ? гм... (Беретъ понюшку табаку). Я тебѣ еще разъ повторяю: мнѣ это совершенно безразлично. (Разсердившись) Какъ же мнѣ прикажешь быть? Вѣдь я-то живой человѣкъ?.. Ну, будетъ, Роза. Что такое особенное случилось?.. Ты вѣдь знаешь, какъ я серьезно отношусь къ этому. Ну, дай я вытру тебѣ глаза.

Роза. Господинъ Кристофъ, вы такой добрый ко мнѣ (Со слезами на глазахъ, въ искренномъ порывѣ цѣлуетъ руку Фламма) Но...

Фламмъ (нѣсколько смущенный). Добрый? Вздоръ, Розина! Какая это доброта, чортъ бы меня побралъ! Будь я свободенъ, я бы женился на тебѣ. Видишь ли, я вѣдь малый съ головой, кой-чему учился. Мое мѣсто скорѣй... Ну, да что объ этомъ говорить. Я бы могъ быть теперь старшимъ лѣсничимъ, а между тѣмъ, когда померъ старикъ, сразу рѣшилъ: айда домой, а карьеру на гвоздикъ. Не годусь для всѣхъ этихъ тонкостей. Блокгаузъ, ружье, медвѣжьей окорокъ—вотъ это по мнѣ. А подвернулся лихой человѣкъ—зарядъ дрови въ задъ...

Роза. Да вѣдь нельзя же такъ, господинъ Фламмъ. Надо же этому когда-нибудь положить конецъ.

Фламмъ (про себя). Ахъ, ты, громъ тебя разрази! Опять этотъ проклятый святоша. Да что онъ, не можетъ подождать, что ли? Мало ему останется? Хватить съ него. (Розѣ) Нѣтъ, дѣвка, ты его непридержи; это надо оттянуть.

Роза. И такъ слишкомъ долго тянули. Онъ ужъ больше двухъ лѣтъ ждетъ. А теперь надоѣло, пристаешь: не хочу, говорить, больше ждать. Да и вправду, нельзя же такъ—безъ конца.

Фламмъ (взбѣшенный). Вздоръ, говорю-я тебѣ! До сихъ поръ ты день и ночь работала на отца, жила и жизни не видѣла, а теперь тебя еще переплетчикъ запряжетъ. Это-

низость—выматывать изъ человѣка послѣднія жилы. Если ты только за этимъ, такъ на это будетъ еще время.

Роза. Нѣтъ, Кристофъ... Хорошо вамъ говорить, господинъ Фламмъ. А будь вы на моемъ мѣстѣ, вы бы, можетъ, совсѣмъ иначе заговорили. У отца здоровье плохое, я вѣдь знаю. Помѣщикъ отказалъ намъ отъ квартиры. Туда, кажется, хотятъ помѣстить новаго скотника. И вообще отцу давно уже хочется, чтобъ это наконецъ устроилось.

Фламмъ. Ну, такъ пусть твой отецъ самъ вѣнчается съ Августомъ Кейлемъ, коли ужъ онъ ему такъ полюбился. Вѣдь онъ души не чаеъ въ этомъ переплетчикѣ,—прямо помѣшался на немъ.

Роза. Вы несправедливы, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Скажи лучше... Да... что, бишь, я такое говорилъ? Не терплю я этихъ противныхъ фizioномій; онъ мнѣ прямо противенъ, твой Августъ, прости меня, Господи,—да и тебѣ тоже, Розина. Почему мнѣ не сказать этого тебѣ откровенно? Можетъ-быть, у него и есть свои достоинства. Можетъ-быть, у него и гроши кой-какіе отложены. Но вѣдь это еще не причина, чтобы тебѣ лѣзть въ горшокъ съ клейстеромъ.

Роза. Нѣтъ, Кристофъ. Не говори такъ—и слушать-то грѣшно. Августъ столько потерпѣлъ на своемъ вѣку... И болѣзнь и всякія напасти. Мнѣ его всей душой жалко...

Фламмъ. Васъ, женщину, не поймешь. Какъ будто и умница и разсудительная, и вдругъ натолкнешься на такой пунктикъ, что только дивисься, какія вы въ сущности глупыя. Ну, чистыя гусыни, ей-Богу. Скажите, пожалуйста,—«жалко всей душой». Ты и за каторжника способна выйти изъ состраданія—или по глупости. Ну, скажи на милость,—чѣмъ этотъ твой Августъ такъ ужъ несчастливъ? Выросъ онъ въ пріютѣ, но вѣдь въ концѣ концовъ пробилъ же себѣ дорогу... не захочешь ты,—почтенные отцы найдутъ ему другую невѣсту. На этотъ счетъ «братья о Христѣ» мастера.

Роза (рѣшительно). Нѣтъ, господинъ Фламмъ, пора это кончить. Что было, то было, и я о томъ не жалѣю, хоть и вдоволь наплакалась втихомолку. Этого ужъ не перемѣнишь. А кончить все-таки надо,—такъ дольше нельзя.

Фламмъ. Чего нельзя? Что ты хочешь сказать?

Роза. Да все то же. Тянуть больше невозможно, отецъ больше этого не потерпитъ, и онъ совершенно правъ. Господи Іисусе Христе! Понятное дѣло, это не легко...

Когда на душѣ такъ тяжело... Я не знаю, какъ и объяснить. (Хватается за грудь) Вотъ тутъ — такъ тѣснить... такъ души... Иной разъ такъ сердце заболитъ,—прямо не вздохнуть... Надо же это какъ-нибудь по-другому устроить.

Фламмъ. Ну, пока этому горю трудно помочь. Однако пора. Мнѣ нужно домой. (Встаетъ и перекидываетъ ружье за спину). До свиданья. Прощай, Розина.

Роза (не отвѣчая, смотреть прямо передъ собой).

Фламмъ. Что съ тобой, Розина? До свиданья?

Роза (отрипательно качаетъ головой).

Фламмъ. Не хочешь? Я тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ, Розина?

Роза. Никогда больше не надо такъ, какъ сегодня, господинъ Фламмъ.

Фламмъ (внезапно охваченный страстью). Роза, а если это сдѣлаетъ меня несчастнымъ?.. (Обнимаетъ и страстно целуетъ ее).

Роза (черезъ нѣсколько мгновеній, въ страшномъ испугѣ). Радн Бога—кто-то идетъ, господинъ Фламмъ!

Фламмъ (испуганно отскочилъ отъ нея и скрылся въ кустахъ)

Роза (быстро встаетъ, наскоро поправляетъ волосы и платье тревожно озирается вокругъ, но, никого не замѣтивъ, беретъ заступъ и начинаетъ копать картофельное поле).

(Немного погодя къ ней подходитъ, незамѣченный ею, одѣтый по-праздничному, машинистъ Артуръ Штрекманъ. Штрекманъ—такъ-называемый красавецъ-мужчина, высокій, широкоплечій, фатоватый и самоуверенный. У него длинная золотистая борода, ниспадающая на грудь. Его костюмъ, отъ сдвинутой на затылокъ форменной зеленой фуражки до блестящихъ, какъ зеркало, высокихъ сапогъ, длиннаго сюртука и вышитаго жилета, безупреченъ. И по платью и по манеру держать себя видно, что Штрекманъ много о себѣ думаетъ, весьма самонадѣянъ и вполне убѣжденъ въ своей необычайной красотѣ).

ШТРЕКМАНЪ (какъ будто теперь только замѣтившій Розу, красиво-звучнымъ голосомъ). Добрый день, Розина Берндт!

Роза (испуганно оборачиваясь). Здравствуй, Штрекманъ! (Неуверенно) Откуда ты—изъ церкви?

ШТРЕКМАНЪ. Я вышелъ раньше, чѣмъ кончилась служба.

Роза (взволнованно, съ упрекомъ). Почему же это такъ? Развѣ ты не могъ дослушать проповѣди до конца?

ШТРЕКМАНЪ (испытующе глядя на нее). Почему?.. Да такъ, погода ужъ очень хорошая. Да и супруга моя осталась въ церкви. Надо же когда-нибудь побыть одному.

Роза. А вотъ я бы предпочла быть въ церкви.

ШТРЕКМАНЪ. Для женщины оно такъ и слѣдуетъ.

Роза. У тебя, навѣрное, цѣлый коробъ грѣховъ. Могъ бы помолиться хоть немного.

Штрекманъ. О, мы съ Господомъ Богомъ въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ на мои грѣхи смотритъ сквозь пальцы.

Роза. Да, да, рассказывай!

Штрекманъ. Обо мнѣ Онъ особенно не беспокоится.

Роза. Очень ужъ ты высоко о себѣ понимаешь.

Штрекманъ (смѣется громко и аффектированно).

Роза. Если-бъ ты былъ такой правдивый человѣкъ, ты-бъ не колотилъ своей жены.

Штрекманъ (сверкнувъ глазами). Именно потому! именно! Такъ и слѣдуетъ. Бабѣ необходимо показать, что ты господишь.

Роза. Пожалуйста, не воображай о себѣ.

Штрекманъ. Понятное дѣло. Разъ это твое право, — и стой на своемъ правѣ. Съ этимъ я всегда добьюсь своего.

Роза (принужденно смѣется).

Штрекманъ. Мнѣ сказывали, ты хочешь уйти отъ Фламма?

Роза. Да вѣдь я теперь и не служу у Фламма. Самъ видишь, у меня на рукахъ другая работа.

Штрекманъ. Да вѣдь ты вчера еще работала тамъ.

Роза. Ну такъ что же? Хочу работать, хочу вѣтъ. А ты не суйся не въ свое дѣло.

Штрекманъ. Правда, что твой отецъ перебрался?

Роза. Куда это?

Штрекманъ. Къ Августу, въ Лахмановъ домъ.

Роза. Августъ еще и не покупалъ этого дома. Видно, люди знаютъ больше меня.

Штрекманъ. Говорятъ также, что у васъ скоро свадьба будетъ.

Роза. Ну и пусть говорятъ.

Штрекманъ (помолчавъ, подходитъ къ ней ближе и останавливается, широко раздвинувъ ноги). Ты права, это еще успѣется. Такой красоте, какъ ты, не странно засидѣться въ дѣвкахъ. Пусть сначала нагуляется вдоволь, — вѣдь только и погулять, пока не замужемъ. (Помолчавъ) Хворый онъ у тебя, этотъ Августъ...

Роза. И слышать не хочу. Оставь меня въ покоѣ, и всѣ ваши наговоры ни къ чему. Онъ нисколько не хуже другихъ.

Штрекманъ. Ну, положимъ... пороку онъ не выдумаетъ.

Роза. Ладно, знаемъ мы твой порохъ... Послушать только, что бабы про тебя толкуютъ... Понятное дѣло, Августъ не такой.

ШТРЕКМАНЪ (самодовольно смѣется). Противъ: этого не спору.

Роза. Еще бы!

ШТРЕКМАНЪ (прищуривъ глаза, зорко смотритъ на нее). Со мной одними винными не отдѣлаешься. Коли я чего захочу отъ бабы,—добьюсь.

Роза (насмѣшливо). Скажите!..

ШТРЕКМАНЪ. Вотъ и «скажите». Хочешь, обѣ закладъ побьемся, Розина? (Шутливо) Ты вѣдь ужъ давно на меня заглядываешься. (Приближается къ ней и хочетъ обнять ее).

Роза. Что ты выдумалъ, Штрекманъ? Отстань!

ШТРЕКМАНЪ. Ну полно..

Роза (отталкиваетъ его). Штрекманъ, я тебѣ разъ сказала... надобли вы мнѣ—всѣ, мужики! И не глядѣла бы.. Ступай своей дорогой...

ШТРЕКМАНЪ. Да что же я такого сдѣлать?.. (Помолчавъ, со смѣхомъ, полусмущеннымъ, полужалобнымъ) Ну погоди; попадешься ты мнѣ когда-нибудь. Ужъ попадешься... Хотя ты и напускаешь на себя святость... ты думаешь, я ничего не знаю?.. Вотъ оно дерево. А подъ деревомъ-то... даже мнѣ совѣсно... что бы сказали отецъ съ Августомъ? Вотъ, напримѣръ, эта груша. И въ ней дупло теперь пустое... а тамъ стояло ружье...

Роза (продолжая работать, прислушивается все внимательнѣе. При послѣднихъ словахъ Штрекмана невольно вздрагиваетъ и блѣднѣетъ). Что ты такое говоришь?

ШТРЕКМАНЪ. Ничего. Проѣхали... А только когда человѣкъ ничего не подозреваетъ, когда у него даже мысли такой не было, — это прямо, гнусность... это ужъ такой надо быть...

Роза (испуганная, не владѣя собой, бросается къ нему). Что ты сказалъ?

ШТРЕКМАНЪ (выдержавъ ся взглядъ). Ты слышала, что я сказалъ.

Роза. Что значитъ, «такой»? Какой это «такой»?..

ШТРЕКМАНЪ. А ничто не значитъ.

Роза (сжимаетъ кулаки и вливается въ него взглядомъ, полнымъ гнѣва, ненависти, изумленія и страха; затѣмъ въ сознаниіи своего безсилія опускаетъ руки и почти съ плачемъ выкрикивается). Ты мнѣ за это не платишься! (Плача, прикрываетъ глаза правой ру-

кой, а лѣвой подымаетъ конецъ передника и сморкается; потомъ, всхлипывая, совершенно разбитая, возвращается на прежнее мѣсто).

ШТРЕКМАНЪ (смотреть ей вслѣдъ съ прежнимъ выраженіемъ холодной злости и рѣшимости. Понемногу улы овладѣваетъ невольный смѣхъ, и онъ наконецъ начинаетъ громко смѣяться). Вотъ и всё вы такъ... Да будетъ тебѣ, дурочка. Успокойся, за кого ты меня принимаешь, Роза Беридь?.. Ну, что такое?.. ну было, такъ было — эка важность. Почему и не дурачить людей?.. Сами виноваты — зачѣмъ такъ глупы... Которая баба это умѣетъ, та мнѣ и мила. Меня, братъ, на это взять; я въ бабѣ толкъ знаю. Ты, можетъ, не повѣришь, а вѣдь я тебя съ самаго начала раскусилъ.

Роза (внѣ себя). Штрекманъ, я руки на себя наложу, если ты не уйдешь отсюда... Понялъ?.. я... мнѣ... уйти... не то быть бѣдѣ...

ШТРЕКМАНЪ (сидя на краю канавы, похлопываетъ себя ладо ями по колѣнамъ). Ну, скажи на милость, чего ты воешь?.. Ты думаешь, я сейчасъ пойду и буду обличать тебя всюду, всѣмъ стану про тебя смлетничать?.. Да мнѣ-то какое дѣло до твоихъ похощеній, желаль бы я знать?..

Роза. Я повѣшусь на первомъ крюкѣ, какъ Шубертова Маріэль...

ШТРЕКМАНЪ. Маріэль—совсѣмъ другой табакъ. Та не такихъ еще штукъ натворила. Да у меня съ ней ничего не было. А если бы всё изъ-за этого вѣшались — скоро бы и бабъ на свѣтѣ не осталось. Вѣдь и вездѣ то же, куда ни глянь... Ну, и тово... понятное дѣло, смѣшно станеть... Да и не о чемъ плакать... Ну, будетъ тебѣ. Вдругъ отецъ сверху увидитъ—вѣдь заругаетъ. Онъ у тебя стро-о-гій...

Роза (вся дрожа, въ поту отъ страха). Господи Иисусе, Пресвятая Дѣва, помилуй насъ!

ШТРЕКМАНЪ. Ну, скажи сама, развѣ я не правъ? Вѣдь вы всѣмъ въ носъ тычете своимъ благочестіемъ—и отецъ твой, и Августъ, да и ты тоже. А я, братъ, ханжества не уважаю...

Роза (съ новымъ отчаяннымъ порывомъ). Врешь ты все... Ничего и не видѣлъ...

ШТРЕКМАНЪ. Что-о?.. Не видѣлъ?.. Что-жъ, это мнѣ во снѣ приснилось, что ли?.. Развѣ что такъ. Я вѣдь не пьянъ, у меня сегодня капли во рту не было. Что же, скажешь, это былъ не старшина Фламъ изъ Дисдорфа? Не заплеталъ онъ тебѣ косы? Не ташилъ тебя на лугъ? (Съ цинич-

нымъ смѣхомъ) Или, можетъ, вы еще раньше въ кустикахъ натѣшились всласть?

Роза. Штрекманъ, я тебѣ голову разможжу!

ШТРЕКМАНЪ (все еще смѣясь). Да ты слушай. Не бойся—ничего тебѣ не будетъ... Я вѣдь не въ претензіи. Кто первый пришелъ, тотъ и взялъ—только и всего. Я не въ претензіи.

Роза (безсильно плача и визжа и въ то же время продолжая судорожно тыкать заступомъ въ землю). Вѣдь надо же быть негодяемъ, чтобы этакое выдумать.

ШТРЕКМАНЪ (грубо, съ злобостью). Это ты выдумываешь. Я ничего не выдумываю. А вотъ попользоваться не прочь. Куда старшинѣ Флааму ходъ, тамъ и мнѣ мѣстечко найдется.

Роза (уже совершенно не владея собой, кричить и плачетъ). Я всю свою жизнь была честной дѣвушкой, всегда хорошо вела себя, а онъ смѣетъ про меня «этакое» рассказывать. Я трехъ братьевъ и сестеръ вырастила. Я до свѣту вставала, капли молока сама не выпью — все имъ... Это всѣ знаютъ, всякій ребенокъ на деревнѣ...

ШТРЕКМАНЪ. Зачѣмъ же такъ кричать объ этомъ? Вонъ ужъ люди изъ церкви идутъ, звонятъ уже. Другой разъ будь обходительнѣй. Очень ужъ вы всѣ носъ задираете, чуть не лопнете отъ чванства... Ну, да будетъ объ этомъ толковать. А только все-таки вы ничуть не лучше другихъ.

Роза (въ страшной тревогѣ взглядывается вдаль). Это не Августъ идетъ?

ШТРЕКМАНЪ (смотреть въ томъ же направленіи. Презрительно). Гдѣ? Ну, конечно, онъ. Оба идутъ. Обходятъ пасторскій садъ. Ну такъ что же? Ты думаешь, мнѣ надо убираться? Я этого святоши не боюсь.

Роза (въ страхѣ и волнуясь). Штрекманъ, у меня отложено двѣнадцать талеровъ.

ШТРЕКМАНЪ. Розиночка, у тебя отложено гораздо больше.

Роза. Ну хорошо, я тебѣ отдамъ все, что скопила... Всѣ свои тряпки отдамъ... Деньги всѣ принесу до послѣдняго грошика, только сжался... Штрекманъ... (Съ мольбой ловить его руки, онъ отнимаетъ ихъ).

ШТРЕКМАНЪ. Я денегъ не возьму.

Роза. Штрекманъ... Ради всего святого...

ШТРЕКМАНЪ. Вотъ я посмотрю, не образумишься ли ты?

Роза. Если хоть одинъ человекъ на деревнѣ узнаетъ...

Штрекманъ. Это зависитъ отъ тебя. Этого никому не нужно знать. Сама не станешь говорить, такъ никто не узнаетъ. (Другимъ тономъ, страстно) Вѣдь я влюбленъ въ тебя по уши...

Роза. Въ какую женщину ты не влюбленъ?

Штрекманъ. Ну, хорошо. Это уже не въ моей власти измѣнить. Нашъ братъ ужъ таковскій. Въ какое имѣние ни придешь съ молотилкой, всюду потомъ разговоръ идетъ. Я самъ лучше всѣхъ знаю, каковъ я. Еще до Фламма, — объ Августѣ я не говорю, — ты мнѣ приглянулась. Сколько я боролся съ собой, — этого никто не знаетъ. (Съ желѣзнымъ упорствомъ) Но, чертъ побери, теперь ужъ это дудки... Будь что будетъ, теперь ужъ конецъ, Розина — теперь со мною шутки плохи. Теперь я нашелъ дорожку...

Роза. Что такое?

Штрекманъ. Скоро увидишь.

(На полевой тропинкѣ появляется Мартель, младшая сестра Розы, одѣтая чисто, по-праздничному. Мартель бѣжитъ вривпрыжку. Она совсѣмъ еще ребенокъ).

МАРТЕЛЬ (зоветь). Роза, это ты? Что ты тутъ дѣлаешь?

Роза. Надо же допахать этотъ кусокъ. Вы, небось, вчера не кончили, оставили.

МАРТЕЛЬ. Брось, Роза. Боже упаси, отецъ увидить, что онъ скажетъ.

Штрекманъ. Не бойся, — если это выгодно, головы не сниметъ. Знаемъ мы стараго Бернда.

МАРТЕЛЬ. Кто это такой?

Роза. Ахъ, не спрашивай!

(На дорогѣ изъ церкви показывается Берндъ и съ нимъ Августъ Кейль; первый — седой старикъ, второму лѣтъ 35; оба въ черныхъ праздничныхъ курткахъ; у каждаго въ рукахъ по молитвеннику. У старика Бернда сидитъ борода, голосъ слабый, какъ у людей, выдержавшихъ тяжелую легочную болѣзнь, видъ почтенный; онъ смотритъ господскимъ кучеромъ на пенсїи. У Августа Кейля, переплетчика, лицо блѣдное, рѣдкіе темные усы и остроконечная бородка; волосы на головѣ также успѣли порѣдѣть, движенія судорожныя. Онъ худъ, съ узкой грудью, вся фигура выдаетъ домохозяина).

БЕРНДЪ. Это не Рузля?

АВГУСТЪ. Она, отецъ Берндъ.

БЕРНДЪ. Вотъ вѣдь не огучишь дѣвку! Какъ нашколо на нее, и отправилась пахать, все равно — въ будній день или въ праздникъ. (Подходя ближе) Тебѣ недѣли мало?

АВГУСТЪ. Это ужъ слишкомъ. Роза, этого вовсе не нужно.

БЕРНДЪ. Если-бъ это увидѣлъ нашъ добрый господинъ

пасторъ, онъ былъ бы глубоко огорченъ. Онъ бы глазамъ своимъ не повѣрилъ.

Августъ. Онъ опять спрашивалъ о тебѣ.

Штрекманъ (язвительно). Говорять, онъ хочетъ взять ее къ себѣ въ домъ за хозяйку.

Берндъ (только теперь замѣтивъ его). Да вѣдь это Штрекманъ.

Штрекманъ. Онъ самый. Работящая дѣвка, что и говорить. И пчелъ и муравьевъ за поясъ заткнетъ. Всѣ косточки ноютъ отъ работы... Ей некогда спать въ церкви...

Берндъ. И мы оба тамъ не спимъ. А вотъ иные и не въ церкви спать и, къ сожалѣнію, не хотятъ, чтобы ихъ будили. А женихъ близокъ.

Штрекманъ. Совсѣмъ дѣло на мази. Вотъ только не вѣста что-то вилаетъ.

Августъ. Ты сегодня расположенъ шутить?

Штрекманъ. Ужъ такое настроеніе; готовъ обняться хоть съ телеграфнымъ столбомъ... или съ церковной кружкой... Мнѣ сегодня чертовски весело,—прямо, чуть не лошну отъ смѣха.

Берндъ (Розѣ). Брось, пойдемъ домой. Нѣтъ, такъ нельзя, такъ я съ тобой не пойду. Положи заступъ туда, въ дупло. А то кто возьметъ еще, и выйдутъ неприятности...

Августъ. Тутъ иные даже съ ружьями ходятъ.

Штрекманъ. А есть такіе черти, что и съ флягой. (Вынимаетъ изъ кармана бутылку водки).

Августъ. Каждый живетъ за свой страхъ.

Штрекманъ. Правильно. И за свой счетъ. Ну, соберись съ духомъ, Августъ, выпей глоточекъ. (Протягиваетъ бутылку Августу, тотъ не обращаетъ вниманія).

Берндъ. Ты вѣдь знаешь,—Августъ непьющій. Гдѣ теперь стоитъ твоя молотилка?

Штрекманъ. Такъ ужъ вы, отецъ Берндъ, поддержите компанію. Вѣдь вы когда-то сами курили водку? Молотилка. Стоитъ тамъ внизу.

Берндъ (нерѣшительно беретъ флягу). Развѣ для васъ, Штрекманъ, а то вѣдь я не пью. Понятное дѣло, когда я служилъ управителемъ на заводѣ, всяко приходилось. Но только водочное дѣло мнѣ всегда было не по душѣ. А съ тѣхъ поръ я вовсе не пью.

Штрекманъ (обращаясь къ Августу, который кладетъ лежащую на землѣ лопату въ дупло). Ты, смотри, осторожнѣй съ этой вепью. Чего добраго выстрѣлить,—пифъ, пафъ, нажалъ и готово.

Берндъ. Есть такіе люди, что даже въ праздникѣ охотятся.

Штрекманъ. Напримѣръ, старшина Фламмъ...

Берндъ. Вотъ, вотъ... Мы его встрѣтили. Нехорошо. Прямо жалко такихъ людей...

Штрекманъ (бросаетъ въ Розу пригоршней майскихъ жуковъ). Роза (дрожа). Штрекманъ...

Берндъ. Что съ тобой?

Августъ. Это что еще такое?..

Штрекманъ. Ничего... Уже и пошутить нельзя.

Августъ. Шутить съ еѣмъ хочешь, но только се не тронь.

Штрекманъ (лукаво и злобно). Берегись, Августъ, какъ бы тебѣ самому не влетѣло.

Берндъ. Будетъ вамъ, полно,—не ссорьтесь, ради Бога!

Штрекманъ. Жаба не можетъ, чтобъ не подскочить.

Августъ. Жаба тотъ, кто лежитъ въ канавѣ.

Штрекманъ. Не будемъ ссориться, Августъ. Отецъ правъ: надо любить другъ друга. А ты злишься. Это ужъ совсѣмъ не по-христіански. Ну, поди сюда, выпей. Давай, выпьемъ вмѣстѣ. Ты, правда, не красивъ, въ этомъ тебя упрекнуть нельзя, но зато грамотѣ умѣешь. Книги умѣешь переплетать... Итакъ, скоро вы, значить, веселымъ пиркомъ и за свадебку?

Берндъ (видя, что Августъ не сердится, беретъ флягу и отпиваетъ).

Штрекманъ. Это мы запишемъ, отецъ Берндъ.

Берндъ. За веселую свадебку и выпить не грѣхъ.

Штрекманъ. Правильно. Слѣдуетъ. Вотъ это хорошо. Это не то, что въ усадьбѣ, когда я былъ кучеренкомъ, а вы управителемъ, и вы меня держали въ сжовыхъ... Теперь и мы чего-нибудь стоимъ. У кого голова на плечахъ, тотъ себѣ дорогу пробьетъ...

Берндъ. Если Богъ поможетъ, конечно, пробьетъ. (Августу) Выпей и ты съ нами за веселую свадебку.

Августъ (беретъ флягу). Это какъ Богъ дастъ, за это пить нечего—отъ питья не станется.

Штрекманъ (ударяя себя ладонями по ляжкамъ). И за то, чтобъ у тебя были маленькіе Августики, а дѣдка бы на нихъ радовался, а старшій изъ нихъ чтобъ былъ старшиною. За это и Розочка должна выпить.

Берндъ. Чего ты ревешь, Роза,—что съ тобой?

Мартель. Она всегда такъ, у нея глаза на мокромъ мѣстѣ...

Августъ (Розѣ). Отпей глоточекъ, пусть ужъ будетъ по его.

Роза (дѣлая надъ собой успіе, съ отвращеніемъ беретъ бутылку).

ШТРЕКМАНЪ. Ну, вотъ такъ, веселіе, разъ, два и готово.

Роза (дрожа, отпиваетъ и съ нескрываемымъ отвращеніемъ отдаетъ бутылку Августу).

БЕРНДЪ (тихо, съ отцовской гордостью, Штрекману). Вотъ это такъ дѣвка. Ее въ какъ беречь надо.

(ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая комната въ домѣ старшины Фламма: низкая, полъ ровень съ землею; дверь направо ведетъ въ сѣни. Вторая дверь въ задней стѣнѣ ведетъ изъ большой комнаты въ другую, поменьше, которую Фламмъ называетъ своей охотничьей кладовой. Тамъ у него хранится все необходимое для изготовленія патроновъ; на стѣнѣ развѣшено оружіе и чучела птицъ, которые видны зрителямъ, когда отворятъ дверь; тамъ же стоитъ пикапъ съ документами. Въ большой комнатѣ налѣво три окна: потолокъ темный, съ балками, вся она имѣетъ уютный жилой видъ. Налѣво, въ углу, старомодный диванъ, передъ нимъ дубовый, съ темными разводами, раздвижной столъ. Надъ диваномъ, на стѣнѣ, тѣсно одинъ возлѣ другого оленьи и козьи рога. Надъ дверью охотничьей кладовой виситъ стеклянный ящикъ и въ немъ чучело цѣлаго выводка куропатокъ. Направо, близъ двери, доска для ключей и на ней ключи. Невдалекѣ оттуда стеклянный шкапъ, биткомъ набитый книгами. На шкапу чучело филина; возлѣ шкапа на стѣнѣ часы съ кукушкой. Весь правый уголъ занимаетъ большая кафельная печь съ синими разводами. На всѣхъ трехъ окнахъ налѣво горшки съ цвѣтами. Ближайшее къ столу окно открыто, равно и слѣдующее, поближе къ авансценѣ. У этого окна сидятъ на креслѣ на колесахъ г-жа Фламмъ. На окнахъ кисейныя занавѣски. Невдалекѣ отъ передняго окна старый брюхатый комодъ, покрытый вязаной скатертью, на немъ разныя семейныя реликвіи, бездѣлушки и т. п. Надъ комодомъ на стѣнѣ фотографическія карточки родственниковъ. Между печкою и ходомъ въ сѣни—повернутый клавиатурой къ печкѣ старый рояль съ вышитой табуреткой. На роялѣ въ стеклянныхъ ящикахъ коллекція бабочекъ. Направо, на авансценѣ, свѣтлый полированный письменный столъ. Передъ нимъ простой стулъ. Еще нѣсколько такихъ стульевъ возлѣ письменнаго стола у стѣны. Между окнами старое, обитое темной кожей, прадѣдовское кресло. Надъ столомъ большая англійская висячая лампа, съ широкимъ мѣднымъ ободкомъ. Надъ письменнымъ столомъ на стѣнѣ большой портретъ хорошенькаго пятилѣтняго мальчика въ простой деревянной рамкѣ. Кругомъ портрета вѣнокъ изъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ. Передъ нимъ большая стеклянная ваза съ незабудками, посаженными въ мокрый песокъ. Чудное утро, уже почти лѣтнее, около 11 часовъ.

Г-жа ФЛАММЪ (почтеннаго вида женщина, лѣтъ 40, съ симпатичнымъ лицомъ. На ней черное гладкое платье изъ альпага, старомоднаго покроя, на головѣ бѣлый кружевной чепчикъ, на шеѣ кружевной воротничокъ. Ея исхудалыя тонкія руки наполовину прикрываютъ кружевными манжетами. На кофтинѣхъ у нея книга и тонкій батистовый платокъ. Черты лица крупныя, глаза светло-голубые, взглядъ пронзительный, лобъ высокій и шароный. Волосы, уже сѣдые и рѣдкіе, разделены на-двое аккуратнымъ проборомъ. Она часто слегка притрагиваетъ ихъ кончиками пальцевъ. Выраженіе лица довольное, серьезное, безъ суровости; въ выраженіи глазъ, носа и рта много лукавства).

Г-жа ФЛАММЪ (задумчиво смотреть въ окно, вздыхаетъ, углубляется въ книгу, затѣмъ прислушивается, закрываетъ книгу, заложивъ ее закладкой, затѣмъ оборачивается къ двери и говоритъ, нѣсколько возвысивъ голосъ). Кто тамъ?—войдите! (Слышенъ стукъ, дверь немного приотворяется, въ нее просовывается голова стараго Берндъ). Ну, кто тамъ такой? А, это вы, Берндъ, нашъ защитникъ сиротъ и церковный староста. Входите, входите, отецъ Берндъ, я не кусаюсь.

Берндъ. Намъ нужно поговорить съ господиномъ поручикомъ. (Входить, за нимъ слѣдуетъ Августъ Кейль. Оба одѣты по-праздничному).

Г-жа ФЛАММЪ. Ого, что это вы такъ торжественно?

Берндъ. Добраго утра, г-жа поручица.

Г-жа ФЛАММЪ. И вамъ тоже, отецъ Берндъ. Мой мужъ, кажется, тамъ, въ охотничьей комнатѣ. (Указываетъ на Августа) А это кто же будетъ? Вашъ зять?

Берндъ. Точно такъ, г-жа Фламмъ,—если Богъ поможетъ, такъ будетъ зятемъ.

Г-жа ФЛАММЪ. Что же вы не садитесь? Вы, вѣроятно, насчетъ свадьбы? Значить, дѣло пошло на ладъ?

Берндъ. Пошло, благодари Бога, пошло.

Г-жа ФЛАММЪ. Это меня радуетъ. Чего тутъ ждать? Разъ ужъ рѣшили, откладывать нечего. Такъ она, значить, надумалась наконецъ?

Берндъ. Надумалась. У меня теперь точно камень съ души свалился. Она вѣдь долго упрямялась, а теперь сама торопитъ: хотъ завтра же играй свадьбу.

Г-жа ФЛАММЪ. Это хорошо, г-нъ Кейль. Это меня радуетъ, Берндъ... Кристелъ! Мой мужъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ. Такъ, значить, теперь дѣло на мази? Ну, отецъ Берндъ, намъ везетъ, теперь вы должны быть довольны.

Берндъ. Еще бы! Это вы правду говорите, г-жа Фламмъ. Именно можно сказать, что Господь Богъ ниспослалъ намъ Свое благословеніе. Августъ ходилъ къ Гнадовской барышнѣ,—она столько добра дѣлаетъ бѣднымъ людямъ,—и она согласи-

ласъ дать ему взаймы 3.000 марокъ. Такъ что теперь онъ можетъ купить Лахмановъ домъ.

Г-жа Фламмъ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Что вы? Ну вотъ видите, отецъ Берндъ, вотъ вы и оиаете на ногахъ. Помните, какъ васъ господа уволили безъ копейки денегъ? Вы тогда совсѣмъ въ уныніе пришли. Ужъ и не надѣялись выбиться, и дѣйствительно съ вами низко поступили. А вотъ видите, Богъ-то и повернулъ все на лучшее.

Берндъ. Да ужъ, слабъ человѣкъ, что и говорить—малодушечъ.

Г-жа Фламмъ. Зато теперь вамъ будетъ хорошо. Во-первыхъ, домъ возлѣ самой церкви; ну, и земли при немъ хорошій кусочекъ, а Роза хорошая хозяйка. Да, да, вы можете быть довольны.

Берндъ. Вѣдь сколько добра можетъ сдѣлать такая вотъ барышня. Послѣ Господа Бога кому мы здѣсь больше всѣхъ обязаны? Если-бъ я служилъ у Гнадовской барышни и такъ старался, какъ здѣсь, у своихъ господъ, ужъ, навѣрное, мнѣ не пришлось бы жаловаться.

Г-жа Фламмъ. Теперь вамъ не на что жаловаться, Берндъ.

Берндъ. Ни-ни, теперь никакъ.

Г-жа Фламмъ. Благодарности въ этой жизни не жди. Мой отецъ сорокъ лѣтъ служилъ старшимъ лѣсничимъ, а мать потомъ какъ обѣдствовала! Вотъ у васъ зять будетъ хороший, домъ хороший и земля при немъ. Чего же еще? А чтобы все шло, какъ слѣдуетъ, впередъ, а не назадъ, объ этомъ ужъ позаботятся ваши дѣти.

Берндъ. Надо надѣяться, г-жа Фламмъ, надо надѣяться. Да я вѣдь и не сомнѣваюсь. Разъ человѣкъ сумѣлъ выбиться на дорогу,—вѣдь сначала онъ книгами торговалъ въ разность...

Г-жа Фламмъ. Вы, кажется, хотѣли сдѣлаться миссіонеромъ?

Августъ. Для этого у меня здоровье слишкомъ слабое.

Берндъ. Выучился и читать, и писать, и ремеслу, и при этомъ честный человѣкъ и добрый христіанинъ, такъ ужъ на него положиться можно. Теперь я могу умереть спокойно.

Г-жа Фламмъ. Кстати, вы знаете, отецъ Берндъ, что мой мужъ отказался отъ мѣста, такъ что вашу Розу ему, должно-быть, ужъ не придется вѣнчать.

Берндъ. Она тамъ брюкву копаешь...

Г-жа Фламмъ. Я знаю, знаю. Она уже была у меня

сегодня утромъ. Если вы хотите пройти, это сейчасъ за дворомъ... Кристель... Это...

Фламмъ (невидимый, откликается). Иду, сію минуту...

Г-жа Фламмъ. Къ тебѣ пришли по дѣлу.

Фламмъ (безъ куртки и жилета показывается въ дверяхъ. На немъ ослѣпительно-бѣлая сорочка, разстегнутая на груди. Онъ продолжаетъ чистить ружейный стволъ). Я знаю: маппинистъ Штрекманъ только-что былъ у меня. Я бы предпочелъ сейчасъ же приняться за молотбу, благо машина уже въ усадьбѣ. Но вѣдь они еще нескоро будутъ готовы... Боже мой, да вѣдь это отецъ Берндъ...

Берндъ. Да вотъ, г-нъ Фламмъ, мы къ вамъ пришли... Мы хотимъ...

Фламмъ. Погодите, все по порядку (подноситъ къ глазамъ ружейный стволъ и смотреть въ него на свѣтъ). Если вы по дѣлу, отецъ Берндъ, то вы лучше обождите немного, пока я сдамъ должность моему преемнику, Штекелю. Тотъ это будетъ продѣлывать гораздо торжественнѣе.

Г-жа Фламмъ (все время внимательно слушавшая, приложивъ къ подбородку визальную спицу и внимательно слѣдя за мужемъ). Полно тебѣ, Кристель, что за вздоръ ты говоришь.

Августъ (все время блѣдный, при упоминаніи о Штрекманѣ блѣднѣетъ еще больше. Теперь поднимается съ мѣста, взволнованный, торжественно). Г-нъ поручикъ, я хочу сдѣлать оглашеніе. Съ Божьей помощью, я имѣю намѣреніе вступить въ святой бракъ.

Фламмъ (опять подноситъ къ глазамъ ружейный стволъ. Нобрежно). Да что вы? Развѣ это такъ къ спѣху?

Г-жа Фламмъ (юмористически). Да тебѣ-то что, Кристель? Дай ты человѣку спокойно жениться. Вотъ еще проповѣдникъ выискался... Если-бъ его воля, отецъ Берндъ, на свѣтѣ были бы только холостяки и незамужнія...

Фламмъ. Бракъ—это только ловушка. Вѣдь вы переплетчикъ, Августъ Кейль?

Августъ. Такъ точно.

Фламмъ. Вы живете въ Вандрисѣ? И купили Лахмановъ домъ?

Августъ. Точно такъ.

Фламмъ. Вы хотите открыть книжную торговлю?

Августъ. Книжную и бумажную. Да, можетъ-быть.

Берндъ. Главное: душеспасительныя книги...

Фламмъ. При лахмановскомъ домѣ вѣдь есть и земля. Это, должно-быть, возлѣ большой груши...

БЕРИДЪ и АВГУСТЪ (вмѣстѣ). Да, да.

ФЛАММЪ. Такъ мы, значить, сосѣди. (Кладетъ ружье и шарить по карманамъ, ища ключей, потомъ зоветъ) Минна, увези отсюда барыню. (Не безъ замѣтнаго волненія, но покоряясь необходимости, садится за письменный столъ).

Г-жа ФЛАММЪ. Вотъ такъ вѣжливый кавалеръ. Впрочемъ, онъ правъ. Я здѣсь лишняя. (Служанкѣ, которая вошла и стала за нея кресломъ) Вези меня въ охотничью. Ты бы хоть волосы причесала.

МИННА (увозитъ г-жу Фламмъ).

ФЛАММЪ. Жалко мнѣ Лахмановъ... (Кейлю) Чтò же, у васъ есть сбереженія? (Кейль смущенно кашляетъ). Да, впрочемъ, это безразлично. Васъ можно поздравить съ такой покупкой. Такъ вы хотите?.. Но я не вижу невѣсты. Какъ же это? Значить, невѣста не согласна?

АВГУСТЪ (очень взволнованный, рѣшительно). Сколько мнѣ извѣстно, у насъ мысли одинѣ.

БЕРИДЪ. Я сейчасъ приведу ее сюда, г-нъ Фламмъ. (Быстро уходитъ).

ФЛАММЪ (разсѣянно рывшійся въ ящикъ письменнаго стола, только теперь замѣчаетъ отсутствіе Бериды). Вадоръ, къ чему такъ торопиться... (Нѣсколько мгновеній смущенно смотритъ на дверь, за которой скрылся Беридъ, потомъ пожимаетъ плечами). А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете. Погодите, я только трубочку закурю. (Встаётъ, вынимаетъ изъ книжнаго шкапа кisetъ съ табакомъ, снимаетъ со стѣны коротенькую трубку, набиваетъ ее и зажигаетъ. Августу) Вы курите?

АВГУСТЪ. Нѣтъ.

ФЛАММЪ. И не нюхаете?

АВГУСТЪ. Нѣтъ.

ФЛАММЪ. И пива, водки, вина не пьете?

АВГУСТЪ. Ничего, кромѣ вина за святымъ причастіемъ.

ФЛАММЪ. Вотъ это я называю правилами — образцовый женихъ. Войдите. Кажется, въ дверь постучали? Или нѣтъ? Всякая сволочь тутъ шатается... Вы и шарлатанствуете иногда для препровожденія времени. (Августъ качаетъ головой). Какъ будто кто-то мнѣ говорилъ, что вы лѣчите молитвой.

АВГУСТЪ. Это не имѣетъ ничего общаго съ шарлатанствомъ.

ФЛАММЪ. Какъ такъ?

АВГУСТЪ. Вѣра горами двигаетъ. И когда просишь съ истиннымъ усердіемъ... Вѣдь Отецъ Небесный и теперь еще всемогущъ.

Фламми. Войдите. Опять стучать? Войдите. Войдите же. А, чортъ!..

(Дверь открывается. Старик Берндъ, самъ блѣдный, вводитъ блѣдную, упирающуюся Розу. Она и Фламми съ минуту смотрятъ другъ на друга въ глаза. Затѣмъ Фламми продолжаетъ).

Фламми. Хорошо, погодите минутку. (Уходитъ въ охотничью комнату).

(Слѣдующая сцена между Берндомъ, Розой и Августомъ должна быть очень живая, они переговариваются возбужденнымъ, сердитымъ шепотомъ).

Берндъ. Что тебѣ говорилъ Штрекманъ?

Роза. Кто?.. Да полно тебѣ, отецъ.

Берндъ. Я самъ видѣлъ Штрекмана. Онъ такъ тебя уговаривалъ...

Роза. Да нѣтъ же. Въ чемъ онъ можетъ меня уговаривать?

Берндъ. Вотъ я и спрашиваю.

Роза. Ничего не знаю.

Августъ. Не зачѣмъ тебѣ и разговаривать съ такимъ шалопаемъ.

Роза. Чѣмъ же я виновата, когда онъ пристаеетъ.

Берндъ. Вотъ видишь, значить, онъ говорилъ съ тобой.

Роза. Ну, говорилъ, да я-то не слушала.

Берндъ. Я этого Штрекмана такъ не оставлю. Я на него жалобу подамъ. Давеча, какъ мы шли мимо молотилки, — вонъ она опять начинается... (слышенъ отдаленный лязгъ и грохотъ машины) — онъ намъ вслѣдъ крикнулъ что-то обидное, — только я не разслышала хорошенько.

Августъ. Съ нимъ дѣвѣтъ стоить два слова сказать, чтобъ о ней пошла худая слава.

Роза. Ну, такъ и ищи себѣ хорошую.

Фламми (входитъ слѣва, уже въ воротнички и охотничьей куртки. Говоритъ твердо и рѣшительно). Еще разъ здравствуйте. Чѣмъ могу служить? Когда вы думаете вѣнчаться? Что это? Вы какъ будто повздорили? Объясните же кто-нибудь, будьте столь любезны. Послушайте, господа, вѣдь у васъ дѣло-то, очевидно, еще не налажено. Я вамъ вотъ что посоветую: ступайте-ка вы домой, выспитесь хорошенько и обсудите все снова. А когда окончательно рѣшите, приходите сюда.

Августъ (тономъ, не допускающимъ возраженій). Это дѣло нужно покончить сейчасъ.

Фламми. Я ничего не имѣю противъ. (Беретъ карандашъ). Итакъ, когда вѣнчаніе?

Берндъ. Мы такъ думали, что какъ можно скорѣе.

Августъ. Черезъ четыре-пять недѣль, не больше, если только возможно.

Фламмъ. Четыре-пять недѣль?

Августъ. Да, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Въ такомъ случаѣ прошу болѣе точно опредѣлить срокъ. Въ такихъ дѣлахъ нельзя же летѣть сломя голову и...

Роза (взвояванная; эти слова вырываются у нея невольно). Можно бы еще немного погодить: время терпѣть.

Фламмъ. Чтѣ ты говоришь? Чтѣ вы говорите?.. Я вѣдь ее ребенкомъ зналъ. Но, когда дѣвушка заневѣстилась, ей уже не говорятъ «ты». Итакъ, прошу замѣтить: невѣста, повидимому, не согласна такъ скоро.

Августъ (при возгласѣ Розы вздрогнулъ и устался на нее. Теперь, поборовъ свое волненіе, говорить съ зловѣщимъ спокойствіемъ). Ну чтѣ же, прощенія просимъ. Будьте здоровы, отецъ Берндъ.

Берндъ. Ты не уйдешь отсюда, Августъ! Слышишь? Я тебѣ говорю: останься. (Розѣ) А ты,—съ тобой я поговорю по-свойски. Чтѣ-нибудь одно. Поняла? Долго я спускалъ тебѣ. А Августъ такъ даже больше, чѣмъ нужно. Долго мы терпѣли твои капризы. Все думали: ничего, потерпимъ: авось, дастъ Богъ, образумится. А ты, чтѣ дальше, то хуже. Три дня тому назадъ ты мнѣ чтѣ обѣщала? И съ Августомъ вы ударили по рукамъ, и сама не могла дожидаться свадьбы. А теперь опять и слышать не хочешь. Это чтѣ же такое значитъ? Чтѣ ты о себѣ воображаешь? Ты думаешь, что ты пригожая дѣвка и честная, такъ и все можешь себѣ позволить? Потому только, что ты работающая и себя соблюдала, и никто тебя не можетъ ни въ чѣмъ упрекнуть? Ты не одна такая. Такъ оно и быть должно. Это не причина воображать о себѣ: есть и другія дѣвушки, которыя не ходятъ на танцы. И другія воспитываютъ маленькихъ сестеръ и хозяйничаютъ у старика-отца. Чтѣ ты скромная, благочестивая дѣвушка, такъ это еще не значитъ, что всѣ прочія неряхи и потаскушки. Да другой ты и быть не могла,—иначе я давно бы тебя изъ дому выгналъ. Ты думаешь, ты Августу очень нужна. Ничего подобнаго. Такому человѣку стоитъ только пальцемъ поманить,—цѣлая куча невѣстъ прибѣжитъ, изъ самыхъ лучшихъ семействъ. Можетъ, еще много лучше тебя. Это хоть кого выведетъ изъ себя. Прямо, всякое терпѣніе лопнетъ. Гордость, высокомеріе, заносчивость. Помни одно: или ты сейчасъ же сдержишь свое обѣщаніе...

Фламмъ. Ну, ну, отецъ Берндъ, потише, не кипятитесь такъ.

Берндъ. Господинъ поручикъ, вы не знаете дѣла. Если она способна такъ крутить и мучить честнаго человѣка, она мнѣ не дочь.

Августъ (чуть не плача). Роза, чѣмъ я передъ тобой провинился? Почему ты стала такая недобрая? Недаромъ я не вѣрилъ своему счастью... Гдѣ ужъ намъ! Мнѣ на роду написано быть несчастнымъ, я вамъ всегда говорилъ это, отецъ Берндъ. А вѣдь я на совѣсть трудился и работалъ, и Богъ все-таки былъ милостивъ ко мнѣ: не далъ мнѣ пропасть. Ну, что тутъ! Слезами горю не поможешь. Видно, такая судьба. Видно, это для меня слишкомъ большое счастье. Выросъ въ сиротскомъ домѣ... Не удивительно, что я прилѣпился къ Христу... Ну, пусть я не изъ красивыхъ... Но вѣдь я тебя спрашивалъ: ты своей волей шла за меня. А теперь назадъ... Богъ, Онъ все видитъ... Ты еще горько раскаешься... (Хочетъ уйти, Берндъ удерживаетъ его).

Берндъ. Еще разъ, Августъ, говорю тебѣ: останься... Розина, ты поняла, что я тебѣ сказалъ? Я свое слово сдержу. Ты видишь этого человѣка?.. Или ты... Я этого не допущу. Онъ еще и не думалъ за тебя свататься, а мнѣ былъ, какъ сынъ родной. Когда я былъ боленъ, не могъ работать, никому до насъ не было дѣла, а онъ съ нами послѣднимъ кускомъ хлѣба дѣлился. (Августъ не въ силахъ совладать съ своимъ волненіемъ, поспѣшно взявъ шляпу и вышелъ). Онъ для насъ былъ все равно, что ангелъ небесный... Августъ...

Роза. Да вѣдь я же не отказываю... Можете же вы пождать немного.

Берндъ. И такъ три года ждали. Мало тебя господинъ пасторъ увѣщавалъ... А ему это кадобло... И правъ, и никто его не осудитъ за это. Всему есть границы. Онъ совершенно правъ. Ну, а ты—иди, куда хочешь... Дѣлай, что хочешь... Я тебя больше знать не желаю. (Уходитъ).

Фламмъ. Ну, ну... Вотъ такъ расходился старикашка!

Роза (въ продолженіе предыдущей сцены постоянно мѣнялась въ лицѣ, то краснѣя, то блѣднѣя. Видно было, что въ душѣ ея идетъ жестокая борьба, минутами казалось, вотъ-вотъ она прорвется и заговоритъ. По уходѣ отца она, смертельно блѣдная, застыла на мѣстѣ въ какомъ-то жуткомъ спокойствіи).

Фламмъ (закрывъ церковную книгу и, собравшись съ духомъ, взглянулъ на Розу). Роза, проснись, что съ тобой? Неужели же

ты придаешь этому значеніе?.. (Дѣвушка, дрожа, какъ въ анжорахъ, смотритъ на него большими неподвижными глазами, полными слезъ). Роза... ты слышишь? Что съ тобой?

Роза. Я знаю, что мнѣ нужно, и я это сдѣлаю... А если не выйдетъ? Ну пусть и пусть.

Фламмъ (изволнованно ходитъ по комнатѣ, по временамъ останавливается у дверей и прислушивается). Ну, понятно, почему же нѣтъ? (Занятый какъ будто исключительно ключами, онъ снимаетъ ихъ съ доски и, бренча ими, торопливо шепчетъ) Роза... Слушай, Роза... Роза, ты приходи на старое мѣсто, за усадьбой. Намъ надо еще разъ переговорить съ тобой, хорошенько обсудить. Тсс... Мать въ сестѣдней комнатѣ, здѣсь нельзя.

Роза (съ трудомъ выговариваетъ слова, но съ желѣзной энергіей). Нигдѣ и никогда, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Ты, кажется, всѣхъ насъ хочешь свести съ ума? Что за бѣсъ въ тебя вселился, скажи на милость? Я цѣлый мѣсяцъ бѣгаю за тобой, чтобы переговорить только, а ты отъ меня прячешься, какъ отъ прокаженного. Положительно... А теперь пошли такіа исторіи...

Роза. И хоть бы еще въ десять разъ хуже... Можете меня хоть бить,—лучшаго я и не стою,—хоть ноги объ меня вытирайте, но только...

Фламмъ (стоитъ у стола, съ гнѣвнымъ изумленіемъ, круто поворачивается къ Розѣ, сдерживается, потомъ, не выдержавъ, ударяетъ кулакомъ по столу, такъ что гулъ пошелъ по комнатѣ). А, дьяволъ скаянный...

Роза. Ради Бога...

Г-жа Фламмъ (въ своемъ креслѣ, которое катятъ служанка, появляется въ дверяхъ охотничьей комнаты). Что здѣсь такое происходитъ, Фламмъ?

(Лицо Фламма покрывается сѣрвовой блѣдностью; овладѣвъ собой, онъ снимаетъ со стѣны шляпу и палку и быстро уходитъ въ дверь направо).

Г-жа Фламмъ (съ изумленіемъ качая головой, смотритъ вслѣдъ мужу, затѣмъ вопросительно оборачивается къ Розѣ). Что случилось? Что съ нимъ такое?

Роза (глубоко потрясенная, потерявъ всякую власть надъ собой, бросается къ ногамъ г-жи Фламмъ и прячетъ лицо у нея на колыняхъ). Ахъ, милая г-жа Фламмъ, я такъ несчастна!..

Г-жа Фламмъ. Ну, скажи же мнѣ... Ну, не надо, не надо... Не плачь. Ну, говори, дѣвочка, что съ тобой произошло? Ты совсѣмъ другая стала... Я никакъ не пойму... (Служанкѣ, которая продолжаетъ стоять за ея кресломъ) Ты мнѣ больше не нужна. Потому придеши опять. Приготовь пока

въ кухнѣ все, что нужно. (Служанка уходитъ). Ну, итакъ, въ чемъ же твое горе? что съ тобой случилось?.. Да говори же, облегчи душу. Что? Какъ? Что ты сказала? Не хочешь выходить за клейстернаго Августа... можетъ, тебѣ полюбился другой?.. Брось, всѣ они стоятъ другъ друга, и ни одинъ ничего не стоитъ.

Роза (наконецъ овладѣвъ собой, поднимается съ колытъ). Я знаю, чего я хочу,—ну и ладно.

Г-жа Фламми. Будто? А мнѣ вотъ сдается, что ты этого-то и не знаешь. Женщины часто не знаютъ, чего онѣ хотятъ,—особенно въ твои годы. Иной разъ тутъ старуха можетъ очень пригодиться. Но, если знаешь, тѣмъ лучше. Тогда ты и сама сумѣешь выпутаться. (Надѣла очки и зорко вглядывается въ Розу). Розина, ты ужъ не больна ли?

Роза (испуганно, смущенная). Больна?.. Какъ такъ?..

Г-жа Фламми. Да такъ,—больна, какъ другія бываютъ больны. Ты что-то очень перемѣнилась.

Роза. Вѣдь я же не...

Г-жа Фламми. Я и не говорю этого... Я спрашиваю только,—оттого и спрашиваю. А вотъ что намъ съ тобой надо выговориться на чистоту,—это вѣрно. Чего тутъ ходить вокругъ да около? Мы не въ прятки играть собрались. Вѣдь не думаешь же ты, что я тебѣ зла желаю? (Роза энергично отрицательно качаетъ головой). Ну, еще бы ты это думала. Ну, такъ вотъ — ты еще съ моимъ маленькимъ Куртомъ играла... Вы вмѣстѣ росли, пока Господу Богу не угодно было отнять его у меня... мое единственное дитя... вѣдь около этого времени померла и твоя мать... Помню, какъ она на смертномъ одрѣ просила меня, чтобы я въ случаѣ чего позаботилась о тебѣ. (Роза смотритъ въ пространство).

Роза. Самое лучшее въ воду кинуться... Коли ужъ такъ вышло... Прости мнѣ, Господи, этотъ грѣхъ...

Г-жа Фламми. Что «такъ вышло»? Что вышло-то? Не пойму я тебя. Могла бы ты хоть немного яснѣе выразиться. Во-первыхъ, я тоже женщина, отъ меня не скроешься; а во-вторыхъ, и я была матерью, хоть у меня теперь и нѣтъ дѣтей. Ой, дѣвка, неладное съ тобой творится. Я за тобой давно уже слѣжу, нѣсколько недѣль, хоть, быть-можетъ, ты этого и не замѣчала. Говори всю правду, чего тутъ—все равно скоро выйдетъ наружу. Пододвинь-ка меня къ комоду. (Роза исполняетъ). Такъ. Вотъ здѣсь въ ящикѣ всякое старье,—и дѣтскія платьица моего Куртеля... Твоя мать не разъ мнѣ говорила: «Моя Роза будетъ хорошею матерью; и ей нужно

дѣтей, а то у нея кровь очень горячая». Не знаю, можетъ, она и права была. (Вынимаетъ изъ ящика большую куклу). Что-жъ, и матерью быть не худо, какъ тамъ-ни смотри. Вотъ съ этой вы съ Куртелемъ играли все, особенно ты. Ты ее и воспитывала, и мыла, и сушила, и кормила; разъ даже Фламмъ поймалъ тебя, когда ты собиралась кормить ее грудью... Это ты сегодня утромъ принесла цвѣты—вотъ эти забудки, что тамъ въ вазѣ?.. И на Куртелевой могилкѣ въ воскресенье былъ новый вѣнокъ... Дѣти и могилы—это ужъ наше женское дѣло. (Вынимаетъ изъ ящика дѣтскую рубашечку и растягиваетъ ее передъ собой, держа за рукава). Правда, Роза, спасибо тебѣ. Твой отецъ вонъ все проповѣдуетъ, толкуетъ библію и все такое... Онъ говоритъ, что люди всѣ грѣшники, а онъ всѣхъ хочетъ сдѣлать ангелами. Можетъ, оно и такъ, я въ этомъ мало понимаю. Я только одно знаю: что такое мать, и сколько ей на этомъ свѣтѣ приходится всякаго горя терпѣть.

Роза (побѣжденная, съ глухимъ рыданіемъ падаетъ на колѣни и осыпаетъ безчисленными поцѣлуями руки г-жи Фламмъ).

Г-жа ФЛАММЪ (у нея загорѣлись глаза, видно, что она угадала правду и поняла безмолвное признаніе Розы; тѣмъ не менѣе она спокойно продолжаетъ). Да, дѣвушка, этому я научилась. Я научилась, а свѣтъ позабылъ. О многомъ другомъ я и понятія не имѣю, или знаю не больше, чѣмъ всякій другой. А что всякій знаетъ, это еще немного. (Осторожно раскладываетъ рубашечку у себя на колѣняхъ). Ну, ступай теперь домой и не унывай. Надо мнѣ все это хорошенько обмозговать. Ладно. Больше я пока ни о чемъ не спрашиваю. Ты теперь сама не въ себѣ... Теперь тебѣ надо быть вдвойнѣ осторожной. Ничего не хочу знать, ужъ положишься на меня. Меня вообще отцы мало интересуютъ: не все ли равно, кто отецъ — ландрать или бродяга? Дѣтей-то вѣдь намъ самимъ придется рожать, тутъ ужъ никто не поможетъ... А вотъ обдумать нужно три вещи: какъ быть съ отцомъ, съ Августомъ... и... еще многое надо обсудить... Ну, да, время естъ. Я подумаю—на это я, слава Богу, еще гожусь.

Роза (вся выпрямилась и какъ будто застыла). Ахъ, нѣтъ, г-жа Фламмъ, не дѣлайте этого... не надо, не слѣдъ вамъ обо мнѣ заботиться. Я этого отъ васъ не заслужила; не стою я этого, я сама знаю... Я все это должна одна расхлебывать... Я не имѣю права рассчитывать на другихъ... я... Не могу я сказать ясиѣ... Вы добры, какъ ангелъ, г-жа Фламмъ... Богу извѣстно, вы слишкомъ добры ко мнѣ... Но

этого не надо, не могу я этого принять... Прощайте, г-жа Фламмъ.

Г-жа Фламмъ. Погоди минутку. Не могу же я такъ отпустить тебя. Кто тебя знаетъ, что ты еще выкинешь.

Роза. Нѣтъ, нѣтъ, вы можете быть совершенно спокойны, г-жа Фламмъ,—до такой крайности я еще не дошла. Въ случаѣ чего, вѣдь я могу и сама заработать на ребенка: свѣтъ не клиномъ сошелся. Если-бъ тутъ дѣло было только во мнѣ, не будь отца и Августа, я бы особенно не тужила... Надо же ребенку имѣть отца.

Г-жа Фламмъ. Правильно. Ты храбрая. Впрочемъ, ты всегда была смѣлой. Это хорошо, что ты головы не теряешь. Но если такъ, то я опять-таки тебя не понимаю. Чего же ты замужъ не хочешь идти?

Роза (снова ушла въ себя, блѣдная, робкая). Что мнѣ вамъ сказать? Развѣ я знаю? Я и управилась бы, да вотъ... Штрекнанъ...

Г-жа Фламмъ. Да говори ты откровенно... Ну, какъ знаешь. Хочешь, иди домой... А завтра опять приходи,—слышишь?.. Ты радоваться должна. Дитя—это радость.

Роза. Видитъ Богъ, я радуюсь. Ужъ я справлюсь какъ-нибудь, только помочь мнѣ не можетъ никто. (Быстро уходитъ).

Г-жа Фламмъ (одна, смотритъ ей вслѣдъ, вздыхаетъ, снимаетъ рубашочку съ колынь и, какъ прежде, растягиваетъ ее на рукахъ). Да, дѣвушка, это къ тебѣ счастье пришло... Для женщины нѣтъ большаго счастья... Держи его крѣпко.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Плодородная мѣстность. На авансценѣ, направо, среди полей треугольный, словно вдавленный лужокъ; на немъ старое грушевое дерево. Подъ нимъ свѣтлый источникъ, грубо обложенный камнями. Средній планъ занятъ лугами. На заднемъ планѣ, окаймленный кустами ивыяка, ольхи, орѣшника и бука, напоминающій озеро прудъ, съ тростниками и водными лиліями. Къ нему примыкаютъ луга. На горизонтѣ полукругомъ старые дубы, ильмы, буки и березы. Въ просвѣтахъ между кустами и деревьями видны колокольни и крыши дальнихъ селеній. Надъ лѣсомъ за кустами соломенные кровли хозяйственныхъ построекъ. Жаркій лѣтній день въ началѣ августа. Издали слышно гудѣнье паровой молотилки.

Справа выходятъ, видимо усталые отъ работы и истомленные зноемъ, старики Берядъ и Августъ Квиль. На обоихъ надѣты рубашки, штаны и сапоги, на головахъ шапки; за спиной вилы, въ рукахъ косы и кожаного подса коровій рогъ и брусокъ.

Берндъ. Вотъ жара-то сегодня. Надо отдохнуть немного. А все-таки отрадно работать на собственной землѣ.

Августъ. Не привыкъ я косить...

Берндъ. А все-таки ты молодцомъ работаешь...

Августъ. Ну, гдѣ ужъ. Надолго ли меня хватить-то? У меня и такъ уже всѣ кости ноютъ.

Берндъ. Не сбѣуй, зятюшка, къ такой работѣ привыкнуть надо. А ты прямо молодцомъ. Хоть въ рядъ тебя поставь косить съ привычными—не отстаешь.

Августъ. На одинъ день. А на другой свалюсь. Невдоровится мнѣ. Должно-быть, у меня какая-нибудь болѣзнь. Я давеча былъ у доктора—какъ всегда, только плечами пожимаетъ.

Берндъ. Потому что ты, слава Богу, здоровъ. Ужъ коли тебѣ такая охота лѣчиться, положи въ воду пару ржавыхъ гвоздей и два-три раза въ недѣлю пей эту воду. Очень помогаетъ, и кровь очищаетъ и сердце крѣпнѣтъ. Только бы ведро продержалось подольше.

Августъ. Ужъ очень сильно припекало стало. Мнѣ давеча подъ заборомъ слышалось даже, будто громъ гремѣть.

Берндъ (ставъ на колѣни у источника, нагнулся и пьетъ прямо ротомъ). А все-таки вода самый лучший напитокъ.

Августъ. Который теперь часъ?

Берндъ. Четыре, должно-быть. Удивляюсь, что это Роза не несетъ намъ поддника. (Поднимается съ колѣнъ, наставляетъ косу и осматриваетъ лезвіе. Августъ дѣлаетъ то же). Что—надо то-чить? Моя пока еще годится.

Августъ. Посмотри; можетъ, и моя годится.

Берндъ (ложится на траву подъ грушей). Поди лучше сядь возле меня. Можетъ, при тебѣ евангеліе есть? Почиталъ бы.

Августъ (усталый, тоже опускается на траву и съ облегченіемъ вздыхаетъ). Я просто скажу: слава и благодареніе Богу!

Берндъ. Вотъ видишь, Августъ, я тебѣ сразу говорилъ: дай срокъ, дѣвка сама образумится. Такъ оно и вышло. Въ прежнія времена... еще до тебя... я самъ сколько голову ломалъ... Какъ запрямится, бывало, ну, точно въ стѣну упрется, и ничего ты съ ней не подѣлаешь. Самое лучшее въ такихъ случаяхъ оставить ее въ покоѣ.

Августъ. И что тогда съ ней приключилось?.. Теперь я готовъ на колѣняхъ благодарить Бога... но тогда прямо не зналъ, какъ мнѣ быть. Вдругъ это она... и съ чего бы, кажется? Я этого до сихъ поръ въ толкъ не возьму.

Берндъ. Какая разница теперь — и въ прошлый разъ когда мы у старшины были.

Августъ. Я радъ, что теперь уже не Фламъ старшиною.

Берндъ. Теперь она и не думала капризничать, въ пять минутъ все дѣло кончили. А другой разъ упрется. Женщины, онѣ всегда такъ...

Августъ. Уже не Штрекманъ ли тутъ замѣшанъ? Онъ вѣдь вамъ кричалъ что-то вслѣдъ и раньше ее все уговаривалъ...

Берндъ. Можетъ статься, а можетъ, и нѣтъ... Этого я не знаю. У нея вѣдь ничего не выпытаешь, коли она не захочетъ сказать. Нехорошо это. Именно потому я радъ, что она выходитъ за человѣка, который можетъ повліять на нее и искоренить въ ней это упрямство. Вы созданы другъ для друга. Она вѣдь добрая; ею только руководить надо, а у тебя она будетъ въ хорошихъ рукахъ.

Августъ. Мнѣ всякій разъ, какъ увижу машиниста Штрекмана, такъ и хочется сказать: съ нами Богъ, сгинь, пропади, нечистая сила!..

Берндъ. Можетъ, она боялась, что онъ скандалъ устроить... Онъ вѣдь еще мальчишкой былъ дрянъ порядочная. Сколько разъ его мать жаловалась... Можетъ статься... Отъ него всего можно ждать...

Августъ. Какъ увижу этого человѣка, я самъ не свой. То въ холодъ, то въ жаръ меня кидаетъ; прямо готовъ роптать на Отца Небеснаго, что Онъ не сотворилъ меня сильнымъ, какъ Самсонъ... И такія, прости Господи, грѣшныя мысли въ голову лѣзутъ... (Слышно пыхтѣніе машины). Вонъ онъ—тамъ.

Берндъ. Да плюнь ты на него.

Августъ. Только бы все кончилось поскорѣе! Запрусь я тогда у себя дома въ четырехъ стѣнахъ, и будемъ мы жить тихо и мирно.

Берндъ. Дай тебѣ, Господи!

Августъ. А до свѣта мнѣ дѣла нѣтъ. Опротивѣли мнѣ и свѣтъ и люди... Такъ опротивѣли, что прямо... не знаю, отецъ, какъ и сказать. Иной разъ такъ горько станеть,—прямо вотъ невтерпѣжъ, кажется, съ радостью умеръ бы. Думаешь, что смерть придетъ, и радуешься, какъ ребенокъ,—засмѣешься даже...

(Группа истомленныхъ жарой рабочихъ, въ томъ числѣ старуха и двѣ молодыя дѣвушки, все поденщики съ поля Фламма, послѣдно идутъ полемъ къ источнику. Это: Ганъ, Гейнцель, Гелишъ, старая

Голичиха. Мужчины въ однихъ штанахъ и рубашкахъ; на женщинахъ подобраны юбки, косынки на груди и пестрые платки на головахъ).

Ганъ (30 лѣтъ, загорѣлый, здоровый парень). А все-таки я первый добѣжалъ, а вы сколько ни старайтесь, никому изъ васъ за мной не угнаться. (Становится на колѣни и наклоняется къ источнику). Кабы можно, я бы и самъ туда нырнулъ...

Младшая работница. Посмѣй только, мы тоже пить хотимъ. (Старшей работницѣ). Ты захватила съ собой ковшикъ зачерпнуть воды?

Старшая работница. Подождешь. Старшимъ первый чередъ.

Гейнцель (оттаскиваетъ обѣихъ женщинъ за плечи назадъ и протискивается между ними къ источнику). Первый чередъ мужчинамъ, потомъ ужъ бабамъ.

Клейнертъ. Всѣмъ мѣста хватить, — правда, дядя Берндъ?.. Съ полдникомъ васъ.

Берндъ. Да, да. Только полдника у насъ еще нѣтъ. Все ждемъ и не дождемся.

Голишъ. Я... я! меня пустите! Страсть пить хочется... Рубашку хоть выжми... Языкъ во рту словно колода...

Голичиха. Водичи...

Клейнертъ. Да вотъ же она, вода,—на всѣхъ хватить. (Всѣ жадно пьютъ, кто прямо ртомъ, кто изъ горсти, кто зачерпнувъ воды шапкой или принесенными ковшичками и горшечками. Слышно только, какъ они торопливо глотаютъ и потомъ съ наслажденіемъ отдыхаютъ).

Гейнцель (вставая съ колѣнъ). Вода хорошая вещь, но пивца бы выпить еще лучше.

Ганъ. Или водки стаканчикъ—тоже не дурно.

Голишъ. Слышь ты... Августъ, ты бы намъ хоть четверть поставилъ.

Голичиха. Пусть лучше на свадьбу позоветъ.

Голишъ. На свадьбу мы всѣй придемъ. Свадьба-то вѣдь скоро...

Гейнцель. Я не пойду. Была охота воду сосать. Этого добра и здѣсь довольно. Лучшаго отъ него вѣдь не дождешься,—развѣ что кофеемъ угостить...

Ганъ. Да пѣніемъ и молитвами; чего добраго, еще придетъ пасторъ изъ Іенкау и начнетъ спрашивать десять заповѣдей.

Гейнцель. Или семь прошеній молитвы Господней. Вотъ штука была бы. Я вѣдь все позабылъ.

Клейнертъ. Оставьте вы въ покоѣ Августа. Я вамъ то

скажу: будь у меня дѣвка, я бы лучшаго зятя не желалъ. Онъ малый съ головой, свое дѣло знаетъ...

(Работники и работницы усаживаются въ кружокъ полдничать. Пьютъ кофе изъ жестяныхъ чайниковъ и перочинными ножами отрываютъ ломти отъ большихъ караваевъ хлѣба).

Голичиха. Вонъ Берндова Роза вышла изъ-за угла.

Голищъ. Глядите, какъ прыгаетъ.

Клейнертъ. Ей ни почемъ втащить мѣшокъ пшеницы на вышку. Нынче утромъ я самъ видѣлъ, какъ она взвалила платяной шкапъ на телегу и отвезла въ новый домъ. Славная дѣвка,—кровь съ молокомъ. Эта управится со всякимъ хозяйствомъ.

Ганъ. Вотъ, братцы, кабы мнѣ такъ повезло, какъ Августу, и я бы, пожалуй, святошей сталъ...

Голичиха. Умѣй только на побѣгушкахъ быть, такъ извезешь...

Ганъ. Какъ подумаешь, что онъ раньше съ сумой ходилъ и по деревнямъ книжки продавалъ, потомъ за деньги письма писалъ... а нынче, глядите, лучший домъ на деревнѣ—его, и самая красивая дѣвка—тоже его.

(Входитъ Роза Берндъ. Она несетъ въ корзинѣ поднимать для Августа и отца).

Роза. Хлѣбъ да соль!

Всѣ (вмѣстѣ). Здравствуй, и тебѣ тоже—спасибо.

Голичиха. Чтò же ты, Роза, милаго дружка голодомъ моришь?

Роза (весело распаковываетъ корзину). Ну вотъ еще. Такъ скоро съ голоду не помираютъ.

Гейнцель. Ты его хорошенько корми, Роза, а то онъ кестись не будетъ.

Голичиха. Да, да, а то гдѣ же ему супротивъ тебя встоять.

Берндъ. Гдѣ ты такъ долго была? Мы уже съ полчаса ждемъ.

Августъ (вполголоса, сердито). Вотъ и опять тутъ вся деревня собралась. Если-бъ не ты, мы бы давнымъ-давно уже кончили...

Голичиха. Пусть поворчитъ, дѣвушка, ничего,—не обращай вниманія.

Роза. Кто ворчитъ, бабушка? кому здѣсь ворчать? Августъ никогда не ворчитъ...

Голичиха. Да хоть бы и ворчалъ, я тебѣ говорю: не обращай вниманія.

Гейнцель. Коли теперь не ворчитъ, послѣ будетъ. Это придетъ.

Роза. И ничего не будетъ, и ни капельки я не боюсь.

Голишъ. Какъ это вы вдругъ такъ поладили?

Роза. Мы и всегда ладили. Правда, Августъ? (Цѣлуетъ его; въ толпѣ смѣются). Чего вы смѣетесь! У насъ всегда такъ.

Голишъ. А я было-того... думалъ... какъ бы мнѣ къ тебѣ въ окошко влѣзть...

Клейнертъ. Гляди, дѣдка! Костей не соберешь.

Старшая работница (язвительно). Ой, ой, ой, какъ страшно! А я бы все-таки попробовала... Кто знаетъ?..

Берндъ (нахмурившись, но спокойно). Смотри, дѣвка, за собой.

Клейнертъ. Слышала, что сказано: смотри за собой. Старый Берндъ шутить не любитъ.

Роза. Да вѣдь она уже молчить, — оставьте ее...

Клейнертъ (раскуривая трубку). Поглядѣть на него теперь, — кротокъ, какъ овца. А вѣдь, бывало, разсердится, ухъ, какой... вы и не повѣрите. Помню, какъ онъ еще управителемъ былъ, — у него бабы по стрункѣ ходили. Онъ бы съ десятью такими управился, какъ ты, — не посмѣли бы съ парнями пугаться...

Старшая работница. Кто же это съ парнями то пугается?

Клейнертъ. Объ этомъ надо машиниста Штрекмана спросить.

Старшая работница (вся вспыхнувъ). Ахъ, пожалуйста, спрашивайте... хоть у самого Бога... (Въ толпѣ смѣхъ).

(Входятъ машинистъ Штрекманъ, весь въ пылъ, прямо отъ молодилки, слегка подвыпившій).

Штрекманъ. Кто тутъ поминалъ машиниста Штрекмана? Вотъ онъ самъ здѣсь передъ вами. Кто хочетъ помириться со мною? Хлѣбъ да соль всей честной компаніи. Здравствуйте.

Голичиха. Помянули чорта, — онъ ужъ тутъ какъ тутъ.

Штрекманъ. А ты чортова бабушка. (Снимаетъ фуражку съ кокардой и вытираетъ потъ со лба). Охъ, братцы, дайте поспидѣть съ вами. Усталъ я. На этой работѣ кожу можно спустить... не то что! Здравствуй, Августъ, добрый день, Роза, здравствуйте, отецъ Берндъ! Господи Иисусе, да что у васъ языки отнялись, что вы не можете отвѣтить?..

Гейнцель. Оставь ихъ, имъ и безъ тебя хорошо...

Штрекманъ. Кого Богъ полюбитъ, тому и во снѣ посылаетъ... А мы вотъ сколько ни надрывайся, все толку

ННТЬ. (Протиснулся между Гейнцелемъ и Клейнертомъ, усясь и передать Гейнцелю бутылку съ водкой).

Голичиха. Грѣха ты не боишься, Штрекманъ, чего тебѣ жаловаться? Это ли не житье: получаешь вдвое, втрое противъ другихъ, а только всего и работы, что постоять у машины.

ШТРЕКМАНЪ. Потому это умственная работа. Голову нужно имѣть на плечахъ. Коли у кого въ башкѣ солома вмѣсто мозга, тому, понятно, не пографить. Да ну тебя, что ты, старая, согласишь въ этомъ? А вотъ какое у меня горе...

Голишъ. Батюшки! у Штрекмана горе!..

ШТРЕКМАНЪ. Больше чѣмъ достаточно... Я и самъ не знаю, что со мной дѣлается... Не то животь болить, не то сердце... Но до того скверно, что какую ни на есть пакость готовъ сотворить... Дѣвушка, можно къ тебѣ прилечь?

Младшая работница. Я те прилягу точиломъ по головѣ.

Голишъ. Вотъ это и есть его болѣзнь: сейчасъ это у него въ глазахъ потемнѣетъ, свѣту не взвидитъ—глядишь, и угодилъ къ дѣвкѣ въ постель. (Громкій смѣхъ).

ШТРЕКМАНЪ. Смѣйтесь, дурачье, дерите глотку. А вотъ мнѣ совсѣмъ не до смѣха. (Бахвалясь) Хоть бы мнѣ руку машиной оторвало, хоть бы меня поршинемъ придавило... Что же, дѣвушка, хочешь—убей меня. Я не прочь.

Ганъ. Ты, чего добраго, ригу подожжешь.

ШТРЕКМАНЪ (отмахиваясь). Что ты, что ты. Хотя, положимъ, огня во мнѣ достаточно... Вотъ Августъ счастливый человекъ.

Августъ. Счастливъ я или нѣтъ, это никого не касается.

ШТРЕКМАНЪ. Что я тебѣ сдѣлалъ? Могъ бы ты быть и повѣжливѣе...

Августъ. Для этого я поищу другой компаніи.

ШТРЕКМАНЪ (долго смѣяться на него съ тупой ненавистью, затѣмъ, проглотивъ обиду, тянется за бутылкой). Давай сюда. Надо хоть запить свое горе. (Розѣ) Нечего смотрѣть на меня, это дѣло конченное. (Встаетъ) Уйду—не хочу мѣшать.

Роза. По мнѣ хоть уходи, хоть оставайся. Мнѣ все равно.

Голичиха (оказывая отходящаго Штрекмана). Штрекманъ, какъ же это вы такъ?.. А помнишь—три недѣли назадъ—у молотилки, когда мы брюкву копали? (Работницы и работники прыскаютъ отъ смѣха).

ШТРЕКМАНЪ. Чтѣ было, то прошло. Я ничего не помню.

Голичиха. А тогда какъ ты бахвалился передъ людьми...

Клейнертъ. Будетъ вамъ языки-то трепать.

Голичиха. Пускай другой разъ не хвастаетъ.

ШТРЕКМАНЪ (возвращается). Мое слово вѣрно. Чтѣ сказано, то и сдѣлано,—не то бы я минуты покоя не имѣлъ... А теперь будетъ... больше я ничего не скажу. (Идетъ).

Голичиха. Еще бы, молчать-то вѣдь легче всего.

ШТРЕКМАНЪ (опять возвращается, хочетъ что-то сказать, но удерживается). Ну, да ладно, изъ меня лишняго слова не выжмешь. А если хочешь знать больше, спроси вонъ Авгу-ста, или дядю Бернда.

Берндъ. Чтѣ такое? О чемъ спросить?

Голичиха. Какъ вы давеча къ старшинѣ шли, мимо мо-стилки, и Штрекманъ вамъ вслѣдъ повернулъ словечко...

Клейнертъ. Пора бы тебѣ, старая, и помолчать...

Голичиха. Чтѣ-жъ тутъ такого? Вѣдь я такъ, шутки ради... Такъ вотъ: сталкивались вы тогда? Или Роза не за-хотѣла?

Берндъ. Прости вамъ Господь всѣ ваши прегрѣшенія. Я васъ только объ одномъ хочу спросить: почему вы не можете оставить насъ въ покоѣ? Кажется, мы никого не трогаемъ.

Роза. Хотѣла я тогда или не хотѣла, вамъ объ этомъ беспокоиться нечего. А теперь вотъ хочу, вотъ вамъ и весь сказъ.

Клейнертъ. Правильно, Роза. Ловко отвѣтила.

Августъ (до тѣхъ поръ, повидимому, углубленный въ чтеніе евангелія, теперь, захлопнувъ книгу, встаетъ). Пойдемъ, отецъ, пора на работу.

Ганъ. Куда тебѣ съ твоимъ здоровьемъ на такую ра-боту... Это вѣдь не то, что молитвенники клеить и клейстеръ мѣшать...

Гейнцель. Вотъ послѣ свадьбы пусть побольше здо-ровья припасетъ... На такую дѣвку, какъ Роза, немало силы уйдетъ. (Смѣхъ).

ШТРЕКМАНЪ (тоже расхохотавшись). О, да! Чуть-было не проговорился... (Отходить къ другимъ). Вотъ я вамъ загадаю. Хотите? Въ тихомъ омутѣ черти водятся... Нѣтъ, не такъ: никогда не отвѣдывай крови, — отъ этого только жажда сильнѣе...

Голичиха. Чтѣ такое? Гдѣ же это ты крови отвѣдалъ?

Берндъ. Охъ, должно-быть, о водкѣ говорить.

Штрекманъ. Ну, я ухожу. Адье-ст, я человекъ добрый...
Мое почтеніе, отецъ Берндъ. Прощай, Августъ, прощай,
Рузля. (Августу) Ну, чего ты? Ну, не дури. Ладно ужъ —
мое слово крѣпко, вы меня больше не увидите. А ты—ты
еще меня благодарить долженъ. Ты всегда исподтишка
козни строилъ. А я все-таки тебѣ помогъ. Я разрѣшилъ—
и все пошло гладко. (Штрекманъ уходитъ).

Роза (сильно). Пусть болтасть, Августъ, не обращай вниманія!..

Клейнертъ. Фламмъ идетъ. (Смотритъ на часы) Однако
мы тутъ больше полчаса прохлаждались...

(Слышенъ свистъ локомотива. Всѣ поднимаются).

Ганъ. Впередъ, пруссаки. Нужда зоветъ. (Работники съ
косами и дѣвушки послѣдно уходятъ. Остаются только: Роза, старый
Берндъ и Августъ).

Берндъ. Суцѣй Содомъ и Гоморра. Одинъ Штрекманъ
чего стѣбитъ. Чтѣ онъ тутъ болталъ? Скажи, Роза, ты по-
паяла?

Роза. Ничего я не поняла. У меня есть о чемъ поваж-
пѣ думать. (Подтолкнувъ Августа) Правда? Есть у насъ
время на всякія глупости. Намъ надо въ эти шесть недѣль
свое гнѣздо устроить. (Убираетъ въ корзину остатки полдника).

Августъ. Ты потомъ приходи къ намъ на лугъ.

Роза. Миѣ еще нужно стирать, гладить, петли метать...
Если успѣю—приду.

Августъ (прежде чѣмъ уйти, серьезно). Ты меня любишь,
Роза?

Роза. Люблю, августъ. (Августъ уходитъ).

Роза (одна, слышны гудѣніе молотилки и глухой рокотъ надви-
гающейся грозы. Роза укладываетъ въ корзину остатки хлѣба, масла,
чашки и кружки, потомъ выпрямляется съ корзиной въ рукѣ и
смотритъ вдаль, какъ бы замѣтивъ тамъ что-то, чтѣ ее и пугаетъ и
привлекаетъ. Затѣмъ съ вѣсальной рѣшимостью надвигаетъ на лобъ
соскользнувшій съ головы платокъ и торопливо уходитъ. Но, прежде
чѣмъ она успѣла скрыться изъ виду, появляется Фламмъ съ ружьемъ
за плечами и окликаетъ ее).

Фламмъ. Роза! Стой! Да стой же, чортъ возьми! (Роза
останавливается, отвернувъ голову). Дай миѣ напиться. Не-
ужели же я не стою глотка воды?

Роза. Вонъ она, вода.

Фламмъ. Вижу. Я не слѣпъ. Но вѣдь не могу же я
пить, какъ корова. Развѣ у тебя нѣтъ чашки въ корзинѣ?
Чтѣ? (Роза приподнимаетъ крышку корзины). Ну, вотъ видишь—
даже кувшинъ. Изъ такихъ кувшинчиковъ лучше всего
пѣтся. (Роза, опять-таки не глядя на него, подаетъ ему кофейникъ).

Будьте столь добры, немножко повѣжливѣй, ужъ потрудитесь для меня. (Роза идетъ къ источнику, выполаскиваетъ кувшинъ, наполняетъ его водой, ставитъ возлѣ источника, идетъ къ своей корзинѣ, поднимаетъ ее и ждетъ, повернувшись спиной къ Фламму). Нѣтъ, Роза, и это не годится. Можетъ-быть, какой-нибудь проходящій монашекъ удовольствовался бы этимъ, мнѣ эта порода мало знакома, но я еще пока, слава Богу, старшина Фламмъ. Дашь ты мнѣ пить, или нѣтъ? Ну, разъ... два... три... Будетъ калпризначать... Изволь слушаться, пошевеливайся... (Роза опять подошла къ источнику, взяла кувшинъ и подаетъ его Фламму, попрежнему отвернувъ лицо). Вотъ такъ, ближе, ближе. Все еще не такъ.

Роза. Держите же сами.

Фламмъ. Кто же такъ пьетъ.

Роза (протинъ воли разсмѣявшись, поворачивается къ нему лицомъ). Нѣтъ, право...

Фламмъ. Вотъ такъ лучше. Такъ хорошо. (Какъ будто печально и только для того, чтобы помочь Розѣ удержать кувшинъ, кладетъ свои руки на ея руки и, не отнимая кувшина отъ губъ, наклоняется все ниже, пока не опустился на одно колѣно). Вотъ такъ. Спасибо, Роза. Ну, теперь можешь отпустить меня.

Роза (дѣлая слабыя попытки вырваться). Ахъ, нѣтъ. Вы отпустите меня, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Да, ты думаешь? Такъ я долженъ тебя отпустить теперь, когда я наконецъ поймалъ тебя? Нѣтъ, моя прелесть, это не такъ просто, этотъ номеръ не пройдетъ; и не проси, и не старайся — ты отъ меня не уйдешь. Прежде всего посмотри на меня, какъ слѣдуетъ. Я все тотъ же. Вотъ, прямо въ глаза. Все знаю, все... Мнѣ рассказывалъ Штекель, какъ онъ васъ записывалъ. Благодареніе Богу, я теперь уже не чиновникъ по своднымъ дѣламъ. У этой западни стоитъ теперь другой человѣкъ. Я даже знаю, когда похороны, чортъ возьми, то, бишь, свадьба. И себя я въ руки взялъ. Да, Роза, эту пилюлю трудно проглотить. Ну, да, авось, не подавлюсь.

Роза. Не слѣдъ мнѣ съ вами здѣсь стоять, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Ты должна. А слѣдъ или не слѣдъ—это мнѣ совершенно безразлично. То-есть въ высокой степени наплевать. Если ужъ дѣйствительно такъ суждено, я, какъ солдатъ, требую увольненія въ отставку по всей формѣ. Нельзя же такъ просто выставить человѣка за дверь. Роза, я виноватъ передъ тобой?

Роза (отрицательно покачивает головой, мягко). Вы ни въ чемъ передо мною не виноваты, господишъ Фламмъ.

Фламмъ. Правда? Ты это по совѣсти говоришь? (Роза утвердительно киваетъ головой). Хотя это утѣшительно. Я самъ всегда такъ думалъ... по крайней мѣрѣ, хоть не будешь поминать меня лихомъ... Ахъ, Роза, славное это было времечко...

Роза. А теперь вы должны вернуться къ вашей женѣ...

Фламмъ. Если-бъ только оно не такъ скоро промелькнуло... Сладкое времечко... А что отъ него осталось?..

Роза. Вы должны быть очень добры къ вашей женѣ, г-нъ Фламмъ. Ваша жена ангелъ, она спасла меня.

Фламмъ. Розочка, знаешь что, пойдемъ, сядемъ подъ грушей. Хорошо? Ну, что такое? Да вѣдь я и такъ ласковъ съ женой. У насъ отличныя отношенія. Идемъ, Роза, расскажи толкомъ. Такъ какъ это было? Ты говоришь: спасла? Что? Отъ чего спасла? Ну, понятно, это меня интересуетъ. Что же съ тобой такое приключилось? Мать разные намеки мнѣ дѣлала, да я что-то въ толкъ не возьму...

Роза. Г-нъ Кристофъ... г-нъ Фламмъ... Я не могу сидѣть тутъ съ вами. Зачѣмъ вамъ это?.. Вѣдь все равно ничего не будетъ: все прошло и кончено. Я знаю, Богъ проститъ мнѣ мой грѣхъ... Онъ не взыщетъ съ невиннаго младенца... Для этого Онъ слишкомъ милосердъ.

Фламмъ (намекаетъ на гудѣніе молотилки, которое становится все слышнѣе). Ишь, проклятая, не унимается. Что? Роза, да присядь ты на минутку. Я ничего тебѣ не сдѣлаю. Я тебя не трону. Честное слово, Роза. Ну, выскажись на чистоту... Ииѣй же ко мнѣ хоть каплю довѣрія...

Роза. Ну да... Такъ оно и есть... А больше я и сама ничего не знаю. Когда я ужъ буду замужемъ, вы тогда спросите у своей жены,—можетъ, она вамъ скажетъ, что со мной теперь. Августу я ничего еще не говорила. Я знаю, онъ добрый. Оттого мнѣ и не страшно. У него и сердце доброе и душа христіанская. А теперь прощайте, Кристофъ. Живите счастливо. Еще цѣлая жизнь впереди: можно быть вѣрнымъ, работать, умерщвлять свою плоть,—долгъ выплатить и все искупить.

Фламмъ (не выпуская руки Розы). Роза, останься еще минутку. Я вѣдь не спорю. На твою свадьбу я, видитъ Богъ, не приду. Но если я и не буду на твоей свадьбѣ, все же я понимаю, что ты теперь права. Ахъ, дѣвочка моя, я такъ тебя любилъ... всей душой... не умѣю сказать, какъ

любилъ... Чортъ знаетъ съ какихъ поръ... Кажется, всеѣда Я еще ребенкомъ тебя полюбилъ,—ты такая была славная дѣвочка... такая искренняя, даже въ пустякахъ... Такая правдивая... Никогда ни вранья ни увертокъ, даже когда, помнишь, ты зеркало разбила. Я много женщинъ зналъ и въ Тарантѣ и послѣ, въ училищѣ въ Эберсвальдѣ, и когда военнымъ былъ—мнѣ на этотъ счетъ чертовски везло. А все-таки счастливъ я былъ въ первый разъ въ жизни только съ тобой...

Роза. Ахъ, Кристофъ, и я васъ любила!

Фламмъ. Ты вѣдь еще дѣвочкой была въ меня влюблена... Ты и тогда мнѣ глазки строила... Будешь ты иногда вспоминать стараго грѣховодника Фламма?

Роза. Конечно, буду, вѣдь у меня памятка есть...

Фламмъ. Ахъ, да, колечко съ камешкомъ... Будешь ты иногда приходить къ намъ?..

Роза. Нѣтъ, этого нельзя. Слишкомъ ужъ сердцу больно. Это была бы двойная мука... Нѣтъ, надо кончить... Я запрю у себя дома, буду работать за двоихъ. Начинается новая жизнь, старое позабыть надо... На землѣ все равно только одна мука и горе,—авось на томъ свѣтѣ лучше будетъ...

Фламмъ. Такъ мы, значить, въ послѣдній разъ видимся, Роза?

Роза. Отецъ съ Августомъ и то дивятся...

Фламмъ. Да пусть хоть и рыбы въ водѣ дивятся, и цапли перевернутся кверху ногами отъ удивленія. Изъ-за этого я не позволю ни секунды у себя украсть... Такъ, значить, совсѣмъ конецъ? И маману не будешь навѣщать...

Роза. Не могу я смотрѣть ей въ глаза... Можетъ-быть, послѣ когда-нибудь... Лѣтъ черезъ десять... можетъ, къ тому времени все забудется. Прощай, Кристофъ... Прощайте, господинъ Фламмъ...

Фламмъ. Да, да... Ахъ, дѣтка моя, если-бъ не мать... я и теперь бы не сталъ мѣшкать... Живо бы съ тобой управился...

Роза. Да, если-бъ тутъ не было словечка «если». Если-бъ не отецъ и Августъ, кто знаетъ, чтѣ бы я сдѣлала... Ско-рѣй всего ушла бы, куда глаза глядятъ...

Фламмъ. И я съ тобой, Роза. Да, все было бы иначе... Ну, дай же мнѣ твою ручку на прощанье... (Сжимаетъ ей руку, долгій прощальный взглядъ). Ну, чему быть, того не миновать. Значить, прощай навсегда... (Рѣшительно поворачивается и уходитъ твердыми шагами, ни разу не оглянувшись).

Роза (смотря ему вслѣдъ, страшнымъ усиленіемъ воли сдерживая свое волненіе). Чему быть, того не миновать... Ну, и хорошо...

(Кладетъ кувшинъ обратно въ корзину и хочетъ уйти въ другую сторону. Въ это время появляется Штрекманъ).

ШТРЕКМАНЪ (блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, съ дикимъ взглядомъ; идетъ крадучись, зоветъ). Роза... Роза Берндъ... Ты не слышишь? Здѣсь опять былъ этотъ бездѣльникъ Фламмъ... Ну, попадись онъ мнѣ только, я ему всѣ ребра переломлю... Чтѣ это опять? Я этого не потерплю... Чѣмъ я хуже его?.. Этакъ ты отъ меня не отдѣлаешься...

Роза. Чтѣ вы говорите? Кто вы такой, чтобы такъ со мной разговаривать?

ШТРЕКМАНЪ. Кто я такой? Чортъ возьми, ты скоро это узнаешь...

Роза. Кто вы такой? Гдѣ я васъ видѣла раньше?

ШТРЕКМАНЪ. Ты? Меня?.. Гдѣ ты меня видѣла?.. Ну, дѣвка, морочь кого другого, а меня...

Роза. Чтѣ вамъ нужно? Кто вы такой? Чего вы хотите отъ меня?

ШТРЕКМАНЪ. Надо... Вотъ чего... Поняла? Да не ори ты, ради Бога.

Роза. Я всю деревню созову, если вы не оставите меня въ покоѣ...

ШТРЕКМАНЪ. Вспомни вишню, вспомни пригорокъ...

Роза. Кто вы такой?.. Ложь!.. Чтѣ вамъ нужно отъ меня?.. Или вы сейчасъ уберетесь отсюда... или я позову на помощь...

ШТРЕКМАНЪ. Дѣвка, да ты рехнулась!

Роза. Тогда я бы по крайней мѣрѣ не мучилась. Кто вы такой? Врете вы все! Ничего вы не видѣли! Я закричу... Сію же минуту убирайтесь отсюда, не то я во всю глотку закричу караулы!

ШТРЕКМАНЪ (испуганный). Роза, я уйду! Замолчи только... Уйду, уйду!

Роза. Сейчасъ же, сію минуту. Понялъ?

ШТРЕКМАНЪ. Иду, иду... Мнѣ чтѣ? Я и уйти могу. (Дѣлаетъ комическое движеніе, какъ бы убѣгая отъ неожиданнаго ливня).

Роза (съ безумной ненавистью). Ага, теперь удираешь, гнусная тварь. Хорошо, что хоть спину повернулъ, все лучше твоей рожи! И этакій негодяй прельщать вздумалъ! Тыфу ты! Снаружи изукрашень, а внутри всего черви съѣли... Тошнить отъ тебя!

ШТРЕКМАНЪ (поворачивается къ ней блѣдный, страшный). А, вотъ оно что... Вотъ ты какъ обо мнѣ понимаешь. Не аппетитное кушанье! Чего же ты такъ на него набросилась?..

Роза. Я? Набросилась?..

ШТРЕКМАНЪ. Забыла, небось...

Роза. Негодяй!

ШТРЕКМАНЪ. Каковъ есть...

Роза. Мерзавецъ! Подлецъ! Теперь-то ты чего за мной подглядываешь? Кто ты такой? Кто вы такой? Что я такое сдѣлала? Ты за мной по пятамъ ходилъ, травилъ меня... какъ дикаго звѣря... Негодяй! Ты хуже всякой ищейки!

ШТРЕКМАНЪ. Это ты за мной бѣгала!

Роза. Что?..

ШТРЕКМАНЪ. Ты пришла ко мнѣ въ домъ, соблазнила меня...

Роза. А ты...

ШТРЕКМАНЪ. Ну такъ что-жъ такое?

Роза. А ты? А ты?

ШТРЕКМАНЪ. Я отъ сладкаго куска не отказываюсь.

Роза. Штрекманъ, вѣдь и ты помирать будешь... Слушай. Подумай о твоёмъ послѣднемъ часѣ... Вѣдь тебѣ передъ Богомъ придется отвѣтъ держать... Я къ тебѣ прибѣжала, сама себя не помня отъ страха... Я тебя Христомъ Богомъ молила... Я на колѣняхъ ползала передъ тобой... А ты говоришь—я къ тебѣ на шею вѣшалась. Такъ я же тебѣ скажу: ты преступникъ! Ты надо мной совершилъ преступленіе... Это больше, чѣмъ низость... Ты вдвойнѣ, тройнѣ преступникъ! Богъ тебя накажетъ!

ШТРЕКМАНЪ. Ну и пусть накажетъ!

Роза. Да? Ты такъ? Пусть накажетъ?.. Дьяволъ! Я тебѣ въ рожу плюну...

ШТРЕКМАНЪ. Вспомни вишню, вспомни пригорокъ...

Роза. Ты мнѣ клялся никогда не поминать про это... Ты мнѣ святую присягу далъ. Ты руку клалъ на крестъ и на крестѣ мнѣ присягалъ, а теперь опять начинаешь травлю сначала?..

ШТРЕКМАНЪ. Чѣмъ я хуже Фламма? Ты не должна больше съ нимъ путаться...

Роза. Каналья ты такая—тебѣ-то что?

ШТРЕКМАНЪ. А вотъ тамъ видно будетъ...

Роза. Что? Ты меня силой взять... Ты меня на полъ

повалилъ. Всю меня изломалъ... Какъ хищная птица на меня кидался... Я помню. Я все къ двери рвалась... Ты мнѣ юбку и кофту въ клочки изорвалъ. Я вся въ крови была... Я хотѣла уйти... Ты дверь на ключъ заперъ... Это преступленіе! Я на тебя въ судъ подамъ...

(Одинъ за другимъ входятъ Берндъ и Августъ, потомъ Клейнертъ, Голишъ и др. рабочіе).

Берндъ (становится передъ Штрекманомъ). Чтò здѣсь такое?.. Чтò ты сдѣлалъ съ моей дочерью?

Августъ (отодвигаетъ Бернда и проталкивается впередъ). Пусти, отецъ!.. Тебя спрашиваютъ, чѣмъ ты обидѣлъ Розу?

ШТРЕКМАНЪ. Ничѣмъ.

Берндъ (опять протискиваясь впередъ). Чтò ты сдѣлалъ съ моей дѣвкой?..

ШТРЕКМАНЪ. Ничего.

Августъ (проталкиваясь впередъ). Нѣтъ, ты мнѣ скажешь!

ШТРЕКМАНЪ. Ни черта я ей не сдѣлалъ.

Августъ. Или ты сію минуту скажешь мнѣ, что ты съ ней сдѣлалъ, или...

ШТРЕКМАНЪ. Или?.. Ну, что-жъ такое «или»? Руки прочь! Пусти, говорятъ тебѣ!

Клейнертъ (цѣлаясь разнять ихъ). Стойте!

ШТРЕКМАНЪ. Пустите!

Берндъ. Теперь самъ видишь, или...

Августъ. Чтò ты сдѣлалъ съ дѣвчонкой?

ШТРЕКМАНЪ (вдругъ испугавшись, отступаетъ къ грушѣ, крича). Караулы!..

Августъ. Чтò ты съ ней сдѣлалъ? Отвѣчай. Отвѣчай же! Я хочу знать! (Вывался и снова кидается на Штрекмана).

ШТРЕКМАНЪ (со всего размаху ударяетъ его кулакомъ въ лицо). Вотъ тебѣ мой отвѣтъ...

Клейнертъ. Штрекма...

Голичиха. Держите Августа, — онъ падаетъ...

Старшая РАБОТНИЦА (подхватываетъ шатающагося Августа). Августъ!

Берндъ (не обращая вниманія на Августа, Штрекману). Ты за это отвѣтишь... Это тебѣ такъ не пройдетъ.

ШТРЕКМАНЪ. Свинство! Изъ-за бабы, которая путается со всякимъ... (Уходитъ).

Берндъ. Какое онъ слово сказалъ?..

Клейнертъ (вмѣстѣ со старикомъ и старухой Голишъ, старшей работницей и Ганомъ поддерживая почти безчувственнаго Августа). Такъ и есть, — глазъ выбить...

Голичиха. Отецъ Берндъ! Августу-то вѣдь плохо...

Клейнертъ. Дорого ему обошлось его сватовство...

Берндъ. Чтò? Какъ? Царь Небесный! (Бросаясь къ нему)
Августъ...

Августъ. Лѣвый глазъ... такъ болитъ...

Берндъ. Роза, вод...

Голичиха. Вотъ напасть-то!

Берндъ. Роза, принеси же воды!.. Ты оглохла?..

Голишъ. За такую штуку меньше какъ годомъ тюрьмы
не отдѣлаешься...

Роза (какъ бы теперь только очнувшись). Онъ сказалъ... онъ
сказалъ... Да... Чтò это значитъ?.. Я вѣдь... Мнѣ куклу по-
дарили на Рождество...

Младшая работница (Розѣ). Ты бредишь, что ли?

Роза. Этого никому нельзя... говорить... Нѣтъ, дѣвушка,
этакъ нельзя, не годится! А хорошо... у кого есть мать...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ Фламма, чтò и во второмъ дѣйствіи. Время—
суббота, послѣ полудня, въ началѣ сентября. За письменнымъ столомъ
сидитъ Фламмъ, нагнувшись надъ счетами. Невдалекѣ отъ дверей въ
сѣни стоитъ Штрекманъ.

Фламмъ. По счету вамъ слѣдуетъ еще получить 206
марокъ и 30 пфенниговъ.

Штрекманъ. Точно такъ, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Чтò такое у васъ приключилось съ машиной?
Вы одинъ день до обѣда не работали.

Штрекманъ. Съ машиной ничего не случилось. Въ тотъ
день меня вызывали въ судъ.

Фламмъ. Это по дѣлу съ... Кейлемъ?

Штрекманъ. Да. И кромѣ того Берндъ подалъ на меня
въ судъ за безчестье дочери...

Фламмъ (вынуть изъ отдѣльнаго ящика деньги и считаетъ ихъ
на большомъ столѣ). Итакъ, двѣсти... двѣсти шесть марокъ и
пятьдесятъ пфенниговъ. Съ васъ слѣдуетъ 20 пфенниговъ
сдачи.

Штрекманъ (прятать деньги въ карманъ и кладетъ на столъ
20 пфенниговъ). Точно такъ. Прощайте, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Прощайте, Штрекманъ. А скажите, чѣмъ же
кончится эта ваша исторія?

ШТРЕКМАНЪ (останавливается и пожимает плечами). Да, должно-быть, ничѣмъ особеннымъ, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Какъ такъ?

ШТРЕКМАНЪ. Да такъ, надо полагать.

Фламмъ. Иногда изъ-за пустяковъ выходитъ серьезное. И съ чего вы это тогда счѣнились?

ШТРЕКМАНЪ. Я теперь и самъ не понимаю. Вѣрнѣе я, должно-быть, здорово выпивши былъ... А теперь, хоть убейте, ничего не припомню.

Фламмъ. Вѣдь переплетчикъ слыветъ очень миролюбивымъ человѣкомъ.

ШТРЕКМАНЪ. Положимъ, меня онъ всегда задираетъ... А все-таки я теперь не могу припомнить, какъ это у насъ вышло. Помню только, что они набросились на меня, какъ бѣшеные волки. Я думалъ, тутъ мнѣ и конецъ. Не думай я этого, у меня и рука бы не поднялась.

Фламмъ. А глаза нельзя было спасти?

ШТРЕКМАНЪ. Нѣтъ. Жалко, конечно, тѣмъ болѣе, что... Ну, да теперь ужъ ничего не подѣлаешь. Въ этомъ несчастіи я не виноватъ.

Фламмъ. Это само по себѣ скверная исторія. А раздѣло дошло до суда — еще того хуже. Главное, мнѣ дѣвушку жаль.

ШТРЕКМАНЪ. На мнѣ все платье виситъ, какъ на вѣшалкѣ, такъ я это къ сердцу принялъ. Я позабылъ, что такое сонъ, господинъ поручикъ. Вѣдь я, въ сущности, ничего не имѣю противъ Августа. Сейчасъ вотъ... Ну, ровно ничего...

Фламмъ. Вы бы сходили къ Бернду, если вы оскорбили его дочь, будучи въ то время не въ своемъ видѣ. Вы просто могли бы извиниться и взять ваши слова.

ШТРЕКМАНЪ. Я тутъ не при чемъ. Это его дѣло. Конечно, если-бъ онъ зналъ, куда оно клонится, онъ бы самъ взялъ назадъ свою жалобу. Ну, это ужъ пусть ему кто другой скажетъ, что онъ дѣвкѣ оказываетъ плохую услугу. Такъ-то, господинъ поручикъ. Честь имѣю кланяться.

Фламмъ. Прощайте.

ШТРЕКМАНЪ (уходитъ).

Фламмъ (про себя, взволнованный). Съ радостью придумалъ бы этого молодца.

(Служанка выкатываетъ изъ сосѣдней комнаты въ креслѣ госпожу Фламмъ).

Г-жа Фламмъ. Что ты тамъ бормочешь, Кристель? (дѣ-

вушка по знаку ея удаляется). Тебя разсердили? Опять неприятности?

Фламми. Да, спасибо. Достаточно.

Г-жа Фламми. Это не Штрекманъ здѣсь былъ?

Фламми. Красавецъ Штрекманъ? Да, это былъ красавецъ Штрекманъ.

Г-жа Фламми. Ну, какъ у нихъ теперь? Вы не о Кейль говорили?

Фламми (скрипя перомъ). Какіе у меня теперь счета въ головѣ!

Г-жа Фламми. И тебѣ не мѣшаю, Кристель?

Фламми. Нѣтъ, сиди только смирно.

Г-жа Фламми. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ я за себя ручаюсь.

(Пауза).

Фламми (вскакивая съ мѣста). А, сто тысячъ чертей! Иной разъ просто готовъ сбѣгать въ охотничью за ружьемъ и пристрѣлить вотъ этакого паршивца. И отвѣта бы не побоялся.

Г-жа Фламми. Фу, Кристель, какъ ты меня напугал!

Фламми. Ужъ извини. Я самъ напуганъ... Ну, мать, я тебѣ скажу: человѣкъ—это низкая тварь, такая подлая каналья. По крайней мѣрѣ, бываютъ такіе... Хуже всякой гадины,—прямо съ души воротить... И вѣдь сколько ни живи, не научишься разбирать людей. Можно всѣ четыре факультета проглотить, канатъ и камни переварить, но въ такихъ вещахъ, въ такихъ подлостяхъ... Нѣтъ, тутъ дальше азбуки не пойдешь...

Г-жа Фламми. Что тебя такъ взволновало?..

Фламми (опять пишетъ). Нѣтъ, я говорю такъ—вообще.

Г-жа Фламми. А я думала, ты про Штрекмана. Послушай, Кристель, эта исторія у меня изъ головы не выходитъ. И мнѣ бы очень хотѣлось потолковать съ тобой объ этомъ. Когда ты будешь въ настроеніи, разумѣется...

Фламми. Со мной? Да мнѣ-то какое дѣло до Штрекмана?

Г-жа Фламми. Собственно не о Штрекманѣ,—тутъ дѣло не въ немъ. Но о старомъ Беридѣ и Розѣ... Видишь ли, что касается дѣвушки,—это очень серьезно. И не будь я прикована къ своему креслу, я давно бы ужъ у нея побывала. Сама она не показывается...

Фламми. Ты—у Розы? Что тебѣ тамъ нужно?

Г-жа Фламми. Да ты выслушай, Кристель. Вѣдь она

для насъ не первая встрѣчная. Должна же я о ней позаботиться.

Фламмъ. Ну, какъ хочешь, мать. Коли должна, такъ заботься. Только врядъ ли ты чего-нибудь добьешься отъ этой дѣвчонки.

Г-жа Фламмъ. Какъ такъ? Что ты хочешь сказать этимъ?

Фламмъ. А то, что не нужно мѣшаться въ чужія дѣла... Кромѣ неблагодарности и неприятностей все равно ничего не добьешься...

Г-жа Фламмъ. Хотя бы и такъ. Неприятности нужно умѣть переносить. А благодарности въ этомъ мірѣ и вовсе не жди. Что касается Берндовой Розы,—не знаю, но мнѣ всегда какъ-то казалось, что она немножко и моя дочь. Видишь ли, Кристель, сколько я помню себя... Когда отецъ еще былъ старшимъ лѣсничимъ, ея мать тогда уже стирала у насъ въ домѣ бѣлье. А потомъ—на кладбищѣ, у могилки Куртеля—я какъ сейчасъ вижу ея лицо, хоть и сама была тогда чуть жива... Кромѣ насъ съ тобой, никто такъ искренно не горевалъ о немъ. Это ужъ ты мнѣ можешь повѣрить...

Фламмъ. Можетъ-быть. Но что у тебя теперь-то на умѣ? Я совершенно не могу себѣ этого представить...

Г-жа Фламмъ. Прежде всего мнѣ любопытно знать... Фламмъ. Что именно?

Г-жа Фламмъ. Да ничего особеннаго... Я вѣдь вообще не мѣшаюсь въ твои дѣла. Но теперь... мнѣ все-таки хотѣлось знать, что съ тобой творится въ послѣднее время:

Фламмъ. Со мной? Я думалъ, ты говоришь о Розѣ Берндъ.

Г-жа Фламмъ. Сейчасъ я говорю о тебѣ.

Фламмъ. Ну, это ты, мать, оставь. Мои дѣла тебя не касаются.

Г-жа Фламмъ. Легко сказать! Хорошо тебѣ говорить. А когда такъ сиднемъ сидишь, какъ я, и видишь, какъ человѣкъ постоянно въ тревогѣ, и видишь, что онъ по ночамъ не спитъ, и слышишь, какъ онъ тяжело вздыхаетъ, и когда это твой собственный мужъ, тутъ поневолѣ думать начнешь...

Фламмъ. Ну, матушка, ты совсѣмъ рехнулась. Ты хочешь изъ меня какое-то посмѣище сдѣлать. По ночамъ не спитъ! вздыхаетъ! Вѣдь это нужно быть идиотомъ какимъ-то. Я, слава Богу, не портняжный подмастерье!

Г-жа Фламмъ. Нѣтъ, Кристель, ты не увертывайся.

Фламмъ. Послушай, мать, зачѣмъ ты собственно затѣяла этотъ разговоръ? Ты хочешь, чтобы мнѣ тошно стало дома? Что? Хочешь скуку на меня навести? Изъ дому меня выгнать? Такъ, что ли? Умнѣ средства ты не могла придумать!

Г-жа Фламмъ. А я все-таки стою на своемъ: ты что-то отъ меня скрываешь.

Фламмъ (пожимая плечами). Если тебѣ угодно такъ думать... Ну, допустимъ даже, что это такъ... Вѣдь ты меня знаешь... Въ этомъ отношеніи ужъ пора тебѣ знать меня... Хотя весь свѣтъ перевернись вверхъ дномъ, изъ меня вотъ этакъ не вытянешь (щелкаетъ пальцами). А неприятностей у всякаго человѣка достаточно. Вчера я долженъ былъ расчитать пивовара, третьяго-дня прогналъ къ чорту винокура... да и независимо отъ этого, такая жизнь, какую мы здѣсь ведемъ, сама по себѣ способна нагнать силія на порядочнаго человѣка...

Г-жа Фламмъ. Отчего же ты въ обществѣ не бываешь? Поѣзжай въ городъ.

Фламмъ. Дѣйствительно. Играть на бильярдѣ въ трактирѣ или ходить на ходуляхъ съ ландратомъ? Нѣтъ, слуга покорный. Сытъ по горло. Этимъ меня не выманишь изъ дому. Если-бъ не охота да не моя пистоль... Нѣтъ, мнѣ слѣдовало сдѣлаться морякомъ.

Г-жа Фламмъ. Ну вотъ видишь, развѣ я не правду говорю? Ты совсѣмъ другой сталъ, точно тебя подмѣнили. Еще два-три мѣсяца тому назадъ ты былъ совершенно доволенъ своей жизнью: стрѣлялъ себѣ птицъ, набивалъ чучела, собиралъ растенія и птичьи яйца и по цѣлымъ днямъ пѣсни пѣлъ. Бывало, душа радуется глядѣть на тебя... А теперь ты совсѣмъ другой.

Фламмъ. Если бы, по крайней мѣрѣ, нашъ мальчикъ острелся живъ..

Г-жа Фламмъ. А что, если-бъ мы съ тобой взяли ребенка на воспитаніе?

Фламмъ. Теперь? Такъ, вдругъ? Нѣтъ, мать, теперь я не желаю. Прежде ты все никакъ не могла рѣшиться,— а теперь и у меня прошла охота.

Г-жа Фламмъ. Легко сказать,— взять чужого ребенка въ домъ. Мнѣ самая мысль объ этомъ сначала казалась измѣной нашему Куртелю. Мнѣ казалось... Какъ объяснить тебѣ это?.. Ну, словомъ, что вотъ мы задумали совсѣмъ вытолкнуть нашего мальчика изъ нашего дома, — изъ его

комнаты, изъ кровати и, наконецъ, изъ нашихъ сердець. А главное, гдѣ взять такого ребенка, отъ котораго можно надѣяться, что онъ будетъ намъ въ радость?.. Впрочемъ, оставимъ это пока. Поговоримъ о Розѣ. Ты знаешь, Фламмъ, чтѣ съ ней такое?

Фламмъ. Ну да... Конечно... Что-жъ тутъ знать? Штрекманъ опорочилъ ея поведеніе, и старый Берядъ не стерпѣлъ этого... Конечно, глупо было жаловаться въ судъ; въ такихъ случаяхъ всегда расплачивается женщина.

Г-жа Фламмъ. Я написала Розѣ нѣсколько писемъ, звала ее къ себѣ,—она не идетъ. Дѣйствительно, ея положеніе трудное, она не знаетъ, какъ ей быть...

Фламмъ. То-есть почему же это?

Г-жа Фламмъ. Да потому, что Штрекманъ правъ...

Фламмъ (озадаченный, съ глупымъ видомъ). Чтѣ такое, мать? Говори яснѣе.

Г-жа Фламмъ. Только ты, Кристель, не разсердись опять, какъ давеча. Я до сихъ поръ скрывала это отъ тебя, потому что я знаю, какъ ты относишься къ этимъ вещамъ. Вспомни, какъ ты безъ разговоровъ выгналъ изъ дома нашу работницу и приколотилъ разносчика. Дѣвочка мнѣ давно уже призналась... Ужъ больше двухъ мѣсяцевъ... Теперь она не одна... Тутъ замѣшано еще другое существо... Въ этомъ-то и все дѣло... Фламмъ, ты понялъ? Ты понимаешь...

Фламмъ (удрученный). Нѣтъ, мать... Признаться, не совѣмъ. У меня что-то... вотъ здѣсь... сегодня... сейчасъ... Мнѣ иногда такъ вдругъ кровь ударить въ голову, точно... отвратительная штука... Голова кружится... да... нѣтъ... Мнѣ надо на воздухъ. Это пустяки, мать, ты не тревожься...

Г-жа Фламмъ (надѣвъ очки). Куда же ты идешь съ патронташемъ?

Фламмъ. Да куда. И къ чему это я взялъ патронташъ? (Швыряетъ прочь отъ себя нечаянно взятый имъ патронташъ). Живешь такъ,—ничего не знаешь, ничего не слышишь; немудрено, что какимъ-то идиотомъ станешь. Иной разъ чувствуешь себя на свѣтѣ совѣмъ чужимъ...

Г-жа Фламмъ (недовѣрчиво). Послушай, Кристель, это чтѣ же такое?

Фламмъ. Ничего, мать. Ровно ничего. Ровнешенько ничего. Это сейчасъ пройдетъ,—вотъ и голова опять свѣжа. Но иногда вдругъ явится такое чувство... Такой страхъ нападетъ... Я не умѣю тебѣ этого объяснить. Ну, точно вотъ

подо мной нѣтъ больше твердой почвы, и я сейчас полечу кувыркомъ...

Г-жа Фламмъ. Ты говоришь такія странныя вещи.. (Въ дверь постучали). Кто тамъ? Войдите.

Августъ (еще не показываясь). Это я, г-жа Фламмъ.

Фламмъ (быстро уходитъ въ охотничью комнату).

Августъ (показывается въ дверяхъ. Онъ блѣднѣе прежняго, исхудалъ и носить темныя очки. На лѣвомъ глазу черная повязка). Просту извиненія, госпожа поручица. Добраго утра, госпожа поручица.

Г-жа Фламмъ. Благодарствуйте, г-нъ Кейль.

Августъ. Моя неvěста вызвана въ судъ, г-жа поручица а то бы она сама пришла. Можетъ, она еще вечеромъ забѣжитъ.

Г-жа Фламмъ. Я рада, что вижу, по крайней мѣрѣ, васъ. Ну, какъ же вы поживаете? Присядьте.

Августъ. Пути Господни неисповѣдимы. И когда Господь посылаетъ испытаніе, не нужно роптать; напротивъ, нужно радоваться. Такъ и со мной теперь, г-жа Фламмъ. Ничего,—я доволенъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Тѣмъ больше растеть сокровище въ вѣчности...

Г-жа Фламмъ (тяжко вздохнувъ). Желала бы я, чтобы это было такъ, г-нъ Кейль. Роза получила мои письма?

Августъ. Она дала мнѣ ихъ прочесть. И я ей прямо сказалъ, что такъ не годится, что она должна пойти къ вамъ.

Г-жа Фламмъ. Признаюсь, меня удивляетъ, Кейль, что она послѣ всѣхъ этихъ исторій ни разу не собралась ко мнѣ. Вѣдь она же знаетъ, что я принимаю въ ней участіе...

Августъ. Она въ послѣднее время стала такая робкая... Извините, что я позволю себѣ оказать: вы не сердитесь на нее за это. Во-первыхъ, она все время со мной возилась,—вѣдь за мной нуженъ былъ уходъ, и она такъ за мной ухаживала... Богъ ей воздастъ за это... А потомъ, съ тѣхъ поръ, какъ этотъ человѣкъ такъ ужасно осрамилъ ее, она просто боится показаться на улицѣ.

Г-жа Фламмъ. Да я и не сержусь на нее, Кейль. Ну, что какъ она себя чувствуетъ? Что подѣлываетъ?

Августъ. Охъ, ужъ это... что, бишь, я хотѣлъ сказать? Какъ она это сегодня въ одиннадцать часовъ собиралась въ судъ,—вотъ бы вы послушали. Просто жутко становилось, какія она странныя рѣчи вела... Сначала она было-совсѣмъ не хотѣла идти,—потомъ хотѣла меня взять съ собой,—потомъ

вдругъ, какъ молнія, выскочила на улицу и кричить мнѣ, чтобъ я за ней не ходилъ. А то иной разъ реветъ цѣлыми днями. Конечно, у каждого свои мысли...

Г-жа Фламмъ. Какія мысли?

Августъ. Да такъ, всякія... Во-первыхъ, объ этомъ несчастіи. что со мной приключилось. Она это и высказывала не разъ. Должно-быть, это ей глубоко врѣзалось въ душу... Ну, и объ отцѣ Берндѣ, что онъ такъ это къ сердцу принялъ...

Г-жа Фламмъ. Вѣдь мы здѣсь свои люди, г-нъ Кейль. Почему намъ не поговорить откровенно? Вамъ никогда не приходило въ голову... по поводу этой исторіи съ Штрекманомъ... вамъ ли, отцу ли Бернду,—что тутъ можетъ быть, доля правды?

Августъ. Объ этомъ я вовсе не думаю.

Г-жа Фламмъ. Это хорошо. Я васъ отнюдь за это не браню. Иной разъ, дѣйствительно, самое лучшее, какъ страусъ, спрятать свою голову въ песокъ. Но отцу это не подобаешь.

Августъ. Ну, г-жа Фламмъ, что касается старика, онъ такъ далекъ отъ подобныхъ мыслей; ему даже въ голову не можетъ придти, чтобы тутъ могло быть неладное... Онъ готовъ дать обѣ руки на отсѣченіе, такъ онъ твердо убѣжденъ. И какъ онъ строгъ въ этихъ вещахъ, вы не повѣрите. Давеча г-нъ поручикъ Фламмъ были у него и все уговаривали его взять жалобу назадъ...

Г-жа Фламмъ (взволнованно). Кто у него былъ?

Августъ. Г-нъ поручикъ.

Г-жа Фламмъ. Мой мужъ?..

Августъ. Ну да, они долго говорили. Видите ли, что касается меня, хоть я и лишился глаза,—я не стремлюсь непременно, чтобы Штрекманъ былъ наказанъ... «Мнѣ отищеніе, и Азъ воздамъ» — глаголетъ Господь. Но отецъ ни за что не хочетъ мириться. Онъ твердитъ свое: требуйте отъ меня чего хотите, только не этого.

Г-жа Фламмъ. Мой мужъ былъ у стараго Бернда?

Августъ. Да. Какъ получилъ повѣстку, такъ и пришелъ.

Г-жа Фламмъ. Какую повѣстку?

Августъ. Да отъ слѣдователя.

Г-жа Фламмъ (еще взволнованнѣе). Кто? Старикъ Берндъ?

Августъ. Г-нъ поручикъ Фламмъ.

Г-жа Фламмъ. Да... такъ, значитъ, моего мужа тоже допрашивали? При чемъ онъ-то тутъ?..

Августъ. Да, его тоже допрашивали.

Г-жа Фламмъ (потрясенная). Вотъ какъ... Это для меня новость. Объ этомъ я ничего не знала. И что Кристель былъ у стараго Бернда, тоже не знала. Куда это дѣвался мой одеколонъ? Нѣтъ, Августъ, вы теперь лучше идите домой. Я теперь немножко... Не знаю, какъ сказать, только я сейчасъ не могу быть вамъ хорошей совѣтчицей. Мнѣ что-то такъ вдругъ сдѣлалось нехорошо... Ступайте домой и ждите... Ступайте. Но если вы такъ ужъ любите эту дѣвушку, — посмотрите на меня, я эту пѣсенку знаю... Если ужъ человѣкъ такой уродился, — будь то мужчина, которому бабы вѣшаютъ на шею, или женщина, за которой вѣчно, какъ полоумные, ходятъ хвостомъ мужчины, — тутъ нужно одно: терпѣть, терпѣть и терпѣть... Терпѣніе нужно. Я двадцать лѣтъ такъ жила... (прикладываетъ руку къ глазамъ и смотреть сквозь пальцы) и если ужъ смотрѣла, то только сквозь пальцы.

Августъ. Вотъ ужъ никогда бы этому не повѣрилъ. Г-жа Фламмъ...

Г-жа Фламмъ. Вѣрите вы мнѣ или нѣтъ, объ этомъ жизнь не спрашиваетъ. Со мной то же, что и съ вами. Я тоже этого никогда не понимала... Но не въ этомъ дѣло, — нужно подумать, какъ выйти изъ этого положенія. Я общалась Розѣ... Иногда общаться легче, чѣмъ сдерживать... Но, во всякомъ случаѣ, все, что я въ силахъ сдѣлать... Прощайте, — конечно, я не могу предположить, чтобы и вы... Ну, да авось, — Богъ милостивъ...

Августъ (заволнованный, торопливо пожимаетъ протянутую ему руку и молча уходитъ).

(Г-жа Фламмъ, откинувъ голову на спинку кресла, грустно смотритъ вверхъ, время отъ времени тяжело вздыхая. Входитъ Фламмъ, очень блѣдный, искоса поглядываетъ на жену и, тиховыко насвистывая, отворяетъ книжный шкафъ, какъ будто что-то тамъ отыскиваетъ).

Г-жа Фламмъ. Да, да, свисти, тебѣ все ни по чемъ!.. Все-таки этого я отъ тебя не ожидала...

Фламмъ (поворачивается къ ней молча, потомъ смотреть ей прямо въ глаза, слегка поднявъ обѣ руки, высоко вздернувъ плечи и опять нѣло опустивъ ихъ, просто и безъ смущенія смотреть въ землю, скорѣй задумчиво, чѣмъ со стыдомъ).

Г-жа Фламмъ. Вамъ, мужчинамъ, все легко... Что-жъ теперь будетъ?

Фламмъ (та же мимика, какъ и въ первый разъ, только слабѣе). Не знаю; пока я могу только спокойно ждать. Я тебѣ разскажу, какъ это вышло. Можетъ-быть, тогда ты будешь

судить меня не такъ строго. А если нѣтъ, — ну что-жъ, мнѣ будетъ очень грустно...

Г-жа Фламмъ. Такое легкомысліе нельзя судить не строго.

Фламмъ. Легкомысліе? Здѣсь было не одно только легкомысліе. А ты, мать, что бы предпочла: чтобы это было только легкомысліе или что-нибудь посерьезнѣе?

Г-жа Фламмъ. Такъ исковеркать дѣвушкѣ все ея будущее, когда мы... когда на насъ лежитъ отвѣтственность... Мы сами уговаривали ее жить у насъ... Намъ такъ слѣпо довѣряли... Я прямо готова сквозь землю провалиться. Точно мы все это заранее подстроили.

Фламмъ. Ты кончила, мать?

Г-жа Фламмъ. Далеко не кончила.

Фламмъ. Ну, такъ я подожду.

Г-жа Фламмъ. Кристель, ты помнишь, что я тебѣ сказала, когда ты дѣлалъ мнѣ предложеніе?

Фламмъ. Ну?

Г-жа Фламмъ. Что я слишкомъ стара для тебя. Женщина можетъ быть на шестнадцать лѣтъ моложе, но на три-четыре года старше—нѣтъ. Зачѣмъ ты тогда не послушала меня?

Фламмъ. Ты не находишь, что это праздное занятіе—вспоминать теперь такую старину? Не найдется ли у насъ поговорить о чемъ-нибудь поважнѣе? Мнѣ кажется, мать, что самъ я тутъ ничего не могу подѣлать. О положеніи Розы я до сегодняшняго дня и не подозрѣвалъ. Иначе я, конечно, поступалъ бы не такъ. Теперь вопросъ: нельзя ли это какъ-нибудь поправить?.. Вотъ почему, мать, я просилъ бы тебя не быть мелочной и попробовать разобраться въ этомъ дѣлѣ. До тѣхъ поръ, пока Розу не вздумали выдавать замужъ за этого кривоваго, — все было по чести. А вотъ какъ они это рѣшили, тутъ и пошло... Можетъ-быть, у меня и путанные взгляды. Дѣвочка выросла на моихъ глазахъ... На нее какъ бы перешла частица моей привязанности къ Куртелю... Сначала мнѣ хотѣлось только оберечь ее отъ такого несчастія, а потомъ... какъ это всегда бываетъ... Это еще Платонъ хорошо изобразилъ въ «Федрѣ», тамъ, гдѣ говорится про двухъ коней: «И вотъ дурной конь понесетъ меня, и тутъ прорвало всѣ плотины...» (Длинная пауза).

Г-жа Фламмъ. Ты это все очень красиво рассказалъ,— даже ученостью приправилъ... Вы, мужчины вѣдь всегда

правы. А бѣдная женщина выпутывайся, какъ знаешь.. Выходить, что ее только осчастливилъ и еще себя при этомъ въ жертву принесъ... Этому прямо нѣтъ оправданія...

Фламмъ. Хорошо, мать, оставимъ этотъ разговоръ. Вспомни только, что послѣ смерти Куртеля я не могъ видѣть этой дѣвушки... Кто ее удержалъ? Кто ее уговаривалъ остаться у насъ?

Г-жа Фламмъ. Да вѣдь это же изъ-за тебя. Мнѣ хотѣлось, чтобы у насъ въ домѣ было не такъ тоскливо и пусто... Я въ ней не нуждалась...

Фламмъ. А я изъ-за тебя не противился.

Г-жа Фламмъ. Обидно за каждую слезу, которая проливается изъ-за васъ. Можешь избавить меня отъ твоихъ объясненій. (Служанка вноситъ кофе).

Служанка. Тамъ Берндова Роза пришла, сидитъ.

Г-жа Фламмъ (служанкѣ). Поди сюда, Минна. Увези меня. (Фламм) Могъ бы и ты помочь убрать меня отсюда. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь найдется комнатка и для меня. Я не мѣшаю. Потомъ можешь позвать ее.

Фламмъ (служанкѣ строго). Скажи ей, чтобы подождала минутку. (Служанка уходитъ).

Фламмъ. Мать, ты должна поговорить съ ней. Я не могу. У меня руки связаны.

Г-жа Фламмъ. О чемъ же намъ съ ней говорить, Фламмъ?

Фламмъ. Мать, ты это знаешь лучше меня. Ты сама знаешь, — сама сказала... Только, ради Бога, не будь ты теперь мелочной... Нельзя же такъ отпустить ее.

Г-жа Фламмъ. Не прикажешь ли въ ноги ей влаться?..

Фламмъ. Никто тебя объ этомъ не просить. Не о томъ рѣчь, — но вѣдь ты сама велѣла ей придти. Не могла же ты вдругъ такъ измѣниться, чтобы позабыть всякую жалость и состраданіе. Чтѣ ты мнѣ раньше говорила? Вѣдь это значитъ—обречь дѣвушку на погибель. А если она погибнетъ...—не считаешь же ты меня такимъ мерзавцемъ, чтобы я послѣ этого остался жить? Выбирай одно изъ двухъ.

Г-жа Фламмъ. Ну, Кристель... стоитъ ты этого, конечно, не стоишь, а все-таки, въ сущности, чтѣ тутъ подѣлаешь... Сердце кровью обливается... Мы сами виноваты, сами васъ во всемъ оправдываемъ... Кажется, ужъ и состарилась, и ума-разума набралась, а все изъ-за деревень

лѣса не видишь... Только ты, Кристель, не обманывай себя... Ну, да ладно. Будь по-твоему. Я поговорю съ ней... Не ради тебя, но потому, что такъ должно. Только не воображай, что я могу поправить всѣ твои грѣхи и склеить разбитое... Вы, мужчины, въ такихъ вещахъ словно дѣти... (Входитъ служанка).

Служанка. Она не хочетъ больше ждать.

Г-жа Фламмъ. Пришли ее сюда. (Служанка уходитъ).

Фламмъ. Мать, я даю тебѣ слово...

Г-жа Фламмъ. Не давай—не придется ломать...

Фламмъ (уходитъ).

Г-жа Фламмъ (вздыхаетъ и берется за вязанье. Немного погодя входитъ Роза Беридъ).

Роза (одѣта по-праздничному, разряжена, щеки впали, въ глазахъ болѣзненный блескъ). Здравствуйте, мадамъ.

Г-жа Фламмъ. Садись. Здравствуй. Ну, Роза, я просила тебя придти, чтобы... Ты, вѣроятно, помнишь, о чемъ мы съ тобой говорили послѣдній разъ? Хотя съ тѣхъ поръ многое измѣнилось... По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ... Ну, такъ вотъ, я хотѣла съ тобой переговорить. Ты, правда, и тогда говорила, что я не могу тебѣ помочь: ты хотѣла все расклевать сама... Теперь мнѣ многое стало ясно, — и твое странное поведеніе, и то, что ты не хотѣла принять отъ меня помощи. Но какъ ты сама выкарабкаешься, — я все-таки не вижу. Поди сюда къ столу, выпей чашку кофе. (Роза садится на кончикъ стула за кофейный столикъ). У меня только-что былъ Августъ. Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я давно бы ужъ собралась съ духомъ и сказала ему всю правду. (Зорко глядя ей въ глаза) Впрочемъ, теперь я не имѣю права давать тебѣ совѣты... Не правда ли?

Роза. Ахъ, почему же, мадамъ?

Г-жа Фламмъ. Вотъ ужъ подлинно, чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше понимаешь людей. Всѣ мы одинаково рождаемся на свѣтъ, а вотъ говорить объ этомъ не принято. Всѣ одной дверью входятъ въ жизнь, отъ королей и архіепископовъ до послѣдняго мальчишки на конюшнѣ, и всѣ считаютъ это самою чѣмъ ни на есть грязью. И гдѣ только анетъ сидеть на трубу, тамъ сейчасъ страшный переполохъ, и каждый спѣшитъ удрать. Такой гость никогда не бываетъ въ пору...

Роза. Ахъ, мадамъ, все это давно уже выяснилось, если-бъ не этотъ злодѣй и негодяй Штрекманъ... Онъ такой гунь...

Г-жа Фламмъ. Послушай, дѣвочка, я тебя не пови-
маю. Какъ у тебя хватаетъ духу говорить, что онъ лжетъ?
Вѣдь это скоро будетъ ужъ всѣмъ замѣтно.

Роза. Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! Я знаю только, что онъ
все вреть и ничего больше...

Г-жа Фламмъ. Въ какомъ отношеніи онъ солгалъ?

Роза. Во всѣхъ, во всѣхъ!

Г-жа Фламмъ. Ты, кажется, неясно понимаешь, о чемъ
я говорю. Подумай, съ кѣмъ ты говоришь. Опомнись! Во-
первыхъ, ты сама вѣдь мнѣ во всемъ призналась. Да
кромѣ того я теперь знаю и больше прежняго, знаю и то,
что ты тогда скрыла отъ меня...

Роза (вся дрожа, словно въ ознобѣ, упрямо). Хотя убейте
меня, ничего больше не знаю...

Г-жа Фламмъ. Вотъ какъ? А! Ты такъ теперь стала
разговаривать? Я о тебѣ судила иначе. Этого я все-таки
не ожидала. Надо надѣяться, что на допросѣ ты изъясни-
лась не такъ туманно.

Роза. Я и тамъ сказала то же самое.

Г-жа Фламмъ. Дѣвка, образумься. Ты городишь вздоръ...
На судѣ такъ врать нельзя. Слушай-ка, что я тебѣ скажу.
Выпей плоточекъ кофе... Да ты не пугайся. Никто тебя не
преслѣдуетъ, и я тебя не съѣмъ. Со мной ты поступила
не очень-то красиво, за это никто тебя не похвалитъ.
Если-бъ ты, по крайней мѣрѣ, сразу призналась мнѣ во
всемъ, тогда, можетъ-быть, легче было бы найти выходъ;
теперь это дѣло трудное. Во всякомъ случаѣ, не будемъ
тратить времени даромъ и попробуемъ сегодня же что-ни-
будь придумать. Можетъ-быть, еще можно помочь горю.
Ну-съ, итакъ — насчетъ главнаго ты можешь быть совер-
шенно покойна, — нужды вы терпѣть не будете. Если даже
и отецъ твой отречется отъ тебя, и Августъ, можетъ-
быть, пойдетъ своей дорогой, — о тебѣ и о ребенкѣ позабо-
гаться.

Роза. Не понимаю, что вы такое говорите, ма-
дамъ?

Г-жа Фламмъ. Ну, дѣвка, такъ я тебѣ прямо скажу:
если ты этого не знаешь и позабыла, это значитъ просто,
что у тебя совѣсть нечиста. Значитъ, ты еще что-ни-
будь натворила... Если у тебя есть еще тайна, тутъ замѣ-
шанъ не кто иной, какъ Штрекманъ, — вотъ кто причина
всѣхъ твоихъ горестей.

Роза (запальчиво). Нѣтъ, какъ вы только могли подумать,

мадамъ... Богъ знаетъ, что вы такое говорите... Этого я отъ васъ не заслужила. Если-бъ только мой Куртель, мое милое дитятко... (Истерически ломаетъ руки передъ портретомъ ребенка).

Г-жа Фламмъ. Роза, только не это, прошу тебя. Можеть-быть, ты и не заслужила... Объ этомъ мы теперь спорить не станемъ. Ты такъ переѣбилась... Прямо, понять невозможно, какъ ты могла такъ измѣниться.

Роза. Зачѣмъ меня маменька не взяла къ себѣ! Она все говорила: какъ умру, приду за тобой.

Г-жа Фламмъ. Да образумься ты, дѣвка. Что съ тобой?

Роза. Ничего у меня съ Штрекманомъ не было... Я чиста, какъ снѣгъ; онъ все нагаль на меня...

Г-жа Фламмъ. Что нагаль? Онъ это подъ присягой показывалъ...

Роза. Подъ присягой или безъ присяги, это мнѣ безразлично.

Г-жа Фламмъ. И ты тоже присягала?

Роза. Не знаю... Вѣдь для этого не нужно непременно быть дурнымъ человѣкомъ... Иначе бы я совершила преступленіе... Что Августъ лишился глаза, вѣдь это... Вѣдь не я же это сдѣлала. Травить человѣка, не дають ему покоя ни днемъ ни ночью... Сколько онъ мучи натерпѣлся... Другой давно бы плюнулъ на меня... А ты все тянешься, тянешься изъ всѣхъ силъ, хочешь хоть что-нибудь спасти... И вотъ тутъ-то тебѣ и конецъ, тутъ-то тебѣ и переломають всѣ кости...

(Фламмъ входитъ, взволнованный).

Фламмъ. Кто тебѣ ломаетъ кости? Ты погляди на мать! Напротивъ, мы хотимъ тебя спасти.

Роза. Теперь ужъ поздно. Теперь нельзя уже...

Фламмъ. Что это значитъ?

Роза. Ничего, я не могу больше ждать. Прощайте! Я пойду своей дорогой.

Фламмъ. Стой... Стой, ни съ мѣста! Я все слышалъ и теперь хочу знать всю правду...

Роза. Я правду и говорю.

Фламмъ. Про Штрекмана...

Роза. Ничего между нами не было,—вретъ онъ.

Фламмъ. А развѣ онъ говорилъ, что было?

Роза. Я говорю только, что онъ вретъ.

Фламмъ. Значитъ, онъ солгалъ подъ присягой?

Роза (молчать).

ФЛАММЪ (долго и зорко вглядывается въ Розу, затѣмъ, другимъ тономъ). Ну, мать, только не сердись на меня: прости, если можешь... А объ этомъ дѣлѣ я знаю только одно,—что оно меня теперь ничуть не интересуесть. Мнѣ только смѣшно. Начихать мнѣ на него!

Г-жа Фламмъ (Розѣ). Такъ ты, значить, отъ всего от-реклась?

Роза. — — — — —

Фламмъ. Я, само собой, сказать правду. И Штрекманъ не солжетъ въ такую минуту. За ложную клятву садятъ въ тюрьму. Тутъ никто не станетъ врать.

Г-жа Фламмъ. Роза, неужели ты не сказала правды? Неужто ты солгала подъ присягой?.. Неужели же ты не понимаешь, какой это грѣхъ и преступленіе?.. Какъ тебѣ могла придти въ голову такая нелѣпая мысль? Какъ ты додумалась до этого?

Роза (совершенно разбитая, вскрикиваетъ). Мнѣ стыдно было...

Г-жа Фламмъ. Но, Роза...

Фламмъ. Ты напрасно тратишь слова... Зачѣмъ ты лгала судьѣ?

Роза. Мнѣ стыдно было! Мнѣ стыдно было!

Фламмъ. А я? А мать? А женихъ твой? Зачѣмъ ты насъ всѣхъ обманула? Да, должно-быть, и Штрекмана на придачу? Съ кѣмъ же ты еще спуталась?.. Да, да, у тебя правдивое лицо, но тебѣ дѣйствительно было... чего стыдиться.

Роза. Онъ меня преслѣдовалъ. Бѣгалъ за мной по слѣду, какъ собака.

Фламмъ (смѣясь). Ну, полно. Вы, женщины, сами превращаете насъ въ собакъ. Сегодня одинъ, завтра другой. Приятнаго мало. Ну, теперь дѣлайте, что хотите. Выпугивайтесь, какъ знаете... Если я хоть пальцемъ шевельну по этому дѣлу, такъ я ужъ самъ совою себѣ веревку и буду ею стегать себя по своимъ ослинымъ ушамъ, пока у меня въ глазахъ не помутится...

Роза (въ ужасѣ смотреть на Фламма широко раскрытыми глазами).

Г-жа Фламмъ. Все остается, какъ было, Роза,—я сдержу свое слово—о васъ обоихъ позаботиться...

Роза (какъ прежде, машинально шепчетъ). Мнѣ стыдно... Мнѣ стыдно было...

Г-жа Фламмъ. Ты слышишь, Роза?.. (Роза быстро уходитъ). Роза!.. Она ушла... Ангелы небесные!

ФЛАМИЪ (глубоко потрясенный, съ сдвоеннымъ рыданіемъ).
Прости меня, Боже... Я не могу иначе...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Жилая комната въ домикѣ стараго Бернда, довольно просторная. Стѣны сѣрыя; потолокъ давно не бѣленый, съ балками. Дверь на заднемъ планѣ ведетъ въ кухню, дверь налѣво въ сѣни; направо два окошка. Между окошками желтый комодъ, на немъ не зажженная керосиновая лампа; надъ комодомъ на стѣнѣ зеркало. Въ углу налѣво деревенская печь. Въ углу направо накрытый клеенкой диванъ, столъ, на немъ скатерть и надъ нимъ висѣющая лампа. Надъ диваномъ на стѣнѣ картина. Ниже фотографическія карточки Бернда въ военной формѣ; на нѣкоторыхъ онъ снятъ вмѣстѣ съ женой. Налѣво, ближе къ авансену, стеклянный шкафъ съ расписными чашками, стаканами и проч. Надъ дверью въ сѣни картина масляными красками, изображающая Христа въ терновомъ вѣнцѣ. На полу коврики, на окнахъ кисейныя занавѣски. Четыре-пять желтыхъ деревянныхъ стульевъ, разставленныхъ аккуратно по мѣстамъ. Вся комната имѣетъ очень опрятный и очень суровый видъ. На шкапу лежатъ библія и нѣсколько молитвенниковъ. На косякѣ двери, ведущей въ сѣни, виситъ сборная кружка.

Это дѣйствіе происходитъ въ одинъ день съ четвертымъ, около семи часовъ вечера. Дверь въ сѣни открыта, точно также и дверь въ кухню. Сумерки. Въ комнатѣ почти темно.

Съ улицы слышны голоса, нѣсколько разъ повторяющійся стукъ въ окно. Потомъ голоса за окномъ.

Голосъ (за сценой). Берндъ, Берндъ?.. Никого дома нѣтъ, что ли? Попробуемъ съ другой стороны.

(Все затихаетъ, но скорѣ открывается задняя дверь; въ сѣняхъ слышны голоса и шаги. Въ дверяхъ, ведущихъ въ сѣни, показываются Клейнертъ и Роза Берндъ. Последняя едва стоитъ на ногахъ. Клейнертъ поддерживаетъ ее).

Роза (слабымъ голосомъ, съ усиленіемъ). Никого дома нѣтъ... темно какъ!

Клейнертъ. Я не могу тебя оставить здѣсь одну.

Роза. Почему же, Клейнертъ? Я теперь совсѣмъ здорова.

Клейнертъ. Ну, это ты рассказывай кому другому, а не мнѣ. Иначе мнѣ не пришлось бы тебя поднимать.

Роза. Да нѣтъ же, — у меня просто немного голова закружилась, право же. Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо. Вы мнѣ больше не надобны.

Клейнертъ. Нѣтъ, нѣтъ, дѣвушка, нѣтъ. Этого не будетъ.

Роза. Да, да, отецъ Клейнертъ. Благодарю васъ очень...

Теперь мнѣ хорошо... Ничего не болитъ... Я совсѣмъ здорова... Бываетъ иногда, что вдругъ закружится голова,— это пустяки.

Клейнертъ. Да вѣдь ты полумертвая лежала, тамъ, подъ вербою. Ты, словно червякъ, извивалась...

Роза. Ступайте съ Богомъ, Клейнертъ. Я сейчасъ зажгу огонь... Мнѣ надо печку растопить... Идите себѣ! Сейчасъ наши придутъ ужинать. Ахъ, нѣтъ, Клейнертъ. Клейнертъ! я такъ устала! Такъ страшно устала, вы не повѣрите, какъ устала!

Клейнертъ. А еще хочешь печку растапливать? Куда ужъ тебѣ,—ты бы легла...

Роза. Клейнертъ, ступайте домой. Уходите. Если отецъ... Если Августъ... Они не должны знать. Ну, ради меня, Клейнертъ... Ну, я васъ прошу...

Клейнертъ. Да развѣ я тебѣ что дурное хочу сдѣлать:

Роза. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, вы всегда были добры... (Поднялась со стула направо отъ двери, на который почти упала, войдя, достала съ печки свѣчку и зажгла ея). Ну, вотъ видите... Я теперь совсѣмъ молодцомъ. У меня ничего не болитъ. Вы можете быть совсѣмъ спокойны.

Клейнертъ. Это ты такъ только говоришь.

Роза. Нѣтъ, право же...

(Входитъ Мартель съ голыми руками и босая, прямо съ пола).

Роза. Вотъ и Мартель вернулась.

Мартель. Роза, это ты? Гдѣ ты пропадала цѣлый день?

Роза. Мнѣ снилось, что я была на судѣ...

Клейнертъ. Нѣтъ, нѣтъ, ей не снилось: она дѣйствительно была на судѣ. Присмотри за сестрой, Марта, по крайней мѣрѣ, пока отецъ вернется, — съ дѣвкой что-то неладно!

Роза. Марта, живо, затопи печку, а то картошка не успеетъ свариться. Гдѣ же отецъ?

Мартель. На Августовомъ полѣ.

Роза. А Августъ?

Мартель. А не знаю, гдѣ онъ. Его нынче не было на полѣ.

Роза. Принесла молодой картошки?

Мартель. Полный передникъ. (Высунувъ картофель на полъ за кухонную дверь).

Роза. Принеси блюдо и горшокъ. Я сейчасъ буду чистить. Самой мнѣ не дойти.

Клейнертъ. Можетъ, нужно купить?—такъ я схожу.

Роза. Куда?.. Развѣ къ могильщику... Нѣтъ, нѣтъ, крестный, и этого мнѣ не нужно... Меня положить на совсѣмъ особенномъ мѣстѣ.

Клейнертъ. Ну, прощай.

Роза. Прощайте.

Мартель (весело). Приходите опять къ намъ, крестный. (Клейнертъ, не выпускавшій все время трубки изъ рта, качая головой, уходитъ).

Мартель (растопливаетъ печь). Тебѣ нехорошо, Рузля?

Роза. О, нѣтъ. Мнѣ хорошо. (Тихо, ломая руки) Боже, сжался надо мной!

Мартель. Роза?

Роза. Чтò тебѣ?

Мартель. Чтò съ тобой такое?

Роза. Ничего... Давай сюда горшокъ и картошку.

Мартель (развелъ огонь, идетъ въ кухню, возвращается съ глиняной миской, полной картофеля. Наверху лежатъ ножики). Охъ, Рузля, какой у тебя ужасный видъ, — мнѣ даже страшно.

Роза. Какой же у меня видъ? Ну-ка, скажи: какой? Есть у меня что-нибудь въ рукахъ? Можетъ-быть, это мнѣ отъ печки глаза нажгло? Мнѣ все представляется, будто что-то маячить. (Зловѣщій смѣхъ). Ну, чтò это? Теперь я не вижу твоего лица. Теперь вижу только руку... Теперь два глаза... А теперь точки... Марта, я, должно-быть, ослѣпну.

Мартель. Рузля, съ тобой, навѣрно, что-нибудь случилось?

Роза. Храни тебя Богъ отъ того, чтò со мной случилось! Лучше пожелай себѣ ранней смерти... — когда кто умираетъ, говорятъ, что онъ успокоился. Ему ужъ не нужно жить и маяться... Какъ это было съ маленькимъ Куртелемъ?.. Не знаю... Голова кружится... Забыла... Все забыла... Ахъ, какъ тяжело жить! Если-бъ такъ остаться... Если-бъ никогда не просыпаться!.. И за что это все на меня обрушилось?..

Мартель (боязливо). Хотъ бы скорѣй отецъ пришелъ!

Роза. Марта, иди сюда, — слушай. Ты отцу не говори, что я здѣсь была... Чтò я здѣсь... Хорошо?.. Марта? Да? Ты общаешь мнѣ это?.. Я для тебя много дѣлала... Да, Марта. Ты этого не забыла?.. Хотъ теперь и... стало темно...

Мартель. Хочешь выпить немножко кофе? Тамъ еще осталось въ кофейникѣ. Я такъ боюсь, Роза!

Роза. Не бойся, бояться нечего... Я пойду въ свою комнату, — немного полежу. Я только устала, — а то ничего, мнѣ теперь совсѣмъ хорошо...

Мартель. Такъ отцу ничего не говорить?

Роза. Ни-ни, избави Боже.

Мартель. И Августу нельзя?

Роза. Ни полслова... Дѣвочка моя, ты вѣдь не знала матери, — я съ тобой возилась, я тебя растила... Сколько ночей не спала отъ заботъ, когда ты хворала... Я тогда была моложе, чѣмъ ты теперь. Я изъ-за тебя чуть кривая не сдѣлалась... Ты у меня съ рукъ не сходила... Если ты теперь предашь меня, все конечно между нами.

Мартель. Рузля, но тутъ нѣтъ ничего худого?.. То-есть, я хочу сказать — опаснаго?

Роза. Нѣтъ, не думаю... Поди сюда, Мартин, помоги мнѣ немножко, поддержи меня... Какъ мы всѣ на свѣтѣ одиноки! Слишкомъ ужъ одиноки. Если-бъ не быть только такой одинокой. Ахъ, какъ мы одиноки на этомъ свѣтѣ!..

(Роза и Мартель уходятъ въ сѣни. Нѣсколько мгновеній комната остается пустою, затѣмъ въ кухнѣ появляется старый Берндъ; онъ ставитъ на полъ корбъ и лопату и съ озабоченнымъ видомъ заглядываетъ въ большую комнату. Тѣмъ временемъ Мартель опять выходитъ изъ сѣней).

Мартель. Это вы, папаша?

Берндъ. И воды горячей нѣтъ. Ты вѣдь знаешь, что мнѣ нужно взять ножную ванну. Развѣ Розы нѣтъ дома?

Мартель. Нѣтъ еще, папаша.

Берндъ. Какъ? Она еще не вернулась изъ суда? Но вѣдь это же невозможно, скоро половина 8-го. Августъ былъ?

Мартель. Нѣтъ, еще не былъ.

Берндъ. Ахъ, еще не былъ? Такъ она, можетъ-быть, у него... Мартель, ты видѣла, какая страшная туча шла на насъ отъ Штейберга — такъ часовъ около шести?

Мартель. Да, папаша. Вдругъ такъ стемнѣло.

Берндъ. И еще темнѣе станетъ... Зажги-ка лампу на столѣ и приготовь мнѣ библию. Главное, надо быть готовымъ, Мартель. Ты думаешь когда-нибудь о загробной жизни? О томъ, что тебѣ придется предстать предъ вѣчнымъ судіей? Объ этомъ мало кто думаетъ... Давеча, какъ я шелъ домой берегомъ, опять мнѣ кто-то кинулъ вдогонку бранное слово. Когда я грабилъ людей? А онъ мнѣ именно крикнулъ: «живодеръ!». Я только исполнялъ свою обязанность... Племя злыхъ и понынѣ не искоренено... Плутъ

товать,—закрывъ глаза, сквозь пальцы смотрѣть, какъ другіе плутуютъ,—это можно, это люди терпятъ... Одно мое приближеніе и опора—Христосъ... Всѣ мы, люди, нуждаемся въ этой опорѣ. Однихъ добрыхъ дѣлъ еще мало. Если-бъ Роза получше помнила это, быть-можетъ, мы были бы избавлены отъ многихъ тяжкихъ наказаній...

(Въ дверяхъ показывается жандармъ).

Берндъ. Кто тамъ?

Жандармъ. Я принесъ повѣстку,—мнѣ нужно видѣть вашу дочь.

Берндъ. Старшую?

Жандармъ (читаетъ). Розѣ Берндъ.

Берндъ. Моя дочь еще не вернулась изъ суда... Не могу ли я передать ей пакетъ?

Жандармъ. Нѣтъ, я обязанъ вручить повѣстку лично адресату. Завтра около восьми я опять приду.

(Поспѣшно входитъ Августъ).

Берндъ. Вотъ и Августъ...

Августъ. Розы нѣтъ?

Берндъ. Нѣтъ. Вотъ и г-нъ вахмистръ ее спрашиваетъ. Я думалъ, можетъ-быть, вы гдѣ-нибудь виѣсть.

Жандармъ. Я долженъ еще навести справку по одному пункту и вручить повѣстку.

Августъ. Опять штрекмановское дѣло. Мало того, что глаза лишился, еще всѣ эти хлопоты въ придачу! Вѣдь этому, прости Господи, конца не будетъ.

Жандармъ. Добрый вечеръ. Такъ, значить, завтра въ восемь.. (Уходитъ).

Августъ. Мартель, ступай въ кухню... Батюшка, мнѣ нужно поговорить съ вами... Иди, Мартель, иди и запри дверь. Мартель, вѣдь ты не видѣла Розы?

Мартель. Нѣ-ѣтъ. (Украдкой дѣлаетъ ему знакъ пальцемъ) Я что-то тебѣ скажу, Августъ.

Августъ. Запри дверь, дитя мое, мнѣ теперь некогда. (Самъ запираетъ кухонную дверь).

Августъ. Батюшка, вы должны взять назадъ свою жалобу.

Берндъ. Все, что хочешь, Августъ, только не это.

Августъ. Это не по-христиански. Вы должны взять ее назадъ.

Берндъ. Не думаю, чтобъ это было по-христиански. Почему же? Вѣдь это безсовѣстно такъ позорить дѣвушку. Это преступленіе, достойное кары.

Августъ. Какъ мнѣ сказать вамъ?.. Отецъ... Берндъ... Вы слишкомъ погорячились...

Берндъ. Этого требуетъ моя жена, которая лежитъ въ могилѣ. Этого требуетъ моя честь, честь моего дома... честь моей дочери... Наконецъ твоя честь...

Августъ. Отецъ Берндъ... батюшка, ну какъ мнѣ убѣдить васъ, когда вы такъ непримиримы! Вы вотъ все говорите о чести. Надо искать не своей чести, а лишь славы Господней,—остальное приложится.

Берндъ. Только не въ этомъ дѣлѣ. Честь женщины самъ Богъ велѣлъ защищать. Развѣ ты можешь пожаловаться на Розу?

Августъ. Я вѣдь уже говорилъ, что не жалуюсь.

Берндъ. Или можешь въ чемъ-нибудь упрекнуть ее?

Августъ. Вѣдь вы меня знаете, отецъ Берндъ. Если я хоть сколько-нибудь сверну съ пути...

Берндъ. Ну, конечно, я знаю. Я всегда это зналъ. Значить, и нужно предоставить правосудію дѣлать свое дѣло.

Августъ (отирая потъ со лба). Если-бъ только знать, гдѣ Роза...

Берндъ. Я даже не знаю, вернулась ли она изъ города.

Августъ. Такой вопросъ не можетъ долго продолжаться. Къ пяти ей уже слѣдовало быть дома.

Берндъ. Она, должно-быть, рѣшила заодно ужъ купить все, что надо. Вѣдь она собиралась покупать и то и другое. У васъ вѣдь еще много чего не хватаетъ.

Августъ. Она и денегъ съ собой не взяла. А купить намъ для лавки осталось немного, только матеріи на витрину и на входную дверь,—такъ это мы собирались покупать вмѣстѣ.

Берндъ. А я думалъ, вы вмѣстѣ придете...

Августъ. Я ходилъ ей навстрѣчу... Съ версту прошелъ, но ея и не видать и не слышать. Вмѣсто того мнѣ попался Штрекманъ.

Берндъ. Все равно, что дьяволъ навстрѣчу...

Августъ. Ахъ, отецъ, у него тоже есть жена и ребенокъ... Чѣмъ они виноваты? Что мнѣ въ томъ, что его посадятъ? Разъ человѣкъ раскаялся, — больше мнѣ ничего не надо.

Берндъ. Этакій негодяй раскается? Какъ бы не такъ!

Августъ. Однако похоже на то.

Берндъ. Ты говоришь съ нимъ?

Августъ. Онъ не отстаивалъ отъ меня. Бѣжить со мной рядомъ и все заговариваетъ... Кругомъ ни души... Это было на господскомъ шоссе. Ну, наконецъ мнѣ жалко его стало. Я не могъ иначе.

Берндъ. Ты ему отвѣтилъ? Что же онъ говорилъ?

Августъ. Говорить, чтобъ вы взяли жалобу назадъ.

Берндъ. Чтобъ не имѣть ни минуты покоя? Если-бъ это касалось только меня, я бы это снесъ. Мнѣ что! Я мужчина и вдобавокъ христіанинъ. Но дѣвочка—это совсѣмъ другое дѣло. Какъ же бы я могъ смотрѣть тебѣ въ глаза, если-бъ я оставилъ ее съ этимъ пятномъ? Да еще послѣ такого страшнаго несчастія. Нѣтъ, Августъ, этого нельзя... Этого я не смѣю... И такъ вся деревня травила насъ за то, что мы живемъ не такъ, какъ другіе. И такъ насъ называли ханжами, и лицемѣрами, и пролазами, и какъ только ни называли! И все обѣщали какъ-нибудь изловить насъ. Что же бы это теперь было? Прямо загрызли бы. Да и помимо того—дѣвушка воспитана въ страхѣ Божиемъ, въ работѣ приучена—такъ воспитана, чтобы, когда на ней женится хорошій человѣкъ, она могла бы устроить христіанскій домъ. Вотъ оно какъ! вотъ какой я ее отдаю тебѣ. Такъ какъ же я могу оставить на ней это безчестье? Какъ же я потомъ въ глаза тебѣ смотрѣть буду? Тогда лучше ужъ я буду одной картонкой съ солью питаться, чѣмъ приму отъ тебя хоть одинъ пфеннигъ.

Августъ. Отецъ Берндъ, путя Господни неисповѣдны... Инымъ Онъ непрестанно посылаетъ испытанія... Нельзя человѣку быть такъ увѣрену въ себѣ. И радъ бы попадать вась, отецъ, да не могу... Мама Роза—тоже человѣкъ.

Берндъ. Что ты хочешь сказать, Августъ?

Августъ. Не спрашивайте, отецъ...

БЕРНДЪ (до сихъ поръ сидѣлъ сбоку стола, на стулѣ, такъ что лицо его было обращено къ стѣнѣ. При послѣднихъ словахъ поворачивается къ Августу и нѣсколько мгновеній смотритъ на него съ недоумѣніемъ широко раскрытыми глазами, затѣмъ опять поворачивается къ столу, отъ волненія перелистывая страницы то въ одну, то въ другую сторону. Потомъ останавливается, опять смотритъ на Августа. Наконецъ складываетъ руки и опускаетъ на нихъ голову, время отъ времени конвульсивно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Такъ онъ остается нѣсколько секундъ, затѣмъ опять выпрямляется). Да нѣтъ же! Я, должно-быть, не понялъ тебя. Вѣдь если я тебя правильно понялъ, такъ вѣдь это же... я не знаю что... У меня все вертится передъ глазами... значитъ, я былъ все время глухъ и слѣпъ... Нѣтъ, Августъ, я не былъ глухъ и слѣпъ! Не

вѣрь ты Штрекмановскимъ рѣчамъ! Штрекманъ ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ теперь попался въ западню... Ему круто приходится... Ну, вотъ онъ и хочетъ какъ-нибудь вывернуться, вотъ онъ и наговариваетъ тебѣ на дѣвушку... Нѣтъ, Августъ... только не это, Боже тебя сохрани! Не слушай ты его. Вѣдь это все бѣлыми литками шито. Мало онъ гонялся за дѣвушками... Не удалось однимъ путемъ, такъ теперь другимъ пробуетъ. Можетъ, ему и удастся разлучить васъ. Это не разъ бывало, что дьяволъ своими кознями разлучалъ людей, самымъ Богомъ созданныхъ другъ для друга. Они всѣ залились на тебя за то, что ты женишься на Розѣ... Ну, что же... по мнѣ, какъ знаешь... Я тебѣ Розу не навязывалъ и навязывать не стану. Были же мы до сихъ поръ сыты. Но, коли хочешь послушать меня,— я правую руку даю на отсѣченіе, что...

Августъ. Однако г-нъ Фламъ присягаетъ...

Берндъ. По мнѣ пусть хоть десять разъ присягаетъ. Хоть двадцать разъ... Значить, онъ далъ ложную присягу: погубилъ себя навѣкъ и въ этой жизни и въ будущей.

Августъ. Отецъ Берндъ...

Берндъ. Погоди минутку... Вотъ я беру книги... шляпу... кружку,—все это кладу на столъ. Если правда то, что ты говоришь, если въ этомъ есть хоть искра правды, я сейчасъ же иду къ господину пастору и говорю: «Такъ и такъ, г-нъ пасторъ, я не могу больше быть церковнымъ старостою, не могу завѣдывать церковной кассою. Прощайте». И тогда ужъ меня ни одинъ человѣкъ въ глаза не увидитъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтъ! Ну, теперь ты говори. Говори, что ты хочешь сказать. Не томи меня понапрасну.

Августъ. У меня была та же мысль. Я хочу продать домъ и землю. Можетъ-быть, можно будетъ устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Берндъ (въ несказанномъ удивленіи). Ты хочешь продать домъ и землю? Августъ — откуда это все вдругъ? Да что это, свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ? Или мы наканунѣ страшнаго суда? Можетъ, это мой послѣдній часъ наступилъ... Отвѣчай же, Августъ! Отвѣчай! Заклинаю тебя спасеніемъ твоей души!

Августъ. Какъ бы тамъ ни было, отецъ Берндъ, я ее не оставляю.

Берндъ. Это ты какъ знаешь. Это меня не касается. Если кто можетъ терпѣть такого человѣка у себя въ домѣ, пусть! Мнѣ дѣла нѣтъ. Я не такой человѣкъ. Ну, итакъ...

Августъ. Ничего я больше не могу сказать, — только видимое дѣло, что-то въ этомъ родѣ съ ней было... ужъ не знаю, съ Фламмомъ или со Штрекманомъ...

Берндъ. А можетъ-быть, и съ обоими?

Августъ. Это мнѣ неизвѣстно.

Берндъ. Ну, такъ я иду къ г-ну пастору. Возьми, Августъ, щетку, почисти меня. У меня какой-то зудъ во всемъ тѣлѣ. (Идетъ въ сѣни. Въ то же мгновеніе изъ кухни выбѣгаетъ испуганная Мартель и въ страхѣ хватается за Августа).

Мартель. Съ Розой, должно-быть, несчастье случилось... Роза наверху... Она давно дома...

Берндъ (возвращается съ перекошеннымъ отъ испуга лицомъ). Тамъ наверху кто-то есть.

Августъ. Мартель говоритъ, что тамъ Роза...

Мартель. Ну да, она. Она спускается съ лѣстницы...

Берндъ. Господи, прости меня грѣшного! Не могу я ее видѣть. (Садится, какъ прежде, къ столу, закрываетъ большимъ пальцами уши и низко склоняетъ голову).

(Въ дверяхъ показывается Роза. На ней домашняя юбка и свободная ситцевая блузка. Она судорожно усиливается держаться прямо. Волосы наполовину распущены, наполовину заплетены въ косу. Въ лицѣ какая-то страшная рѣшимость, ожесточенное упорство. Она обводитъ взглядомъ комнату, смотритъ на старика, на Августа, который недвижно отошелъ отъ двери и смотритъ въ окно съ такимъ видомъ, какъ будто тамъ за окномъ что-то необычайно-интересное. Затѣмъ, ница оковы, начинается говорить дѣланно-бодрымъ тономъ).

Роза. Добрый вечеръ всѣмъ... Добрый вечеръ...

Августъ (не сразу). Спасибо.

Роза (съ горечью, холодно). Если вамъ непріятно, что я здѣсь, я могу уйти.

Августъ (просто). Куда ты еще пойдешь? Гдѣ ты была?

Роза. Кто много спрашиваетъ, много и узнаетъ. Иной разъ больше, чѣмъ ему желательно. Мартель, поди сюда ко мнѣ. (Мартель подходитъ. Роза сѣла неподалеку отъ печки и держитъ руку сестры. Потомъ громко) Чтò такое съ отцомъ?

Мартель (изумленно и робко, вполголоса). Я и сама не знаю...

Роза. Чтò такое съ отцомъ? Ты можешь говорить громко. И съ тобой тоже, Августъ... Чтò съ тобой? Впрочемъ, ты дѣйствительно имѣешь право презирать меня. Это ты можешь. О, да! Этого я не опровергаю.

Августъ. Я никого на свѣтѣ не презираю...

Роза. А я всѣхъ... всѣхъ... всѣхъ... до одинаго...

Августъ. Темно какъ-то ты говоришь. Не понимаю я.

Роза. Темно?.. О, да! Не спорю. О, какъ темно!.. И слы-

пень ревъ дикихъ звѣрей... А потомъ вдругъ — сразу вдругъ свѣтло становится... Вотъ когда можно извѣдать, какъ жжетъ въ аду... Мартля!

Берндъ (прислушавшись, встаетъ и вырываетъ руку Марты изъ руки Розы). Не развращай мнѣ хоть ребенка. Руку прочь! Маршъ наверхъ спать. (Мартель, плача, уходитъ). Не слышать... Не видѣть... Умереть бы! (Снова углубляется).

Роза. Отецъ... Я жива... Я сижу здѣсь... Это что-нибудь да значить. Это чего-нибудь да стѣить, что я здѣсь сижу... Мнѣ кажется, отецъ, вы должны бы понять это. Это цѣлый міръ... а вы такъ погружены... Вы ничѣмъ уже не можете меня оскорбить. О, Боже, въ какой крошечной келейкѣ вы всѣ живете! И ничего не знаете, что происходитъ за ея стѣнами. Я знаю! Я въ мукахъ узнала это. Вдругъ, не знаю какъ, все отъ меня отошло... словно стѣна за стѣной выросла кругомъ... И я стояла одна подъ грозой... и ничего не было ни подо мной ни надо мной... Въ сравненіи со мной вы все равно, что маленькія дѣти...

Августъ (тревожно). Слушай, Роза, если правда то... что Штрекманъ говоритъ... значить, ты дала ложную клятву?..

Роза (съ горькимъ смѣхомъ). Не знаю. Можетъ-быть,—все можетъ быть... Я теперь не припомню. Такъ ужъ ведется на свѣтѣ: все ложь и обманъ...

Августъ. Вотъ какъ ты относишься къ клятвенпреступленію!

Роза. Стѣить ли объ этомъ говорить? Это такой пустякъ. Это ничего не значить... Вотъ то, что лежитъ тамъ, подъ вербою, — это значить. Тамъ, подъ вербою... Это значить! А остальное меня не трогаетъ. Тамъ я смотрѣла на звѣзды... Тамъ я кричала и звала... И никакой Отецъ Небесный не тронулся моей мѣлой...

Берндъ (испуганный, дрожа). Ты богохульствуешь. Ты поносишь Отца Небеснаго... Если ты до этого дошла, я тебя больше не знаю...

Роза (подползла къ нему на колѣняхъ). Да, дошла... И ты меня знаешь, отецъ. Ты меня на рукахъ качалъ, и я не разъ была тебѣ доброй помощницей... Это напасть какая-то на насъ всѣхъ обрушилась... Какъ я боролась, какъ противилась!

Берндъ (пораженный). Что она такое говоритъ?

Роза. Не знаю... не знаю... (Остается на колѣняхъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, уставившись въ одну точку въ полу).

Августъ (не въ силахъ вынести ея униженія, съ порывомъ). Рузля, встань, я не оставлю тебя, я не могу видѣть тебя такой. Кто изъ насъ не грѣшенъ? Всѣ мы грѣшны. Кто такъ кается, тотъ будетъ прощенъ. Встань, Роза. Батюшка, подымите ее. Мы не изъ тѣхъ, кто... по крайней мѣрѣ... я... не фарисей... Вы же видите, какъ она мучится... Будь что будетъ, я тебя не оставлю! Я тебѣ не судья... Я никого не сужу... Нашъ Спаситель на небесахъ тоже никого не судилъ... Можетъ-быть, и мы отчасти виноваты. Я много думалъ... И я себя оправдать не могу... Развѣ она знала меня какъ слѣдуетъ, когда вы ее заставили дать мнѣ слово? Что мнѣ до людей? Пусть судятъ, какъ хотятъ. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ...

Роза. Августъ, они за меня, какъ репей, цѣплялись... мнѣ нельзя было черезъ улицу перейти... Всѣ мужчины гонялись за мной... Я пряталась... я боялась... Я такъ боялась мужчинъ! Ничего не помогло... Что дальше, то хуже — изъ петли въ петлю, — я и опомниться не успѣла...

Берндъ. Прежде ты была куда какъ строга. И ты осуждала и эту. Хвасталась: пусть, молъ, ко мнѣ кто сунется, мельникову батраку въ морду дала... Говорила: дѣвушку, которая этакое дѣлаетъ, не стоить жалѣть, пусть въшлется. А теперь говоришь: петля...

Роза. Теперь я умнѣе стала.

Августъ. Что бы ни случилось, я буду съ тобой, Роза... Я продамъ свою землю... Уйдемъ куда-нибудь. Свѣтъ по глиномъ сошелся... У меня есть дядя въ Бразиліи... Уйдемъ вмѣстѣ... Теперь мы уживемся... Можетъ, мы теперь только созрѣли для этого...

Роза. О, Боже, Боже, что со мной? Зачѣмъ я сюда приползла? Зачѣмъ не осталась возлѣ своей дѣтки?..

Августъ. Возлѣ кого?

Роза (поднимаясь съ колѣн). Августъ, я конченный человекъ. Какъ это вышло?.. Сначала мнѣ все тѣло какъ огнемъ жгло... Потомъ голова пошла кругомъ... точно пьяная была... Потомъ явилась надежда, и я носилась съ ней, какъ кошка съ котенкомъ... А собаки насъ затравили...

Берндъ. Августъ, понимаешь ты хоть одно слово?

Августъ. Нѣтъ... Это нѣтъ...

Берндъ. Знаешь, какъ я себя теперь чувствую? Точно земля уходитъ изъ-подъ ногъ... одна бездна за другой развѣрзается... Что мы еще услышимъ?..

Роза. Проклятіе! Проклятіе! Я тебя видѣла... Мы еще

встрѣтимся съ тобой на страшномъ судѣ, встрѣтимся... Я вырву у тебя твой языкъ вмѣстѣ съ челюстью... Ты мнѣ отвѣтишь... Ты мнѣ отвѣтишь...

Августъ. Про кого ты говоришь, Рузля?

Роза. Кому надо, тотъ пойметъ... (Совершенно обезсилѣвъ, почти безъ чувствъ падаетъ на стулъ. Длинная пауза).

Августъ (хлопочетъ около пса). Чтò это на тебя нашло?.. Ты какъ-то вдругъ...

Роза. Не знаю... Если-бъ вы меня раньше объ этомъ спросили, можетъ-быть... Теперь я ничего не знаю... Никто меня не любить такъ, какъ надо...

Августъ. Кто знаетъ, какая любовь сильнѣй—счастливая или несчастливая...

Роза. Я сильна... я сильна... Я была сильна! А теперь ослабла... Теперь я пропащій человѣкъ...

(Входитъ жандармъ).

Жандармъ (спокойнымъ голосомъ). Дочка-то ваша, должно-быть, дома. Мнѣ старый Клейнертъ сказывалъ, что она уже вернулась.

Августъ. Совершенно вѣрно, только тогда мы этого не знали.

Жандармъ. Я и рѣшилъ зайти опять,—лучше сегодня сбыть это... Вотъ здѣсь надо подписаться. (Кладетъ на столъ бумаги, въ полумракѣ не замѣчая Розы).

Августъ. Роза, тебѣ нужно что-то подписать.

Роза (проникчески расхохоталась страшнымъ истерическимъ смѣхомъ).

Жандармъ. Если это вамъ писано, тутъ нечего смѣяться, барышня. Пожалуйте...

Роза. Подождите минутку...

Августъ. Ну, зачѣмъ это?

Роза (съ горящими глазами, злобно). Вы задушили моего ребенка...

Августъ. Чтò она говоритъ? Ради Бога, чтò ты говоришь?

Жандармъ (вытягивается въ струнку, смотритъ на нее испытующе, не отвѣчаетъ, дѣлая видъ, какъ будто ничего не слышалъ). Это по Штрекмановскому дѣлу.

Роза (какъ прежде, отрывисто выкрикивая слова). Штрекманъ! Это онъ задушилъ мое дитя!

Берндъ. Дѣвка, молчи, ты не въ своемъ умѣ!

Жандармъ. Вѣдь у васъ нѣтъ никакого ребенка?..

Роза. Чтò?.. А какъ же я его задушить могла, — вотъ этими самыми руками?.. Я своими руками задушила свое дитя...

Жандармъ. Она какая-то бѣсноватая... Очнитесь! Чтѣ съ вами?

Роза. Я въ своемъ умѣ... Я не бѣснуюсь... Я не брежу... Теперь мнѣ все ясно... (Холодно, съ дикимъ, свирѣпымъ упорствомъ) Она не должна была жить... Я этого не хотѣла... Чтѣбъ и ей мучиться, какъ я мучилась? Нѣтъ... Пусть лучше лежитъ тамъ подъ вербою...

Августъ. Роза, опомнись! Не терзай себя... Ты сама не знаешь, чтѣ говоришь. Ты всѣхъ насъ въ отчаяніе приводишь...

Роза. Это вы ничего не знаете... Вы ничего не видите... Вы никогда не смотрѣли открытыми глазами... Пусть поишутъ подъ большой вербой... подъ ольхами... за церковнымъ полемъ... у пруда... тамъ лежитъ она, моя дѣвочка...

Берндъ. И ты пошла на такое страшное дѣло?

Августъ. Ты могла совершить такое неслыханное преступленіе?

(Роза падаетъ безъ чувствъ. Мужчины испуганно и безпомощно переглядываются. Августъ хлопочетъ около Розы).

Жандармъ. Самое лучшее вамъ вмѣстѣ съ ней придти въ управленіе. Тамъ она можетъ добровольно во всемъ сознаться. Если это не фантазія... такое признаніе послужитъ ей очень на пользу...

Августъ (изъ глубины комнаты, серьезно). Нѣтъ, это не фантазія, господинъ вахмистръ. Эта дѣвушка... Сколько она должна была выстрадать!..

(Занавѣсъ падаетъ).

СТРѢЛОЧНИКЪ ТИЛЬ.

Переводъ З. Н. Журавской.

Изъ своихъ беллетристическихъ вещей Гауптманъ вводитъ въ собраніе своихъ сочиненій два, какъ онъ ихъ называлъ, «новедлистическихъ» отсюда: «Стрѣлочникъ Тиль» (Bahnwärter Thiel) и «Апостоль».

«Стрѣлочникъ Тиль» написанъ въ 1887 г., еще до знакомства Гауптмана съ Арно Гольцемъ, оказавшимъ такое сильное вліяніе на нашего поэта. Рѣзкости натурализма поэтому выступаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ первой драмѣ, хотя природный наклонъ Гауптмана къ смѣлому реализму уже сказывается здѣсь вполне.

Основная идея «Тили»—борьба въ человѣкѣ человѣческаго и животнаго, «власть плоти», власть надъ мужчиною женщины. Добрый, привлекчивый, впечатлительный, стрѣлочникъ Тиль—жертва этой власти. Чисто-женское обаяніе второй жены держитъ его у себя въ плѣну. Но когда изъ-за небрежности мачехи ребенокъ гибнетъ на рельсахъ поѣзда, звѣрь просыпается въ Тилѣ, и онъ убиваетъ жену и перерѣзываетъ горло ея малюткѣ.

Сходство нѣкоторыхъ положеній и психологическихъ мотивовъ «Стрѣлочника Тили» съ психологическими мотивами «Возника Геншеля» мы отмѣтили ранѣе, въ своемъ мѣстѣ. Безъ особенной натяжки можно уловить черты сходства нѣкоторыхъ частныхъ «Тили» и съ «Ганиселемъ».

Въ юности Гауптманъ могъ быть непосредственнымъ наблюдателемъ жизни людей, подобныхъ Тилу. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній онъ изображаетъ ночное настроеніе маленькаго полустанка съ качающимся и кривляющимся сторожемъ, слѣдящимъ за сигналами. Въ другомъ, подъ названіемъ: «Въ ночномъ поѣздѣ» (Im Nachtzug), онъ дѣлится впечатлѣніями пассажира, несущагося луною ночью сквозь тьму и мракъ «словно бы въ царство духовъ», подъ грохотъ колесъ и лагъ поршней.

Свистокъ паровоза, прорѣзавшій тишь нѣмецкихъ полей и деревушекъ, вспугнулъ поэзію старины. Но онъ же вдохновилъ новыхъ поэтовъ на новыя произведенія. Въ связи съ этими лирическими набросками, очевидно, надо поставить и мысль Гауптмана о драмѣ, которая могла бы разыграться на одномъ изъ такихъ полустанковъ, съ однимъ изъ такихъ одинокихъ и незамѣтныхъ людей.

«Стрѣлочникъ Тиль» появился въ 1887 году въ изданіи Конрада «Общество». Въ характерѣ гауптмановскаго письма критика справедливо видѣла вліяніе на него Зола и, если угодно, въ частности романа «Человѣкъ-звѣрь». Злое могущество женщины надъ мужчиною, «власть физиологій» показаны Гауптманомъ действительно въ той же

натуралистической, откровенной и трезвой манерѣ, въ какой это дѣлалъ «творецъ экспериментальнаго романа».

Гауптманъ скромно называлъ свое произведеніе этюдомъ, но оно вполне заслуживаетъ названія разсказа. Въ немъ есть для этого необходимая стройность, округленность и содержательность. Художникъ искусно озаряетъ «темною глубиной» человѣческаго сердца, борьбу и побѣду тайныхъ силъ, уничтожившихъ въ своемъ натискѣ четыре жизни». Здѣсь въ обрисовкѣ человѣка, сохраняющаго идеальную любовь къ первой женѣ и безсильнаго предъ чисто-физическимъ обаяніемъ второй, — уже видна способность рѣдкаго постиженія людей въ ихъ психологической противорѣчивости.

«Художественно схваченныя реалистическія черточки въ изображеніи душевной борьбы сторожа, — пишетъ авторъ книги о Гауптманѣ, Вернеръ *) : — дѣйствуютъ такъ, что читателю становится ясна вся мистика внутренняго жизни этого героя въ прошломъ и настоящемъ. Ничто не упущено, никакая мелочь, ни одна сторона его существа, будь то педантическая совѣстливость или дѣтская небрежность, смутный мистицизмъ или острая и твердая сознательность».

Что касается самой формы перваго разсказа Гауптмана, то характерно, какъ въ этомъ отношеніи здѣсь еще мало чувствуется будущій драматургъ. Форма разсказа почти сплошь описательная. Здѣсь почти нѣтъ діалоговъ. Дѣйствие течетъ чрезвычайно ровно и спокойно, становясь драматичнымъ только въ концѣ разсказа. Только встрѣча съ Арно Гольцемъ суждено было пробудить дремавшаго въ душѣ Гауптмана силы драматурга и совершить рѣшительный поворотъ его къ творчеству сцены. Сильно драматическій конецъ разсказа уже явился залогомъ будущихъ успѣховъ автора, какъ драматурга.

«Въ цѣломъ, — пишетъ Вернеръ — разсказъ являетъ уже всѣ достоинства будущихъ произведеній Гауптмана, не имѣя ни одного изъ ихъ недостатковъ». Бартельсъ справедливо отмѣчаетъ въ немъ отсутствіе слабостей натурализма, своеобразную красоту картинъ природы и мастерство изображенія среды и одинокой жизни сторожа.

Недочеты «Стрѣлочника Тили» чисто внѣшняго свойства. Полныя настроенія описанія природы иногда проигрываютъ отъ чрезмѣрнаго юношескаго пафоса. Иногда они недостаточны просты, и въ нихъ удивляется некоторая банальность выраженій, естественная въ ранней работѣ.

Но уже въ этомъ первомъ опытѣ чувствуется будущій сильный писатель. Подобный сюжетъ такъ легко могъ увлечь въ сентиментальность, Гауптмана спасли отъ этого не только рѣзкіе эффе́нты флоралы, но и его психологическая чуткость и тонкое ощущение природы. Чувства Тили вышли меланхолическими, но никакъ не сентиментальными.

При первомъ своемъ появленіи рассказы Гауптмана прошли совершенно незамѣченными вниманіемъ критики.

*) Weersar, Gesch. Hauptmanns. 1897, München.

СТРѢЛОЧНИКЪ ТИЛЬ.

I.

Стрѣлочникъ Тиль каждое воскресенье ходилъ въ церковь въ Новый Цитау; онъ пропускалъ богослуженіе только тогда, когда бывалъ дежурнымъ или больнымъ. Но за десяти лѣтъ онъ былъ боленъ всего два раза. Въ первый разъ съ тендера проходящаго поѣзда упалъ большой кусокъ угля и ударилъ его по ногѣ; ударъ былъ такъ силенъ, что стрѣлочнику раздробило кость, и онъ свалился съ насыпи въ ровъ. Въ другой разъ ему попала въ грудь, бутылка, выброшенная изъ окна вагона курьерскаго поѣзда.

Кромѣ этихъ двухъ несчастныхъ случаевъ, въ свободные дни ничто не могло помѣшать ему придти въ церковь.

Первые пять лѣтъ онъ совершалъ свой путь изъ Шорпштейна, колоніи на берегу Шпрее, въ Новый Цитау въ полномъ одиночествѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ появился въ сопровожденіи худенькой, болѣзненнаго вида женщины; по мнѣнію сосѣдей, она была совѣтъ не подстать его геркулесовской фигурѣ. Тѣмъ, не менѣе черезъ нѣсколько времени, и опять-таки въ воскресенье, онъ повелъ эту самую женщину къ алтарю и торжественно протанулъ ей руку въ знакъ союза на жизнь и смерть. Два года на скамьѣ рядомъ съ нимъ сидѣла кроткая молодая жена; два года рядомъ съ его потемнѣвшимъ отъ непогоды лицомъ склонялось надъ книгой псалмовъ худенькое личико съ впалыми щеками... но разъ стрѣлочникъ опять пришелъ одинъ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ церкви звонили по мертвой,—вотъ и все.

Люди увѣряли, что въ стрѣлочникѣ не было замѣтно никакой перемѣны.

Пуговицы его праздничнаго мундира были заботливо вычищены, какъ всегда; рыжіе волосы, какъ всегда, напомажены и расчесаны съ пробормомъ, по-военному; только широкій, волосатый затылокъ его какъ будто немного согнулся, да пѣлъ онъ и прислушивался къ проповѣди еще съ болѣшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде.

Всѣ были убѣждены, что Тиль перенесъ довольно спокойно утрату первой жены, и мнѣніе это подтвердилось, когда, по истеченіи года, онъ женился вторично, выбравъ на этотъ разъ крѣпкую и сильную дѣвушку, коровницу изъ Альтгрунда.

Когда Тиль пришелъ сообщить пастору о своей помолвкѣ, тотъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

— Такъ вы опять намѣрены вступить въ бракъ?

— Вѣдь хозяйка-то моя померла, господинъ пасторъ.

— Да, конечно... но, мнѣ кажется, не слишкомъ ли вы погоропились?

— Мальчишка вѣдь у меня на рукахъ, господинъ пасторъ.

Жена Тили умерла родами, но мальчикъ, котораго она произвела на свѣтъ, остался живъ и былъ названъ Товіемъ.

— Ахъ, правда, мальчикъ,—сказалъ священникъ и сдѣлалъ жестъ, ясно показывавшій, что онъ только теперь вспомнилъ о ребенкѣ. — Это, конечно, нѣсколько мѣняетъ дѣло... На кого же вы его оставляли все это время, когда уходили на службу?

Тиль разсказалъ ему, что онъ поручилъ-было Товіа одной старухѣ, но та разъ чуть не сожгла его, другой разъ уронила на землю; счастье еще, что онъ отдѣлался только шишкой на лбу. Такъ не можетъ продолжаться, тѣмъ болѣе, что мальчикъ слабенькій и нуждается въ особомъ уходѣ. Вотъ это-то, да еще клятва, данная имъ умирающей—позаботиться о сынѣ, и заставили его рѣшиться на такой шагъ.

Противъ новой парочки, являвшейся теперь по воскресеньямъ въ церковь, люди не могли ничего возразить.

Коровница и стрѣлочникъ были какъ будто созданы другъ для друга. Она была только на полголовы ниже его ростомъ, но зато полнѣе, а черты лица были такъ же грубы, какъ у него, только добродушія въ нихъ было меньше.

Если Тиль желалъ найти въ своей второй женѣ неутомимую работницу и образцовую хозяйку, то его желанія вполнѣ осуществились. Но, кромѣ этихъ достоинствъ, жена

принесла ему еще въ приданое три качества, о которыхъ онъ прежде не зналъ: наклонность властвовать, сварливый характеръ и грубую страстность.

Черезъ полгода по всей деревнѣ было извѣстно, кто изъ нихъ кѣмъ командуетъ.

Стрѣлочника Тили жалѣли.

Женатые люди возмущались и говорили:

— Счастливъ твой Богъ, баба, что тебѣ досталась въ мужа такая ошча: наскочи на другого, плохо бы тебѣ пришлось. Этакое «звѣря» надо непременно укротить, — не лаской, такъ палкой. Ну, да погоди, когда-нибудь таки-вздуетъ онъ тебя!

Но Тиль, несмотря на свою силу, былъ далекъ отъ мысли исправлять свою жену побоями. Онъ не ломалъ себѣ головы надъ тѣмъ, что такъ возмущало другихъ. Большею частью онъ терпѣливо и безмолвно выслушивалъ безконечную воркотню жены, а если и возражалъ иногда, то его медлительная рѣчь и спокойный тихій голосъ представляли полный контрастъ съ ея крикомъ и бранью. Внѣшній міръ, казалось, не производилъ на него никакого впечатлѣнія, онъ какъ будто носилъ внутри себя нѣчто, съ избыткомъ вознаграждавшее его за все зло, приходившее извнѣ.

Несмотря на его невозмутимое равнодушіе, бывали минуты, когда съ нимъ не слѣдовало шутить. Это случалось обыкновенно, когда дѣло касалось маленькаго Товія. Въ дѣтски-добродушномъ, уступчивомъ характерѣ стрѣлочника появлялись тогда упорство и настойчивость, съ которыми не рѣшалась бороться даже сама неукротимая Лена.

Но съ теченіемъ времени такого рода проявленія внутренней жизни Тили становились все рѣже и наконецъ исчезли совершенно. На второй годъ онъ не оказывалъ уже ни малѣйшаго сопротивленія стараніямъ Лены захватить власть въ свои руки. Послѣ стычки съ ней онъ уже не могъ, какъ прежде, хладнокровно пойти на службу, не успокоивъ ее раньше. Онъ даже не разъ унижался до того, что начиналъ упрашивать ее быть съ нимъ добрее.

Одинокая сторожка въ лѣсу, его любимое мѣстопробываніе, теперь утратила для него прежнее значеніе. Тихія грезы, сладкія воспоминанія о покойной женѣ нарушались мыслями о живой. Онъ возвращался домой уже не съ неохотой, какъ въ первое время, но съ лихорадочной поспѣшностью, а на посту считалъ часы и минуты, остававшіеся ему до срока освобожденія.

Привязанный къ первой женѣ скорѣ духовными узами, онъ поддавался обаянію грубой страсти второй и почти всецѣло подпалъ подъ ея вліяніе. По временамъ только его начинали мучить угрызения совѣсти, и тогда онъ прибѣгалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ, онъ рѣшилъ про себя, что его сторожка и отведенный ему желѣзнодорожный участокъ останутся чѣмъ-то въ родѣ таинственнаго святилища, посвященнаго исключительно памяти покойной жены. Дѣйствительно, до сихъ поръ, съ помощью разныхъ уловокъ и подъ разными предлогами, онъ мѣшалъ женѣ сопровождать его на службу и надѣялся, что ему это удастся и въ будущемъ. Жена не знала, въ какой сторонѣ находился его участокъ, не знала даже нумера его сторожки. Дѣля такимъ образомъ свое время поровну между живой и мертвой, Тиль сдѣлался спокойнѣе и пересталъ терзаться укорами совѣсти. Несмотря на это, часто, особенно въ минуты одиночества и благоговѣйнаго, таинственнаго общенія съ покойной, его настоящее состояніе духа представлялось ему въ истинномъ свѣтѣ, и въ душѣ его подымалось отвращеніе.

Если дежурство его приходилось днемъ, его духовное общеніе съ покойной ограничивалось грезами о ней и свѣтлыми воспоминаніями изъ временъ ихъ совмѣстной жизни. Зато въ глухую полночь, когда на дворѣ бушевала вьюга и верхушки сосенъ стибались надъ полотномъ дороги, сторожка стрѣлочника, освѣщенная тусклымъ мерцаніемъ фонаря, напоминала часовню. Поставивъ передъ собой на столѣ выпцвѣтшую фотографическую карточку покойницы, развернувъ библію и книгу псалмовъ, стрѣлочникъ попеременно то читалъ, то пѣлъ всю ночь напролетъ, прерываемый только пробѣгающими время отъ времени поѣздами, и доводилъ себя до экстаза, до видѣній, въ которыхъ образъ покойницы являлся ему облеченнымъ въ плоть и кровь.

Мѣстоположеніе сторожки было какъ будто нарочно выбрано для того, чтобы способствовать развитію въ Тиль его мистическихъ наклонностей. Она стояла въ лѣсу, возлѣ самаго перехода черезъ рельсы, выгороженнаго шлагбаумами, порученными наблюденію стрѣлочника, и была удалена со всѣхъ четырехъ сторонъ по крайней мѣрѣ на три четверти часа ходьбы отъ всякаго человѣческаго жилья. Лѣтомъ по цѣлымъ днямъ, а зимой иногда и по цѣлымъ недѣлямъ, никто не переходилъ въ этомъ мѣстѣ черезъ рельсы, кромѣ стрѣлочника и его собратій. Этотъ пустынный уголокъ не зналъ перемѣнъ, кромѣ перемѣнъ

погоды и времени года. Кромѣ двухъ несчастныхъ случаевъ, нарушившихъ на время правильное теченіе службы Тили, всѣ выдающіяся событія здѣсь были наперечетъ. Четыре года тому назадъ мимо этого мѣста промчался экстренный поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ въ Бреславль самъ король. Однажды, зимней ночью, скорый поѣздъ переѣхалъ косулю.

Нѣкоторое развлеченіе доставлялъ стрѣлочнику ручей, протекавшій позади самой сторожки. Иногда сюда приходили напиться рабочіе, занятые поблизости починкой дороги или телеграфа, при чемъ естественно завязывалась беседа. Пороку и самъ лѣсничій приходилъ утолить жажду.

Товіи росъ и развивался медленно; онъ только къ концу второго года началъ говорить и ходить. Отцу онъ выказывалъ всегда особое расположеніе. По мѣрѣ того, какъ мальчикъ становился понятливѣе, развивалось и въ Тилѣ чувство отцовской любви; зато привязанность мачехи къ Товію одновременно съ этимъ уменьшалась и перешла въ полную антипатію, когда черезъ годъ у самой Лены родился также мальчикъ.

Съ этого дня плохо стало жить маленькому Товію; мачеха постоянно мучила его, особенно въ отсутствіе отца, награждала колотушками и злоупотребляла его слабыми силами, заставляя его нянчить маленькаго крикуна-брата. Трудъ этотъ съ каждымъ днемъ изнурялъ Товія все больше и больше; необыкновенныхъ размѣровъ голова, огненно-красные волосы и блѣдное, какъ мѣль, лицо дѣлали его некрасивымъ, а жалкая, тощая фигурка невольно вызывала состраданіе. Когда блѣдный заморышъ Товій, таща на рукахъ пышущаго здоровьемъ братишку, еле плелся по улицѣ, пробираясь къ берегу Шпрее, изъ оконъ глядѣли сосѣди и втихомолку ругали мачеху. Тотъ же, кого это касалось ближе всѣхъ, какъ будто ничего не замѣчалъ и не хотѣлъ понимать намековъ, хотя доброжелатели-сосѣди и пытались подчасъ открыть ему глаза.

II.

Однажды въ іюнѣ мѣсяцѣ Тиль вернулся домой около семи часовъ утра. Не успѣвъ онъ поздороваться съ женой, какъ она уже начала ныть и причитать. Поле, на которомъ они въ прошлые года сажали картофель, вотъ уже нѣсколько недѣль какъ сдано въ аренду, а Ленѣ до сихъ поръ не удалось замѣнить его другимъ. Или, можетъ-быть; онъ думаетъ, что и эта забота входитъ въ ея обязанности;

такъ пусть запомнить себѣ, что никто, кромѣ него, не будетъ виноватъ, если имъ придется расплачиваться чистыми денежками за десять мѣшковъ картофеля.

Тиль только пробормоталъ себѣ что-то въ бороду и, не обращая вниманія на воркотню Лены, подошелъ прямо къ постели старшаго сына; въ тѣ ночи, когда онъ не былъ дежурнымъ, они спали вмѣстѣ. Онъ сѣлъ на кровать и съ озабоченнымъ выраженіемъ на добродушномъ лицѣ смотрѣлъ на спящаго ребенка, отгоняя отъ него докучливыхъ мухъ; но въ концѣ концовъ все-таки разбудилъ его. Голубые впалые глаза мальчика засвѣтились трогательной радостью, онъ быстро схватилъ руку отца, и на углахъ его рта заиграла какая-то жалкая улыбка. Стрѣлочникъ помогъ ему одѣться, и по лицу его пробѣжала тѣнь, когда онъ замѣтилъ на правой, слегка опухшей щекѣ сына ясно выступившіе красные слѣды пальцевъ.

За завтракомъ Лена съ удвоеннымъ жаромъ стала распространяться о своей хозяйственной неудачѣ, но мужъ остановилъ ее извѣстіемъ, что начальникъ станціи предложилъ въ его распоряженіе кусокъ земли, находившійся по соседству съ будкой, потому что для него, начальника, это было слишкомъ далеко. Лена сначала не хотѣла вѣрить, но мало-по-малу сомнѣнія ея разсѣялись, и она видимо пришла въ хорошее расположеніе духа. Она засыпала мужа вопросами о размѣрахъ поля и качествѣ земли, а когда узнала, что кромѣ всего прочаго тамъ есть еще два фруктовыхъ деревца, расхохоталась, какъ сумасшедшая. Наконецъ спрашивать было больше не о чемъ, а колокольчикъ у дверей медочной лавочки, который, кстати сказать, былъ слышенъ въ каждомъ домикѣ мѣстечка, не переставалъ звенѣть. Лена встала и побѣжала разсказать о своей радости сосѣдкамъ.

Въ то время, какъ Лена болтала съ подругами въ темномъ помѣщеніи лавочки, заваленной всевозможными товарами, стрѣлочникъ былъ занятъ исключительно Товіемъ. Мальчикъ сидѣлъ у него на колѣняхъ и игралъ сосновыми шишками, принесенными изъ лѣсу отцомъ.

— Чѣмъ ты хочешь быть? — спрашивалъ отецъ. Этотъ стереотипный вопросъ повторялся каждый день, равно какъ и отвѣтъ мальчика: «начальникомъ станціи». Вопросъ предлагался не въ шутку: мечты стрѣлочника дѣйствительно заносились такъ высоко, и онъ надѣялся, что, съ Божьей помощью, изъ Товія выйдетъ нѣчто необыкновенное. Лишь

только безкровныя губки ребенка, въ сущности не создававшего значенія своего отвѣта, пролепетали: «начальникомъ станціи», угрюмое лицо Тили стало проясняться и наконецъ засіяло тайнымъ восторгомъ.

— Иди, Товій, иди играть, мой мальчикъ!—сказалъ онъ потомъ, вытаскивая изъ печки лучину и раскуривая трубку, и ребенокъ съ пугливой радостью выбѣжалъ за двери. Тиль раздѣлся, легъ въ постель, долго и задумчиво смотрѣлъ на низкій, разсѣвшійся потолокъ, потомъ заснулъ. Около двѣнадцати часовъ онъ проснулся, снова одѣлся и, пока Лена, гремя посудой, накрывала столъ къ обѣду, вышелъ на улицу. Товій былъ недалеко; отбивъ отъ стѣны кусокъ штукатурки, онъ выковыривалъ пальцами глину и набивалъ себѣ ею ротъ. Стрѣлочникъ взялъ его за руку и повелъ на самый конецъ мѣстечка, состоявшаго всего изъ восьми домиковъ, къ Шпрее. Подъ зелеными тополями словно застыла темная гладь рѣки. На самомъ берегу лежалъ большой обломокъ гранита: Тиль опустился на него.

Обыватели мѣстечка привыкли видѣть его здѣсь каждый день, если погода была хоть мало-мальски сносна. Особенно къ нему льнули дѣти; они называли его «дядя Тиль», а онъ училъ ихъ разнымъ играмъ, когда-то въ дѣтствѣ забавлявшимъ его самого. Но лучшими изъ его воспоминаній дѣтства пользовался Товій. Отецъ вырѣзывалъ ему стрѣлы, залетавшія выше стрѣлъ всѣхъ его товарищей, дѣлалъ ему чудесныя дудки изъ тростника и, обдирая кору карманнымъ ножикомъ съ роговой рукояткой, самъ напѣвалъ при этомъ своимъ заржавленнымъ басомъ родныя пѣсни. Люди осуждали его за такое недѣльное занятіе; они не понимали, какъ онъ можетъ терять время съ этими сопляками. Но въ сущности они были довольны этимъ, такъ какъ подлѣ его присмотромъ дѣти были въ совершенной безопасности; кромѣ того Тиль иногда и серьезно занимался съ ними, у старшихъ спрашивалъ уроки и слушалъ, какъ они читаютъ библію и псалмы, а малышей училъ складывать: б-а—ба, в-а—ва и т. д.

Послѣ обѣда стрѣлочникъ опять ненадолго пришелъ отдохнуть, затѣмъ поподничалъ стаканомъ кофе и сталъ собираться на службу. Сборы эти, какъ и все, что онъ дѣлалъ, отнимали у него много времени; каждое движеніе его руки было рассчитано; предметы, разложенные на маленькомъ орѣховомъ комодѣ: ножъ, записная книжка, гребень, лошадиный зубъ, старые часы въ видѣ луковицы — отпра-

влялись одинъ за другимъ въ его карманы въ неизмѣнномъ порядкѣ, установленномъ много лѣтъ тому назадъ. Особенно бережно обращался онъ съ маленькой книжечкой, обернутой въ красную бумагу; ночью она лежала у него подъ подушкой, а днемъ онъ носилъ ее въ боковомъ карманѣ своего форменнаго мундира. На обложкѣ было написано прямымъ вычурнымъ почеркомъ, рукою Тили: «Книжка сберегательной кассы—Товіа Тили».

Стрѣлка стѣнныхъ часовъ, съ длиннымъ маятникомъ и желтымъ циферблатомъ, показывала безъ четверти пять, когда Тиль вышелъ изъ дому. Въ маленькой собственной лодчкѣ онъ пересѣхалъ черезъ рѣку. На томъ берегу онъ нѣсколько разъ остановился, прислушиваясь къ звукамъ, долетавшимъ изъ мѣстечка. Наконецъ онъ пошелъ по широкой лѣсной тропинкѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ дремучемъ сосновомъ бору; вершины сосенъ, глухо шумя, волновались, подобно темно-зеленому морю. Шаговъ не было слышно, влажный мохъ и слой иглъ, устилавшихъ землю, заглушали ихъ, словно войлокъ. Дорога была хорошо извѣстна Тиле; онъ шелъ увѣренно, не глядя, сначала черезъ густой старый лѣсъ, потомъ черезъ молодую поросль; дальше начинались порубки, осѣненные отдѣльными высокими и стройными соснами, оставленными для защиты юнаго поколѣнія. Отъ земли поднимался голубоватый, прозрачный, пропитанный ароматами паръ и легкой дымкой окутывалъ стволы деревьевъ. Тяжелое, молочнаго цвѣта небо низко нависло надъ вершинами сосенъ; въ воздухѣ купались стаи воронъ, испуская пронзительные крики. Въ колеяхъ и рытвинахъ дороги темными лужицами стояла вода и отражала мрачную зелень и сѣрое небо, дѣлая ихъ еще болѣе непривѣтными.

«Славная погода для хлѣба»,—подумалъ Тиль, очнувшись отъ глубокаго раздумья и оглядываясь кругомъ.

Но внезапно мысли его приняли другое направленіе; онъ смутно почувствовалъ, что забылъ что-то дома, и началъ шарить по карманамъ: не оказалось куска хлѣба съ масломъ, который онъ обыкновенно бралъ съ собой на дежурство. Съ минутой онъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ повернулся и быстро зашагалъ по направленію къ мѣстечку.

Скоро онъ достигъ берега Шпрее, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ веселъ переправился на другую сторону и, весь обливаясь потомъ, сталъ подыматься въ гору по отлогому склону. Посрединѣ улицы лежалъ старый

облѣзый пудель лавочника; на вымазанномъ дѣгтемъ дощатомъ заборѣ сидѣла ворона; она чистила себѣ перья, отряхивалась, кивала головкой, потомъ съ раздрающимъ душой крикомъ: «кра, кра!» поднялась на воздухъ, и вѣтеръ унесъ ее по направленію къ лѣсу.

Маленькая колонія состояла всего-навсего изъ двадцати семействъ рыбаковъ и дровосѣковъ. Въ настоящую минуту никого изъ обитателей ея не было видно.

Вдругъ среди всеобщей тишины пронесся такой громкій и пронзительный вопль, что стрѣлочникъ невольно замедлялъ шаги. За этимъ воплемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, нестройныхъ, дикихъ, сопровождаемыхъ какимъ-то страннымъ шумомъ, словно отъ ударовъ. Звукъ выходили, повидимому, изъ окна низенькаго домика, слишкомъ хорошо знакомаго стрѣлочнику.

По возможности заглушая шумъ своихъ шаговъ, онъ подкрался ближе и теперь уже совершенно ясно различалъ голосъ жены. Еще минута,—и стали слышны слова:

— Ахъ, ты, безжалостный, безсердечный негодяй! Бѣдное дитя совсѣмъ надорвалось отъ крика!.. Что?.. Поймай! Поймай!.. я тебя выучу ходить за нимъ! Будешь долго помнить!—Нѣсколько секундъ все было тихо, потомъ послышался звукъ, словно отъ разстегиванія пуговицъ на платьѣ, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ новый потокъ ругательства.

— Ахъ, ты, жалкій уродецъ!—Слова сыпались градомъ:—Ты думаешь, я позволю морить голодомъ своего ребенка такой дрянью, какъ ты? Придержи языкъ! (послышался жалобный плачъ) не то закачу тебѣ такую порцію, что цѣлую недѣлю будешь облизываться!

Плачъ не прекращался.

Стрѣлочникъ чувствовать, какъ билось его сердце тяжелыми неправильными ударами; тѣло его охватила легкая дрожь; глаза были прикованы къ землѣ и ничего не видѣли; рука то и дѣло отводила въ сторону непокорную прядь волосъ, тотчасъ же снова падавшихъ на покрытый потомъ лобъ.

Съ минуту ему казалось, что онъ не совладаетъ съ собою. Судорога напрягала его мускулы, сжимала пальцы въ кулакъ. Потомъ возбужденіе исчезло, смѣнившись тупой усталостью.

Невѣрной походкой, какъ-то волоча ноги, онъ вошелъ въ вымощенныя кирпичомъ стѣны и медленно, вяло поднялся по скрипучей деревянной лѣстницѣ.

— Тыфу, тыфу, тыфу! — прозвучало снова, и слышно было, какъ кто-то три раза подь рядъ выразилъ свое презрѣніе яростнымъ плевкомъ. — Злая ты, низкая, хитрая тварь! Подлый трусъ! Жалкій дуракъ! — Съ каждымъ словомъ голосъ звучалъ громче и по временамъ прерывался отъ волненія. — Чтѣ? ты будешь колотить моего мальчика? Ахъ, ты, гадина! Ты сиѣшь бить бѣдное, безпомощное дитя?.. Чтѣ?.. Какъ?.. Рукъ только не хочется объ тебя марать, а то бы...

Въ эту минуту Тиль открылъ дверь, и продолженіе застряло въ горлѣ испуганной женщины. Она вся побѣлѣла отъ гнѣва, ротъ ея искривился злою усмѣшкой; она подняла было правую руку, потомъ опустила ее и взялась за горшокъ съ молокомъ, чтобы наполнить рожокъ для ребенка. Но дѣло не ладилось, большая часть молока проливалась на столъ; она бросила работу на половинѣ и, вѣ себя отъ волненія, хваталась то за одно, то за другое, но ничего не могла удержать въ рукахъ; наконецъ собралась съ духомъ и рѣзко спросила мужа: чтѣ означаетъ его возвращеніе домой въ такое неурочное время? не шпіонить ли за ней онъ пришелъ? — Этого только недоставало! — воскликнула она и тотчасъ же заявила, что совѣсть ея чиста, и что она всякому можетъ смотрѣть прямо въ глаза.

Тиль почти не слышалъ, чтѣ она говорила; бѣглымъ взоромъ онъ окинулъ фигурку плачущаго Товія, и съ минуту казалось, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдержать бѣшенство, кипѣвшее въ его груди; потомъ выраженіе лица его смягчилось, замѣнилось обычной флегмой, и только по временамъ глаза украдкой сердито сверкали. Онъ смѣрилъ изгладомъ сильную, плотную фигуру жены. Она сновала по комнатѣ, стараясь не смотрѣть на него, и все еще не могла придти въ себя. Ея полная, полуобнаженная грудь бурно вздымалась отъ волненія; платье было подоткнуто сбоку, и широкіе бока казались еще шире. Отъ этой женщины какъ будто исходила какая-то непобѣдимая, присущая ей сила, и Тиль не чувствовалъ въ себѣ мужества возстать противъ нея.

Легко, словно тонкая паутина, и въ то же время крѣико, какъ желѣзная сѣть, охватывало его обаяніе этой силы, сковывая, умиряя, покоряя его душу. Въ такомъ состояніи онъ совсѣмъ не могъ говорить съ ней, не только что браниться, и бѣдный, избитый Товій, тихо всхлипывавшій въ своемъ уголкѣ, долженъ былъ видѣть, какъ отецъ, не обращая больше на него вниманія, взялъ съ лежанки забытую

краюшку хлѣба, протянулъ се, въ видѣ безмолвнаго объясненія, матери и, разсѣянно кивнувъ головою, снова исчезъ.

III.

Какъ ни спѣшилъ Тиль, возвращаясь въ свою одинокую, затерявшуюся въ лѣсу хижинку, все же онъ не могъ навѣрстать потеряннаго времени и пришелъ на четверть часа позже обыкновеннаго.

Помощникъ его, котораго онъ долженъ былъ смѣнить, — хилый и тщедушный человѣчекъ, получившій чахотку вслѣдствіе рѣзкихъ переменъ температуры, неизбѣжно связанныхъ съ этой службой на открытомъ воздухѣ, — дожидался, уже совсѣмъ готовый, на маленькой, усыпанной пескомъ площадкѣ передъ будкой. Нумеръ ея, крупными цифрами выведенный чернымъ по бѣлому, еще издали бросался въ глаза.

Товарищи пожали другъ другу руки, обмѣнялись нѣсколькими словами и разошлись. Одинъ исчезъ въ дверяхъ будки, другой перешелъ намось черезъ рельсы и зашагалъ по той самой дорогѣ, по которой пришелъ Тиль. Сначала изъ-за деревьевъ доносился его судорожный кашель; потомъ и этого не стало слышно, и ни одинъ звукъ больше не выдавалъ присутствія человѣка въ этой пустынѣ. Тиль, какъ всегда, началъ по-своему устраниваться на ночь въ своей узкой каменной клѣткѣ; но дѣлалъ онъ это механически: душа его еще не могла освободиться отъ только-что пережитаго впечатлѣнія. Онъ положилъ краюху хлѣба на небольшой, выкрашенный въ черную краску столъ, приставленный къ одному изъ двухъ узкихъ, врѣзанныхъ въ стѣну оконъ, откуда на далекое разстояніе виденъ былъ желѣзнодорожный путь. Потомъ развелъ огонь въ заржавленной печуркѣ и поставилъ горшокъ холодной воды на канфору: затѣмъ привелъ въ порядокъ посуду и разную хозяйственную утварь, въ родѣ лопаты, заступа, тисковъ и проч., наконецъ принялся чистить свой фонарь и наливать въ лампу свѣжаго керосину.

Когда все было готово, колоколъ тремя рѣзкими ударами, повторившимися черезъ небольшой промежутокъ времени, возвѣстилъ, что съ ближайшей станціи вышелъ потѣздъ на Бреславль. Но стрѣлочникъ не торопился; онъ еще долго провозился надъ лампой, потомъ такъ же спокойно взялъ значокъ и патронташъ, медленно вышелъ изъ будки и лѣниво поплелся по узкой песчаной дорожкѣ. До перехода черезъ рельсы было шаговъ двадцать, не больше; Тиль всякій разъ

добросовѣстно отпиралъ и запиралъ ворота, хотя рѣдко кому случалось переходить линію въ этомъ мѣстѣ.

Покончивъ свою работу, онъ прислонился, въ ожиданіи, къ полосатому столбу у воротъ.

Дорога прямой, узкой лентой ложилась направо и налѣво, врѣзываясь въ зеленую чащу лѣса; по обѣ стороны ея разступались высокія угрюмыя сосны, давая мѣсто желѣзнодорожной дамбѣ, усыпанной красноватымъ гравіемъ.

Поднялся вѣтеръ, и зеленое море вершинъ подернулось легкой зыбью. Загудѣли телеграфныя столбы по сторонамъ дороги. На проволоки, гигантской паутиной перекинувшіяся отъ одного столба къ другому, чирикавъ, слетались стаи птицъ. Дятель, словно въ насмѣшку, пролетѣлъ надъ самой головой Тиля, но тотъ не удостоилъ его даже взглядомъ. Солнце садилось на горизонтѣ за цѣпью изломанныхъ вершинъ и, прежде чѣмъ потонуть окончательно, заливало сосновый лѣсъ потоками пурпура. По обѣ стороны дамбы высокіе стволы деревьевъ, освѣщенные солнцемъ, пламенили, точно раскаленное желѣзо. Рельсы тоже вспыхнули: было на минуту, словно огненные змѣи, но тотчасъ же и потухли; зарево заката медленно уходило въ высь; сначала сумракъ окуталъ землю, потомъ стволы, потомъ зеленыя короны, вскорѣ только самыя верхушки еще свѣтились красноватымъ отблескомъ. Волшебное представленіе было окончено; занавѣсъ опускался беззвучно и торжественно. Стрѣлочникъ долго еще стоялъ неподвижно, прислонившись къ столбу, потомъ ступилъ шагъ впередъ. На горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходились рельсы, показалась черная точка; она росла съ каждой секундой, но, повидимому, оставалась неподвижной; затѣмъ вдругъ начала приближаться. Рельсы дрогнули и глухо загудѣли; издалека неслись какіе-то тяжелые, ритмическіе звуки; они становились все громче и громче, напоминали собою топотъ копытъ отъ быстро несущагося отряда конницы. Воздухъ и земля стонали отъ тяжелыхъ, прерывистыхъ толчковъ. Мгновеніе—и все слилось въ сплошномъ гулѣ и звонѣ; рельсы выгибались, насыпь дрожала; еще мгновеніе, — сильный токъ воздуха, облако дыма, копоты и пыли, — и черное, огнедышащее чудовище было уже далеко. Шумъ постепенно замираетъ вдали. Облако дыма разсѣялось; поѣздъ, уменьшаясь все болѣе, снова обратился въ черную точку и исчезъ на горизонтѣ; надъ лѣснымъ уголкомъ водворилась прежняя святая тишина.

— Минна! — прошепталъ стрѣлочникъ, словно пробудившись отъ сна, и пошелъ назадъ въ свою будку. Сваривъ себѣ жиденькій кофе, онъ сѣлъ отдохнуть и, отъ времени до времени подкрѣпляя себя глоткомъ, принялся пробѣгать грязный обрывокъ газеты, подобранный имъ гдѣ-то на линіи.

Мало-по-малу имъ овладѣло странное безпокойство; онъ приписалъ его легкому угару, стоявшему въ комнатѣ отъ сильно нагрѣтой печки, и снялъ мундиръ и жилетку, чтобы облегчить себя; но, видя, что это не помогаетъ, взялъ заступъ въ углу и пошелъ на отведенный ему участокъ земли.

Это была узкая песчаная полоса, густо поросшая сорными травами; два небольшихъ деревца — ея украшенія — всѣ въ цвѣту, были точно покрыты бѣлоснѣжной пѣвой.

Тиль успокоился; на душѣ у него стало тихо и легко.

Ну, теперь за работу!

Заступъ со скрипомъ врѣзался въ сырую песчаную почву; комья земли отлетали назадъ и разсыпались въ мелкіе куски. Нѣсколько времени онъ копалъ, не останавливаясь; потомъ вдругъ задумался, налегъ на заступъ и сказалъ громко и внятно, качая головой: «Нѣтъ, нѣтъ, это не годится!» И опять: «Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не годится!»

Ему пришло на умъ, что Лена теперь будетъ часто приходить сюда, чтобы смотрѣть за полемъ, и привычный строй его жизни неизбежно долженъ нарушиться. И чувство радости, вызванное пріобрѣтеніемъ этого куска земли, быстро смѣнилось отвращеніемъ. Поспѣшно, какъ будто уклоняясь отъ начатаго неправого дѣла, онъ вытащилъ заступъ изъ земли и понесъ его назадъ, въ будку. Здѣсь его опять охватывала смутная тревога. Онъ самъ не зналъ почему, но — какъ онъ ни старался примириться съ мыслью, что Лена будетъ проводить здѣсь цѣлые дни — мысль эта съ каждой минутой становилась невыносимѣе. Ему представилось, что ему надо защитить что-то милое и дорогое, что кто-то посягаетъ на его святыню, и, помимо его воли, легкая судорога снова свела въ кулакъ его пальцы, а изъ груди вырвался отрывистый, вызывающій смѣхъ. Испуганный отголоскомъ этого смѣха, онъ поднялъ глаза, и нить его мыслей оборвалась. Но вскорѣ опять углубился въ свои думы.

И вдругъ точно черная, плотная завѣса разорвалась

на-двое передъ его глазами; туманъ, окутывавшій его, разсѣлся, и онъ сталъ видѣть ясно. Онъ почувствовалъ внезапный приливъ бодрости; словно проснувшись отъ тяжелаго двухлѣтняго летаргическаго сна, онъ оглядывался назадъ и недовѣрчиво качалъ головой, припоминая все то возмутительное и ужасное, что онъ терпѣлъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ. Онъ мысленно прослѣдилъ всю исторію страданій своего бѣднаго мальчика, завершившуюся тѣмъ, что было нѣсколько часовъ тому назадъ. Жалость и раскаяніе терзали его душу, а также глубокой стыдъ при мысли, что за все это время онъ ни разу не могъ отрѣшиться отъ своей жалкой покорности и не только не вступался за бѣднаго безпомощнаго ребенка, но даже не смѣлъ себѣ сознаться, какъ тяжело приходится бѣдняжкѣ. Среди этого мучительнаго самобичеванія за всѣ свои грѣхи попустительства, имъ овладѣла сильная усталость, и онъ заснулъ, какъ сидѣлъ, согнувшись, опершись локтемъ на столъ, а головой на руку.

Такъ онъ просидѣлъ довольно долго; по временамъ губы его тихо шептали: «Минна». Въ ухахъ его стоялъ какой-то ревъ и гулъ, словно рокотъ морского прибора; вокругъ было темно; онъ съ усиленіемъ открылъ глаза и проснулся.

Всѣ члены у него ложило, на тѣлѣ выступилъ холодный потъ, ужасъ леденилъ кровь, пульсъ бился неправильно, лицо было мокро отъ слезъ.

Кругомъ—полный мракъ; онъ хотѣлъ взглянуть на дверь и не зналъ, въ какую сторону повернуться. Онъ поднялся, шатаясь; страхъ все еще сжималъ его сердце. Лѣсъ шумѣлъ и волновался, точно море; вѣтеръ завывалъ вокругъ будки; дождь и градъ стучали въ окна. Тилъ безпомощно развелъ руки, оцупывая окружающіе предметы. На мгновеніе ему показалось, будто онъ пьянъ, но вдругъ передъ нимъ блеснулъ голубоватый огонекъ, словно лучъ небеснаго свѣта проникъ въ тяжелую и мрачную атмосферу земли. Она тотчасъ же поглотила его, но этого мгновенія было достаточно, чтобы стрѣлочникъ принялъ въ себя. Онъ потянулся за фонаремъ и по счастью нашелъ его какъ разъ въ ту самую минуту, какъ вдали, гдѣ-то на рубежѣ ночного неба, послышались первые раскаты грома. Сначала глухіе и сдержанные, они перекатывались, росли, близились,— и скоро весь воздухъ наполнился грозными, оглушительными, могучими ударами.

Земля тряслась, стекла звенѣли.

Тиль зажегъ лампу и, овладѣвъ собою, прежде всего посмотрѣлъ на часы. До прибытія скорого поѣзда оставалось меньше пяти минутъ. Думая, что проспалъ сигналъ, онъ пошелъ къ рогаткѣ такъ быстро, какъ только позволяли мракъ и буря; не успѣлъ онъ запереть ворота, какъ раздался звукъ сигнальнаго колокола. Вѣтеръ подхватывалъ звуки и разносилъ ихъ во всѣ стороны. Сосны гнулись и непріятно скрипѣли, толкая другъ друга вѣтвями. На минуту между облаками показался-было мѣсяцъ, подобный блѣдно-золотой, опрокинутой чашкѣ. При свѣтѣ его видно было, какъ вѣтеръ свирѣпо качалъ темныя верхушки сосенъ. Лунный свѣтъ пятнами ложился на линію, и въ этихъ мѣстахъ рельсы, мокрые, омытые дождемъ, ярко блестѣли.

Тиль сорвалъ съ себя шапку и подставилъ подъ дождь свою плакующую голову; капли дождя, смѣшиваясь со слезами, стекали по лицу стрѣлочника; отъ этого становилось легче. Въ головѣ у него скользили смутныя обрывки мыслей, неясныя воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ во снѣ; они толпились, сталкивались, обгоняли другъ друга. Ему чудилось, что кто-то обидѣлъ Товіа, и такъ ужасно, что и теперь, при одной мысли объ этомъ, у него замирало сердце. Другое видѣніе помнилось явственнѣе. Онъ видѣлъ свою покойную жену; она шла откуда-то издалека, по рельсамъ; видъ у нея былъ жалкій, болѣзненный, вмѣсто платья какія-то лохмотья. Она прошла, не глядя, мимо домика Тили, но все же онъ не понялъ ясно, почему она прошла какъ будто нехотя, съ большимъ трудомъ, и даже нѣсколько разъ оступилась. Тиль сталъ вдумываться и понялъ наконецъ, что за ней гнались. Это было вѣтъ всякаго сомнѣнія, иначе зачѣмъ бы ей съ такимъ мучительнымъ страхомъ оглядываться назадъ, зачѣмъ продолжать путь, когда усталыя ноги отказываются служить ей? О, какъ ужасенъ былъ ея взглядъ!

Въ рукахъ она несла что-то завернутое въ платокъ, — что-то блѣдное, окровавленное, недвижимое; видъ ея, когда она склонилась надъ нимъ, напомнилъ ему нѣкоторыя сценки изъ прошлаго.

Онъ подумалъ о покойной женѣ, вспомнилъ, какъ она, умирая, не могла оторвать глазъ отъ своего только-что родившагося первенца, котораго такъ скоро должна была покинуть; какъ глядѣла на него взоромъ, полнымъ невыразимой тоски и муки: взора этого Тиль не могъ забыть, какъ не могъ забыть, что когда-то у него были отецъ и мать.

Куда она шла? Онъ не зналъ; одно только было для него ясно, что она отреклась отъ него, не обратила вниманія на его мольбы, ускользнула и скрылась во мглѣ этой бурной ночи. А онъ все звалъ ее: «Минна! Минна!» Такъ и проснулся съ ея именемъ на устахъ.

Два круглыхъ, красныхъ огня горѣли во мракѣ, словно два огромныхъ глаза какого-то чудовища. Изъ каждого глаза падалъ снопомъ яркихъ лучей, и въ свѣтѣ ихъ капли дождя казались каплями крови. Чудилось, будто съ неба льется кровавый дождь.

Тилу стало жутко; по мѣрѣ того, какъ приближался поѣздъ, страхъ его все увеличивался; сонъ и дѣйствительность слились для него въ одно цѣлое. Ему все еще представлялось, что по рельсамъ идетъ женщина, и рука его невольно искала пазронташа, какъ будто онъ хотѣлъ остановить на всѣхъ парахъ несущійся поѣздъ. Къ счастью, было уже поздно; въ то же мгновеніе въ глазахъ у стрѣлочника зарябило отъ мелькающихъ, освѣщенныхъ вагоновъ, и поѣздъ промчался мимо.

Весь остатокъ ночи Тиль провелъ неспокойно. Его тянуло домой, тянуло взглянуть на маленькаго Товія, начинало казаться, что онъ не видалъ его цѣлые годы, и въ возрастающей тревогѣ за ребенка онъ не разъ порывался уйти съ дежурства. Чтобы убить время, Тиль, едва только разсвѣло, пошелъ обзрѣвать свой участокъ. Въ грязновато-сѣромъ свѣтѣ занимающагося дня онъ шагаль по рельсамъ съ палкой въ одной рукѣ и винтовымъ ключомъ въ другой, то укрѣпляя стрѣлку, то ударяя по одному изъ круглыхъ желѣзныхъ болтовъ, связывавшихъ между собой рельсы.

Дождь и вѣтеръ утихли, и межъ разорванныхъ облаковъ тамъ и сямъ выглядывали клочки блѣдно-голубого неба. Однообразный стукъ подошвъ по жесткому металлу вмѣстѣ съ усиливающимся шелестомъ вѣтвей, стряхивающихъ съ себя капли дождя, мало-по-малу успокоили Тилу. Въ шесть часовъ утра онъ смѣнился и, не медля ни минуты, отправился домой.

Было чудное воскресное утро; небо очистилось; облака расцѣпились и постепенно исчезли за линіей горизонта. Восходящее солнце, подобное громадному кроваво-красному карбункулу, проливало цѣлые потоки свѣта на лѣсъ.

Снопы лучей врѣзывались въ чашу деревьевъ, то играя на нѣжной зелени папоротниковъ съ изящными, поужими

на тонкое кружево листьями, то обращая въ кораллы серебристо-сѣрые липши, прильнувшіе къ корѣ сосенъ.

На иглахъ, стволахъ и травѣ искрились и сверкали капли огненной росы. Словно свѣтовой дождь лился на землю. Свѣжесть, разлитая въ воздухъ, проникала въ самое сердце; подъ влияніемъ этого чуднаго утра въ Тилѣ невольно ступевались и поблѣднѣли ночныя видѣнія; когда же онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, они совсѣмъ исчезли.

Маленькій Товій лежалъ на его постели и спалъ; щечки мальчика отъ яркаго свѣта казались краснѣе, чѣмъ когда-либо.

Правда, въ теченіе этого дня Лена не разъ замѣчала въ мужѣ присутствіе чего-то новаго, незнакомаго ей: такъ, въ церкви, вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ молитвенникъ, онъ все время украдкой разглядывалъ ее; потомъ, послѣ обѣда, когда Товій, по обыкновенію, поднялъ малютку, чтобы нести его гулять на улицу, отецъ, не говоря ни слова, взялъ у него ребенка и положилъ на руки матери. Но, помимо этого, онъ ничѣмъ особеннымъ не проявилъ своего настроенія.

Во весь день Тилю ни разу не удалось прилечь, но въ девять часовъ вечера онъ уже сталъ раздѣваться, такъ какъ на другой день у него было дневное дежурство. Лишь только онъ улегся въ постель, жена объявила ему, что на утро она вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ въ лѣсъ, чтобы вспахать поле и засадить его картофелемъ.

Тиль содрогнулся; сонъ у него совсѣмъ прошелъ, но глаза онъ держалъ плотно закрытыми.

Лена говорила, что за картофель давно пора приниматься, если хочешь, чтобы изъ него вышелъ какой-нибудь толкъ, и прибавила, что она возьметъ съ собой и дѣтей, такъ какъ на работу уйдетъ, вѣроятно, цѣлый день. Стрѣлочникъ что-то невнятно пробормоталъ; впрочемъ, Лена и не слушала его. Повернувшись къ нему спиной, она распускала корсетъ и развязывала юбку.

Вдругъ, сама не зная почему, она быстро обернулась и увидала передъ собой землистое, искаженное страстью лицо мужа; полуприподнявшись, опираясь руками на кровать, онъ пожиралъ ее воспаленными, горящими дикимъ огнемъ глазами.

— Тиль! — воскликнула женщина, полутнѣвно, полупуганно.

И, подобно лунатику, когда его назовутъ по имени, онъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія, смущенно пролепеталъ нѣ-

сколько словъ извиненія, откинулся на подушки и натянулъ одѣяло на голову.

На слѣдующее утро Лена первая въ домѣ поднялась съ постели. Стараясь не шумѣть, она приготовила все, что было нужно, положила малютку въ дѣтскую колясочку, потомъ разбудила и одѣла Товіа. Узнавъ, куда они собираются идти, онъ не могъ не засмѣяться отъ радости. Тиль проснулся, когда все уже было готово, и кофе стоялъ на столѣ. Когда онъ увидѣлъ всѣ эти приготовленія, въ немъ опять щевельнулось непріятное чувство. Онъ охотно помѣшалъ бы ей идти, но не зналъ, съ чего начать. Да и какую причину могъ онъ противопоставить уважительнымъ доводамъ Лены?

Мало-по-малу сіяющее личико Товіа сдѣлало свое дѣло. Видя, какъ радуется ребенокъ при одной мысли о предстоящей прогулкѣ, отецъ не рѣшался и думать о сопротивленіи. Тѣмъ не менѣе все время, пока они шли лѣсомъ, какое-то безпокойство не покидало Тили. Онъ тяжело тащить за собою по глубокому песку колясочку малютки, то и дѣло бросая туда цвѣты, собранные по дорогѣ Товіемъ.

Мальчикъ былъ необычайно оживленъ и веселъ; онъ бѣгалъ, прыгалъ, довольно неуклюже гонялся за легкокрылыми, прозрачными стрекозами; его бархатная коричневая шапочка такъ и мелькала между верхушками напоротниковъ. По приходѣ на мѣсто, Лена прежде всего занялась по-лемъ. Она бросила на траву подъ березами принесенный съ собой мѣшечекъ съ наръзанными кусками картофеля, стала на колѣни и запустила въ темный песокъ свои грубые, жесткіе пальцы.

Тиль напряженно наблюдалъ за нею.

— Ну, что, какъ земля?

— Отличная, нисколько не хуже, чѣмъ на прежнемъ участкѣ.

У стрѣлочника отлегло отъ сердца, — онъ боялся, что она будетъ недовольна, — и онъ, успокоенно почесалъ себѣ бороду.

Подкрѣпившись толстой краюхой хлѣба, Лена сбросила съ себя изатокъ и кофту и принялась копать землю, съ терпѣніемъ и ловкостью машины. Въ равномерные промежутки времени она разгибала спину и долгими глотками втягивала въ себя воздухъ; потъ лилъ съ ней градомъ, грудь дышала тяжело и прерывисто; но тотчасъ же она снова принималась за работу, если только не нужно было успокоить и покормить ребенка.

— Мнѣ надо обойти участокъ, я возьму съ собой Товіа,— крикнуть ей, нѣсколько времени спустя, стрѣлочникъ съ платформы передъ будкой.

— Ну, вотъ еще вздоръ!—откликнулась она.—А кто же останется съ ребенкомъ? Сюда пусть идетъ! — прибавила она громче; но стрѣлочникъ, будто не слыша ея словъ, ушелъ вмѣстѣ съ Товіемъ.

Въ первую минуту она рванулась было за ними, но мысль о потерѣ времени удержала ее. Тиль и Товій были уже далеко. Мальчикъ находился въ сильномъ возбужденіи: все было для него ново, чуждо. Онъ никакъ не могъ понять назначенія этихъ узкихъ, черныхъ, нагрѣтыхъ солнцемъ желѣзныхъ полосъ. Онъ осаждалъ отца самыми странными вопросами; больше всего его поражало гудѣніе телеграфныхъ столбовъ. Тиль же до того прислушался къ нему, что различалъ столбы по звуку и могъ съ закрытыми глазами опредѣлить, въ какой именно части стрѣлки они находятся. Часто, держа Товіа за руку, онъ останавливался, внимая этимъ чуднымъ звукамъ, выходившимъ изъ дерева, словно голоса хора изъ запертой церкви. Особенно красивый и полный аккордъ издавалъ столбъ на южномъ концѣ участка. Внутри его какъ будто таилась цѣлая семья звуковъ, стройно и согласно вырывавшихся наружу, и маленькій Товій нѣсколько разъ обѣжалъ вокругъ стараго, обвѣтрившагося столба, стараясь найти отверстіе, чтобы заглянуть внутрь и открытъ причину этихъ ласкающихъ звуковъ. Стрѣлочникъ былъ настроенъ благоговѣнно, словно въ церкви. Среди звуковъ онъ отличалъ голосъ, напоминавшій ему голосъ покойной жены. Онъ представилъ себѣ, что слышитъ хоръ райскихъ духовъ, что въ хорѣ участвуетъ и она, и эта мысль наполнила его душу тоской и блаженствомъ, растрогала его до слезъ.

Товію захотѣлось нарвать цвѣтовъ, росшихъ по ту сторону насыпи, и Тиль, какъ всегда, уступилъ ему.

Лѣсные полянки такъ густо поросли голубыми цвѣтами, что, казалось, кусочки небесной лазури упали въ рощу. Пестрые бабочки кружились и порхали между ослѣпительно-бѣлыми стволами березъ, а въ нѣжной зелени ихъ листы стоялъ нескончаемый, тихій шелестъ.

Товій рвалъ цвѣты, а отецъ задумчиво слѣдилъ за нимъ взглядомъ. Порой онъ отводилъ взоръ отъ сына и устремлялъ его въ высь, гдѣ, сквозь промежутки въ листьѣ, синѣло безоблачное, лазурное небо, гигантскимъ, хрусталь-

нымъ куполомъ опрокинутое надъ землей, залитой солнечнымъ блескомъ.

— Папа, это Боженъка? — вдругъ спросилъ ребенокъ, указывая на коричневую бѣлочку, которая, цѣпляясь когтями за кору, быстро пробѣжала вверхъ по стволу высокой, особнякомъ стоявшей въ сторонкѣ сосны.

— Глупенькій ты! — только всего и отвѣтилъ ему Тиль, а клочки оторванной коры такъ и валялись къ ногамъ ребенка.

Вернувшись домой, Тиль и Товій застали Лену еще за работой. Половина поля была уже вскопана.

Поѣзда слѣдовали одинъ за другимъ съ короткими промежутками, и Товій, разинувъ ротъ, слѣдилъ, какъ они пролетали мимо.

Даже мачеха не могла не засмѣяться, — такія уморительныя гримасы онъ корчилъ.

Пообѣдали они въ будкѣ. Обѣдъ состоялъ изъ картофеля и холодныхъ остатковъ вчерашней жареной свинины.

Лена была весела, и самъ Тиль видимо старался примириться съ неизбѣжнымъ. Во время обѣда онъ занималъ жену, рассказывая ей разныя подробности о своей службѣ. Такъ, напримѣръ, онъ спросилъ ее, можетъ ли она себѣ представить, что въ каждомъ рельсѣ однихъ винтиковъ цѣлыхъ сорокъ шесть штукъ.

До обѣда Лена покончила всю работу; послѣ обѣда надо садить картофель. Она настояла, чтобы Товій остался смотреть за малюткой, и взяла его съ собой.

— Слѣди хорошенько!.. — крикнулъ ей Тиль, подъ вліяніемъ внезапно охватившаго его смутнаго опасенія: — слѣди, чтобъ онъ не подходилъ близко къ рельсамъ.

Лена въ отвѣтъ только пожала плечами.

* * *

Колоколь возвѣстилъ о приближеніи слезскаго скораго поѣзда; Тилу пора было идти на свой постъ. Не успѣлъ онъ стать у барьера, какъ поѣздъ уже показался вдали.

Онъ подходилъ ближе, вырисовывался яснѣе; паръ толчками, прерывисто вырывался изъ черной трубы локомотива. Вотъ, одинъ за другимъ, три молочно-бѣлыхъ клубовъ поднялись прямо вверхъ, словно свѣчи, и въ воздухъ пронесся свистъ машины. Три свистка, одинъ за другимъ — короткіе, пронзительные, тревожные. «Тормозятъ, — подумалъ Тиль: — зачѣмъ?» А тревожный свистъ слышался

снова, будя далекое эхо; только теперь звуки слѣдовали непрерывно, долгіе, протяжные.

Тиль сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы осмотрѣть стрѣлку; онъ машинально вынулъ изъ футляра красный флагъ и, вытянувъ руку, поднималъ его надъ рельсами. — «Господи Боже! ослѣпъ онъ, что ли? Господи Боже!.. о, Боже, Боже, Боже! Что это тамъ! Тамъ, между рельсами!.. Это... ой!» — крикнуть стрѣлочникъ изъ всѣхъ силъ. Слишкомъ поздно; темная масса уже подъ локомотивомъ; ее, словно мячикъ, перебрасываетъ отъ одного колеса къ другому. Еще нѣсколько мгновений, слышится трескъ, скрипъ тормоза — и поѣздъ сталъ.

Пустынная стрѣлка оживилась. Кондуктора и контролеры бѣгутъ по насыпи въ самый конецъ поѣзда. Изъ оконъ выглядываютъ любопытныя лица, возлѣ вагоновъ толпится народъ.

Тиль задыхается, онъ дѣлаетъ надъ собой страшныя усилія, чтобы удержаться на ногахъ, не свалиться, словно быкъ, убитый наповаль.

«Что это? Правда ли ему машутъ?—нѣтъ?!»

Вдругъ съ того мѣста, гдѣ случилось несчастіе, доносится страшный крикъ, потомъ какой-то животный ревъ и вой. Чей это голосъ?! Лены?! Это не ея голосъ, а между тѣмъ...

Кто-то слѣшитъ къ нему по насыпи.

— Стрѣлочникъ!

— Что случилось?

— Несчастіе!..—Посланный въ испугѣ отступаетъ. Глаза у стрѣлочника свѣтятся какимъ-то страннымъ блескомъ, шапка на боку, рыжіе волосы, кажется, шевелятся и приподнимаются на головѣ.

— Онъ еще живъ; можетъ-быть, можно еще помочь.

Въ отвѣтъ слышно только хрипѣніе.

— Идите туда. Скорѣй!

Тиль страшнымъ усиліемъ воли приходитъ въ себя; мускулы его напрягаются, онъ весь точно выросъ, лицо его мертвенно-блѣдно.

Онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ посланнымъ, не замѣчая блѣдныхъ, испуганныхъ лицъ въ окнахъ вагоновъ. Вотъ выглядываетъ молоденькая женщина, за ней купецъ въ фескѣ; дальше юная парочка, вѣроятно, новобрачные, совершающіе свое свадебное путешествіе. Что ему до нихъ? Онъ и прежде никогда не думалъ о тѣхъ, кто ѣздитъ въ этихъ ящикахъ. До слуха его доносится неистовый ревъ Лены. Передъ глазами у него мелькаютъ и кружатся желтыя точки, словно

свѣтлячки; сколько ихъ — не сосчитать. Вотъ онъ уже на мѣстѣ — и въ ужасѣ отступаетъ назадъ.

Изъ вихря кружащихся свѣтлячковъ выдѣляется что-то блѣдное, окровавленное. Лобъ весь въ подтекахъ, синихъ и коричневыхъ; губы помертвѣли, съ нихъ каплетъ черная кровь. Это онъ, его Товій.

Тиль ничего не говоритъ; лицо его принимаетъ грязно-бѣлый оттѣнокъ, онъ безмысленно улыбается, потомъ наклоняется и поднимаетъ ребенка; безжизненное вялое тѣло тяжело ложится ему на руки; вокругъ членовъ мальчика обвился красный флагъ.

Тиль хочетъ нести его...

Куда?

— Къ доктору, къ доктору! — слышится вокругъ.

— Мы сейчасъ возьмемъ его съ собой, — кричитъ ему таможенный чиновникъ и наскоро устраиваетъ въ своемъ вагонѣ постель изъ казенныхъ вещей.

— Согласны?

Но Тиль и не думаетъ выпустить изъ рукъ сына. Его убѣждаютъ. Напрасно. Таможенный чиновникъ велитъ достать носилки изъ товарнаго вагона и приказываетъ одному изъ служащихъ помочь отцу.

Время дорого. Кондукторъ даетъ первый свистокъ. Изъ оконъ вагоновъ сыплются монеты.

Лена жестикулируетъ, какъ безумная. «Бѣдная, бѣдная женщина!» — говорятъ въ купе. — Бѣдная мать!

Второй сигналъ. Изъ цилиндра машины со свистомъ вырывается бѣлый клубъ пара; она расправляетъ свои желѣзные мускулы. Еще нѣсколько секундъ, и курьерскій поѣздъ съ удвоенной скоростью мчится по лѣсу.

Стрѣлочникъ успѣлъ уже передумать и кладетъ полумертваго ребенка на носилки. Худенькая фигурка дитяти скорчена; изъ-подъ разорванной рубашки видна костлявая грудь; порою ее приподымаетъ долгій вздохъ, и тогда слышится хрипѣніе. Ручки и ножки не только сломаны въ суставахъ, но совсѣмъ раздавлены и приняли самые неестественные изгибы. Одна изъ пятокъ вывернута впередъ; руки свѣсались съ носилокъ и болтаются, какъ у неживого.

Лена продолжаетъ реветъ и визжать; съ лица ея исчезли всѣ слѣды былого упорства. Она все повторяетъ одну и ту же исторію, которая должна снять съ нея всякую отвѣтственность за это несчастье.

Тиль, повидимому, не обращает на нее никакого вниманія; глаза его прикованы къ ребенку, въ нихъ выражается смертельный ужасъ и тревога.

Вокругъ тишина, мертвая тишина; нагрѣтые черные рельсы рѣзко выдѣляются на ослѣпительно-бѣломъ гравіи. Къ полудню вѣтеръ стихъ; въ воздухѣ не шелохнетъ; лѣсъ стоитъ, точно окаменѣлый.

Окружающіе тихо шепчутся между собой. Чтобы поскорѣе попасть въ Фридрихсгагенъ, надо вернуться назадъ, на станцію, по направленію къ Бреславилю; ближайшій поѣздъ, скорый пассажирскій, не останавливается на слѣдующей станціи, болѣе близкой къ Фридрихсгагену.

Тиль какъ будто раздумываетъ, идти ли ему съ ними. Въ данную минуту замѣнить его по службѣ некому. Движеніемъ руки онъ велитъ женѣ взяться за носилки. Она не смѣетъ противиться, хотя ее тревожитъ малютка, оставшійся безъ всякаго присмотра. Носилки ей помогаетъ нести какой-то незнакомый человѣкъ. Тиль провожаетъ ихъ до границы своего участка, потомъ остается одинъ и долго смотритъ имъ вслѣдъ. И вдругъ ударяетъ себя ладонью плашмя по лбу, такъ что отголосокъ удара разносится далеко вокругъ.

Онъ хочетъ разбудить себя. «Это, вѣрно, сонъ, какъ и вчера», — думается ему. Напрасно. Кое-какъ, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагѣ, онъ добѣжалъ до будки и ничкомъ повалился на полъ. Шапка его покатилась въ уголь, заботливо оберегаемые часы выпали изъ кармана, крышка отскочила, стекло разбилось. Чьи-то желѣзные пальцы давили ему затылокъ такъ крѣпко, что онъ не могъ двинуться, хотя всѣми силами, охая и стеная, старался освободиться. Лобъ у него былъ холодный, глаза сухіе, во рту горѣло.

Его вывели изъ забытья звуки сигнальнаго колокола. Подъ впечатлѣніемъ привычныхъ трехъ ударовъ, онъ стряхнулъ съ себя одѣяніе, нашелъ силу подняться и исполнить свою обязанность. Правда, ноги его были тяжелы какъ свинецъ, а рельсы вертѣлись передъ его глазами, словно спицы огромнаго колеса, осью котораго была его голова; но все же онъ былъ въ состояніи хоть нѣсколько времени продержаться на ногахъ и сдѣлать, что надо.

Подходилъ пассажирскій поѣздъ. Товій долженъ былъ находиться тамъ, въ одномъ изъ вагоновъ. По мѣрѣ его приближенія какое-то облако застилало глаза Тили. Подъ конецъ онъ видѣлъ только раздавленного ребенка съ окро-

вавленнымъ ротикомъ. Потомъ все смѣшалось, и наступила ночь.

Нѣсколько времени спустя обморокъ прошелъ, и онъ очнулся. Онъ лежалъ на горячемъ пескѣ, возлѣ самой рогатки. Онъ поднялся на ноги, страхнулъ песчинки, приставившія къ платью, выплюнуть ихъ изо рта. Головъ его стало немного полегче, онъ могъ спокойнѣе думать и разсуждать.

Вернувшись въ будку, онъ прежде всего поднялъ часы и положилъ ихъ на столъ. Несмотря на толчокъ при паденіи, они не остановились. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ считалъ минуты и секунды, представляя себѣ въ то же время, что теперь происходитъ съ Товіемъ. Вотъ пришелъ поѣздъ; вотъ Лена у доктора. Онъ смотритъ, изслѣдуетъ ребенка и качаетъ головой:

«Плохо, очень плохо — но, кто знаетъ? можетъ - быть...» Онъ шупаетъ еще. — «Нѣтъ... нѣтъ, все кончено».

— Кончено, кончено! — простоналъ несчастный отецъ; но потомъ выпрямился и крикнулъ, дако вращая глазами, безсознательно сжимая въ кулаки вытянутыя руки, голосомъ, отъ котораго дрогнули стѣны маленькой комнаты:

— Онъ долженъ, долженъ жить! Говорю тебѣ, онъ долженъ жить! — Съ этими словами онъ сильно толкнулъ дверь; она распахнулась, навстрѣчу ему ворвалось зарево заката, но онъ не видалъ его; онъ уже мчался назадъ, къ рогаткѣ. Здѣсь онъ простоялъ нѣсколько минутъ, какъ вкопанный, потомъ вышелъ на середину насыпи и широко разставилъ руки, словно желая задержать что-то, двигающееся въ одномъ направленіи съ послѣднимъ пассажирскимъ поѣздомъ. Глаза его, широко раскрытые, производили впечатлѣніе глазъ слѣпого.

Отступая назадъ, словно что-то надвигалось на него, онъ невнятно бормоталъ сквозь зубы:

— Ты... слышишь ты?... Останься... ты... послушай же... оставь... отдай его... онъ весь разбитъ, весь синій и темный... да, да... хорошо... я такъ разобью и ее... слышишь ли?... Оставь же... отдай его мнѣ назадъ!

Что-то какъ будто прошло мимо него; онъ повернулся и пошелъ въ другомъ направленіи, точно преслѣдуя кого-то.

— Ты, Минна! — Голосъ его звучалъ жалобно, какъ у маленькаго ребенка. — Минна, слышишь?... Отдай мнѣ его... я... — Онъ хваталъ руками воздухъ, словно пытаясь удер-

жать кого-то. — Жenuшка... я... тогда я ее тоже... тоже изобью... до синяковъ... тоже... и потомъ... ножомъ... видишь?.. Тѣмъ, что въ кухнѣ... кухоннымъ ножомъ ударю ее,—и она околѣетъ... А потомъ... да, кухоннымъ ножомъ... да... черная кровь!..

По угламъ рта у него выступила пѣна; зрачки были словно стеклянные и не переставали двигаться.

Легкій вечерній вѣтерокъ приносилъ съ собой ароматное дыханіе лѣса; на западѣ виднѣлось яркое розовое облачко.

Около ста шаговъ прошелъ онъ такъ, преслѣдуя невидимое нѣчто, потомъ вдругъ остановился, словно робость сковала его члены. Вся его фигура выражала смертельный ужасъ; руки были протянуты впередъ; онъ заклиналъ, молилъ. Потомъ онъ напряженно вперилъ взоръ въ пространство и заслонилъ глаза рукой отъ свѣта, словно стараясь разсмотрѣть вдали что-то невидимое, безплотное. Спустя нѣсколько минутъ руки его опустились, напряженное выраженіе лица смѣнилось тупо-безучастнымъ; онъ повернулся и побрелъ назадъ тою же дорогой, какою пришелъ.

Послѣдніе лучи солнца еще золотили лѣсъ, потомъ и они потухли; стволы сосенъ просвѣчивали между иглами, словно блѣдная, истлѣвшая кость, а вершины казались нависшимъ на нихъ слоемъ грязно-бураго ила. Гдѣ-то долбилъ клювомъ дятелъ, нарушая тишину.

Съ холоднаго, отливавшаго сталью небосклона исчезло послѣднее запоздалое облачко. Вѣтеръ обдавалъ холодомъ, точно изъ погреба; стрѣлочникъ весь прозябъ и дрожалъ. Все было какъ-то ново и чуждо для него. Онъ не зналъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ идетъ. Черезъ дорогу перебѣжала бѣлка, и стрѣлочникъ, самъ не зная почему, вспомнилъ, что это, по народному повѣрью, дурной знакъ.

Онъ повторилъ это про себя нѣсколько разъ, монотонно, внимательно, стараясь добраться до смысла. Потомъ лучъ свѣта блеснулъ въ его мозгу, и онъ перебилъ самъ себя: «Но, Боже мой, это безуміе!» Забывъ обо всемъ остальномъ, онъ ополчился противъ этого новаго врага и попытался привести въ порядокъ свои мысли. Тщетно! Въ головѣ его царилъ полный хаосъ. Онъ ловилъ себя на самыхъ нелѣпыхъ представленіяхъ и ужасался, сознавая свое безсиліе.

Изъ сосѣдней березовой рощи послышался крикъ ребенка. Это былъ сигналъ къ бѣшенству. Почти противъ воли онъ побѣжалъ туда и нашелъ малютку, оставленнаго и забытаго

вѣми; ребенокъ барахтался въ колясочкѣ и плакалъ; тюфячокъ его свалился на землю. Чего онъ хочетъ? Что влекло его сюда? Цѣлый вихрь мыслей и чувствъ закружился въ его головѣ.

Да, и это видѣніе и это дурное предназначеніе — теперь онъ зналъ, что это значило. «Товій... она убила его... Лена... онъ былъ оставленъ на ея попеченіи... мачеха, жестокая, безсовѣстная мачеха!.. А ея отродье живо!..» Онъ заскрежеталъ зубами; ему казалось, что вокругъ него плаваетъ какой-то красный туманъ; сквозь туманъ этотъ свѣтилась только пара дѣтскихъ глазокъ, да между пальцами онъ чувствовалъ что-то пухлое, мягкое. Чей-то хрипъ и клокотанье, и одновременно съ этимъ рѣзкіе, свистящіе звуки, происхожденія которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить, рѣзнули его по уху.

Что-то капнуло въ его мозгъ, словно капля расплавленного сургуча; оковы, давившія его душу, распались, и онъ пришелъ въ сознаніе. Въ воздухѣ дрожали отголоски сигнального звона.

Тогда онъ вдругъ понялъ, что хотѣлъ сдѣлать, — и разжалась рука его, сжимавшая горло ребенка. Тотъ шевельнулся, втянулъ въ себя воздухъ и началъ кашлять и кричать.

«Онъ живъ, слава Богу, онъ живъ!» Стрѣлочникъ оставилъ ребенка, какъ онъ былъ, въ колясочкѣ и поспѣшилъ къ рогаткѣ. Низко, надъ самой линіей стлались клубы дыма; вѣтеръ пригибалъ ихъ къ землѣ. Слышно было пыхтѣнье машины, неровное, прерывистое, словно дыханіе больного гиганта.

Холодные сумерки окутывали окрестность. Нѣсколько мгновеній спустя облака дыма разсѣялись, и стрѣлочникъ узналъ поѣздъ, утромъ отвозившій песокъ на станцію. На пустыхъ платформахъ возвращались рабочіе, поправлявшіе насыпь на линіи. Поѣздъ шелъ, не торопясь и постоянно останавливаясь, чтобы забрать съ собой или высадить кое-гдѣ еще доканчивавшихъ починку рабочихъ. Тормозить начали еще задолго до будки Тиля. Тишина была нарушена; поднялся трескъ, скрипъ, послышался лязгъ желѣза и грохотъ цѣпи, потомъ особый, рѣзкій, протяжный звукъ, и поѣздъ остановился. На платформахъ ѣхало до пятидесяти работниковъ и работницъ. Всѣ почти стояли; изъ мужчинъ нѣкоторые были безъ шапокъ. На всемъ лежалъ отпечатокъ какой-то загадочной торжественности. Завидя

стрѣлочника, рабочіе начали перешептываться между собой. Старіки повинимали трубки изъ желтыхъ зубовъ и въ знакъ почтенія держали ихъ въ рукахъ. Тамъ и сямъ женщины отворачивались, чтобы высморкаться. Кондукторъ спрыгнулъ на землю и подошелъ къ Тилю. Рабочіе видѣли, какъ онъ торжественно пожалъ Тилю руку, и какъ послѣ этого Тиль медленно, по-военному, твердымъ шагомъ, пошелъ къ послѣднему вагону. Никто изъ рабочихъ не осмѣливался заговорить съ нимъ, хотя знали его всѣ.

Изъ послѣдняго вагона вынесли маленькаго Товія.

Онъ былъ мертвъ.

За нимъ вышла Лена; лицо у нея было изсиня-блѣдное; глаза обведены темными кругами.

Тиль не удостоилъ ее взглядомъ, но она испугалась при видѣ своего мужа. Щеки его впали, волосы на усахъ и бородѣ спутались и слиплись, проборъ казался шире, и на головѣ какъ будто прибавилось сѣдинъ. По всему лицу видны были слѣды засохшихъ слезъ, а въ глазахъ бѣгали огоньки, внушавшіе ей непобѣдимый ужасъ. Привезены были и носилки, чтобы перенести тѣло. Было какъ-то жутко. Съ минуту стояла полная тишина. Глубокая, тупая покорность овладѣла Тилемъ. Темнѣло.

На желѣзнодорожную насыпь забралось стадо козулъ. Козель, предводительствовавшій ими, остановился по самой серединѣ, между рельсами, и любопытно осматривался во кругъ, поворачивая во всѣ стороны свою вытянутую шею. Но послышався свистъ машины, — и быстрѣе молніи онъ исчезъ, вмѣстѣ со своимъ стадомъ.

Какъ только поѣздъ тронулся, Тиль замертво повалился на землю.

Поѣздъ опять остановился. Стали держать совѣтъ, какъ быть, что дѣлать. Рѣшено было на время перенести мертваго ребенка въ сторожевую будку, а безжизненнаго отца, котораго никакъ не удавалось привести въ сознаніе, на носилкахъ отнести домой.

Такъ и сдѣлали. Двое рабочихъ понесли носилки; за ними шла Лена; не переставая всхлипывать и обливаясь слезами, она толкала передъ собой по песку колясочку малютки.

Изъ-за стволовъ сосенъ выглядывалъ мѣсяцъ, словно гигантское огненное ядро. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становился меньше и блѣднѣе. Скоро онъ, подобно лампадѣ, повисъ надъ лѣсомъ; въ каждую скважину и щель

между вѣтвями пробирались его лучи, и матовый блескъ ихъ придавалъ лицамъ идущихъ призрачную блѣдность.

Быстро, но осторожно шагали носильщики сначала сквозь густую молодую поросль, потомъ мимо большихъ правильныхъ порубокъ, окаймленныхъ высокими деревьями. Больной отъ времени до времени хрипѣлъ или начиналъ бредить, но чаще всего онъ сжималъ кулаки, не открывая глазъ, и пытался приподняться. Переправиться черезъ Шпрее оказалось довольно трудно; пришлось возвращаться второй разъ за Леной и ребенкомъ. Когда шествіе подымалось по береговому откосу, навстрѣчу попалось нѣсколько жителей мѣстечка: тотчасъ же разнесшихъ повсюду вѣсть о случившемся несчастіи. Вся колонія поднялась на ноги.

При видѣ знакомыхъ, Лена опять принялась вопить и жаловаться.

Больного съ трудомъ втащили по узкой лѣстницѣ въ домъ и тотчасъ же уложили въ постель. Рабочіе, не отдыхая, отправились обратно, за тѣломъ Товія.

Старые, опытные люди посовѣтовали холодные компрессы, и Лена ревностно принялась за дѣло. Она мочила сложенные платки въ холодной, какъ ледъ, ключевой водѣ и мѣняла компрессъ, лишь только онъ согрѣвался на пылающемъ лбу стрѣлочника. Она тревожно слѣдила за дыханіемъ больного; съ каждой минутой, казалось ей, онъ дышалъ ровнѣе и правильнѣе.

Усталость и тревоженія этого дня сильно утомили ее, и она рѣшила уснуть немного, но не могла. И съ открытыми и съ закрытыми глазами она постоянно видѣла передъ собой страшныя картины пережитаго. Малютка спалъ; противъ обыкновенія, сегодня она мало думала о немъ. Вообще она стала совсѣмъ другая. Прежняго упрямства не осталось и слѣда. Теперь больной мужъ, съ безкровнымъ, блестящимъ отъ пота лицомъ и въ обморогѣ, властвовалъ надъ нею:

Облако закрыло мѣсяцъ; въ комнатѣ стало темно; Лена слышала только тяжелое, но ровное дыханіе мужа. Она раздумывала, не зажечь ли свѣчу; въ темнотѣ ей было какъ-то не по себѣ. Она хотѣла встать, но въ эту минуту руки и ноги ея упали, словно налитыя свинцомъ, вѣки закрылись, и она заснула.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда вернулись рабочіе съ тѣломъ маленькаго Товія, они нашли дверь открытою настежь. Удивленные этимъ обстоятельствомъ, они поднялись

по лѣстницѣ въ верхнюю горницу, дверь которой также оказалась отворенной.

Вездѣ было темно. Стали звать хозяйку, неоднократно называя ее по имени, но отвѣта не было; наконецъ чиркнули объ стѣну спичкой, и вспыхнувшій огонекъ освѣтилъ страшную картину.

— Убійство, убійство!

Лена плавала въ крови, съ разбитымъ черепомъ; лицо ея было неузнаваемо.

— Онъ убилъ свою жену! Онъ убилъ свою жену!

Всѣ съ растеряннымъ видомъ метались по комнатѣ. Пришли сосѣди, одинъ изъ нихъ заглянулъ въ колыбель— и отступилъ, блѣдный, съ застывшимъ отъ ужаса взоромъ.— «Господи Боже!» Ребенокъ лежалъ мертвый, съ перерѣзаннымъ горломъ.

Стрѣлочникъ исчезъ; его тотчасъ же отправились разыскивать, но въ эту ночь поиски оказались безуспѣшными. На утро стрѣлочникъ, приходившій на дежурство, нашелъ его сидящимъ между рельсами, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ локомотивомъ перѣѣхало Товія.

Въ рукѣ онъ держалъ коричневую бархатную шапочку и все время гладилъ и ласкалъ ее, словно живое существо.

Дежурный задалъ ему нѣсколько вопросовъ, но отвѣта не получилъ и скоро убѣдился, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ.

Онъ оновѣстилъ объ этомъ сторожа при блокгаузѣ, а тотъ по телеграфу далъ знать на станцію, чтобы прислали помощь.

Сначала на Тилъ пытались подѣйствовать лаской, убѣждая его сойти съ рельсовъ, но это было напрасно.

Скорый поѣздъ, проходившій въ это время, долженъ былъ остановиться, и только съ помощью всего персонала служащихъ на станціи помѣшаннаго еле-еле удалось силою стащить съ насыпи; онъ все время вырывался и неистовствовалъ.

Пришлось связать его по рукамъ и по ногамъ и, подъ конвоемъ вызваннаго по телеграфу жандарма, препроводить въ Берлинъ, въ домъ предварительнаго заключенія, откуда, впрочемъ, его въ тотъ же день перевели въ госпиталь, въ отдѣленіе буйныхъ умалишенныхъ. Но и тамъ онъ не выпускалъ изъ рукъ коричневой шапочки и оберегалъ ее съ невыразимой нѣжностью и заботой.

АПОСТОЛЪ.

Переводъ З. Н. Журавской.

Въ «Стрѣлочникѣ Тилъ» Гауптманъ даѣтъ опытъ изслѣдованія бурнаго человѣческаго аффекта, душевнаго взрыва, изступленія, приводящаго къ кровавой катастрофѣ. Какъ бы намѣренно онъ берется въ «Апостолѣ» (Der Apostel) за контрастъ, за другую половину этой художественно-психологической задачи. Здѣсь передъ читателемъ мирное, вѣрное такое спокойное религиозное помѣшательство, завершающееся востановленіемъ маніи величія.

«Апостолъ» (1890 г.)—превосходный психопатологическій рассказъ, предлагающій зрѣлище души, вышедшей изъ-подъ власти воли и стремящейся по наклонной плоскости къ тому безумію, которое, съ одной стороны, несомнѣнно есть достояніе психіатріи, съ другой—даѣтъ высшія прозрѣнія и рождаетъ экстазъ подвига.

Предъ читателемъ—образъ человѣка съ великимъ и сильнымъ духомъ, плѣненного красотою апостольства и спускающагося съ горъ идеализма въ долины земли. Потрясенный страданіями человѣчества и грязью міра, облекшись въ рясу аскета, онъ идетъ принести людямъ «единственное, волшебное, драгоценное слово «миръ». Благороднѣйшая и великая идея овладѣла имъ до маньячества. Его мысль путается. Его сны назойливо переплетаются съ дѣйствительностью. Онъ на шагъ отъ совершенно необузданнаго визионерства. Плѣнительный образъ Христа болѣзненно отождествляется имъ съ собственнымъ «я».

И онъ кончаетъ уже явнымъ и безспорнымъ безуміемъ. Въ звонѣ колоколовъ онъ слышитъ голосъ Бога Отца, говорящаго къ нему,—Своему Сыну.

Если на «Стрѣлочникѣ Тилъ» несомнѣнны вліянія Зола, то на «Апостолѣ» надо искать вліяній на Гауптмана сѣверныхъ писателей,—нашихъ Достоевскаго и Толстого и, пожалуй, Ибсена («Брандъ»). Чисто-сѣверная нѣжность, чуткость, напряженность исканія правды и святости обвѣщаетъ этотъ чудесный рассказъ нѣмецкаго писателя. Завѣты Достоевскаго и Толстого чувствуются въ герояхъ Гауптмана, боящемся на пути «ранить хоть что-нибудь, что имѣло жизнь», хотя бы комара или букашку, питающаго жалость къ сорванному цвѣтку, проникнутаго трогательно-поэтическимъ обожаніемъ природы. Въ самой мечтѣ насажденія «святого, безцѣннаго, всесвѣтнаго міра» на землѣ, освобожденія человѣчества отъ убійства и крови, обжорства и пьянства—слышится то трепетаніе сердца колоссовъ сѣвернаго творчества, какое только въ слабой степени отражено въ литературахъ нѣмецкой и французской.

Если искать въ собственныхъ произведеніяхъ Гауптмана сходствъ и подобій, то до извѣстной степени «Апостолъ» послужилъ прототи-

помь для злѣйшиа Гейриха изъ «Потоувшаго колокола». Не было бы трудности указать положительно параллельныя мѣста въ этихъ двухъ произведеніяхъ, которыя съ несомнѣнностью показали бы, что, сознательно или пожимовольно, въ умѣ Гауптмана эти два образа моментально соприкасались.

Анализъ тихаго религіознаго помѣшательства сдѣланъ молодымъ Гауптманомъ съ мастерствомъ и красотою. Постѣдовательная побѣда больного вышедшаго изъ береговъ фантазіи, поработившаго его разсудокъ, показана съ жѣткостью истиннаго художника-психолога. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ готовъ отдать «Апостолу» предпочтеніе предъ «Двойникомъ» Достоевскаго и Гоголевскимъ «Записками сумасшедшаго». Нѣмецкій критикъ взялъ слабѣйшую патологическую работу Достоевскаго и произведеніе Гоголя, признанное русскими психіатрами далекимъ отъ научности и правды романовъ Достоевскаго. Сравненіе это не приходится признавать удачнымъ, и его можно не оспаривать. Что касается лучшихъ патологическихъ вещей Достоевскаго, то самъ по себѣ совершенный разсказъ Гауптмана все же далекъ отъ ихъ мучительной глубины. Изъ позднѣйшихъ вещей къ гауптмановскому «Апостолу», алучшему чуду, можно приблизить героя разсказа Леонида Андреева: «Жизнь Василія Оливейскаго».

Сюжетъ «Апостола» напрасно было бы отнести къ области чистой фантазіи. У каждаго въ памяти найдется не одно газетное сообщеніе о такихъ «Хрестахъ», время отъ времени появляющихся съ проповѣдью то на площадяхъ городовъ Америки, то на улицахъ Вѣны или Мюнхена, и въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ подходящихъ подъ то психологическое объясненіе, какое даетъ Гауптманъ въ своемъ разсказѣ. Вѣртельсъ даже называетъ возможный прототипъ «Апостола» въ лицѣ нѣкоего Іоганна Гутцейта. Это не совсѣмъ точно. По крайней мѣрѣ самъ Гауптманъ по поводу такого упрека заявлялъ печатно, что въ своихъ произведеніяхъ онъ чуждъ портретности.

Беллетристическіе приемы Гауптмана во второмъ разсказѣ однородны съ приемами перваго, и такъ же до странности мало въ его манерѣ угадывается будущій драматургъ. Здѣсь уже полное отсутствіе діалога,—сплошь описательная форма.

Интересно отмѣтить двѣ черты Гауптмана, какъ новеллиста, которыя выдѣляютъ его изъ разсказчиковъ его поры положительно въ ряды новыхъ беллетристовъ. Всѣ описанія природы, всѣ картины разсказа онъ пропускаетъ съ удивительной выдержанностью сквозь призму больного мечтателя, все это окрашиваетъ его восторженными настроеніемъ и настолько властно подчиняетъ ему читателя, что онъ невольно какъ бы переносится въ атмосферу чуднаго утра Троицна дня въ окрестностяхъ Цюриха. Этотъ прекрасный приемъ, всего ярче создающій настроеніе, съ такою рѣшительностью провозглашенъ только въ послѣднее десятилѣтіе.

Другая черта, какою Гауптманъ не менѣе далеко обогналъ современность,—это сокращеніе внѣшней характеристики героя, устраненіе дѣловыхъ подробностей его прошлаго и настоящаго,—вплоть до упоминанія объ его имени,—«оголеніе психолога» въ интересахъ цѣльности захвата читателя только внутреннимъ миромъ своего героя. Это тоже характерный приемъ модернистовъ.

Справедливо замѣчаніе Вернера, что, выступивъ разъ въ жизни въ качествѣ разсказчика, Гауптманъ словно хотѣлъ создать образцы для двухъ видовъ современной новеллы: ирачно-реалистическаго, провин-

мутаго голодной нуждой или ужасомъ, и такого, который весь слагается изъ пастросній и душевныхъ аккордовъ, по временамъ до того прозрачныхъ и духовныхъ, что въ памяти не остается никакого образа, хотя Гауптманъ придавъ и имъ пластически-художественную видимость.

Со стороны техники «Апостолъ» много совершеннѣе «Тилля». Мастерство беллетриста навсегда осталось за Гауптманомъ. Былой беднотой чувствуется въ тѣхъ многочисленныхъ и часто истинно-художественныхъ ремаркахъ, которыя онъ дѣлаетъ для актера въ своихъ драмахъ. Въ изобиліи онѣ испещрили раннія его драмы, и что посейчасъ Гауптманъ не считаетъ этого ошибкой начинающаго драматурга, мы видимъ изъ того, что одна изъ совсемъ недавнихъ пьесъ, какъ «Роза Беридъ», пестритъ такими примѣчаніями ничуть не меньше, чѣмъ «Предъ восходомъ солнца» или «Праздникъ мира».

АПОСТОЛЬ.

Въ Цюрихъ онъ пришелъ поздно вечеромъ. Комнатка подъ крышей въ «Голубѣ», немного хлѣба и чистой воды на сонъ грядущій—вотъ и все, что было ему нужно.

Онъ спалъ беспокойно и недолго; въ пятомъ часу утра онъ уже былъ на ногахъ. У него болѣла голова. Онъ приписывалъ это вчерашнему переѣзду по желѣзной дорогѣ. Для того, чтобы выдерживать такія поѣздки, надо имѣть не нервы, а веревки. Онъ ненавидѣлъ желѣзныя дороги, эту вѣчную стукотню, шумъ и трескъ, безпрестанную смѣну картинъ; онъ ненавидѣлъ ихъ и вмѣстѣ съ ними большинство такъ-называемыхъ благодѣяній такъ-называемой культуры.

Одинъ уже туннель Сенъ-Готарда—настоящая пытка. Сидѣть неподвижно въ вагонѣ, при свѣтѣ мерцающей лампочки, и знать, что надъ твоей головой висится страшная каменная громада... А тутъ еще этотъ стукъ, наполняющій уши, потрясающій мозгъ. Отъ такой пытки можно сойти съ ума! Трудно повѣрить, что съ нимъ сдѣлалось, какой страхъ на него напалъ, когда этотъ шумъ на минуту прекратился, и потомъ вдругъ снова поднялся неистовый трескъ и топотъ, точно цѣлый адъ бѣшено ринулся на него... Нѣтъ, никогда въ жизни не поѣдетъ онъ больше черезъ Готардъ!

У человѣка только одна голова на плечахъ. Стоитъ ей помутиться немного, стоитъ подняться тамъ этому гудѣнію, точно въ пчелиномъ ульѣ — и дьяволъ останется доволенъ: все выйдетъ изъ границъ, потеряетъ равновѣсіе и, точно съ дѣлп сорвавшись, своевольно бросится вразсыпную.

Всю ночь это его мучило, теперь, должно-быть, перестанетъ. Ясное, холодное утро сдѣлаетъ свое дѣло. Впрочемъ, отсюда онъ пойдетъ въ Германію уже нѣшкомъ.

Онъ умылся и одѣлся. Завязывая ремни сандаліи, онъ

бѣгло припомнилъ, какъ онъ додумался до этого костюма, отличавшаго его отъ всѣхъ другихъ людей; передъ нимъ прошла фигура мастера Диффенбаха. Потомъ однимъ скачкомъ онъ погрузился въ дѣтство: онъ увидѣлъ себя самого идущимъ въ школу, въ такъ-называемомъ нормальномъ костюмѣ; изъ-за прилавка аптеки выглядывала плѣщивая голова отца и добродушно подсмѣивалась надъ формой сына. Недаромъ мать говорила всегда, что ужъ папа-то не заболѣетъ ппохондріей. Изъ-за лысины старика выдвинулось молоденькое женское личико. Какая чудовищная разница! Странно, что онъ раньше не замѣчалъ этого.

Саидалии были укрѣплены. Поверхъ бѣлой фланелевой рясы онъ опоясался веревкой и повязалъ шнурокъ вокругъ головы.

Въ сѣняхъ гостиницы висѣло старое зеркало. Проходя мимо, онъ на мгновеніе остановился поглядѣть на себя. Дѣйствительно — онъ имѣлъ видъ апостола. Длинные бѣлокурые волосы; густая, рыжая, клинообразная борода; смѣлое, строгое и въ то же время безконечно кроткое лицо; бѣлая монашеская ряса, не стѣсняющая свободы движеній его красиваго, стройнаго, гибкаго, закаленнаго солдатской выправкой тѣла.

Онъ съ удовольствіемъ оглядывалъ себя. Почему бы и нѣтъ? Отчего бы ему и не восхищаться самимъ собой? Вѣдь восхищается же онъ природой на каждомъ шагѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вѣдь, странствуя по свѣту, онъ все время переходитъ отъ чуда къ чуду, и вещи, незамѣтныя для другихъ, вызываютъ въ немъ священный трепетъ.

Къ тому же это нововведеніе, въ сущности, только дополняетъ костюмъ. Легко можно подумать, что шнурокъ на головѣ повязанъ, чтобы поддерживать волосы. Не всякій замѣтитъ, что онъ походитъ на вѣнчики вокругъ ликовъ святыхъ. Да святыхъ и нѣтъ больше, или, лучше сказать: ореолъ святости подобаетъ каждому созданію природы, даже самому маленькому цвѣточку или жучку, и только глазъ профана не замѣтитъ вокругъ всего живущаго этого сіянія святости.

Улица была еще пустынна. Только солнце обливало ее своими лучами; тамъ и сямъ на землю ложились длинныя, слегка косыя тѣни домовъ. Онъ свернулъ въ узкій боковой проулокъ и вскорѣ очутился между лугами съ одной стороны и фруктовыми садами съ другой.

Изрѣдка попадался старомодный домикъ, съ остроконечной

крышей, съ узенькимъ, сплошь заросшимъ цвѣтами пали садникомъ; потомъ опять пали луга и виноградники. Мѣстами воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ бѣлаго жасмина, голубой бузины и темно-красной лагфіоли, и онъ съ наслажденіемъ вливалъ въ себя этотъ воздухъ, чистый и крѣпкій, будто настоенное на прикостяхъ вино.

Съ каждой минутой онъ чувствовалъ себя свободнѣе.

Природа имѣла для него неодолимо-притягательную силу; оглядываясь кругомъ, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто изъ сердца у него вынули занозу. Окружающій свѣтъ разсѣялъ мракъ его души. Желтые головки львиного зѣва, подобно безчисленнымъ маленькимъ солницамъ, выглядывавшія изъ молоденькой травки по краямъ дороги, почти ослѣпляли его. Косые лучи солнца, прорѣзывая цѣлѣный дождь, ниспадавшій съ фруктовыхъ деревьевъ, золотыми блестками ложились на лугъ. Березы испускали сладкій медовый запахъ. Столько жизни, довольства и трудолюбія сказывалось въ звонкомъ жужжаніи раннихъ пчелокъ!

По пути онъ заботливо избѣгалъ уничтожить или повредить что-нибудь, въ чемъ таилась жизнь. Онъ обходилъ каждаго маленькаго жучка, осторожно отгонялъ отъ себя надоедливую осу. Онъ любилъ братской любовью даже мухъ и комаровъ, и убить хотя бы обыкновеннѣйшую паустяную гусеницу казалось ему тяжкимъ преступленіемъ.

Онъ подбиралъ въ пыли полуувядшіе цвѣты, брошенные дѣтскими руками, съ тѣмъ, чтобы гдѣ-нибудь поставить ихъ въ воду. Самъ онъ никогда не рвалъ ни розъ ни фіалокъ, ибо терпѣть не могъ вѣнковъ и букетовъ; онъ любилъ видѣть каждую вещь на своемъ мѣстѣ.

На душѣ у него было легко и спокойно. Жалѣлъ онъ только о томъ, что не можетъ видѣть самъ себя. Онъ, съ его величавой осанкой, раннимъ утромъ взбирающійся на гору: вѣрнѣе это могло бы вдохновить великаго художника. И мысленно онъ уже видѣлъ картину...

Онъ оглянулся, — не было ли поблизости какого-нибудь челоувѣческаго существа, чтобы полюбоваться имъ. Но ни души не было видно.

А странный шумъ и голоса — не то въ ухахъ, не то въ головѣ — онъ самъ не могъ хорошенько опредѣлить, гдѣ именно — опять давали себя чувствовать. Это мучило его уже нѣсколько недѣль. Наверное, это приливы крови къ мозгу. Надо бѣгать, напрягать мускулы, заставить кровь быстрѣй бѣжать по жиламъ...

И онъ ускори́лъ шаги.

Мало-по-малу онъ поднялся такъ высоко, что крыши домовъ оказались далеко внизу, у его ногъ. Онъ стоялъ спокойно и отдыхалъ, любясь всѣмъ этимъ везиколѣпиемъ. Оно потрясало его. Онъ былъ глубоко растроганъ. Долго впивался онъ восхищеннымъ взоромъ въ прекрасную даль, долго обводилъ имъ окрестность. Напротивъ высилась гора; ея морщинистые, изрытые трещинами склоны до самой вершины поросли ябжно́й и густой, какъ щетка, травой. Въ глубинѣ долины синѣло озеро, съ отлогими, похожими на зеленый коверъ, берегами; вездѣ, куда простиралась живительная сила воды, росли цвѣты. Отдѣльные домики, виллы и цѣлыя деревни тонули въ зелени; окна блестяли электрическимъ блескомъ; красныя крыши и башенки сверкали на солнцѣ.

Только на югѣ, вдали, вода и небо сливались вмѣстѣ въ серебристый туманъ; но и сквозь него, вырѣзываясь тонкими очертаніями на блѣдно-голубомъ фонѣ воздуха, расплывчатой серебряной цѣпью бѣлѣли снѣговыя вершины горъ.

На нихъ остановился его пристальный взоръ и покоился долго-долго. Когда онъ отвелъ наконецъ глаза, въ душѣ его не осталось никакой твердости. Все какъ-то ослабло и размягчилось. Слезы и рыданія дупили его.

Онъ пошелъ дальше.

Сверху, оттуда, гдѣ начиналась уже полоса буковъ, до него донесся крикъ кукушки: двѣ нотки равномерно и монотонно звенѣли въ воздухъ, то умолкая на минуту, то раздаваясь снова. Онъ шелъ дальше, раздумывая о самомъ себѣ.

Мистическое настроеніе, охватившее его подъ вліяніемъ природы, не было для него новостью, но никогда еще оно не имѣло такой власти надъ нимъ, какъ сегодня. Чувство природы видимо становилось въ немъ сильнѣе и глубже. Ничего не могло быть естественнѣе; изъ-за этого еще нечего было предаваться ипохондріи. Впрочемъ, и безъ того его мысли и чувства начинали снова крѣпнуть, принимать формы и укладываться стройными рядами. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ все попрежнему стало ясно и твердо въ его душѣ.

Онъ остановился и опять оглядѣлся вокругъ. Теперь его привлекалъ городъ внизу—привлекалъ и вмѣстѣ отталкивалъ. Онъ казался ему какимъ-то сѣрымъ, отвратительнымъ струпомъ, случайно занесеннымъ въ этотъ рай и распостранявшимъ заразу вокругъ.

Повсюду высились каменные громады, убивая скудную растительность, окружавшую ихъ.

Онъ понялъ, что человекъ—самый опасный изъ гадовъ. Да, это вѣдъ сомнѣнія: города—не что иное, какъ злокачественные наросты цивилизаціи. Видъ ихъ вызывалъ въ немъ боль и отвращеніе.

Дойдя до буковъ, онъ опустился на землю. Вытянувшись во всю длину, прижавшись головой къ землѣ, онъ вдыхалъ въ себя запахъ почвы и травъ; передъ глазами у него прозрачной стѣной стояли зеленые стебли. Блаженное чувство переполняло его душу—чувство безконечной любви, опьяняющаго счастья. Стволы буковъ казались ему серебряными колоннами. Надъ нимъ шумѣлъ и волновался зеленый навѣсъ листвы, пронизанной солнечными лучами. Вокругъ него все радовалось, ликовало, пѣло и смѣялось. Онъ закрылъ глаза и весь отдался наслажденію...

Въ памяти его встали опять грезы ночи. Сначала какая-то странная тревога, бѣшеніе сердца, потомъ возбужденное состояніе, вызывавшее въ мозгу образы, происхожденія которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить. Наконецъ пришло и воспоминаніе. Сумерки. Безконечная пыльная улица въ Италіи; знойное дыханіе еще не остывшей, раскаленной земли. Съ поля возвращаются крестьяне: мужчины, женщины, дѣти—загорѣлые, въ пестрыхъ лохмотьяхъ; ихъ жгучіе черные глаза горять болѣзненной жадной вѣры. По обѣимъ сторонамъ улицы бѣдныя, покосившіяся хижины. Въ воздухѣ стоитъ звонъ колоколовъ, призывающихъ къ вечерней молитвѣ. Самъ онъ, покрытый пылью, усталый, жаждущій, голодный, медленно идетъ улицей, а по сторонамъ ея люди падаютъ на колѣни, молитвенно складывая руки. Онъ кротокъ и великъ.

Все время, пока онъ лежалъ, эта картина стояла у него передъ глазами. Тревога, радость, священный трепетъ передъ Божествомъ бушевали въ его груди. Онъ поднялся, равный Богу.

Но, открывъ глаза, изумился: видѣніе мгновенно исчезло, разсѣялось, какъ смерть.

Въ глубинѣ лѣса онъ заглянулъ въ свое сердце и призывалъ себя къ отвѣту. Онъ упрекалъ себя за безумныя грезы, но онѣ являлись поминю его желанія и воли. Яркость этихъ грезъ пугала его,—но, быть-можетъ, его страхъ не имѣлъ основаній.

А между тѣмъ страхъ терзалъ его все сильнѣе, хотя

теперь ему было уже совершенно ясно, что бояться нечего.

Они действительно чтити его, какъ святаго, эти итальянцы, жители селеній. черезъ которыя онъ проходилъ. Они приносили ему своихъ дѣтей для благословенія. Почему же ему не благословлять? Вѣдь благословляютъ же священники. У него есть, что дать, и больше, чѣмъ у нихъ. Онъ давалъ одно слово—единственное дивное слово-алмазъ: Миръ! Это слово онъ и принесть людямъ; въ немъ было заключено все—все...

Запахъ крови висѣлъ надъ міромъ. Пролитая кровь—знакъ битвы. Шумъ этой битвы онъ слышалъ непрестанно, наяву и во снѣ. Братья убивали братьевъ, сестры—сестеръ. А онъ любилъ ихъ всѣхъ и, видя, какъ они ярятся, ломалъ руки въ отчаяніи и скорби.

Чтобы голосъ его гремѣлъ, какъ громъ—вотъ чего страстно желалъ онъ. Въ самый разгаръ битвы стать на скалѣ, на виду у всѣхъ, и крикнуть, и подать знакъ. Предостеречь отъ братоубійства, указать путь къ миру. Это—его долгъ, велѣніе его совѣсти.

Онъ знаетъ этотъ путь. Къ нему ведутъ ворота съ надписью на нихъ: Природа.

Ревность о счастьи людей и мужество вытѣснили страхъ изъ его сердца. Онъ шелъ, самъ не зная куда, проповѣдуя въ Духѣ, и говорилъ:

— Вы обжоры и пьяницы. На трапезахъ вашихъ вы, какъ людоеды, пожираете трупы животныхъ. Перестаньте бражничать! Перестаньте, нечестивые, убивать живыхъ тварей! Пусть вашей пищей будутъ плоды земли! Возьмите ваши пуховыя постели, шелковыя одѣяла, дорогую мебель и платья, снесите все въ одну кучу и бросьте туда факелы, чтобы всепожирающее пламя поднялось до самаго неба. А потомъ, когда сдѣлаете это, приходите ко мнѣ—приходите всѣ труждающіеся и обремененные и слѣдуйте за мной! Я поведу васъ въ страну, гдѣ буйволъ и тигръ пасутся рядомъ, гдѣ змѣи лишены яда, а пчелы—жалъ. Тамъ умереть въ васъ ненависть и будетъ жить вѣчная любовь.

Сердце его переполнилось. Бурнымъ, неудержимымъ потокомъ хлынули изъ устъ его рѣчи укора, утѣшенія и молебны. Все его тѣло дрожало въ страстномъ порывѣ. Съ невыразимой силой охватила его потребность излить свою душу, переполненную жаркой любовью. Онъ долженъ былъ проповѣдывать, хотя бы цвѣтамъ и птицамъ. Онъ чувство-

валъ, что сила его рѣчи должна быть неотразима. Стоить ему сказать слово—и эта бѣлка, что такъ беззаботно перепрыгиваетъ съ одного дерева на другое, спустится внизъ и покорно прильнетъ къ его ногамъ. Онъ зналъ это, зналъ навѣрное, какъ знаютъ, что камень, брошенный въ воздухъ, долженъ упасть на землю. Въ немъ была всемогущая сила—сила истины.

Лѣсъ неожиданно кончился.

Ослѣпленный, почти испуганный, словно пробудившись отъ крѣпкого сна, онъ оглядѣлся вокругъ. Но воображеніе его не переставало работать. Шаги его какъ-то сразу приняли опредѣленное направленіе. Отъ опушки лѣса дорога круто спускалась внизъ; онъ почти бѣгомъ сбѣжалъ по ней.

Самъ онъ себя представлялся солдатомъ, бѣгущимъ на приступъ. Остановиться было трудно. Сильное, быстрое движеніе что-то будило въ его груди: какую-то дикую радость, безумное воодушевленіе.

Потомъ пришло сознаніе, и онъ съ ужасомъ увидалъ себя опрометью сбѣгающимъ съ горы. Что-то въ немъ стремилось удержать его, загородить ему дорогу; но море уже прорвало плотину. Въ глубинѣ его души притаились, подавленные этимъ напоромъ, удивленіе, испугъ, какой-то безымянный ужасъ.

Тѣло его точно стало ему чужимъ и неистовствовало, какъ бѣшеное. Онъ билъ въ ладони, скрежеталъ зубами, топалъ ногами по землѣ. Онъ смѣялся — смѣялся все громче и громче, и никакъ не могъ остановиться.

Внезапно онъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя. Замирая отъ ужаса, онъ стоялъ, охвативъ стволъ молодой липы. Потомъ пошелъ дальше, но уже осторожно и все опасаясь, что *то* страшное, невѣдомое вернется. Но мало-по-малу у него на душѣ опять стало свободнѣе и легче, и въ концѣ концовъ онъ самъ началъ смѣяться надъ своимъ страхомъ.

Приближаясь къ первымъ домамъ города, подъ мѣрный звукъ своихъ шаговъ, онъ вспомнилъ свой полкъ и военную службу. Какъ часто, будучи лейтенантомъ, вступаъ онъ въ города, во главѣ своего отряда, подъ звуки боевого марша, съ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія въ сердцѣ. И едва успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ въ ушахъ его уже загремѣла сильная, рѣзкая музыка, столько разъ онынявшая его восторгомъ фанатика. Подъ вліяніемъ этой музыки, онъ невольно двигался въ тактъ, гордо неся голову и выпрямивъ грудь. На губахъ его играла побѣдо-

носная улыбка, глаза свѣтились оживленіемъ. Онъ маршировалъ, какъ въ былое время, прислушиваясь къ тому, что творилось у него въ головѣ, и удивлялся, что такъ ясно отличается каждый звукъ, каждую ноту, звукъ каждаго инструмента, вплоть до заключительнаго потрясающаго аккорда литавровъ и тарелокъ. Онъ самъ не зналъ—радоваться ему такой силѣ воображенія или пугаться ея. Безъ сомнѣнія, эта была особая способность. Талантъ къ музыкѣ у него былъ врожденный. Въ этой области онъ бы навѣрное могъ создать великое. Сколько вообще заглохло въ немъ силъ и способностей!.. Впрочемъ, это все равно. Всѣ искусства безсмысленны и вредны. У него другія задачи, болѣе важныя.

Навстрѣчу ему шла дѣвушка, въ голубомъ ситцевомъ платьѣ, съ розовымъ платочкомъ на груди, съ жестанкой въ рукѣ, наполненной, повидимому, молокомъ. Онъ скользнулъ по ней взглядомъ и замѣтилъ, какъ она при видѣ его остановилась и раскрыла глаза отъ изумленія; потомъ тихонько, съ почительной ноткой въ голосѣ, пожелала ему добраго утра. Онъ сдержанно и серьезно поблагодарилъ ее и прошелъ мимо.

Все въ немъ какъ-то сразу замерло. Онъ въ одно мгновеніе точно переросъ головой свои прежнія мелкія чувства и мысли. Въ ушахъ его еще раздавались какіе-то звуки, но это уже не была земная мелодія. Онъ испытывать такое чувство, какъ будто шелъ по водѣ, не погружаясь. Онъ самъ себя представлялъ такимъ великимъ и могучимъ, что долженъ былъ самъ себя проповѣдывать смиреніе. И при этомъ невольно вспоминалъ вступленіе Христа въ Іерусалимъ и слова: «Смотри: се Царь твой грядетъ къ тебѣ, кроткій!..»

Онъ чувствовалъ, что дѣвушка нѣсколько минутъ смотрѣла ему вслѣдъ. Почему то онъ все время старался держаться, по возможности, середины дороги, даже и тогда, когда, завернувъ за уголъ, попалъ въ большую, свѣтлую, идущую по наклону улицу. Словно подчиняясь какому-то принужденію, онъ внутренне еще и еще повторялъ: «Се Царь твой грядетъ къ тебѣ».

Ему чудились дѣтскіе голоса, пѣвшіе эти слова. Они вертѣлись у него на языкѣ, слышались ему въ невнятномъ шумѣ его собственнаго дыханія. Съ ними сливались крики: «Осанна!», шелестъ пальмовыхъ вѣтвей, возгласы радости и ликованія; вокругъ — блѣдныя, восторженныя лица. Потомъ, внезапно—снова тишина, одиночество.

Онъ съ изумленіемъ поднялъ глаза. Кругомъ — точно пустыя кулисы. Направо и нѣлѣво — каменные дома, сонныя, спокойныя, безмолвныя. Онъ обвелъ вокругъ себя испытующимъ взглядомъ. Дома стояли прочно, картина не исчезала, и мало-по-малу его душевный міръ началъ подчиняться вліянію дѣйствительности. Онъ точно отрезвился, сдѣлался опять маленькимъ, обыкновеннымъ.

Тамъ и сямъ отворялись окна, выглядывала голова служанки, вытряхивали коверъ. Студентъ съ черными волосами и пухлыми губами, — видимо, русскій, — сидя на подоконникѣ, вертѣлъ папироску. Улица постепенно оживлялась. Онъ шелъ, потупивъ глаза, но украдкой все время наблюдалъ за тѣмъ, что происходило. Нерѣдко ему случалось подмигивать веселую или дерзкую улыбку. Часто удивленіе прогоняло насмѣшку. Но онъ проходилъ — и опять звучалъ смѣхъ за его спиной, и вдогонку ему посылались язвительныя, колкія рѣчи.

Подъ градомъ этихъ насмѣшекъ и уколовъ, его радужное настроеніе съ каждымъ шагомъ блекло, замѣнялось обыкновеннымъ, будничнымъ. Спазма сжимала ему горло. Въ груди просыпалось знакомое чувство горькой, безнадежной тоски. Толстой стѣной, непреодолимой преградой вставала передъ нимъ ужасная слѣпота людская.

Но теперь ему казалось, что лгать самому себѣ бесполезно. Очевидно, онъ только мелкая, узкая, пошлая натура. Всѣ эти гоненія и насмѣшки — заслуженныя: онъ получаетъ только должное. Минутами ему становилось до боли стыдно, точно его изобличили во лжи, и хотѣлось убѣжать на край свѣта, куда-нибудь скрыться, спрятаться, вообще какъ-нибудь положить конецъ своей жизни.

Будь онъ теперь одинъ, онъ тотчасъ сорвалъ бы этотъ шнурокъ, обвивавшій его голову на подобіе сѣнныя вокругъ ликовъ святыхъ, и сжегъ бы его. Онъ сгораетъ отъ стыда; ему казалось, что на головѣ у него дурацкій колпакъ.

Теперь онъ шелъ по безконечному лабиринту узкихъ, извилистыхъ переулковъ, куда не проникало солнце. Его вниманіе привлекло окошко пекарни, заваленное булками. Онъ открылъ стеклянную дверь и вошелъ. Булочникъ и булочница удивленно смотрѣли на него; онъ ничего не сказавъ, выбралъ маленький хлѣбецъ и вышелъ.

У дверей уже собралось нѣсколько человѣкъ любопытныхъ, какая-то старуха, дѣти, мальчишка изъ мясной лавки съ лоткомъ на плечѣ. Онъ бѣгло окинулъ взглядомъ ихъ

лица; въ нихъ не было ничего дерзкаго; они разступились и дали ему дорогу.

Съ какимъ выраженіемъ всё они смотрѣли на него! Прежде всего булочникъ съ женой... Какъ будто онъ взялъ хлѣбецъ не для того, чтобы съѣсть его, но чтобы сотворить съ нимъ чудо. Эти люди ждали его у дверей? Вѣдь должна же быть какая-нибудь причина! И теперь этотъ шопоть и топоть сади. Зачѣмъ они бѣгутъ за нимъ? Зачѣмъ преслѣдуютъ его?

Онъ напряженно прислушивался и скоро понялъ, что за нимъ бѣжитъ толпа дѣтей. Онъ наискось переходилъ улицы, пересѣкалъ маленькія площади со старыми колодцами, нарочно возвращался назадъ и мѣнялъ направление, но свита дѣтей неотступно слѣдовала за нимъ.

Зачѣмъ они бѣжали за нимъ, не довольствуясь тѣмъ, что видѣли его? Или ждали отъ него большаго? Надѣялись узнать отъ него нѣчто новое, необычное, чудесное? И миновало: этотъ однотонный, торопливый топоть дѣтскихъ ногъ говорить о твердой вѣрѣ,—больше того: объ увѣренности. И вдругъ ему стало ясно, почему пророки, истинно великіе и чистые люди, такъ часто подъ конецъ становились низкими обманщиками. Имъ вдругъ овладѣла жгучая потребность сдѣлать что-нибудь необычайное, сотворить чудо, и величайшій позоръ казался ему ничѣмъ въ сравненіи съ сознаніемъ своего безсилія.

Онъ успѣлъ уже дойти до набережной, а дѣти все бѣжали за нимъ. Нѣкоторыя бѣжали рысью, тѣ, что постарше, дѣлали непомѣрно большіе шаги, чтобы поспѣть за нимъ. Перебрасывались между собой отрывистыми словами, благоговѣйнымъ шопотомъ, какъ въ церкви. До сихъ поръ ему не удалось разобрать, что они говорили между собой. Потомъ вдругъ онъ совершенно явственно слышалъ слова: «Исусъ Христосъ».

Какое-то волшебство было въ этихъ словахъ. Они дали ему подъемъ, новыя силы; онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ.

Надъ Исусомъ смѣялись, били Его, плевали Ему въ лицо, пригвоздили Его къ кресту. Презрѣніе и насмѣшки — награда пророковъ. Его собственныя страданія такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ и думать. Мелкіе, трусливые булавочные уколы. Только нѣженка можетъ погибнуть отъ нихъ.

Онъ здѣсь для борьбы. По ранамъ узнаютъ побѣдителя. Гоненія, насмѣшки, издѣвательства—да есть ли на свѣтѣ

лучше, выше знаки отличія? Съ такими знаками отличія на груди можно смотрѣть гордо и смѣло. И кромѣ того «пзъ устъ дѣтей и младенцевъ совершилъ Ты хвалу».

Передъ лоткомъ торговли апельсинами онъ остановился. Приостановились и дѣти; съ крыльца ратуши глазѣла на него толпа зѣвакъ. Онъ охотно купилъ бы себѣ фруктовъ безъ всякихъ разговоровъ. Но люди эти напряженно ждали отъ него слова; онъ робѣлъ и смущался. Вѣрное чувство подсказывало ему, что надо шадить ихъ иллюзію, что отъ того, какъ и что онъ скажетъ, будетъ зависѣть, послѣдуютъ ли за нимъ его слушатели или, обманутые въ своихъ надеждахъ, отвернутся отъ него. Избѣжать этого было невозможно: словоохотливая торговка слишкомъ много болтала и разспрашивала; надо было наконецъ заговорить.

При первыхъ же звукахъ своего голоса онъ успокоился и ободрился; въ нихъ было что-то глубокое и пѣвучее, какое-то величавое и вмѣстѣ грустное достоинство, которое— онъ былъ въ томъ убѣжденъ—должно было произвести впечатлѣніе. Онъ никогда еще не слыхалъ у себя такого голоса; онъ говорилъ и самъ наслаждался своей рѣчью, какъ пѣвецъ своимъ пѣніемъ. На мосту, о свая котораго бились зеленовато-синія волны озера, онъ опять остановился. Перегнувшись черезъ перила, онъ впивалъ въ себя свѣтъ, краски и свѣжесть утра. Рѣзкій, бодрящій вѣтеръ, подымавшійся съ озера, развѣивалъ ему бороду по плечамъ, освѣжалъ голову и грудь, словно холодная ванна.

Подъ вліяніемъ этого радостнаго, смѣлаго подъема духа въ немъ складывалось твердое рѣшеніе. Время приспѣло. Неизбѣжное должно было свершиться. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу встрихнуть человечество. Да! они могутъ смѣяться, и гнать, и презирать его,—все же онъ освободитъ ихъ—всѣхъ, всѣхъ!

Онъ испытующимъ взоромъ заглянулъ въ свою душу. Что это должно случиться, было несомнѣнно; дакъ — это надо было еще обдумать. Сегодня празднуютъ Троицынъ день: это хорошо. Въ этотъ день Духъ Святой огненными языками сошелъ на апостоловъ. Праздничное настроеніе обусловливаетъ воспримчивость. Въ такіе дни души людей подобны вспаханной и подготовленной нивѣ.

Онъ все болѣе и болѣе углублялся въ свою душу, пока не достигъ той области, гдѣ все было далеко, высоко, безконечно. Онъ весь ушелъ въ этотъ второй міръ своей души и двигался бессознательно, словно во снѣ. Изъ всего окру-

жающего до сознанія его доходилъ только топотъ маленькихъ дѣтскихъ ногъ позади.

Шумъ ихъ шаговъ постепенно усиливался, какъ будто къ немногимъ, бѣгущимъ за нимъ, присоединились другіе. Онъ становился все громче и громче, словно изъ единицъ образовывались сотни, а изъ сотенъ—тысячи.

Это привлекло его вниманіе; теперь ему уже казалось, что за нимъ галопируетъ цѣлое войско.

Отъ сотрясенія земли мурашки бѣгали у него по ногамъ, отъ пятокъ къ лодыжкамъ. Онъ слышалъ позади себя прерывистое, свистящее дыханіе, горячій, торопливый шопотъ. Онъ слышалъ возгласы ликованія, отрывистые, сдержанные; но все же они разносились далеко вокругъ и замирали вдали, подобно эху.

Онъ хорошо зналъ, что это значило. Но онъ не ожидалъ, чтобы оно пришло такъ поразительно скоро. Гордое чувство власти надъ этою толпою вливалось жгучей волной въ его жилы, и сознаніе неизмѣримой, неслыханной отвѣтственности давило его не тяжеле, чѣмъ шнурокъ на его головѣ. Вѣдь онъ, онъ былъ ихъ вождемъ. И зналъ, какой дорогой вести ихъ. Радостный порывъ его души говорилъ ему, что близокъ часъ, когда онъ дастъ имъ то конечное счастье міра, котораго люди-слѣпцы столько вѣковъ искали напрасно, утопая въ крови.

Онъ шелъ впереди—наконецъ! А по пятамъ его, словно морскія волны, стремились народы. Глаза миллиардовъ людей были съ упованіемъ обращены на него. Послѣдній, кто смѣялся надъ нимъ, давно умолкъ. Послѣдній, кто презиралъ его, сдѣлался миеомъ.

Онъ шелъ впереди, шелъ по направленію къ горамъ. Тамъ, наверху, былъ предѣлъ; за нимъ лежала земля, гдѣ счастье вѣчно покоилось въ объятіяхъ міра. Уже и теперь это счастье охватило его съ такою силой, что онъ понималъ, какіе желѣзные мускулы надо имѣть, чтобы вынести его.

Онъ обладалъ ими, онъ былъ атлетомъ. Онъ жилъ каждымъ нервомъ, расправляя крылья, наслаждаясь собственной силой.

Ему пришла охота поиграть скалами и деревьями. Но за нимъ шумѣли шелковыя знамена; его настигала, снѣжа и волнуясь, необъятная масса людей.

Они авали, манили къ себѣ, кивали ему; черныя, синія, красныя знамена рѣяли въ воздухѣ; блондурные локоны

женщины развѣвались по вѣтру; темныя и сѣдыя головы склонялись; нервно вздымались упругіе мускулы на обнаженныхъ рукахъ; очи, горящія чистымъ пламенемъ вѣры, были возведены къ небу или устремлены на него—на него, идущаго впереди.

И вотъ наконецъ онъ выговорилъ тихо, едва слышно, священные, заветныя слова: «Миръ всего міра!» Но они было услышаны и переходили изъ устъ въ уста. Надъ толпою стоялъ ропотъ умиленія и торжества; издалека вѣтеръ принесъ первые аккорды начинающагося хора. Глухо рокотали трубы, робко и тихо пѣли человѣческіе голоса; но вдругъ точно пала преграда, и къ небу вознеслась громкая, побѣдная пѣснь, словно тысячи органовъ загремѣли разомъ. Пѣснь эта была вся—жизнь, вся—буря; но мелодія была старая, знакомая ему: «Хвалите Господа съ небесъ!»

Онъ пришелъ въ себя. Сердце его стучало, какъ молотокъ. Онъ готовъ былъ разрыдаться. Передъ глазами у него мелькали какія-то бѣлыя точки. Весь онъ былъ точно разбитый.

Онъ опустился на скамью и началъ ѣсть купленный имъ хлѣбецъ. Потомъ очистилъ апельсинъ и приложилъ холодную корку къ пылающему лбу. Самый плодъ онъ съѣлъ съ благоговѣніемъ.

Руки его устало опустились. Ему хотѣлось бы отдохнуть немного, уснуть. Да, если бы это было такъ легко! Какъ отдыхать, когда въ головѣ шумить, а мысли бродятъ и волнуются безъ конца; когда сердце рвется наружу; какая-то сила неудержимо тянетъ въ невѣдомую даль; когда у человека есть миссія, которую онъ долженъ выполнить, — а люди ждуть его, ломаютъ себѣ головы, не понимая, зачѣмъ онъ медлитъ. Какой тутъ отдыхъ и сонъ, когда необходимо дѣйствовать!

Онъ переживалъ тяжелое состояніе. Все вопросы, вопросы,—и всегда безъ отвѣта. Сѣрая, томительная пустота и по временамъ какія-то болѣзненные паузы въ мышленіи. Ему вспомнились такъ-называемые колодцы-журавли. Тамъ бываетъ иногда то же: вы стоите, дергаете изо всей силы за веревку, но колесо упрямо не хочетъ вертѣться. Вы упираетесь тверже, дергаете сильнѣе. Ведро необходимо вытащить. Вы задыхаетесь отъ жажды. А колесо не подается—ни взадъ ни впередъ. Это было мученіе, пытка,—почти физическое страданіе. Послышались шаги — онъ

обрадовался имъ, какъ избавленію. Богъ ты мой! Чтò за фантазія въ самомъ дѣлѣ—спать теперь!

Онъ всталъ, дивясь, какимъ образомъ онъ очутился въ своей камерѣ, и отворилъ дверь въ коридоръ. Онъ зналъ, что тамъ за дверью стоитъ его мать, и надо пустить ее. Она вошла и смотрѣла на него съ изумленіемъ, сіяя радостью; губы ея дрожали, она молитвенно сложила руки. Онъ возложилъ ей руки на голову, сказалъ:—«встань!»—и вотъ—она встала и пошла. И когда она выпрямилась, онъ понялъ, что это не мать его, а *Она*—страдалецъ изъ Назарета. Онъ не только испѣлилъ Его, онъ Его оживилъ. Погребальныя пелены еще обвивали тѣло Іисуса. Онъ подошелъ къ Нему вплотную и вошелъ въ Него. Въ этотъ моментъ раздалась неопиcуемая дивная музыка. Онъ совершенно ясно чувствовалъ, какъ таинственнымъ образомъ тѣло Іисуса растворяется въ его тѣлѣ. Онъ увидѣлъ учениковъ, искавшихъ Его. Изъ нихъ выдѣлился Петръ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Учитель!

— Это Я,—былъ отвѣтъ.

Петръ подошелъ ближе, совсѣмъ близко, дотронулся до своего глазного яблока и началъ вертѣть его: апостолъ вертѣлъ земной шаръ. Насталъ часъ показаться народу. Онъ вышелъ на балконъ. Внизу волновалась толпа, и сквозь шумъ и ропотъ человѣческаго моря одинъ единственный тоненькій дѣтскій голосокъ пѣлъ: «Христосъ воскресъ!»

Но только запѣлъ голосокъ, какъ желѣзная рѣшетка балкона подалась впередъ...

Онъ сильно испугался, вскочилъ, протеръ глаза и понялъ, что заснулъ на скамьѣ.

Было, должно-быть, около полудня. Онъ хотѣлъ опять подняться наверхъ, въ буковый лѣсъ, чтобы выждать время. Тамъ, съ высоты небесъ, его благословитъ солнце.

Онъ сталъ подниматься на гору. Воздухъ былъ попрежнему чистъ и прохладенъ. Птицы пѣли хвалы Творцу. Небо казалось блѣдно-голубымъ, опрокинутымъ хрустальнымъ колпакомъ. Все было такъ ново, такъ ненорочно!

И самъ онъ былъ не тотъ, что прежде, — новый. Онъ взглянулъ на свою руку — это была рука Бога. А какъ свободенъ и чистъ былъ его духъ! А эта непринужденность движеній всѣхъ членовъ его тѣла, эта полная внутренняя увѣренность и отсутствіе угрызений! Раздумье и сомнѣнія были теперь далеко! Онъ сострадательно улыбался, думая

о философахъ здѣшняго міра. Всѣ ихъ мудрыя измышленія такъ же мало могутъ создать что-нибудь, какъ не можетъ ребенокъ подняться на воздухъ съ помощью одѣхъ только своихъ маленькихъ ручекъ.

Нѣтъ, нѣтъ: для этого нужны крылья,—широкія, могучія крылья орла и сила Бога!

Онъ несъ въ головѣ словно драгоценный алмазъ гигантской величины, освѣщавшій яркимъ свѣтомъ всѣ темныя пропасти и бездны: мракъ исчезалъ при его приближеніи... Наступалъ разсвѣтъ истины, знанія.

Въ церквахъ зазвонили въ колокола. Могучіе звуки понесли въ пространство. Казалось, воздухъ заговорилъ на своемъ собственномъ языкѣ.

И онъ слегка наклонился впередъ, прислушиваясь къ этому звону, точно къ голосу стараго друга: вѣдь это былъ Богъ Отецъ, говорящій со Своимъ Сыномъ.

Оглавление

I тома.

I. Соціальныя драмы и проза.

	стр.
Гергартъ Гауптманъ, этюдъ проф. <i>Н. А. Котляревскаго</i>	3
Предъ восходомъ солнца	27
Ткачи.	107
Вобровая шуба	181
Красный пѣтухъ	243
Возчикъ Геншель.	305
Роза Берндъ.	371

II. Проза.

Стрѣлочникъ Тиль	443
Апостоль.	477